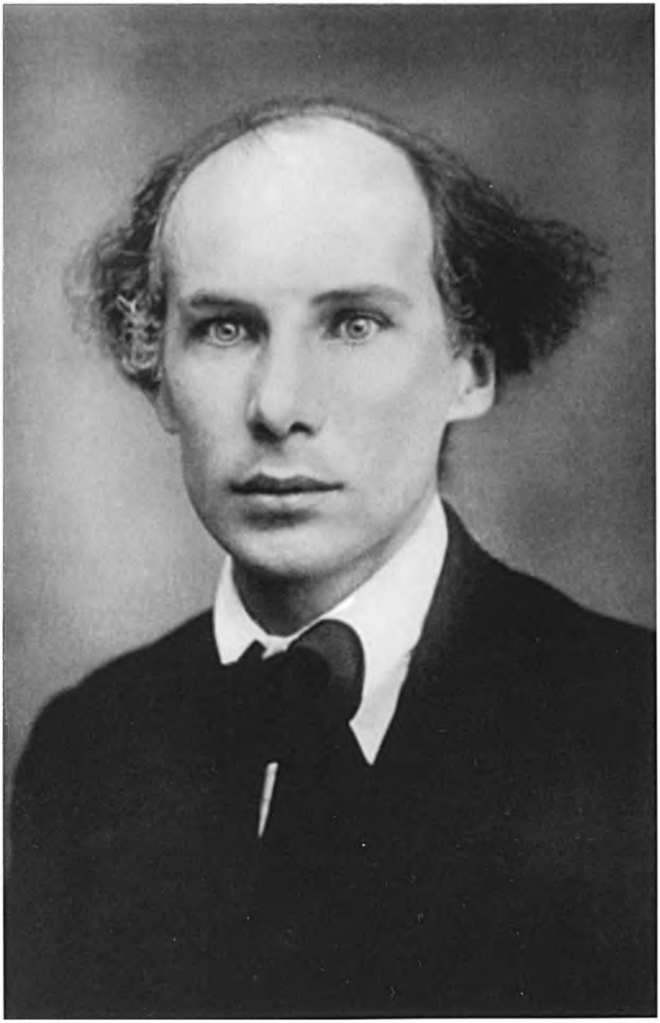
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

1

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Гуманитарное агентство
«Академический Проект»,
Прогресс-Плеяда

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Том 1

Санкт-Петербург,
Москва
2006

*Вступительные статьи, составление,
подготовка текста и примечания
А. В. ЛАВРОВА и ДЖОНА МАЛМСТАДА*

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»

Издательство благодарит Российское авторское общество
за помощь в осуществлении издания

ISBN 5-7331-0317-5
ISBN 5-7331-0318-3

9 785733 103181

РИТМ И СМЫСЛ
Заметки о поэтическом творчестве Андрея Белого

Эпоха русского символизма воспринимается в историко-литературной ретроспекции прежде всего как эпоха расцвета и господства поэтического слова; центральная фигура, представляющая ее и в сознании многих современников, и в последующих поколениях, Александр Блок, — это поэт, исключительно и во всем, поэт даже в своих нестихотворных произведениях. Валерий Брюсов активно выступал как поэт и как романист и новеллист, но повсеместно оценивался прежде всего как поэт и поэтический «мэтр», а прозу его осмысляли как «прозу поэта». Федор Сологуб в равной мере и с равной силой выражал себя в прозе и поэзии, но его рассказы и романы во многом вырастали из образов, идеологем и мотивов, уже разработанных в его стихах. В этом отношении Андрей Белый, казалось бы, способен опровергнуть наметившуюся закономерность: в творческом наследии автора «симфоний», «Петербурга», «Котика Летаева» проза и по количественным параметрам, и по своей эстетической значимости явно доминирует над поэзией. Когда в некрологе Белому имя писателя было поставлено вровень с такими вершинными именами новейшей европейской литературы, как Марсель Пруст и Джеймс Джойс[1], его авторы (Б. Пильняк, Б. Пастернак, Г. Санников), разумеется, имели в виду свершения покойного на поприще художественной прозы. И все же напрашивающийся самоочевидный вывод, сформулированный непререкаемо и однозначно, был бы неточным и по сути глубоко неверным, игнорирующим индивидуальное своеобразие нашего автора и важнейшие изначальные особенности его творческой личности.

Первая книга стихов Андрея Белого «Золото в лазури», увидевшая свет весной 1904 г., содержала не только стихотворные, но и прозаические опыты (раздел «Лирические отрывки в прозе»). Эта особенность, обнаруживающая аналогии в ранее осуществленных сборниках русских символистов («Рассказы и стихи, кн. 2» Ф. Сологуба, 1896 г.; «Мечты и Думы» Ивана Коневского, 1900 г.), в данном случае наглядно отражала специфику творческих исканий Белого в пору становления его дарования: стихи и проза в них не разделялись резкой межой, а дополняли друг друга и даже способны были перетекать друг в друга, лишь преломляя на разные лады принципиально единую исходную образно-стилевую субстанцию. Из этого довлевшего над сознанием юного автора и взывавшего к оформлению и

---

[1] Известия. 1934. № 8, 9 января; Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология. СПб., 2004. С. 851.

воплощению архетипического прототекста постепенно выкристаллизовались «симфонии» — специфический жанр прозаического творчества, претендовавший на организацию словесного материала в соответствии с законами и приемами музыкальной композиции: «Северная симфония (1-я, героическая)» была написана в 1900 г., «Симфония (2-я, драматическая)» — в 1901 г., она же и стала литературным дебютом Андрея Белого (в 1902 г.). Опыты же, отвечавшие устоявшимся читательским представлениям о поэзии и прозе, в юношеском творчестве Белого были как две стороны одной медали; характерно, что в многостраничной рабочей тетради, в которой многие из них зафиксированы, проза и стихи, сочинявшиеся в 1897—1901 гг., распределены по двум разделам, следующим один за другим: «I. Лирические отрывки (в прозе)» и «II. Лирические отрывки (в стихах)». Столь же характерно, что в этой тетради многие стихотворения записаны Белым без графического членения на рифмующиеся строки, наподобие прозаических лирических отрывков; абзацами и пробелами выделены только строфы (точнее, строфоподобные фрагменты текста).

В юношеских опытах Белого уже со всей отчетливостью отразилась существеннейшая особенность его дарования — отсутствие четких демаркационных линий между прозаическими и поэтическими формами творчества: особенность, которой обычно отмечены реликтовые тексты архаичных исторических эпох, вновь воплотилась в писаниях модернистского автора, выказавшего способность не считаться с давно определившимися в культурном обиходе разграничительными вехами и барьерами. Многие стихотворные произведения Белого — в том числе такие крупные и значимые, как поэма «Христос воскрес», — не обнаруживают в себе тех закономерностей, которым должна отвечать стиховая организация текста и правомерно аттестуются как «рифмованная проза»[1]; ритмическая же организация поздних романов Белого такова, что эти произведения вполне подпадают под определение «метрическая проза», поскольку их текст укладывается в жесткий трехсложный метр. Прозаические произведения писателя щедро наделены теми образно-стилевыми приметами, которые отличительны для произведений стихотворных, и в этой синтезированной субстанции нередко видят важнейшее и самое бесспорное из достоинств его творчества: «... главная заслуга Андрея Белого состоит в том, что он явился создателем поэтической прозы. После Гоголя, великого мастера в области ритма, художника-поэта, который бессознательно упивался звучностью и ритмом поэтической прозы, Андрей Белый первый поставил сознательно себе задачу уловить новый стихийный ритм и передать в своей поэтической прозе»[2]. Стихотворения, романы, рассказы, «симфонии» и даже статьи Белого объединяются повторяющимися образами и мотивами, перетекающими из стихов в прозу и наоборот: цикл «Образы» (сб. «Золото в

---

[1] См.: *Гаспаров М. Л.* Об одном неизученном типе рифмованной прозы // Finitis duodecim lustris. Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 154—159.

[2] *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. М., 1922. С. 202.

лазури») перекликается с «Северной симфонией», деревенские стихи «Пепла» — с «Серебряным голубем», городские стихи «Пепла» — с «Петербургом» (тема маскарада, лейтмотивы *«красный», «мертвый», «кровавый», «плач»*), цикл «Зима» (сб. «Урна») — с «Кубком метелей», «Звезда» — с «Записками чудака», некоторые образы поздних стихов (*дом — каменный ком*, сравнение вселенной с рыбой) связаны с соответствующими образами «Москвы» и «Масок»[1]. Множество излюбленных Белым сравнений и метафор связывает его стихи и прозу, вплоть до почти цитатных совпадений; например, сравнение закатного света с леопардовой шкурой — в стихах «Золота в лазури» («У склона воздушных небес / протянута *шкура гепарда*»), в «Симфонии (2-й, драматической)» («Точно *леопардовая шкура* протянулась на Западе»), в 4-й «симфонии» «Кубок метелей» («световые пятна заката уже потухают: желтокрасною *леопардовой шкурой»)*, в статье «Феникс» («заря <...> напоминала *леопардовую шкуру*»), или образ облачной башни — в «Северной симфонии» («На востоке таяла одинокая розовая *облачная башня*») и в «Золоте в лазури» («На *башнях* дальних *облаков* / ложились мягко аметисты»), *«солнечный щит»* («Золото в лазури») и «*солнце* — златокованый *щит*» («Кубок метелей»), «*над крышей* вздыбился *воздушный конь*» («Кубок метелей») и «*Над крышею пурговый конь* / Пронесся в ночь» («Урна»), «*мраморный гром*» (роман «Серебряный голубь») и «морок *мраморного грома*» («Урна»), *«солнце — блещущий фазан»* («Урна») и *«солнышко, ясный фазан»* (роман «Крещеный китаец»), и т. д.[2] Проза и стихи Белого влекутся друг к другу, отображая в многоразличии формальных воплощений цельность исходного творческого импульса.

Существуют писатели, творчество которых правомерно рассматривать и осмыслять как становление некоего единого текста, открывающегося по мере воплощения разными гранями, но неизменно, при всех зигзагах идейной и духовной эволюции и причудах конкретных эстетических манифестаций, тяготеющего к своей целостной и неразложимой сути; Андрей Белый — один из них. Многие из современников осознавали эту особенность его творчества — поэтического, прозаического, философско-эстетического, критико-публицистического, теоретико-литературного, даже эпистолярного (многие письма Белого выдержаны в той же системе образно-стилевых координат, что и его тексты, предназначавшиеся для печати). «Произведения Белого нельзя рассматривать в отдельности, — писала чутко внимавшая писателю в начале 20-х гг. поэтесса Вера Лурье. — Они напоминают детали огромного полотнища, которое только в целом передает весь творческий замысел художника. Каждая книга Белого отражает малую грань огромного лика его; чтобы узнать автора, надо увидеть его во всей многогранности. Творчество его непрерывная цепь, где каждое произведение продолжает другое, каждое имеет свое место между двумя другими»[3]. Подчиненность каждого из звеньев, составляющих эту цепь, творимому целому, непрестанно наращиваемому и возобновляющемуся, лишает суверенитета «малые» тексты и ставит их в зависимость от умопостигаемого глобального

---

[1] *Кожевникова Н. А.* Язык Андрея Белого. М., 1992. С. 31.
[2] См : Там же. С. 38—39.
[3] *Лурье Вера.* О серебряном голубе // Дни. 1923. № 57, 7 января. С. 11.

текста, проецируемого авторским сознанием и чаще всего недовоплощенного (так, романы «Серебряный голубь» и «Петербург» мыслились как первая и вторая части трилогии «Восток и Запад», третья часть которой не была написана, роман «Котик Летаев» — как первая часть семичастного автобиографического цикла «Моя жизнь», в задуманном объеме также не реализованного, и т. д.).

Особенно зыбким оказывался суверенитет «малых» текстов в корпусе стихотворений Андрея Белого. Стихотворение, даже не претерпевая существенных внутренних изменений, подвергалось определенной смысловой коррекции благодаря включению в различные авторские циклические композиции — в цикл из нескольких стихотворений при первой публикации в журнале или альманахе, затем в раздел авторской книги, с означенным циклом, как правило, не соотносящийся, затем в раздел авторского собрания стихотворений, включающего материал нескольких книг, скомпонованный по-другому, в новое большое единство, имеющее мало общего с прежними композициями, предлагавшимися читателю. Существенно не меняясь, стихотворный текст мог утрачивать или обретать относительно самостоятельный статус. Лирическая поэма «Панихида» в девяти частях, опубликованная в 1907 г. в журнале «Весы», при подготовке книги «Пепел» была расформирована — из нее были выделены шесть стихотворений, каждое со своим заглавием, распределенные по двум разделам «Пепла» (три части поэмы впоследствии Белым не перепечатывались); поэма «Первое свидание», выпущенная в свет отдельным изданием в 1921 г., в составе итогового сборника «Стихотворения» (1923) представлена в виде десяти фрагментов, входящих в три цикла. И наоборот: в том же издании 1923 года появились поэмы «Железная дорога» (в десяти частях), «Бродяга» (в одиннадцати частях), «Деревня» (в тринадцати частях), «Мертвец» (в двенадцати частях); каждая из частей в этих произведениях соотносится, за единичными исключениями, со стихотворениями, ранее опубликованными в «Пепле» без обозначения какой-либо взаимозависимости между ними (новообразованные поэмы монтировались из стихотворений, входивших даже в разные тематические разделы «Пепла»).

Наблюдаемые закономерности, характеризующие творческую историю стихотворений и поэм Андрея Белого в аспекте их включения в различные авторские композиционные единства, остаются в силе и при рассмотрении видоизменений, которые претерпевали в огромном числе сами стихотворные тексты. Даже не подвергаясь радикальной переработке в плане образно-стилевом, не меняя своего лексического состава, стихотворение обретало несколько различных редакций — благодаря варьированию последовательности строф и строк. Достаточно показательный пример — стихотворение 1904 года, один вариант которого, под заглавием «На железнодорожном полотне», был отправлен в октябре 1904 г. в письме к Блоку[1], а другой опубликован в «Альманахе книгоиздательства "Гриф"» (М., 1905) как одиннадцатая часть цикла «Тоска о воле»:

---

[1] См.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919. М., 2001. С. 180—181.

На железнодорожном полотне

<I>
Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном потонула
Уж сеть телеграфных столбов.

<III>
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.
Привязанность, молодость, дружба
Промчались — развеялись сном.

<II>
Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

<IV>
Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век проволочу?
Улегся на рельсах железных.
Затих. Притаился. Молчу.

<VI>
Блеснул огонек еле зримый.
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

<V>
Зажмурил глаза. Но слезою —
Слезой увлажился мой взор.
И вижу — зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Тоска о воле
11

<I>
Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном потонула
Уж сеть телеграфных столбов.

<II>
Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

<III>
Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

<VI>
Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

<IV>
Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век проволочу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился — молчу.

<V>
Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой увлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

По лексическому составу эти два текста идентичны, различия между ними — лишь в композиционной последовательности строф (совпадают по местоположению только начальное и заключительное четверостишия), а также в последовательности строк во 2-й строфе первого, рукописного варианта и соответствующей ей 3-й строфе второго, опубликованного варианта. Это же стихотворение, будучи включенным в 1908 г. в «Пепел» под заглавием «На рельсах», обрело третий вариант текста, осуществленный почти исключительно посредством новой перестановки строф (произведенная попутно мелкая лексическая правка в трех строках существенных изменений не внесла): их последовательность в тексте «Пепла» обозначена римскими цифрами при каждой строфе в воспроизведенных выше двух ран-

них вариантах. Наш пример демонстрации вариативных элементов в пределах одного «малого» текста — из числа самых простых и наглядных; очень часто «монтажные» вариации у Белого сопровождаются значительными изменениями в словесной фактуре, сокращениями и наращениями текста, включением фрагментов, заимствованных из других стихотворений. Важно подчеркнуть при этом, что подобные случаи неравенства поэтического текста самому себе далеко не всегда свидетельствуют о существенных сдвигах, объясняемых общей творческой эволюцией автора; сплошь и рядом варианты и различные редакции текста не разделены большими хронологическими промежутками. Рассмотренные две версии одного стихотворения не имеют точных авторских датировок, но, безусловно, разрыв между ними не превышает нескольких месяцев: даже если посланное Блоку в октябре 1904 г. стихотворение «На железнодорожном полотне» было написано не осенью, а летом или даже весной этого года, то цикл «Тоска о воле», увидевший свет в начале 1905 г., не мог быть оформлен и сдан в печать позднее ноября — декабря 1904 г. Показательный в этом отношении пример — поэма «Первое свидание», написанная вчерне в июне 1921 г. и напечатанная в двух редакциях, существенно отличающихся друг от друга в композиционном плане, а также наличием ряда строк и более или менее пространных фрагментов, представленных только в одной из двух редакций: первый вариант текста был опубликован в берлинском журнале «Знамя», вышедшем в свет в середине августа 1921 г., второй (признаваемый «каноническим») вышел в свет отдельной книжкой в петроградском издательстве «Алконост» в начале октября того же года.

Зыбкость и вариативность межтекстовых и внутритекстовых связей в поэтическом наследии Андрея Белого, свидетельствующие о сугубой конвенциональности расположения составных элементов внутри целостного творческого универсума, в значительной мере компенсируются теми формами самореализации этого универсума, которые осуществляются на лексико-эвфоническом уровне. Все творчество Белого может быть осмыслено как многофункциональная система разнообразных повторов и лейтмотивов, и его произведениям в стихах, наряду с «симфониями», эта особенность присуща наиболее наглядным образом. Н. А. Кожевникова отмечает у Белого различные типы лексических и словообразовательных повторов — глаголов в повелительном наклонении («*Кропи, кропи* росой хрустальною!»), других глагольных форм («*Горит* заря, *горит* — И *никнет, никнет* ниже», «*Летит: и летит — и летит*»), прилагательных («*сухой, сухой, сухой* мороз»), существительных («Кидается на грудь, на плечи — *Чертополох, чертополох*»), наречий («*Туда, туда* — далеко / Уходит полотно»), прилагательных при меняющихся существительных («*Младых* Харит *младую* наготу»), однокоренных глаголов («О, *любите* меня, *полюбите*»), однокоренных существительных («*Покров*: угрюмый *кров*»), однокоренных слов разных частей речи, образующих тавтологический повтор («*дымным дымом*», «*краснеет красный* край»), прилагательных, объединяющих разноплоскостные слова («*Старый* ветер нивой *старой* / *Исстари* летит») и т. д.[1] Зачастую повторы такого рода достигают предельной концентрации, заполняя

[1] См.: *Кожевникова Н. А.* Язык Андрея Белого. С. 70—71.

собою почти все лексическое пространство поэтического текста. Столь же форсированно проводится звуковая организация — стихи перенасыщены внутренними рифмами, ассонансами, аллитерациями, паронимическими сочетаниями (соединениями разнокорневых слов по звуковой близости: «*Сметает смехом смерть*», «*Зарю* я *зрю* — тебя», «И моря *рокот роковой*»)[1]. Все эти приемы Белый эксплуатировал с безудержной щедростью, порой нарочито-искусственно выстраивая диковинные сочетания слов, и закономерным образом оказывался беззащитным перед критической отповедью: «Смысл иногда улетучивается, слышатся одни звуки»[2]. А. А. Измайлов в статье о книге «Урна» привел полностью стихотворение «Смерть», «до очевидности построенное на подборе однородных звуков, на аллитерациях и внутренней рифмовке», в обоснование своей мысли о том, что «А. Белый не влечет музыку стиха своею мыслью, но сам влечется ею»: «Здесь черновая работа стихотворца почти видна, как в стеклянном колпаке, ясны все его жертвы, принесенные музыке, видно, как ради рифмы и аллитерации он отвлекался в сторону от прямой дороги своей мысли»; «Как это ни странно, — от заботы о крайнем благозвучии один шаг до почти полной какофонии и косноязычия»[3].

Критик был бы безусловно прав в своих претензиях, если бы имел дело с автором, чья художественная мысль полностью вписывалась в сферу логически-дискурсивной семантики. Измайлов говорит о «музыке стиха», но не учитывает того, что в поэтической системе

---

[1] Там же. С. 224—225.

[2] *Иваск Юрий.* Похвала российской поэзии // Новый журнал. 1985. Кн. 159. С. 95. Ср., однако, суждения Р. Гуля в статье «О творчестве Андрея Белого»: «... "музыка", "звук слова" доведены им до невероятной вагнеровской силы. Книги Белого — звукопись. Белый не писатель, — "певец"» (*Гуль Роман.* Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Нью Иорк, 1973. С. 97).

[3] *Измайлов А.* Пленная мысль // Новое Слово. 1909. № 6. С. 114, 116; Андрей Белый: pro et contra. С. 160, 163. Отмеченные особенности давали благодарную пищу для пародий; ср., например, пародию Евг. Венского, в которой обыгрывается образная структура 2-й части стихотворения «Прости» («Покров, угрюмый кров...») из «Урны»:

> Альков, веселый льков.
> Альков всенощной нощи —
> Портьерой томной тьмы
> Нас скрыл, закрыл, укрыл.
> Тоща, как мощи, ты.
> Тоща, кащей те во щи!
> Как теща, тощи мощи.
> Ты тщетность красоты.
> Утечь прочь хочет ночь.
> Кишмишь ест мышь... томит.
> Мышь! Кышь! Глядишь, полночь —
> Тощищу к нам тащит,
>
> и т. д.

(*Венский Евгений.* «Мое Копыто». Книга великого пасквиля. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 93—94)

Андрея Белого эта непременная составляющая предполагает совсем особую организацию текста, общий смысл которого не является линейной суммой локализованных значений отдельных лексических единиц, формирующих текст. «Мне музыкальный звукоряд / Отображает мирозданье», — написал Белый в поэме «Первое свидание», и в этих словах — емкая формула того типа творческого мировидения, который находил свое воплощение во всех его произведениях. Изощренная звукопись, неожиданные и прихотливые словесные сцепления, вариации разнообразных повторов — все это формы воплощения определенного надтекстового всеединства, своего рода глоссолалической литургии или «радения», осуществляющегося «в некоем ассоциативном трансе»: «Стихи — кружащийся слововорот в непрестанном потоке звуковых подобий»[1]. Слово для Белого — субстанция текучая, непрестанно видоизменяющаяся; в нем — «буря расплавленных ритмов звучащего смысла»[2]. Этот динамический смысл, раскрывающийся посредством звукописи и лексических повторов, имеет эзотерическую, тайнозрительную природу — в полном согласии с канонами символистского мироощущения. Ю. М. Лотман, предпринявший анализ стихотворения Белого «Буря», насквозь «прошитого» разнообразными повторами (слов, словосочетаний, морфем, фонем), показал, что все они в конечном счете «сливаются как варианты некоторого высшего инварианта смысла», и сделал совершенно справедливый вывод о том, что Белый «ищет не только новых значений для старых слов и даже не новых слов — он ищет *другой язык*», который был бы способен соответствовать тем сверхэстетическим, «жизнетворческим», теургическим заданиям, которые ставил перед собой символизм: «Слово перестает для него быть единственным носителем языковых значений (для символиста все, что сверх слова — сверх языка, за пределами слова — музыка). Это приводит к тому, что область значений безмерно усложняется. С одной стороны, семантика выходит за пределы отдельного слова — она «размазывается» по всему тексту. Текст делается *большим словом,* в котором отдельные слова — лишь элементы, сложно взаимодействующие в интегрированном семантическом единстве текста: стиха, строфы, стихотворения. С другой — слово распадается на элементы, и лексические значения передаются единицам низших уровней: морфемам и фонемам»[3].

Многообразие форм манифестации «большого слова» предполагает сокрытие в тексте образов и имен, не имеющих прямых лексических обозначений, но растворенных на значительном пространстве словесной ткани и выявляемых через анализ анаграмматической структуры. В поэме «Первое свидание» описание героини, выведенной под вымышленным именем Надежды Львовны Зариной, включает ее зашифрованное настоящее имя — Морозова:

---

[1] *Хмельницкая Т. Ю.* Поэзия Андрея Белого // Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 40—41 («Библиотека поэта». Большая серия).

[2] *Белый Андрей.* Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин, 1922. С. 11.

[3] *Лотман Ю. М.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 440, 439.

Вдруг!...
Весь — *мура*шки и *мороз*!
*Ме*жду ресница*ми* — стреко*зы*!
В *озо*нных жилах — пла*мя роз*!
В носу — весенние *мимозы*!

Она пройдет — *озар*ена:
Огней *зарней*, неопалимей...
Надежда Львовна *Зарина*
Ее не *имя*, а — «*во-имя*!..»
Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные сл*езы*;
Во *взор*ах — г*ор*ний Сведенб*орг*;
Колье — ал*маз*ые *морозы*, <...>
А тайный *розов*ый огонь <...>
Блеснет, как северная даль,
В ск*воз*ные, веерные речи...[1]

В стихотворениях «Пепла» («Отчаянье», «Русь», «Родина» и др.) мотив смерти семантизируется на фонологическом уровне также с использованием приема анаграммирования (в ряде фрагментов: «Над о*тко*с*ами ко*с*я*т», «*ко*с*ма*т*ый* с*ви*нец», «*сухору*к*им ку*ст*ом», «ве*тви*ст*ым* ло*ску*т*ом» и др. — прочитывается: «Стикс» — река смерти в греческой мифологии) и разработанностью паронимии «ро» и «оро», подкрепленной сквозным «р» («народ», «пространство», «родина», «прорыдать», «горбатой», «пронзительно», «Россия», «бугров», «оторопь», «раздолье», «рассейся», «разбейся», «роковая» и т. д.)[2]. Выявление подобных скрытых закономерностей при анализе произведений Белого вдвойне оправдано потому, что сам автор зачастую не интуитивно, а вполне осознанно прибегал к ним в своей творческой практике; более того, иногда исходил из набора звуковых микроэлементов как импульса для развертывания последующих художественных построений. В записях «К материалам о Блоке» (1921) он, в частности, признавался: «Я, например, знаю происхождение содержания "Петербурга" из "*л-к-л — пп-пп — лл*", где "к" звук духоты, удушения от "*пп*" — "*пп*" — давление стен "Желтого Дома»; а "*лл*" — отблески "*лаков*", "*лосков*" и "*блесков*" внутри "*пп*" — стен, или оболочки *бомбы*. "*Пл*" носитель этой блещущей тюрьмы: А*полл*он А*поллоно*вич А*бл*еухов; а испытывающий удушье "*к*" в "*п*" на "*л*" блесках есть "*К*": Ни*к*олай, сын сенатора. — "Нет. вы фантазируете!" — "Позвольте же, наконец: *Я*, или не *я* писал «Петербург»?"...»[3] Сам Белый в статье «А. Блок» (1916) предпринял анализ словесной инструментовки поэта, впервые применив в нем метод выявления звуко-семантических констант; установив в третьем томе «Стихотворений» Бло-

[1] См.: *Топоров В. Н.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С 226—228.
[2] См.: *Йованович Миливое*. Вопросы поэтики «Стихов о России» Андрея Белого // Зборник Матице српске за славистику. Кн. 58-59. Нови Сад, 2000 С. 23—24.
[3] *Белый Андрей*. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 465.

ка аллитерационную доминанту «*рдт—дтр*», он предложил и свою интерпретацию синтезированного в ней смысла: «...в "*рдт*" форма Блока запечатлела трагедию своего содержания: трагедию отрезвления — трагедию трезвости <. > страшные годины России отвердели над Блоком; самосознание силится их изорвать; и раздается в трескучий, трезвонящий хруст его формы; в *ер-де-те* — внешнее выражение мужества и *трагедии трезвости*»[1]. Добавим, что то же «ер-де-те» выступает аллитерационной доминантой и в цитированных аналитических строках Белого (*тр*агедия о*тр*езвления, *тр*агедия *тр*езвости, *р*аздае*т*ся, *тр*ескучий, *тр*езвонящий х*р*ус*т*): аргументация дополнительно семантизируется изнутри, подтверждается на фонологическом уровне.

Интегрированность «малых» слов и составных лексических элементов в «большое слово» отображает существеннейшую особенность творческого сознания Белого — представление о мире подлинных ценностей, открывающихся в мистическом откровении, как о внутренне взаимосвязанном, иерархически организованном и телеологически предустановленном единстве. Одна из любимых его поэтических формул, неоднократно им цитируемая, — фраза из стихотворения Владимира Соловьева «Знамение»: «Одно, навек одно!». «Нет никакой раздельности. Жизнь едина, — постулировал Белый в статье «Апокалипсис в русской поэзии» (1905). — Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями мира — эти перегородки невещественны и немыслимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе. Множественность возникает как опосредование единства, — как различие складок все той же ткани, все тем же оформленной»[2]. Влечение к постижению этого изначального единства, отобразившегося в бесконечных вариациях явлений, диктует подход к любому «малому» высказыванию, наделенному своим локальным смыслом, как к заведомо неполному или даже условному обозначению того семантического контура, который открывается за ним, в сфере притяжения «большого слова». Последнее наполняет глобальным, не сводимым к однозначным лексическим формулировкам смыслом отдельные словесные единицы, претворяя частную, «малую», «словарную» семантику последних в нечто ускользающее и несущественное, в подобие тени слова, в звук, оказывающийся лишь отзвуком. В журнальной редакции текста поэмы «Первое свидание» строки:

И мнится: рой святых Ананд —
Меня венчает тайным даром:
Великий духом Дармотарра,
Великий делом Даинанд... —

---

[1] Там же. С. 443.

[2] *Белый Андрей.* Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. I. С. 375. Ср. слова П. А. Флоренского, применительно к Белому, о «гениальной интуиции тождества внутренней природы вещей и явлений по-видимому вполне разнородных» (*Флоренский П.* Соч.: В 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 420. Письмо к А. М. Флоренской от 23 марта 1936 г.).

отличаются от соответствующих им строк в отдельном издании поэмы:

> Меня оденет рой Ананд
> Венцом таинственного дара:
> Великий духом Даинанд,
> Великий делом Дармотарра...

«Дух» и «дело», предстающие атрибутами то средневекового буддийского логика Дармотарры, то индийского религиозного реформатора XIX в. Даинанда, оказываются в двух вариантах текста взаимозаменяемыми и по сути уравненными между собою, конкретное смысловое наполнение этих слов в пространстве текста играет сугубо подчиненную роль по отношению к их фонетическому сходству и их изоморфному положению в ритмико-синтаксической структуре стиха. Столь же взаимозаменяемы и Даинанд и Дармотарра, за которыми представительствуют не столько живые исторические индивидуальности, сколько фигуры «отображающего мирозданье» «музыкального звукоряда», парные звуковые вариации, рождающиеся при нисхождении и воплощении «большого слова»

Десемантизированность «малых» слов и их зависимое положение в пространстве энергетического излучения, исходящего от «большого слова», косвенным образом сказались в специфической трудности, которую испытывал Андрей Белый при выборе названий для своих книг и стихотворных разделов. В таких случаях возникала задача — редуцировать «большое» до «малого», до лаконичной формулировки, концентрировать беспредельность и многообразие «большого» смысла в «малом», — и Белый часто не находил в себе способностей для этого, колебался между множеством различных вариантов и охотно передоверял другим право окончательного выбора. В письме к В. Брюсову от 30 августа 1903 г. он предложил целый ряд заглавий для 1-й «симфонии» и для «Золота в лазури» (всей книги и составляющих ее разделов)[1], и, по всей вероятности, именно Брюсовым были даны окончательные формулировки. Известно, что заглавие «Петербург» «подарил» роману Белого Вяч. Иванов, взамен нескольких предварительно намечавшихся заглавий, между которыми колебался автор и не мог выбрать наиболее адекватного; подсказка Иванова очевидным образом помогла Белому и в выборе заглавия, по аналогии с «Петербургом», для своего более позднего повествовательного произведения — романа «Москва». Очень часто, давая названия своим стихотворениям, Белый отказывался «мудрствовать» и предпочитал самые общие и банальные обозначения, которые к тому же неоднократно повторялись, будучи прикрепленными к различным текстам: так, в корпусе его стихотворного наследия 5 стихотворений имеют заглавие «Вечер», 4 — «Воспоминание», 4 — «Жизнь», 4 — «Ночь», 4 — «Свидание», и т. д. Если бы в литературном обиходе было принято, как в музыкальных пьесах, обозначать произведения порядковыми номерами с дополнительным указанием тональности, Белый испытал бы немалое облегчение; подобным образом он и поступал в юности, нумеруя лирические отрывки в прозе и

[1] См.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 366.

стихах и называя свои «симфонии» «1-й, героической» и «2-й, драматической».

Господство «музыкального звукоряда» в поэтическом творчестве Андрея Белого было обусловлено фундаментальным философско-эстетическим постулатом, воспринятым от Шопенгауэра, согласно которому музыке принадлежит особое, приоритетное место в ряду других искусств, поскольку только она способна наиболее полно и адекватно передавать внутреннюю сущность мира. Своего рода эстетическим манифестом была первая теоретическая статья Белого «Формы искусства» (1902), в которой музыка осмыслялась как искусство, наименее связанное с внешними, косными и случайными формами действительности и наиболее тесно соприкасающееся с ее потаенной глубинной сутью: «Глубина музыки и отсутствие в ней внешней действительности наводит на мысль о нуменальном характере музыки, объясняющей тайну движения, тайну бытия <...> близостью к музыке определяется достоинство формы искусства, стремящейся посредством образов передать без-образную непосредственность музыки. Каждый вид искусства стремится выразить в образах нечто типичное, вечное, независимое от места и времени. В музыке наиболее удачно выражаются эти волнения вечности»[1]. Музыкальный субстрат, непосредственным образом проявившийся в «симфонических» опытах Белого и опосредованно в его поэзии и прозе, организованных как многоуровневая система вариаций, повторов и лейтмотивов, служит воплощению идеи соответствий, ключевой в символистском мировидении, позволяющей видеть единое во множестве явлений и устанавливать связи между ними. Не менее значимым для Белого приоритет музыки и соотносящихся с нею приемов построения художественного текста был в плане функционирования другой глобальной идеи, довлевшей над его сознанием, — ницшевской мифологемы «вечного возвращения». «Кольцо колец — кольцо возврата» воплощается в творчестве Белого в многоразличных аспектах — как основа сюжетного построения (3-я «симфония» «Возврат», одноименное стихотворение), как центральная историософская идея («Петербург»), как форма осмысления собственной духовной эволюции и отображающей его организации поэтического текста («И опять, и опять, и опять — / Пламенея, гудят небеса...»), как механизм творческой самореализации, функционирующий в структуре различного рода повторов на лексико-синтаксическом уровне.

«Музыкальный звукоряд» осуществляется в бесконечном разнообразии ритмических пульсаций; закономерно, что художественное слово Андрея Белого подчинялось «структурным законам симфонизма

[1] Мир искусства. 1902. № 12. С. 358—359. Позднее в статье «О символизме» Белый, в развитие этих положений, провозглашал «напевность» как основное содержание символистского творчества: «Под содержанием разумеется символистом не мысль и не образ; под содержанием разумеется символистом основная стихия глубоко потрясенной души: ее музыкальные безо́бразно вставшие порывы, разрешаясь волнами мелодий, на вершинах своих завиваются, будто белые гребни, многообразными образами; образы эти текучи: тают они, будто белая пена, на голубоватой небесной поверхности лирически возмущенной души <...>» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 17).

и музыкального ритма <...> потому, что — вслед за Ницше — А. Белый полагал, что ритм есть вообще форма становления, ритм есть тот первоэлемент движения, благодаря которому индивидуум вычленяется из «мирового оркестра» и сливается с ним <...> проблема ритма восходит все к той же попытке восстановить нарушенное равновесие, разрешить проблему индивидуума и мира»[1]. Ритм — глубоко и всесторонне осознанный самим Белым первоэлемент его творчества. Писатель осмыслял ритм как универсальную категорию, имеющую космогоническую природу и охватывающую все сферы бытия и творчества; мировой ритм, согласно его концепции, претворяет многообразие явлений в единство, открывает возможности для самопознания, для постижения «чистого смысла», простирающегося за пределами круга данных рассудка. «Чистый смысл», — писал Белый в статье «Ритм и смысл» (1917), — есть «живая динамика ритма; он — вне-образен, вне-душевен, духовен, неуловим, переменен и целен. И мысль, взятая в нем, — глубина, подстилающая обычную мысль; чистый смысл постигается в вулканической мысли, в пульсации ритма, выкидывающей нам потоки расплавленных образов на берега осознания <...> уразумение ритма поэзии утверждает его, как проекцию чистого смысла на образном слове; ритм поэзии — жест ее Лика, а Лик — это смысл. Чистый ритм, чистый смысл — вот пределы, в которые опирается осознание образных и рассудочных истин <...>»[2]. Устанавливаемый путем стиховедческого анализа «ритмический жест» поэтического текста способен, по Белому, продемонстрировать «ритмический смысл»: «...есть *Слово* в слове, соединяющее ритм и смысл в нераздельность; и рассудочный смысл, поэтический ритм лишь проекции какого-то нераскрытого *ритмо-смысла*»[3]. Стремлением к постижению этого большого Слова, обозначаемого с прописной буквы, продиктованы все творческие усилия Белого; воплощение Слова есть форма теургического преображения мира: «...свершится второе пришествие Слова»[4].

В приведенных и во многих других высказываниях Белого, раскрывающих его «уразумение ритма», неизменно присутствует акцент на динамическом начале, характеризующем эту субстанцию поэтического творчества. В мемуарах Белый, размышляя о первичных импульсах, получивших затем в его писаниях широкое развитие, подчеркивал: «...от гераклитианского вихря, строящего лишь формы в движении и никогда в покое, и подставляющего вместо понятия догмы понятие ритма, или закона изменения темы в вариациях и всяческого трансформизма, и заложена основа всего будущего моего»[5]. Подвижность границ между отдельными стихотворными произведениями и вариативность расположения фрагментов внутри стихотворного текста, прихотливая комбинаторика «малых» слов, управляемая стихийными пульсациями «ритмо-смысла», восполняются и усу-

---

[1] *Силард Л.* Введение в проблематику А. Белого // Umjetnost Riječi. 1975. God. XIX. Broj 2—4. S. 190.

[2] Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам XII. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 145.

[3] Там же. С. 146.

[4] *Белый Андрей.* Глоссолалия. С. 131.

[5] *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 199.

губляются резко очерченными признаками неравенства Андрея Белого самому себе на разных этапах идейно-эстетической эволюции; неравенства, отражающего сущностные признаки его художнической личности, реализующейся в непрекращающемся процессе изменения и возникновения и в то же время сохраняющей свою идентичность, демонстрирующей верность тем первоосновам, которые неизменно сказываются в его творчестве, хотя и преломляются на разные лады. Ф. А. Степун даже полагал, что Белый в своем гипердинамизме лишь «все время подымается и опускается над самим собой, но не развивается»[1]. Белый и сам осознавал, что в проделанном им духовном пути и характере внутренних изменений заключена определенная ритмическая повторяемость — регулярная смена «мажорной» доминанты в мироощущении на «минорную», чередование «позитивных» и «негативных» настроений, «утопии» и «нигилизма»; в пространном автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику (1—3 марта 1927 г.) он все годы своей жизни разделил на семилетия, каждое из которых осмыслял как изоморфное по своей внутренней структуре всем остальным и при этом составляющее идейно-психологическую антитезу последующему семилетию: «четные» и «нечетные» семилетия, чередуясь, образуют неизменную симметричную композицию, выявляющую и характер перемен, и разнообразные аналогии между различными жизненными этапами[2].

В первой книге стихотворений Андрея Белого «Золото в лазури» нашло свое воплощение одно из «позитивных» семилетий его жизни, бывшее в то же время периодом активного духовного становления, выработки самосознания и обретения основополагающих критериев бытия и творчества; периодом вхождения начинающего автора в круг писателей-символистов, но не в качестве прилежного ученика — хотя он тогда многое с благодарностью перенял от «старших», прежде всего от К. Бальмонта и В. Брюсова, — а со своим собственным философско-эстетическим кредо, отвергавшим панэстетизм раннего русского символизма в его «декадентском» изводе и провозглашавшим высшие, мистико-теургические, «жизнетворческие» задачи. Этот период, пришедшийся на рубеж XIX—XX веков, воспринимался Белым не как календарная условность, а как переломная пора не столько в историческом, сколько в метаисторическом плане, как рубеж между эпохами, за которым открываются горизонты кардинально нового, неведомого бытия В ранних поэтических опытах, еще робких и неумелых, не соответствовавших нормам литературного профессионализма, такие установки были распознаваемы еще в самой эмбриональной форме; неопределенность лирических томлений и чаяний сказывалась в невнятице и претенциозности образного строя, в стремлении передать «невыразимое» намеками и умолчаниями: слова, в основном взятые напрокат из арсенала поэтической рутины, и многоточия, служащие сакральными знаками и растворяющие в себе неприхотливый вербальный ряд, соизмеримы друг с другом в этих пробах пера в плане художественной выразительности. Содержание и смысл юношеской лирики в стихах и прозе гимназиста и студента

---

[1] *Степун Федор* Встречи. Мюнхен, 1962. С. 167.

[2] См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998 С. 481—509.

Бориса Бугаева, еще не воплотившегося в Андрея Белого, со всей емкостью передают строки одного из его «учителей жизни», Владимира Соловьева («Les revenants», 1900):

Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но — ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подошли и сняли вдруг покрывало с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие — как единый час.[1]

Впервые подобные попытки Андрея Белого задеть словом «что-то вечное, что-то неразлучное» достигли цели в выработанной им индивидуальной жанровой форме «симфоний», в которой настроения и устремления «эпохи зорь», радостно переживавшиеся на рубеже веков, получили более или менее адекватное воплощение. Стихи, относящиеся к 1900 и 1901 гг. — периоду написания двух первых «симфоний», — еще обнаруживают дисбаланс между необычностью и интенсивностью переживаний и достаточно банальным, изношенным художественным словом, призванным им соответствовать. Однако концентрация мистических чаяний и «жизнетворческих» утопических предначертаний, замкнутых в образный строй воскрешенного и преображенного на теургический лад «аргонавтического» мифа, принесла свои яркие плоды: стихотворения первого раздела «Золота в лазури», одноименного со всей книгой, — это уже сугубо новое и неожиданное художественное высказывание, позволившее воспринять Андрея Белого как самобытнейшую поэтическую индивидуальность. Не случайно Брюсов, упоминая в письме к Белому (август 1903 г.) «Золото в лазури» в ряду других готовившихся к печати символистских поэтических сборников, назвал его «интереснейшим» из них, но с оговоркой: «...заметьте, я говорю «интереснейший», выбирая слово»[2]. Брюсов не провозглашает первенства «Золота в лазури» перед «Собранием стихов» Ф. Сологуба или «Прозрачностью» Вяч. Иванова в плане эстетического совершенства, он видит в первой поэтической книге Белого множество недостатков, но выделяет ее прежде всего за исключительное своеобразие и находящиеся пока в стадии первоначального оформления уникальные творческие потенции.

Вл. Пяст аттестовал первую поэтическую книгу Белого как «интермеццо к его симфониям»[3]. Это определение, по существу верное, не исключает возможности уловить различия в содержании и тональности между «симфоническими» и стихотворными сочинениями начинающего автора. В «симфониях» преобладает пафос тайнозрительного созерцания, посредством которого раскрывается скрытая сущность мира как иерархически организованной гармонии; в стихотворениях «Золота в лазури», и в особенности в тех, что сосредоточены в «программном» первом разделе книги, со всей силой и энер-

[1] *Соловьев Владимир.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 136 («Библиотека поэта». Большая серия).
[2] Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 365.
[3] *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 232.

гией заявляет о себе пафос теургического действия, направленный к кардинальному пересозданию мира, к «новому небу и новой земле», «за черту горизонта». Миф об «аргонавтах», уплывающих в неведомую даль за золотым руном, сочетается в духовных устремлениях Белого с идеей «сверхчеловека» Ницше, которая приводилась в согласие и звучала в унисон с началами христианской эсхатологии, с попытками опереться на православную церковную традицию (преклонение перед св. Серафимом Саровским) и вместе с тем развивать мифопоэтические и мистико-апокалиптические концепции Владимира Соловьева. Мистическая утопия, провозглашаемая в «Золоте в лазури», находит свою образную доминанту в «солнечности», воплощающейся в бесконечной веренице сравнений и метафор, но также опосредованно конденсируется в свободных игровых вариациях на сказочно-мифологические темы: пришедшие в стихи Белого из древности и из архаических глубин сознания великаны, кентавры, гномы, боги скандинавского пантеона указуют на вечность, предстоят вестниками запредельного и вместе с тем медиаторами, помогающими постичь первозданную силу и красоту бытия. Раздел «Образы», в котором в основном сосредоточены эти поэтические фантазии, объединяет наиболее ранние из стихотворений, включенных в «Золото в лазури»; в этих текстах преобладает «симфоническая» лирика, наименее дистанцированная по отношению к ранним прозаическим опытам Белого и находящая себе прямую параллель в системе образов и мотивов «Северной симфонии (1-й, героической)».

«Симфонизм» стихов «Золота в лазури» сочетается с исключительно интенсивным использованием цветовой гаммы (изобилие красочных эпитетов, в том числе составных: «винно-золотистый», «лазурно-безмирный» и т. п.); мир образов этой книги правомерно определить как светомузыку или цветомузыку. Примечательно, что в гамме эпитетов «Золота в лазури» в изобилии представлены те, что передают динамическое начало, процесс изменения качества: «огневеющий», «янтареющий», «голубеющий»[1]; всё в художественном мире Белого движется и преображается, влечется к предустановленной неведомой цели. Изобразительный ряд «Золота в лазури» насыщен живописными параллелями — в основном с работами мастеров, получивших известность на рубеже XIX—XX вв.; может быть, в этом отношении нагляднее, чем в иных аспектах, книга Белого оказалась детищем своего времени, отразив вкусовые предпочтения определенной эпохи. Мифологические персонажи стихов вдохновлены в значительной мере творчеством А Бёклина, Ф. Штука, М. Клингера, «сецессионизмом» в целом, отдельные стихотворения впрямую ассоциируются с конкретными живописными работами[2]. Второй раздел

[1] См.: *Хмельницкая Т. Ю.* Поэзия Андрея Белого. С. 17.

[2] На связь стихотворений Белого с живописью упомянутых мастеров впервые указал в рецензии на «Золото в лазури» В. Ф. Боцяновский (Русь. 1904. № 141, 4 мая. С. 3). См. также: *Корецкая И. В.* Литература в кругу искусств (полилог в начале XX века). М., 2001. С. 40—42; *Секё К.* Элементы стиля модерн в эссеистике А. Белого. «Луг зеленый» // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 196—200; *Завадская Е. В.* Ut pictura poesis Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 461—469.

книги, «Прежде и теперь», включает стихотворные сценки из русского великосветского быта XVIII века, сразу же опознанные как вариации на темы живописи К. Сомова, а также элегические картины уходящей в прошлое усадебной дворянской жизни («Заброшенный дом», «Сельская картина», «Воспоминание»), находящие свой отклик в работах В. Борисова-Мусатова[1]. В меньшей степени в стихах, но в значительной мере в «симфониях» нашел отражение художественный мир английских прерафаэлитов.

На фоне западноевропейского «модерна» и отечественного «Мира Искусства», формировавших изобразительную стилистику «Золота в лазури», литературные традиции, сохраняющие для Белого в этой книге живую силу, укоренены в истории гораздо глубже. Это прежде всего традиции романтической поэзии начала XIX века и, в частности, Жуковского, которым Белый был глубоко увлечен в юношеские годы[2]; «старые» романтики играли при формировании его индивидуального творческого облика не меньшую роль, чем новейшие «декаденты». Преломлялось это наследие в мифопоэтических построениях Белого, правда, весьма специфическим образом. Например, знаменитая баллада Жуковского «Эолова арфа» (1814) получила в стихах «Золота в лазури» цитатный отзвук («Воспоминание»: «Будто арф эоловых стенанья / прозвучали») и сюжетно-образную параллель — стихотворение «Преданье», воспевающее «мистериальную», святую любовь неких пророка и сибиллы, жреца и жрицы, устремленных к «несказанному». Белый перенимает у Жуковского целый ряд мотивов: возвышенное чувство двух влюбленных; предмет, являющийся залогом их верности друг другу и встречи в мире ином (эоловой арфе у Жуковского соответствует у Белого венок из ландышей: «И ей надел поверх чела / из бледных ландышей венок он»); расставание героев; уподобление течения времени течению вод; угасание героини в разлуке с возлюбленным; их соединение в запредельном. Однако у Жуковского сюжет баллады, разворачивающийся в условном историческом прошлом, не поддающемся никакой конкретизации, — как и у Белого, — имеет все же вполне конкретную жизненную мотивировку, позволяющую рассматривать эту трагическую историю юных влюбленных в рамках широко разработанной литературной традиции[3]; разлука Минваны и Арминия у Жуковского имеет вынужденный характер и обусловлена их сословным неравенством, у Белого расставание пророка и сибиллы осознается как осуществление предначертанной высшей миссии и происходит без

[1] См.: *Каухчишвили Нина.* Борисов-Мусатов живописец и А. Белый. Символизм или символизмы? // Андрей Белый: мастер слова — искусства — мысли. Istituto Universitario di Bergamo. Paris, 1991. С. 179—202.

[2] В автобиографическом письме к Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. Белый называет Жуковского в ряду великих писателей, способствовавших его «воспитанию вкуса» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 486). Ср.: «...перепевные строчки Бальмонта будили «Эолову арфу» Жуковского; и — символизм в них прокладывал путь» (*Белый Андрей.* Начало века. М., 1990. С. 239).

[3] См.: *Иезуитова Р. В.* В. Жуковский. «Эолова арфа» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 38—52.

участия каких-либо внешних побудительных сил; Жуковский замыкает рассказанную историю в самой себе и аккумулирует ее основной смысл в идее загробного соединения двух любящих — Белый намечает своего рода «открытый финал», подчеркивая — в очередной раз исходя из мифологемы «вечного возвращения» — непреходящий, не ограниченный рамками времени и места, провиденциальный характер очерченной коллизии: «И то, что было, не прошло...», «"Вернись, наш бог", — молился я, / и вдалеке белелся парус». Воспроизводя внешние контуры романтической баллады с присущим ей фрагментарно выстроенным сюжетом и сосредоточением лишь на конструктивно значимых эпизодах, Белый создает, по сути, антибалладу: использует отработанные и легко опознаваемые детали фабульного механизма для того, чтобы посредством их воспроизвести прозреваемую им мистическую параболу; он не повествует о том, что было и прошло, но по-прежнему волнует и томит поэта-романтика, а, вослед и вопреки Жуковскому, провозглашает то, что было, что есть и что «будет — всегда, всегда» (как он сформулирует впоследствии в другой своей «антибалладе», стихотворении «Перед старой картиной»).

«Преданье» в составе «Золота в лазури» относится к числу тех «одноструйных» произведений, в которых теургическое начало, открывавшее пути к постижению сокровенной сущности бытия и его мистическому преображению, утверждалось как ценность безусловная, претворявшая фрагментарную и обманчивую видимость явлений в высшее всеединство[1]. Но в том же «Золоте в лазури» представлено немало текстов, в которых — как и во 2-й «симфонии» — пророческий пафос и устремления к пересозданию действительности корректируются ироническими обертонами. Этот симбиоз подчеркнут и в композиции книги: за «программным» разделом «Золото в лазури», в котором воспеваются «образ возлюбленной — Вечности» и Душа Мира, следует раздел «Прежде и теперь», демонстрирующий суету и мишуру «явлений», предлагающий «двойное видение вещей, в аспектах идеальном и комическом»[2]. Сказочные и мифологические существа в стихах Белого обрисовываются порой в юмористической тональности. «фавн лесной» — «смешной и бородатый» («Утро»), кентавры «кусают друг друга, заржав», «валяются, ноги задрав» («Игры кентавров»). Возвышенная лирическая медитация оборачивается веселым гротеском, как в самом прославленном стихотворении «Золота в лазури», «На горах», в котором «горбун седовласый» привносит в атмосферу горнего «очистительного холода» игровое и огненное оргийное начало[3]. Чем дерзновеннее мессианистские упования лирического «я», тем сокрушительнее их крах и беспощаднее — осмеяние: «Стоял я дураком / в венце своем огнистом <...> один, один, как столб, / в пустынях удаленных, — / и ждал народных толп коленопреклоненных...» («Жертва вечерняя»).

---

[1] См.: *Юрьева Зоя.* Творимый космос у Андрея Белого. СПб., 2000. С. 21—35.

[2] *Вольпе Цезарь.* О поэзии Андрея Белого // Вольпе Цезарь. Искусство непохожести М., 1991. С. 52

[3] См.: *Абашев В.* Ананас на русской почве: о стихотворении Андрея Белого «На горах» // Russian Literature. 2002 Vol. LI—II. С. 134.

Восприняв от Вл. Соловьева идею теургизма, «богодействия», овладения высшими силами в целях пересоздания мира и человека, Белый с оглядкой на него же развивал свой всепроникающий и всеохватный иронический подход при обрисовке призрачного и преходящего конгломерата явлений. В одном из писем к П. А. Флоренскому (12 августа 1904 г.) он замечал: «Соловьев <...> прятал все наиболее глубокое в себе, высказывая это в парадоксах и сопровождая своим характерным смешком *"Хе-Хе"*»[1]. Поэма Соловьева «Три свидания», задачей которой было, согласно авторскому пояснению, воспроизвести самые значительные жизненные переживания «в шутливых стихах», также не могла не быть для Белого и в этом отношении вдохновляющим примером: мистическое откровение адекватным образом не воспроизводимо в слове, о нем можно поведать лишь опосредованно, намеком, путем иронического «нисхождения», претворения «горнего» в «дольнее». Возвышенно-мистериальное переплавляется в юмористическое и гротесковое, не утрачивая своего существа и не подвергаясь оценочной перекодировке: ироническая стихия преломляет в себе лучи из незримого центра, дает возможность воспринять очертания «туманной Вечности» сквозь пелену жизненных реалий. Показательно, что и сам Вл. Соловьев, предвестник и «учитель» Белого во многих отношениях, в том числе и в рассматриваемом плане, обрисован в его поэме «Первое свидание» (журнальная редакция) в ироническом и даже комическом ключе:

И Соловьев, усевшись в нише,
Играет молча с братом «Мишей»,
Рукой бросаясь, как на бой,
На доску, он уткнется в шашки;
И поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
А комариная нога,
Костей непрочное жилище,
Тут обнаружит сапога
Нечищенное голенище;
Рассердится над поддавком <...>
И ткнется головой в колени,
И стащит пару крендельков
С вопросом: «Ну и что ж в итоге?»
Свои переплетая ноги.

«Золотолазурные» мотивы, судя по всему, господствовали в писавшейся вскоре после выхода в свет первой книги стихов большой поэме Андрея Белого «Дитя-Солнце» (1905), текст которой был утрачен[2]; мистериальные темы разыгрывались в ней в юмористической и даже пародийной тональности. Согласно позднейшему сообщению

[1] Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи Переписка / Составление, подготовка текстов и комментарий Е В Ивановой М., 2004 С. 466.

[2] Свод авторских и иных сведений об этом произведении см в кн · *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность М., 1995 С. 180—182.

Белого, «ее сюжет — космогония, по Жан Поль Рихтеру, опрокинутая в фарс швейцарского городка <...>»[1]. Насколько последовательно отображался в этом произведении художественный мир упомянутого классика немецкой литературы, судить не приходится, однако весьма примечательна сама по себе отмеченная аналогия: не случайно Э. К. Метнер, близкий друг Белого и безусловный ценитель его творчества, называл его «русским Жан Полем»[2], а многим обязанная Метнеру в своем культурном кругозоре Мариэтта Шагинян подхватывала то же сопоставление, анализируя поэму «Первое свидание»: «В ней ничего не происходит. Движение дано не в психике героев, а в психике автора. Это — прием романтиков и, в частности, это излюбленный прием Жан-Поля Рихтера. Только то, что Жан-Поль проделывал в прозе <...>, Белый бросил, как раскаленный металл, в сухие, строгие, скованные ямбы <...>»[3]. Действительно, в наследии немецкого писателя рубежа XVIII—XIX вв. наблюдается много черт разительного сходства с тем, что продемонстрирует в своем творчестве русский автор сто лет спустя: повторяемость динамических образов; гротескная игра словами и их сочетание по фонетическому сходству, отражающее попытку преодолеть разобщенность вещей, установить их единство; наконец, всепроникающий юмор, иронический взгляд на действительность, предполагающий возможность свободного соединения, уподобления, взаимного отражения любых реалий, оказывающихся в сфере художественного освоения, и выявляющий сокрытую в череде бесконечных метаморфоз универсальную связь. «Жан-полевские объекты», согласно трактовке современного исследователя, пребывают «во власти юмора как мировой стихии, захватывающей и автора, и его героев, и его становящиеся образами понятия, и все в целом мироздание. <...> Я находит свободу в широком и вольном полете через мир. Оно не презирает земное, частное, предметное, конкретное, а сопоставляет его с вечным и прозревает его истинную цену в освещенности высшим»; универсальный юмор такого типа, свободно и неприхотливо связующий любые аспекты и явления бытия, «не столько уничтожает конкретность вещи, всего земного, сколько приводит все земное в универсальную связь. Вещь, «уничтоженная» таким юмором, восстает в целом космосе, пронизанном смысловыми связями»[4].

Эти черты мировидения, наблюдаемые у Жан-Поля и в не меньшей мере присущие «русскому Жан-Полю», позволяют определить существенную разницу между Андреем Белым и его великим литературным сверстником, другом и «сочувственником» в духовных исканиях, Александром Блоком. Тезис и антитезис в творческой эволюции последнего выразились в переходе от исповедания культа возвы-

---

[1] *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990. С. 22.

[2] См. письмо Метнера к А. А. Блоку от 20 февраля 1913 г. (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 217).

[3] *Самойлов П.* <*Шагинян М. С.*> Поэма Андрея Белого // Жизнь искусства. 1921. № 792—797, 2—7 августа. С. 2; Андрей Белый: pro et contra. С 481—482.

[4] *Михайлов Ал. В.* «Приготовительная школа эстетики» Жан-Поля — теория и роман // Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С 31—32.

шенной мистической любви к разоблачению его иллюзорности и погружению в контрастный ему, «негативный» мир, в замене «мистерии» «арлекинадой»; для Белого же «мистерия» и «арлекинада» изначально сопровождали друг друга, существовали в его ироническом мире как двуликое, взаимоотражающее единство[1]. Поэтому и перелом от «тезы» к «антитезе» у Белого, почти одновременный с блоковским и во многом сопоставимый с ним по своему смысловому наполнению, не был столь радикальным и болезненным; это даже был не вполне перелом, скорее — произошла смена идейно-психологических доминант, романтико-утопического «позитива» на самокритический и саморазрушительный «реалистический» «негатив». Симптомы наступающей переоценки ценностей сказались уже в «Золоте в лазури», в особенности в заключительном разделе книги («Багряница в терниях»), где со всей остротой прозвучали мотивы разочарования в собственной пророческой миссии и в действенной силе апокалипсических экстазов. Весной 1904 г., когда увидело свет «Золото в лазури», из-под пера Андрея Белого выходили уже совсем иные тексты, выдержанные в другой, не «золотолазурной» цветовой и смысловой гамме; сам он в ретроспективных автобиографических записях, характеризуя стихи, написанные в феврале 1904 г., признавался: «...с удивлением вижу <...>, что от ритмов "Золота в Лазури" и следа не осталось <...> февраль могу назвать перегоранием «*Золота в Лазури*» в "*Пепел*"»[2]. И в другом автобиографическом своде, вспоминая март 1904 г.: « В этот месяц в темах моей поэзии решительный сдвиг; *"аргонавтизм" "Золота <в> Лазури"* внутренне изжит; Некрасов и Глеб Успенский появляются на моем столе <...>»[3].

Об идейном, творческом и жизненном кризисе, через который прошел Андрей Белый в середине 1900-х гг., писали много и подробно; две основные черты, его определяющие, — трагическое разуверение в действенности и осуществимости теургических устремлений, повлекшее за собой мучительную ломку самосознания и мировосприятия, и заинтересованное обращение к актуальной социально-исторической проблематике, нагляднее всего сказавшееся во второй книге стихов «Пепел». Многократно писалось также, что Белого всколыхнули революционные события 1905 года, стимулировав его поворот к современной жизни и радикализацию общественных взглядов, и сам он не раз указывал на эту связь. Между тем, первые симптомы вторжения в художественный мир Белого новых мотивов обозначились еще до начала революционных бурь, в упомянутых выше стихах, объединенных в цикле «Тоска о воле» (Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905); в них доминирует тема бегства в «пустынное поле» и обретения очистительной свободы — в том числе и свободы от подчинения духовному канону, который не подтвердился в теургическом плане, не воплотился в чаемой «мистерии». Революционные события лишь стимулировали ранее наметившуюся эволюцию, которая, однако, не привела к полному «перерож-

---

[1] Ср.: *Хмельницкая Т. Ю.* Поэзия Андрея Белого. С. 22—23.

[2] *Белый Андрей.* Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 48 об.

[3] *Белый Андрей.* Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр 100. Л. 22.

дению убеждений», а лишь изменила акценты во внутреннем мире Белого, сохранив незыблемой его изначальную структуру. Сам он осознавал это, когда писал П. А. Флоренскому (14 августа 1905 г.), что чувствует в себе переход от Андрея Белого к «Андрюхе Красному»: «... я *еще* раз усумнился во всем, что я считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе, в Боге, в Христе, *но и*: в пренебрежительном отношении к социологии, к тенденции, к террору и т. д. <...> Вопросы о *религии* стали для меня тошнее касторки», — и в то же время признавался: «Все-таки я думаю, что все осталось по-прежнему, и я — христианин, хотя за эти 2 месяца со мной произошел ряд переворотов. Несомненно, что-то очистилось»[1].

«Андрюха Красный» — аналогия по контрасту с образом автора «Золота в лазури», «опрощенческая» маска создателя стихов на социальные и «простонародные» темы, позднее вошедших в «Пепел». Многое во второй поэтической книге Белого сочетается с первой, хотя иногда и в другом тематико-стилевом регистре, подобно тому как полушутливый персонаж, походя возникший в письме к Флоренскому (другое его имя в том же письме — Андрюха Краснорубахин), мог восприниматься лишь в соотнесении со своим прототипом — с псевдонимом, указующим на причастность к «белым», благим, религиозно-мистическим началам. Мотивы, повторяющиеся в «золотолазурных» стихах, находят в «Пепле» «низовое» воплощение, десакрализуются, поворачиваются своей изнаночной, негативной стороной. Так, метафорический мотив вина и пиршественного опьянения, реализующий в «Золоте в лазури» тему дионисийского священного экстаза и предстающий одним из знаков вечности, сущности мира: «Точно выплеснут кубок вина, / напоившего вечным эфир» («Вечный зов»); «Опять золотое вино / на склоне небес потухает», «Опять заражаюсь мечтой, / печалью восторженно-пьяной...» («Все тот же раскинулся свод...»); «От воздушного пьянства / онемела земля» («В полях») и т. д., — в «Пепле» обретает грубую материальную плоть в картинах бытового, кабацкого пьянства: «Свирепая, крепкая водка, / Огнем разливайся в груди!» («Бурьян»), «Наливай в стакан мне водки — / Приголубь, сестра!» («В городке»); атрибут преображения мира и высшей жизни перерождается в атрибут смерти, что наглядно продемонстрировано в стихотворении «Веселье на Руси» (начальные его строки: «Как несли за флягой флягу — / Пили огненную влагу», заключительные: «Над страной моей родною / Встала Смерть»)[2]. Иногда темы и сюжетные конструкции, разработанные в первой поэтической книге Белого, возобновляются в «Пепле» в прежнем ироническом ракурсе, но с переключением в другую социально-историческую среду — как, например, коллизия «объяснения в любви» в одноименном стихотворении, рисующем «сомовскую» картинку с влюбленной парой («красавица с мушкой на щечках» и «прекрасный и юный маркиз»: «"Я вас обожаю, кузина! / Извольте цветок сей принять..." / Смеются под звук

---

[1] Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка. С. 472, 473.

[2] Ср.: *Барковская Н В.* «Пьяный красный карлик не дает проходу...»: мотив вина в поэзии А. Блока и А. Белого // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Сб. научных трудов. Тверь, 2002. С. 88—94.

клавесина, / и хочет кузину обнять»), повторяется в стихотворении «Поповна» огородной идиллией поповны и семинариста: «Он ей целует губки, / Сжимает ей корсет. / Предавшись сладким мукам / Прохладным вечерком, / В лицо ей дышит луком / И крепким табаком». Иногда, как в стихотворении «Утро», образный строй первой поэтической книги воспроизводится вплоть до обыгрывания ее заглавия: «Внемлите, ловите: воскрес я — глядите: воскрес. / Мой гроб уплывет — золотой в золотые лазури...» — но лишь для того, чтобы завершить поток «золотолазурных» видений все разъясняющей итоговой строкой: «Поймали, свалили; на лоб положили компресс». Тема сумасшествия несостоявшегося самонадеянного пророка и «спасителя», впрочем, разрабатывалась Белым и раньше — в стихотворении «Безумец», написанном в феврале 1904 г. и вошедшем в «Золото в лазури».

Декларативное посвящение «Пепла» памяти Некрасова не только указывает на осознанную Белым значимость этого великого русского поэта, казалось бы, наиболее чуждого символизму, но и свидетельствует о стремлении последовательно развивать в своем творчестве некрасовские традиции — которые, действительно, прослеживаются в стихотворениях книги, затрагивающих современную социально-бытовую и национальную проблематику[1]. Многих в свое время сильно озадачила такая переориентация мистика-визионера: «С изумлением и недоверием отнеслись все — и публика и критика — к лозунгу народничества, появившемуся на знамени символистов. <...> Декадентство и социал-демократия <...> Андрей Белый и Некрасов — ведь все это казалось только цепью чудовищных антитез <...>»[2]. Нельзя не отметить, однако, что «народничество» в «Пепле» было весьма специфическое, равно как и освоение некрасовской традиции означало для Белого в значительной мере отталкивание от Некрасова — возвращение с «чужой» творческой территории в свои собственные пределы. Некоторые критики указывали на эту особенность «Пепла»: «В поэзии Некрасова встает действительно Русь "и убогая, и обильная", встает великий молчальник-народ <...> перед вами — целая галерея типов <...> А что вы найдете в книге Андрея Белого "Пепел", кроме отчаяния, кроме боязни пространства, кроме сгущения красок, кроме кабаков, бурьяна да тяжелого беспросветного пути?.. Ведь через всю книгу проходит все то же предчувствие "скорого конца", все та же апокалипсическая тоска»[5]. Иногда Белый

---

[1] О влиянии Некрасова на Белого см.: *Скатов Н.* Некрасов: современники и продолжатели. Л., 1973. С. 210—255; *Скатов Н. Н.* «Некрасовская» книга Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 151—192; *Пьяных М. Ф.* Роль поэтических традиций Некрасова в развитии лирики русских символистов // Некрасовский сборник. IV. Некрасов и русская поэзия. Л., 1967. С. 162—164, 167—168; *Серман И.* Андрей Белый и поэзия Н. Некрасова // Славяноведение. 1992. № 6. С. 34—38.

[2] *Гроссман Л.* Символизм и народничество // Одесские Новости. 1909. № 7833, 6 июня. С. 2

[3] *Львов-Рогачевский В.* «Лирика современной души» Русская литература и группа символистов // Современный Мир. 1910. № 9. Отд. II. С. 129—130

повторяет, с более или менее существенными видоизменениями, сюжетные коллизии, заимствованные у Некрасова, но повторяет всегда на свой лад: достаточно сопоставить хотя бы мажорный, в целом, строй некрасовских «Коробейников» со стихотворениями из раздела «Деревня», эмоционально не созвучными с поэмой Некрасова и развивающими, однако, те же темы (любовное свидание, убийство, наказание), но в однозначно трагической тональности.

Контрастность «Пепла» по отношению к «Золоту в лазури» сказывается, в частности, в радикальном изменении колористической гаммы: на смену белому, золотому, лазурному цветам приходят черный и серый. Характерны сравнительные показатели количества словоупотреблений, соответственно, в «Золоте в лазури» и в «Пепле»: *мгла* (13—17), *темный* (8—16), *серый* (2—10), *черный* (10—25), *ночь* (13—40), *белый* (31—18), *золотой* (55—22), *лазурь* (32—4).[1] «Пепельная» субстанция книги заявляет о себе на самых различных уровнях: омоним «коса» во всех случаях использования интегрируется в символ смерти, московский топоним «Мертвый переулок» в стихотворении «Старинный дом» актуализирует свое прямое значение[2]. Вся жизненная эмпирика, оказывающаяся в поле зрения автора, при неизменной четкости и яркости изображения, демонстрирует свою ущербность, выморочность и призрачность. Возглас поэта «Исчезни в пространство, исчезни, / Россия, Россия моя!» («Отчаянье») находит свой отголосок во множестве мотивов и сюжетных пунктирных линий: Россия «Пепла» — это ускользающее пространство, проносящееся маревом, поглощаемое мглой, иссекаемое ветрами и дождями, населенное изгоями, бродягами и беглецами, порождающее лишь нищету, насилие и горе. Эта бесконечная проносящаяся панорама образует замкнутый круг: первый раздел книги («Россия») открывается стихотворением «Отчаяние» («Довольно: не жди, не надейся — / Рассейся, мой бедный народ!») и заканчивается стихотворением «Родина», в котором опять — «те же росы, откосы, туманы», «голодающий, бедный народ». Белому открываются иногда отдельные «просветы» (так даже озаглавлен один из разделов книги), но они не в состоянии изменить общей безысходной и безотрадной картины.

Все те представления и понятия, которые признаны и освящены традицией как безусловно благие и положительные, в «Пепле» обнаруживают свою ущербную, обманную природу. В стихотворении «На вольном просторе» воспевается воля — «желанная», «свободная», «победная», но она же — «холодная, бледная», а в другом стихотворении из того же раздела «Россия» («Родина») воля оборачивается своей противоположностью: «И в раздолье, на воле — неволя»[3]. Еще одна безусловная традиционная ценность — земля, спасительная почва, народная среда, «поэзия земледельческого труда», о которой вдох-

---

[1] См.: *Поляков А. А.* Лирика А. Белого 1904—1908 гг. (Книга стихов «Пепел») // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989. С. 62.

[2] См.: *Кибальниченко С. А* Метафизика вселенского ужаса (сборник Андрея Белого «Пепел») // Русская литература и эстетика конца XIX — начала XX в.. проблема человека. I. Липецк, 1999. С. 86.

[3] См.: *Йованович Миливое.* Вопросы поэтики «Стихов о России» Андрея Белого. С. 21.

новенно писал Глеб Успенский в цикле очерков «Крестьянин и крестьянский труд» (Белый не случайно упомянул этого пристального исследователя народной жизни, наряду с Некрасовым, в связи с новыми мотивами своего творчества, отразившимися в «Пепле»). Но тот же Успенский во «Власти земли» (1882) констатировал начало разрушения веками существовавшего уравновешенного и гармоничного земледельческого уклада и обусловленного им цельного, однородного крестьянского быта и миросозерцания, осознал социальное расслоение деревни и нарождение постыдного класса «деревенского пролетариата» как симптомы гибельного расстройства всей народной жизни и земельных отношений: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного миросозерцания, нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настает душевная пустота — «полная воля», то есть неведомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди куда хошь»...»[1] Приведенные формулировки адекватно соответствуют образу России, возникающему в стихотворениях «Пепла»; процесс, истоки которого с тревогой наблюдал Успенский, Андрей Белый осознавал как совершившийся и восторжествовавший: народническим иллюзиям и своим собственным мессианским надеждам он противопоставляет трезвое и беспощадное знание, по сути антинародническое. В галерее изображаемых им представителей социальных низов преобладает тот самый отчужденный от «почвы» «деревенский пролетариат», о котором писал Успенский; уродливым подобиям человеческого социума и человеческой натуры, гротесковым личинам соответствует и образ земли, утратившей свою «власть» и притягательную силу, — деградировавшей и бесплодной. Возможно, и почти наверняка, Белый чрезмерно сгущал краски, искажал реальную картину, но, как и во многих других своих интуитивных диагнозах и прогнозах, провиденциальным взором и пониманием верно улавливал суть и вектор происходящего: два-три десятилетия спустя после появления «Пепла» панорамы российской действительности, развернутые в этой книге, не показались бы утрированными и очернительскими — по крайней мере, тем, кто способен к непредвзятому и осмысленному зрению.

Картины «больной России» чередуются в «Пепле» с авторскими лирическими интроспекциями, нередко сливаясь с ними в нерасторжимое целое. «Негативная» тенденция, последовательно проводимая Белым, в значительной мере обусловлена кризисным содержанием его сознания, диссонансами мироощущения, претерпевавшего мучительную ломку, а также сугубо личными переживаниями, столь же мучительными, а временами и разрушительными для его психики: тяжелая драма неразделенной любви к Л. Д. Блок оказалась важнейшей из жизненных тем, нашедших в «Пепле» опосредованное отражение. По многим внешним параметрам «некрасовская», книга Белого по своему внутреннему эмоционально-психологическому наполнению представала интимной исповедью; «безумие» лирического героя, отраженное в заглавии одного из разделов, было неразрывно

[1] *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. <Л.>, 1949. С 25

связано с отчаянием, развившимся при встрече со своей страной и в значительной мере им обусловленное: «Проклиная свою родину, поэт себя самого проклинает, оплакивая и призывая ее гибель, он поет отходную и себе самому. Эта кровная связь поэта с его «родиной-матерью», возникшая из общей юдольной доли, одинаковой судьбы отверженства и приговоренности, — главная тема всей книги, основной мотив всех ее напевов, исходная точка в построении символических картин родного быта, основной угол созерцания поэтом народной души»[1].

Если «Пепел» представлял собой опыт самовыражения автора в основном посредством его «перевоплощения во внеличную действительность, чрез сораспятие с ней» (как писал в рецензии на сборник Вяч. Иванов[2]), то вышедшая несколько месяцев спустя третья книга стихотворений Андрея Белого, «Урна», являла собой по отношению к «эпосу» «Пепла» лирико-медитативную параллель. Общая эмоциональная тональность «Урны» в той же мере отражала период «антитезы» в духовной эволюции Белого, что и «Пепел», но в третьей книге уже в меньшей степени сказывались «пепельные» стихийность и многоголосие, над эмоциональной экстатикой возобладала внутренняя сосредоточенность и соразмерность; голос автора звучал приглушеннее, но увереннее и тверже. Разочарование в «жизнетворческих», преобразовательных перспективах отобразилось в фактуре стиха «Урны» попытками обрести опору в прошлом — последовательной архаизаторской тенденцией, стремлением творчески освоить и развить двухвековые поэтические традиции. Книга посвящена Валерию Брюсову и открывается циклом стихотворений, в которых рисуется его образ, — и в этом сказывалось не только желание воздать должное лидеру направления, поэтическому «мэтру», которого Белый воспринимал тогда как вождя и соратника, а в плане освоения стихотворной техники — как своего учителя; Брюсов своими произведениями давал убедительный пример плодотворного развития современным эстетическим сознанием классической традиции, обуздания словом хаотической, импровизационной творческой стихии, к чему осознанно стремился теперь Белый, отказавшись от порываний к «дальним» целям «за чертой горизонта» и обратившись к исполнению «ближних», в том числе и формально-стихослагательных, задач. Критики, писавшие об «Урне», возбужденно реагировали на отразившиеся в этой книге попытки Белого оживить стилевые приемы и лексику поэзии XVIII века, державинского и ломоносовского стиха, но не придавали, в большинстве своем, существенного значения имени, провозглашенному в эпиграфе к ней: «Разочарованному чужды / Все обольщенья прежних дней...». В ориентации на «золотой век» русской поэзии, сказавшейся в «Урне» и в значительной мере стимулированной профессиональными стиховедческими изысканиями, к которым Белый приступил в 1908 г., Баратынский для него возобладал над другими пристрастиями; горькие рефлексии, которыми перенасыщен поэтический мир этого полупризнанного еще в ту пору «подземного» классика, оказались удивительно созвучными тому преобладающему лирическому настроению, которое улавливается в лири-

---

[1] *Эллис*. Русские символисты // Андрей Белый: pro et contra. С. 217.
[2] Там же. С. 142.

ке «Урны». Открыв для себя Баратынского, Белый одно время даже собирался написать о нем специальную работу; сообщая в письме к Э. К. Метнеру (конец августа — начало сентября 1909 г.) о своих планах, которые он собирался реализовать на страницах задуманного, но не осуществленного тогда журнала (при вновь организованном книгоиздательстве «Мусагет»), он упомянул «статью о Баратынском»[1].

«Философическая грусть» и общая минорная тональность, господствовавшие в «Урне», находят в образном строе поэзии Баратынского опору, точку отсчета, а иногда и конкретный первоисточник. Подобно тому как «Пеплу» Белый предпослал в качестве эпиграфа весь текст стихотворения Некрасова «Что ни год — уменьшаются силы...», вобравший в себя основное эмоционально-тематическое содержание книги, так и смысловой лейтмотив «Урны» он мог бы интегрировать не только в двух строках эпиграфа, приведенных выше, но и в одном из стихотворений Баратынского — хотя бы в следующем:

Взгляни на лик холодный сей,
　　Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
　　Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
　　Над бездною висит,
Утратив прежний гордый рев,
　　Храня движенья вид.[2]

Помимо глубокого созвучия с главенствующим мотивом «Урны», эта поэтическая миниатюра находит непосредственный отклик и в строках книги Белого; первые две строки стихотворения Баратынского сопоставимы с начальными стихами «Эпитафии» Белого: «В предсмертном холоде застыло / Мое лицо»; стих «Так ярый ток, оледенев» отзывается в заключительных строках стихотворения «В поле»: «О, ледени, морозный ток, / В морозом скованной пустыне!..» По формальным показателям «Урна» также имеет свой прообраз в поэтическом наследии Баратынского, в котором ямбические строки составляют 92,3 % от всего стихотворного корпуса, в том числе строки четырехстопного ямба — 68,4 %[3]; в «Урне», соответственно, 95 % строк

[1] РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 4. В статье «Баратынский и символисты» (1925) Г. О. Винокур справедливо утверждал, что Андрей Белый — «единственный из символистов, для кого поэзия Баратынского стала живою силою, а не лишним только камешком в пестром ожерелье опытов или иллюстрацией к теории», что в самой поэзии Белого, «по мере ее роста и развития, все большее число признаков напоминает нам о Баратынском» (*Винокур Г. О.* Баратынский и символисты / Публикация и примечания К. Соливетти // Russica Romana. Vol. I. Roma, 1994. P. 143).

[2] *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 2000. С. 113 («Новая Библиотека поэта»).

[3] См.: *Шахвердов С. А.* Метрика и строфика Е. А. Баратынского // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 279.

— ямбы, из них 60 % — четырехстопный ямб[1], и в этом преобладании — кардинальное отличие третьей книги стихов Белого от двух предыдущих: в «Золоте в лазури» ямбических строк — 27,3 %, а в «Пепле» — 31,2 %[2]. Только четыре стихотворения в «Урне» написаны неямбическими размерами, в то время как в «Золоте в лазури» четырехстопным ямбом написаны всего шесть из 120 стихотворений книги[3]. В доминанте четырехстопного ямба — одно из преломлений общей архаизаторской тенденции, которой подчинена «Урна», ориентированная на строгость и внутреннюю гармонию стиха пушкинской эпохи, и эта тенденция вполне согласуется с теми приоритетами в сознании Белого, которые определились в середине 1900-х гг.: взамен религиозно-мистического жизнестроительства — гносеологическая аналитика, неокантианские штудии (в ироническом ракурсе отразившиеся в «Урне»), взамен романтического безбрежного максимализма — минимализм локально очерченных творческих заданий; в эстетическом плане взамен буйства и пиршества красок и звуков — бескрасочная, намеренно скудная образная палитра: «огненное», динамическое начало сменяется ледяным оцепенением — подобным запечатленному в приведенных строках Баратынского. Характерно, что первый, вслед за вступительным, обращенным к Брюсову, раздел книги, задающий ее основной тон, называется «Зима» и аккумулирует многоразличные «зимние» мотивы (вьюга, пурга, лед, мороз и т. д.) в их неразрывном соотнесении с темами ночи и смерти[4].

Не менее интенсивно, чем в «Пепле», в стихотворениях «Урны» запечатлелась личная драма, пережитая Белым, но для большинства из них характерен уже ретроспективный взгляд на «бесценную потерю». Весной 1909 г., когда «Урна» вышла в свет, ее автор начинал ощущать существенные перемены в своем внутреннем мире — которые, в свою очередь, обрели дополнительный стимул и в плане личной жизни: угасанию образа Л. Д. Блок в сознании Белого способствовало зародившееся новое чувство — к юной художнице Асе Тургеневой, ставшей впоследствии его женой. От пессимизма и «разуверения во всем» Белый устремляется к поиску нового идеала, нового «пути жизни», чувствует приход «второй зари», во многом подобной той, которую он созерцал на рубеже веков. Этот всплеск

---

[1] См.: *Гаспаров М. Л.* 1905 год и метрическая эволюция Блока, Брюсова, Белого // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник. VII. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 735). Тарту, 1986. С. 29.

[2] См.: *Smith G. S.* Bely's Poetry and Verse Theory // Andrey Bely: Spirit of Symbolism / Ed. by John E. Malmstad. Ithaca; London, 1987. P. 263.

[3] См.: *Гаспаров М. Л.* Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 450. См. также статью К. Ф. Тарановского «Четырехстопный ямб Андрея Белого», дающую детальный анализ ритмических вариаций этого размера в их соотнесении со смысловой структурой поэтических текстов Белого (*Тарановский Кирилл.* О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 300—318).

[4] См.: *Чурсина Л. К.* «Зима» Андрея Белого: биографический контекст и творческие взаимодействия // Русская литература и эстетика конца XIX — начала XX в.: проблема человека. I. Липецк, 1999. С. 69—83.

духовного энтузиазма нашел отражение в немногочисленных стихотворениях 1909—1911 гг., которые были впоследствии объединены в сборник «Королевна и рыцари»: в них Белый с упоением окунается в «возвратившуюся» к нему юношескую «симфоническую» романтику, вновь переживает «сказку», полет над действительностью как обретение подлинного бытия и раскрытие своего подлинного «я».

Но в еще большей мере Белый испытал прорыв к духовной подлинности и полноте жизненного идеала в 1912 г., когда встретился с Рудольфом Штейнером и стал последовательным приверженцем его антропософского учения, в котором обнаружил для себя стройное и согласованное, унисонное сочетание религиозных, философских, мистических, научных и эстетических ценностей. Антропософию Белый принял как систематизированное и разносторонне обоснованное воплощение тех духовных и душевных интуиций, которые определяли и ранее его внутреннюю жизнь и формировали его самосознание. Антропософия для Белого — свет, делающий видимым и постигаемым окружающий мир в его сокровенной сути, а также открывающий путь к глубинам собственной индивидуальности. Не случайно и новая книга «Звезда», объединившая стихотворения Белого-антропософа, развивает на различные лады соответствующий мотив: «... весь цикл "Звезда" можно рассматривать как единое лексико-семантическое поле с доминантным смыслом "свет", который, начиная с заглавия "Звезда", имплицитно и эксплицитно присутствует почти в каждом тексте, актуализируясь в метафорах и других образных средствах»[1]. Мажорное начало, торжествующее в стихах «Звезды», насквозь пронизано антропософскими токами. Оно находит себе выход в новом всплеске мессианистских чаяний, которые связываются для Белого с осознанием России как «священной России», воскресающей из бренного тела «больной России», и с безусловным приятием свершившейся революции как залога провидимой «революции духа». Происходящие исторические катаклизмы значимы для него постольку, поскольку в них заключены возможности преображения личности, поскольку они поддаются восприятию и толкованию в эсхатологической перспективе. Некий высший «Смысл», — по словам Н. А. Павлович в ее отклике на «Звезду», — «научил его принять революцию как падение "гробовой пелены", которое необходимо для явления "Небесной Жены" — Софии Владимира Соловьева. <...> Для него вечно "меж нами" — Он, неузнанный и третий. — Но этот Христос постигается им внутренне, не "на небесах" и не в рукотворных храмах»[2]. Столь же индивидуальное и провиденциальное содержание получает у Белого образ революционной России — «мессии грядущего дня», противопоставляемый прежнему «пепельному» образу; воспеваемая Россия возникает и утверждается как высшая ценность благодаря вспышке внутреннего света и угасает вместе с нею. Рецензируя тематический сборник Белого «Стихи о России», Роман Гуль справедливо отмечал: «Говоря о «России — Родине», легко соскользнуть с плоскости подлинного в пусть утонченную, но все

[1] *Стрельцова И. Д.* Андрей Белый. Цикл стихотворений «Звезда» (лингвопоэтика текста) // Филологические науки. 1998. № 3. С. 105.

[2] Книга и революция. 1922. № 9/10 (21/22). С. 64. Подпись: Михаил Павлов.

же — «Russland, Russland über alles». Этот аккорд явно антимузыкален, но им грешны многие. С Белым этого не случилось. Его Россия вне «государственных границ». <...> Только на миг — в тысяча девятьсот семнадцатом августе — Беловское надгробное рыдание срывается звуками гениальной музыки, исступленной веры. <...> А потом?.. Пророчества смолкли. На устах Белого — неуверенная улыбка»[1].

Общественно-политические параметры при этом не выдвигались для Белого на первый план: те эмоционально-смысловые обертоны, в которые воплощался его революционный пафос, определились вскоре после Февральской революции, отразились в статье «Революция и культура», написанной в мае—июне 1917 г., и не претерпели существенных изменений в течение нескольких месяцев после Октябрьского переворота, с наибольшей яркостью сказавшись в поэме «Христос воскрес»; лишь по мере все более решительного утверждения большевистского строя мистико-революционная утопия стала отодвигаться в сознании Белого в перспективу неопределенного и отдаленного будущего. Однако довольно продолжительное время революция и теургия энтузиастически переживались им как двуединство, дающее прорыв к высшей реальности; вновь Белый, как и в прежнюю пору своего общественного радикализма, пережитую в середине 1900-х гг., выступал, по его собственной юмористической аттестации, как «батюшка Алонзанфанделапатреображенский» (каламбурное сочетание знаковой фамилии Преображенский с первой строкой революционной «Марсельезы»: «Allons, enfants de la Patrie»)[2]. Когда же свершившаяся революция предстала в глазах Белого безнадежно скомпрометированной, мистико-теургическое начало в поэме «Христос воскрес» было осмыслено им задним числом как главенствующее и подчиняющее себе все отразившиеся в тексте приметы пережитого исторического момента; переиздавая поэму в составе сборника «Стихотворения» (1923), он с упорством настаивал: «...тема поэмы — интимнейшие, индивидуальные переживания, независимые от страны, партии, астрономического времени. То, о чем я пишу, знавал еще мейстер Эккарт; о том писал апостол Павел. Современность — лишь внешний покров поэмы. Ее внутреннее ядро не знает времени»[3]. И в новейших интерпретациях революционной поэмы Белого указывалось, что из «двух планов, реального и потустороннего, последнему отводилась явно доминирующая роль»[4].

В отличие от поэмы Блока «Двенадцать», с оглядкой на которую создавался «Христос воскрес», поэма Белого вбирает в себя лишь единичные и разрозненные материальные приметы, отличительные для данного места и времени свершения «мировой мистерии», притом зачастую именно те мотивы и образы, которые уже эксплуатировались автором ранее: фигурирующие, например, в главке 16-й «железнодорожная линия», «взлетающие стрелки», «телеграфная лента»

---

[1] Новая русская книга. 1922. № 9. С. 19.

[2] Письмо к П. А. Флоренскому от 14 августа 1905 г. // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка. С. 473.

[3] *Белый Андрей.* Стихотворения. Берлин; Пб.; М., 1923. С. 350.

[4] *Меньшутин А., Синявский А.* Поэзия первых лет революции. 1917—1920. М., 1964. С 199.

заставляют вспомнить о «железнодорожных» стихотворениях в «Пепле»[1], однако «негативная», безысходная жизненная круговерть на этот раз обретает смысл и оправдание: «Всё, всё, всё / Сулит / Невозможное». Столь же фрагментарно очерчена в поэме мистерия Голгофы, но с акцентированием экспрессивных и натуралистических деталей, обнаруживающих себе великие аналоги в немецкой живописи, высоко ценимой Белым, — в «Мертвом Христе» Г. Гольбейна Младшего и «Поругании Христа» Грюневальда[2]. Линейного сюжета Белый не выстраивает, он лишь чередует относительно самостоятельные и самодостаточные картины и эпизоды, поглощаемые разворачивающимся во вневременной плоскости мистериальным метасюжетом. Художественное единство поэмы формируется религиозно-философской мыслью, находящей опору в христологических воззрениях Р. Штейнера, соотносимых с артикулированными в антропософском ключе представлениями о воплощении самосознания человека[3]. Антропософскую родословную имеет и патетический образ России — «Невесты», «Облеченной солнцем Жены», «Богоносицы, побеждающей Змия»: мистические вдохновения Белого имеют свою питательную почву прежде всего в развиваемых Штейнером предсказаниях особой, определяющей грядущие судьбы мира роли России, которую она должна сыграть в близком историческом будущем[4].

«Ученичеством» Белого у Штейнера объясняются, в конечном счете, и те формальные новации, которые получают форсированное развитие в его стихотворчестве пореволюционных лет. Путь антропософии предполагает восхождение самосознающего субъекта к высшим духовным смыслам, к постижению единства вселенной, «через него познающей самое себя; основа же этого единства — всепроникающий мировой ритм»[5]. Биение вселенского ритма сказывается в ритмических пульсациях поэтического текста, и Белый считает необходимым уловить и воплотить эту динамику наиболее наглядным образом, в нестандартном графическом воспроизведении стихотворных строк, отражающем интонационно-смысловые модуляции. Первый опыт последовательной манифестации подобных установок был осуществлен им в книге «Королевна и рыцари» (1919): включенные в нее стихотворения почти десятилетней давности, написанные стандартными размерами и ранее публиковавшиеся в традиционном графическом оформлении, здесь были представлены в широком много-

---

[1] См.: *Аллен Л.* Поэма А. Белого «Первое свидание» в полемическом контексте эпохи // Аллен Луи. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 98.

[2] См.: *Корецкая И. В.* Поэма Андрея Белого «Христос воскрес»: экспрессия палитры // Корецкая И. В. Литература в кругу искусств (полилог в начале XX века). С. 192.

[3] См.: *Кулешова Е. Л.* Символика самосознания в поэме Белого «Христос Воскрес» // Кулешова Екатерина. Полифония идей и символов: Статьи о Белом, Блоке, Брюсове и Сологубе. Торонто, 1981. С. 23—31.

[4] См.: *Майдель Р. фон.* О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник. XI. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 917). Тарту, 1990 С. 67—81; *Корнева М. Ю.* Образ России у Рудольфа Штейнера // Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998. С. 305—316.

[5] *Гаспаров М. Л.* Белый-стиховед и Белый-стихотворец. С. 449.

образии вариантов: соотносимые одна с другой горизонтальные строки исходного текста то сохранялись, то разбивались на вертикальные столбцы, на косые ступеньки, записывались вертикальными столбцами, сдвинутыми вправо, и т. д.[1] Один стих привычного четырехстопного ямба разбивался на две или три строки, каждая из которых получала тем самым усиленную интонационную нагрузку; вся совокупность подобных графических приемов вела к усилению смысловой и ритмической валентности каждой словесной единицы поэтического текста, к повышению ее эмфатического тонуса, вплоть до выделения отдельными строками служебных слов — предлогов и союзов: «А / Из / Темных / Бездомных / Далей / На / Косматых, / Черных / Конях» («Перед старой картиной»).

Подобные приемы Белый осознавал как один из способов «расставом» слов передать «ритмический жест» стихотворения: изучение динамического ритма, воплощающегося в математически вычисляемой по особой формуле кривой «ритмического жеста», он положил теперь в основу своей стиховедческой методики. Ритмико-интонационный жест дает возможность, по убеждению Белого, передать всю динамику эстетического целого во всех его составных компонентах[2]. Некоторые аналитики подчеркивали, что художественное слово Белого вбирает в себя не только музыкальные ритмы, но также пение и танец, «притом некий священно-ритуальный танец», что Белый «не столько пишет свои произведения — художественные и теоретико-философские, — сколько их «вытанцовывает»...»[3] «Танцевальная» составляющая «ритмического жеста», отражающегося в экспериментальной поэтической графике, обнаруживает свой аналог (а возможно, и стимул), опять же, в антропософском опыте Белого — в изобретенной Штейнером практике эвритмии, театрализованных мелопластических упражнений на заданные литературно-философские темы, призванных передать в тактах движений и в волнах звучащей речи жизнь души и духа.

Свобода воспроизведения текста в различных графических вариациях оказывалась безграничной, открывая возможность представить один и тот же словесный комплекс неравным самому себе, демонстрирующим разнообразные ритмико-интонационные версии самого себя. Например, стихотворение «Чаша времен» в своем первоначальном варианте, вошедшем в «Собрание стихотворений» (1914), имело форму двух традиционно оформленных четверостиший; первое из них:

> Открылось!.. Весть весенняя!.. Удар — молниеносный!..
> Разорванный, пылающий, блистающий покров!
> В грядущие, громовые, блистающие весны,
> Как в радуги прозрачные, спускается Христос.[4]

---

[1] См.: *Гаспаров М. Л.* «Шут» А. Белого и поэтика графической композиции // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 191—207.

[2] См.: *Чурсина Л. К.* Концепция «жеста» в работах А. Белого // Слово и жест в литературе: Сб. научных трудов. Воронеж, 1983. С. 39—41.

[3] *Ильин В. Н.* Андрей Белый и псевдонаучная легенда о связи гения и помешательства // Ильин Владимир. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 280.

[4] *Белый Андрей.* Собрание стихотворений 1914. М., 1997. С. 309.

При включении в «Звезду» нечетные строки этого четверостишия оказались разбитыми, соответственно, на три, расположенные по центру полосы; тем самым изначальное четверостишие предстало в виде двух изоморфных строф:

Открылось!
Весть весенняя!
Удар — молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
Громовые
Блистающие весны,
Как в радуги прозрачные, спускается — Христос.

В книге Белого «Стихи о России» дана иная конфигурация: сохранены в своем горизонтальном единстве 1-я и 4-я строки первоначальной версии текста, текст 2-й и 3-й строк выстроен по вертикали:

Открылось!... Весть — весенняя: удар молниеносный...
Разорванный,
Пылающий,
Блистающий
Покров.
В грядущие, громовые,
Блистающие
Весны,
Как в радуги прозрачные, спускается — Христос![1]

Наконец, в книге Белого «Зовы времен» появляется еще один вариант — сходный с текстом «Звезды», но отличающийся от него тем, что нечетные строки первоначальной версии текста разбиты не на три, а на четыре отдельных стиха:

Открылось:
Весть — весенняя!
Удар —
Молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
В громовые
Блистающие
Весны —
Как в радуги прозрачные, спускается: Христос!

По той же модели видоизменялось всякий раз и второе четверостишие стихотворения. Дополнительные нюансы привносились посредством варьирования пунктуации: в этом отношении каждый из четырех приведенных фрагментов, опять же, не равняется другому.

[1] *Белый Андрей.* Стихи о России. Берлин, 1922. С. 42.

Рассмотренный случай — один из наиболее наглядных и элементарных; сплошь и рядом Белый менял графическую архитектонику поэтического текста самым прихотливым образом.

Программное обоснование своих новаций Белый дал в предисловии к сборнику стихов «После разлуки» (1922), где провозгласил *«мелодизм* как необходимо нужную школу», позволяющую вскрыть «интонационный жест смысла»; как попытку демонстрации «мелодических» приемов он рассматривал весь корпус поэтических текстов, составивших его книгу. В данном случае примечательно, что эксперименты в области поэтической техники, начатые в пору штейнерианского «ученичества» и отразившие новый всплеск мистического воодушевления Белого, продолжились и даже усугубились в очередной «нигилистический» период его духовной биографии, с наибольшей остротой переживавшийся в Берлине в 1922—1923 гг. и отмеченный кризисом антропософских убеждений и тяжелой личной драмой — разрывом с А. Тургеневой. Душевный надрыв, вызванный этой драмой, запечатлелся во многих стихотворениях, вошедших в «После разлуки», которые, при всех своих формальных экстравагантностях, оказались удивительно созвучными с прежними стихотворениями «Пепла» и «Урны», навеянными образом Л. Д. Блок — вплоть до совпадения отдельных словесных формулировок: «лицо холодное и злое» из стихотворений 1907 года «В поле» и «Совесть» вновь возникает в берлинском стихотворении «Ты — тень теней», только теперь перед внутренним взором Белого другое лицо, лицо покинувшей его жены[1]. «Мелодизм» торжествует в «После разлуки» не только графической безудержностью; «мелодия» в этой книге всецело подчиняет себе локальную семантику и управляет ею: слово десемантизируется, перекодируется в звукоритмическую единицу. Аналог этим опытам творческой синэстезии можно обнаружить уже не столько в эвритмии, сколько в ее «негативном» подобии — эстрадных танцевальных ритмах, которыми упивался Белый в Берлине как своего рода духовным наркотиком, как формой саморазрушения и самоосмеяния. Белый осознавал, видимо, такую взаимосвязь, когда писал в предисловии к разделу «После Звезды» (составленному из стихов, входивших в «После разлуки»), который завершал его итоговый сборник «Стихотворения» (1923): «...музыка "пути посвящения" сменилась для меня музыкой фокстрота, бостона и джимми <...>»[2].

«Мелодическая» теория и «мелодические» эксперименты Андрея Белого были восприняты современниками в основном без энтузиазма и вызвали целый ряд контраргументов, хотя и оказали латентное влияние на поэтическую практику: как отметил М. Л. Гаспаров, окончательное оформление ступенчатого стиха («лесенки») Маяковского в поэме «Про это» (1923) произошло вслед за появлением «После разлуки» и под вероятным воздействием опытов Белого по дроблению стихотворных строк[3]. Белый оставался верен выработанным «мелодическим» установкам и в стихотворениях 1920-х — начала 1930-х гг., которые в большинстве своем представляли собой радикально

[1] Ср.: *Хмельницкая Т. Ю.* Поэзия Андрея Белого. С. 48—49.

[2] *Белый Андрей.* Стихотворения. Берлин; Пб.; М., 1923. С. 471.

[3] См.: *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974. С. 436—437; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 238—239.

переработанные редакции прежних поэтических текстов, — однако у этих произведений, составивших объемистую книгу «Зовы времен», уже почти не было шансов быть напечатанными в советских условиях (вышла в свет в 1929 г. лишь новая версия «Пепла», не сыгравшая в литературной жизни той поры заметной роли). Белый неоднократно указывал, что основной причиной переработки ранних стихотворений было стремление устранить рукой зрелого мастера юношеские несовершенства поэтической техники при сохранении прежнего образного строя и эмоционального пафоса; если такие доводы соотнести с его же признаниями о том, что в антропософском мировидении обрели четкие и осмысленные контуры прежние бесконтрольные духовные интуиции, формировавшие его внутренний мир на рубеже веков, то задача «перековки» «Золота в лазури» в «Зовы времен» предстанет не сугубо формальной. «Зовы времен» — это опыт воскрешения прежнего Андрея Белого в новом Андрее Белом под воздействием антропософских лучей, выявляющих в изменившейся и неизменной творческой субстанции дополнительные оттенки и смыслы, претворяющих ранее сложившийся образный строй в «мелодическую» словесную эвритмию. Виртуозность исполнения «мелодических» заданий сочетается в этих старых-новых стихах с определенным схематизмом в использовании лексико-синтаксических конструкций; круговращение образов, неожиданных и эксцентричных, демонстрирующих исключительную изобретательность автора, в том числе и в плане словотворчества, осуществляется вокруг неизменного центра, в котором пребывает «лирический субъект, почти с автоматической точностью встроенный в космические ритмы и целиком детерминированный ими»[1].

Попытки Андрея Белого в зрелую пору жизни вернуться к своим духовным истокам и выявить в новом словесном строе изначально заданную ценностную сущность выразились не только в переработках ранних стихотворений; тем же стремлением продиктована его автобиографическая поэма «Первое свидание», в основе своей написанная в один присест (Троицын день и Духов день 1921 г.) и признаваемая многими, писавшими о Белом, вершиной и квинтэссенцией его поэтического творчества. Созданная, по формуле любимого Белым Баратынского, «под веяньем возвратных сновидений», воскрешающая «эпоху зорь», сформировавшую творческую индивидуальность автора и навсегда определившую ее духовные скрижали, эта поэма дает пример гармонического сочетания «старого», сохраненного в воспоминании, и «нового», оживляющего воспоминание, позволяющего ощутить «старое» как непреходящее и неизменное. Ретроспективному взгляду на пережитое соответствует ретроспективизм творческой манеры Белого в этом произведении, ориентированном на пушкинскую традицию. Композиционная свобода, стилистика непринужденного, полушутливого разговора автора с читателем, сочетание лирических медитаций с бытовыми зарисовками, редуцированность фабульного начала до контаминации отдельных эпизодов и зарисовок, — все эти особенности «Первого свидания» позволяют

[1] *Шагин Ю. В.* Референциальное пространство в лирике Андрея Белого 1920—30 годов // Пространство и время в литературе и искусстве: Методические материалы по теории литературы. Даугавпилс, 1990. С. 78.

возводить родословную поэмы к «Евгению Онегину»[1]. Имеются у нее свои прообразы и в более раннем поэтическом творчестве Белого — в стихотворных посланиях к Льву Толстому, Сергею Соловьеву, Э. К. Метнеру, объединенных в раздел «Посвящения» в «Урне», в стихотворении «Вячеславу Иванову», дающем мимолетный лирический очерк быта на знаменитой ивановской «башне», но и эти опыты выказывают явную зависимость от поэтической традиции, восходящей к «золотому веку» русской поэзии. Концентрируя в себе наиболее характерные черты поэтического мира Андрея Белого, отображая его в свободно льющихся импровизациях «музыкального звукоряда», поэма в то же время примечательна тем, что захватываемая словом безбрежная стихия переживаний и устремлений ограничена и оформлена в ней традиционным, пушкинским четырехстопным ямбом: сочетание безмерности и меры вызывает безусловный художественный эффект, которого далеко не всегда достигает Белый в стихотворениях, свободных от следования внешнему канону.

Мир идей и образов Андрея Белого, остающийся одним из самых ярких и совершенных воплощений символистского творчества и «жизнетворчества», разомкнут в будущее. Многие младшие современники писателя испытали сильное воздействие его художественного слова: при этом Белому наследовали не только созвучные ему по мироощущению и творческой психологии Марина Цветаева или Борис Пастернак, но и такие духовные антиподы, как Владимир Маяковский, и такие непредсказуемые преемники, как Александр Введенский и Даниил Хармс[2]. «Вся поэзия 10-х и начала 20-х годов (как и проза начала 20-х годов) немыслима без теории и эксперимента Белого, — утверждает современный исследователь. — <...> Пастернак в годы войны не раз говорил о громадном значении для него Блока как поэта, равнозначного Пушкину. Другие символисты, по его словам, были напоминанием о поэтической технике. Но Белый так напомнил о поэтической технике, что изменил ее у всех следовавших за ним поэтов. В этом смысле им начинается то великое обновление русского стиха, которое осуществилось в первой четверти нашего века»[3]. Даже если бы сказанным исчерпывалось значение созданного Белым-поэтом, это было бы уже немало.

А. В. Лавров

---

[1] См.: *Хмельницкая Т. Ю.* Поэзия Андрея Белого. С. 58—59; *Чумаков Ю. Н.* «Первое свидание» А. Белого в русле онегинской традиции // Жанрово-стилевое единство художественного произведения: Межвузовский сб. научн. трудов. Новосибирск, 1989. С. 109—118; *Чурсина Л. К.* Пушкинские реминисценции в поэме Андрея Белого «Первое свидание» // Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс. Метод. Стиль. Поэтика. Липецк, 1992. С. 47—61.

[2] См.: *Кобринский А.* Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте литературного авангарда. Ч. I. (Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310). М., 1999. С. 31—96.

[3] *Иванов Вяч. Вс.* О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 366.

«МУКИ СЛОВА».
Очерк истории формирования и публикации стихотворных книг Андрея Белого

«Стихотворение никогда не бывает закончено, но лишь покинуто», — любил цитировать Поля Валери английский поэт и эссеист У. Х. Оден[1]. В действительности французский поэт выразился иначе и сложнее: «Стихотворение никогда не бывает законченным — только случай его заканчивает, отдавая читателям»[2]. Андрей Белый тоже писал, что особенность его стихов — «их рыхлость»: «...всё, мной написанное в стихах, в разгляде лет стоит как черновики, с опубликованием которых я поторопился»[3]. Историю стихотворного наследия Белого и его отношения к собственным стихам, безусловно, можно было бы привести в качестве иллюстрации «истинности» взгляда Валери на создание поэтического текста, который, находясь в зависимости от языка для своего выражения, может только приближаться к совершенству, Идеалу, но никогда не достигает его. И отсюда «муки слова».

Но история писательского наследия Белого представляет собой скорее историю творческого сознания и поэтической системы, пребывающей в состоянии постоянного развития и нескончаемого становления. Она напоминает жизненный и поэтический опыт другого символиста, ирландского мастера У. Б. Йейтса, который, подобно Белому, постоянно работал над переделкой своих старых стихов и формированием новых собраний этих текстов. О нем можно сказать то, что уже отмечалось применительно к творческой практике Белого: «любое новое авторское обращение к тексту ранее созданного произведения оборачивалось переработкой этого произведения»[4]. Есть свидетельство В. Ф. Ходасевича о том, как Белый, готовя к печати «Пепел» и «Урну» в 1908 г. после своего «открытия» метода описания ритма русского ямбического стиха, «вдруг принялся коренным образом перерабатывать многие стихотворения <...> Разумеется, их ритмический узор, взятый в отвлечении, стал весьма замечателен». Однако Ходасевич тут же прибавляет: «...в целом стихи сплошь и рядом оказывались испорчены. Сколько ни спорил я с Белым — ничего не

---

[1] *Auden W. H.* A Certain World. New York, 1970. P. 423.

[2] Из тетрадей (раздел: Глазами автора — варианты) / Пер. В. М. Козового // Валери Поль. Об искусстве. М., 1976. С. 148.

[3] Предисловие (1931 г.) к сборнику «Зовы времен» (см. т. 2 наст. изд., с. 168).

[4] *Лавров А. В.* Текстологические особенности стихотворного наследия Андрея Белого (общие замечания) // Русский модернизм: проблемы текстологии. Сборник статей. СПб., 2001. С. 7.

помогало. Стихи вошли в его сборники в новых редакциях, которые мне было больно слышать»[1]. Не один Ходасевич считал, что Белый, перерабатывая собственные стихи, калечил их. Молодой Вл. Пяст и другие поклонники Белого даже «собирались учредить "Общество Защиты Творений Андрея Белого от жестокого его с ними обращения"»[2]. Друзья Йейтса подобным же образом протестовали против частой переработки им своих произведений и умоляли его больше не трогать их. В ответ он поместил в письме 1908 г. к одному из них четверостишие, которое можно было бы перефразировать так: «Друзья, полагающие, что я делаю ошибку, / когда я переделываю свою Песнь, / должны понимать, что ставится на карту: / я сам себя переделываю»[3]. Представители разных культур, Белый и Йейтс разделяли один и тот же принцип, характерный для символистов, — веру в нерасторжимость искусства и жизни. Писатель, приводящий им написанное в порядок, приводит в порядок и себя. Как писал Белый, цитируя В. Я. Брюсова: «Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь»[4]. В результате такого «жизнетворчества в стихах» и динамичности творческой натуры самого Белого, возникает необычайно сложная история формирования стихотворного наследия писателя и создания им собственного мифа о своем жизненном и творческом пути.

1

Стихи Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева, 1880—1934) впервые появились в печати в 1903 г., в третьем выпуске альманаха «Северные цветы», в виде цикла под названием «Призывы». Их автору тогда было двадцать два года, и, как он утверждал, стихи эти были не первыми. Писать он начал еще в 1896 г.: «В эту эпоху начинается мое авторство; я пишу: пишу много, но — про себя; стыдливость моя не знает пределов; если бы меня уличили в те дни в писании стихов, я мог бы повеситься»[5]. Эти первые творческие опыты в прозе и стихах, которые он осмеливался читать только своей няне Афимье Ивановне Лавровой, Белый так характеризовал в письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г.: «...в конце 1896 года я уже про себя пишу; помнится: какая-то несуразная поэма белыми стихами на тему "*Крестоносцы*", навеянная "*Освобожденным Иерусалимом*"; <...> с 1897 года я уже, так сказать, перманентно пишу; энное количество стихов

[1] *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 53. («Некрополь», 1939).

[2] *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 110.

[3] «The Friends that have it I do wrong / When ever I remake a Song, / Should know what issue is at stake: / It is myself that I remake» (The Variorum Edition of the Poems of W. B. Yeats. New York, 1957. P. 778).

[4] *Белый Андрей.* Арабески. М., 1910. С. 314 («На перевале. XIII. Realiora»; впервые: Весы. 1908. № 5). Белый цитирует статью «Священная жертва» В. Я. Брюсова, впервые опубликованную в «Весах» (1905. № 1).

[5] *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 337. В автобиографических записях «Материал к биографии» (1923) Белый относит начало своего «авторства» к осени 1895 г.: «Я начинаю тайно пописывать стихи (весьма убого)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 5 об.).

моих *ужасно, безудержно* декадентские; в этот период Верлэн и Метерлинк — непроизвольные инспираторы моей беспомощной лирики; они — "дрожжи", а "тесто" дрожжей — Бальмонт и... представьте... Полонский, которым одно время я, Бог весть почему, увлекаюсь. Помнится, что моим первым лирическим произведением (кажется — 1896 год) было следующее четверостишие:

Кто там плачет над могилой
У подгнившего креста?
Это волки завывают?
Нет, то плачет тень моя.

В эту эпоху я пишу неоконченную поэму под названием "*Тристан*" (5-стопный ямб). И какую-то ужасную философскую галиматью с претензией на Гете и на "*Дон Жуана*" Алексея Толстого»[1].

В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» Белый под последним (седьмым) номером указывает: «Все стихотворения, написанные в эпоху от 1896 до 1899 года (уничтожены автором)»[2]. Однако, несмотря на все старания автора, многие из его юношеских произведений уцелели. И хотя обе упомянутые поэмы, вероятнее всего, действительно были уничтожены, сохранилась рабочая тетрадь Белого, первая часть которой озаглавлена им «Лирические отрывки (в прозе)», а вторая — «Лирические отрывки (в стихах)». Тетрадь эта и является наиболее представительным собранием ранних произведений Белого)[3]. Всего в ней 137 стихотворений, датированных январем 1896 г. — концом 1901 г., а также 26 прозаических отрывков того же периода (Белый сам пронумеровал их, как и стихи).

В первом томе своих мемуаров Белый приводит «беспомощное четверостишие», относящееся к этой ранней поре его авторства:

Унылый, странный вид:
В степи царит буран,
Пыль снежная летит,
Ложится на бархан[4].

Белый, по-видимому, записал его по памяти. В тетради, под номером «18», есть его оригинал, датированный январем 1896 г. и являющийся самым ранним из «лирических отрывков (в стихах)». Как и большинство из них, он не разделен на строки:

---

[1] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 486. Белый приводит другой вариант цитированного четверостишия в «На рубеже двух столетий» (С. 337).
[2] РНБ. Ф. 60. Ед хр. 31.
[3] РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1. Поскольку эта тетрадь не упоминается в подробном библиографическом обзоре «Литературного наследства Андрея Белого», составленном К. Н. Бугаевой, А. С. Петровским и Д. М. Пинесом (Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 575—638), можно предположить, что она была обнаружена после его составления.
[4] *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. С. 337.

Декабрь. Угрюмый вид. Ночь пасмурна. Туман.
В избе огонь горит. В степи ревет буран.

...Пыль снежная летит. Ложится на бархан....
....
....
...В избе огонь горит. В степи царит буран.

Белый перечеркнул одной вертикальной линией весь текст, а затем переработал его в более развернутое стихотворение (датированное январем 1896 г.; оно, в отличие от большинства стихов в тетради, не зачеркнуто):

Декабрь. Угрюмый вид.
Ночь пасмурна. Туман.
В избе огонь горит.
В степи царит буран.

Туманная луна...
«Ты слышишь — это вой...
Ты видишь — у окна,
Танцует волк больной...»

«Не слышит: сладко спит...»
Ночь пасмурна. Туман.
Пыль снежная летит,
Ложится на курган[1].

Белый не раз обращался к подобным ранним опусам как к своего рода сырью для своих более поздних стихов (на это указывают два разных типа почерка в тетради, более поздний характерен для периода, начинающегося с 1900 г.). После многочисленных переделок Белый отказался от большинства из переработанных стихов, и лишь немногие (20 стихотворений, 4 прозаические миниатюры) вошли в его первый сборник стихов.

Хотя эти ранние стихи — смесь Гейне, Бодлера, Полонского, Фета, Апухтина, Надсона, Верлена, Бальмонта, Брюсова, Метерлинка и др. — не выдерживают критики с эстетической точки зрения[2], их тематика приоткрывает черты будущего писателя и в них впервые появляются многие лейтмотивы и образы (например, старик и ребенок),

---

[1] РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 51 об. Оба «варианта» впервые были опубликованы в составе трехтомного собрания стихов Белого под № 456 и 457 (вместе с другими из тетради: № 462—470, 472—474): *Белый А.* Стихотворения. Т. II: Несобранное, переработанное и неопубликованное / Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad. München, 1982. С. 57 (одно неверное чтение рукописи поправлено здесь). Белый не раз возвращался ко второму тексту, многократно пытаясь его переделать.

[2] В упомянутой тетради, после заголовка «Лирические отрывки (в стихах)», сам Белый записал: «(зачеркнуты стих<отворения>, не выд<ерживающие> критики)» (л. 37).

которые сохранятся в его творчестве на протяжении всей жизни. В этой «детски-беспомощной лирике с вовсе не детскими темами» раскрывается и «диковатая, странная жизнь про себя» молодого Белого[1]. Вот два из незачеркнутых стихов 1897 г. в упомянутой тетради, воспроизведенные строками прозы:

№ 58
Брат безнадежный забудься, усни! Разум запутался
в бездне сомнений... Может быть некогда явится
гений... Всех просветит.... [А пока] отдохни...

Может быть с неба слетит к нам участье. Я разбужу
в этот радостный миг... Ну, а пока слышишь жалобный
крик?... Это бунтует ненастье.

Ишь, как тебя пожирает недуг!... Тщетно Спасителя
в мир призывая, все ты стучишь у преддверия рая...
Спи, мой замученный друг....

1897 г. декабрь. Москва.

№ 96
Есть чудеса непонятные нам... Ужасом сердце
смущают они... Я о них расскажу когда полночь
пробьет... Когда образ туманный заглянет в окно...
Страх я увижу в ваших очах... Бледность прогонит
румянец со щек... И с тоскою вы будете слушать меня,
озираясь невольно на темную ночь...

......В окна стучится вихрь ледяной... С кладбища
слышен стон мертвецов... Безнадежные образы в вечность
скользят... И кошмар за кошмаром рождается вновь...

1897 г. июнь. Даниловка[2].

Эти и многие им подобные стихи в тетради свидетельствуют в пользу сказанного Белым: «...произведения символистов <...> отбрасывают меня к странным играм моим в "*нечто багровое*"; <...> стихотворения первых "*символистов*" в эпоху 1897—1899 годов воспринимаются мною, как "*кошмаризм*", а не "*символизм*"; это — мир "*декадентства*", "*болезнь чувствительных нервов*"»[3].

Никого из родных молодой гимназист не посвящал в свои писания. Но уже с начала 1899 г. Белый читает свои произведения М. С. Соловьеву, младшему брату философа, его жене и их сыну Сереже, своему новообретенному и самому близкому другу[4]. В семье Соловь-

---

[1] *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. С. 337.

[2] РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 82 и 120. Публикуются впервые. Даниловка — имение Усовых (Петровского уезда, Саратовской губ.), где Белый с матерью провел лето 1897 г.

[3] *Белый Андрей.* Почему я стал символистом... // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 428. Стихотворение № 48 в тетради имеет подзаголовок «Бред» (л. 75).

[4] *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. С. 380.

евых, живущих в том же доме Рахманова на Арбате, где и семья Белого, его первые литературные опыты были приняты не только с симпатией, но даже восторженно; поддержка Соловьевых вдохновила Белого на новые сочинения. Подтверждения этому — в упомянутой тетради и в других материалах, относящихся к рубежу веков. Короткие ранние отрывки переросли в более крупные лирические тексты, а фрагменты в прозе были расширены (некоторые из них легли в основу прозаических «симфоний»)[1].

Белый, сомневаясь по поводу будущей своей профессии, долго не хотел печататься: «В 1901 году я колебался: кто я? Композитор, философ, биолог, поэт, литератор иль критик? <...> показ отцу слабоватых стихов и "Симфонии" другу — посеяли сомнения в собственном "таланте": отец стихи — осмеял; друг откровенно отметил, что я-де не писатель вовсе. <...> но Соловьевы меня тут поддержали всемерно»[2]. В историю русской литературы Андрей Белый вошел в апреле 1902 г.: московское символистское издательство «Скорпион», по инициативе М. С. Соловьева, придумавшего также и псевдоним для своего молодого друга, выпустило его «Симфонию (2-ю, драматическую)»[3]. «Симфония», пронизанная полусерьезным, полупародийным апокалиптическим мироощущением начала века, да еще и выраженным в необычайной форме («симфония в прозе»), обратила на себя внимание московских читателей. Скоро в модернистских кругах об авторе заговорили как о молодом, подающем надежды «декаденте».

Год спустя, весной 1903 г., Белый дебютировал как поэт в двух московских альманахах: в «Северных цветах», выходивших в издательстве «Скорпион» под редакцией Брюсова, и в «Грифе». Когда Брюсов, требовательный мэтр и наставник, принял стихи к печати в своем альманахе, он подверг их беспощадной критике[4]. Несмотря на это молодой поэт был «совсем не раздавлен»: «...наоборот: охватила огромная радость познания; я понял впервые тогда, что́ собой представляет конкретный и грамотно сложенный стих; урок Брюсова не пропал; я впервые стал крепко работать над собственной формой»[5]. Автобиографические записи Белого свидетельствуют о его напряженной работе над стихами весной 1903 г.: «*Март* <...> пишу стихи почти весь цикл "Прежде и теперь", имеющий большой успех у "*Скорпионов*", "*Грифов*" и Бальмонта); папа помалкивает, а мама — сторонница моих стихов; <...> Модернисты меня балуют; Брюсов — заискивает; <...> у меня кружится голова; <...> *Апрель* <...> Вышли "*Северные Цветы*" и "Гриф". <...> Много пишу стихов из цикла "*Золото в Лазури*"»[6].

Первое предложение выпустить сборник стихов Белый получил от владельца московского издательства «Гриф» Сергея Кречетова

[1] См.: *Лавров А. В.* Юношеская художественная проза Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 107—150.

[2] *Белый Андрей.* Начало века. М., 1990. С. 135.

[3] Там же. С. 145; На рубеже двух столетий. С. 524—525.

[4] *Белый Андрей.* Начало века. С. 183—184.

[5] *Белый Андрей.* Валерий Брюсов // Россия. 1925. № 4 (13). С. 278.

[6] *Белый Андрей.* Ракурс к Дневнику (январь 1899 г. — 3 июня 1930 г.) // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Далее (в примечаниях и в самом тексте): *РД*.

(псевдоним С. А. Соколова), видимо, ранним летом 1903 г.[1], но, учитывая просьбу Брюсова, он отдает предпочтение «Скорпиону»[2]. В июне Белый написал «надрывные стихи "*Не тот*" и др<утие> для "*Золота в Лазури*"; нота — тихого богоборчества и недоумения» (*РД*). Июль и август он провел в отцовском имении Серебряный Колодезь, где его охватили «налеты лирических волн»: «...я весь месяц <июль> пишу очень много стихов для "Золота в Лазури" в тонах светлой грусти <...> Можно сказать, что "*Золото в Лазури*" написано летом 1903 года; максимум стихотворений падает на июль» (*РД*). В августе он еще был занят «усиленным писанием стихов» (*РД*), но уже приступил и к составлению сборника. То, что Белый торопился издать книгу до конца года («Напишите, издадите ли вы сборник в течение осени, ибо позднее его не имеет смысла издавать», — пишет он Брюсову 24 июля), возможно, объяснялось растущим чувством неудовлетворенности ею. 9 августа он писал Брюсову: «Вообще я смотрю на печатаемый сборник как на свое прошлое, а не теперешнее. "Nota bene" я поставил над теми отрывками, которые мне лично кажутся сомнительными даже для прошлого. "Скорпион" пусть устанавливает над ними окончательный приговор»[3]. В открытке от 16—17 августа Белый сообщал Брюсову, фактическому руководителю «Скорпиона», о том, что рукопись уже выслана в издательство.

Начались проблемы с подготовкой сборника к печати, самой трудной из которых оказался выбор заглавий — ко всей книге и к отдельным ее частям. Получив рукопись, Брюсов, редактор книги, назвал сборник «интереснейшим» из одиннадцати, издаваемых «Скорпионом», и выразил собственное мнение по поводу заглавий: «"Призывы" как заглавие недурно, но и не очень хорошо. "Золото на лазури" — прекрасно и верно из Белого. <...> Остальные заглавия отделов — слабы. Особенно "Прежде и теперь". Не то! нет! не то! Поищите еще»[4]. Белый же в ответном письме к Брюсову от 30 августа (пускай и не безапелляционно), но настаивал на своем, предлагая сразу несколько вариантов: «Что касается сборника, то, быть может, вместо "Призывы" озаглавить весь сборник "Золото в лазури", оставив это же заглавие за первой частью. А то: "Закаты", "Светы", "Лучи и отсветы". Вместо "Образы" предлагаю: "Пришельцы из хаоса", "Фантомы из бездны" (а может и: "над бездной"...), "Из бездны веков", "Сказки хаоса". Вполне постигаю свою крайнюю бездарность в выборе заглавий, но лучше придумать не умею. Вместо неудачного: "Прежде и теперь" так и не мог придумать ничего, кроме ужасного: "Парики и пиджаки". Вместо: "Пурпур и тернии" — "Багряница", "Багряница в небе", "Любовь и багряница", "Красные светы", "Капли крови". Вместо "Северные элегии" — "Туманы", "Северный туман", "Север". Вот все, что мне пришло в голову. Простите за убогость фантазии. Опять, опять, опять — милая осенняя ограниченность! В голове ни мыслей, ни образов — свищет

[1] См. письмо Белого к В. Я. Брюсову от 18 августа 1903 г., прим. 1 (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 365).
[2] См. письмо Белого к Брюсову от 24 июля 1903 г. // Там же. С. 360.
[3] Там же. С. 363.
[4] Там же. С. 365. Письмо около 20 августа 1903 г.

бездумный ветерок <...>»[1]. В переписке отсутствуют дополнительные детали, касающиеся обсуждения заглавий. В вышедшей книге имеются пять разделов: «Золото в лазури», «Прежде и теперь», «Образы», «Лирические отрывки в прозе» и «Багряница в терниях». Последний из упомянутых в письме к Брюсову разделов («Северные элегии»), к которому Белый предлагал несколько альтернативных названий, отсутствовал вообще, а стихи, предназначавшиеся для него, оказались в других разделах.

Желание Белого напечатать сборник быстро, до конца 1903 г., не сбылось. Книга «Золото в лазури» вышла в свет только весной 1904 года. Поскольку издание сборника задерживалось, Белый успел включить в последний его раздел еще одно стихотворение, «Безумец», написанное в начале марта и выражавшее его разочарование «аргонавтизмом» (*РД*). Цензурное разрешение на печатание сборника было получено 17 марта 1904 г. в Нижнем Новгороде, где друг Белого Э. К. Метнер, брат композитора, служил цензором[2]. В начале апреля книга, посвященная матери поэта и оформленная Н. П. Феофилактовым, основным художником журнала «Весы», поступила в продажу. «В те скорбные дни, — вспоминает Белый, — на столах красовалася книга с безвкусной обложкою: "Золото в лазури", дразнившая прошлым меня; воротило от книжного вида и сути: беспомощность, самоуверенность детских стихов удручала в сравнении с маленькой, трудно прочтенной книгой стихов Вячеслава Иванова, т. е. "Прозрачностью"; я и Иванов, — как два коня пред ипподромом; и было мне ясно: Иванов меня обскакал»[3].

Неудовлетворенность Белого не была внешней позой, данью моде на изнывающего от тоски молодого художника. Он страстно стремился выразить себя, но его преследовала мысль, что в «Золоте в лазури» ему не удалось осуществить это. Гипертрофированная самокритика мучила его всю жизнь. Во вступлении к книге «Урна» Белый в очередной раз пишет о том, что стихотворения «Золота в лазури» еще далеки от совершенства: «Озаглавливая свою первую книгу стихов "*Золото в лазури*", я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом несовершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие. <...> Еще "Золото в лазури" далеко от меня... в будущем»[4]. Это стало его навязчивой идеей. В течение всей своей жизни он постоянно возвращался к «Золоту в лазури», исправляя, пересматривая и перерабатывая свои юношеские стихи. Он обращался к переработке этой книги пятикратно, о чем еще пойдет речь ниже.

В автобиографической записи, относящейся к марту 1904 г., Белый упоминает о том, что не успел он закончить последнее стихотво-

---

[1] Там же. С. 366.

[2] *Белый Андрей.* Воспоминания о Блоке (1922—1923) // Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 104—105.

[3] *Белый Андрей.* Начало века. С. 361. Ср. запись за апрель 1904 г. в *РД*: «Выходит "Золото в лазури", но все интересуются более "Прозрачностью" Вячеслава Иванова и его появлением на московском горизонте».

[4] *Белый Андрей.* Урна. Стихотворения. М., 1909. С. 11—12; Т. 1 наст. изд., с. 297.

рение «Золота в лазури», как в темах его поэзии произошел «решительный сдвиг; <...> Некрасов и Глеб Успенский появляются на моем столе; и я очень вслушиваю<сь> в народничество Малафеева» (*РД*). Он пишет стихотворение, которое позже вошло в его следующий сборник: «Таков мой переход к теме "Пепла": себя ограничить "реальным" предметом, избой, — не рефлексами солнца на крышах соломенных; и овладеть материальной строкой, чтобы ритмы не рвали ее; образцы мои — Тютчев, Некрасов и Брюсов»[1].

К 1904 г. Белый стал уже одной из самых ярких фигур в интеллектуальном и литературном кругу русских модернистов. Вместе с Брюсовым он — один из руководителей нового символистского журнала «Весы». Его растущая известность, кроме всего прочего, приводила к тому, что Белый должен был отдавать много сил деятельности по утверждению эстетики и философии символизма. Редакционно-журнальная работа, чтение лекций, участие во всевозможного рода организационных мероприятиях все больше занимали его время. В период между 1904 и 1909 гг. в среде символистов разгорались неистовые дискуссии, порой переходившие в непримиримую личную вражду, и Белый был их живым и активным участником. Поражает, как он в это же самое время смог создать такое огромное количество произведений в прозе и стихах, а также написать ряд критических статей.

Примечательны записи в «Ракурсе к Дневнику», касающиеся только поэзии в период 1904—1906 гг.: «*Май <1904 г.>* <...> Пишу стихотворение "*Тройка*". И несколько стихотворений "*Пепла*". Увлекаюсь Тютчевым. <...> *Август* <...> Пишу стихи <...> Предестинированный интерес к истории философии <...> *Сентябрь* <...> Поступаю на Филол<огический> факультет <Московского университета>; <...> *Ноябрь* <...> все признаки начинающегося волнения; <...> ничего не пишу, кроме рецензий да нескольких ужасно безнадежных стихов (гражданских). Под всеми трепыхами дикий ужас от Москвы и от своей "*каторжной*" службы в кружках. <...> *Апрель <1905 г.>* <...> все более *левею*; <...> Пишу стихи и статью "Апокалипсис в русской поэзии". <...> *Июнь* <...> Весь июнь работаю над поэмой "*Дитя-Солнце*"; написано более 2000 стихов (поэма потом утрачена). <...> Читаю Коваленской поэму "Дитя-Солнце" <...> *Июль* <...> думаю о проблемах ритма; <...> *Декабрь* <...> много пишу стихов <...> *Февраль <1906 г.>* <...> Пишу стихотворение "Горе-Гореваньице". <...> *Май* <...> Впервые начинаю входить в поэзию Баратынского; пристально изучаю Батюшкова, читаю: Гюго, Ронсара, Бодлера; перечитываю Верхарна. <...> *Июль* <...> пишу стихи: "*Панихида*", "*Хулиганская Песенка*"; <...> Пишу "Осинку" <...> *Октябрь* <...> <В Мюнхене> пишу стихи».

Среди многих сообщений в «Ракурсе к Дневнику», относящихся к поэтическим произведениям, написанным в этот период и позже вошедшим во вторую и третью книги стихов Белого, наиболее важным представляется упоминание о поэме «Дитя-Солнце». Она числится первой в «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей»: «Две песни поэмы "*Дитя-Солнце*", обнимавшие более 2000 стихов (ямбы, белый стих, написанный неравностопными строками); поэма должна была заключать 3 песни; третья песнь была не написа-

[1] *Белый Андрей.* Начало века. С. 361.

на; в свое время поэма читалась С. М. Соловьеву и А. А. Блоку; пропала весной 1907 года»[1]. Об этом произведении Белый упоминает также в третьем томе своих воспоминаний: «...под лепет берез <в Дедове> я строчил: поэму "Дитя-Солнце", которой две песни (около трех тысяч стихов) успел окончить; ее сюжет — космогония, по Жан Поль Рихтеру, опрокинутая в фарс швейцарского городка, которого жители разыгрывают пародию на борьбу сил солнца с подземными недрами; вмешан профессор Ницше, — в усилиях: заставить некоего лейтенанта Тромпетера наставить рога лаборанту Флинте, чтобы от этого сочетания жены лаборанта с Тромпетером родился младенец, из которого Ницше хотел сделать сверхчеловека; но рыжебородый праотец рода Флинте вылезает из недр; он борется с Ницше; когда вырастает младенец, то он, снявши шкуру, подстригшись, надевши очки, нанимается, неузнанный, в гувернеры и похищает в горы младенца, чтобы в горных пещерах по-своему его перевоспитать; шарж сложнится; в него ввязывается и Менделеев, приехавший на летний отдых: в Швейцарию. Первая песнь — "мистерия"; вторая — фарс: в окрестностях Базеля; продолжение — следует»[2].

Белый собирался писать третью «песнь» в июле, во время своего пребывания у Блоков в их имении Шахматово[3]. Однако, приехав туда, он понял, что его отношения с ними приобрели слишком тяжелый и болезненный характер, и, как он сам выразился, ему было «не до поэмы». Он прочел им законченные части поэмы и отложил работу над ней: «...оборвавшись, она пролежала два года в столе; <...> Поэма пропадала дважды; в первый раз она выпала из телеги, на которой я ехал в Крюково; крестьянин, нашедший сверток, его мне принес; через два года опять поэма пропала: в те дни, когда я хотел возвратиться к ней»[4]. Не сохранилось даже никаких предварительных фрагментов текста, что весьма прискорбно, поскольку поэма писалась в основном белым стихом, к которому Белый прибегал крайне редко.

В записи Белого об июле 1906 г. (*РД*) упоминается его работа над циклом стихов, получившим заглавие «Панихида». Он намерен был опубликовать этот «гробовой цикл», как называл его Брюсов, в «Весах». Но из-за непосредственной связи содержания с конфликтными личными взаимоотношениями между ним и Блоками Белый в течение нескольких месяцев колебался, печатать ли эти стихи вообще. В

---

[1] РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 31.

[2] *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990. С. 22, 450—451 (примеч. А. В. Лаврова)

[3] «Дитя-Солнце» дважды упоминается в переписке Белого с Блоком — в письме Белого от 22 мая 1905 г. и в письме Блока от 19 июля 1905 г. См.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919. М., 2001. С. 223, 226.

[4] *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 23. Намерение Белого вернуться к поэме подтверждается сведениями, отразившимися в периодических изданиях того времени. В газете «Голос Москвы» 20 июля 1907 г. (№ 163), в рубрике «Литературные вести», сообщалось, что Белый «усиленно работает над пьесой в стихах, которую он надеется кончить к сентябрю». Аналогичное сообщение появилось и в разделе «Хроника» киевского журнала «В мире искусств» (№ 13/14 за 1907 г.). Белый, видимо, предполагал печатать поэму в «Весах», а затем отдельной книгой в «Скорпионе».

открытке, отправленной к Брюсову из Мюнхена 21 сентября / 4 октября 1906 г., Белый писал: «Гробовой цикл прошу выбрать для печати по вашему усмотрению»[1]. Спустя несколько дней, однако, он снова обращался к нему: «С прискорбием извещаю, что по очень *серьезным внутренним* причинам я не могу допустить напечатание сборника "Тоска по воле". Верьте мне — мотивы серьезные. Года через два, быть может, можно мне будет печатать этот сборник. Вот почему прошу "Скорпион" вернуть мне рукопись. <...> По тем же мотивам появление *гробовых песен* сейчас совершенно невозможно в печати. Верьте мне, если бы мотивы не были бы серьезны, я не обратился бы к вам с просьбой отдать рукопись. Итак, не печатайте в "Весах" "*гробовые песни*". Еще: пусть редакция сохранит про себя *причины* моего нежелания печатать "Сборника"»[2].

Это первое у Белого упоминание в переписке с Брюсовым о новом сборнике стихов. В начале ноября Белый, находясь еще в баварской столице, посылает Брюсову открытку следующего содержания: «Печатайте мои гробовые песни, кроме одной "*Она гуляла в черном трауре вдоль реки*" <...> Сборник не надо: он — гадкий»[3]. Сразу же после этого Белый сообщил Брюсову, что ему «окончательно выяснилось», что можно печатать те «гробовые» стихотворения, в которых менее отчетливо проступал подтекст его болезненных отношений с Л. Д. и А. А. Блоками, а «*сборника* сейчас по внутренним мотивам печатать не надо»[4]. Только в феврале 1907 г. Белый почувствовал, что рана от разрыва отношений с ними достаточно зажила, чтобы разрешить опубликование всего цикла. 18 февраля Брюсов получил от него письмо, в котором, в частности, указывалось: «Видел, что мои погребальные песни вы озаглавили "Панихидой". Если вы не против, то напечатайте погребальные песни целиком. Теперь у меня нет субъективных причин, препятствующих их появлению»[5]. Цикл наконец был опубликован в июне 1907 г. в шестом номере «Весов».

О намерениях Белого опубликовать второй сборник стихов, который в письмах к Брюсову в 1906 — начале 1907 г. он неоднократно называл «Тоской по воле» (в 1905 г. под заглавием «Тоска по воле» был опубликован цикл его стихотворений в «Альманахе книгоиздательства "Гриф"»), было известно в московских литературных кругах. Об этом упоминается в «Известиях книжных магазинов М. О. Вольфа» (№ 35 за 1906 г.) в отделе «Книги в печати и приготовленные к печати», где сборник называется «Тоска по вам» (явная опечатка)[6]. Об этом говорит и Н. Е. Поярков в своей книге «Поэты наших дней» — в главе, посвященной Белому[7].

В письме к Брюсову от 18 февраля 1907 г., санкционируя публикацию «гробового цикла», Белый снова поднимал вопрос о сборнике,

---

[1] Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 391.
[2] Там же. С. 392. Письмо от 13/26 октября 1906 г.
[3] Там же. С. 396. Открытка от 21 октября / 3 ноября. «Она гуляла...»: см. отрывок 6 в поэме «Панихида» — «Она гуляла вся в черном» (Весы. 1907. № 6. С. 11—12; впоследствии не печатался).
[4] Там же. Письмо — после 3 ноября н. ст. 1906 г.
[5] Там же. С. 406.
[6] Литературное наследство. Т. 27/28. С. 586.
[7] *Поярков Н.* Поэты наших дней. М., 1907. С. 99.

работу над которым он ранее отложил. Теперь он выражает готовность печатать его, но только при одном условии: «Если "Скорпион" согласится печатать мою "Тоску по воле", то я тоже теперь ничего не имею личного, что препятствовало бы его появлению. Я выбросил бы только одно, два стихотворения и дополнил бы его стихами (у меня стихотворений 20). Мне было бы очень приятно, если бы вы напечатали мою книгу; но сперва я должен вставить дополнение из новых стихов»[1]. Бóльшая часть этих новых стихов была написана в Париже в январе 1907 г. в больнице, в которой Белый перенес операцию[2]. Стихотворение «Я вышел из бедной могилы», сочиненное в это время, Белый определяет как «рубеж, отделяющий "Пепел" от "Урны"»[3].

По возвращении Белого в Россию в начале марта 1907 г. сразу же возобновляются переговоры о публикации сборника стихов. Белый с беспокойством пишет Брюсову 25 мая 1907 г.: «Можно узнать, будет ли печататься мой сборник?»[4]. В этом же месяце в пятом номере «Весов» сборник анонсируется под заглавием «Закатные прахи». Такое же заглавие значилось и в одиннадцатом номере того же журнала, а также в 13/14 номере киевского журнала «В мире искусств». Месяц спустя в письме, отправленном Брюсову 19 июня 1907 г., Белый вновь затрагивает вопрос о сборнике: «Через неделю я наверное буду в Москве: мне хотелось бы с вами поговорить о "Сборнике стихов". У меня есть для него добавление (стихотворений 10), которое должно составить особый отдел (предпоследний)»[5]. Очевидно, что к этому времени сборник уже обрел определенную форму, по крайней мере для самого Белого, поскольку речь заходит уже о его структуре, что для него всегда было чрезвычайно важно.

В ретроспективном «Ракурсе к Дневнику» за 1907 г. есть еще две записи, касающиеся стихов («пишу стихи из "*Урны*" <...> опять задумываюсь над проблемами ритма» — июнь; «много пишу стихов» — август), но дальше нет ни единого упоминания ни о стихах, ни о готовившемся сборнике. Белый также больше не затрагивал этот вопрос ни в одном из своих писем к Брюсову. Скорее всего публикация книги была отложена — возможно, в связи с трудностями, возникшими в издательстве «Скорпион».

1908 год начался неудачно: «*Январь—март* <...> Мне трудно расчленить этот период на месяцы, потому что время как бы остановилось для меня; прострация, угрюмость; избегаю собраний, направо и налево отказываюсь от лекций, вечеров; никого не принимаю; <...> реакция на нее <философию> уже зреет в строках стихов "*Философическая грусть*". Первые наборы ритмов Пушкина, Баратынского, Тютчева; <...> За этот период пишу: стихи (мрачные)» (*РД*). Вместе с летом наступает всплеск творческой деятельности: «*Июнь* <...> взрыв лирической волны: пишу ряд стихов, мрачнейших, и между прочим: "*Деревня*" (поэма), "*Паук*", "*Довольно, не жди, не надейся*", "*Маска-*

[1] Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 406.

[2] «<В больнице> пишу почти каждый день стихи» (*РД*, январь 1907 г.).

[3] *Белый Андрей*. Между двух революций. С. 169. Ср.: «...больной пишу ряд стихотворений, в которых впервые встает лейтмотив сборника "Урна"» (Материал к биографии. Л. 54 об.).

[4] Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 409.

[5] Там же. С. 410.

рад"; перерабатываю стихи "*Пепла*"; "*Пепел*" готов к печати. Увлекаюсь Некрасовым <...>. *Июль* <...> Читаю Тютчева и окончательно вырабатываю запись ритма; <...> Пишу ряд стихов для "*Урны*"; "*Урна*" тоже готова. *Август* <...> пишу стихи; сдаю "*Пепел*" в печать и в первых числах сентября еду <из Суйды, где Белый жил в гостях у Мережковских> в Москву» (*РД*). Лето 1908 г. оказалось для Белого столь же плодотворным, как и лето 1903 г., когда он закончил составление «Золота в лазури».

Еще в начале 1908 г., в газете «Свободные мысли» (№ 6 и № 44), сборник упоминался под названием «Закатные прахи», и в автобиографической справке, написанной в начале 1908 г. по просьбе Анастасии Чеботаревской для подготавливаемой ею книги автобиографий современных русских писателей (которая так и не вышла в свет), Белый упомянул среди своих книг «"Закатные прахи" (второй сборник стихов: выйдет осенью)»[1]. По-видимому на этой стадии сборник «Закатные прахи» должен был включать стихи, распределенные затем по сборникам «Пепел» и «Урна».

Подтверждение этому — в письме к М. К. Морозовой, посланном 23 июня 1908 г. из Серебряного Колодезя: «Все это время занимался сборником, который разросся: пришлось делить на две книги. Ужасная вещь писать стихи: никогда не измучает так философия, как все ухищрения метрики, стихосложения, ритма, рифм и пр., как все те препятствия и правила, которые сам себе ставишь и преодолеваешь. Я не так устаю от Канта, как от техники письма (стихов). <...> я перерабатывал свой "*свинцовый*" (по настроению сборника) сборник "Венец из марев"»[2]. В конце концов Белый остановился на заглавии «Пепел» для первого из двух сборников. Он вышел в свет в декабре 1908 г., но, согласно принятому в России обычаю (книги, издающиеся в конце года, датируются следующим годом), на обложке значился 1909 г. На экземпляре сборника в библиотеке Блока проставлена (рукой Блока) дата: «3.XII.08»[3]. Сборник был отпечатан не в «Скорпионе», а в петербургском издательстве «Шиповник» тиражом в 1000 экземпляров. Белый посвятил книгу «памяти Некрасова».

«Урна», третья книга стихов Белого, также была готова к сдаче в набор в 1908 г. Под названием «Стансы» она упоминается в газете «Новая Русь» (12 декабря 1908 г.), а в газете «Слово» (27 февраля 1909 г.) сообщается о готовящемся сборнике «Эпитафии»[4]. Белый же использовал ранее приведенные заглавия в двух поэтических циклах — «Стансы» («Весы», № 5 за 1908 г.) и «Эпитафия» («Золотое руно», № 3 за 1907 г.). Как и в случае с первыми двумя книгами стихов, окончательное заглавие, «Урна», ничего общего не имеет с более ранними. Возможно, что окончательный выбор названия для

[1] *Лавров А. В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 34. Эти автобиографии — предмет специальной публикации (О. А. Кузнецовой) в сб. «Писатели символистского круга» (СПб., 2003).

[2] РГБ. Ф. 171. Карт. 24. Ед. хр. 1а. См. также: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 35—36.

[3] Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 32.

[4] Литературное наследство. Т. 27/28. С. 590.

обоих сборников был подсказан Белому строкой из поэмы В. И. Иванова «Сфинкс»: «*Я* ветхого прияла пепел урна» (сборник «Кормчие звезды», 1903). «Урна» еще упоминается в «Ракурсе к Дневнику» в записях о феврале 1909 г., проведенном Белым в имении А. А. Рачинской Бобровка: «...написал последние 3 стихотворения к "*Урне*" и предисловие к "*Урне*"; правил корректуры "*Урны*"»[1]. В конце марта 1909 г. небольшой, со вкусом оформленный томик «Урна. Стихотворения» вышел из печати в издательстве «Гриф» в количестве 1200 экземпляров. Белый посвятил книгу Валерию Брюсову. Для эпиграфа к сборнику, стихи которого живописуют «действие абстракции на жизнь; эта абстракция действует как тонкий и обольстительный яд»[2], Белый выбрал строки из стихотворения Баратынского «Разуверение»: «Разочарованному чужды все обольщенья прежних дней...»

«Урна» — последнее, что осуществил Белый в этот чрезвычайно плодотворный период своего поэтического творчества. Следующий сборник «Королевна и рыцари» вышел только через десять лет[3]. Однако первое стихотворение этого сборника «Родина» («Наскучили старые годы...») было написано еще в апреле 1909 г. под впечатлением встреч Белого с Анной Алексеевной (Асей) Тургеневой[4].

Почти весь 1909 год Белый работает над своим первым романом «Серебряный голубь», который он начал писать в феврале в Бобровке. Он также был занят лекционной и журнальной работой, организацией нового издательства «Мусагет» и интенсивным изучением поэтической техники, которое отразилось в его статьях о стихосложении. Белый продолжает эту работу в следующем году и публикует два объемистых сборника критических и теоретико-философских статей: «Луг зеленый» (1910) и «Символизм» (1910). В это же время происходит важное событие в личной жизни поэта. После «ряда ответственнейших разговоров» с Асей в Боголюбах под Луцком (имении отчима А. А. Тургеневой) в июле 1910 г. (*РД*), его совместная «судьба» с ней в августе была решена. 26 ноября 1910 г. они вдвоем отправляются в длительное путешествие по Европе, Африке и Ближнему Востоку[5]. За границей Белый пишет несколько путевых очерков. На это уходило так много времени (путевые зарисовки были немаловажным источником средств, в которых Белый остро нуждался), а впечатления были так противоречивы, что во время поездки он не написал ни одного стихотворения.

В марте 1911 г. в письме к А. М. Кожебаткину из Каира Белый просит извинить его за то, что не послал ничего в его издательство

---

[1] Предисловие имеет дату «Москва, 14 января 1909» в самой книге.

[2] *Белый Андрей.* Стихотворения. Берлин, Пг., М., 1923. С. 299.

[3] Заглавие «Рыцарь и Королевна» появилось уже в 1903 г., но как предполагавшееся название первой симфонии Белого (письмо Белого к Э. К. Метнеру от 9 апреля 1903 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 13). Однако она вышла в свет в октябре 1903 г. под названием «Северная симфония (1-я, героическая)».

[4] *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 323.

[5] См.: Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого / Вступительная статья, публикация и комментарии Н. В. Котрелева // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. Гражданский брак между Б. Н. Бугаевым и А. А. Тургеневой был зарегистрирован только 23 марта 1914 г. в Берне (Швейцария).

«Альциона» для предполагавшегося литературного альманаха: «Если бы Ты знал, как душа отдыхает в путешествии! Если бы Ты знал, что значит для меня Ася. В Москве я все время находился в истерике; только здесь я вижу Асю вполне; и вполне отдыхаю. <...> Не сердись, что не посылаю Тебе стихов для *Альционы*. Среди смены острых впечатлений писать стихи не могу. Вообще же пишу только фельетоны»[1]. 25 апреля Белый с Асей вернулся в Боголюбы (через Одессу и Киев). Спокойная обстановка там в доме матери Аси обеспечила, наконец, Белому и отдых, и необходимые условия для творчества. В течение лета (опять летний творческий всплеск) он написал бóльшую часть стихов будущего сборника «Королевна и рыцари». Находясь в приподнятом настроении, он пишет Кожебаткину 27 мая 1911 г.: «И здесь, в Боголюбах, я спокоен и счастлив: Ася со мной, все лучезарно, всякие сложности не внутри себя, *а со стороны* (*деньги, метанье*, пр.); и вот уже роятся образы, поют краски, цветут мысли»[2]. Спустя неделю, 7 июня, он опять пишет ему: «Что касается меня, то чувствую себя радостно и спокойно; только в Москве нервы расшатаются; работа здесь клеится. Днем работаю; вечером смотрю на ясные зори; и зоря, зоря на душе; изредка пишу стихи; послал Гумилеву для "*Аполлона*"»[3]. Краткий итог своей работы за июнь 1911 года он подводит в «Ракурсе к Дневнику»: «пишу стихи: книжечка "*Рыцари и Королевна*" <так!> — написана в этот период».

Значимым событием 1911 г. как для Белого, так и для истории русской литературы в целом, стало предложение, полученное им от П. Б. Струве и Брюсова, написать роман, который предполагалось печатать частями в «Русской мысли». В это время — впрочем, как почти всегда — Белый переживал серьезные финансовые затруднения, и предложение написать роман обещало разрешение денежных проблем (теперь он живет только на доходы от литературных трудов, а они были мизерными: за «Пепел» Белый получил всего 400 рублей, что было огромной суммой по сравнению со 100 рублями за «Золото в лазури»). Эта надежда рухнула в начале 1912 г., когда редакция «Русской мысли» отказалась принять рукопись нового романа к опубликованию. Только в середине марта, благодаря ходатайствам Блока и В. И. Иванова, Белый нашел нового издателя, К. Ф. Некрасова, и передал рукопись завершенных глав романа «Петербург» (в первоначальной редакции) его ярославской фирме. Сразу же после этого он с Асей уехал за границу, где они оставались до марта 1913 г.

В течение 1912 года они путешествуют по Европе. В это же время Белый продолжает работу над романом и слушает циклы лекций Рудольфа Штейнера. К концу года новый вариант «Петербурга» был готов, но снова возникают проблемы с его изданием. В конце февраля 1913 г. М. И. Терещенко, владелец (совместно с сестрами) недавно созданного в Петербурге издательства «Сирин», выкупает «Петер-

---

[1] См.: «*Кожебак*!.. Да ведь это хуже, чем *гусак*!!!». Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисловие, комментарии и публикация Джона Малмстада // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 162.

[2] Там же. С. 169.

[3] Там же. С. 170.

бург» у Некрасова[1]. В ходе сложных переговоров о продаже романа и «Путевых заметок» Белого Терещенко, вероятно, говорил о возможности издания многотомного собрания сочинений Андрея Белого. 28 декабря 1912 г. Белый писал Блоку об Э. К. Метнере, руководителе издательства «Мусагет»: «Э<милий> К<арлович> передавал мне некоторые стороны разговора Терещенки с ним об издании моих сочинений, столь выручающие меня, столь успокаивающие нас с Асей относительно нашей участи за 1913 год, что... я просто не верю»[2]. Если бы дело решилось положительно, он получил бы финансовую независимость на некоторое время и мог бы присоединиться к антропософскому окружению Штейнера, своего нового духовного наставника. В марте 1913 г. Белый с Асей вернулся в Россию, в Боголюбы. 11 мая, проездом в Гельсингфорс на курс лекций Штейнера, они остановились на несколько дней в Петербурге, чтобы обсудить условия печатания романа. Там Белый узнал, что вопрос о собрании сочинений уже не стоит на повестке дня. Терещенко фактически отказался от этого еще в феврале[3]. Тем не менее, уладив дела с изданием «Петербурга», Белый и Ася уехали из России в начале августа 1913 г. Три года они провели в Европе, вначале путешествуя вместе с «Доктором», т. е. с Штейнером, по разным странам, а с 1914 г. живя постоянно в Швейцарии, где участвовали в строительстве Гетеанума, антропософского центра в Дорнахе, под Базелем. Только ранней осенью 1916 г. Белый вернулся в Россию и поселился в Москве. Ася же на родину так и не вернулась (она умерла в Дорнахе в 1966 г.). Если «Петербург» в конце концов был опубликован, то все замыслы относительно издания собрания сочинений так и остались пустыми обещаниями. Но это не останавливало Белого. О его неоднократных попытках издать собрание своих сочинений или хотя бы собрание стихов и пойдет речь дальше.

2

В мемуарах «Между двух революций» Белый дает волю чувствам, описывая свои переживания, когда все его планы выпустить собрание своих сочинений неизбежно срывались: «ни одно издательство не могло дать спокойных условий работы; всегда злободневность момента стирала весомость, чтоб в следующий момент стать иной; сумма всех злободневностей <...> становилась нулями; а собрание сочинений "А. Белого" — изуродовано; это знать — и не мочь отстоять свои планы есть мука моя как писателя»[4]. В настойчивом стремлении Белого собрать и опубликовать все им созданное было нечто

[1] В переписке Белого и Блока за этот период речь в основном идет о переговорах относительно продажи романа и других сочинений Белого. См.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919. С. 474—497.

[2] Там же. С. 482.

[3] См. записи за 15, 16 и 21 февраля 1913 г. в дневнике Блока (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 220, 222). См. также письмо Э. К. Метнера к Блоку от 20 февраля 1913 г. (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 216).

[4] *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 336.

более важное, чем насущный финансовый интерес. Он хотел привести написанное им в порядок, довести его до совершенства, исправив ошибки и погрешности, усмотренные в первых изданиях, т. е. привести свое литературное наследие в «систематизированный» вид (нельзя забывать, что Белый был сыном знаменитого математика и всю свою жизнь интересовался новейшими достижениями науки). Менее значительные писатели легко находили издателей для собраний своих сочинений, а любой замысел Белого в этом направлении заканчивался неудачей. Поначалу вызванное сугубо литературными и финансовыми соображениями, это желание постепенно переросло в навязчивую идею.

Идея собрания сочинений зародилась у Белого в первой половине 1910-х годов, когда он был еще тесно связан с московским издательством «Мусагет» как один из его руководителей. Однако он так и не приступил даже к начальной стадии работы, а со временем его отношения с Э. К. Метнером становились все более конфликтными, и это не могло ее стимулировать. Узнав от Метнера в конце 1912 г. о намерении Терещенко выпустить такое издание стихов и прозы в издательстве «Сирин», Белый составил подробный план собрания сочинений в 15-ти томах, который он намеревался предложить «Сирину» (и из ожидаемого аванса выплатить свой долг «Мусагету»). В письме к Метнеру из Берлина от 8 января (н. ст.) 1913 г. он так излагал его: «В сумме эти 15 книг (включая "*Невидимый Град*", за который примусь после Петербурга) заключали бы не так-то уж мало художествен<ной> прозы. Смотрите. 1) 1-ая Симфония. 2) 2-ая Симфония. 3) 3-ья Симфония. 4) 4-ая Симфония.ʼ Том. 5) Серебряный Голубь (том). 6) Петербург (том). 7) Невидимый Град (том). 8) Пепел (том). 9) Золото в лазури + Урна (том). 10) Путевые Заметки (худ<-ожественная> проза, том). *Десять томов* были бы художественная проза и стихи. И *далее статьи*. 11 и 12) Арабески + Луг зеленый + не будущие <так!> статьи. 2 тома. 13) Символизм (без ритма) том. 14) Ритм (том)»[1]. При этом Белый добавил, что «при меньшем формате эту массу можно разбить и на 20 томов; все дело в формате». Этот проект не привел ни к какому реальному результату, поскольку Терещенко отказался от издания собрания сочинений Белого.

Осенью 1913 г. Терещенко, однако, решил выпустить в свет собрания стихотворений Блока и Белого. К тому времени в «Сирине» уже печаталось собрание сочинений Ф. Сологуба, было начато издание собрания сочинений Брюсова. Белый, живший тогда в швейцарской деревне Арлесгейм, приступил к работе над итоговым изданием своих стихов в мае 1914 г.: «...усаживаюсь дома подготовлять собрание стихов у "*Сирина*" <...> Пишу стихи» (*РД*). Пристальная правка «Золота в лазури» особенно его занимала, как он сообщил Р. В. Иванову (Иванову-Разумнику), редактору «Сирина»: «...занявшись переработкой, я понял, что мое намерение — не оставить камня на камне в "Золоте в Лазури", т. е. попросту заново написать "Золото в Лазу-

[1] РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 1. Содержание 15-го тома в плане не было обозначено. «Невидимый Град» — ненаписанный роман. Белый задумывал его как завершение трилогии, в которую должны были войти уже написанные «Серебряный голубь» и «Петербург».

ри"»[1]. Он закончил работу в июле (предисловие к изданию подписано 21 июля 1914 г.) и отправил рукопись в Петербург. Уже шла работа над первым томом стихотворений Блока, как началась первая мировая война. У Терещенко возникли финансовые проблемы, и он решил поступиться своими книгоиздательскими начинаниями (собрания сочинений Брюсова и Сологуба остались незавершенными). Каково же было огорчение Белого, когда он узнал, что издание его стихов не осуществится из-за прекращения деятельности «Сирина» в начале 1915 года. Иванов-Разумник пытался найти для собрания стихотворений Белого другое издательство, но безуспешно[2].

Макет невышедшей книги состоял из двух томов. Это единственное собрание поэтических произведений Белого, построенное по хронологическому принципу (по датам написания стихотворений, а не по тематическим разделам). Оно представляет собой не полное собрание опубликованных стихов Белого, а скорее свод избранных стихотворений, тексты для которого тщательно отбирались. В собрание вошли произведения из предыдущих сборников («Золото в лазури», «Пепел», «Урна»), а также 16 стихотворений, написанных до составления сборника летом 1914 г., которые позже были включены в книги «Королевна и рыцари» и «Звезда». В предисловии Белый утверждал, что он «оставил много формально слабых стихотворений в том виде, в каком они первоначально вошли в три сборника автора», поскольку он хотел акцентировать внимание не на поэтической технике, а на своих «идейных исканиях и переживаниях»[3]. Сходное утверждение найдем в письме к Иванову-Разумнику от 19 июня / 2 июля 1914 г.: «...я перестал стыдиться своих технических несовершенств эпохи "*Золота в Лазури*" <...> пусть издание моих стихов выглядит рассказом о моей эволюции, как поэта. <...> я решил не слишком исправлять форму; так: я оставил стихи эпохи 1900—1902 года, несмотря <на> их наивность (в формальном смысле), потому что они мне кажутся *детскими* и *милыми* именно в их беспомощности и т. д.»[4]. На самом же деле переработке подверглось значительное количество стихов. Многие стихотворения, входившие в «Золото в лазури», были практически написаны заново[5]. Белый, пересматривая и переоценивая свои стихи, сгруппировал их, чтобы создать представление о завершенности определенного жизненно-творческого пути, вехи которого — годы.

---

[1] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 45. (Письмо от 19 июня / 2 июля 1914 г.).

[2] Издание осуществлено ныне по рукописи в серии «Литературные памятники»: *Андрей Белый*. Собрание стихотворений. 1914 / Издание подготовил А. В. Лавров. М., 1997. В послесловии «"Собрание стихотворений" — книга из архива Андрея Белого» приведены детальная история составления книги и общая ее характеристика.

[3] Там же. С. 3.

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 46.

[5] Сравнивая эти варианты с теми, которые вошли в берлинское издание 1923 г., мы видим, что переработанные тексты 1914 года во многих случаях не отличаются от более поздних версий, а некоторые из них представляют собой нечто среднее между первоначальными вариантами и текстами 1923 года.

С июля 1914 г. вплоть до отъезда в Россию в 1916 г. Белый неоднократно фиксирует в «Ракурсе к Дневнику»: «Пишу стихи». В этот же период Белый работал над философским исследованием «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности», романом «Котик Летаев» и фельетонами для петербургской газеты «Биржевые ведомости». Его не покидает идея опубликовать собрание сочинений или хотя бы собрание стихотворений. Находясь в тяжелом материальном положении и фактически отрезанный от России, Белый не знал, к кому кроме Иванова-Разумника можно обратиться относительно печатания своих книг[1]. Он пытался оживить прежние литературные связи. Так, в ноябре 1915 г. он писал Ф. Сологубу: «...я не знаю, насколько я, как писатель, заслуживаю внимания, но я мог бы предложить и собрание своих сочинений; только я не знаю — *кому, куда* и *когда*; <...> Мог бы предложить *собрание стихов*, "*Путевые заметки*", что угодно, но... — опять-таки... не знаю *кому и куда*; <...> Я просил друга в Москве похлопотать с моими книгами, он — обещал: и вот пишет, что устроить ничего нельзя. Это было для меня... почти ударом, потому что я так надеялся, что что-нибудь устроится. Вот я и обращаюсь к Вам»[2]. В те же дни он попросил помощи у матери, А. Д. Бугаевой: «...трудно нам, ох, как трудно: подвела история с книгами; я был уверен устроиться; но с войной все отвлечены, ничего не устроилось: послал письма к Мережковскому, Сологубу и Ремизову — похлопотать за меня у издателей <...> до последнего времени был слух, что устроюсь я в одном издательстве; но все — лопнуло; <...> ничего не устроишь; <...> мы — без гроша, доживаем последние деньги; <...> помоги временно нам»[3]. А. Д. Бугаева, как и Иванов-Разумник, сочувственно откликнулась на эти призывы о помощи, но собрание сочинений осталось только мечтой.

В 1916 г. Белый, подлежавший призыву на военную службу, возвратился в Россию трудным, из-за продолжавшейся войны, окольным путем через Париж, Англию и Норвегию и в конце августа наконец добрался до Петрограда. В начале сентября Белый уже в Москве. Там он встречается с В. В. Пашуканисом, организовавшим в 1916 г. на базе «Мусагета» издательство собственного имени, и вступает с ним в финансовые соглашения с целью выпуска в свет своего «собрания эпических поэм»: «Устраиваю свои дела с Пашуканисом (продаю ему "собрание сочинений")» (*РД*, сентябрь). В очередной раз начинается переработка «Золота в лазури», именно этой книге автор уделяет особое внимание: «*Октябрь* <...> Пишу стихи; весь месяц упорно работаю над переработкой "*Золота в Лазури*". <...> *Ноябрь* <...> Весь месяц упорная переработка "*Золота в Лазури*", которое организуется почти в новую книгу "*Зовы времен*", которую и сдаю Пашуканису» (*РД*).

4 февраля 1917 г. в литературной хронике газеты «Утро России» был опубликован общий план будущего собрания сочинений, в котором предполагались три тома стихов: «Набат времен» (стихи 1900—1904 гг.), «Россия» (1905—1908 гг.), «Зовы» (1909—1918 гг.). Год спус-

[1] См.: Письмо Белого к Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 56—57, 60.

[2] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 49.

[3] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 212.

тя журналист В. Держановский сообщил более подробные сведения о готовившемся издании: «Новое издание стихотворений Андрея Белого, предпринятое В. В. Пашуканисом, откроется сборником "Зовы времен". Сюда войдут стихи из книги (изданной "Скорпионом" и ныне распроданной) "Золото в лазури", во многом, однако, переработанные и дополненные пьесами, ранее не появлявшимися в печати. Но, внося поправки и дополнения, автор, тем не менее, отнюдь не нарушает стиля и характера своих юношеских пьес. Он вновь сливается с настроениями раннего периода своего творческого пути, хотя переживания эти носят как бы ретроспективный характер. Впрочем, в главном и существенном основной текст "Золота в лазури" останется неизменным. Первый том стихотворений уже сдан в печать и, если типографические и бумажные "условия момента" не создадут неожиданных препон, должен выйти приблизительно через месяц — полтора. Второй том собрания стихотворений будет озаглавлен — "Россия". В него войдут стихи, ранее собранные в книге "Пепел" и, отчасти, в "Урне"»[1]. Это сообщение настолько созвучно высказываниям самого Белого о переработках собственных стихотворений, что можно заключить: Держановский обсуждал этот вопрос с ним самим или с его близким другом Ивановым-Разумником, одним из редакторов журнала «Знамя труда», где заметка была опубликована.

Проблемы, на которые указывал Держановский, появились вскоре после публикации его сообщения[2]. В хаосе революционных событий и гражданской войны издательское дело в России, при все возраставшей нехватке бумаги, переживало тяжелый кризис. В 1917 г. вышли в свет только два тома «собрания эпических поэм» Белого: 4-й («Северная симфония (1-я, героическая)», «Симфония (2-я, драматическая)» и 7-й («Серебряный голубь», ч. 1). На этом издание прекратилось: в 1918 г. большевистские власти закрыли издательство Пашуканиса, а его самого арестовали и в 1919 г. расстреляли. Белому так и не удалось получить обратно рукописи. При разгроме издательства они были конфискованы или уничтожены. В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» Белый указывает: «Заново переработанный материал стихов "Золота в лазури", приготовленный к печати в виде сборника "Зовы времен" и уже сданный в набор издателем; рукопись исчезла при аресте издателя Пашуканиса»[3]. В российских архивах есть только два свидетельства об этом несостоявшемся издании. Первое — лист бумаги, на котором написано «Набат времен» (РГБ), а второе — рукопись, озаглавленная «Зовы» (РГАЛИ), которая имеет лишь косвенное отношение к проекту, предназначавшемуся для Пашуканиса. «Зовы» — это название, которое Белый выбрал для третьего тома стихов в издании Пашуканиса. Сама рукопись, однако, — не что иное, как тексты стихов 1909—1914 гг., предназначавшиеся для издания стихов Белого в издательстве «Сирин» с прежней последовательной нумерацией страниц. Очевидно, готовя материалы для публикации у Пашуканиса, сортируя автографы, Бе-

[1] Знамя труда. 1918. № 2 (июль). С. 32. Подпись: В. Д.

[2] Уже 27 июля 1917 г. Белый упоминал Иванову-Разумнику о Пашуканисе — «который, кажется, затрудняется с Издательством и со мной» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 124).

[3] РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 31.

лый взял тексты из «сиринской» рукописи, заменив лишь титульный лист. По-видимому, в «Зовы» предполагалось включить стихи, написанные после 1914 г., но рукопись не содержит ни одного стихотворения, которое датируется хотя бы второй половиной 1914 г. (в самом конце первой половины 1914 г. Белый отправил рукопись Собрания стихотворений для «Сирина» Иванову-Разумнику). Это свидетельствует о том, что третий том собрания стихотворений для издательства Пашуканиса не достиг даже стадии первоначальной подготовки. Подтверждается такое заключение и тем, что Держановский ничего не пишет о нем в своей заметке[1].

В послереволюционные годы Белый с головой окунается в культурную жизнь Москвы: работа в московском отделении Русского Антропософского общества, в Едином государственном архивном фонде (помощником архивиста), в московском Пролеткульте, в Театральном отделе Наркомпроса, преподавательская и организационная деятельность в московском «Дворце искусств», работа в Отделе охраны памятников старины, многочисленные выступления и лекции — таков далеко не полный перечень его занятий в это время. Тем не менее он находит время и для стихов. Перед Пасхой в апреле 1918 г. он пишет поэму «Христос воскрес», которая сразу же была напечатана в газете «Знамя труда» (12 мая) и в майском номере журнала «Наш путь» (оба издания, в которых одним из редакторов состоял Иванов-Разумник, — левоэсеровской партии).

В июле 1918 г. произошла значительная для Белого «встреча с Алянским, начало сближения с К-вом "Алконост"» (*РД*). Основанная С. М. Алянским в мае 1918 г. книгоиздательская фирма «Алконост» выпустила в свет поэму «Христос воскрес» отдельной книжкой тиражом в 3000 экземпляров в начале апреля 1919 г. (на обложке — 1918), а также четвертый сборник стихов Белого «Королевна и рыцари» (с подзаголовком «Сказки»), состоявший всего из десяти стихотворений. Всего с 1918 по 1921 годы Алянский опубликовал семь книг Белого и был фактически его единственным издателем в это время (исключение составляет книга «Офейра. Путевые заметки», выпущенная в свет «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1921 г.)[2].

Пятый сборник стихотворений, «Звезда», относительно издания которого Белый договаривался с Кожебаткиным, руководителем «Альционы», был подготовлен к печати в мае 1918 г.[3]. В предисловии к сборнику «Королевна и рыцари» Белый сообщал, что «сборник стихов "Звезда" выходит на днях». Однако, хотя сборник был набран в 1919 г., он так и не был тогда опубликован[4]. Весной 1927 г. Д. М.

---

[1] Сейчас эта рукопись хранится вместе с другими частями несостоявшегося «сиринского» издания (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 4: «Зовы». Собрание стихотворений. Т. 3. 1908—1914).

[2] См.: Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка / Предисловие и публикация Джона Малмстада // Лица. Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002.

[3] «Приготовляю к печати сборник "*Звезду*" (Кожебаткин хочет издать)» (*РД*, май 1918 г.).

[4] Рукопись и правленые гранки, подготовленные в 1919 г. и почти идентичные более поздним опубликованным вариантам, хранятся в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 1).

Пинес, в ходе работы над библиографией сочинений Белого, составил список вопросов и передал его Белому. 6 апреля 1927 г. Белый ответил на его вопрос об этом «издании»: «Никогда "Звезда" не была издана "Альционой"; рукопись в ней гибла энное количество месяцев, пока я чуть не силком ее вырвал у Кожебаткина и не передал Ионову; Кожебаткин, этот "легальный экспроприатор" рукописей, типичный "паразит", посасывающий писателей, "culex scriptorum", не желал ни отдавать рукописи, ни выпускать в свет "Звезды"; но, проученный всем прошлым, я все же дал "Звезду" Ионову; может быть, он и собирался в будущем выпустить, может быть, под шумок успел и набрать, но... я видел: что он медлил со "Звездой" для какой-то — в который раз! — спекуляции. <...> я со "Звездой" по отношению к Кожебаткину был сознательно крут, ибо он стал гадок, как социальный паразит»[1]. Только в 1922 г. «Звезда» была издана тиражом в 5000 экземпляров — и не издательством «Альциона», а Госиздатом, петроградским отделением которого заведовал И. И. Ионов. Следует считать «госиздатовское» издание первым и единственным[2].

В августе 1919 г. Белый договорился с С. Ю. Копельманом, совладельцем и главным редактором издательства «Шиповник», об издании собрания своих сочинений в 22 томах. В декабре того же года эта договоренность была расторгнута: «...освобождаюсь от Копельмана, чтобы закабалиться у Гржебина» (*РД*). В 1919 г., по инициативе М. Горького, З. И. Гржебин, совладелец издательства «Шиповник», основал издательство собственного имени, которое предполагало «в целях осуществления культурной политики Советской власти, широкий выпуск художественной, научной и научно-популярной литературы»[3]. 28 января 1920 г. Белый заключил с ним договор на издание собрания сочинений, и в июле подробный план издания в 20 томах, с посвящением «Родине», был представлен издательству[4]. Стихотворения должны были составить тома III, IV и V этого издания (задержка с выходом «Звезды» не помешала Белому включить ее в предполагаемое издание). Вот авторский план содержания этих то-

[1] Письма Андрея Белого Д. М. Пинесу / Публикация Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 89. В недатированном письме (1921 г.) Белый заявил Кожебаткину: «...я вынужден отдать "Звезду" в Госуд Издательство Ионову <...> я ждал 2 1/2 года появления в свет *совершенно готовой к печати книги*, но Ты ее не издавал» (Там же. С. 93).

[2] Н. Г. Захаренко и В. В. Серебрякова включили несостоявшееся «альционовское» издание «Звезды» в составленную ими библиографию публикаций Белого: «№ 4а: Звезда. Новые стихи. М., «Альциона», 1919. 72 с.» (Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т. 3. Ч. 1. Безыменский—Благов. М., 1979. С. 115). Возможно, что составителей ввело в заблуждение существование нескольких корректурных экземпляров стихов, набранных для этого невышедшего издания «Звезды», переплетенных и снабженных обложкой.

[3] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 65.

[4] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 103. См. также: Литературное наследство. Т. 27/28. С. 576; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 65—68.

мов: «*Том третий.* "*Золото в лазури*" a) Золото в лазури — 1-ый том стих<отворений>, b) Пришедший (отрывок из мистерии: перепечатать из альманаха Север<ные> Цветы 1903), c) Пасть ночи (отрывок из мистерии: перепечатать из ж. Золотое руно). *Том четвертый.* "Пепел" a) Пепел (2-ой сбор<ник> стих<отворений>. *Том пятый.* "*Звезда над урной*" a) Урна (3-ья книга стих<отворений»), b) Рыцарь и Королевна (4-ая кн<ига> стих<отворений>), c) Звезда (5-ая книга стихов: должна выйти в издательстве Альциона: нельзя печатать раньше июля 1923 г.), d) Христос воскресе (поэма)»[1].

Белый написал краткие преамбулы к третьему («Золото в лазури») и к четвертому («Пепел») томам. В первой из них он «с ужасом» обозревал «все дефекты <...> все технические наивности, все безвкусия красочных пятен» первого издания «Золота в лазури». Он утверждал, что «лишь по настоянию друзей, указывающих ему, что в книге есть юношеская свежесть и наивность, — лишь по настоянию друзей выпускает автор эту книгу; она — документ истории становления символического течения в русской поэзии начала 1900 года — не более; <...> Такую несовершенную книгу или не стоит печатать, или стоит печатать без единой правки (как исторический документ), или переработать вновь, не оставив ни одной строчки в прежнем виде»[2]. Но, чтобы переписать ее заново, продолжал Белый, «надо войти сызнова в цикл переживаний книги, пропустить его вновь сквозь себя, пережить свою "*вторую молодость*". Это — возможно, но «предполагает трудную моральную работу». Он уже дважды произвел такую работу, пытаясь издать собрание стихов в «Сирине» и у Пашуканиса. В итоге второй попытки получилась книга «Зовы времен», которой «автор был доволен, ибо ему казалось, что ему удалось передать настроения "*Золота в лазури*" в зрелых формах». Невезение, которое сопутствовало изданию «Сирина», помешало и этому плану: «Но судьба преследует рукописи автора; издатель автора был арестован, рукописи были конфискованы; отыскать рукописи книги "*Зовы времен*", с 1916 года уже начавшейся набираться, нет возможности у автора. Вторично перерабатывать книгу — нет ни времени, ни моральных сил». В результате Белому пришлось вернуться к «старому, забракованному тексту, не меняя уже ни иоты».

То же самое Белый пишет и в предисловии, также датируемом июлем 1920 г., к четвертому тому. Как и в случае с «Золотом в лазури», переработанный текст «Пепла» был потерян после закрытия издательства Пашуканиса, а «копии с текста у автора не было. С прискорбием возвращается автор к старой редакции: злой рок преследует все авторские начинания его; рукописи его затериваются, между тем у него нет ни времени, ни сил восстановить потерянное»[3]. Опасения Белого о том, что «злой рок» преследует его рукописи и замыслы, подтвердились еще раз: ни один том из предполагаемого многотомного издания так и не вышел из печати. Сохранился только его

---

[1] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 103.

[2] «*Предисловие к третьему тому*: Золото в лазури» // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 103.

[3] «*Предисловие к второму изданию "Четвертого тома" (Пепел)*» // Там же.

проект[1]. 18 ноября 1921 г. представители Белого и Гржебина в Петрограде расторгли договор.

В начале 1921 г. наступают усталость, болезнь и, главное, нарастает стремление за границу к Асе. Но несколько записей в «Ракурсе к Дневнику», характеризующих весну 1921 г. (большинство из них относится к маю), свидетельствуют о том, что Белый пишет новые стихи. Наиболее значима в ряду новых произведений поэма «Первое свидание», в которой Белый заново переживал «эпоху зорь» начала века. Он сочинил ее за несколько дней (в основном 19—20 июня), проживая в гостинице «Англетер» в Петрограде. Там же Белый прочитал поэму на открытом заседании Вольной философской ассоциации («Вольфилы») и по просьбе слушателей выступил с чтением «Первого свидания» еще раз, в воскресенье 24 июня[2]. Поэма была опубликована в августе 1921 г. во втором номере берлинского журнала «Знамя». В этом первом издании текст поэмы коренным образом отличается от ее окончательного варианта. Должно быть, Белый не имел

---

[1] В РГАЛИ есть одна рукопись, обозначенная как «Пепел: редакция 1921 года» (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 6), которая, возможно, относится к этому изданию. В обзоре литературного наследства Белого, составленном К. Н. Бугаевой, А. С. Петровским и Д. М. Пинесом, вообще не упоминается о существовании этого текста. Возможно, эта рукопись, в которой нет ни предисловия, ни какого-либо комментария Белого, является макетом четвертого тома предполагаемого гржебинского собрания сочинений. В ней мы впервые обнаруживаем соединение многих коротких стихотворений в более длинные, которые Белый называет «поэмами». Из самих текстов видно, что Белый брал отдельные стихотворения «Пепла», зачеркивал прежние названия, а затем нумеровал каждое стихотворение перед тем, как поместить его в состав той или иной поэмы. Тексты самих стихотворений почти всегда совпадают с текстами берлинского издания избранных стихов 1923 года, в котором впервые увидели свет несколько таких «поэм». Есть одна деталь, однако, не позволяющая окончательно идентифицировать эту рукопись с какой-либо частью гржебинского собрания сочинений. Стихотворения «Пепла» вдруг неожиданно обрываются, а вместо них следуют две части, «Ямбы» и «Тристии», составленные из стихов «Урны», написанных в 1907 г. Создается впечатление, что вся рукопись представляет собой разрозненные, поспешно собранные автографы Белого. Как было отмечено ранее, возможно, это — рабочие материалы Белого для гржебинского собрания сочинений, которые архивист просто уложил в одну папку и надписал: «Пепел» — поскольку большинство стихотворений в этой подборке относится к этой книге. Эта рукопись может быть и подготовительным макетом для берлинского издания избранных стихотворений Белого 1923 г. Рукопись чрезвычайно интересна тем, что ее тексты представляют собой нечто промежуточное между редакцией собрания стихотворений для «Сирина» и берлинским изданием. Роспись содержания рукописи см.: Т. 2 наст. изд., с. 552—554. Сохранились и рукописи, относящиеся к переработке «Золота в лазури» для гржебинского собрания сочинений. См.: *Лавров А. В.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 33—34.

[2] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 34; РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 336.

возможности выправить корректуру перед публикацией: берлинский текст изобилует опечатками, местами отсутствует ожидаемая рифма (наборщик, очевидно, пропустил какие-то строки). В результате журнальный вариант поэмы более напоминает черновик ее окончательного текста, чем самостоятельную версию произведения[1]. «Первое свидание» в своем окончательном варианте вышло в свет в сентябре 1921 г. в издательстве «Алконост» тиражом 3000 экземпляров.

17 октября 1921 г. Белый снова выступает с чтением поэмы, на сей раз в Москве на специальном заседании Всероссийского союза писателей, посвященном проводам Белого за границу[2]. 20 октября он уехал из Москвы и 18 ноября прибыл в Берлин, где ему суждено было жить почти два года. За время пребывания Белого в немецкой столице в 1922 г. вышли четыре книги его стихов: «Первое свидание», переизданное берлинским издательством «Слово»; «Звезда», пятая книга стихов; «Стихи о России», тоненькая книжечка, составленная из 20 стихотворений, взятых из «Пепла» и «Звезды» (иногда значительно переработанных) и выпущенная издательством «Эпоха»; и вышедший в свет в сентябре в том же издательстве сборник «После разлуки. Берлинский песенник», состоящий из 15 совершенно новых стихотворений, написанных в 1921—1922 гг., главным образом в конце мая и в июне 1922 г. Предисловие к книге («Будем искать мелодии») имеет дату: «Берлин — Цоссен. Июнь 22 года».

В это время «тяжелейших жизненных ударов» (разрыв с женой, разочарование в Штейнере)[3] необычайная работоспособность не покидает Белого. Он пытается осуществить замысел, который никогда не оставлял его, — издать итоговое собрание своих поэтических произведений. Разрыв с Гржебиным оказался для Белого временным, и издатель, обосновавшийся в Берлине, согласился опубликовать такой том. 25 марта 1922 г. Белый сообщил Иванову-Разумнику: «...лицо, передавшее К. Г. Каплун письмо мое, вероятно, сможет доставить пакет с книгами и рукописями в Берлин. За том стихов (избран<ные> стих<отворения> — 20 печ<атных> листов) Гржебин дает аванса 40 000 мар<ок>, а *текста нет:* ради Бога, устройте скорей, чтобы текст (в виде рукописей, в виде ли книг "*Зол<ото> в Лаз<ури>*" + "*Пепел*" + текст "*Звезды*") был передан данному лицу»[4]. Материалы были переданы в Германию, но «злой рок» в очередной раз преследовал рукописи автора: «...я имел неосторожность поручить знакомой в Петрогр<адском> Наркомотделе передать курьеру мой пакет с книгами и рукописью переработанных стихов <для гржебинского собра-

---

[1] Варианты журнального текста см.: Т. 2 наст. изд., с. 483—513. См. также: Автографы поэмы «Первое свидание» в архиве Р. В. Иванова-Разумника. (Приложение к статье А В. Лаврова «Текстологические особенности стихотворного наследия Андрея Белого (общие замечания)») // Русский модернизм: проблемы текстологии. С. 22—59.

[2] *Ашукин Николай.* Заметки о виденном и слышанном 1914—1933 / Публикация и комментарий Е. А. Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 217.

[3] Письмо Белого к Иванову-Разумнику от 3 ноября 1923 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 250.

[4] Там же. С. 246—247.

ния сочинений>; между Петербургом и Берлином — пакет исчез»[1]. Поскольку Белый хотел печатать стихотворения в переработанном виде, ему пришлось начать свой труд заново. Он приступил к этой работе в сентябре (предисловие датировано 21 сентября 1922 г.) и закончил ее в октябре. На этот раз усилия Белого не были напрасны. Книга объемом в 500 страниц вышла в свет в Берлине весной 1923 года[2]. Это единственный свод стихотворных произведений Белого с 1901 по 1922 г., изданный при его жизни.

Уезжая из России в 1921 г., Белый, возможно, увез многие рукописи, в частности, материалы, которые он готовил для более ранних изданий своих стихотворений, или, по крайней мере, наработки к ним. А если и нет, то у поэта была изумительная память. Многие стихи, включенные в берлинское издание, полностью совпадают с текстами 1914 г., подготовленными для издательства «Сирин», другие же представляют собой дальнейшую переделку ранее переработанных стихотворений. В некоторых случаях Белый просто отложил в сторону ранее переделанный текст и переписал его заново. Однако основная разница между двумя сводами заключается в их структуре. Тексты «Сирина» были расположены хронологически. Теперь Белый стремился к сочетанию хронологического и тематического принципов с предпочтением последнего.

Берлинское издание состоит из семи больших частей, каждая из которых, в свою очередь, делится на «отделы» или «циклы», как их по-разному называет автор. Пять из семи основных частей сохраняют заглавия ранее выпущенных поэтических сборников Белого: «Золото в лазури», «Пепел», «Урна», «Королевна и рыцари», «Звезда». В шестой части перепечатана поэма «Христос воскрес», а седьмая часть носит название «После Звезды». «Первое свидание» вошло в книгу в виде десяти отрывков, разбросанных по нескольким частям; два из них даже имеют собственные заглавия, как самостоятельные стихотворения. Только три части сохраняют структуру и фактуру ранее изданных книг: «Королевна и рыцари», «Христос воскрес» и «Звезда» (имеются небольшие разночтения с изданием 1922 г.). «После Звезды» включает лишь восемь из 15 стихотворений, опубликованных в книге «После разлуки», плюс одно новое стихотворение («Пробуждение»). Хотя Белый составил первые три части — «Золото в лазури», «Пепел», «Урна» — из стихов, входивших в одноименные сборники, они практически имеют мало общего с ними по внутренней композиции. Основной принцип построения нового издания — циклизация стихов в единый лирический сюжет, создание «лирической поэмы», отражающей поэтическую и жизненную эволюцию поэта[3].

[1] *Белый Андрей.* Автобиографическая заметка // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1 (январь). С. 40.

[2] Осуществлено репринтное переиздание этой книги: Андрей Белый. Стихотворения. М., 1988. В приложении к этому изданию помещено послесловие А. В. Лаврова «О книге Андрея Белого "Стихотворения" (1923)» (с. 531—544). В нем обсуждаются приемы и методы работы Белого как над композицией книги, так и над отдельными стихотворениями в ней (с. 539—542). См. также: *Лавров А. В.* Текстологичсские особенности стихотворного наследия Андрея Белого (общие замечания). С. 12—20.

[3] «Вместо предисловия» // Андрей Белый. Стихотворения. М., 1988. С. 7.

По мнению Белого, сборник или книга стихотворений должен представить собой нечто целое, в котором каждое стихотворение и каждый цикл имеет свое особое место. Концепция «архитектоники всех песен» и их «сплетение» в одно особенно ярко вырисовывается в предисловии к берлинскому изданию[1]. «Только на основании цикла стихов одного и того же автора медленнее выкристаллизовывается в воспринимающем сознании то общее целое, что можно назвать индивидуальным стилем поэта; и из этого общего целого уже выясняется "*зерно*" каждого отдельного стихотворения; каждое стихотворение преломляемо всем рядом смежно-лежащих; и весь ряд слагается в целое, не открываемое в каждом стихотворении, взятом порознь»[2]. Поэтическое творчество, утверждает Белый, можно понять или осмыслить лишь исходя из рассмотрения минимальной составной части сборника стихов, т. е. отдельного стихотворения. Краски как таковой нет в природе, пишет он, «а есть колорит, т. е. динамика световых переливов». Так и творчество каждого поэта есть «модуляции немногих основных тем лирического волнения», а не ряд отдельно взятых, не связанных между собой стихотворений.

Книгу стихов Белый сравнивает с «системой оживальных арок» готического собора и с песенными циклами Шуберта и Шумана. От издания, в котором стихотворения приведены хронологически, читатель получает многое «в познавательном отношении», продолжает Белый, но он не получает главного: «подступа к ядру». Читатель не узрит «*необщее выражение*» Лика Музы поэта. При отборе стихотворений для берлинского издания Белый стремился объединить и расположить свои тексты и стихотворные циклы «так, чтобы все, здесь собранное, явило вид стройного древа: поэмы души, поэтической идеологии. Все, мной написанное, — роман в стихах: содержание же романа — *мое искание правды*, с его достижениями и падениями. Пусть читатель откроет сам содержание частей моего *романа*. Я даю ему в руки целое; понять, что представляет собою оно, — дело читателя»[3]. Такое понимание «книги» и стремление формировать большие циклы в развитие одной темы или концепции — важнейшая составляющая категория поэтической культуры русских символистов[4]. Белый руководствовался этим в берлинском издании своих избранных стихотворений, и такой принцип «лирической автобиографии» в стихах лежит в основе трех следующих его поэтических книг.

23 октября 1923 г. Белый уехал из Берлина обратно в Советскую Россию. Он прибыл в Москву 26 октября и больше из России не уезжал. Вплоть до 1925 г. Белый не обращается к работе над стихами, а осенью, согласно «Ракурсу к Дневнику», он принимается за два стихотворных проекта. Первым была подготовка нового издания «Пеп-

---

[1] Белый впервые вскользь упоминал цикловые принципы построения сборника в предисловии к «Пеплу». С годами он уделял им все большее внимание.

[2] «Вместо предисловия» // Андрей Белый. Стихотворения. М., 1988. С. 5.

[3] «Вместо предисловия». Там же. С. 9.

[4] О понятии «книги» среди русских символистов см.: *Лавров А. В.* «Собрание стихотворений» — книга из архива Андрея Белого // Андрей Белый. Собрание стихотворений. 1914. С. 323—327.

ла» для московского издательства «Круг» в октябре 1925 г.: «По просьбе <А. К.> Воронского <руководителя издательства «Круг»> готовлю сокращенный "Пепел" к переизданию; весь месяц правка стихов» (*РД*). Первое издание сборника было использовано только в качестве исходного материала. Некоторые стихи были полностью переделаны, другие — разбиты на части, из которых потом составлялись «новые» стихотворения или поэмы. В нескольких случаях Белый соединял в новые композиции строфы, заимствованные из разных стихотворений. Он даже брал стихи из «Урны» и «Звезды», если считал, что их «лейтмотивы» дополняют поэтическое целое нового «Пепла» или созвучны ему. Как и многие предыдущие, этот проект не был осуществлен[1].

Составление плана «посмертного» издания стихотворений («О томе стихов») было вторым проектом 1925 года[2]. В его основу Белый положил берлинское издание «Стихотворений». Он добавил несколько старых стихотворений, которые раньше не переиздавались, несколько переработанных стихотворений (главным образом из «Золота в лазури»), включил одну новую поэму («Свадьба»), составленную из семи стихотворений, напечатанных в «Пепле», и обратился к будущему редактору с распоряжением заменить все отрывки из поэмы «Первое свидание» ее полным текстом, а вместо раздела «После Звезды» напечатать целиком книгу «После разлуки».

В 1928 г. Белый вновь возвращается к «Пеплу». Он перерабатывает и дополняет материал, который уже готовил к изданию в 1925 г., включая «2—3 стихотворения, написанных гораздо позднее "*Пепла*"», но в развитие его темы, а также «несколько стихотворений, черновик которых был написан в эпоху "*Пепла*"»[3]. «4-ое <ноября 1928 г.>. Перерабатываю, дорабатываю "Пепел" (для издания). 5-ое. Дорабатываю "Пепел" <...>. 6-ое. <...> Работа над "Пеплом"» (*РД*). 9 ноября рукопись «Пепла» была сдана в «Никитинские субботники» — кооперативное издательство, созданное группой московских писателей, которые собирались по субботам на квартире историка литературы и библиографа Евдоксии Федоровны Никитиной. Предисловие датируется ноябрем 1928 года. Указано место написания — Кучино, поселок под Москвой, где Белый снимал две комнаты, в которых он и Клавдия Николаевна Васильева, ставшая его официальной женой в 1931 г., жили с сентября 1925 г. до начала апреля 1931 г. Белый называет весь сборник «лирической поэмой в четырех частях», в которой обрисована судьба героя-бродяги. Согласно «Ракурсу к Дневнику», автор правил корректуру 1 февраля 1929 г. В продажу книга, изданная тиражом 3000 экз., поступила в начале ноября. «Пепел» был последним прижизненным отдельным изданием стихотворений Белого.

[1] Рукопись невышедшего сборника находится в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 8). См.: Т. 2 наст. изд., с. 561—563.

[2] Оригинал плана не имеет даты и производит впечатление незавершенного. Он находится в РНБ (Ф. 60. Ед. хр. 29). План частично и с неточностями был опубликован в томе 27/28 «Литературного наследства» (С. 597—598); он полностью воспроизведен в т. 2 наст. изд., с. 564—565.

[3] *Белый Андрей.* Пепел. Издание второе, переработанное. М., 1929. С. 6 (предисловие).

3

Возможность выпустить в свет полностью переработанный «Пепел», должно быть, побудила Белого снова подумать и о «Золоте в лазури». Он все еще был озабочен судьбой этого сборника, который по-прежнему считал неудачным — «нищенскою формой стихов»: «...раздвой между ритмами в становлении и ставшими строками был мне мучителен. <...> когда-нибудь да сумею я одушевить тяжелую "*глазурь*" книги в воздушную ритмами лазурь»[1]. Большинство текстов, дополнивших план издания 1925 г., было взято именно из «Золота в лазури». Однако Белый смотрел на проект 1925 года как на вынужденное руководство для издателей на тот случай, если он умрет, так и не найдя возможности окончательно переработать тексты своих первых книг. Но не только нехватка времени не позволяла Белому завершить то, что ему так долго хотелось сделать. Когда-то он писал о «моральном усилии», которое было ему необходимо для такой работы. Он смог осуществить его в 1929—1931 гг.

Первое упоминание о переработке текстов «Золота в лазури» находим в «Ракурсе к Дневнику» за последнюю декаду января 1929 г.: «усиленная правка ритмов "Золота в лазури"». Работа продолжалась в феврале («2-ое. Дикая работа над "Золотом в лазури"») и в марте. 4 марта Белый сообщил Иванову-Разумнику, что «отредактировал заново "Золото в Лазури" (до 50<-ти> стихотворений)»[2]. В феврале 1931 г. Белый закончил работу над сборником, который он озаглавил «Зовы времен» (именно так, как он собирался назвать первый том собрания стихов, готовившийся у Пашуканиса). 12 марта он писал Иванову-Разумнику: «...в эти месяцы много думал о стиховедении; и — даже: писал стихи (?!?); впрочем: всегда пишу стихи в *мрачные периоды* жизни»[3]. Посвящение сборника К. Н. Бугаевой датировано 25 февраля 1931 г., а предисловие написано 27 февраля 1931 г. (существует еще одна, более короткая преамбула, датируемая 24 мая 1932 г.). «Зовы времен» должны были стать первым томом двухтомного издания стихотворений Белого, как было указано в первом предисловии и в письме К. Н. Бугаевой к Иванову-Разумнику от 12 марта 1931 г.: «Вопреки всему за последние два месяца Б. Н. упорно работал над стихами: переделка, — а в сущности писание заново. И составил I-й том будущего двухтомия; ко второму же дал полное оглавление и программу»[4]. Первый том завершается поэмой «Христос воскрес», а второй, озаглавленный «Звезда над урной», должна была заключать поэма «Первое свидание». О втором томе можно судить лишь по заглавию и предварительному плану содержания — Белый умер, не успев его сформировать. Во втором предисловии 1932 г. Белый упоминает также о третьем томе, но о нем нет никакой дополни-

[1] «Вместо предисловия» к сборнику «Зовы времен» (Т. 2 наст. изд., с. 168).
[2] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 623.
[3] Там же. С. 675.
[4] Там же.

тельной информации. Весь проект остался неопубликованным при жизни автора[1].

В пространном предисловии к сборнику «Зовы времен» Белый указывает причины, побудившие его заняться этим «критическим пересмотром инвентаря <...> написанного и переработкой тех из стихотворений, которые казались поправимыми»[2]. Здесь концепция Белого о «едином» и «целом» достигает своего апогея. Для итогового издания он особенно продумал «отделы, понятые как единый цикл; стихотворение вытекает из стихотворения; выхваченное из цикла, оно теряет; отдел — этап настроения в целом книги; это целое — лирически переживаемый некий строй отношения к жизни юного лирика 1903 года»[3]. Как он уже отмечал в предисловии к берлинскому изданию «Стихотворений», стихи — это «лейтмотивы», которые сопровождают поэта всю его жизнь, сохраняя неотъемлемое единство и утверждая неделимость его поэтического творчества. Для Белого стихи книги «Зовы времен» не были новыми и он не считал их просто «вариантами» прежних стихотворений. Тексты «Золота в лазури» он «использовал как утиль-сырье», но предлагаемая книга, «отступая от текста «Золота», тем не менее верней отражает ритмы и образы 1903 года, заляпанные, точно глиной, технической беспомощностью юноши»[4]. В стихах «Зовов времен», утверждает Белый, он только «интерпретатор еще безголосого юноши», и лейтмотивы, которые преобладали в ранний период его жизни, здесь лишь нашли себе наиболее совершенное выражение. Поскольку некоторые лейтмотивы никогда не прекращали звучать в нем самом и проявляться в его поэзии, Белый счел вполне оправданным включение в «Зовы времен» стихотворений из тех своих книг, которые появились после «Золота в лазури».

Подробное описание того, как Белый работал над этим стихотворным сводом в кучинском уединении, можно найти в воспоминаниях К. Н. Бугаевой, которая была свидетелем того, как день за днем совершался процесс претворения одной книги в другую[5]. По ее словам, Белый любил говорить, что во время писания стихов он «прибормативал», однако она никогда не слышала ни звука, не видела ни малейшего движения губ. «Напротив, он сидел совершенно спокойно, почти неподвижно. По временам только что-нибудь быстро запи-

---

[1] «Зовы времен» и проект содержания второго тома впервые были опубликованы полностью в кн: *Белый А.* Стихотворения. Т. II: Несобранное, переработанное и неопубликованное. С. 143—360. Рукописи хранятся в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 9 и 10). См. т. 2 наст. изд.

[2] «Вместо предисловия» // «Зовы времен» (т. 2 наст. изд., с. 168).

[3] Там же. С. 174.

[4] Там же. С. 169.

[5] Глава «Стихи» в кн.: *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публикация, предисловие и комментарий Джона Малмстада. СПб., 2001. С. 227—248. При установлении связей между версией текста в «Зовах времен» и его первоисточником (или первоисточниками) во многих случаях приходится опираться на свидетельства вдовы поэта в этой главе. Список, в котором она соотносит стихотворения из «Зовов времен» с ранними текстами, хранится вместе с рукописью сборника в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 9).

сывал и опять застывал. Я ни разу не видела, чтобы он откинулся в кресле, ища нужное слово, или отбивал ритм ногой, отстукивал карандашом или пальцами или раскачивался в такт слагавшимся строчкам. <...> И только особенная, нараставшая вокруг тишина показывала, что он далеко, далеко от нашего домика»[1]. В такие минуты ей припоминались слова предостерегающей надписи, которые Белый прочел на одной из дверей в помещении кавказской гидроэлектростанции: «Ток высокого напряжения. Не подходите. Смертельно». Тогда эти слова поразили Белого «адекватностью» выражения: «он знал, что ток высокого напряжения существует не только в машине. Он действует и в человеке»[2]. Клавдия Николаевна, наблюдая за творческим процессом Белого, также ощущала этот ток в нем.

Как и ее муж, она считала, что было бы «грубейшей ошибкой» рассматривать «Зовы времен» как книгу новых стихотворений, а не как «то же "Золото в лазури", но претворенное, переплавленное *все целиком, начиная с заглавия*»[3]. Как и Белый, она верила, что в годы работы над книгой «Зовы времен», «если бы он писал, исходя из современности, он не вписал бы ни одной строчки, подобной вписанным в новой редакции»[4]. Это было трудное, иногда утомительное погружение в прошлое, которое надо было заново пережить. «В этом "моральном усилии" воскрешения прошлого и была, по словам Б. Н., главная трудность задуманной им работы. Нужно было переключиться, закрыть в себе настоящее и, опустив занавес, не примешать ничего от "сегодня" в то, далеко отошедшее. Нужно было войти в атмосферу 1900-х годов, в переживания двадцатилетнего юноши и только выявить "набившею опыт рукой" мир тех звуков и образов, которыми юноша был переполнен, но по неопытности и слишком большой непосредственности не сумел тогда их отразить и сказать о них внятно. Это возвращение в минувшее было возможно лишь при той особой культуре памяти, которой Б. Н. так необыкновенно владел»[5]. Она была свидетелем таких минут, когда Белый жил «не в одном настоящем» и когда от него «веяло эпохой Зари», пока он пытался, по его словам, освободить «бабочку» от скрывавшего ее тяжеловатого «кокона» старых текстов[6]. Белый несколько раз пытался это делать раньше, в 1916 г. и 1921 г., но эти усилия были затрачены втуне (из-за событий, не зависевших от него). Однако поэма «Первое свидание» была, безусловно, отчасти косвенным результатом попыток Белого войти в образы и ритмы прошлого и еще раз пережить свою юность[7].

С годами правка и переделка Белым старых стихов приобретали все более радикальный характер и дошли до своего предела в работе

[1] *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. С. 227—228.
[2] Там же. С. 229.
[3] Там же. С. 232.
[4] «Вместо предисловия» // «Зовы времен» (Т. 2 наст. изд., с. 170).
[5] *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. С. 232—233.
[6] «Вместо предисловия» // «Зовы времен» (Т. 2 наст. изд., с. 170).
[7] «В 1921 году в Ленинграде я сызнова принимаюсь за правку; и вместе с правкой прикосновение к образам и ритмам прошлого извлекает из него "новые" почти стихи; и поэму "Первое свидание"» (Там же. С. 169).

над книгой «Зовы времен». Ее тексты подвергались бесконечным исправлениям и переписываниям. Черновые наброски стихов часто начинались на полях или между строк книг, на клочке бумаги, на конверте, иногда даже на папиросной коробке, которая оказывалась у Белого под рукой: «Не буквы, а какие-то неопределенные знаки, петли, крючки. Слова не кончались, строки тем более»[1]. Расшифровать эти рабочие заметки мог только он сам. Когда работа была закончена, Белый прочитывал стихотворение жене, но обычно он не был доволен первыми пробами. Любой стихотворный текст был в процессе работы автора лишь одной из возможных форм выражения и стимулом к новым поискам других форм и слов. Клавдия Николаевна сама писала: «...после этого чтения начиналась усиленная правка и переписка. Я не могу даже сказать, сколько раз Б. Н. переделывал и переписывал одно и то же: пять, восемь, десять. Я не преувеличиваю»[2]. При такой переписке текст переживал различные метаморфозы: перерастал в два стихотворения, уменьшался до одной новой строфы, иногда даже одной-двух строк, которые потом в свою очередь превращались в новое стихотворение или его составную часть. Иногда в результате переработки нескольких текстов появлялось совершенно новое произведение.

Клавдия Николаевна часто не находила ничего общего между прежним и новым текстами: «Когда я протестовала: что же тут общего — и слова, и образы, и даже ритм — все другое, он казался довольным: — Это-то мне и нужно. А то какая же переработка... Так только — легкая ретушь!.. А ты *послушай* — тогда найдешь, что общее — *очень* есть... — и перечитывал мне еще и еще раз»[3]. Иногда она ужасалась, видя, как он «безжалостно разрушает совершенно готовое прекрасное стихотворение», и умоляла его не трогать, оставить, как есть. «Но он молчал, как будто не слышал, или с неохотою коротко отговаривался: "Разве не видишь: не включается в целое. Ведет не туда!" Иногда добавлял так же коротко: "Подожди! Что забегаешь вперед... Я же знаю, что делаю..." Брал рассеянно листик и уходил за свой стол. Я не помню случая, чтобы он уступил, хотя уверял, что принимает в расчет мои замечания. Признаться, я этого не видела»[4]. Наконец, он снова появлялся с окончательной редакцией. И она не могла не согласиться, что он был прав. Новый текст куда более соответствовал тому целому, которое он так упорно искал. В такие моменты «Б. Н. искренно радуется и торжествует; и только теперь, смягчившись, признает: "Правда, вылетели недурные куски"»[5].

Перерабатывая свои стихи, Белый всякий раз предлагал считаться только с новым, последним по времени поэтическим вариантом. В предисловии к «Зовам времен» он отказался от «Золота в лазури» 1903 года, «вычеркивая его из списка живых моих книг»[6]. Даже на «Зовы времен» Белый не смотрел как на некую вершину или конеч-

---

[1] *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. С. 230.
[2] Там же. С. 240.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 240—241.
[5] Там же. С. 241.
[6] «Вместо предисловия» // «Зовы времен» (Т. 2 наст. изд., с. 169).

ный пункт: «Разумеется, я не вполне доволен предлагаемой редакцией»[1]. Автор «ценит потенции» «Золота в лазури» и пытается это доказать, в очередной раз тщательно редактируя его текст. Но результат — только «протянутость к будущему; и в этой редакции он — Тредьяковский будущего Пушкина, но и Тредьяковский — шаг вперед от Кантемира»[2]. Если бы Белый дожил до выхода в свет собрания своих стихотворений, мыслившегося как итоговое, это вряд ли стало бы его окончательным словом в поэзии. Процесс нескончаемой эволюции и в жизни и в собственном творчестве мог завершиться только его кончиной.

Дж. Малмстад

[1] Там же.
[2] Там же. С. 170.

СТИХОТВОРЕНИЯ и ПОЭМЫ

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Посвящаю эту книгу
дорогои матери

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

1—3. БАЛЬМОНТУ

1

В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли, —
как тяжелые, красные льдины.

Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней — сохранила.

И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

Не боясь луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались — священной весны
всё задумчиво грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

2

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.

И ручей
чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт — говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумьи миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.

Говори
о полете столетий.
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.

Говори...

3

Поэт, — ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно.
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.

Хоть те же всё люди кругом,
ты — вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.

Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

1903

4—5. ЗОЛОТОЕ РУНО

Посвящено Э. К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится,
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
средь трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя
в золотеющий мир.

Всё небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Всё небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил.

Земля отлетает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И, блеском объятый,
светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Арго крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно...

1903

6. СОЛНЦЕ

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
отражающие золото.

1903

7—9. ЗАКАТЫ

1

Даль — без конца. Качается лениво,
шумит овес.
И сердце ждет опять нетерпеливо
всё тех же грез.
В печали бледной, виннозолотистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
сребристо жгучей,
садится солнце красно-золотое...
И вновь летит
вдоль желтых нив волнение святое,
овсом шумит:
«Душа, смирись: средь пира золотого
скончался день.
И на полях туманного былого
ложится тень.
Уставший мир в покое засыпает,
и впереди
весны давно никто не ожидает.
И ты ни жди.
Нет ничего... И ничего не будет...
И ты умрешь...
Исчезнет мир, и Бог его забудет.
Чего ж ты ждешь?»
В дали зеркальной, огненно-лучистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
пунцово-жгучей,
огромный шар, склонясь, горит над нивой
багрянцем роз.
Ложится тень. Качается лениво,
шумит овес.

2

Я шел домой согбенный и усталый,
главу склонив.
Я различал далекий, запоздалый
родной призыв.
Звучало мне: «Пройдет твоя кручина,
умчится сном».
Я вдаль смотрел — тянулась паутина
на голубом
из золотых и лучезарных ниток...
Звучало мне:
«И времена свиваются, как свиток...
И всё — во сне...
Для чистых слез, для радости духовной,
для бытия,
мой падший сын, мой сын единокровный,
зову тебя»...
Так я стоял счастливый, безответный.
Из пыльных туч
над далью нив вознесся златосветный,
янтарный луч.

3

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнёт.
Вдали замирающий голос
в безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
туда, где воздушный чертог,
а тучек скользящие пятна
над нивой плывут на восток.

Закат полосою багряной
бледнеет в дали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
и мир славословит Отца,
а ветер ласкает, целует.
Целует меня без конца.

1902

10. ЗА СОЛНЦЕМ

Пожаром закат златомирный пылает,
лучистой воздушностью мир пронизав,
над нивою мирной кресты зажигает
и дальние абрисы глав.

Порывом свободным воздушные ткани,
в пространствах лазурных влачася, шумят,
обвив нас холодным атласом лобзаний,
с востока на запад летят.

Горячее солнце — кольцо золотое —
твой контур, вонзившийся в тучу, погас.
Горячее солнце — кольцо золотое —
ушло в неизвестность от нас.

Летим к горизонту: там занавес красный
сквозит беззакатностью вечного дня.
Скорей к горизонту! Там занавес красный,
весь соткан из грез и огня.

1903

11—13. ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Д. С. Мережковскому

1

Пронизала вершины дерев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись — зацелую тебя...»

Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замоет к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.

Песнь всё ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.

Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.

В небе гас золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вкруг меня троттуар,
удивленно внимали речам.

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой
застывала, дрожа над челом.

Гром пролеток, и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.

Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав, как дитя.
Потащили в смирительный дом,
погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
Всё застыло, искрясь.

И звучит из дали:
«Я так близко от вас,

мои бедные дети земли,
в золотой, янтареющнй час...»

И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы
ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы...»

С лучезарных крестов
нити золота тешат меня...
Тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя...»

Полный радостных мук,
утихает дурак.
Тихо падает на пол из рук
сумасшедший колпак.

1903

14. ГРОЗА НА ЗАКАТЕ

Вижу на западе волны я
облачно-грозных твердынь.
Вижу — мгновенная молния
блещет над далью пустынь.
Грохот небесного молота.
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
в небе опять разлилось.
Плачу и жду несказанного,
плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманного
блещет в зарницах сапфирных.
Держит лампаду пурпурную.
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
рвет очертаньем крылатым.
Молньи рубинно-сапфирные.
Грохот тяжелого молота.
Волны лазури эфирные.
Море вечернего золота.

1903

15—17. ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Всё тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растет
восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомою грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.

Смеюсь — и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
Что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз — и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится — я этой мечтой
всю бездну восторга измерю.
Ты скажешь — восторг тот святой...
Не верю!

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.

На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

3

Звон вечерний гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как всё чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
озаряют кресты колоколен.

1902

18. ПУТЬ К НЕВОЗМОЖНОМУ

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом
сожаленья отравлена грудь.
Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.
Это — к Вечности мы
устремились желанной.

Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.
Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

1903

19—24. НЕ ТОТ

В. Я. Брюсову

1

Сомненье, как луна, взошло опять,
и помысл злой
стоит, как тать, —
осенней мглой.

Над тополем, и в небе, и в воде
горит кровавый рог.
О, где Ты, где,
великий Бог!..

Откройся нам, священное дитя...
О, долго ль ждать,
шутить, грустя,
и умирать?

Над тополем погас кровавый рог.
В тумане Назарет.
Великий Бог!..
Ответа нет.

2

Восседает меж белых камней
на лугу с лучезарностью кроткой
незнакомец с лазурью очей,
с золотою бородкой.

Мглой задернут восток...
Дальний крик пролетающих галок...
И плетет себе белый венок
из душистых фиалок.

На лице его тени легли.
Он поет — его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

Горбуны из пещеры пришли,
повинуясь закону.
Горбуны поднесли
золотую корону.

«Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет.
В твоем взоре, о царь,
все, что было, что есть и что будет.

И береза, вершиной скользя
в глубь тумана, ликует...
Кто-то, Вечный, тебя
зацелует!»

Но в туман удаляться он стал.
К людям шел разгонять сон их жалкий.
И сказал,
прижимая, как скипетр, фиалки:

«Побеждаеши сим!»
Развевалась его багряница.
Закружилась над ним,
глухо каркая, черная птица.

3

Он — букет белых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
просиявший учитель веселья.

И любя, и грустя,
всех дарит лучезарностью кроткой.
Вот стоит, как дитя,
с золотисто-янтарной бородкой.

«О, народы мои,
приходите, идите ко мне.
Песнь о новой любви
я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм.
Я грядущей весне
свое жаркое сердце отдам.

Приношу в этот час,
как вечернюю жертву, себя...
Я погибну за вас,
беззаветно смеясь и любя...

Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех»...

4

И он на троне золотом,
весь просиявший, восседая,
волшебно-пламенным вином
нас всех безумно опьяняя,

ускорил ужас роковой.
И хаос встал давно забытый.
И голос бури мировой
для всех раздался вдруг, сердитый.

И на щеках заледенел
вдруг поцелуй желанных губок.
И с тяжким звоном полетел
его вина червонный кубок.

И тени грозные легли
от стран далекого востока.
Мы все увидели вдали
седобородого пророка.

Пророк с волненьем грозовым
сказал: «Антихрист объявился»...
И хаос бредом роковым
вкруг нас опять зашевелился.

И с трона грустный царь сошел,
в тот час повитый тучей злою.
Корону сняв, во тьму пошел
от нас с опущенной главою.

5

Ах, запахнувшись в цветные тоги,
восторг пьянящий из кубка пили.
Мы восхищались, и жизнь, как боги,
познаньем новым озолотили.

Венки засохли и тоги сняты,
дрожащий светоч едва светится.
Бежим куда-то, тоской объяты,
и мрак окрестный бедой грозится.

И кто-то плачет, охвачен дрожью,
охвачен страхом слепым: «Ужели
все оказалось безумством, ложью,
что нас манило к высокой цели?»

Приют роскошный — волшебств обитель,
где восхищались мы знаньем новым, —
спалил нежданно разящий мститель
в час полуночи мечом багровым.

И вот бежим мы, бежим, как тати,
во тьме кромешной, куда — не знаем,
тихонько ропщем, перечисляем
недостающих отсталых братий.

6

О, мой царь!
Ты запуган и жалок.
Ты, как встарь,
притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
красный отсвет страданий —
золотистой парчи
пламезарные ткани.

Ты взываешь, грустя,
как болотная птица...
О, дитя,
вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
наплывающей ночи
на лице снеговом
голубые безумные очи.

О, мой царь,
о, бесцарственно-жалкий,
ты, как встарь,
на лугу собираешь фиалки.

1903

25. ВО ХРАМЕ

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас: «Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Всё просветилось вдруг, всё солнцем зажжено.

И «Свете тихий» с клиросов воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

1903

26. СТАРЕЦ

Исчезает долин
беспокойная тень,
и средь дымных вершин
разгорается день.

Бесконечно могуч
дивный старец стоит
на востоке средь туч
и призывно кричит:

«Друг, ко мне! Мы пойдем
в бесконечную даль.
Там развеется сном
и болезнь, и печаль»...

Его риза в огне...
И, как снег, седина.
И над ним в вышине
голубая весна.

И слова его — гром,
потрясающий мир
неразгаданным сном...
Он стоит, как кумир,

как весенний пророк,
осиянный мечтой.
И кадит на восток,
на восток золотой.

И всё ярче рассвет
золотого огня.
И всё ближе привет
беззакатного дня.

1900

27. ОБРАЗ ВЕЧНОСТИ

Бетховену

Образ возлюбленной — Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в беспечности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной — Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной —
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканные
в облачной стае горят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар — сребрится
мой ус и темя,
но радость снится.
Река, что время:
летит — кружится...

Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль...
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
— Вечности!..

1903

28. ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Волшебный король показался на горной вершине,
обнявшись,
с красавицей дочкой своей.
Сказал ей: «На нашем воздушном дельфине,
сорвавшись
с вершины, помчимся,
купаясь в эфирах,
скорей —

по воздуху в синих
холодных сапфирах
помчимся
скорей!..»

Средь горных вершин
вот рыба летит золотая —
дельфин.

«Ну, с Богом, садись —
к дельфину
на золотистую спину
садись...»

И в воздухе ясном блистая,
дельфин
полетел...

Несутся над миром.
Их замок родимый вдали потускнел,
завешенный синим эфиром.

Теперь не настигнуть их ночке.
Сапфиры все реже, а красные яхонты чаще.
Короной их в воздухе старый король собирает
и дочке
струею горящей
к ногам высыпает.

Как много пьянящего в смехе искристом
вина!

В изящной короне,
в серебряно-бледном, росистом
хитоне,
она —
играет седой
бородой
короля
чародея.
Как много изящества в ней!..
Блестя,
огневея,
воздушные ткани атласистых, рыжих кудрей
несутся
за нею по ветру и рвутся...
Дельфин
золотою
ладьею
ныряет
средь облачных вздутых вершин,
с лучом
заходящего солнца играет,
плеснувши по воздуху рыбьим хвостом.

Король управляет дельфином...
он в лебедя смелого —
белого —
подхваченным в воздухе красным рубином
бросает.

Кричит: «О, возлюбим полеты
великих стремлений, —
высоты
вселенских волнений»...

Все выше,
все выше...
Над нею склонился: «Пора тебе, дочка, уснуть»...
«Куда мы, родитель?» — чуть шепчет она, побледневши.

— «Далеко, за тучкой перистой
наш путь...
Ее мы разрежем, взлетевши,
стрелой золотистой
промчавшись...»

Все выше,
все выше...
Они присмирели,
обнявшись...

Вот звезды горят в золоченом
убранстве...
Туманный обрывок на них наплывает без цели,
повиснув драконом
в пространстве.

1903

29. УСМИРЕННЫЙ

Молчит усмиренный, стоящий над кручей отвесной,
любовно охваченный старым пьянящим эфиром,
в венке серебристом и в мантии бледнонебесной,
простерший свои онемевшие руки над миром.

Когда-то у ног его вечные бури хлестали.
Но тихое время смирило вселенские бури.
Промчались столетья. Яснеют безбурные дали.
Крылатое время блаженно утонет в лазури.

Задумчивый мир напоило немеркнущим светом
великое солнце в печали янтарно-закатной.
Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом
сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
к холодным ногам, обнимая руками колени...
Во взоре потухшем волненье безумно-немое,
какая-то грусть мировых, окрыленных молений.

1903

30. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
ей голову сжали горячим, колючим венцом —
сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит — улыбнулась бескровно-туманным лицом.

Вдали — бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
листы потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
с невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
последние в мире, безвременьем смытые, дни».

Склонился — и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
над ними помчались последние листья, шурша.

1903

31. ТАИНСТВО

Мне слышались обрывки слов святых.
Пылала кровь в сосудах золотых.
Возликовав, согбенный старый жрец
пред жертвой снял сверкающий венец.
Кадильницей взмахнул, и фимиам
дыханьем голубым наполнил храм.
Молельщикам раздал венки из роз.
Пал ниц и проливал потоки слез.

Прощальным сном, нетленною мечтой
погас огонь небесно-золотой.
В цветных лампадах засиял чертог.
Заговорил у жертвенника рог.
Возликовав, согбенный старый жрец
из чаш пролил сверкающий багрец.
Средь пряных трав, средь нежных чайных роз
пал ниц и проливал потоки слез.

1901

32. ВЕСТНИКИ

В безысходности нив
онемелый овес
дремлет, колос склонив,
средь несбыточных грез...

Тишину возмутив,
весть безумно пронес
золотой перелив,
что идет к нам Христос.

Закивал, возопив,
исступленный овес.

Тихий звон. Сельский храм
полон ропота, слез.
Не внимая мольбам
голос, полный угроз,
все твердит: «Горе вам!»

Кто-то свечи принес
и сказал беднякам:

«Вот Спаситель-Христос
приближается к нам»...
Среди вздохов и слез
потянулись к дверям.

1903

33. В ПОЛЯХ

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледносиняя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

34. СВЯЩЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Посвящается «бедным рыцарям»

Я нарезал алмазным мечом
себе полосы солнечных бликов.
Я броню из них сделал потом
и восстал среди криков.

Да избавит Царица меня
от руки палачей!
Золотая кольчуга моя
из горячих, воздушных лучей.

Белых тучек нарвал средь лазури,
приковал к мирозлатному шлему.
Пели ясные бури
из пространств дорогую поэму.

Вызывал я на бой
ослепленных заразой неверья.
Холодеющий вихрь, золотой,
затрепал мои белые перья.

1903

35—36. СМЕРТЬ

1

Гряда облаков
отходит, как волны событий, —
как яснонемых жемчугов
далекие нити.

На небо вернусь
средь ясного часа.
Опять завернусь
в кусок голубого атласа.

Закатом блесну,
горя в светомирных порфирах.
Опять утону
в эфирах.

Вас будут терзать
вселенские бури,
но буду я спать
в лазури.

Я брызну средь ясного дня
на вас золотыми снопами...
Узнаете снова меня,
я буду над вами,

когда, заблистав, как снега,
вновь тучки на вас понесутся, —
когда жемчуга
прольются...

2

Для пророка, отца своего,
мы построили храмы.
Не забудем его
никогда мы.

Его нет. Он исчез.
Дни бесцветные, полные скуки...
Протянулись с небес
вдруг снеговые руки.

Опустились воздушным кольцом
средь тоскующих братий.

И забылися сном
среди облачнобледных объятий.

Улыбнулись меж солнечных роз,
в жемчугах ясных струй...
Ветерок нам принес
поцелуй.

1903

37. ДУША МИРА

Вечной
тучкой несется,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеется.
Грядой серебристой
летит над водою —
— лучисто —
волнистой
грядою.

Чистая,
словно мир,
вся лучистая —
золотая заря,
мировая душа.
За тобой бежишь,
весь
горя,
как на пир,
как на пир
спеша.
Травой шелестишь:
«Я здесь,
где цветы...
Мир
вам...»

И бежишь,
как на пир,
но ты —
Там...

Пронесясь
ветерком,

ты зелень чуть тронешь,
ты пахнёшь
холодком
и смеясь
вмиг
в лазури утонешь,
улетишь на крыльях стрекозовых.
С гвоздик
малиновых,
с бледнорозовых
кашек —
ты рубиновых
гонишь
букашек.

1902

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

38. ОПАЛА

Посвящается А. А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музы́ка приветствует с хор.

А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.

В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон, —

Приветливый, ясный, речистый,
отдавшийся важным делам.
Сановник платочек душистый
кусает, прижавши к устам.

Докладам внимает он мудро.
Вдруг перстнем ударил о стол.
И с буклей посыпалась пудра
на золотом шитый камзол.

«Для вас, государь мой, не тайна,
что можете вы пострадать:
и вот я прошу чрезвычайно
сию неисправность изъять»...

Лицо утонуло средь кружев.
Кричит, раскрасневшись: «Ну что ж!..
Татищев, Шувалов, Бестужев —
у нас есть немало вельмож —

Коль вы не исправны, законы
блюсти я доверю другим...
Повсюду, повсюду препоны
моим начинаньям благим!..»

И, гневно поднявшись, отваги
исполненный, быстро исчез.
Блеснул его перстень и шпаги
украшенный пышно эфес.

Идет побледневший придворный...
Напудренный щеголь в лорнет
глядит — любопытный, притворный:
«Что с вами? Лица на вас нет...

В опале?.. Назначен Бестужев?»
Главу опустил — и молчит.
Вкруг море камзолов и кружев,
волнуясь, докучно шумит.

Блестящие ходят персоны,
музы́ка приветствует с хор,
окраскою нежной плафоны
ласкают пресыщенный взор.

1903

39. ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Посвящается дорогой матери

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
как пышная роза, сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых, сквозных кружевах,
мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

под вешнею лаской фортуны
и хмелью обвитый карниз,
и стены. Прекрасный и юный,
пред нею склонился маркиз

в привычно заученной роли,
в волнисто-седом парике,

в лазурно-атласном камзоле,
с малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветок сей принять»...
Смеются под звук клавесина,
и хочет кузину обнять.

Уже вдоль газонов росистых
туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
луна золотая плывет.

1903

40. МЕНУЭТ

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
стоит у беседки.

На белом атласе сапфиры.
На дочках — кисейные шарфы.

Подули зефиры —
воздушный аккорд
Эоловой арфы.

Любезен, но горд,
готовит изящный сонет
старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
надев треуголку на белый парик.

Вот... негры вдали показались — все в красном — лакеи...
Вот... блеск этих золотом шитых кафтанов.
Идут в глубь аллеи
по старому парку.

Под шепот алмазных фонтанов
проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку.

41. ПРОЩАНИЕ

Посвящается Эллису

Красавец Огюст,
на стол уронив табакерку,
задев этажерку,
обнявши подругу за талью, склонился на бюст.

«Вы — радости, кои
Фортуна несла — далеки!..»

На клумбах левкои.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости, мое щастье:
уйдет твой Огюст»...

Взирает на них без участья
холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец...

«Ах, щастье верну!..
Коль будет противник, его, как гишпанец,
с отвагою, шпагой проткну...
Ответишь в день оный,
коль, сердце, забудешь меня».

Сверкают попоны
лихого коня.

Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
и вдаль улетел.
И к листику листик
прижался:
то хладный зефир прошумел.

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты, Огюст?»
Забыта лежит табакерка...
Приходят зажечь канделябры...

В огнях этажерка
и мраморный бюст.

42. ПОЛУНОЩНИЦЫ

Посвящается А. А. Блоку

На столике зеркало, пудра, флаконы,
что держат в руках купидоны,
белила,
румяна...

Затянута туго корсетом,
в кисейном девица в ладоши забила,
вертясь пред своим туалетом:
«Ушла... И так рано!..
Заснет и уж нас не разгонит...
Ах, котик!...»

И к котику клонит
свой носик и ротик...

Щебечет другая
нежнее картинки:
«Ma chère[1], дорогая —
сережки, корсажи, ботинки!..
Уедем в Париж мы...
Там спросим о ценах»...

Блистают
им свечи.
Мелькают
на стенах
их фижмы
и букли, и плечи...

«Мы молоды были...
Мы тоже мечтали,
но кости заныли,
прощайте!..» —
Старушка графиня сказала им басом...

И все восклицали:
«Нет, вы погадайте»...
И все приседали,
шуршали атласом...
«Ведь вас обучал Калиостро»...

— «Ну, карты давайте»...
Графиня гадает, и голос звучит ее трубный,

[1] Моя дорогая (*франц.*). — *Ред.*

очами сверкает так остро:
«Вот трефы, вот бубны»...

На стенах портреты...
Столпились девицы с ужимками кошки.
Звенят их браслеты,
горят их сережки...

Трясется чепец, и колышутся лопасти кофты.
И голос звучит ее трубный:
«Беги женихов ты...
Любовь тебя свяжет и сетью опутает вервий.
Гаси сантимента сердечного жар ты...
Опять те же карты:
Вот бубны,
вот черви»...

Вопросы... Ответы...
И слушают чутко...
Взирают со стен равнодушно портреты...
Зажегся взор шустрый...
Темно в переходах
и жутко...

И в залах на сводах
погашены люстры...
И в горнице тени трепещут...

И шепчутся: «Тише,
вот папа
услышит, что дочки ладонями плещут,
что возятся ночью, как мыши,
и тешат свой норов...
Вот папа
пришлет к нам лакея "арапа"».

Притихли, но поздно:
в дали коридоров
со светом в руках приближаются грозно...
Шатаются мраки...

Арапы идут и — о, Боже! —
вот шарканье туфель доносится грубо,
смеются их черные рожи,
алеют их губы,
мелькают пунцовые фраки...

43. ПРОМЕНАД

Красотка летит вдоль аллеи
в карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
в чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
всё ценные камни сияют.
И знатные очень особы
пред ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгретка.
В карете испытанным другом
с ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно снежной
красавец наездник промчался;
он, ветку акации нежной
сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
напудренно-бледный и томный, —
шепнул ей любовные речи...

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
светящийся пурпур струится.

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
стоит неподвижно статуя,
охвачена заревом красным.

44. ССОРА

Посвящается М. И. Балтрушайтис

Заплели косицы змейкой
графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
подобрав жеманно юбки,

на песок поставив лейку
и сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
образ строгий гувернантки, —
возникают перебранки
и друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
кудри, сглаженные гребнем...
Утрамбованы дорожки
мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
дух идет от лепесточков,
от голубеньких цветочков,
от белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
языки друг другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети, вас накажут!..»

Вечер. Дом, газон, кусточек
тонут в полосах тумана.
«Стонет сизый голубочек» —
льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
подобрав жеманно юбки,
как нахохленные птицы,
в дом идут, надувши губки.

45. ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы — любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,

кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
средь нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали —
Равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской,
обвеянный жизнию давней,
как шепчется ветер с листвой,
как хлопает сорванной ставней.

46. СЕЛЬСКАЯ КАРТИНА

М. А. Эртелю

Сквозь зелень воздушность одела
их пологом солнечных пятен.
Старушка несмело
шепнула: «День зноен, приятен»...

Девица
клубнику варила средь летнего жара.
Их лица
омыло струею душистого пара.
В морщинах у старой змеилась
как будто усмешка...

В жаровне искрилась,
дымя, головешка.

Зефир пролетел тиховейный...
Кудрявенький мальчик
в пикейной
матроске к лазури протягивал пальчик:
«Куда полетела со стен, ты,
зеленая мушка?»

Чепца серебристого ленты,
вспотев, распускала старушка.

Чирикнула птица.

В порыве бескрылом
девица
грустила о милом.
Тяжелые косы,
томясь, через плечи она перекинула разом.

Звенящие, желтые осы
кружились над стынущим тазом.

Девица за ласточкой вольной
следила завистливым оком,
грустила невольно
о том, что разлучены роком.
Вдруг что-то ей щечку ужалило больно —
она зарыдала,
сорвавши передник...
И щечка распухла.

Варенье убрали на ледник,
жаровня потухла.

Диск солнца пропал над лесною опушкой,
ребенка лучом искрометным целуя.
Ребенок гонялся
за мушкой
средь кашек.

Метался,
танцуя,
над ним столб букашек.

И вот дуновенье
струило прохладу
волною.

Тоскливое пенье
звучало из тихого саду.

С распухшей щекою
бродила мечтательно дева.
Вдали над ложбиной —
печальный, печальный —
туман поднимался к нам призраком длинным.

Из птичьего зева
забил над куртиной
фонтанчик хрустальный,
пронизанный златом рубинным.

Средь розовых шапок левкоя
старушка тонула забытым мечтаньем.
И липы былое
почтили вздыханьем.
Шептала
старушка: «Как вечер приятен!»

И вот одевала
заря ее пологом огненных пятен.

47. ВОСПОМИНАНИЕ

Посв. Л. Д. Блок

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
все так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной
вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!..»
Стенная кукушка,

хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

1903

48. ОТСТАВНОЙ ВОЕННЫЙ

Вот к дому, катя по аллеям,
с нахмуренным Яшкой —
с лакеем,
подъехал старик, отставной генерал с деревяшкой.

Семейство,
чтя русский
обычай, вело генерала для винного действа
к закуске.

Претолстый помещик, куривший сигару,
напяливший в полдень поддевку,
средь жару
пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурок,
военный
про турок.
«Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции...»

Вились вкруг террасы
цветы золотые настурции.

Взирая
на девку блондинку,
на хлеб полагая
сардинку,
кричал
генерал:
«И под хохот громовый
проснувшейся пушки
ложились костьми баталионы»...

В кленовой
аллее носились унылые стоны
кукушки.

Про душную страду
в полях где-то пели
так звонко.
Мальчишки из саду
сквозь ели,
крича, выгоняли теленка.

«Не тот, так другой
погибал,
умножались
могилы», —
кричал,
от вина огневой...
Наливались
на лбу его синие жилы.

«Нам страх был неведом...
Еще на Кавказе сжигали аул за аулом»...

С коричневым пледом
и стулом
в аллее стоял,
дожидаясь,
надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь
с террасы, военный по ветхим ступеням стучал деревяшкой.

1904

49. НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ

Посв. П. Н. Батюшкову

1

Мелькают прохожие, санки...
Идет обыватель из лавки
весь бритый, старинной осанки...
Должно быть, военный в отставке.
Калошей стучит по панели,
мальчишкам мигает со смехом
в своей необъятной шинели,
отделанной выцветшим мехом.

2

Он всюду, где жизнь, — и намедни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой...
Деньгою позвякивал мелкой...
Все знают: про замысел вражий,
он мастер рассказывать страсти...
Дьячки с ним дружатся — и даже
квартальные Пресненской части.
В мясной ему все без прибавки —
Не то, что другим — отпускают...
И с ним о войне рассуждают
хозяева ситцевой лавки...

Приходит, садится у окон
с улыбкой, приветливо ясный...
В огромный фулярово-красный
сморкается громко платок он.
«Китаец дерется с японцем...
В газетах об этом писали...
Ох, что не творится под солнцем. .
Недавно... купца обокрали...»

3

Холодная, зимняя вьюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,

исполненный вечной печали...
Вот яростно с крыши железной
рукав серебристый взметнулся,
как будто для жалобы слезной
незримый в хаосе проснулся, —
как будто далекие трубы...

Оставленный всеми, как инок,
стоит он средь бледных снежинок,
подняв воротник своей шубы...

4

Как часто средь белой метели,
детей провожая со смехом,
бродил он в старинной шинели,
отделанной выцветшим мехом...

1903

50. ВЕСНА

Всё подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
Подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настежь — и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.

Небеса всё синей и синей.
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903

51. ИЗ ОКНА

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь — голос мне слышится пылкий,
и вижу распущенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.
На дворике сохнут лоскутья...
И голос болгара иль серба

гортанный протяжно рыдает...
И слышится: «Шум на Марица»...
Сбежались. А сверху девица
с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята
прыжками цепной обезьянки.
Из вечно плаксивой Травьяты
мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль — огороды
мелькнут перед взором рядами,
заводы, заводы, заводы!..
Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,
портные расселись в воротах.
Забыв о тяжелых работах,
орут под гармонику хором.

1903

52. СВИДАНИЕ

На мотив из Брюсова

Время плетется лениво.
Всё тебя нету да нет.

Час простоял терпеливо.
Или больна ты, мой свет?

День-то весь спину мы гнули,
а к девяти я был здесь...

Иль про меня что шепнули?..
Тоже не пил праздник весь...

Трубы гремят на бульваре.
Пыль золотая летит.

Франтик в истрепанной паре,
знать, на гулянье бежит.

Там престарелый извозчик
парня в участок везет.

Здесь оборванец разносчик
дули и квас продает.

Как я устал, поджидая!..
Злая, опять не пришла...

Тучи бледнеют, сгорая.
Стелется пыльная мгла.

Вечер. Бреду одиноко.
Тускло горят фонари.

Там... над домами... далеко
узкая лента зари.

Сердце сжимается больно.
Конка протяжно звенит.

Там... вдалеке... колокольня
образом темным торчит.

1902

53. КОШМАР СРЕДИ БЕЛА ДНЯ

Солнце жжет. Вдоль троттуара
под эскортом пепиньерок
вот идет за парой пара
бледных, хмурых пансионерок.

Цепью вытянулись длинной,
идут медленно и чинно —
в скромных, черненьких ботинках,
в снежнобелых пелеринках...

Шляпки круглые, простые,
заплетенные косицы —
точно всё не молодые,
точно старые девицы.

Глазки вылупили глупо,
спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
смотрит классная их дама.

«Mademoiselle Nadine, tenez vous
Droit...»[1]. И хмурит брови строже.
Внемлет скучному напеву
обернувшийся прохожий...

Покачает головою,
удивленно улыбаясь...
Пансион ползет, змеею
между улиц извиваясь.

1903

54. НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц.
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.

Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забегал фонарщик проворный,
мурлыча веселую песенку.

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных дымов
застывшие клубы.

[1] Мадмуазель Надин, держитесь прямо (*франц.*). — *Ред.*

ОБРАЗЫ

55—59. ВЕЛИКАН

1

«Поздно уж, милая, поздно... усни:
это обман...
Может быть, выпадут лучшие дни.

Мы не увидим их... Поздно... усни...
Это — обман».

Ветер холодный призывно шумит,
холодно нам...
Кто-то, огромный, в тумане бежит...

Тихо смеется. Рукою манит.
Кто это там?

Сел за рекою. Седой бородой
нам закивал
и запахнулся в туман голубой.

Ах, это, верно, был призрак ночной...
Вот он пропал.

Сонные волны бегут на реке.
Месяц встает.
Ветер холодный шумит в тростнике.

Кто-то, бездомный, поет вдалеке,
сонный поет.

«Всё это бредни... Мы в поле одни.
Влажный туман
нас, как младенцев, укроет в тени...

Поздно уж, милая, поздно. Усни.
Это — обман»...

Март 1901
Москва

2

Сергею Михайловичу Соловьеву

Бедные дети устали:
сладко заснули.
Сонные тополи в дали
горько вздохнули,

мучимы вечным обманом,
скучным и бедным...
Ветер занес их туманом
мертвенно-бледным.

Там великан одинокий,
низко согнувшись,
шествовал к цели далекой,
в плащ запахнувшись.

Как он, блуждая, смеялся
в эти минуты...
Как его плащ развевался,
ветром надутый.

Тополи горько вздохнули...
Абрис могучий,
вдруг набежав, затянули
бледные тучи.

3

Средь туманного дня,
созерцая минувшие грезы,
близ лесного ручья
великан отдыхал у березы.

Над печальной страной
протянулись ненастные тучи.
Бесприютной главой
он прижался к березе плакучей.

Горевал исполин.
На челе были складки кручины.
Он кричал, что один,
что он стар, что немые годины

надоели ему...
Лишь заслышат громовые речи, —
точно встретив чуму,
все бегут и дрожат после встречи.

Он — почтенный старик,
а еще не видал теплой ласки.
Ах, он только велик...
Ах, он видит туманные сказки.

Облака разнесли
этот жалобный крик великана.
Говорили вдали:
«Это ветер шумит средь тумана».

Проходили века.
Разражались ненастные грозы.
На щеках старика
заблистали алмазные слезы.

4

Потянуло грозой.
Горизонт затянулся.
И над знойной страной
его плащ растянулся.

Полетели, клубясь,
грозно вздутые скалы.
Замелькал нам, искрясь,
из-за тучи платок его алый.

Вот плеснул из ведра,
грозно ухнув на нас для потехи:
«Затопить вас пора...
А ужо всем влетит на орехи!»

Вот нога его грузным столбом
где-то близко от нас опустилась,
и потом
вновь лазурь просветилась.

«До свиданья! — кричал, —
мы увидимся летними днями»...
В глубину побежал,
нам махнув своей шляпой с полями.

5

В час зари на небосклоне,
скрывши лик хитоном белым,
он стоит в своей короне
замком грозно-онемелым.

Солнце сядет. Всё притихнет.
Он пойдет на нас сердито.
Ветром дунет, гневом вспыхнет,
сетью проволок повитый

изумрудно-золотистых,
фиолетово-пурпурных.
И верхи дубов ветвистых
зашумят в движеньях бурных.

Не успев нас сжечь огнями,
оглушить громовым ревом,
разорвется облаками
в небе темнобирюзовом.

1902

60. НЕ СТРАШНО

Боль сердечных ран
и тоска растет.
На полях — туман.
Скоро ночь сойдет.

Ты уйдешь, а я
буду вновь один...

И пройдет, грозя,
меж лесных вершин
великан седой:
закачает лес,
склон ночных небес
затенит бедой.

Страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!..

Буйный ветер спит.
Ночь летит на нас...

Сквозь туман горит
пара красных глаз —

страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
Не оставь меня!

Мне не страшно, нет...
Ты как сон... как луч...
Брыжжет ровный свет
из далеких туч...

Надо спать... Всё спит...
Я во сне...

...Вон там
великан стоит
и кивает нам.

1900

61. ПОЕДИНОК

Посвящается Эллису

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь — огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору — богу.

И ухнул Тор громовым молотом
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен»...
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
спаленный богом.
Трубит печально над провалами
загнутым рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
на дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
танцуя, блещут:
так клочья палевого знамени
в лазури плещут.

62. БИТВА

В лазури проходит толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый.
Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми руками,
бессильно шатается, дружеских ищет объятий;
порою, закрывшись от стрел дымовыми плащами,
над телом склоняются медленно гибнущих братий!..

....
Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих клоки
— и нет их... пронизанный тканью червонных пожаров,
плывет многобашенный город, туманно-далекий.

1903

63. ПРИГВОЖДЕННЫЙ УЖАС

Давно я здесь в лесу — искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом ненастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещий
с худым лицом, обросшим белым мохом.
Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно взывает:
«Усни, мечтатель жалкий — поздно, поздно»...
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликованье бурном.
Погасли в тучах горние пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый...

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден...
Был час четвертый. Небо просветилось.
И горизонт стал бледно-изумруден.

Я заклинал, и верил я заклятью.
Молил творца о счастии безбурном.
Увидел вдруг — к высокому распятью
был пригвожден седой вампир в пурпурном.

Я возопил восторженно и страстно:
«Заря, заря!.. Вновь ужас обессилен!»
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин.

1903

64. НА ГОРАХ

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод.
У меня на горах
очистительный холод.

Вот ко мне на утес
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.

Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.

И, дугу описав,
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просияв,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
«Это — диск пламезарного солнца»...

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшися боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

1903

65. ВЕЧНОСТЬ

Шумит, шумит знакомым перезвоном
далекий зов, из Вечности возникший.
Безмирнобледная, увитая хитоном
воздушночерным, с головой поникшей
и с урной на плечах, глухим порывом
она скользит бесстрашно над обрывом.

Поток вспененный мчится
серебряной каймой.
И ей всё то же снится
над бездной роковой.
Провалы, кручи, гроты
недвижимы, как сон.
Суровые пролеты
тоскующих времен.

Всё ближе голос Вечности сердитой...
Оцепенев, с улыбкою безбурной,
с душой больной над жизнию разбитой —
над старой, опрокинутою урной —
она стоит у пропасти туманной
виденьем черным, сказкою обманной.

1902

66. МАГ

В. Я. Брюсову

Я в свисте временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
о тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом.
И вот — утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещею глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш — орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

67. КЕНТАВР

Посвящается В. В. Владимирову

Был страшен и холоден сумрак ночной,
когда тебя встретил я, брат дорогой.
В отчаянье грозном я розы срывал
и в чаще сосновой призывно кричал:
«О где ты, кентавр, мой исчезнувший брат —
с тобой, лишь с тобою я встретиться рад!..
Напрасен призыв одичалой души:
Ведь ты не придешь из сосновой глуши».

И тени сгустились... И тени прошли...
Блеснуло кровавое пламя вдали...
Со светочем кто-то на слезы бежал,
копытами землю сырую взрывал.
Лукаво подмигивал. Взором блеснул
и длинные руки ко мне протянул:
«Здорово, товарищ... Я слышал твой зов...
К тебе я примчался из бездны веков».

Страданье былое, как сон, пронеслось.
Над лесом огнистое солнце зажглось.
Меж старых камней засиял ручеек.
Из красной гвоздики надел я венок.
Веселый кентавр средь лазурного дня
дождем незабудок осыпал меня.

Весь день старый в золоте солнца играл,
зеленые ветви рукой раздвигал,
а ночью туманной простился со мной
и с факелом красным ушел в мир иной.
Я счастья не мог позабыть своего:
всё слышал раскатистый хохот его.

68. ИГРЫ КЕНТАВРОВ

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.
С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
пьянящим
своим молоком.
Шутливо трубят молодые кентавры над звонко
шумящим
ручьем.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,
а третьи валяются, ноги задрав.

Тревожно зафыркал старик, дубиной корнистой
взмахнув.
В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив затеи,
и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

69. БИТВА КЕНТАВРОВ

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
Зарница беззвучно дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

И вижу — в молчанье немом
сквозь зелень лепечущих лавров
на выступе мшистом, крутом
немой поединок кентавров.

Один у обрыва упал,
в крови весь, на грунте изрытом.
Над ним победитель заржал
и бьет его мощным копытом.

Не внемлет упорной мольбе,
горит весь огнем неприязни.
Сраженный, покорный судьбе,
зажмурил глаза и ждет казни.

Сам вызвал врага и не мог
осилить стремительный приступ.
Под ними вспененный поток
шумит, разбиваясь о выступ...

Воздушно-серебряный блеск
потух. Всё во мраке пропало.
Я слышал лишь крики да всплеск,
как будто что в воду упало.

....
Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
И снова зарница дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

Смотрю — колыхается лавр...
За ним удаленным контуром
над пенною бездной кентавр
стоит изваянием хмурым.

Под ним серебрится река.
Он взором блистает орлиным.
Он хлещет крутые бока
и спину хвостом лошадиным.

Он сбросил врага, и в поток
бессильное тело слетело.
И враг больше выплыть не мог,
и пена реки заалела.

Он поднял обломок скалы,
чтоб кинуть в седую пучину.

....
И нет ничего среди мглы,
объявшей немую картину.

Кругом только капли стучат.
Вздыхаешь об утре лазурном.
И слышишь, как лавры шумят
в веселье неслыханно бурном.

70. ПЕСНЬ КЕНТАВРА

Над речкой кентавр полусонный поет.
Мечтательным взором кого-то зовет.
На лире играет. И струны звенят.
В безумных глазах будто искры горят.
В морщинах чела притаилась гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Вдали — точно Вечность. Всё тоже вдали.
Туманы синеют. Леса залегли.
Уснет и проснется порыв буревой,
и кто-то заблещет, бездонно-немой.

Над речкой кентавр полусонный стоит.
В тревоге главу опустил и молчит.
Мечтатель со дна приподнялся реки,
раздвинув дрожащей рукой тростники.
И шепчет чуть слышно: «Я понял тебя...
Тоскую, как ты, я. Тоскую, любя...
Безумно люблю и зову, но кого?

Не вижу, как ты, пред собой никого.
Учитель, учитель, мы оба в тоске —
бездомные волны на шумной реке...
Как ты, одинок я. Ты робок, как я.
Учитель, учитель! Я понял тебя»...
Уснул и проснулся порыв буревой.
В волнах захлебнулся мечтатель речной.
Кентавр — хоть бы слово: в затишье гроза.
На бледных щеках застывает слеза.

Над речкой кентавр возмущенный зовет.
Уставшую землю копытами бьет.
Он вытянул шею. Он лиру разбил.
Он руки в безумстве своем заломил.
И крик его — дикое ржанье коня.
И взор его — бездна тоски и огня.
В волнах набегающих машет рукой
двойник, опрокинутый вниз головой.

1902

71—72. УТРО

1

Грядой пурпурной
проходят облачка всё той же сменой.
В них дышит пламень.
Отхлынет прочь волна, разбившись бурной
шипучей пеной
о камень.

Из чащи вышедший погреться, фавн лесной,
смешной
и бородатый,
копытом бьет
на валуне.
Поет
в волынку гимн весне,
наморщив лоб рогатый.

У ног его вздохнет
волна и моется.
Он вдаль бросает взгляды.
То плечи, то рука играющей наяды
меж волн блеснет
и скроется...

2

В небе туча горит янтарем.
Мглой курится.
На туманном утесе забила крылом
белоснежная птица.

Водяная поет.
Волоса распускает.
Скоро солнце взойдет,
и она, будто сказка, растает.

И невольно грустит.
И в алмазах ресницы.
Кто-то, милый, кричит.
Это голос восторженной птицы.

Над морскими сапфирами рыбьим хвостом
старец старый трясет, грозовой и сердитый.
Скоро весь он рассеется призрачным сном,
желторозовой пеной покрытый.

Солнце тучу перстом
огнезарным пронзило.
И опять серебристым крылом
эта птица забила.

1902

73. ПИР

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы. Мой стол разукрашен.

Табачный угар из гигантовой трубки
на небе застыл в виде облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта.
К себе всех зову я с весельем и злостью.

На пир пригласил горбуна-музыканта.
Он бьет в барабан пожелтевшею костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
в могильных покровах неистовый танец.

Деревья листвой золотою одеты.
Меж листьев блистает закатный багрянец.

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.

Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?
Поставил на стол я светильников девять.

Пришел, нацепив яркоогненный бант,
мастито присев на какой-то обрубок,

от бремени лет полысевший гигант
и тянет вина изумрудного кубок.

1902

74—78. СТАРИННЫЙ ДРУГ

Посвящается Э. К. Метнеру

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
весь поседев от вековых скитаний.
Ты шел ко мне. В твоей простертой длани
пунцовый свет испуганно качался.

Ты говорил: «А если гном могильный
из мрака лет нас разлучить вернется?»
А я в ответ: «Суровый и бессильный,
уснул навеки. Больше не проснется»...

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышнозолотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели.

Холодный ветер раздувал мятежно
пунцовый жар и шелковое пламя.
Спокойно грелись... Затрепался нежно
одежды край, как золотое знамя.

Вдруг видим — лошади в уборе жалком
к чертогу тащат два железных гроба.

Воскресший гном кричит за катафалком:
«Уйдете вы в свои могилы оба»...

В очах сверкнул огонь смертельной муки.
Коротко было расставанье наше.
Мы осушили праздничные чаши.
Мы побрели в гроба, сложивши руки.

2

Янтарный луч озолотил пещеры...
Я узнаю тебя, мой друг старинный!
Пусть между нами ряд столетий длинный,
в моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь: «Опять свобода,
опять весна, и та же радость снится»...
Суровый гном, весь в огненном, у входа
в бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь...
Мы смущены всё тем же тихим зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
в эфире тонут бледнобирюзовом.

О, этот крик из бездн, всегда родимый.
О друг, молчи, не говори со мною!..
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
волной омыт воздушно-голубою...

Вскочил, ногой стуча о крышку гроба,
кровавый карлик с мертвенным лицом:
«Все улетит... Все пронесется сном...
Вернетесь вы в свои могилы оба!»

И я очнулся... Старые мечтанья!..
Бесцелен сон о пробужденье новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

3

Над гробом стоя, тосковал бездонно.
Пещера той же пастью мне зияла.
К провальной бездне мчащийся исконно,
поток столетий Вечность прогоняла.

Могильный гном, согнувшийся у входа,
оцепенев, дремал в смертельной скуке.

«О где ты, где, старинная свобода!»
Я зарыдал, крича, ломая руки,

порывом диким, трепетно-бескрылым,
с тупым отчаяньем безвинной жертвы.
И пронеслось шептаньем грустно-милым:
«Пройдут века, и ты восстанешь, мертвый...

В гробах сквозь сон услышите вы оба
сигнальный рог, в лазури прогремевший.
Старинный друг придет к тебе из гроба,
подняв на солнце лик запламеневший».

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
в провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

И я молчал, так радостно задетый
крылами черных, шелковых касаток.
Горели славой меркнущие светы.
Горел щита червонного остаток.

4

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные, бессмертные потоки
железные гробницы омывали.

Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял один в своей одежде льняной,
обвитый золотистою парчою.

Число столетий в безднах роковое
бесследным вихрем в Вечность пролетело.
Его лицо янтарно-восковое
в лазурноясном счастье цепенело.

Две ласточки с любовным трепетаньем
уселися к Спасителю на плечи.
И он сказал: «Летите с щебетаньем
в страну гробов — весенние предтечи»...

На тверди распластался, плача слезно,
пятном кровавым гном затрепетавший.
Христу вручил он смерти ключ железный,
услышав рог, в лазури прозвучавший.

5

Лежал в гробу, одетый в саван белый.
Гроб распахнулся. Завизжала скоба.
Мне улыбался грустноонемелый,
старинный друг, склонившийся у гроба.

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
и унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
сквозь этот мир на праздник воскресенья.
И восставали мертвые из гроба.
И раздавалось радостное пенье.

Сияло небо золотой парчою.
Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял вдали в одежде снежно-льняной.

1903

79—81. ВОЗВРАТ

Посв. А. С. Петровскому

1

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездою дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата.
И гном трубит, надув худые щеки.

Вином волшебств мы встретим их, как маги.
Как сон, мелькнет поток столетий быстрый.

Подай им кубки пенно-пирной влаги,
в которой блещут золотые искры.

Колпак слетел, но гном трубит — ученый.
В провал слетели камни под ногою.
Трубою машет. Плащ его зеленый
над бездною полощется седою.

Шепну тебе: из стран обетованных
в долину скорби суждено уйти им...
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
зеленый плащ под ноги расстели им.

2

На пир бежит с низин толпа народу.
Стоит над миром солнца шар янтарный.
Таинственно протянутый к восходу,
на высях блещет жезл мой светозарный.

Подножье пира — льдистая вершина.
Пылает скатерть золотом червонца.
В сосудах ценных мировые вина:
вот тут — лазурь, а там — напиток солнца.

Одетый в плащ зари вечерне-темный
и в туфли изумрудные обутый,
идет мой гном, приветливый и скромный,
над головой держа свой рог загнутый.

Он жемчуга дарит, как поцелуи,
то здесь, то там тяжелый рог нагнувши,
журчащие, ласкающие струи
между собой и гостем протянувши.

Меж них хожу в небесно-бледной тоге.
То здесь, то там мелькает жезл волшебный.
«Друзья, пируйте — будете как боги»,
то там, то здесь твержу: «Мой стол — целебный.

До ночи мы пробудем на высотах.
А ночью, взяв пунцовые лампады,
отправимся в таинственные гроты,
где выход нам завесят водопады».

Венчая пир, с улыбкой роковою
вкруг излучая трепет светозарный,
мой верный гном несет над головою
на круглом блюде солнца шар янтарный.

3

В очах блеснул огонь звериной страсти.
С налитыми, кровавыми челами
разорванные солнечные части
сосут дрожаще-жадными губами.

Иной, окончив солнечное блюдо,
за лишний кус ведет шумливо торги.
На льду огнистоблещущею грудой
отражена картина диких оргий.

Я застил свет во гневе. Тенью длинной
легла на них моей одежды лопасть.
Над головою Вечностью старинной,
бездонно-темной, разверзалась пропасть.

Безмолвно ждал я алчущего брата,
в толпе зверей ища высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом безумным
объятые, спускаются в провалы.
Сорвавши плащ, в негодованье шумном
мой верный гном им вслед бросает скалы.

Лазурь, темнея, рассыпает искры...
Ряд льдистых круч блестит грядой узорной.
Я вновь один в своей пещере горной.
Над головой полет столетий быстрый.

1903

82. ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ

Ты опять со мной:
пришла из бездны времен.
Страшна мне разлука с тобой.

«Мой друг, это только был сон.
Ты заснул среди дня,
согретый теплом.
Не слышал меня.
Рыдал о былом».

Я видел, что ты умерла
и в саване белом лежишь.
Кругом только мгла,
только тишь.
Бил себя в грудь:
«Не воскреснешь ли ты?»
Свистал ветер: «Забудь,
забудь мечты»...

Забыл твой взгляд.
Видел гроб парчевой.
Казалось, в крышку стучат
ослабевшей рукой.

Проснулся — весна
в лазури дня.
Весна.
Ты, как прежде, глядишь на меня.

83. УЖ ЭТОТ СОН МНЕ СНИЛСЯ

Посв. А. П. Печковскому

На бледнобелый мрамор мы склонились
и отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдували
сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утопало.
В слезах вечерних, бледнозолотистых,
твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
к несбыточному счастию проснувшись.
Среди лазури огненной бедою
опять к нам шел скелет, блестя косою,
в малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся...
Я закричал: «Уж этот сон мне снился!..»
Скелет веселый мне кивнул лукаво.

И ты опять пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
сказав: «Прощай, до нового свиданья»...
И лишь коса в звенящем трепетанье
из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клок в лазури проносился.
На бледнобелый мрамор я склонился
и горевал, прося грозы и бури.

Да, этот сон когда-то мне уж снился.

1902

84. ПРЕДАНЬЕ

Посвящается С. А. Соколову

1

Он был пророк.
Она — сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
горела розами в закатном фимиаме.

Под дугами его бровей
сияли взгляды
пламенносвятые.
Струились завитки кудрей —
вина каскады
пеннозолотые.

Как облачко, закрывшее лазурь,
с пролетами лазури
и с пепельной каймой —
предтеча бурь —
ее лицо, застывшее без бури,
волос омытое волной.

Сквозь грозы
и напасти
стремились, и была в чертах печальных
нега.
Из багряницы роз многострадальных
страсти

творили розы
снега.

К потокам Стикса приближались.
Их ветер нежил, белыми шелками
вея, —
розовые зори просветлялись
жемчугами —
умирали, ласково бледнея.

2

На башнях дальних облаков
ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
челнок качался золотистый.

Диск солнца грузно ниспадал,
меж тем как плакала сибилла.
Средь изумрудов мягко стлал
столбы червонные берилла.

Он ей сказал: «Любовью смерть
и смертью страсти победивший,
я уплыву, и вновь на твердь
сойду, как бог, свой лик явивший».

Сибилла грустно замерла,
откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
из бледных ландышей венок он.

Но что их грусть перед судьбой!
Подул зефир, надулся парус,
помчался челн и за собой
рассыпал огненный стеклярус.

3

Тянулись дни. Он плыл и плыл.
От берегов далеких Стикса,
всплывая тихо, месяц стыл
обломком матовым оникса.

Чертя причудливый узор,
лазурью нежною сквозили
стрекозы бледные. И взор
хрустальным кружевом повили.

Вспенял крылатый, легкий челн
водоворот фонтанно-белый.
То здесь, то там средь ясных волн
качался лебедь онемелый.

И пряди длинные кудрей,
и бледнопепельные складки
его плаща среди зыбей
крутил в пространствах ветер шаткий.

4

И била времени волна.
Прошли года. Под сенью храма
она состарилась одна
в столбах лазурных фимиама.

Порой, украсивши главу
венком из трав благоуханных,
народ к иному божеству
звала в глаголах несказанных.

В закатный час, покинув храм,
навстречу богу шли сибиллы.
По беломраморным щекам
струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
улыбкой брачною закатов.
И рдело золотом оно
и темным пурпуром гранатов.

5

Забыт теперь, разрушен храм.
И у дорической колонны,
струя священный фимиам,
блестит росой шиповник сонный.

Забыт алтарь. И заплетен
уж виноградом диким мрамор.
И вот навеки иссечен
старинный лозунг: «Sanctus amor»[1].

И то, что было, не прошло...
Я там стоял оцепенелый.

---

[1] Святая любовь (*лат*). — *Ред.*

Глядясь в дрожащее стекло,
качался лебедь сонный, белый.

И солнца диск почил в огнях.
Плясали бешено на влаге, —
на хризолитовых струях
молниеносные зигзаги.

«Вернись, наш бог», — молился я,
и вдалеке белелся парус.
И кто-то, грустный, у руля
рассыпал огненный стеклярус.

1903

85. ВОСПОМИНАНИЕ

Мы с тобой молчали, опираясь
на седые мраморные урны.
Тучкой срезан и в волнах купаясь,
снова падал в Вечность диск пурпурный,

красных звезд изысканные ткани
начертав на водных хризолитах,
озаряя каменные грани
на могильных, мхом одетых, плитах.

Кто-то вновь, знакомый, на Пегасе
с песней милой в высях быстро мчался:
в голубом, темнеющем атласе
снежным облачком, купаясь, расплывался.

Будто арф эоловых стенанья
прозвучали: это были
вихревые трепетанья
золотых, звенящих крылий.

86. ГНОМ

1

Вихрь северный злился,
а гном запоздалый
в лесу приютился,
надвинув колпак яркоалый.

Роптал он: «За что же,
убитый ненастьем,
о Боже,
умру — не помянут участьем!»

Чредою тягучей
года протекали.
Морщинились тучи.
И ливни хлестали.

Всё ждал, не повеет ли счастьем.
Склонился усталый.
Качался с участьем
колпак яркоалый.

2

Не слышно зловещего грома.
Ненастье прошло — пролетело.
Лицо постаревшего гнома
в слезах заревых огневело.

Сказал он: «Довольно, довольно»...
В лучах борода серебрилась.
Сказал — засмеялся невольно,
улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома:
«Несите меня, мои ноги,
домой, заждались меня *дома*».

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца.
Блеснуло прощальной каймою
зеркальное золото солнца.

1902

87. СЕРЕНАДА

Посв. П. Н. Батюшкову

Ты опять у окна, вся доверившись снам, появилась...
Бирюза, бирюза
заливает окрестность...
Дорогая,

луна — заревая слеза —
где-то там в неизвестность
скатилась.

Беспечальных седых жемчугов
поцелуй, о пойми ты!..
Меж кустов, и лугов, и цветов
струй
зеркальных узоры разлиты...

Не тоскуй,
грусть уйми ты!

Дорогая,
о пусть
стая белых, немых лебедей
меж росистых ветвей
на струях серебристых застыла —
одинокая грусть нас туманом покрыла.

От тоски в жажде снов нежно крыльями плещут.
Меж цветов светляки изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
на струях точно льдина:
это семь лебедей,
это семь лебедей Лоэнгрина —

лебедей
Лоэнгрина.

88. ОДИНОЧЕСТВО

Сирый, убогий в пустыне бреду.
Всё себе кров не найду.
Плачу о дне.
Плачу... Так страшно, так холодно мне.

Годы проходят. Приют не найду.
Сирый иду.

Вот и кладбище... В железном гробу
чью-то я слышу мольбу.
Мимо иду...
Стонут деревья в холодном бреду...

Губы бескровные шепчут мольбу...
Стонут в гробу.

Жизнь отлетела от бедной земли.
Темные тучи прошли.
Ветер ночной
рвет мои кудри рукой ледяной.

Старые образы встали вдали.
В Вечность ушли.

1900

89. УТЕШЕНИЕ

Скрипит под санями сверкающий снег.
Как внятен собак замирающий бег...

Как льдины на море, сияя, трещат...
На льдинах, как тени, медведи сидят...

Хандру и унынье, товарищ, забудь!..
Полярное пламя не даст нам уснуть...

Вспомянем, вспомянем былую весну...
Прислушайся — скальды поют старину...

Их голос воинственный дик и суров...
Их шлемы пернатые там, меж снегов,

зажженные светом ночи ледяной...
Бесследно уходят на север родной.

90. ЖИЗНЬ

Посв. Г. К. Балтрушайтису

1

Сияя перстами, заря рассветала
над морем, как ясный рубин.
Крылатая шхуна вдали утопала.
Мелькали зубцы белых льдин.

Душа молодая просила обмана.
Слеза нам туманила взор.
Бесстрашно отчалил средь хлопьев тумана
от берега с песней помор.

Мы сдвинули чаши, наполнив до краю
душистым, янтарным вином.

Мы плакали молча, о чем, я не знаю.
Нам весело было вдвоем.

2

Года проходили... Угрозой седою
Полярная ночь шла на нас.
Мы тихо прощались с холодной зарею
в вечерний, тоскующий час.
Крылатая шхуна в туман утопала,
качаясь меж водных равнин.
Знакомым пятном равнодушно сияла
стена наплывающих льдин...

Старушка, ты робко на друга взглянула, —
согбенный, я был пред тобой.
Ты, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула,
поникла седой головой.

3

Я глухо промолвил: «Наполним же чаши...
Пусть сердце забьется опять...
Не мы, так другие, так правнуки наши
зарю будут с песней встречать...

Пускай же охватит нас тьмы бесконечность —
сжимается сердце твое?
Не бойся: засветит суровая Вечность
полярное пламя свое!..»

Знакомую песню вдали затянули.
Снежинки мелькали кругом...
Друг другу в глаза мы с улыбкой взглянули...
Наполнили чашу вином.

91. ТОСКА

Вот на струны больные, скользнувши, упала слеза.
Душу грусть обуяла.
Всё в тоске отзвучало.
И темны небеса.

О Всевышний, мне грезы, мне сладость забвенья подай.
Безнадежны моленья.
Похоронное пенье
наполняет наш край.

Кто-то Грустный мне шепчет, чуть слышно вздыхая: «Покой»...
Свищет ветер, рыдая...
И пою, умирая,
от тоски сам не свой...

92. ОДИН

Посв. Сергею Львовичу Кобылинскому

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
у окна.

Ветер. Никнет, споря,
ряд седых берез.
Много было горя...
Много слез...

И встает невольно
скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один.

93. ОСЕНЬ

Пролетела весна.
Лес багрянцем шумит.
Огневая луна
из тумана глядит.

Или вспомнила вновь
ты весенние дни,
молодую любовь,
заревые огни?

Пролетела весна —
вечно горький обман...
Побледнела луна.
Серебрится туман.

Отвернулась... Глядишь
с бесконечной тоской,
как над быстрой рекой
покачнулся камыш.

94. ГРЕЗЫ

Кто ходит, кто бродит за прудом в тени?..
Седые туманы вздыхают.

Цветы, вспоминая минувшие дни,
холодные слезы роняют.

О сердце больное, забудься, усни...
Над прудом туманы вздыхают.

Кто ходит, кто бродит на той стороне
за тихой, зеркальной равниной?..

Кто плачет так горько при бледной луне,
кто руки ломает с кручиной?

Нет, нет... Ветерок пробежал в полусне...
Нет... Стелится пар над трясиной...

О сердце больное, забудься, усни...
Там нет никого... Это — грезы...

Цветы, вспоминая минувшие дни,
роняют холодные слезы...

И только в свинцовых туманах они —
грядущие, темные грозы...

1900

95. СЕВЕРНЫЙ МАРШ

Ты горем убит,
измучен страданьем —
Медведица в небе горит
бесстрастным сияньем.

Вся жизнь — лишь обман,
а в жизни мы гости...
Метель набросает курган
на старые кости.

Снеговый шатер
протянется скучно...
На небе огнистый костер
заблещет беззвучно.

Алмазом сверкнет
покров твой морозный.
Медведь над могилой пройдет
походкою грозной.

Тоскующий вой
в сугробах утонет.
Под льдистой, холодной броней
вдруг кто-то застонет.

1901

96. КЛАДБИЩЕ

Осенне-серый меркнет день.
Вуалью синей сходит тень.
Среди могил, где всё — обман,
вздыхая, стелится туман.
Береза желтый лист стряхнет.
В часовне огонек блеснет.
Часовня заперта. С тоской
там ходит житель гробовой.
И в стекла красные глядит,
и в стекла красные стучит.

Умерший друг, сойди ко мне:
мы помечтаем при луне,
пока не станет холодна
кровавокрасная луна.

В часовне житель гробовой
к стеклу прижался головой...
Кровавокрасная луна
уже печальна и бледна...

БАГРЯНИЦА В ТЕРНИЯХ

97. РАЗЛУКА

1

Мы шли в полях. Атласом мягким рвало
одежды наши в дуновенье пьяном.
На небесах восторженно пылало
всё в золоте лиловом и багряном.

Я волновался страстно и мятежно.
Ты говорил о счастье бытия.
Твои глаза так радостно, так нежно
из-под очков смотрели на меня.

Ты говорил мне: «Будем мы, как боги,
над миром встанем... Нет, мы не умрем».
Смеялись нам лазурные чертоги,
озарены пурпуровым огнем.

Мы возвращались... Ты за стол садился.
Ты вычислял в восторге мировом.
В твое окно поток червонцев лился,
ложился на пол золотым пятном.

2

Вот отчетливо спит в голубом
контур башни застывший и длинный.
Бой часов об одном
неизменно-старинный.

Так недавно бодрил ты меня,
над моею работой вздыхая,
среди яркого дня
раскаленного мая.

Знал ли я, что железный нас рок
разведет через несколько суток...

Над могилой венок
голубых незабудок.

Не замоет поток долгих лет
мое вечное, тихое горе.
Ты не умер — нет, нет!..
Мы увидимся вскоре.

На заре черных ласточек лёт.
Шум деревьев и грустный, и сладкий...
С легким треском мигнет
огонечек лампадки.

Закивает над нами сирень...
Не смутит нас ни зависть, ни злоба...
И приблизится день —
день восстаний из гроба.

3

За опустевший стол я вновь садился.
Тоскуя, думал, думал об одном.
В твое окно поток червонцев лился,
ложился на пол золотым пятном...

Казалось мне, что ты придешь из сада
мне рассказать о счастье бытия...
И я шептал: «Тебя, тебя мне надо...
О, помолись! О, не забудь меня!..

Я вечно жду... Сегодня ты мне снился!..
О жизнь, промчись туманно-грустным сном!»
Я долго ждал... Поток червонцев лился
в твое окно сияющим пятном.

1903

98

Незабвенной памяти М. С. и О. М. Соловьевых

Могилу их украсили венками.
Вокруг без шапок мы в тоске стояли.
Восторг снегов, крутящийся над нами,
в седую Вечность вихри прогоняли.

Последний взмах бряцавшего кадила.
Последний вздох туманно-снежной бури.

Вершину ель мечтательно склонила
в просвете ослепительной лазури.

1903

99. СВ. СЕРАФИМ

Посв. Нине Петровской

Плачем ли тайно в скорбях,
грудь ли тоскою теснима —
в яснонемых небесах
мы узнаем Серафима.

Чистым атласом пахнет,
в небе намотанном.
Облаком старец сойдет,
нежно разметанным.

«Что с тобой, радость моя, —
радость моя?..»

Смотрит на нас
ликом туманным, лилейным.
Бледно-лазурный атлас
в снежнокисейном.

Бледно-лазурный атлас
тихо целует.
Бледно-лазурный атлас
в уши нам дует:

«Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
отблеск лазоревый.

Легче дышать
после таинственных знамений.
Светит его благодать
тучкою алого пламени.

100. ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Посв. М. С. Соловьеву

Задохлись мы от пошлости привычной.
Ты на простор нас звал.
Казалось им — твой голос необычный
безумно прозвучал.

И вот, когда, надорванный, угас ты
над подвигом своим,
разнообразные, бессмысленные касты
причли тебя к своим.

В борьбе с рутиною свои потратил силы,
но не разрушил гнет...
Пусть вьюга снежная венок с твоей могилы
с протяжным стоном рвет.

Окончилась метель. Не слышен голос злобы.
Тиха ночная мгла.
Над гробом вьюга белые сугробы
с восторгом намела.

Тебя не поняли... Вон там сквозь сумрак шаткий
пунцовый свет дрожит.
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
мне сумрак озарит.

1903

101. ОЖИДАНИЕ

Посв. С. М. Соловьеву

Как невозвратная мечта,
сверкает золото листа.

Душа полна знакомых дум.
Меж облетающих аллей
призывно-грустный, тихий шум
о близости священных дней.

Восток печальный мглой объят.
Над лесом, полные мечты,
благословенные персты
знакомым заревом стоят.

Туманный, краснозолотой,
на нас блеснул вечерний луч
безмирноогненной струей
из-за осенних, низких туч.

Душе опять чего-то жаль.
Сырым туманом сходит ночь.
Багряный клен, кивая вдаль,
с тоской отсюда рвется прочь.

И снова шум среди аллей
о близости священных дней.

1901

102. ПРИЗЫВ

Памяти М. С. Соловьева

Призывно грустный шум ветров
звучит, как голос откровений.
От покосившихся крестов
на белый снег ложатся тени.

И облако знакомых грез
летит беззвучно с вестью милой.
Блестя сквозь ряд седых берез,
лампада светит над могилой

пунцово-красным огоньком.
Под ослепительной луною
часовня белая, как днем,
горит серебряной главою.

Там... далеко... среди равнин
старинный дуб в тяжелой муке
стоит затерян и один,
как часовой, подъявший руки.

Там, далеко... в полях шумит
и гонит снег ночная вьюга...
И мнится — в тишине звучит
давно забытый голос друга...

Старинный дуб порой вздохнет
с каким-то тягостным надрывом...
И затрепещет, и заснет
среди полей глухим порывом.

103. ЧАЮЩИЕ

Везде дрожали слезы
ясные.
Они надели розы
красные.

С атласно-белым стали
знаменем.
Их молньи осеняли
пламенем.

Псалмы они запели
радостно.
Их лютни зазвенели
сладостно.

Шуршали их хитоны
пестрые.
Блистали их короны
острые.

И зори трепетали
пламенем...
Восторженно махали
знаменем.

1901

104. ЗНАЮ

Посв. О. М. Соловьевой

Пусть на рассвете туманно,
знаю — желанное близко...
Видишь, как тает нежданно
Образ вдали василиска?
Пусть все тревожно и странно...

Пусть на рассвете туманно,
знаю — желанное близко.

Нежен восток побледневший.
Знаешь ли — ночь на исходе?
Слышишь ли — вздох о свободе —
вздох ветерка улетевший —
весть о грядущем восходе?

Спит кипарис онемевший.
Знаешь ли — ночь на исходе?

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.
Эти мечты золотые,
эти улыбки святые
в сердце вонзаются больно...

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

1901

105. ВОЗМЕЗДИЕ

Посв. Эллису

1

Пусть вокруг свищет ветер сердитый,
облака проползают у ног.
Я блуждаю в горах, — позабытый,
в тишине замолчавший пророк.

Горький вздох полусонного кедра.
Грустный шепот: «Неси же свой крест»...
Черный бархат истыкан так щедро
бесконечностью огненных звезд.

Великан, запахнувшийся в тучу,
как утес, мне грозится сквозь мглу.
Я кричу, что осилю все кручи,
не отдам себя в жертву я злу.

2

И всё выше и выше всхожу я.
И всё легче и легче дышать.
Крутизны и провалы минуя,
начинаю протяжно взывать.

Се, кричу вдохновенный и дикий:
«Иммануил грядет! С нами Бог!»
Но оттуда, где хаос великий,
раздается озлобленный вздох.

И опять я подкошен кручиной.
Еще радостный день не настал.
Слишком рано я встал над низиной,
слишком рано я к спящим воззвал.

И бегут уж с надеждою жгучей
на безумные крики мои,
но стою я, как идол, над кручей,
раздирая одежды свои.

3

Там... в низинах... ждут с верой денницу.
Жизнь мрачна и печальна, как гроб.
Облеките меня в багряницу!
Пусть вонзаются тернии в лоб.

Острым тернием лоб увенчайте!
Обманул я вас песнью своей.
Распинайте меня, распинайте.
Знаю — жаждете крови моей.

На кресте пригвожден. Умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю»,
поцелуем смыкает глаза.

Ах, я знаю — средь образов горных
пропадет сиротливой мечтой,
лишь умру, — стая воронов черных,
что кружилась всю жизнь надо мной.

Пригвожденный к кресту, умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю».
Поцелуем смыкает уста.

4

Черный бархат, усеянный щедро
миллионами огненных звезд.
Сонный вздох одинокого кедра.
Тишина и безлюдье окрест.

1901

106. БЕЗУМЕЦ

Посв. А. С. Челищеву

1

«Вы шумите. Табачная гарь
дымносиние стелет волокна.
Золотой мой фонарь
зажигает лучом ваши окна.

Это я в заревое стекло
к вам стучусь в час вечерний.
Снеговое чело
разрывают, вонзясь, иглы терний.

Вот скитался я долгие дни
и тонул в предвечерних туманах.
Изболевшие ноги мои
в тяжких ранах.

Отворяют. Сквозь дымный угар
задают мне вопросы.
Предлагают, открыв портсигар,
папиросы.

Ах, когда я сижу за столом
и, молясь, замираю
в неземном,
предлагают мне чаю...

О, я полон огня,
предо мною виденья сияют...
Неужели меня
никогда не узнают?..»

2

Помним всё. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
с робким взором ребенка.

Кто-то пел
звонко.

Вдруг
он сказал, преисполненный муки,
побеждая испуг,
взявши лампу в дрожащие руки:

«Се дарует нам свет
Искупитель,
я не болен, нет, нет:
я — Спаситель»...

Так сказав, наклонил
он свой лик многодумный...
Я в тоске возопил:
«Он — безумный».

3

Здесь безумец живет.
Среди белых сиреней.
На террасу ведет
ряд ступеней.

За ограду на весь
прогуляться безумец не волен...
Да, ты здесь!
Да, ты болен!..

Втихомолку, смешной
кто-то вышел в больничном халате,
сам не свой,
говорить на закате.

Грусть везде...
Усмиренный, хороший,
пробираясь к воде,
бьет в ладоши.

Что ты ждешь у реки,
еле слышно колебля
тростники,
горьких песен зеленого стебля?

Что, в зеркальность глядясь,
бьешь в усталую грудь ты тюльпаном?

Всплеск, круги... И, смеясь,
утопает, закрытый туманом.

Лишь тюльпан меж осоки лежит
весь измятый, весь алый...
Из больницы служитель бежит
и кричит, торопясь, запоздалый.

1904

107. ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Стоял я дураком
в венце своем огнистом,
в хитоне золотом,
скрепленном аметистом —
один, один, как столб,
в пустынях удаленных,
и ждал народных толп
коленопреклоненных...
Я долго, тщетно ждал,
в мечту свою влюбленный...
На западе сиял,
смарагдом окаймленный,
мне палевый привет
потухшей, чайной розы.
На мой зажженный свет
пришли степные козы.
На мой призыв завыл
вдали трусливый шакал...
Я светоч уронил
и горестно заплакал:
«Будь проклят Вельзевул —
лукавый соблазнитель, —
не ты ли мне шепнул,
что новый я Спаситель?..
О проклят, проклят будь!..
Никто меня не слышит»...
Чахоточная грудь
так судорожно дышит.
На западе горит
смарагд бледнозеленый...
На мраморе ланит
пунцовые пионы...
Как сорванная цепь
жемчужин, льются слезы...

Помчались быстро в степь
испутанные козы.

108. МАНИЯ

Из царских дверей выхожу.
Молитва в лазурных очах.
По красным ступеням схожу
со светочем в голых руках.

Я знаю безумий напор.
Больной, истеричный мой вид,
тоскующий взор,
смертельная бледность ланит.

Безумные грезы свои
лелеете с дикой любовью,
взглянув на одежды мои,
залитые кровью.

Поете: «Гряди же, гряди».
Я грустно вздыхаю,
бескровные руки мои
на всех возлагаю.

Ну, мальчики, с Богом,
несите зажженные свечи!..
Пусть рогом
народ созывают для встречи.

Ну что ж — на закате холодного дня
целуйте мои онемевшие руки.
Ведите меня
на крестные муки.

1903

109. ЗАБОТА

1

Весь день не стихала работа.
Свозили пшеницу и рожь.
Безумная в сердце забота
бросала то в холод, то в дрожь.

Опять с несказанным волненьем
я ждал появленья Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпеньем
старинная эта мечта.

Недавно мне тайно сказали,
что скоро вернется Христос...
Телеги, скрипя, подъезжали...
Поспешно свозили овес.

С гумна возвращался я к дому,
смотря равнодушно на них,
грызя золотую солому,
духовный цитируя стих.

2

Сегодня раздался вдруг зов,
когда я молился, тоскуя,
средь влажных, вечерних лугов:
«Холодною ночью приду я»...

Всё было в дому зажжено...
Мы в польтах осенних сидели.
Друзья отворили окно...
Поспешно калоши надели.

Смарагдовым светом луна
вдали озаряла избушки.
Призывно раздался с гумна
настойчивый стук колотушки.

«Какие-то люди прошли», —
сказал нам пришедший рабочий.
И вот с фонарями пошли,
воздевши таинственно очи.

Мы вышли на холод ночной.
Луна покраснела над степью.
К нам пес, обозленный, цепной
кидался, звеня своей цепью.

Бледнели в руках фонари...
Никто нам в ночи не ответил...
Кровавую ленту зари
встречал пробудившийся петел.

110—112. БЛОКУ

1

Один, один средь гор. Ищу Тебя.
В холодных облаках бреду бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

Вонзивши жезл, стою на высоте.
Хоть и смеюсь, а на душе так больно.
Смеюсь мечте
своей невольно.

О, как тяжел венец мой золотой!
Как я устал!.. Но даль пылает.
Во тьме ночной
мой рог взывает.

Я был меж вас. Луч солнца золотил
причудливые тучи в яркой дали.
Я вас будил,
но вы дремали.

Я был меж вас печальнонеземной.
Мои слова повсюду раздавались.
И надо мной
вы все смеялись.

И я ушел. И я среди вершин.
Один, один. Жду знамений нежданных.
Один, один
средь бурь туманных.

Всё как в огне. И жду, и жду Тебя.
И руку простираю вновь бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

2

Из-за дальних вершин
показался жених озаренный.
И стоял он один,
высоко над землей вознесенный.

Извещалось не раз
о приходе владыки земного.

И в предутренний час
запылали пророчества снова.

И лишь света поток
над горами вознесся сквозь тучи,
он стоял, как пророк,
в багрянице, свободный, могучий.

Вот идет. И венец
отражает зари свет пунцовый.
Се — венчанный телец,
основатель и бог жизни новой.

3

Суждено мне молчать.
Для чего говорить?
Не забуду страдать.
Не устану любить.

Нас зовут
без конца...
Нам пора...
Багряницу несут
и четыре колючих венца.

Весь в огне
и любви
мой предсмертный, блуждающий взор...
О, приблизься ко мне —
распростертый, в крови,
я лежу у подножия гор.

Зашатался над пропастью я
и в долину упал, где поет ручеек.
Тяжкий камень, свистя,
неожиданно сбил меня с ног —
тяжкий камень, свистя,
размозжил мне висок.

Среди ландышей я —
зазиявший, кровавый цветок.
Не колышется больше от мук
вдруг застывшая грудь.

Не оставь меня, друг,
не забудь!..

113. ОДИНОЧЕСТВО

Посв. Вл. Серг. Соловьеву

Я вновь один. Тоскую безнадежно.
Виденья прежних дней,
нас звавшие восторженно и нежно,
рассеялись, лишь стало холодней.

Стою один. Отчетливей, ясней
ловлю полет таинственных годин.
Грядущее мятежно.

Стою один.
Тоскую безнадежно.

Не возродить... Что было, то прошло —
всё время унесло.

Тому, кто пил из кубка огневого,
не избежать безмолвия ночного.

Недолго. Близится. С питьем идет
ко мне. Стучит костями.

Уста мои кровавый огнь сожжет.
Боюсь огня... Вдали, над тополями
двурогий серп вон там горит огнями
средь онемело-мертвенных вершин.
Туман спустился низко.

Один, один,
а смерть так близко.

1901

114. ОСЕНЬ

1

Огромное стекло
в оправе изумрудной
разбито вдребезги под силой ветра чудной —

огромное стекло
в оправе изумрудной.

Печальный друг, довольно слез — молчи!
Как в ужасе застывшая зарница,
луны осенней багряница.

Фатою траурной грачи
несутся — затенили наши лица.

Протяжно дальний визг
окрестность опояшет.
Полынь метлой испуганно нам машет.

И красный лунный диск
в разбитом зеркале, чертя рубины, пляшет.

2

В небесное стекло
с размаху свой пустил железный молот...
И молот грянул тяжело.
Казалось мне — небесный свод расколот.

И я стоял,
как вольный сокол.
Беспечно хохотал
среди осыпавшихся стекол.

И что-то страшное мне вдруг
открылось.
И понял я — замкнулся круг,
и сердце билось, билось, билось.

Раздался вздох ветров среди могил: —
«Ведь ты, убийца,
себя убил,
убийца!»
Себя убил.

За мной пришли. И я стоял,
побитый бурей сокол —
молчал
среди осыпавшихся стекол.

1903

115. СВЯЩЕННЫЕ ДНИ

Посв. П. А. Флоренскому

Ибо в те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения.
Марк XIII, 19

Бескровные губы лепечут заклятья.
В рыданье поднять не могу головы я.

Тоска. О, внимайте тоске, мои братья.
Священна она в эти дни роковые.

В окне дерева то грустят о разлуке
на фоне небес неизменно свинцовом,

то ревмя ревут о Пришествии Новом,
простерши свои суховатые руки.

Порывы мятели суровы и резки.
Ужасная тайна в душе шевелится.

Задерни, мой брат, у окна занавески:
а то будто Вечность в окошко глядится.

О, спой мне, товарищ! Гитара рыдает.
Прекрасны напевы мелодии страстной.

Я песне внимаю в надежде напрасной...
А там... за стеной... *тот же* голос взывает.

Не раз занавеска в ночи колыхалась.
Я снова охвачен напевом суровым,

напевом веков о Пришествии Новом...
И Вечность в окошко грозой застучалась.

Куда нам девать свою немощь, о братья?
Куда нас порывы влекут буревые?

Бескровные губы лепечут заклятья.
Священна тоска в эти дни роковые.

1901

116. НА ЗАКАТЕ

Бледнокрасный, весенний закат догорел.
Искрометной росою блистала трава.
На тебя я так грустно смотрел.
Говорил неземные слова.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я всё понял. Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось — твой тающий взор
видел призрак далекой зимы.

Замолчала... А там степь цвела красотой.
Всё, синея, сливалось с лазурью вдали.
Вдоль заката тоскливой мечтой
догоревшие тучки легли.

Ты, вставая, сказала мне: «Призрак... обман...»
Я поник головой. Навсегда замолчал.
И холодный, вечерний туман
над сырыми лугами вставал.

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя, как тогда,
я люблю в эти серые дни?

1901

117. ПОДРАЖАНИЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВУ

Тучек янтарных гряда золотая
в небе застыла, и дня не вернуть.
Ты настрадалась: усни, дорогая...
Вечер спустился. В тумане наш путь.

Пламенем желтым сквозь ветви магнолий
ярко пылает священный обет.
Тают в душе многолетние боли,
точно звезды пролетающий след.

Горе далекое тучею бурной
к утру надвинется. Ветром пахнёт.
Отблеск зарницы лилово-пурпурной
вспыхнет на небе и грустно заснет.

Здесь отдохнем мы. Луна огневая
не озарит наш затерянный путь.
Ты настрадалась, моя дорогая.
Вечер спускается. Время уснуть.

118. ЛЮБОВЬ

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья»...
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
средь нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледнозолотистом
вдруг облако туманное взошло
и запылало ярким аметистом.

119. ЯСНОВИДЕНИЕ

Милая, — знаешь ли — вновь
видел тебя я во сне?..
В сердце проснулась любовь.
Ты улыбалася мне.

Где-то в далеких лугах
ветер вздохнул обо мне.
Степь почивала в слезах.
Ты замечталась во сне.

Ты улыбалась, любя,
помня о нашей весне.
Благословляя тебя,
был я весь день, как во сне.

120. МОИ СЛОВА

Мои слова — жемчужный водомет,
средь лунных снов, бесцельный, но вспененный, —
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты — вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий, —
безумный великан,
на карликов свистящий.

Моя любовь — призывно-грустный звон,
что зазвучит и улетит куда-то, —
неясно-милый сон,
уж виданный когда-то.

1901

121. LUMEN COELI — SANCTA ROSA

Тебя, лишь тебя я, мой ангел, люблю!
Пусть счастье мое в бесконечность летит.
Восторгом край неба залит...
Им мир затоплю!..

Туманное время минуты плело.
И год неизменно за годом бежал.
Безвременьем ясным, чело
твое увенчал.

Нам небо смеялось, лазурью блестя...
Исполнен глубоких, мистических сил,
жемчужною песнью тебя,
любя, окатил.

Беззвучно стояли в закатных лучах
над жизнью, над миром, над хаосом гроз
в священно горящих венцах
пурпуровых роз.

122. С. М. СОЛОВЬЕВУ

Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть холодная вьюга бунтует —
мы храним наши *белые* сны.

Нам не страшно зловещее око
великана из туч буревых.
Ах, восстанут из тьмы два пророка.
Дрогнет мир от речей огневых.
И на северных бедных равнинах
разлетится их клич боевой
о грядущих, священных годинах,
о последней борьбе мировой.
Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть февральская вьюга бунтует —
мы храним наши *белые* сны.

1901

123. РАЗДУМЬЕ

Посвящается памяти Вл. С. Соловьева

Ночь темна. Мы одни.
Холод. Ветер ночной
деревами шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов: «Не смущайтесь... я с вами... за мной!..»

И не знаешь, кто там.
И стоишь, одинок.
И боишься довериться радостным снам.
И с надеждой следишь, как алеет восток.

В поле зов: «Близок день.
В смелых грезах сгори!»
Убегает на запад неверная тень.
И всё ближе, всё ярче сиянье зари.

Дерева шелестят:
«То не сон, не обман»...
Потухая, вверху робко звезды блестят...
И взывает пророк, проходя сквозь туман.

1901

ПЕПЕЛ

Посвящаю эту книгу памяти Некрасова

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди;
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

Н. А. Некрасов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Да, и жемчужные зори, и кабаки, и буржуазная келья, и надзвездная высота, и страдания пролетария — всё это объекты художественного творчества. Жемчужная заря не выше кабака, потому что то и другое в художественном изображении — символы некоей реальности: фантастика, быт, тенденция, философическое размышление предопределены в искусстве живым отношением художника. И потому-то *действительность* всегда выше искусства; и потому-то художник — прежде всего *человек*. Но чтобы жизнь была действительностью, а не хаосом синематографических ассоциаций, чтобы жизнь была жизнью, а не прозябанием, необходимо служение вечным ценностям; такими ценностями могут быть и идеальные стремления нашего духа, и неизменность в переживании факторов реального бытия — и заря, и келья — символы ценностей, если художник вкладывает в них свою душу; то, что создает из случайного переживания, мысли или конкретного факта ценность, есть долг. Основные ценности не могут меняться, меняется форма их: идти к этим ценностям — долг человека, а потому и художника. Долг пуст и формален, взятый безотносительно к жизни; жизнь хаотична и бессмысленна, не оформленная определенным волевым устремлением, соединение долга с жизнью — вот ценность. Своеобразное соединение художественного переживания (объект этого переживания безразличен) с внутренним велением долга определяет путь художника, создает из него символиста: *художник всегда символист; символ всегда реален* (в каких бы образах ни выражался он): символизм — всегда есть показатель того, что формой образа художник указывает нам на свой сокровенный, незыблемый путь; эзотеризм присущ искусству; под *маской* (эстетической формой) таится указание на то, что самое искусство есть один из путей достижения высших целей. В высочайшей тайне своей, укрытой под эстетикой, художник *опять, вторично* возвращается к людям: и потому-то в заявлении художника о своем праве быть свободным кроется огромная тяжесть ответственности: и если он восстает против той или иной формы символизации ценностей, то вовсе не потому, что не верит в ценности: художник может нам казаться кощунственным, когда он называет идолами наших богов: но если он назовет идолом и свое божество, то «*последнее кощунство*» ему не простится; тут он перестает быть человеком, тут он не символист, не реален он. Тут мы

ему не прощаем, потому что «*не во имя свое*» мы приближаемся к нему, «*не во имя свое*» он зовет нас: нас соединяет с ним общий путь, общий долг, *как людей.*

Теперь, когда понятие о свободе и долге, искусстве и жизни, молитве и кощунстве, символизме и реализме, заре и кабаке перепутались, я считаю нужным сказать эти простые слова о том, что я требую от искусства, чего жду от художника и как понимаю символизм.

В предлагаемом сборнике собраны скромные, незатейливые стихи, объединенные в циклы; циклы в свою очередь связаны в одно целое: целое — беспредметное пространство, и в нем оскудевающий центр России. Капитализм еще не создал у нас таких центров в городах, как на Западе, но уже разлагает сельскую общину; и потому-то картина растущих оврагов с бурьянами, деревеньками — живой символ разрушения и смерти патриархального быта. Эта смерть и это разрушение широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры.

Лейт-мотив сборника определяет невольный пессимизм, рождающийся из взгляда на современную Россию (пространство давит, беспредметность страшит — вырастают марева: горе-гореваньице, осинка, бурьян и т. д.). Спешу оговориться: преобладание мрачных тонов в предлагаемой книге над светлыми вовсе не свидетельствует о том, что автор — пессимист.

В свой сборник я поместил до 40 еще не напечатанных стихотворений, а также до 20 стихотворений, значительно переработанных с точки зрения основного лейт-мотива, как то: *«Поповна»*, *«Телеграфист»*, *«Бурьян»*, *«Каторжник»*, *«Осинка»* и мн. др.

Сюда не вошли почти все стихотворения 1907 года, а также ряд стихотворений 1908 года, как не согласные с идеей сборника.

Считаю нужным заметить, что в «Пепле» собраны наиболее доступные по простоте произведения мои, долженствующие составить подготовительную ступень к «*Симфониям*»; и что смысл моих переживаний в данной книге периферичен по отношению к «*Симфониям*», особенно к «*Кубку Метелей*», единственной книге, которой я более или менее доволен и для понимания которой надо быть немного *«эзотериком»*. Брань, которой встретила критика мою книгу, и непонимание ее со стороны лиц, сочувствовавших доселе моей литературной деятельности, — все это укрепляет меня в мысли, что оценка этого произведения (окончательное осуждение или признание) в будущем: судить можно то, что понимаешь, а наиболее сокровенные символы души требуют вдумчивого отношения со стороны критиков: неудивительно, что произведение, выношенное годами, они встретили только как забавный парадокс.

Автор

РОССИЯ

124. ОТЧАЯНЬЕ

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея,—
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

1908
Серебряный Колодезь

125. ДЕРЕВНЯ

Г. А. Рачинскому

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым,
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.

Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.

Придавила их неволя,
Вы — глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни.

И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце оторопь объемлет,
Очи темень ест.

При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.
За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.

С огородов над полями
Взмоется лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь — немой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцает в синей бездне —
Продрожит — алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

1908
Серебряный Колодезь

126. ШОССЕ

Д. В. Философову

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит — убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груде дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

1904
Ефремов

127. НА ВОЛЬНОМ ПРОСТОРЕ

Муни

Здравствуй, —
Желанная
Воля —
Свободная,
Воля
Победная,
Даль осиянная, —
Холодная,
Бледная.

Ветер проносится, желтые травы колебля, —
Цветики поздние, белые.
Пал на холодную землю.

Странны размахи упругого стебля,
Вольные, смелые.
Шелесту внемлю.

Тише...
Довольно:
Цветики
Поздние, бледные, белые,
Цветики,
Тише...
Я плачу: мне больно.

1904
Серебряный Колодезь

128. НА РЕЛЬСАХ

А. А. Кублицкой-Пиоттух

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век проволочу?
Улегся на рельсах железных.
Затих: притаился — молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой овлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

1904
Москва

129. ИЗ ОКНА ВАГОНА

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вон там и вон здесь —
Пролетают — за селами села,
Пролетает — за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у грудей: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О, немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там — в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

1908
Суйда

130. ТЕЛЕГРАФИСТ

С. Н. Величкину

Окрестность леденеет
Туманным октябрем.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном, —

И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

Служебный лист исчертит.
Руками колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях — то и се.

Жена болеет боком,
А тут — не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

В окне кустарник малый.
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснущий закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

Там путь пространства чертит...
Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях — то и се.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять: —

На двадцать пять целковых —
Одежа, стол, жилье.
В краях сырых, суровых
Тянись, житье мое! —

Вновь дали мерит взором: —
Сырой, осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Багрянцем клен промоет —
Промоет у окна.
Домой бы! Дома ноет,
Без дел сидит жена, —

В который раз, в который,
С надутым животом!..
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;

Клокочут светом окна —
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.

Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.

Зеленый там, зеленый,
На рельсах огонек... —

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, —
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

Слезою взор туманит.
В костях озябших — лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Идет (приподнял ворот)
К дежурству — изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.

Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавишь бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет.

С речного косогора
В густой, в холодный мрак —
Он видит — семафора
Взлетает красный знак.

Вздыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время, Бога
И жизнь, и жизни цель —
Железная дорога,
Холодная постель.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной —
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Листвою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Лишь там на водокачке
Моргает фонарек.
Лишь там в сосновой дачке
Рыдает голосок.

В кисейно нежной шали
Девица средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1906—1908
Серебряный колодезь

131. В ВАГОНЕ

Т. Н. Гиппиус

Жандарма потертая форма,
Носильщики, слезы. Свисток —
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.

В пустое, в раздольное поле
Лечу, свою жизнь загубя:
Прости, не увижу я боле —
Прости, не увижу тебя!

На дальних обрывах откоса
Прошли — промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!

Несется за местностью местность —
Летит: и летит — и летит.
Упорно в лицо неизвестность
Под дымной вуалью глядит.

Склонилась и шепчет: и слышит
Душа непонятную речь.
Пусть огненным золотом дышит
В поля паровозная печь.

Пусть в окнах шмели искряные
Проносятся в красных роях.
Знакомые лица, дневные,
Померкли в суровых тенях.

Упала оконная рама.
Очнулся — в окне суетня:
Платформа — и толстая дама
Картонками душит меня.

Котомки, солдатские ранцы
Мелькнули и скрылись... Ясней
Блесни, пролетающих станций
Зеленая россыпь огней!

1905
Ефремов

132. СТАНЦИЯ

Г. А. Рачинскому

Вокзал: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

С ним дама мило шутит,
Обдернув свой корсаж, —
Кокетливо закрутит
Изящный сак-вояж.

А там: — сквозь кустик мелкий
Бредет он большаком[1].
Мигают злые стрелки
Зелененьким глазком.

Отбило грудь морозом,
А некуда идти: —
Склонись под паровозом
На рельсовом пути!

Никто ему не внемлет.
Нигде не сыщет корм.
Вон: — станция подъемлет
Огни своих платформ.

Выходят из столовой
На волю погулять.
Прильни из мглы свинцовой
Им в окна продрожать!

[1] Большая дорога.

Дождливая окрестность,
Секи — секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

Туда, туда — далеко
Уходит полотно,
Где в ночь сверкнуло око,
Где пусто и темно.

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.

И он на шпалы прянул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хряснувшим костям —

Туда, туда — далеко
Уходит полотно:
Там в ночь сверкнуло око,
Там пусто и темно.

А всё: — в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

А всё: — среди лакеев,
С сигары армянин
Пуховый пепел свеяв,—
Глотает гренадин.

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

1908
Серебряный Колодезь

133. КАТОРЖНИК

Н. Н. Русову

Бежал. Распростился с конвоем.
В лесу обагрилась земля.
Он крался над вечным покоем,
Жестокую месть утоля.

Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских откосах —
Поник над родною рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.

В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Он гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.

Железные обручи звоном
Упали над склоном речным:
Пропели над склоном зеленым —
Гремели рыданьем родным.

Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог,

Где годы на каменном, голом
Полу он валяться привык:
Внизу — за слепым частоколом —
Качался, поблескивал штык;

Где годы встречал он со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Он молот кидал на кремень;

Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала — кидала
Дрожащий, безлиственный куст;

Бросали бренчавшие бревна,
Ругаясь, они на баржи,
И берегом — берегом, ровно
Влекли их, упав на гужи;

Где жизнь он кидал, проклиная,
Лихой, клокотавшей пурге,
И едко там стужа стальная
Сжигала ветрами в тайге,

Одежду в клочки изрывая,
Треща и плеща по кустам; —
Визжа и виясь — обвивая, —
Прощелкав по бритым щекам,

Где до крови в холоде мглистом,
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха падая свистом,
Кусал его бешеный бич,

К спине прилипая и кожи
Срывая сырые куски...
И тучи нахмурились строже.
И строже запели пески.

Разбитые плечи доселе
Изъел ты, свинцовый рубец.
Раздвиньтесь же, хмурые ели!
Погасни, вечерний багрец!

Вот гнезда, как черные очи,
Зияя в откосе крутом,
В туман ниспадающей ночи
Визгливо стрельнули стрижом.

Порывисто знаменьем крестным
Широкий свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным.
Свинцовые воды вспенил.

А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним земляная
Осыпалась желтым песком.

Огни показались. И долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

Там искры, провеяв устало,
Взлетали, чтоб в ночь утонуть;
Да горькая песнь прорыдала
Там в синюю, синюю муть.

Там темень протопала скоком,
Да с рябью играл ветерок.
И кто-то стреляющим оком
Из тучи моргнул на восток.

Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

1906—1908
Серебряный Колодезь

134. ВЕЧЕРКОМ

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракит.

Иссыхают в зыбь лохмотьев
Сухо льющих нив
Меж соломы, меж хоботьев,
Меж зыбучих ив —

Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком
В незнакомое, в немое
Поле вечерком, —

В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут;
Да крестьянки с коромыслом
Вниз из изб идут;

Да у старого амбара
Старый дед сидит.
Старый ветер нивой старой
Исстари летит.

Тенью бархатной и черной
Размывает рожь,
Вытрясает треском зерна;
Шукнет — не поймешь:

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце: — меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракит.

Протопорщился избенок
Кривобокий строй,
Будто серых старушонок
Полоумный рой.

1908
Ефремов

135. БУРЬЯН

Г. Г. Шпетту

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Туманится в сырости — тонет
Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит —

Порыв разгулявшейся стужи,
В полях разорвется, как плач.
Вон там: — из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

Вон там:— его возгласам внемлет
Жилец просыревших полян —
Вон: — колкие руки подъемлет
Обсвистанный ветром бурьян.

Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони.
Целю я, целуя-милуя,
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь в откос.

Здесь буду тебя я царапать, —
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.

Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

Задушит — затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.

Метется за ним до деревни,
Ликует — танцует репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растертое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод — ужотко;
Тюрьма да сума — впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

1905—1908
Ефремов

136. АРЕСТАНТЫ

В. П. Поливанову

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь — в город нас свезли.
Под конвоем гнали в тюрьмы.

Била ливнем нас гроза.
И одежда перемокла.
Шел ты, в даль вперив глаза,
Неподвижные, как стекла.

Заковали ноги нам
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.

За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили.
Коротал я время сном
В желтых клубах душной пыли.

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил
Окон ржавые решетки.

Как с убийцей, с босяком,
С вором,
Распевали вечерком
Хором.

Здесь, на воле, меж степей
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей,
Наши серые халаты.

Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Всё забудем, отдохнем —
Здесь, в волнах седой ковыли.

1904
Серебряный Колодезь

137. ВЕСЕЛЬЕ НА РУСИ

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх —
Людям грех!
Эх — курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, — ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать:
Дунуть, плюнуть — наплевать:
Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дувай-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет —
— Дьякон, дьякон —
Рясой машет —
— Дьякон, дьякон —

Что такое, дьякон, смерть?

— «Что такое? То и это:
Носом — в лужу, пяткой — в твердь»...

. . . .

Раскидалась в ветре, — пляшет —
Полевая жердь: —

Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

1906
Серебряный Колодезь

138. ОСИНКА

А. М. Ремизову

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам —

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.

Присел под осинкой
Бобыль-сиротинка.

«Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет листвяная —
Лепечет
Ветром пьяная —

Над откосами
В ветре виснет;
Слезными росами
Праздно прыснет —

— «Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет.
Осинка — кружев узорней —
Лепечет
В лес, в холод небес,
В холод горний —

— «Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет.
Листики пламенные
Мечет
В провалы каменные, —
Всё злей, все упорней

— «Сломи меня в корне», —

Лепечет:
Бормочет
В сердитой сырости,
Листами трескочет:

«Свой посох
Скорей —
Багрецом перевитый,
Свой посох —
Скорее
Сломи ты: —

Твой посох
В серебре
Да в серебряных росах.

Твой посох
Тебе не изменит: —
Врагов подорожных в пространство
Размечет —

От пьянства
Излечит».

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть
Над склоном зеленым.

Согнется поклоном, —
И хочет
Его молодая осинка
Слезами своими окапать.

2

И срезал осинку
Да с ней и пошел в путь-дороженьку —

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Ко святым местам —

Славит Господа-Боженьку:

«Господи-Боженька,
Мой посох
Во слезах —
Во серебряных росах.

Ныне, убоженький,
С откосов
В пустыни
Воздвигаю свой посох.

Господи-Боженька,
Ныне сим посохом
Окропляю пространства:
Одеваю пространства
В золотые убранства —

Излечи меня от пьянства!

В путь-дороженьку
Уносите меня, ноженьки, —

По полям, по кустам
Ко святым местам».

3

Привели сиротинку кривые
Ноги
Под склон пологий.

Привели сиротинку сухие
Ветви
В места лихие.

— «Замолю здесь грехи я».

Зашел в кабачишко —
Увязали бутыль
С огневицею —
С прелюбезной сестрицею.

Курил табачишко.
Под вышкой песчаной
Склонил нос багряный
В пыль.

Бобыль —
Пьяница!
У бобыля нос —
Румянится!

— «Ты скажи мне, былиночка,
Как величают места сии?»

Отвечала былиночка:

«Места сии —
Места лихие,
Песчаные:
Здесь шатаются пьяные —

Места лихие
Зеленого Змия».

— «Замолю здесь грехи я!»

4

Плыла из оврага
Вечерняя мгла;
И, булькая, влага
Его обожгла.

Картуз на затылок надвинул,
Лаптями взвевая ленивую пыль.
Лицо запрокинул,
К губам прижимая бутыль.

Шатался детина —
Шатался дорогой кривой;
Вскипела равнина
И взвеяла прах над его головой;

Кивала кручина
Полынной метлой; —

Подсвистнула ей хворостина
В руках багряневшей листвой:
«Ты — мой, сиротина,
Ты — мой!»

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля —

Кружится,
Пляшет
Вокруг бобыля:

«Бобыль —
Пьяница:
У бобыля —
Нос румянится» —

Кружится,
Пляшет, —

Рукавами своими
Сухими,
Колючими машет.

Нá смех тучам —
Шутам полевым и шутихам —
Пляшет
По кручам!

Гой еси, широкие поля!
Гой еси, всея Руси поля! —

Не поминайте лихом
Бобыля!

1906
Дедово

139. ПЕСЕНКА КОМАРИНСКАЯ

Шел калика, шел неведомой дороженькой: —
Тень ползучую бросал своею ноженькой.

Протянулись страны хмурые, мордовские —
Нападали силы-прелести бесовские.

Приключилось тут с каликою мудреное:
Уж и кипнем закипала степь зеленая.

Тень возгóворит калике гласом велием:
«Отпусти меня, калика, со веселием.

Опостылело житье мне мое скромное,
Я пройдусь себе повадочкою темною».

Да и втапоры калику опрокидывала;
Кафтанишко свой по воздуху раскидывала.

Кулаками-тумаками бьет лежачего —
Вырастает выше облака ходячего.

Над рассейскими широкими раздольями
Как пошла кидаться в люд хрестьянский кольями.

Мужикам, дьякам, попам она поповичам
Из-под ног встает лихим Сморчом-Сморчовичем.

А и речи ее дерзкие, бесовские:
«Заведу у вас порядки не таковские;

Буду водочкой опаивать-угащивать:
Свое брюхо на напастиях отращивать.

Мужичище-кулачище я почтеннейший:
Подпираюсь я дубиной здоровеннейшей».

Темным вихорем уносит подорожного
Со пути его прямого да не ложного.

Засигает он в кабак кривой дорожкою;
Загуторит, засвистит своей гармошкою:

«Ты такой-сякой комаринский дурак:
Ты ходи-ходи с дороженьки в кабак.

Ай люли-люли люли-люли-люли:
Кабаки-то по всея Руси пошли!..»

А и жизнь случилась втáпоры дурацкая:
Только ругань непристойная, кабацкая.

Кабаки огнем моргают ночкой долгою
Над Сибирью, да над Доном, да над Волгою.

То и свет, родимый, видеть нам прохожего —
Видеть старого калику перехожего.

Всё-то он гуторит, всё-то сказы сказывает,
Всё-то посохом, сердешный, вдаль указывает:

На житье-бытье-де горькое да óховое
Нападало тенью чучело гороховое.

1907
Петровское

140. НА СКАТЕ

Я всё узнал. На скате ждал.
Внимал: и всхлипнула осинка.
Под мертвым верхом пробежал
Он подовражною тропинкой.

Над головой седой простер
Кремня зубчатого осколок.
Но, побледнев, поймав мой взор,
Он задрожал: пропал меж елок.

Песок колючий и сухой —
Взвивается волной и стонет.
На грудь бурьян, кривой, лихой,
Свой поздний пух — на грудь уронит.

Тоску любви, любовных дней —
Тоску рассей: рассейся, ревность!
Здесь меж камней, меж зеленей
Пространств тысячелетних древность.

Прозябли чахлою травой
Многогребенчатые скаты.
Над ними облак дымовой,
Ворча, встает, как дед косматый.

В полях плывет, тенит, кропит
И под собою даль означит.
На бледной тверди продымит.
Уходит вдаль — дымит и плачет.

1906

141. ПУСТЫНЯ

В. Ф. Эрну

Укройся
В пустыне:
Ни зноя,
Ни стужи зимней
Не бойся
Отныне.

О, ток холодный,
Скажи,
Скажи мне —
Куда уносишь?

О брег межи
Пучок
Бесплодный
Колосьев бросишь.

Туда ль, в безмерный
Покой пустынь?
Душа, от скверны, —
Душа — остынь!

И смерти зерна
Покорно
Из сердца вынь.

— А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит... —

Эфир; в эфир —
Эфирная дорога.
И вот —
Зари порфирная стезя
Сечет
Сафир сафирного
Чертога.

В пустыне —
Мгла. И ныне
Славит Бога

Душа моя!
Остынь —
Страстей рабыня, —
Остынь,
Душа моя!

Струи эфир,
Эфирная пустыня!
Влеки меня,
Сафирная стезя!

— А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит... —

1907

142. ГОРЕ

Солнце тонет.
Ветер: — стонет,
Веет, гонит
Мглу.

У околицы,
Пробираясь к селу,
Паренек вздыхает, молится
На мглу.

Паренек уходит во скитаньице;
Белы-руки сложит на груди:

«Мое горе, —
Горе-гореваньице:
Ты за мною,
Горе,
Не ходи!»

Красное садится, злое око.
Горе гложет
Грудь,
И путь —
Далекий.

Белы-руки сложит
На груди:

И не может
Никуда идти:

«Ты за мною,
Горе,
Не ходи».

Солнце тонет.
Ветер стонет,
Ветер мглу
Гонит.

За избеночкой избеночка.
Парень бродит
По селу.
Речь заводит
Криворотый мужичоночка:

«К нам —
В хаты наши!
Дам —
Щей да каши»...

— «Оставь:
Я в Воронеж».

— «Не ходи:
В реке утонешь».

— «Оставь:
Я в Киев».

— «Заходи —
В хату мою:
До зеленых змиев
Напою».

— «Оставь:
Я в столицу».

— «Придешь в столицу:
Попадешь на виселицу»...

Цифрами оскалились версты полосатые,
Жалят ноги путника камни гребенчатые.
Ходят тучи по небу, старые-косматые.
Порют тело белое палки суковатые.

Дорога далека: —
Бежит века.

За ним горе
Гонится топотом.

«Пропади ты, горе,
Пропадом».

Бежит на воле:
Холмы, избенки,
Кустарник тонкий,
Да поле.

Распылалось в небе зарево.

Как из сырости
Да из марева
Горю горькому не вырасти!

1906
Москва

143. РУСЬ

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далекий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,

В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908
Серебряный Колодезь

144. РОДИНА

В. П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают»... Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи несытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятáя железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908
Москва

ДЕРЕВНЯ

145. КУПЕЦ

Прогуляй со мною лето:
Я тебе, дружок,
Канареечного цвета
Заколю платок.

Коль отдашь тугие косы
Мне на ночь одну, —
Сапожки на ноги босы
Сам я натяну.

Коли нонче за целковый
Груди заголишь, —
Под завесою шелкóвой
Ночь со мной поспишь, —

Так ужо из крепких бревен
Сколочу наш дом,
Так ужо с села поповен
В гости призовем.

Ты сумей меня растрогать:
Я — купец богат —
Сею лен, скупаю деготь
И смолю канат.

Борода моя — лопата,
Волосата грудь.
Не гоняюсь за богатой:
Ты моею будь.

Плачет девка, ручки сложит:
«Не томи меня».
Без него прожить не может
Ни едина дня.

Он — высокий, чернобровый,
Статный паренек,
За целковый ей ковровый
Подарил платок.

1908
Серебряный Колодезь

146. СВИДАНИЕ

Сергею Соловьеву

Ряд соломой крытых хижин
Встал со всех сторон.
Под одною, неподвижен,
Притаился он.

Над сквозным зеленым роем
Лепет льющих лоз.
Вьет и моет дымным зноем
Рой сквозных стрекоз.

Средь горшков, помой корытец
Роет землю хряк[1].
Уж алеет алый ситец
Там в дверной косяк.

Рдеет россыпь кос размытых,
Позументов блеск,
Бирюзовых глаз, несытых,
Бирюзовый всплеск.

Средь развешанных лохмотьев
Топчут ноги грязь.
Горсть провеянных хоботьев
Сыплет в коновязь.

Груди матовым опалом
Дышат из монист.
Под плетнем — навесцем малым —
Молодецкий свист.

Тает трепет слов медовых
В трепетных устах —
В бледнорозовых, в вишневых,
В сладких лепестках.

---

[1] Боров.

Под соломенный навесец
Листья льет лоза;
И подъемлет тонкий месяц
Неба бирюза.

1908
Серебряный Колодезь

147. СТАР

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.

И целует, и милует
Девку паренек.
На лужок летит и дует, —
Дышит: ветерок,

Стелет травные атласы.
Не отходит прочь
Старичище седовласый:
«Сердце, не морочь!»

Парень девичий упругий
Обнимает стан.
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой.

Парень девичий упругий
Оплетает стан.
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.

Отуманен, в сердце ранен,
Стар отходит прочь,

Пал на камень бездыханен:
«Ты пролейся, ночь!

Борода моя — лопата;
Стар купчина я.
Всё — мое: сребро и злато.
Люба — не моя!

И богатство мне — порука ль?»
Ветр летит с реки;
А вокруг танцует куколь,
Плещут васильки.

Тяжело дыша от зноя,
Сел в густую рожь:
«Отточу-точу ужо я, —
Отточу я нож».

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой: —

Улыбнется, рассмеется.
Жаворонок — там —
Как взовьется, изольется
Песнью к небесам.

Знойный ток и жжет, и жарит.
Парит: быть грозе.
Тучей встав, она ударит
Молньей в бирюзе.

Светоч бешено багровый
Грохнет, тучи взрыв: —
С кручи куст многовенцовый
Хряснет под обрыв.

1908
Серебряный Колодезь

148. НА ОТКОСЕ

Вот прошел леса и долы.
Подо мной откос.
На реке огонь веселый
Блещет с дальних кос.

В зеленях меж гнезд и норок
Протоптал я стезь.
Берегись ты, лютый ворог,
Берегись, я — здесь.

Близок час: падешь в крови ты
На груди земли,
Здесь падешь, ножом пробитый.
(Ай, люли-люли!)

Ты не бейся, сердце-знахарь.
(Ай, люли-люли!)
За сохой плетется пахарь
Там вдали, вдали.

Отнесу тебя, сердешный,
В прибережный ров.
Будут дни: смиренный, грешный,
Поплетусь в Саров.

День пройдет: вечо́р на воле
Лягу под лопух.
Не усну от горькой боли
Да от черных мух.

1906
Москва

149. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала: —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает в высь.

Миловались вы, любились
С девкою надысь —

В колокольчиках, в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелко́вых трав.

Что ж ты вдруг поник тоскливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни!

1908
Суйда

150. УБИЙСТВО

Здравствуй, брат! За око око.
Вспомни: кровь за кровь.
Мы одни. Жилье далеко.
Ей, не прекословь!

Как над этой над лужайкой
Кровь пролью твою...
Забавляюсь балалайкой,
Песенки пою.

Веселей ходите, ноги,
Лейся, говор струн!
Где-то там — в пологом логе —
Фыркает табун.

Где-то там — на скате — тройка
В отходящий день
Колокольцем всхлипнет бойко:
Тень-терень-терень!..

Протеренькай, протеренькай
Прямо на закат!
Покалякаем маленько
Мы с тобою, брат.

Отстегни-ка ворот пестрый:
К делу — что там ждать!
И всадил я ножик вострый
В грудь по рукоять.

Красною струею прыснул
Красной крови ток.
Ножик хряснул, ножик свистнул —
В грудь, в живот и в бок.

Покрывая хрип проклятий,
В бархатную новь
Из-под красной рукояти
Пеной свищет кровь.

Осыпаясь прахом, склоны
Тихо шелестят;
Галки, во́роны, вороны
Стаей налетят.

Неподвижные, как стекла,
Очи расклюют.
Там — вдали, над нивой блеклой,
Там — вдали: поют.

С Богом, в путь! Прости навеки!
Ну, не обессудь.
Я бегу, смеживши веки.
Ветер свищет в грудь.

К ясным девкам, к верным любам
Не придет авось, —
Как его стальным я зубом
Просадил насквозь.

1908
Серебряный Колодезь

151. БЕГСТВО

Ноет грудь в тоске неясной.
Путь далек, далек.
Я приду с зарею красной
В тихий уголок.

Девкам в платьицах узорных
Песнь сыграю я.

Вот на соснах — соснах черных —
Пляшет тень моя.

Как ты бьешься, как ты стонешь —
Вижу, слышу я.
Скоро, друг сердечный, сгонишь
Стаю воронья.

Веют ветры. Никнут травки.
Петухи кричат.
Через лес, через канавки —
Прямо на закат.

Ей, быстрей! И в душном дыме
Вижу — городок.
Переулками кривыми
Прямо в кабачок.

1906
Москва

152. В ГОРОДКЕ

Руки в боки: ей, лебедки,
Вам плясать пора.
Наливай в стакан мне водки —
Приголубь, сестра!

Где-то там рыдает звуком,
Где-то там — орган.
Подавай селедку с луком,
Расшнуруй свой стан.

Ты не бойся — не израню:
Дай себя обнять.
Мы пойдем с тобою в баню
Малость поиграть.

За целковым я целковый
В час один спущу.
Как в семейный, как в рублевый
Номер затащу.

Ты, чтоб не было обмана,
Оголись, дружок.
В шайку медную из крана
Брызнет кипяток.

За мое сребро и злато
Мне не прекословь: —
На груди моей косматой
Смой мочалом кровь.

Растрепи ты веник колок,
Кипяток размыль.
Искусает едкий щелок,
Смоет кровь и пыль.

Обливай кипящим пылом.
На́чисто скреби
Спину, грудь казанским мылом:
Полюби — люби!

Я девчоночку другую —
Не тебя —люблю,
Но обновку дорогую
Для тебя куплю.

Хошь я черный вор-мерзавец, —
Об заклад побьюсь,
Что на вас, моих красавиц,
В ночь раскошелюсь.

Ей, откуда, ей — узнай-ка,
Заявился я?
Трынды-трынды балалайка,
Трыкалка моя!

По крутым речным излукам
Пролетит туман...
Где-то там рыдает звуком —
Где-то там — орган.

1908
Серебряный Колодезь

153. В ДЕРЕВНЕ

Ходят плечи, ходят трясом,
Стонет в ночь она, —
Прошушукнет поздним класом
Стебель у окна.

«Ты померкни, свет постылый, —
В вечный темень сгинь!

Нет, не встанет из могилы
Сокол мой: аминь!

Как проходят дни за днями.
Палец жжет кольцо».
Мухи черными роями
Плещут ей в лицо.

Прошушукнет поздним класом
Стебель у окна.
Ходят плечи, ходят трясом, —
Стонет в ночь она.

Стар садится под оконцем
Любу обнимать:
«Задарю тебя червонцем, —
Дай с тобой поспать!»

Но в оправе серебрёной
Стукнул грозен перст.
«Сгинь», — и молоньей зеленой
Небосвод отверст.

«Ты, обитель, богомольца
В скит принять сумей!»
Но, взвивая блеском кольца,
Прыщет в небо змей.

1907
Москва

154. ВИСЕЛИЦА

Жизнь свою вином расслабил
Я на склоне лет.
Скольких бил и что я грабил,
Не упомню — нет.

Под железной под решеткой
Вовсе не уснуть.
Как придут они ужотко
Узел затянуть.

Как там столб дубовый нонче
Врыли в лыс бугор.
Заливайся, песня, звонче!
Вдаль лети же, взор!

Всё не верю — не поверю...
Поздно: срок истек;
И шаги, — шаги у двери;
Заскрипел замок.

Офицер кричит конвойным:
«Сабли наголо!»
И полдневным солнцем, знойным,
Темя обожгло.

Привели. Сухою пылью
Ветер в выси взвил.
Золотой епитрахилью
Поп меня накрыл.

Вот сурово мне холодный
Под нос тычут крест.
Сколько раз я шел, свободный,
Ширью этих мест.

Сколько раз встречал, как зверь, я
В логе белый день,
Прошибал со свистом перья
Меткий мой кремень —

Скольким, скольким певчим птицам.
Вкруг окрестных сел
Скольким, скольким молодицам
Вскидывал подол.

Закрутили петлю ловко.
Леденеет кровь.
Перекинулась веревка.
«Ей, не прекословь!»

Под ногой — сухие корни,
А под носом — смерть.
Выше, виселица, вздерни
В голубую твердь!

Подвели: зажмурюсь, нет ли —
Думать поотвык.
Вот и высунул из петли
Красный свой язык.

1908
Серебряный Колодезь

155. С ВЫСОТЫ

Руки рвут раскрытый ворот.
Через строй солдат
Что глядишь в полдневный город,
Отходящий брат?

В высь стреляют бриллиантом
Там церквей кресты.
Там кутил когда-то франтом
С ней в трахтире ты.

Черные, густые клубы
К вольным небесам
Фабрик каменные трубы
Изрыгают там.

Там несется издалека,
Как в былые дни —
«Распрямись ты, рожь высока,
Тайну сохрани».

Вольный ветр гудит с востока.
Ты и нем, и глух.
Изумрудом плещут в око
Злые горсти мух.

1908
Серебряный Колодезь

ПАУТИНА

156. КАЛЕКА

Там мне кричат издалека,
Что нос мой — длинный, взор — суровый,
Что я похож на паука
И страшен мой костыль дубовый,
Что мне не избежать судьбы,
Что злость в моем потухшем взгляде,
Что безобразные горбы
Торчат и спереди, и сзади...
Так глухо надо мной в дупло
Постукивает дятел пестрый...
Глаза — как ночь, как воск — чело;
На сердце — яд отравы острый;
Угрозою кривится рот;
В ресницах стекленеют слезы...

С зарей проносится и гнет
Едва зеленые березы
Едва запевший ветерок
И кружится на перекрестках,
И плещется там мотылек
На кружевных, сребристых блестках
В косматых лапах паука;
Моя дрожащая рука
Протянется и рвет тенета...
В душе — весенняя тоска:
Душа припоминает что-то.

Подглядываю в мягких мхах,
Весь в лиственном, в прозрачном пухе,
Ребенок в голубых цветах
Там крылья обрывает мухе, —
И тянется к нему костыль,
И вскрикивает он невольно,
И в зацветающую пыль
Спасается — мне стыдно, больно: —
Спасается, в кулак свистя.
И забирается в валежник.

Я вновь один. Срываю я
Мой нежный, голубой подснежник, —

А вслед летят издалека
Трусливые и злые речи,
Что я похож на паука
И что костыль мне вздернул плечи,
Что тихая моя жена,
Потупившись, им рассказала,
Когда над цветником она,
Безропотная, умирала,
Как в мраке неживом, ночном
Над старым мужем — пауком —
Там плакала в опочивальне,
Как изнывала день за днем,
Как становилась всё печальней; —
Как безобразные горбы
С ней на постель ложились рядом,
Как, не снеся своей судьбы,
Утаивала стклянку с ядом,
И вот...

Так медленно бреду.
Трещат и цикают стрекозы
Хрустальные — там, на пруду.
В ресницах стекленеют слезы;
Душа потрясена моя.
Похрустывает в ночь валежник.

Я вновь один. Срываю я
Цветок единственный, подснежник.

1908
Москва

157. ВЕСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Одна сижу меж вешних верб.
Грустна, бледна: сижу в кручине.
Над головой снеговый серп
Повис, грустя, в пустыне синей.

А были дни: далекий друг,
В заросшем парке мы бродили.
Молчал: но пальцы нежных рук,
Дрожа, сжимали стебли лилий.

Молчали мы. На склоне дня
Рыдал рояль в старинном доме.
На склоне дня ты вел меня,
Отдавшись ласковой истоме,

В зеленоватый полусвет
Прозрачно зыблемых акаций,
Где на дорожке силуэт
Обозначался белых граций.

Теней неверная игра
Под ним пестрила цоколь твердый.
В бассейны ленты серебра
Бросали мраморные морды.

Как снег бледна, меж тонких верб.
Одна сижу. Брожу в кручине.
Одна гляжу, как вешний серп
Летит, блестит в пустыне синей.

1905
Москва

158. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Чего мне, одинокой, ждать?
От радостей душа отвыкла...
И бледная старушка мать
В воздушном капоре поникла, —

У вырезанных в синь листов
Завившегося винограда...
Поскрипывающих шагов
Из глубины немого сада

Шуршание: в тени аллей
Урод на костылях, с горбами,
У задрожавших тополей,
Переливающих листами,

Подсматривает всё за мной,
Хихикает там незаметно...
Я руки к выси ледяной
Заламываю безответно.

1906
Москва

159. ПАУК

Нет, буду жить — и буду пить
Весны благоуханный запах.
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.
Пусть на войне и стон, и крик,
И дым пороховой — пусть едок: —
Зажгу позеленевший лик
В лучах, блеснувших напоследок.
Пусть веточка росой блеснет;
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна...
Один. Склонился на костыль.
И страстного лобзанья просит
Душа моя...

И ветер пыль
В холодное пространство бросит, —
В лазуревых просторах носит.

И вижу: —
Ты бежишь в цветах
Под мраморною, старой аркой
В пурпуровых своих шелках
И в шляпе с кисеею яркой.
Ты вот: застенчиво мила,
Склоняешься в мой лед и холод;
Ты не невестой мне цвела:
Жених твой и красив, и молод.
Дитя, о улыбнись, — дитя!
Вот рук — благоуханных лилий —
Браслеты бледные, — блестя,
Снопы лучей озолотили.
Но урони, смеясь сквозь боль,
Туда, где облака-скитальцы, —
Ну, урони желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы!
Ты вскрикиваешь, шепчешь мне:
«Там, где ветвей скрестились дуги,
Смотри, — крестовик в вышине
Повис на серебристом круге...»
Смеешься, убегаешь вдаль;
Там улыбнулась в дали вольной.

Бежишь — а мне чего-то жаль.
Ушла — а мне так больно, больно...

Так в бирюзовую эмаль
Над старой, озлащенной башней
Касатка малая взлетит —
И заюлит, и завизжит,
Не помня о грозе вчерашней;
За ней другая — и смотри:
За ней, повизгивая окол,
В лучах пурпуровой зари
Над глянцем колокольных стекол —
Вся черная ее семья...

Грызет меня тоска моя.
И мне кричат издалека, —
Из зарослей сырой осоки,
Что я похож на паука:
Прислушиваюсь... Смех далекий,
Потрескиванье огонька...
Приглядываюсь... Спит река...
В туманах — берегов излучья...

Туда грозит моя рука,
Сухая, мертвая... паучья...

Иду я в поле за плетень.
Рожь тюкает перепелами;
Пред изумленными очами
Свивается дневная сень.
И разольется над лугами
В ночь умножаемая тень —
Там отверзаемыми мглами,
Испепеляющими день.

И над обрывами откоса,
И над прибрежною косой
Попыхивает папироса,
Гремит и плачет колесо.
И зеленеющее просо
Разволновалось полосой...
Невыразимого вопроса —
Проникновение во всё...

Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо?

1908
Москва

160. МАТЬ

Она и мать. Молчат — сидят
Среди алеющих азалий.
В небес темнеющих глядят
Мглу ниспадающей эмали.

«Ты милого, — склонив чепец,
Прошамкала ей мать, — забудешь,
А этот будет, как отец:
Не с костылями век пробудешь».

Над ними мраморный амур.
У ног — ручной, пуховый кролик.
Льет яркордяный абажур
Свой яркордяный свет на столик.

Пьет чай и разрезает торт,
Закутываясь в мех свой лисий;
Взор над верандою простер
В зари порфировые выси.

Там тяжкий месяца коралл
Зловещий вечер к долам клонит.
Там в озера литой металл
Темноты тусклые уронит; —

Тускнеющая дымом ночь
Там тусклые колеблет воды; —
Там — сумерками кроет дочь,
Лишенную навек свободы.

1908
Серебряный Колодезь

161. СУДЬБА

Меж вешних камышей и верб
Отражена ее кручина.
Чуть прозиявший, белый серп
Летит лазурною пустыней —
В просветах заревых огней
Сквозь полосы далеких ливней.

Урод склоняется над ней.
И все видней ей и противней
Напудренный, прыщавый нос,

Подтянутые, злые губы,
Угарный запах папирос
И голос шамкающий, грубый,
И лоб недобрый, восковой,
И галстух ярко огневой;
И видит: —

где зеленый сук
Цветами розовыми машет
Под ветром, — лапами паук
На паутинных нитях пляшет;
Слетает с легкой быстротой,
Качается, — и вновь слетает,
И нитью бледно-золотой
Качается, а нить блистает:
Слетел, и на цветок с цветка
Ползет по росянистым кочкам.
И падает ее рука
С атласным кружевным платочком;
Платочек кружевной дрожит
На розовых ее коленях;
Беспомощно она сидит
В лиловых, в ласковых сиренях.

Качается над нею нос,
Чернеются гнилые зубы;
Угарной гарью папирос
Растянутые дышат губы;
Взгляд оскорбительный и злой
Впивается холодной мглой,
И голос раздается грубый:
«Любовницей моею будь!»
Горбатится в вечернем свете
В крахмал затянутая грудь
В тяжелом, клетчатом жилете.

Вот над сафьянным башмачком
В лиловые кусты сирени
Горбатым клетчатым комком
Срывается он на колени.
Она сбегает под откос;
Безумие в стеклянном взгляде...
Стеклянные рои стрекоз
Летят в лазуревые глади.
На умирающей заре
Упала (тяжко ей и дурно)
В сырой росе, как серебре,
Над беломраморною урной.

Уж в черной, лаковой карете
Уехал он...

                    В чепце зеленом,
В колеблемом, в неверном свете,
Держа флакон с одеколоном,
Старушка мать над ней сидит,
Вся в кружевах, — молчит и плачет.

То канет в дым, то заблестит
Снеговый серп; и задымит
Туманами ночная даль;
Извечная висит печаль;

И чибис в полунóщи плачет...

1906
Москва

162. СВАДЬБА

Мы ждем. Ее всё нет, всё нет...
Уставившись на паперть храма
В свой черепаховый лорнет,
Какая-то сказала дама

Завистливо: «Si jeune... Quelle ange...»[1].
Гляжу — туманится в вуалях;
Расправила свой флер д'оранж, —
И взором затерялась в далях.

Уж регент, руки вверх воздев,
К мерцающим, златым иконам,
Над клиросом оцепенев,
Стоит с запевшим камертоном.

Уже златит иконостас
Вечеровая багряница.
Вокруг уставились на нас
Соболезнующие лица.

Блеск золотых ее колец...
Рыдание сдавило горло
Ее, лишь свадебный венец
Рука холодная простерла.

---

[1] Такая молодая... Какой ангел... (*франц.*). — *Ред.*

Соединив нам руки, поп
Вкруг аналоя грустно водит,
А шафер, обтирая лоб,
Почтительно за шлейфом ходит.

Стою я, умилен, склонен,
Обмахиваясь «chapeau-claque'ом»[1].
Осыпала толпа княжон
Нас лилиями, мятой, маком.

Я принял, разгасясь в углу,
Хоть и не без предубежденья,
Напечатленный поцелуй —
Холодный поцелуй презренья.

Между подругами прошла
Со снисходительным поклоном.
Пусть в вышине колокола
Нерадостным вещают звоном, —

Она моя, моя, моя...
Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли... Ласточек семья
Над папертью, визжа, метнулась.

Мальчишки, убегая вдаль,
Со смеху прыснули невольно.
Смеюсь, — а мне чего-то жаль.
Молчит, — а ей так больно, больно.

А колокольные кресты
Сквозь зеленеющие ели
С непобедимой высоты
На небесах заогневели.

Слепительно в мои глаза
Кидается сухое лето;
И собирается гроза,
Лениво громыхая где-то.

1905—1908
Серебряный Колодезь

---

[1] Складной цилиндр (*франц.*) — *Ред.*

163. ПОСЛЕ ВЕНЦА

Глядят — невеста и жених
Из подвенечной паутины,
Прохаживаясь вдоль куртины,
Колеблемой зефиром; их —

Большой серебряный дельфин,
Плюющийся зеркальным блеском,
Из пурпуро́вых георгин
Окуривает водным блеском.

Медлительно струит фонтан
Шушукающий в выси лепет...
Жених, охватывая стан,
Венчальную вуаль отцепит;

В дом простучали костыли;
Слетела штора, прокачавшись.
Он — в кружевной ее пыли,
К губам губами присосавшись.

Свой купол нежно снеговой
Хаосом пепельным обрушит —
Тот облак, что над головой
Взлетающим зигзагом душит;

И вспучилась его зола
В лучей вечеровые стрелы;
И пепел серый сеет мгла,
Развеивая в воздух белый;

Чтоб неба темная эмаль
В ночи туманами окрепла, —
Там водопадом топит даль
Беззвучно рушимого пепла.

1908

ГОРОД

164. СТАРИННЫЙ ДОМ

В. Ф. Ходасевичу

Всё спит в молчанье гулком.
За фонарем фонарь
Над Мертвым[1] переулком
Колеблет свой янтарь.

Лишь со свечою дама
Покажется в окне: —
И световая рама
Проходит на стене;

Лишь дворник встрепенется, —
И снова головой
Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.

Железная ограда;
Старинный барский дом;
Белеет колоннада
Над каменным крыльцом.

Листвой своей поблеклой
Шушукнут тополя.
Луна алмазит стекла,
Прохладный свет лия.

Проходят в окнах светы: —
И выступят из мглы
Кенкэты и портреты,
И белые чехлы.

Мечтательно Полина
В ночном дезабилье
Разбитое пьянино
Терзает в полумгле.

[1] Переулок в Москве.

Припоминает младость
Над нотами: «Любовь,
Мечта, весна и сладость —
Не возвратитесь вновь.

Вы где, условны встречи
И вздох: Je t'aime, Poline...»[1].
Потрескивают свечи,
Стекает стеарин.

Старинные куранты
Зовут в ночной угар.
Развеивает банты
Атласный пеньюар.

В полуослепшем взоре
Воспоминаний дым,
Гардемарин, и море,
И невозвратный Крым,

Поездки в Дэрикоэ,
Поездки к Учан-Су...
Пенснэ лишь золотое
Трясется на носу.

Трясутся папильотки,
Колышется браслет
Напудренной красотки
Семидесяти лет.

Серебряные косы
Рассыпались в луне.
Вот тенью длинноносой
Взлетает на стене.

Рыдает сонатина
Потоком томных гамм.
Разбитое пьянино
Оскалилось — вон там.

Красы свои нагие
Закрыла на груди,
Как шелесты сухие
Прильнули к ней: «Приди, —

---

[1] Я люблю тебя, Полина... (*франц.*). — *Ред.*

Я млею, фея, млею...»
Ей под ноги луна
Атласную лилею
Бросает из окна.

А он, зефира тише,
Наводит свой лорнет:
С ней в затененной нише
Танцует менуэт.

И нынче, как намедни,
У каменных перил
Проходит вдоль передней,
Ища ночных громил, —

Как на дворе собаки
Там дружною гурьбой
Пролаяли, — Акакий —
Лакей ее седой,

В потертом, сером фраке,
С отвислою губой: —
В растрепанные баки
Бормочет сам с собой.

Шушукнет за портретом,
Покажется в окне: —
И рама бледным светом
Проходит на стене,

Лишь к стеклам в мраке гулком
Прильнет его свеча...
Над Мертвым переулком
Немая каланча

Людей оповещает,
Что где-то — там — пожар, —
Медлительно взвивает
В туманы красный шар.

1908
Суйда

165. МАСКАРАД

М. Ф. Ликиардопуло

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный черт, — атласный, красный, —
За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный,
Грациозный па д'эспань, —

Пролетает, колобродит,
Интригует наугад.
Там хозяйка гостя вводит.
Здесь хозяин гостье рад.

Звякнет в пол железной злостью
Там косы сухая жердь: —
Входит гостья, щелкнет костью,
Взвеет саван: гостья — смерть.

Гость: — немое, роковое,
Огневое домино —
Неживою головою
Над хозяйкой склонено.

И хозяйка гостя вводит.
И хозяин гостье рад.
Гости бродят, колобродят,
Интригуют наугад.

Невтерпеж седому турке:
Смотрит маске за корсаж.
Обжигается в мазурке
Знойной полькой юный паж.

Закрутив седые баки,
Надушен и умилен,
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.

Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.

Чей-то голос раздается:
«Вам погибнуть суждено», —
И уж в дальних залах вьется, —
Вьется в вальсе домино

С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостья: гостья — смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью
Там косы сухая жердь.

Пляшут дети в ярком свете.
Обернулся — никого.
Лишь, виясь, пучок конфетти
С легким треском бьет в него.

«Злые шутки, злые маски», —
Шепчет он, остановясь.
Злые маски строят глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.

Ждет. И боком, легким скоком, —
«Вам погибнуть суждено», —
Над хозяйкой ненароком
Прошуршало домино.

Задрожал над бледным бантом
Серебристый позумент;
Но она с атласным франтом
Пролетает в вихре лент.

В бирюзу немую взоров
Ей пылит атласный шарф.
Прорыдав, несутся с хоров, —
Рвутся струны страстных арф.

Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает па, —
Ловит бэби в темной нише —
Ловит бэби — grand papa[1].

Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс.
И проносят вестибюлем
Ледяной, отрадный морс.

Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд.

---

[1] Дедушка (*франц*). — *Ред*

За каретою карета
Тонет в снежной пене звезд.

Спит: и бэби строит куры
Престарелый grand papa.
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют па.

Только там по гулким залам —
Там, где пусто и темно —
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

1908
Серебряный Колодезь

166. МЕЛАНХОЛИЯ

М. Я. Шику

Пустеет к утру ресторан.
Атласами своими феи
Шушукают. Ревет орган.
Тарелками гремят лакеи —

Меж кабинетами. Как тень,
Брожу в дымнотекущей сети.
Уж скоро золотистый день
Ударится об окна эти,

Пересечет перстами гарь,
На зеркале блеснет алмазом...
Там: — газовый в окне фонарь
Огнистым дозирает глазом.

Над городом встают с земли, —
Над улицами клубы гари.
Вдали — над головой — вдали
Обрывки безответных арий.

И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив.
Там: — отблески на потолке
Гирляндою воздушных кружев

Протянутся. И всё на миг
Зажжется желтоватым светом.

Там — в зеркале — стоит двойник;
Там вырезанным силуэтом —

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

1904
Москва

167. ОТЧАЯНЬЕ

Е. П. Безобразовой

Веселый, искрометный лед.
Но сердце — ледянистый слиток.
Пусть вьюга белоцвет метет, —
Взревет; и развернет свой свиток.

Срывается: кипит сугроб,
Пурговым кружевом клокочет,
Пургой окуривает лоб,
Завьется в ночь и прохохочет.

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.

Душа, остановись — замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!

Отцветших, отгоревших дней
Осталась песня недопета.
Пляшите, уличных огней
На скользких плитах иглы света!

1904
Москва

168. ПРАЗДНИК

В. В. Гофману

Слепнут взоры: а джиорно
Освещен двухсветный зал.
Гость придворный непритворно
Шепчет даме мадригал, —

Контредансом, контредансом
Завиваясь в «chinoise»[1].
Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.

Там — вдали — проходит полный
Седовласый кавалер.
У окна вскипают волны
Разлетевшихся портьер.

Обернулся: из-за пальмы
Маска черная глядит.
Плещут струи красной тальмы
В ясный блеск паркетных плит.

«Кто вы, кто вы, гость суровый —
Что вам нужно, домино?»
Но, закрывшись в плащ багровый,
Удаляется оно.

Прислонился к гобелэнам,
Он белее полотна...
А в дверях шуршит уж трэном
Гри-де-перлевым жена.

Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.
Контредансом, контредансом
Вьются гости в «chinoise».

1908
Серебряный Колодезь

---

[1] Китайский (*франц.*). — *Ред.*

169. ПИР

С. А. Полякову

Проходят толпы с фабрик прочь.
Отхлынули в пустые дали.
Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали.

Мы ехали. Юна, свежа,
Плеснула перьями красотка.
А пуля плакала, визжа,
Над одинокою пролеткой.

Нас обжигал златистый хмель
Отравленной своей усладой.
И сыпалась — вон там — шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.

В «Aquarium'e» с ней шутил
Я легкомысленно и метко.
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой,

Меж пальцев задрожавших взяв
Благоуханную сигару,
Взволнованно к груди прижав
Вдруг зарыдавшую гитару.

Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.

Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий;
Плыла: — и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

Но дрогнул юный офицер,
Сердито в пол палаш ударив,
Как из раздернутых портьер
Лизнул нас сноп кровавых зарев.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.

Луч солнечный ужо взойдет;
Со знаменем пройдет рабочий:
Безумие нас заметет —
В тяжелой, в безысходной ночи.

Заутра брызнет пулемет
Там в сотни возмущенных грудей;
Чугунный грохот изольет,
Рыдая, злая пасть орудий.

Метелицы же рев глухой
Нас мертвенною пляской свяжет, —
Заутра саван ледяной,
Виясь, над мертвецами ляжет,
Друзья мои»...

И банк метал
В разгаре пьяного азарта;
И сторублевики бросал;
И сыпалась за картой карта.

И, проигравшийся игрок,
Я встал: неуязвимо строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок кидая ноги.

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснущих застыв,
Влилось сквозь матовые стекла —

Рассвета мертвое пятно.
День мертвенно глядел и робко.
И гуще пенилось вино,
И щелкало взлетевшей пробкой.

1905
Москва

170. УКОР

Кротко крадешься креповым трэном,
Растянувшись, как дым, вдоль паркета;
Снеговым, неживым манекеном,
Вся в муар серебристый одета.

Там народ мой — без крова; суровый
Мой народ в униженье и плене.

Тяжелит тебя взор мой свинцовый.
Тонешь ты в дорогом валансьене.

Я в полях надышался свинцами.
Ты — кисейным, заоблачным мифом
Пропылишь мне на грудь кружевами,
Изгибаясь стеклярусным лифом.

Или душу убил этот грохот?
Ты молчишь, легкий локон свивая.
Как фонтан, прорыдает твой хохот,
Жемчуговую грудь изрывая.

Ручек матовый мрамор муаром
Задымишь, запылишь. Ты не слышишь?
Мне в лицо ароматным угаром
Ветер бледнопуховый всколышешь.

Серебряный Колодезь

171. ПОДЖОГ

Заснувший дом. Один, во мгле
Прошел с зажженною лучиною.
На бледном, мертвенном челе
Глухая скорбь легла морщиною.

Поджег бумаги. Огонек
Заползал синей, жгучей пчелкою.
Он запер двери на замок,
Объятый тьмой студеной, колкою.

Команда в полночь пролетит
Над мостовой сырой и тряскою; —
И факел странно зачадит
Над золотой, сверкнувшей каскою.

Вот затянуло серп луны.
Хрустальные стрекочут градины.
Из белоструйной седины
Глядят чернеющие впадины.

Седины бьются на челе.
Проходит улицей пустынною...
На каланче в туманной мгле
Взвивается звезда рубинная.

1905
Петербург

172. НА УЛИЦЕ

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Всё отдал; и вот — я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

1904
Москва

173. ВАКХАНАЛИЯ

И огненный хитон принес,
И маску черную в кардонке.
За столиками гроздья роз
Свой стебель изогнули тонкий.

Бокалы осушал, молчал,
Камелию в петлицу фрака
Воткнул, и в окна хохотал
Из душного, ночного мрака —

Туда, — где каменный карниз
Светился предрассветной лаской, —
И в рдяность шелковистых риз
Обвился и закрылся маской,

Прикидываясь мертвецом...
И пенились — шипели вина.
Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.

Над восковым его челом
Крестились, наклонились оба —
И полумаску молотком
Приколотили к крышке гроба,

Один — заголосил, завыл
Над мертвым на своей свирели;
Другой — цветами перевил
Его мечтательных камелий.

В подставленный сосуд вином
Струились огненные росы,
Как прободал ему жезлом
Грудь жезлоносец длинноносый.

1906
Мюнхен

174. АРЛЕКИНАДА

Посв. современным арлекинам

Мы шли его похоронить
Ватагою беспутно сонной.
И в бубен похоронный бить
Какой-то танец похоронный

Вдруг начали. Мы в колпаках
За гробом огненным вопили
И фимиам в сквозных лучах
Кадильницами воскурили.

Мы колыхали красный гроб;
Мы траурные гнали дроги,
Надвинув колпаки на лоб...
Какой-то арлекин убогий —

Седой, полуслепой старик, —
Язвительным, немым вопросом
Морщинистый воскинул лик
С наклеенным картонным носом,

Горбатился в сухой пыли.
Там в одеянии убогом
Надменно выступал вдали
С трескучим, с вытянутым рогом —

Герольд, предвозвещавший смерть;
Там лентою вилась дорога;
Рыдало и гремело в твердь
Отверстие глухого рога.

Так улиц полумертвых строй
Процессия пересекала;
Рисуясь роковой игрой,
Паяц коснулся бледноалой —

Камелии: И встал мертвец,
В туман протягивая длани;
Цветов пылающий венец
Надевши, отошел в тумане: —

Показывался здесь и там;
Заглядывал — стучался в окна;
Заглядывал — врывался в храм,
Сквозь ладанные шел волокна.

Предвозвещая рогом смерть,
О мщении молил он Бога:
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие глухого рога.

«Вы думали, что умер я —
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя
Моими мертвыми руками.

Вы думали — я был шутом?..
Молю, да облак семиглавый
Тяжелый опрокинет гром
На род кощунственный, лукавый!»

1906
Мюнхен

175. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Опять над нею залучился
Сияньем свадебный венец.
За нею в дрогах я тащился,
Неуспокоенный мертвец.

Сияла грешным метеором
Ее святая красота.
Из впадин ей зияла взором
Моя немая пустота.

Ее венчальные вуали
Проколебались мне в ответ.
Ее глаза запеленали
Воспоминанья прежних лет.

На череп шляпу я надвинул.
На костяные плечи — плед.
Жених бледнел и брови сдвинул,
Как в дом за ними шел я вслед.

И понял он, что обвенчалась
Она не с ним, а с мертвецом.
И молча ярость занималась
Над бледно бешеным лицом.

Над ней склоняюсь с прежней лаской;
И ей опять видны, слышны:
Кровавый саван, полумаска,
Роптанья страстные струны,

Когда из шелестящих складок
Над ней клонюсь я, прежний друг.
И ей невыразимо гадок
С ней почивающий супруг.

1906
Серебряный Колодезь

176. ПОХОРОНЫ

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.

На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.

Смеркается
Месяц серебряный, юный
Поднимается.

Темною лентой толпа извивается.
Скачут драгуны.

Вдоль оград, тротуаров, — вдоль скверов,
Над железной решеткой, —
Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Свищут пули, кося...
Ясный блеск
Там по взвизгнувшим саблям взвился.

Глуше напев похорон.
Пули и плачут, и косят.
Новые тучи кровавых знамен —
Там, в отдаленье — проносят.

1906
Москва

177

Пока над мертвыми людьми
Один ты не уснул, дотоле
Цепями ржавыми греми
Из башни каменной о воле.

Да покрывается чело, —
Твое чело, кровавым потом.
Глаза сквозь мутное стекло —
Глаза — воздетые к высотам.

Нальется в окна бирюза,
Воздушное нальется злато.
День — жемчуг матовый — слеза —
Течет с восхода до заката.

То серый сеется там дождь,
То — небо голубеет степью.
Но здесь ты, заключенный вождь,
Греми заржавленною цепью.

Пусть утро, вечер, день и ночь —
Сойдут — лучи в окно протянут:
Сойдут — глядят: несутся прочь.
Прильнут к окну — и в вечность канут.

1907
Петровское

178. В ЛЕТНЕМ САДУ

Над рестораном сноп ракет
Взвивается струею тонкой.
Старик в отдельный кабинет
Вон тащит за собой ребенка.

Над лошадиною спиной
Оголена, в кисейной пене, —
Проносится — ко мне, за мной!
Проносится по летней сцене.

Прощелкает над ней жокей —
Прощелкает бичом свистящим.
Смотрю... Осанистый лакей
С шампанским пробежал пьянящим

И пенистый бокал поднес...
Вдруг крылья яркокрасной тоги
Там кто-то над толпой вознес —
Бежать бы: неподвижны ноги.

Тяжелый камень стекла бьет —
Позором купленные стекла.
И кто-то в маске восстает
Над мертвенною жизнью, блеклой.

Волнуются: смятенье, крик.
Огни погасли в кабинете; —
Оттуда пробежал старик
В полузастегнутом жилете,—

И падает, — и пал в тоске
С бокалом пенистым рейн-вейна
В протянутой, сухой руке
У тиховейного бассейна; —

Хрипит, проколотый насквозь
Сверкающим, стальным кинжалом:
Над ним склонилось, пролилось
Атласами в сиянье алом —

Немое домино; и вновь,
Плеща крылом атласной маски,
С кинжала отирая кровь,
По саду закружилось в пляске.

1906
Серебряный Колодезь

179. НА ПЛОЩАДИ

Он в черной маске, в легкой красной тоге.
И тога шелком плещущим взлетела.
Он возглашает: «Будете как боги».
Пришел. Стоит. Но площадь опустела.

А нежный ветер, ветер тиховейный,
К его ногам роняет лист каштана.
Свеваясь пылью в зеркало бассейна,
Кипит, клокочет кружево фонтана.

Вознес лампаду он над мостовою,
Как золотой, как тяжковесный камень.
И тучей искр взлетел над головою
Ее палящий, бледный, чадный пламень.

Над головой дрожит венок из елки.
Лампаду бросил. Пламя в ней угасло.
О мостовую звякнули осколки.
И пролилось струей горящей масло.

За ним следят две женщины в тревоге
С перил чугунных, каменных балконов.
Шурша, упали складки красной тоги
На гриву черных, мраморных драконов.

Открыл лицо. Горит в закатной ласке
Оно пятном мертвеющим и мрачным.
В точеных пальцах крылья полумаски
Под ветром плещут кружевом прозрачным.

Холодными прощальными огнями
Растворены небес хрустальных склоны.
Из пастей золотыми хрусталями
В бассейн плюют застывшие драконы.

1906
Мюнхен

180. ПРОХОЖДЕНИЕ

Я фонарь
Отдаю изнемогшему брату.

Улыбаюсь в закатный янтарь,
Собираю душистую мяту.

Золотым огоньком
Скорбный путь озаряю.

За убогим столом
С бедняком вечеряю.

Вы мечи
На меня обнажали.

Палачи,
Вы меня затерзали.

Кровь чернела, как смоль,
Запекаясь на язве.

Но старинная боль
Забывается разве?

Чадный блеск, смоляной,
Пробежал по карнизам.

Вы идете за мной,
Прикасаясь к разодранным ризам.

— «Исцели, исцели
Наши темные души»...

Ветер листья с земли
Взвеет шелестом в уши...

Край пустынен и нем.
Нерассветная твердь.

О, зачем
Не берет меня смерть!

1906
Мюнхен

БЕЗУМИЕ

181. В ПОЛЯХ

Я забыл. Я бежал. Я на воле.
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.

Не страшна ни печаль, ни тоска мне:
Как терзали — я падал в крови;
Многодробные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.

Восхожу в непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим как день.
Пусть дробят приовражные ребра
Мою черную, легкую тень!

Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают на жалких лоскутьях
Поцелуи холодной зари.

Над простором плету, неподвижен,
Из колючей крапивы венок.
От далеких поникнувших хижин
Подымается тусклый дымок.

Ветер, плачущий брат мой, — здесь тихо.
Ты пролей на меня свою сонь.
Исступленно сухая гречиха
Мечет под ноги яркий огонь.

1907
Париж

182. МАТЕРИ

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал —
Никто: только кустик хилый
Облетевшей веткой кивал.

Я сел на могильный камень...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень —
Потухший пламень... — нести.

Собрала их ко мне — могила.
Забыли всё с того дня.
И та, что — быть может — любила,
Не узнает теперь меня.

Испугаю их темью впадин;
Постучусь — они дверь замкнут.
А здесь — от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.

Нет. — Спрячусь под душные плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна венком разбитым
Не устанешь над сыном вздыхать.

1907
Париж

183. ПОЛЕВОЙ ПРОРОК

В. В. Владимирову

Средь каменьев меня затерзали:
Затерзали пророка полей.
Я на кость — полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.

Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,
Ликованьем окрестность встревожу, —
Как прошло: всё прошло — отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.

Поле — дом мой. Песок — мое ложе.
Полог — дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —
Я — просторов рыдающий сторож,
Исходивший великую Русь.

1907
Париж

184. НА БУГРАХ

Песчаные, песчаные бугры, —
Багряные от пиршества заката.
Пространств моих восторги и пиры
В закатное одеты злато.

Вовек в степи пребуду я — аминь!
Мои с зарей — с зарею поцелуи!
Вовек туда — в темнеющую синь
Пространств взлетают аллилуйи.

Косматый бог, подобием куста
Ко мне клонясь, струит росу листвою
В мои, как маки, яркие уста, —
Да прорастут они травою.

Твой ныне страж, убогих этих мест
Я, старый бог, степной завет исполню:
Врагов твоих испепелю окрест,
Прияв трезубец жарких молний.

Пред ним простерт, взываю: «Отче наш».
Бурмидским жемчугом взлетело утро.
Косматый бог лиет лазурь из чаш
И водопад из перламутра.

Заря горит: ручьи моих псалмов
Сластят уста молитвою нехитрой.
На голове сафиром васильков
Вся прозябающая митра.

1908
Серебряный Колодезь

185. ПОЛЕВОЕ СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЕ

Н. Н. Русову

Я помню день: враги с окрестных сел
Восстали на меня — и вот: погибли,
Когда на них молитвенно пошел,
Закляв словами травных библий.

Когда, как месть, волшебств туманный ток,
Дымящийся росою и ветрами,
Подъяв, заклятьем пролил на восток
Над охладненными лугами.

Ей, ты! Падешь, коль вновь возмнишь восстать
На божество, как пал в веках твой прадед, —
И мой репейник бешеный, как тать,
Иглою шип под сердцем всадит.

Я вольный поп: и ныне, как и встарь,
Сюда кустом на брань рукоположен.
И вещий — сам. И вещий мой алтарь
Из крепких, красных камней сложен.

Колючий клир (ревнивое репье) —
Мои прозябшие цветами прихожане —
Вознес над вами, скрыв лицо мое,
Благословляющие длани.

Вот соберу с болот зеленый хвощ,
От ульев — мед, от нивы — колос хлебный!
Текут века... Я утро, день и нощь
Служу целебные молебны.

Цветись, цветок, — и в ветер венчик кинь!
Взлетайте выше, ладанные струи!
Вовек туда, в темнеющую синь
Пространств восходят аллилуйи.

Медовый ветр струит густой елей,
Сластит уста и льется быстротечно.
Стоят холмы, подъяв престол полей
Тысячелетия, извечно.

И космами над синею водой
Вдали поник в бунтующей порфире
Сердитый бог с зеленой бородой —
Последний бог в пустынном мире.

Твой вопль глухой гудит, летит, твердит,—
Твердит в поля, лиет елей и стынет;
Зеленой хлябью вновь — и вновь — вскипит,
Лиственной купой хладно хлынет.

Из уст твоих — златые словеса!
Из уст дуплистых, сластно в высь кидаясь,
Они туда — в немые небеса —
Текут, потоком изливаясь.

Как возвещу в простор окрестных сел
Сладчайших уст, о куст порфирородный,—
Как возвещу бунтующий глагол,
Неизреченный и свободный.

Из вековой, из царственной глуши
Ты — сук сухой наставя, как трезубец, —
Туда — во мрак трухлявой их души
Грозишь, косматый душегубец.

1908
Серебряный Колодезь

186. ПОСЛЕДНИЙ ЯЗЫЧНИК

Б. К. Зайцеву

Века текут... И хрипло рухнул в лог
Старинный куст, изъеденный судьбою.
А я в слезах простерт у мшистых ног,
Как дым кадильный пред тобою.

В последний раз дупло — твое дупло —
Лобзаю я, наполненное гнилью.
Века текут: что было, то прошло.
Ты прорастешь седою былью.

Медвяных трав касается мой лоб.
Испив елей, и нынче, как намедни,
В последний раз — твой верный, старый поп —
Я здесь служу свои обедни.

Над золотой, вечернею рекой
Свивают кольца облачные змии.
Скорей, скорей, — о поле, упокой
В твоей бездомной киновии.

Меня прими, — в простор простертый гроб!
Рассейтесь вы, как дым, седые бредни!
В последний раз — твой верный старый поп —
Я здесь служу свои обедни.

1908
Серебряный Колодезь

187. УСПОКОЕНИЕ

Ушел я раннею весной.
В руках протрепетали свечи.
Покров линючей пеленой
Обвил мне сгорбленные плечи,

И стан — оборванный платок.
В надорванной груди — ни вздоха.
Вот приложил к челу пучок
Колючего чертополоха;

На леденистое стекло
Ногою наступил и замер...
Там — время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.

Сложивши руки, без борьбы,
Судьбы я ожидал развязки.
Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски:

В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в желтый прах,
Они рыдали на закатах.

Там вечером, — и нем, и строг —
Вставал над крышами пустыми
Коралловый, кровавый рог
В лазуревом, но душном дыме.

И как повеяло весной,
Я убежал из душных камер;
Упился юною луной;
И средь полей блаженно замер;

Мне проблистала бледность дня;
Пушистой вербой кто-то двигал;

Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей льдяных игол.

Мне крова душного не жаль.
Не укрываю головы я.
Смеюсь — засматриваюсь вдаль:
Затеплил свечи восковые,

Склоняясь в отсыревший мох;
Кидается на грудь, на плечи —
Чертополох, чертополох:
Кусается, — и гасит свечи.

И вот свеча моя, свеча,
Упала — в слякоти дымится;
С чела, с кровавого плеча
Кровавая струя струится.

Лежу... Засыпан в забытье
И тающим, и нежным снегом,
Слетающим — на грудь ко мне,
К чуть прозябающим побегам.

1904—1906
Москва

188. УГРОЗА

В тот час, когда над головой
Твой враг прострет покров гробницы, —
На туче вспыхнет снеговой
Грозящий перст моей десницы.

Над темной кущей
Я наплываю облаком, встающим
в зное.

Мой глас звучит,
Колебля рожь.

Мой нож
Блестит
Во имя Бога —

— Обломок месячного рога
Сквозь облако немое.

Всхожу дозором
По утрам

Окинуть взором
Вражий стан;
И там —

На беднооблачной гряде
Стою с блеснувшим копием,
Подобным утренней звезде

Своим алмазным острием,
Пронзившим веющий туман.

1905
Дедово

189. В ТЕМНИЦЕ

Пришли и видят — я брожу
Средь иглистых чертополохов.
И вот опять в стенах сижу.
В очах — нет слез, в груди — нет вздохов.

Мне жить в застенке суждено.
О, да — застенок мой прекрасен.
Я понял всё. Мне всё равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

Да, — я проклятие изрек
Безумству в высь взлетевших зданий.
Вам не лишить меня вовек
Зари текучих лобызаний.

Моей мольбой, моим псалмом
Встречаю облак семиглавый,
Да оборвет взрыдавший гром
Дух празднословия лукавый.

Мне говорят, что я — умру,
Что худ я и смертельно болен,
Но я внимаю серебру
Заклокотавших колоколен.

Уйду я раннею весной
В линючей, в пламенной порфире
Воздвигнуть в дали ледяной
Двузвездный, блещущий дикирий.

1904
Москва

190. УТРО

Рой отблесков. Утро. Опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен. Я болен? О, нет — я не болен.
Воздетые руки горé на одре — в серебре.

Там в пурпуре зори, там бури — и в пурпуре бури.
Внемлите, ловите: воскрес я — глядите: воскрес.
Мой гроб уплывет — золотой в золотые лазури.

Поймали, свалили; на лоб положили компресс.

1907
Москва

191. ОТПЕВАНИЕ

Лежу в цветах онемелых,
Пунцовых, —
В гиацинтах розовых и лиловых,
И белых.

Без слов
Вознес мой друг —

Меж искристых блесток
Парчи —

Малиновый пук
Цветов —

В жестокий блеск
Свечи.

Приходите, гостьи и гости, —
Прошепчите «О Боже»,
Оставляя в прихожей

Зонты и трости:

Вот — мои кости...

Чтоб услышать мне смех истерический, —
Возложите венок металлический!

Отпевание, рыдания
В сквозных, в янтарных лучах:

До свидания —
В местах,
Где нет ни болезни, ни воздыхания!

Дьякон крякнул,
Кадилом звякнул:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего»...

Вокруг —
Невеста, любовница, друг
И цветов малиновый пук,

А со мной — никого,
Ничего.

Сквозь горсти цветов онемелых,
Пунцовых —
Савана лопасти —
Из гиацинтов лиловых
И белых —
Плещут в загробные пропасти.

1906
Серебряный Колодезь

192. У ГРОБА

Со мной она —
Она одна.

В окнах весна.
Свод неба синь.
Облака летят.

А в церквах звонят:
«Дилинь динь-динь»...

В черном лежу сюртуке,
С желтым —
С желтым
Лицом;
Образок в костяной руке.

Дилинь бим-бом!

Нашел в гробу
Свою судьбу.

Сверкнула лампадка.
Тонуть в неземных
Далях —
Мне сладко.

Невеста моя зарыдала,
Крестя мне бледный лоб.
В креповых, сквозных
Вуалях
Головка ее упала —

В гроб...

Ко мне прильнула:
Я обжег ее льдом.
Кольцо блеснуло
На пальце моем.

Дилинь бимбом!

1906
Серебряный Колодезь

193. ВЫНОС

Венки снимут. —
Гроб поднимут —

Знаю,
Не спросят.

Над головами
Проплываю
За венками —

Выносят —

В дымных столбах,
В желтых свечах,
В красных цветах —

Ах!...

Там колкой
Елкой, —
Там можжевельником
Бросят
На радость прохожим бездельникам —

Из дому
Выносят.

Прижался
Ко лбу костяному
Венчик.

Его испугался
Прохожий младенчик.

Плыву мимо толп,
Мимо дворни
Лицом —
В телеграфный столб,
В холод горний.

Толпа отступает.
Служитель бюро
Там с иконой шагает,

И плывет серебро
Катафалка.

Поют,
Но не внемлю.

И жалко,

И жалко,
И жалко
Мне землю.

Поют, поют:
В последний
Приют
Снесут
С обедни —

Меня несут
На страшный суд.

Кто-то там шепчет невнятно:
«Твердь — необъятна».

Прильнула и шепчет невнятно
Мне бледная, бледная смерть.

Мне приятно.

На желтом лице моем выпали
Пятна.

Цветами —
Засыпали.
Устами —
Прославили.
Свечами —
Уставили.

1906
Серебряный Колодезь

194. ДРУЗЬЯМ

Н. И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может, проснусь —

Вернусь!

1907
Париж

195. ТУДА

К небу из душных гробов
Головы выше закинем:
Видишь — седых облачков
Бледные пятна на синем.

Ринемся к ним
Сквозь это марево пыли.
Плавно взлетим
Взмахом серебряных крылий.

Память о прошлом уснет.
Робко на облако встанем.
В синий пролет
Робко заглянем.

В страхе замрем
Грустны и немы.
И не поймем,
Где мы.

Белый атлас,
Свод полнозвездный...
Приняли нас
Вечные бездны.

1904
Серебряный Колодезь

196

Я в струе воздушного тока,
Восстану на мертвом одре.
Закачается красное око
На упавшем железном кресте.

Мне подножие — мраморный камень,
Но я встану, омыт бирюзой.
На ланитах заискрится пламень
Самоцветной, как день, слезой.

Скоро, скоро — сквозным я духом
Неотвратно приду за ней,
Облеченный бледным воздухом,
Как вуалью всё тех же дней.

И к ней — воздушный скиталец —
Прижму снеговое лицо.
Наденет она на палец
Золотое мое кольцо.

Знаю всё: в сквозные вуали
И в закатный красный янтарь,
И в туманы, и в синие дали
Облечемся, — царица, царь.

Был окован могилой сырою,
Надо мною качался крест.
А теперь от людей укрою
Ее колыбелью звезд.

1907
Москва

ПРОСВЕТЫ

197. ПОПОВНА

З. Н. Гиппиус

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом поповна
Идет на огород.

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска —
Букетиками роз.

Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет. Над ней порхает
Капустный мотылек.

Над пыльною листвою,
Наряден, вымыт, чист, —
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Лукаво и жестоко
Блестят в лучах зари —
Его младое око
И красные угри.

Прекрасная поповна, —
Прекрасная, как сон,
Молчит, — зарделась, словно
Весенний цвет пион.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Кругом моркови, репы.
Выходят на лужок.
Танцуют курослепы.
Играет ветерок.

Вдали над косарями
Огни зари горят.
А косы лезвиями —
Горят, поют, свистят.

Там ряд избенок вьется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Там длинный журавель[1].

И там, где крест железный, —
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазуревые мчат.

Не терпится кокетке
(Семь бед — один ответ).
Пришпилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.

А он: «Домой бы, Маша,
Чтоб не хватились нас
Папаша и мамаша.
Домой бы: поздний час».

Но розовые юбки
Расправила. В ответ
Он ей целует губки,
Сжимает ей корсет.

Предавшись сладким мукам
Прохладным вечерком,
В лицо ей дышит луком
И крепким табаком.

На баске безотчетно
Раскалывает брошь
Своей рукою потной, —
Влечет в густую рожь.

---

[1] Колодезь.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подряснике холщовом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену.

«Опять ушла от дела
Гулять родная дочь.
Опять не доглядела!»
И смотрит — смотрит в ночь.

И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо, да скворечник
На согнутом шесте.

С дебелой попадьею
Всю ночь бранится он,
Летучею струею
Зарницы осветлен.

Всю ночь кладет поклоны
Седая попадья,
И темные иконы
Златит уже заря.

А там в игре любовной,
Клоня косматый лист,
Над бледною поповной
Склонен семинарист.

Колышется над ними
Крапива да лопух.
Кричит в рассветном дыме
Докучливый петух.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах

Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

1906
Москва

198. ГОРОД

Клонится колос родимый.
Боже, — внемли и подъемли
С пажитей, с пашни
Клубы воздушного дыма, —
Дымные золота земли!

Дома покой опостылел.
Дом покидаю я отчий...
Облаков башни
В выси высокие вылил, —
Вылил из золота Зодчий.

Юность моя золотая,
Годы, разбитые втуне!..
К ниве озимой
Ласково льнут, пролетая,
Легкие, легкие луни.

Лик мой, что в высь опрокинул,
Светочем, Боже, исполни!
Светоч родимый —
В просветы светлые хлынул
Хладными хлябями молний.

Буду я градом исколот.
Вихрь меня пылью замылит
В неба лазурного холод —
Город из золота вылит.

1907

199. ТРОЙКА

Ей, помчались! Кони бойко
Бьют копытом в звонкий лед;
Разукрашенная тройка
Закружит и унесет.

Солнце, над равниной кроясь,
Зарумянится слегка.

В крупных искрах блещет пояс
Молодого ямщика.

Будет вечер: опояшет
Небо яркий багрянец.
Захохочет и запляшет
Твой валдайский бубенец.

Ляжет скатерть огневая
На холодные снега.
Загорится расписная
Золотистая дуга.

Кони встанут. Ветер стихнет.
Кто там встретит на крыльце?
Чей румянец ярче вспыхнет
На обветренном лице?

Сядет в тройку. Улыбнется.
Скажет: «Здравствуй, молодец»...
И опять в полях зальется
Вольным смехом бубенец.

1904
Серебряный Колодезь

200. СТРАННИКИ

А. С. Петровскому

Как дитя, мы свободу лелеяли,
Проживая средь душной неволи.
Срок прошел. Мы былое развеяли.
Убежали в пустынное поле.

Там, как в тюрьмах, росло наше детище;
Здесь приветствовал стебель нас ломкий.
Ветерок нежно рвал наше вретище.
Мы взвалили на плечи котомки, —

И пошли. Силой крестного знаменья
Ты бодрил меня, бледный товарищ.
Над простором приветствовал пламень я
Догоравших, вечерних пожарищ.

Ветерки прошумели побегами.
Мы, вздохнув, о страданье забыли.

День погас. На дороге телегами
Поднимали столбы серой пыли.

Встало облако сизыми башнями.
С голубых, бледнотающих вышек
Над далекими хлебными пашнями
Брызнул свет златоогненных вспышек.

Зорька таяла пологом розовым.
Где-то каркал охрипший галчонок.
Ты смотрел, как над лесом березовым
Серп луны был и снежен, и тонок.

1904
Москва

201. В ЛОДКЕ

Лишь прохладой дохнул водяною,
Порастаяли черные мысли.
И цветов росяных надо мною
Белоснежные кисти повисли.

Затомлен поцелуем воздушным.
И поклоны зеленого стебля
Я веслом отклоняю послушным,
Легкоструйные ткани колебля.

Что со мною? Восторг ли, испуг ли
В пенном кружеве струйном уносит?
Золотые, закатные угли
Уходящее солнце разбросит.

Прокипев, хрустали золотые
Разбежались от пляшущих весел.
И смеясь, росяные цветы я
В бирюзовое зеркало бросил.

День сгорел — отошел: он не нужен...
И забила по ясности зыбкой
Пузырьками воздушных жемчужин
Легкоплавная, юркая рыбка.

1907
Париж

Борис Бугаев. 1890

Москва, Арбат. Дом на углу Денежного переулка, в котором родился и провел детские и юношеские годы Андрей Белый

Андрей Белый в родительской квартире на Арбате

Сергей Соловьев. Около 1900 г.

Шуточная визитная карточка Андрея Белого

Эллис (Л. Л. Кобылинский). Фотография из студенческого дела

А. П. Печковский, участник кружка «аргонавтов».
Фотография из студенческого дела

М. И. Сизов. Фотография из студенческого дела

Б. А. Фохт. Фотография из студенческого дела

Дача Бергера (близ станции Суйда), где Андрей Белый гостил у Мережковских в августе 1908 г. Фотоснимок 2001 г.

Андрей Белый. Портрет работы А. А. Тургеневой

А. С. Петровский

Э. К. Метнер. Около 1912 г.

Андрей Белый и А. А. Тургенева. Брюссель, 1912

202. ЖИЗНЬ

В. И. Иванову

Всю-то жизнь вперед иду покорно я.
Обернуться, вспять идти — нельзя.
Вот она — протоптанная, торная,
Жаром пропыленная стезя!

Кто зовет благоуханной клятвою,
Вздохом сладко вдаль зовет идти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти?

Лучевые копья, предзакатные,
Изорвали грудь своим огнем.
Напоили волны перекатные
Ароматно веющим вином.

Как зарей вечернею, зеленою, —
Как поет восторг, поет в груди!
Оборвутся полосой студеною
Надо мной хрустальные дожди.

Всё поля — кругом поля горбатые,
В них найду покой себе — найду:
На сухие стебли, узловатые,
Как на копья острые, паду.

1906
Серебряный Колодезь

203. ВЕЧЕР

Вечер. Коса золотистая,
Видишь, — в лесу замелькала осиновом.

Ветка далекая,
Росистая,
Наклоняется
В небе малиновом.

И сорока качается
На ней белобокая.

Слежу за малюткою:
С видом рассеянным
То постоит

Над незабудкою,
То побежит
За одуванчика пухом развеянным.

Милая, ясная,
Синеокая, —
Засмотрелась, как белочка красная
Проскакала по веточке, цокая.

Ласковый, розовоматовый
Вечер.
В небо вознесся агатовый
Блещущий глетчер.

1906
Дедово

204. ТЕНЬ

Откос под ногами песчаный, отлогий.
Просторы седые открылись с откоса.
И спелою кистью усталые ноги
Целует и гладит мне спелое просо.

Но облак, порфирой своей переметной
Лизнувший по морю колосьев кипящих,
Поплыл, отеняя в душе беззаботной
Немые пространства восторгов томящих.

Я плакал: но ветром порфира воздушно,
Как бархатом черным, — она продышала;
И бархатом черным безвластно, послушно
Пред солнцем, под солнцем она облетала.

Я в солнце смеялся, но было мне больно.
На пыльной дороге гремели колеса.
Так ясен был день, но тревогой невольной
Вскипело у ног меднोржавое просо.

1906
Серебряный Колодезь

205. РАБОТА

П. И. Астрову

На дворе с недавних пор
В услуженье ты у прачки.

День-деньской свожу на двор
Кирпичи для стройки в тачке.

День-деньской колю дрова,
Отогнав тревогу.
Все мудреные слова
Позабыл, ей Богу!

От зари до поздних рос
Труд мой легок и налажен.
Вот согнулся я, и тес
Под рубанком срезан, сглажен.

Вдоль бревна скользит рубанок,
Завивая стружки.
Там в окне я из-за банок
Вижу взгляд подружки.

Там глядишь ты из угла
На зеленые березки...
С легким присвистом пила,
Накалясь, вопьется в доски.

Растяжелым утюгом
Обжигаешься и гладишь.
Жарким, летним вечерком
Песенку наладишь: —

Подхвачу... Так четко бьет
Молоток мой по стамеске.
То взлетит, то упадет,
Проблистав в вечернем блеске.

1904
Ефремов

206. ВСЁ ЗАБЫЛ

Г. Гюнтеру

Я без слов: я не могу.
Слов не надо мне.

На пустынном берегу
Я почил во сне.

Не словам, — молчанью, брат,
О, внемли, внемли.

Мы — сияющий закат,
Взвеянный с земли.

Легких воздухов крутят
Легкие моря.

Днем и сумраком объят, —
Я, как ты, — заря.

Это я плесну волной
Ветра в голубом.

Говорю тебе одно,
Но смеюсь — в другом.

Пью закатную печаль —
Красное вино.

Знал: забыл — забыть не жаль —
Всё забыл давно.

1906
Москва

207. КРОТКИЙ ОТДЫХ

Я изранен в неравном бою.
День мой труден и горек.
День пройдет: я тебя узнаю
В ласке тающих зорек.

От докучных вопросов толпы
Я в поля ухожу без ответа:
А в полях — золотые снопы
Беззакатного света.

Дробный дождик в лазурь
Нежным золотом сеет над нами:
Бирюзовые взоры не хмурь —
Процелуй, зацелуй ветерками.

И опять никого. Я склонен, —
Я молюсь пролетающим часом.
Только лен
Провевает атласом.

Только луг
Чуть сверкает в сырой паутине,

Только бледно сияющий круг
В безответности синей.

1905
Москва

208. ПРОГУЛКА

Не струя золотого вина
В отлетающем вечере алом:
Расплескалась колосьев волна,
Вдоль межи пролетевшая шквалом.

Чуть кивали во ржи васильков
Голубые, как небо, коронки,
Слыша зов,
Серебристый, и чистый, и звонкий.

Колосистый поток
Закипал золотым водометом:
Завернулась в платок, —
Любовалась пролетом.

На струистой, кипящей волне
Наши легкие, темные тени —
Распростерты в вечернем огне
Без движений.

Я сказал: «Не забудь»,
Подавая лазурный букетик.
Ты — головку склонивши на грудь,
Целовала за цветиком цветик.

1904
Серебряный Колодезь

209. ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Солнца эфирная кровь,
Росный, серебряный слиток,
Нежность, восторг и любовь:
Вот он — пьянящий напиток.

Знай: это — я, это — я,
Это — мои поцелуи.
Я зачарую тебя.
Струи, жемчужные струи!

Если с улыбкой пройдешь
Лугом, межой, перелеском,
Я — в закипевшую рожь
Брызну рассыпчатым блеском.

Если ты пьешь, чуть дыша,
Венчиком розовых губок, —
Знай: молодая душа —
Неба взметенного кубок.

Кубок лазурный испей:
Слаще, звончей и чудесней
Там — меж струистых зыбей —
Райские, райские песни...

Сердишься, прячешь кольцо, —
Душу грозою наполню,
Ярые тучи в лицо
Мечут янтарную молнью.

1907
Петровское

210. ПАМЯТЬ

Листочком
Всхлипнет ветка осиновая.

Глазочком
Поморгает лампадка малиновая.

Милые
Приходят ко мне с веночком, —
С цветами —
Белыми, сладостными
Цветами.

Из могилы я
Орошаю радостными
Моими слезами
Цветы.

Кругом —

Кресты
Каменные.

Кругом —

Цветы
Да фонарики пламенные.

1907

211. ТЫ

Меж сиреней, меж решеток
Бронзовых притих.
Не сжимают черных четок
Пальцы рук твоих.

Блещут темные одежды.
Плещет темный плат.
Сквозь опущенные вежды
Искрится закат.

У могил, дрожа, из келий
Зажигать огни
Ты пройдешь — пройдешь сквозь ели:
Прошумят они.

На меня усталым ликом
Глянешь, промолчишь.
Золотое небо криком
Остро взрежет стриж.

И, нарвав сирени сладкой,
Вновь уйдешь ты прочь.
Над пунцовою лампадкой
Поднимаюсь в ночь.

Саван крест росою кропит,
Щелкнет черный дрозд,
Да сырой туман затопит
На заре погост.

1906
Дедово

212. ПРИХОДИ

Издалека
Прошушукаю милой
Легким лепетом,

Руки складывая
На груди:
«Приходи»!

Над могилой
Трепетом
Колыхается красное око.

Из сирени
В тени
Падаю,
Руки складывая
На груди.

К милой
Лепетом
Прилечу издалека.

Над могилой
Трепетом
Колыхается страстное око.

1907

213. СВИДАНИЕ

Тужила о милом.

Левкою
Весною
Носила к могилам.

Над вечным покоем
Стояла
С левкоем.

Упала
Она на граниты.

Бериллы, и жемчуг,
И слезы
Зажгли ей ланиты.

И душные розы,
И душные розы —

Пурпурные —

Могилы
Вонею кропили.

Вставали,
Бродили, —

Она
И с ней милый.

Они проходили
В эфиры лазурные.

1906
Серебряный Колодезь

214. ОБЕТ

Ты шепчешь вновь: «Зачем, зачем он
Тревожит память мертвых дней?»
В порфире легкой, легкий демон,
Я набегаю из теней.

Ты видишь — мантия ночная
Пространством ниспадает с плеч.
Рука моя, рука сквозная,
Приподняла кометный меч.

Тебе срываю месяц — чашу,
Холодный блеск устами пей...
Уносимся в обитель нашу
Эфиром плещущих степей.

Не укрывай смущенных взоров.
Смотри — необозримый мир.
Дожди летящих метеоров,
Перерезающих эфир,

Протянут огневые струны
На лире, брошенной в миры.
Коснись ее рукою юной:
И звезды от твоей игры —

Рассыплются дождем симфоний
В пространствах горестных, земных:
Там вспыхнет луч на небосклоне
От тел, летящих в ночь, сквозных.

1907
Москва

ГОРЕМЫКИ

215. ИЗГНАННИК

М. И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном.
В меня бросали вы каменьями.
Вы в исступленьи скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых, хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам —
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сединами.

Меня коснись ты, цветик нежный.
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальною.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

1904
Москва

216. БЕГСТВО

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вон мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.

А ветер обшарит кустарник.
Просвистнет вдогонку за мной.
Колючий, колючий татарник
Протреплет рукой ледяной,

Тоскливо провьется по полю;
Так сиверко в уши поет.
И сердце прославит неволю
Пространств и холодных высот.

Я помню: поймали, прогнали —
Вдоль улиц прогнали на суд.
Босые мальчишки кричали:
«Ведут — арестанта ведут».

Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат.
Качались блиставшие сабли
Угрюмо молчавших солдат;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.

Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.

В тюрьму засадили. Я днями
Лежал и глядел в потолок...
Темнеет. Засыпан огнями
За мной вдалеке городок.

Ночь кинулась птицею черной
На отсветы зорь золотых.
Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых.

Я тенью ночной завернулся.
На землю сырую пал ниц.

Безжизненно в небо уткнулся
Церковный, серебряный шпиц.

И ветел старинные палки;
И галки, — вот там, и вот здесь;
Подгорные, длинные балки[1]:
Пустынная, торная весь.

Сердитая черная туча.
Тревожная мысль о былом.
Камней придорожная куча,
Покрытая белым крестом:

С цигаркой в зубах среди колец
Табачных в просторе равнин,
Над нею склонил богомолец
Клоки поседевших седин.

Россия, увидишь и любишь
Твой злой полевой небосклон.
«Зачем ты, безумная, губишь» —
Гармоники жалобный стон;

Как смотрится в душу сурово
Мне снова багровая даль!
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя ль?

Но слышу, бездомный скиталец,
Погони далекую рысь,
Как в далях шлагбаум свой палец
Приподнял в холодную высь.

1906
Малевка

217. В ПОЛЯХ

В далях селенье
Стеклами блещет надгорное.

Рад заведенье
Бросить свое полотерное.

Жизнь свою муча,
Годы плясал над паркетами.

---

[1] Овраги.

Дымная туча
Вспыхнула душными светами.

Воля ты, воля:
Жизнь подневольная минула.

Мельница с поля
Руки безумные вскинула.

В ветре над логом
Дикие руки кувыркает.

В логе пологом
Лошадь испуганно фыркает.

Нивой он, нивой
Тянется в дальнюю сторону.

Свищет лениво
Старому черному ворону.

1906
Москва

218. ХУЛИГАНСКАЯ ПЕСЕНКА

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.

Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.

Костью крепок, сердцем прост —
Обходили мы погост.

Поминал со смехом он
День веселых похорон: —

Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп:

Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.

«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.

Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

1906
Серебряный Колодезь

219. ПУТЬ

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.
По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.

Звонит колоколец невнятно.
Я болен — я нищ — я ослаб.
Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж копен озимого хлеба
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус, —
И дале — и дале — и дале —
Вдоль пыльной дороги влекусь.

1906
Дедово

220. ВСПОМНИ!

Вспомни: ароматным летом
В сад ко мне, любя,
Шла: восток ковровым светом
Одевал тебя.

Шла стыдливо, — вся в лазурных
В полевых цветах —
В дымовых, едва пурпурных,
В летних облачках.

Вспомни: нежный твой любовник,
У ограды ждал.
Легкий розовый шиповник
В косы заплетал.

Вспомни ласковые встречи —
Вспомни: видит Бог, —
Эти губы, эти плечи
Поцелуем жег.

Страсти пыл неутоленной —
Нет, я не предам!..
Вон ромашки пропыленной —
Там — и там: и там —

При дороге ветром взмыло
Мертвые цветы.
Ты не любишь: ты забыла —
Всё забыла ты.

1906
Мюнхен

221. ПОБЕГ

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели — глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студеной шумят.

Что уставилась в дальнюю просинь
Ты лицом, побелевшим, как снег.
Я спою про холодную осень, —
Про отважный спою я побег.

Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: «Держи их, держи!»
Как спугнули голодную галку,
Пробегая вдоль дальней межи —

Вдоль пустынных, заброшенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.
Но, сестра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.

Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.

Дай мне бледную, мертвую руку —
Помертвевшую руку свою:

Мы опять убежим; и заплещут
Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листы.

Я бегу... А ты?

1906
Москва

222. ОСЕНЬ

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь — нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906
Мюнхен

223. ВРЕМЯ

1

Куда ни глянет
Ребенок в детстве,
Кивая, встанет
Прообраз бедствий.

А кто-то, древний,
Полночью душной
Окрест в деревни
Зарницы точит —

Струей воздушной
В окно бормочет:

«В моем далеком
Краю истают
Годины.

Кипя, слетают
Потоком
Мои седины:

Несут, бросают
Туда:
Слетают
Года —

Туда, в стремнины»...

Слетают весны.
Слетают зимы.
Вскипают сосны.

Ты кто, родимый?

— «Я — время...»

2

Много ему, родненькому, лет:
Волосы седые, как у тучек.

Здравствуй, дед!
— Здравствуй, внучек!

— Хочешь, дам тебе цветок:
Заплету лазуревый венок.

Аукается да смеется,
Да за внучком, шамкая, плетется.

Он ли утречком румяным — нам клюкою не грозит?
Он ли ноченькою темной под окошком не стучит?

Хата его кривенькая с краю:
Прохожу — боюсь: чего — не знаю.

3

Как токи бури,
Летят годины.

Подкосит ноги
Старик и сбросит
В овраг глубокий, —
Не спросит.
Власы в лазури —
Как туч седины.

Не серп двурогий —
Коса взлетела
И косит.

Уносит зимы.
Уносит весны.
Уносит лето.

С косой воздетой
Укрылся в дымы:
Летит, покрытый
Туманным мохом.

Коси, коси ты, —
Коси ты,
Старик родимый!

Паду со вздохом
Под куст ракиты.

4

Пусть жизни бремя
(Как тьмой объяты)
Нам путь означит,

А Время,
Старик косматый,
Над нами плачет.

Несутся весны.
Несутся зимы.

Коси, коси ты,—
Коси ты,
Старик родимый!

Москва

224. УСПОКОЕНИЕ

Л. Л. Кобылинскому

1

Вижу скорбные дали зимы.
Ветер кружева вьюги плетет.

За решеткой тюрьмы
Вихрей бешеный лёт.

Жизнь распыляется сном —
День за днем.

Мучают тени меня
В безднах и ночи, и дня.

Плачу: мне жалко
Былого.

Времени прялка
Вить
Не устанет нить
Веретена рокового.

Здесь ты терзайся, юдольное племя:
В окнах тюрьмы —
Саван зимы.

Время,
Белые кони несут;
Грива метельная в окна холодные просится;

Скок бесконечных минут
В темные бездны уносится.

Здесь воздеваю бессонные очи, —
Очи,
Полные слез и огня.

Рушусь извечно в провалы я ночи
Здесь с догорающим отсветом дня.

В окнах тюрьмы —
Скорбные дали, —
Вуали
Зимы.

2

Ночь уходит. Луч денницы
Гасит иглы звезд.

Теневой с зарей ложится
Мне на грудь оконный крест.

Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:

Улыбаюсь я, распятый —
Тьмой распятый в блеске дня.

Простираю из могилы
Руки кроткие горé,

Чтоб мой лик нездешней силой
Жег и жег, и жег в заре,

Чтоб извечно в мире сиром,
Вечным мертвецом,

Повисал над вами с миром
Мертвенным челом —

На руках своих пронзенных,
В бледном блеске звезд...

Вот на плитах осветленных
Теневой истаял крест: —

Гуще тени. Ярче звуки.
И потоки тьмы.

Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

3

Плачу. Мне жалко
Света дневного.

Времени прялка
Вновь начинает вить
Нить
Веретена рокового.

Время белые кони несут:
В окна грива метельная просится;

Скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.

Воздеваю бессонные очи —
Очи,
Полные слез и огня,
Я в провалы зияющей ночи,
В вечереющих отсветах дня.

1905
Москва

УРНА

Посвящаю эту книгу
Валерию Брюсову

Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней...

Баратынский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Озаглавливая свою первую книгу стихов «*Золото в лазури*», я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом несовершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие. *Лазурь* — символ высоких просвящений; *золотой треугольник* — атрибут Хирама, строителя Соломонова храма. Что такое лазурь и что такое золото? На это ответят розенкрейцеры. Мир, до срока постигнутый в золоте и лазури, бросает в пропасть того, кто его так постигает, минуя оккультный путь: мир сгорает, рассыпаясь Пеплом; вместе с ним сгорает и постигающий, чтобы восстать из мертвых для деятельного пути.

«*Пепел*» — книга самосожжения и смерти: но сама смерть есть только завеса, закрывающая горизонты дальнего, чтобы найти их в ближнем.

В «*Урне*» я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому «я». Мертвое «я» заключаю в «Урну», и другое, живое «я» пробуждается во мне к истинному. Еще «Золото в лазури» далеко от меня... в будущем. Закатная лазурь запятнана прахом и дымом: и только ночная синева омывает росами прах... К утру, быть может, лазурь очистится...

В «*Урне*» я собрал стихотворения, объединенные общностью настроений; лейт-мотив этой книги — раздумье о бренности человеческого естества с его страстями и порывами, и думаю, что не случайно все стихотворения этого цикла вылились в ямбах, этой наиболее удобной и разнообразной в ритмическом отношении форме.

В отделах «*Зима*» и «*Разуверенья*» изображается разочарование в земных страстях, и душа погружается в холод философических раздумий (ментальный план), но здесь же открывается и демонизм философии, которая, взятая сама по себе, ведет к чистому люцифериансту («Философическая грусть»). В отделах «*Тристии*» и «*Думы*» собирается последний пепел: пепел хотя и возвышенного до символизма разочарования в жизни, но все еще разочарования. Разочарование это свободно от люциферических искусов. Где-то уж брезжит заря примиренности: «*Голос Безмолвия*».

Автор
Москва, 14 января 1909

225—228. В. БРЮСОВУ

1. ПОЭТ

Ты одинок. И правишь бег
Лишь ты один — могуч и молод —
В косматый дым, в атласный снег
Приять вершин священный холод.

В горах натянутый ручей
Своей струею серебристой
Поет — тебе: и ты — ничей —
На нас глядишь из тучи мглистой.

Орел вознесся в звездный день
И там парит, оцепенелый.
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркально-белый.

Закинутый самой судьбой
Над искристым и льдистым пиком,
Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком.

Полудень: стой — не оборвись,
Когда слетит туманов лопасть,
Когда обрывистая высь
Разверзнет под тобою пропасть.

Но в море золотого льда
Падет бесследно солнце злое.
Промчатся быстрые года
И канут в небо голубое.

1904
Москва

2. СОЗИДАТЕЛЬ

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть.

Пляшет черная бородка,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст — багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях — молнийный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, — иглы молний
Возжигаешь в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир...

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир; —

Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —

Мира бренного обманность —
Только мысль о прожитом.

В строфах — рифмы, в рифмах — мысли
Созидают новый свет...

Над душой твоей повисли
Новые миры, поэт.

Всё лишь символ... Кто ты? Где ты?..
Мир — Россия — Петербург —

Солнце — дальние планеты...
Кто ты? Где ты, демиург?..

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух...

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Горд, серьезен, строен, сух.

1904
Москва

3. МАГ

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты — вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.

Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной, —
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной.

Безводны дали. Воздух пылен.
Но в звезд разметанный алмаз
С тобой вперил твой верный филин
Огонь жестоких, желтых глаз.

Ты помнишь: над метою звездной
Из хаоса клонился ты
И над стенающею бездной
Стоял в вуалях темноты.

Читал за жизненным порогом
Ты судьбы мира наизусть...
В изгибе уст безумно строгом
Запечатлелась злая грусть.

Виси, повешенный извечно,
Над темной пляской мировой, —
Одетый в мира хаос млечный,
Как в некий саван гробовой.

Ты шел путем не примиренья —
Люциферическим путем.
Рассейся, бледное виденье,
В круговороте бредовом!

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Теченье быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире — ты, и ты — один,

Всё озаривший, не согретый,
Возникнувший в своем же сне...
Текут года, летят планеты
В твоей несчастной глубине.

1904—1908
Москва

4. ВСТРЕЧА

Туманы, пропасти и гроты...
Как в воздух, поднимаюсь я
В непобедимые высоты,
Что надо мной и вкруг меня.

Как в воздухе, в луче эфирном
Вознесся белоснежный пик,
И от него хрустальным фирном
Слетает голубой ледник...

У ледяного края бездны
Провеял облак ледяной:
Мгла дымная передо мной...
Ударился о жезл железный
Мой посох бедный, костяной:

И кто-то темный из провала
Выходит, пересекши путь,
И острое вонзилось жало
В мою взволнованную грудь...

Раскатам мстительного смеха,
Раскатам бури снеговой

Ответствует громами эхо...
И катится над головой —

Тяжеловесная лавина,
Но громовой, летящий ком
Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

Глухие стоны урагана
Упали в пасти пропастей,
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, лопасти тумана,

Над осветленной крутизной
Истаяв ясными слезами...
И кто же! — брат передо мной
С обезумевшими очами —

Склонился, и железный свой
Он поднял жезл над головой...

Так это — ты?.. Но изумленный,
Безгневный, улыбнулся лик;
И жезл упал окровавленный
На звонкий, голубой ледник.

«Высоких искусов науку
И марева пустынных скал
Мы поняли», — ты мне сказал:
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал...

Пусть шел ты от одной долины,
Я — от другой (мой путь иной): —
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменял свой жезл змеиный.

Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат,
На неба голубые степи; —

И, как безгрешные венцы,
Там ледяных великолепий
Блистают чистые зубцы.

Поэт и брат! В заре порфирной
Теперь идем — скорей, туда —
В зеркальные чертоги льда
Хрустальною дорогой фирна.

1909
Бобровка

ЗИМА

229. ЗИМА

М. А. Волошину

Снега синей, снега туманней;
Вновь освеженней дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлещет хладом вглубь аллей;
Ломает хрупкие подвески
Ледяных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонек;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Сребро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель, —

Пусть грудой золотых каменьев
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блеклой,
Сухой, сухой, сухой мороз, —
Слетит веселый рой на стекла
Алмазных, блещущих стрекоз.

1907
Петровское

230—231. ССОРА

1

Год минул встрече роковой,
Как мы, любовь лелея, млели,
Внимая вьюге снеговой,
Как в рыхлом пепле угли рдели.
    Над углями склонясь, горишь
    Ты жарким, ярким, дымным пылом;
    Ты не глядишь, не говоришь
    В оцепенении унылом.
Взгляни — чуть теплится огонь;
В полях пурга пылит и плачет;
Над крышею пурговый конь,
Железом громыхая, скачет.
    Устами жгла давно ли ты
    До боли мне уста, давно ли,
    Вся опрокинувшись в цветы
    Желтофиолей, роз, магнолий.
И отошла... И смотрит зло
В тенях за пламенной чертою.
Омыто бледное чело
Волной волос, волной златою.
    Померк воздушный цвет ланит.
    Сомкнулись царственные веки.
    И всё твердит, и всё твердит:
    «Прошла любовь», — мне голос некий.
В душе не воскресила ты
Воспоминанья бурь уснувших...

Но ежели забыла ты
Знаменованья дней минувших, —
И ежели тебя со мной
Любовь не связывает боле, —
Уйду, сокрытый мглой ночной,
В ночное, в ледяное поле:
Пусть ризы снежные в ночи
Вскипят, взлетят, как брошусь в ночь я,
И ветра черные мечи
Прохладным свистом взрежут клочья.
Сложу в могиле снеговой
Любви неразделенной муки...
Вскочила ты, над головой
Свои заламывая руки.

1907
Москва

2

Над крышею пурговый конь
Пронесся в ночь... А из камина
Стреляет шелковый огонь
Струею жалящей рубина.
«Очнись: ты спал, и я спала»...
Не верю ей, сомненьем мучим.
Но подошла, но обожгла
Лобзаньем пламенно текучим.
«Люблю, не уходи же — верь!..»
А два крыла в углу тенистом
Из углей красный, ярый зверь
Развеял в свете шелковистом.
А в окна снежная волна
Атласом вьется над деревней:
И гробовая глубина
Навек разъята скорбью древней...
Сорвав дневной покров, она
Бессонницей ночной повисла —
Без слов, без времени, без дна,
Без примиряющего смысла.

1908
Москва

232. Я ЭТО ЗНАЛ

В окне: там дев сквозных пурга,
Серебряных, — их в воздух бросит;

С них отрясает там снега,
О сучья рвет; взовьет и носит.

Взлетят, и дико взвизгнут в ночь,
Заслышав черных коней травлю.
Печальных дум не превозмочь.
Я бурю бешеную славлю.

Когда пойду в ночную ярь,
Чтоб кануть в бархате хрустящем,
Пространство черное, ударь, —
Мне в грудь ударь мечом разящим.

Уснувший дом. И мы вдвоем.
Пришла: «Я клятвы не нарушу!..»
Глаза: но синим, синим льдом
Твои глаза зеркалят душу.

Давно всё знаю наизусть.
Свершайся, роковая сказка!
Безмерная, немая грусть!
Холодная, немая ласка!

Так это ты (ужель, ужель!),
Моя серебряная дева
(Меня лизнувшая метель
В волнах воздушного напева),

Свивая нежное руно,
Смеясь и плача над поэтом, —
Ты просочилась мне в окно
Снеговым, хрупким белоцветом?

Пылит кисей кисейный дым.
Как лилия, рука сквозная...
Укрой меня плащом седым,
Приемли, скатерть ледяная.

Заутра твой уснувший друг
Не тронется зеркальным телом.
Повиснет красный, тусклый круг
На облаке осиротелом.

1908
Москва

233. ВЕСНА

Уж оттепельный меркнет день.
Уж синяя на снеге тень.
Как прежде, у окна вдвоем
Попыхиваем огоньком.
Мгла пепельный свой сеет свет.
Уехала она... Но нет —

Не примиренье, не забвенье
В успокоенье чую я.
Из зеркала, грустя, отображенье —
Из зеркала кивает на меня.
И полосы багровые огня,
И отблески далекие селенья, —
Истома улетающего дня...
Рояль... Ревнивое забвенье.

Я говорю себе:
«Друг, взор полуживой закрой:
Печален кругозор сырой,
Печален снеговой простор,
И снеговой сосновый бор,
И каркающий в небе грач,
И крыши отсыревших дач,
И станционный огонек,
И плачущий вдали рожок»...

1908
Москва

234. ВОСПОМИНАНИЕ

Декабрь... Сугробы на дворе...
Я помню вас и ваши речи;
Я помню в снежном серебре
Стыдливо дрогнувшие плечи.

В марсельских белых кружевах
Вы замечтались у портьеры:
Кругом на низеньких софах
Почтительные кавалеры.

Лакей разносит пряный чай...
Играет кто-то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мне взгляд, исполненный печали,

И мягко вытянулись, — вся
Воображенье, вдохновенье, —
В моих мечтаньях воскреся
Невыразимые томленья;

И чистая меж нами связь
Под звуки гайдновских мелодий
Рождалась... Но ваш муж, косясь,
Свой бакен теребил в проходе...

Один — в потоке снеговом...
Но реет над душою бедной
Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно.

1908
Петербург

235. В ПОЛЕ

Чернеют в далях снеговых
Верхушки многолетних елей
Из клокотаний буревых
Сквозных, взлетающих метелей.

Вздыхающих стенаний глас,
Стенающих рыданий мука:
Как в грозный полуночи час
Припоминается разлука!

Непоправимое мое
Припоминается былое...
Припоминается ее
Лицо холодное и злое.

Пусть вечером теперь она
К морозному окну подходит
И видит: мертвая луна...
И волки, голодая, бродят

В серебряных, сквозных полях;
И синие ложатся тени
В заиндевевших тополях;
И желтые огни селений,

Как очи строгие, глядят,
Как дозирающие очи;

И космы бледные летят
В пространства неоглядной ночи.

И ставни закрывать велит...
Как пробудившаяся совесть,
Ей полуночный ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Прости же, тихий уголок,
Тебя я покидаю ныне...
О, ледени, морозный ток,
В морозом скованной пустыне!..

1907
Париж

236. СОВЕСТЬ

Я шел один своим путем;
В метель застыл я льдяным комом...
И вот в сугробе ледяном
Они нашли меня под домом.

Им отдал всё, что я принес:
Души расколотой сомненья,
Кристаллы дум, алмазы слез,
И жар любви, и песнопенья,

И утро жизненного дня.
Но стал помехой их досугу.
Они так ласково меня
Из дома выгнали на вьюгу.

Непоправимое мое
Воспоминается былое...
Воспоминается ее
Лицо холодное и злое...

Прости же, тихий уголок,
Где жег я дни в бесцельном гимне!
Над полем стелется дымок.
Синеет в далях сумрак зимний.

Мою печаль, и пыл, и бред
Сложу в пути осиротелом:
И одинокий, робкий след,
Прочерченный на снеге белом, —

Метель со смехом распылит.
Пусть так: немóтствует их совесть,
Хоть снежным криком ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Покоя не найдут они:
Пред ними протекут отныне
Мои засыпанные дни
В холодной, в неживой пустыне...

Всё точно плачет и зовет
Слепые души кто-то давний:
И бледной стужей просечет
Окно под пляшущею ставней.

1907
Париж

237. РАЗДУМЬЕ

Пылит и плачется: расплачется пурга.
Заря багровая восходит на снега.

Ты отошла: ни слова я... Но мгла
Легла суровая, свинцовая — легла.

Ни слова я... И снова я один
Бреду, судьба моя, сквозь ряд твоих годин.

Судьба железная задавит дни мои.
Судьба железная: верни ее — верни!

Лихие шепоты во мгле с лихих полей.
Сухие шелесты слетают с тополей.

Ни слова я... Иду в пустые дни.
Мы в дни погребены: мы искони одни.

Мы искони одни: над нами замкнут круг.
Мой одинокий, мой далекий друг, —

Далек, далек и одинок твой путь:
Нам никогда друг друга не вернуть.

1908
Петербург

238. НОЧЬ

Сергею Кречетову

Хотя бы вздох людских речей,
Хотя бы окрик петушиный:
Глухою тяжестью ночей
Раздавлены лежат равнины.

Разъята надо мною пасть
Небытием слепым, безгрёзным.
Она свою немую власть
Низводит в душу током грозным.

Ее пророческое дно
Мой путь созвездьями означит
Сквозь вихрей бледное пятно.
И зверь испуганный проскачет

Щетинистым своим горбом:
И рвется тень между холмами
Пред ним на снеге голубом
Тревожно легкими скачками:

То опрокинется в откос,
То умаляется под елкой.
Заплачет в зимних далях пес,
К саням прижмется, чуя волка.

Как властны суеверный страх,
И ночь, и грустное пространство,
И зычно вставший льдяный прах —
Небес суровое убранство.

1907
Париж

239. СТЕЗЯ

Там ветр дохнет: в полях поет —
Туда зовет.

Там — твердь. Как меч, там твердь — как меч —
Звезда сечет.

Там нет — там ночи нет. Но дня
Там нет. И жаль.

Моя стезя, о, ночь, меня
Ведет туда ль?

Да, верю я: иной стези
(Да, верю я) —

Не встретишь ты: пройди, срази,
Срази меня!

Мне жить? Мне быть? Но быть — зачем?
Рази же смерть, —

В тот час, как серп — медяный шлем —
Разрежет твердь.

1907
Петербург.

240. СМЕРТЬ

Кругом крутые кручи.
Смеется ветром смерть.
Разорванные тучи!
Разорванная твердь!

Лег ризой снег. Зари
Краснеет красный край.
В волнах зари умри!
Умри — гори: сгорай!

Гремя, в скрипящий щебень
Железный жезл впился.
Гряду на острый гребень
Грядущих мигов я.

Броня из крепких льдин.
Их хрупкий, хрупкий хруст.
Гряду, гряду — один.
И крут мой путь, и пуст.

У ног поток мгновений.
Доколь еще — доколь?
Минуют песни, пени,
Восторг, и боль, и боль —

И боль... Но вольно — ах,
Клонюсь над склоном дня.

Клоню свой лик в лучах...
И вот — меня, меня

В край ночи зарубежный,
В разорванную твердь,
Как некий иней снежный,
Сметает смехом смерть.

Ты — вот, ты — юн, ты — молод,
Ты — муж... Тебя уж нет:
Ты — был: и канул в холод,
В немую бездну лет.

Взлетая в сумрак шаткий,
Людская жизнь течет,
Как нежный, снежный, краткий
Сквозной водоворот.

1908
Петербург

241. НОЧЬ

Изгложет, гложет ствол тяжелый ветер
Жадный;
Провьется веяньем, листвой прошелестит:
«Забудь —
Ее забудь!..»

Глуши, глухая ночь! Глотая темень
Хладный,
Безропотная грудь безропотно молчит —
Забудь —
Ее забудь.

О, если б мглистый лес вскипел моей
Печалью!
О, если б мглистый лес вскипел моей
Мольбой, —
Тогда — ...
(Да, знаю я...).

Молчу: немой молчу. Немой стою
Над далью.
Да: я склонюсь, упьюсь тобой, одной
Тобой —
Тогда...
Да, знаю я...

Там — смерть, там — ночь: ты — там, за гранью
Роковою.
Я смерть тобой, я жизнь благословлю
Тобой —
Засни:
Засни и ты...

О, если б —
Мглистый лес вскипел своей
Листвою,
О, если б —

Мглистый лес вскипел своей
Мольбой:

«Засни, —
Засни и ты! —
И ты!..»

Слепи,
Слепая смерть!
Глуши,
Глухая ночь!..

1907
Петербург.

242. КОГДА...

Голос ветра

«Когда сквозных огней
Росы листок зеленый
На мой томящий одр
Нальет и отгорит, —

Когда дневных лучей
Слепящий ток, червленый,
Клоня кленовый лист,
По купам прокипит, —

Когда, багров и чист,
Меня восток приметит,
Когда нальет поток
Своих сквозных огней: —

Твоя душа, твоя,
Мою призывно встретит
(Последних дней моих,
Твоих весенних дней...).

Ну что ж? Тревожишься?
Тревожиться не надо:
Отрада вешняя крутом —
Смотри: зари

Отрада вешняя
Нисходит к нам, отрада.
Теперь склонись, люби,
Лобзай — скажи: «Умри...»

Лобзай меня! Вотще:
И гаснет лик зажженный,
Уже склоненный в сень
Летейской пустоты...

Прости, мой бедный друг!
Прости, мой друг влюбленный!
Тебе я отдал жизнь...
Нет, не любила ты...»

(*Голос ветра замирает*)

Тогда сквозных огней
Поток дневной, червленый,
Клоня кленовый лист,
По купам прокипел —

Вотще! И, как слезой,
Росой листок зеленый
Так скромно их кропил...
И скорбно отгорел.

1907
Петербург

243. САНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС

В. Ф. Ходасевичу

Все мнится, друг —
Ты смертный одр оставишь,
И будем мы
Друг друга лицезреть.
Открыт рояль,
Поет и плачет клавиш;
Ночь возвестила
Колокола медь.

Ночь гасит звезды
Бледной позолотой;
Ночь дышит в зале
Бархатною тьмой.
Ты — вот: сидишь,
Как прежде, за работой;
Вздыхая, шлешь
Из тьмы укор немой,

Немой любви
Невольное признанье!
Зажжем кенкэтов
Бронзовых огни...
Дай радость, дай, —
И тихое лобзанье!
Пойми меня!
О, робость отжени!

Пространств души
Извечных, изначальных,
Немую грусть
Пересечет волна
Напевов томных,
Сладостно печальных...
Тобою вновь
Душа возмущена.

Восторг живой
Приметней в летней ночи.
Восторги страстные
Сулит твой взор,
А радостные,
Сладостные очи
Из мглы слезами,
Перлами горят.

Как в токах ветра,
Хладно закипевших,
Вершинами
Несутся древеса...
Зеленых волн,
Во тьме ночной взлетевших,
Извечный лепет
Емлют небеса.

Войдет сквозняк,
Пугливо в грудь ударит;
Шуршит листом
Рукописаний он;
Рванет чехлы
И комнату обшарит.
Пропышит в окна
Молньей неба склон.

Отходишь ты:
Продышит в окна лепет —
«*Прости*» продышит,
Прошуршит листом...

Рояль открыт: пусть в звуках
Страстный трепет
Проплачет, —
Прорыдает о былом.

Все знаю сам:
Ты вновь меня оставишь,
Как там ударит
Колокола медь...
Рояль открыт.
Поет и плачет клавиш.
Друг друга нам,
Увы, не лицезреть...

Подруга юная, —
Ответь, ответь!
О, где же ты?..

1908
Москва

244. НОЧЬ

Сергею Соловьеву

Как минул вешний пыл, так минул страстный зной.
Вотще покоя ждал: покой еще не найден.
Из дома загремел гульливою волной,
Волной разымчивой летящий к высям Гайден.

Презрительной судьбой обидно уязвлен,
Надменно затаись. На тусклой, никлой, блеклой
Траве гуляет ветр; протяжным вздохом он
Ударит в бедных хат мрачнеющие стекла.

Какая тишина! Как просто всё вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как все, прейдешь и ты, мой друг, мой бедный друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений море?

Пролейся, лейся, дождь! Мятись, суровый бор!
Древес прельстительных прельстительно вздыханье.
И больше говорит и ночи скромный взор,
И ветра дальний глас, и тихое страданье.

1907
Петровское

245. ПРОСТИ

1

Зарю я зрю — тебя...
Прости меня, прости же:
Немею я, к тебе
Не смею подойти...

Горит заря, горит —
И никнет, никнет ниже.
Бьет час: «*Вперед*». Ты — вот:
И нет к тебе пути.

И ночь встает: тенит,
И тенью лижет ближе,
Потоком (током лет)
Замоет свет... Прости!

Замоет током лет
В пути тебя... Прости же —
Прости!

2

Покров: угрюмый кров —
Покров угрюмой нощи —
Потоком томной тьмы
Селенья смыл, замыл...

Уныло ропщет даль,
Как в далях взропщут рощи...
Растаял рдяных зорь,
Растаял, — рдяный пыл.

Но мерно моет мрак, —
Но мерно месяц тощий,
Летя в пустую высь
Венцом воздушных крыл —

Покров, угрюмый кров —
Покров угрюмой нощи —
Замыл.

3

Душа. Метет душа, —
Взметает душный полог,
Воздушный (полог дней
Над тайной тайн дневных):

И мир пустых теней,
Ночей и дней — осколок
Видений, снов, миров
Застывших, ледяных —

Осколок месячный: —
Над сетью серых елок
Летит в провал пространств
Иных, пустых, ночных...

Ночей, душа моя,
Сметай же смертный полог, —
И дней!

4

Угрюмая, она
Сошла в угрюмой нощи:
Она, беспомощно
Склонясь на мшистый пень, —

Внемля волненью волн
(Как ропщут, взропщут рощи), —
В приливе тьмы молчит:
Следит, как меркнет день.

А даль вокруг нее
Таинственней и проще;
А гуще сень древес, —
Таинственная сень...

Одень ее, покров —
Покров угрюмой нощи,—
Одень!

1908
Москва

246. РАЗУВЕРЕНЬЕ

Муни

Как нам уйти от терпких этих болей?
Куда нести покой разуверенья?
Душе еще моей — доколь, доколе
Холодных дум холодные волненья?

Душа горит и плачет невозбранно;
Земля — мертва: пройдут и не ответят.
Но — там, смотри: там, где заря, — туманно.
Там, где заря, — иные земли светят...

Тому не верь, чем яснятся те земли.
Ни щедрости, ни пышной благостыне.
Ты здесь пребудь до века: здесь отныне.
Ты покорись, душа: ты долгий мрак приемли.

Да будет он! И в ночь склонись послушно
У тихого бассейна. Час настанет: —
И водомет своей струей воздушно,
Струей своей, как некий призрак, встанет.

Бесследна жизнь. Несбыточны волненья.
Ты — искони в краю чужом, далеком...
Безвременную боль разуверенья
Безвременье замоет слезным током.

1907
Москва.

247. ВРАГАМ

В души моей простор —
Упал простор земли.
Вас ток моих темнот,
На вас подъят с земли, —
Проколет
Криком...

Тумана вот клоки —
Ползут; клоки тоски
Несут темнот рои.
И даль кулик с реки —
Проколет
Криком.

С равнины ветра звон
В единый сон замыл —
Сгоревших горестей,
Страстей немевших пыл,
Тускневших
Далей...

Любовь в груди свою —
Оледени, студи!

Омойся током туч!
Уйди ты: в ночь гряди —
Сгоревших
Далей!

В сей час ползут на вас
И молньей колют глаз
Громады громные,
И веет ветра сказ
Протяжным
Стоном: —

«Вы — вероломные»...
Подъемля крик вдали,
Темноты томные
Коли, кулик — коли
Протяжным
Стоном!

Темноты томные
Томительно кляня,
Я — мститель — проливал:
Вы слышали ль меня —
Вы,
Вероломные?

1908
Серебряный Колодезь.

248. «ДА НЕ В СУД ИЛИ ВО ОСУЖДЕНИЕ...»

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

Но всходит ветр в воздушной вышине.
Я знаю всё. Я промолчу. Я верю.

Душа: в душе — в душе весной весна...
Весной весна, — и чем весну измерю?

Чем отзовусь, когда придет она?
Я промолчу — не отзовусь... Но верю.

Не оскорбляй моих последних лет.
Прейдя, в веках обиду я измерю.

Я промолчу. Я не скажу — нет, нет.
Суров мой суд. Как мне сказать: «Не верю»?

Текут века в воздушной вышине.
Весы твоих судеб вознес, — и верю.

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

1907
Москва

249. ГРАНИТ

Там даль и мгла. Ушла она: —
Туда ушла, не возвратилась.
Но, как опал, луна — луна
Над пенным морем покатилась.

У ног кипит. Отпрянет прочь.
Окрестность чешуей одета.
Там пляшут, плавно пляшут в ночь
Разорванные кольца света.

То световые письмена
Еще несказанных сказаний
Несутся в ночь. А ночь — без дна.
Там блеск слепящих начертаний

Залижет тень. А мы всё ждем,
Что в свете весть того, что будет.
Мы долго ждем. Вздохнем: пойдем...
И не поймем. И не забудем.

Забудь, душа моя, но — будь!
И пре́зри, пре́зри мир явлений,
Хотя в слезах клокочет грудь,
Как громный вал в кипящей пене.

Пусть сердце тайну сохранит,
Но сердцем тайны не обрящем.
Века купается гранит
В кольце лучей — в кольце слепящем.

1907
Кронштадт

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ГРУСТЬ

250. ПРЕМУДРОСТЬ

Внемлю речам, объятый тьмой
Философических собраний,
Неутоленный и немой
В весеннем, мертвенном тумане.

Вон — ряд неутомимых лбов
Склоняется на стол зеленый;
Песчанистою пылью слов
Часами прядает ученый.

Профессор марбургский Когэн,
Творец сухих методологий!
Им отравил меня N*. N*.,
И увлекательный, и строгий.

Лишь позовет она, как он
Мне подает свой голос кроткий,
Чуть шелковистый, мягкий лен
Своей каштановой бородки

Небрежно закрутив перстом,
И, как рога завьются турьи,
Власы над неживым челом
В очей холодные лазури; —

Заговорит, заворожит
В потоке солнечных пылинок;
И «Критикой» благословит,
Как Библией суровый инок.

Уводит за собой; без слов
Усадит за столом зеленым...
Ряды прославленные лбов...
С ученым спорит вновь ученый.

1908
Москва

251. МОЙ ДРУГ

Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши ее, игриво

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... — метод.

Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой черный плащ,
Шагает темным силуэтом;

Тряхнет плащом, как нетопырь,
Взмахнувший черными крылами...
Новодевичий Монастырь
Блистает ясными крестами: —

Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В полей зазеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.

«Жизнь, — шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могилок, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений»...
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.

Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. —
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые незабудки.

Как будто из зеленых трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв,
Моргают желтыми очами.

1908

252. К НЕЙ

Травы одеты
Перлами.
Где-то приветы
Грустные
Слышу, — приветы
Милые...

Милая, где ты, —
Милая?..

Вечера светы
Ясные, —
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, —
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, —
Милая?

1908
Москва

253. НОЧЬЮ НА КЛАДБИЩЕ

Кладбищенский убогий сад
И зеленеющие кочки.
Над памятниками дрожат,
Потрескивают огонечки.

Над зарослями из дерев,
Проплакавши колоколами,
Храм яснится, оцепенев
В ночь вырезанными крестами.

Серебряные тополя
Колеблются из-за ограды,
Разметывая на поля
Бушующие листопады.

В колеблющемся серебре
Бесшумное возникновенье
Взлетающих нетопырей, —
Их жалобное шелестенье.

О, сердце тихое мое,
Сожженное в полдневном зное, —
Ты погружаешься в родное,
В холодное небытие.

1908
Москва

254. ПОД ОКНОМ

Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...

Но «Критики» передо мной —
Их кожаные переплеты...

Вдали — иного бытия
Звездоочитые убранства...

И, вздрогнув, вспоминаю я
Об иллюзорности пространства.

1908
Москва

255. ИСКУСИТЕЛЬ

Врубелю

О, пусть тревожно разум бродит
И замирает сердце — пусть,
Когда в очах моих восходит
Философическая грусть.

Сажусь за стол... И полдень жуткий,
И пожелтевший фолиант
Заложен бледной незабудкой;
И корешок, и надпись: Кант.

Заткет узорной паутиной
Цветную бабочку паук —
Там, где над взвеянной гардиной
Обвис сиренью спелый сук.

Свет лучезарен. Воздух сладок...
Роняя профиль в яркий день,
Ты по стене из темных складок
Переползаешь, злая тень.

С угла свисает профиль строгий
Неотразимою судьбой.
Недвижно вычерчены ноги
На тонком кружеве обой.

Неуловимый, вечно зыбкий,
Не мучай и подай ответ!
Но сардонической улыбки
Не выдал черный силуэт.

Он тронулся и тень рассыпал.
Он со стены зашелестел;
И со стены бесшумно выпал,
И просквозил, и просерел.

В атласах мрачных легким локтем
Склонясь на мой рабочий стол,
Неотвратимо желтым ногтем
Вдоль желтых строк мой взор повел.

Из серебристых паутинок
Сотканный грустью лик кивал,
Как будто рой сквозных пылинок
В полдневном золоте дрожал.

В кудрей волнистых, золотистых
Атласистый и мягкий лен
Из незабудок росянистых
Гирлянды заплетает он.

Из легких трав восходят турьи
Едва приметные рога.
Холодные глаза — лазури, —
Льют матовые жемчуга;

Сковали матовую шею
Браслеты солнечных огней...
Взвивается, подобный змею,
Весь бархатный, в шелку теней.

Несущий мне и вихрь видений,
И бездны изначальной синь,
Мой звездный брат, мой верный гений,
Зачем ты возникаешь? Сгинь!

Ты возникаешь духом нежным,
Клоня венчанную главу.
Тебя в краю ином безбрежном
Я зрел во сне и наяву.

Но кто ты, кто? Гудящим взмахом
Разбив лучей сквозных руно,
Вскипел, — и праздно прыснул прахом
В полуоткрытое окно.

С листа на лист в окошке прыснет,
Переливаясь, бриллиант...
В моих руках бессильно виснет
Тяжеловесный фолиант.

Любви не надо мне, не надо:
Любовь над жизнью вознесу...
В окне отрадная прохлада
Струит перловую росу.

Гляжу: — свиваясь вдоль дороги,
Косматый прах тенит народ,
А в небе бледный и двурогий,
Едва замытый синью лед

Серпом и хрупким, и родимым
Глядится в даль иных краев,
Окуреваем хладным дымом
Чуть продышавших облаков.

О, пусть тревожно разум бродит
Над грудою поблеклых книг...
И Люцифера лик восходит,
Как месяца зеркальный лик.

1908
Москва

256. ПУСТЫНЯ

Ушла. И вновь мне шлет «прости»...
Но я сказал: «Прости навеки»...
Святи, златая твердь, — святи
Слезой окропленные веки.

Укор, восстанье, смерть — увы —
Не отомщенных болей нужды —
Они больному не новы,
Разубежденному не чужды.

Зачем мне жить, на что мне кров?
Огонь — огонь из сердца вынут:
Так кучи облачные льдов
На тверди бледной бледно стынут.

За годом год — бегут года:
Бегут туда, где синь сквозная
И облак бледная гряда:
Она в снегах — всегда, всегда...
Она — моя. А ты? Не знаю.

Порыв взволнованных ветров
Из бездны времени несется;
Взволнованных, далеких слов
Далекий, невозвратный зов,
Как милый голос раздается.

Воздушный облак в твердь кадит,
Восстав, как некий синий инок.
Воздушно в тверди проструит
Воздушный блеск своих снежинок.

Как над холодным королем
Над ним венец лучится кроткий;
Забрыжжут градным хрусталем
Его стрекочущие четки.

С лазуревых и чистых сфер
Полоска месяца, как ясный,
Как светоносный Люцифер,
Спускается на запад красный.

Века летучилась печаль.
Она летучится и ныне.
Погаснет жизнь... И гаснет даль.
Чего-то нет; чего-то жаль.
И я один в моей пустыне.

Летите, быстрые года —
Туда, где синева сквозная
Не изменяет никогда.
Бегут года — несут туда.
Ты — там. Ты ждешь. Ты — кто?.. Не знаю.

1907

257. ПРИЗНАНИЕ

И сеет перлы хладная роса.
В аллее темной — слушай! — голоса:

«Да, сударь мой: так дней недели семь
Я погружен в беззвездной ночи темь!

Вы правы: мне едва осьмнадцать лет,
И говорят — я недурной поэт.

Но стыдно мне, с рожденья горбуну,
Над ней вздыхать и плакать на луну...

Нет, сударь мой: иных я мыслей полн»...
Овеян сад плесканьем темных волн;

Сухих акаций щелкают стручки.
«Вот вам пример: на нос одев очки,

Сжимаю жадно желтый фолиант.
Строка несет и в берег бросит: Кант.

Пусть я паук в пыли библиотек:
Я просвещенный, книжный человек,

Людей, как мух, в сплетенья слов ловлю:
Встаю чуть свет: читаю, ем и сплю...

Да, сударь мой: так дней недели семь
Я погружен в беззвездной ночи темь.

Я не монах: как шум пойдет с реки,
Не раз — не раз, на нос надев очки

И затая нескромную мечту,
Младых Харит младую наготу,

К окну припав, рассматриваю я,
Рассеянно стаканом мух давя;

Иль крадусь в сад к развесистой ольхе...»
И крякнет гость, и подмигнет: «Хе-хе...»

Молчат. И ночь. Шлют шелест тростники.
Сухих акаций щелкают стручки.

Огнистый след прочертит неба склон.
Слетит алмаз в беззвездный бездны сон.

1908
Москва

258. ЭПИТАФИЯ

В предсмертном холоде застыло
Мое лицо.

Вокруг сжимается уныло
Теней кольцо.

Давно почил душою юной
В стране теней.

Рыдайте, сорванные струны
Души моей!

1908
Изумрудный Поселок

259. БУРЯ

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи:
В лазури бури свист и ветра свист несет,
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий,
Прогонит, гонит вновь; и вновь метет и вьет.

Воскрес: сквозь сень древес — я зрю — очес мерцанье:
Твоих, твоих очес сквозь чахлые кусты.
Твой бледный, хладный лик, твое возликованье
Мертвы для них, как мертв для них воскресший: ты.

Ответишь ветру — чем? как в тени туч свинцовых
Вскипят кусты? Ты — там: кругом — ночная ярь.
И ныне, как и встарь, восход лучей багровых.
В пустыне ныне ты: и ныне, как и встарь.

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи,
В лазури бури свист и ветра свист несет —

Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий:
Прогонит, гонит вновь. И вновь метет и вьет.

1908
Москва

260. ДЕМОН

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений

Сходил во сне и наяву,
Колеблемый ночными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья
Он зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу
Незримые будил рыданья, —
Гонимые в глухую мглу
Невыразимые страданья.

Бродя, бывало, в полусне,
В тумане городском, меж зданий, —
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани,

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы,
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье, —
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

1908
Москва

261. Я

Далек твой путь: далек, суров.
Восходит серп, как острый нож,
Ты видишь — я. Ты слышишь — зов.
Приду: скажу. И ты поймешь.

Бушует рожь. Восходит день.
И ночь, как тень небытия.
С тобой Она. Она, как тень.
Как тень твоя. Твоя, твоя.

С тобой — Твоя. Но вы одни.
Ни жизнь, ни смерть: ни тень, ни свет,
А только вечный бег сквозь дни.
А дни летят, летят: их — нет.

Приди. — Да, да: иду я в ночь.
Докучный рой летящих дней!
Не превозмочь, не превозмочь.
О, ночь, покрой кольцом теней!

Уйдешь — уснешь. Не здесь, а — там.
Забудешь мир. Но будет он.
И там, как здесь, отдайся снам:
Ты в повтореньях отражен.

Заснул — проснулся: в сон от сна.
И жил во сне; и тот же сон,
И мировая тишина,
И бледный, бледный неба склон;

И тот же день, и та же ночь;
И прошлого докучный рой...
Не превозмочь, не превозмочь!..
Кольцом теней, о, ночь, покрой!

1907
Петербург

ТРИСТИИ

262. АЛМАЗНЫЙ НАПИТОК

Сверкни, звезды алмаз:
Алмазный свет излей! —
Как пьют в прохладный час
Глаза простор полей;

Как пьет душа из глаз
Простор полей моих;
Как пью — в который раз? —
Души душистый стих.

Потоком строф окрест
Душистый стих рассыпь
В покой сих хладных мест!
Стихов эфирных зыбь

Вскипит алмазом звезд, —
Да пьет душа из глаз
Алмазный ток окрест, —
Да пьет... в который раз?

1908
Серебряный Колодезь

263. ВОЛНА

И. Н. Бороздину

И ночи темь. Как ночи темь взошла,
Так ночи темь свой кубок пролила, —

Свой кубок, кубок кружевом златым,
Свой кубок, звезды сеющий, как дым,

Как млечный дым, как млечный дымный путь,
Как вечный путь: звала к себе — прильнуть.

Прильни, прильни же! Слушай глубину:
В родимую ты кинешься волну,

Что берег дней смывает искони...
Волна бежит: хлебни ее, хлебни.

И темный, темный, темный ток окрест
Омоет грудь, вскипая пеной звезд.

То млечный дым; то млечный дымный путь,
То вечный путь зовет к себе... уснуть.

1908
Москва

264. ИСТОМА

Одеты в пышные красы
Кусты, газоны...
О, если б услыхала ты
Мои глухие стоны!

Вот скоро полночь пропоют
В дому куранты;
С пионов капелек росы
Пью жадно диаманты.

И дышит хладная волна
На лист перловый.
И жалоба вдали слышна,
И жалобные зовы...

1908
Москва.

265. ПРИХОД НОЧИ

Т. А. Рачинской

Душа молчит. Окрестность спит.
Лишь чаща прокипит лесная.
Воздушным вздохом заструит
Седую мглу струя ночная,

Туманы ткет и застит свет,
Свевает в воздух — вьет воздушно
Листы: они летят — их нет:
Провеяли под сенью душной.

Ниспала ночь, и давит ночь.
Уносит прочь воспоминанья.
Уносит воздыханья прочь
Души немой — души: рыданья.

В волнах древесных месяц — челн,
А Ночь над ним — утес огромный:
Туда прибой древесных волн
В твердыню бьет, немой и томный, —

Подмоет, смоет, моет тень,
Промоет до зари: на главы
Древес взметенных хлынет день
Воздушным током яркой лавы;

Днесь он пространства мгле отдаст
Крыл заревых прощальным взмахом.
Но рухнет Ночи черный пласт,
Осыплется туманным прахом.

1908
Москва.

266. РАЗЛУКА

Ночь, цветы, но ты
В стране иной.

Ночь. Со мною ты...
Да, ты — со мной.

Вздох твоих речей
Горячей —

В глушь моих степей
В ветре взвей!

Будто блеск лучей
В моей глуши, —

Ясный блеск твоей,
Твоей души.

Пусть душа моя —
Твоя

Голубая колыбель:
Спи, усни...

Утра первые огни...
Чу! Свирель...

1908
Дедово

267. ВОЛЬНЫЙ ТОК

Душа, яви безмерней, краше
Нам опрозрачненную твердь!
Тони же в бирюзовой чаше,
Оскудевающая смерть!

Как все, вплетался подневольный
Я в безысходный хоровод.
Душил гробницею юдольный,
Страстей упавший небосвод.

А ныне — воздухами пьяный,
Взмываюсь вольною мечтой,
Где бьет с разбегу ток листвяный
О брег лазурный и пустой.

И там, где, громами растущий,
Яснеет облачный приют, —
Широколиственные кущи
Невнятной сладостью текут.

Туда земную скоротечность,
Как дольний прах, переметет.
Алмазом полуночным вечность
Свой темный бархат изоткет.

1907
Петровское

268. НОЧЬ

О, ночь, молю, —
Да бледный серп заблещет...
Скорей сойди, скорей!

На грудь мою
Прохладой хладно плещет, —
На грудь мою Борей.

Окован я
Железной цепью рока
Минут, часов, недель.

Душа моя,
Хлебни хмельного тока, —
Пьяни, осенний хмель!

Дыши, дыши
Восторгом суеверий,
Воздушных струй и пьянств.

Души, души
Заоблачные двери
В простор иных пространств.

Березы, вы —
Безропотные дщери
Безропотных пространств:

Да щедро вам
Метнет сверканий зерна
Обломок янтаря, —

Да щедро вам
Метнет златые зерна
Златистая заря, —

Вершиной там,
Вершиной в ночи черной
Вскипайте, как моря...

Кругом, кругом
Зрю отблеск золотистый
Закатных янтарей,

А над ручьем
Полет в туман волнистый
Немых нетопырей...

Небытием
Пади, о полог мглистый, —
Сойди, о ночь, — скорей!

1907
Москва

269. КОЛЬЦО

И ночь, и день бежал. Лучистое кольцо
Ушло в небытие.
Ржаной, зеленый вал плеснул в мое лицо —
В лицо мое:

«Как камень, пущенный из роковой пращи,
Браздя юдольный свет,
Покоя ищешь ты. Покоя не ищи.
Покоя нет.

В покое только ночь. И ты ее найдешь.
Там — ночь: иди туда...»
Смотрю: какая скорбь. Внемлю: бушует рожь.
Взошла звезда.

В синеющую ночь прольется жизнь моя,
Как в ночь ведет межа.
Я это знал давно. И ночь звала меня,
Тиха, свежа, —

Туда, туда...

1907
Петровское

270. КАК И ВСЕГДА...

Сергею Соловьеву

Там — даль, чета берез,
Там пруд:
И плещет в пруд крылом
Там рыболов; —

Там возникал, там рос
(Неведомый
О чем)
Тоскливый зов.

Я ждал покорен, нем;
А зов
С годами рос...
Я так любил, —

Я отдал жизнь — зачем?
Тебе
Я все принес;
Я все простил.

Ты отошла...
Не нужен я?
Зачем, скажи —
Зачем звала?

И я молчу...
Не нужен я?..
И вот с межи
Плеснула мгла.

Мой не услышан суд...
Над жизнью,
Уходя,
Скажу: «Аминь».

И та же даль... И пруд...
Гляжу,
Как в детстве я
Гляделся в синь.

За годом год течет...
И плещет
Пруд: «Скорей
Ее забудь...»

Склонясь, береза льет
Волну
Своих кудрей
К нему на грудь.

Один с моей тоской...
Пусть
Внемлю ей — о, пусть! —
Моей душой

Какой там зов, — какой?..
О чем?..
Какая грусть!..
Как хорошо!..

1907
Петровское.

271. ПРОШЛОМУ

Сентябрьский, свеженький денек.

И я, как прежде, одинок.
Иду — бреду болотом топким.
Меня обдует ветерок.
Встречаю осень сердцем робким.

В ее сквозистую эмаль
Гляжу порывом несогретым.
Застуденеет светом даль, —
Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце — блещущий фазан —
Слетит, пурпурный хвост развеяв;
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак — змеев.

Душа полна: она ясна.
Ты — и утишен, и возвышен.
Предвестьем дышит тишина.
Всё будто старый окрик слышен, —

Разгульный окрик зимних бурь,
И сердцу мнится, что — навеки.
Над жнивою тогда лазурь
Опустит облачные веки.

Тогда слепые небеса
Косматым дымом даль задвинут;
Тогда багрянец древеса,
Вскипая, в сумрак бледный кинут.

Кусты, вскипая, мне на грудь
Хаосом листьев изревутся;
Подъятыми в ночную муть
Вершинами своими рвутся.

Тогда опять тебя люблю.
Остановлюсь и вспоминаю.
Тебя опять благословлю.
Благословлю, за что — не знаю.

Овеиваешь счастьем вновь
Мою измученную душу.
Воздушную твою любовь,
Благословляя, не нарушу.

Холодный, темный вечерок.
Не одинок, и одинок.

1907
Париж

272. ЛЕТА

Я целовал ее.
Я ей сказал:
«Придешь?»
— «Да, да —
Приду...»
И нет ее,
И гаснет свет,
И ночь
Не превозмочь...
— «Придешь?»
— «Нет, нет...» —
Я целовал
Ее,
Я ей шептал:
— «Вернись
Опять, — склонись!»
— «Да, да...»
Замкнулся круг:
От тяжких
Тяжких
Дней
И тяжких
Тяжких
Мук
Устал я,
Друг, —
Устал.
— «Приди для новых мук...»
Но холод вешних
Струй,
Нездешних
Струй —
Летейских струй, —
Но холод струй
Не возвратит
Дней прошлых, не вернет
Ей.
А без нее молчит душа, уснет...
Она клонилась в сон,
Она —
Шептала мне,
Она —
Явилась мне,
Но счастья не вернула:
— «Нет,
Счастья не отдам я —
Нет...»

И вот сказала мне...
Дыханьем вечера
В мою дохнула грудь:
— «Тебе идти...» —
— «Куда идти,
Куда?..
Там —
Плещется вода...
Туда?»
— «Да, да!»
— «Прости!..»

1907
Петровское

273. ЖАЛОБА

Сырое поле, пустота,
И поле незнакомо мне.
Как бьется сердце в тишине!
Какие хладные места!
Куда я приведен судьбой?..
В пустынный берег бьет Коцит;
И пена бисерной каймой
В прибрежных голышах бежит.
Свежеет... Плещется прибой;
В кудрявой пене темных волн,
Направленный самой судьбой,
Ко мне причалил утлый челн.

Меня влекут слепые силы
В покой отрадный хладных стран; —
И различаю сквозь туман
Я закоцитный берег милый.
Рыдают жалобные пени,
Взлетает гребень на волне,
Безгласные, немые тени
Протягивают руки мне.
Багровые лучи Авроры
Сурово озаряют твердь.
Уныло поднимаю взоры,
Уныло призываю смерть...

1909
Бобровка

ДУМЫ

274. ЖИЗНЬ

Памяти Ю. А. Сидорова с любовью посвящаю

Проносится над тайной жизни
Пространств и роковых времен
В небесно-голубой отчизне
Легкотекущий, дымный сон.

Возносятся под небесами,
Летят над высотами дни
Воскуренными облаками,—
Воскуренными искони.

Жизнь — бирюзовою волною
Разбрызганная глубина.
Своею пеною дневною
Нам очи задымит она.

И всё же в суетности бренной
Нас вещие смущают сны,
Когда стоим перед вселенной
Углублены, потрясены, —

И отверзается над нами
Недостижимый край родной
Открытою над облаками
Лазуревою глубиной.

1908
Дедово

275. НОЧЬ И УТРО

Б. А. Садовскому

Мгновеньями текут века.
Мгновеньями утонут в Лете.

И вызвездилась в ночь тоска
Мятущихся тысячелетий.

Глухобезмолвная земля,
Мне непокорная доныне, —
Отныне принимаю я
Благовестительство пустыни!

Тоскою сжатые уста
Взорвите, словеса святые,
Ты — утренняя красота,
Вы — горние краи златые!

Вот там заискрились, восстав, —
Там, над дубровою поющей —
Алмазами летящих глав
В твердь убегающие кущи.

1908
Дедово

276. НОЧЬ-ОТЧИЗНА

Предубежденья мировые
Над жизнию парят младой —
Предубежденья роковые
Неодолимой чередой.

Неодолимо донимают,
Неутолимы и грозны,
В тот час, как хаос отверзают
С отчизны хлынувшие сны.

Слетают бешено в стремнины, —
В тьмы безглагольные краи —
За годом горькие годины.
Оскудевают дни мои.

Свершайся, надо мною тризна!
Оскудевайте, дни мои!
Паду, отверстая отчизна,
В темнот извечные рои.

1908
Дедово

277. ВЕЧЕР

Там золотым зари закатом
Лучится солнечный поток
И темным, огневым гранатом
Окуревается восток.

Грозятся безысходной мглою
Ночные вереницы гроз.
Отторгни глубиною злою
С души слетающий вопрос.

Неутомимой, хоть бесплодной,
Ты волею перегори,
Как отблеском порфирородной,
Порфиропламенной зари!

Там рдей, вечеровое рденье, —
Вечеровая полоса...
Простертые, как сновиденья,
Воскуренные небеса.

1908
Дедово

278. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Увы! Не избегу судьбы я,
Как загремят издалека
Там громовые, голубые,
В твердь возлетая, облака, —

Зане взволнованные силы
Их громовой круговорот, —
Над бездной мировой могилы
Молниеблещущий полет.

В поток быстротекущей жизни,
В житейский грозовой туман,
Забыв о неземной отчизне,
Низринулся, и всё — обман.

Увы! Не избегу судьбы я,
И смерть моя недалека.
И громовые, голубые
В твердь возлетают облака.

1908
Дедово

279. РОК

Твердь изрезая молньи жгучей
Копиевидным острием,
Жизнь протуманилась — и тучей
Ползет в эфире голубом.

Всклубились прошлые годины
Там куполами облаков.
А дальше — мертвые стремнины
В ночь утопающих веков.

За жизнь, покрытую обманом,
Ужалит смертью огневой
Повитый ледяным туманом
Тучегонитель роковой.

Восстанет из годин губитель
В тумане дымно грозовом,
Чтоб в поднебесную обитель
Тяжелый опрокинуть гром.

Копиеносец седовласый,
Расплавленное копиё,
В миг изрывая туч атласы,
На сердце оборви мое.

1908
Дедово

280. ПОЛЕ

Тюремные сломал решетки,
И город не увижу боле.
Предвозвещает отдых кроткий
Молчанием немое поле.

Спасение, уединенье!
Там в сумраке моя дорога.
Убогое — вот там — селенье —
Там — в сумрак дозирает строго.

Не плакать, не любить — нет мочи!
Над сыростью и пустотою
Слепит мне темнотою очи, —
Густеющею темнотою.

Навалится пространство, давит;
Алмазами своими в душу
Уставится: и душу плавит;
Эфирами колеблет сушу.

1908
Суйда.

281. ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Ты светел в буре мировой,
Пока печаль тебя не жалит.
Она десницей роковой
В темь изначальную провалит.

Веселье хмельное пьяно.
Всё мнится, что восторг пронижет.
Гортань прохладное вино
Огнистою струею лижет.

Испил: — и брызнувший угар
Похмельем пенистым пылится.
И кубок ядовитых чар,
Опорожненный, чуть дымится.

Нет, он меня не обожжет:
Я возлюбил души пустыню.
Извечная, она лиет
Свою святую благостыню.

Извечная, она, как мать,
В темнотах бархатных восстанет.
Слезами звездными рыдать
Над бедным сыном не устанет.

Ты взору матери ответь:
Взгляни в ее пустые очи.
И вечно будешь ты глядеть
В мглу разливающейся ночи.

Вот бездна явлена тоской,
Вот в изначальном мир раздвинут...
Над бездной этой я рукой
Нечеловеческой закинут.

Ее ничем не превозмочь...
И пробегают дни за днями;

За ночью в очи плещет ночь
Своими смертными тенями.

Вздохнешь, уснешь — и пепел ты,
Рассеянный в пространствах ночи...
Из подневольной суеты
Взгляни в мои пустые очи, —

И будешь вечно ты глядеть,
Ты, — бледный, пленный, бренный житель —
За гранями летящих дней
В теней прохладную обитель...

1907
Париж

282. ВРЕМЯ

Еще прохладу струй студеных
Не иссушил жестокий круг...
Здесь, в переливах я зеленых —
Твоих, необозримый луг.

Ветров раскатистые гулы
Все где-то это видел взор.
Всё тот же топчет дед сутулый
Рассыпчатый цветов ковер.

Проходит дед стопою лютой.
Пройди — но цвет полей не тронь...
Идет: на плуг ложится круто
Шершавая его ладонь.

Необозримых пашней пахарь —
Над зацветающей весной...
Круговоротов грозных знахарь,
Яви же жирный перегной

Для прозябанья мыслям-зернам!
Воскинь секущим острием
Над луговым, корнистым дерном
Хаоса мрачный чернозем!

Косматые склонил седины.
Прости же, непопранный луг!
Взрезает мягко дерновины
Лениво лязгающий плуг.

Онучею истопчет хворост
И гребни острые кремней.
Над бархатами свежих борозд
Да всходит свежесть зеленей.

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы.

Ты скажешь — день; и день обманет.
Он — вот: но голову закинь —
Гляди: и в хмурый сумрак канет
Его сапфировая синь.

1907
Петровское

283.

«Наин» — святой гиероглиф;
«Наин» — магическое слово;
«Наин» скажу, мой пепел снова
В лучистый светоч обратив.

Пи-Рей, над бездной изменений
Напечатленный в небесах, —
Пи-Рей, богоподобный гений
С тяжелой урною в руках —

Пи-Рей с озолощенной урной
Над пологом ненастных туч
Не пепел изольет, а луч
Из бездны времени лазурной.

Да надо мной рассеет бури
Тысячелетий глубина —
В тебе подвластный день, Луна,
В тебе подвластный час, Меркурий.

День Луны. Час Меркурия.

ПОСВЯЩЕНИЯ

284. ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

Ты — великан, годами смятый,
Кого когда-то зрел и я —
Ты вот бредешь от курной хаты,
Клюкою времени грозя.
Тебя стремит на склон горбатый
В поля простертая стезя.
Падешь ты, как мороз косматый,
На мыслей наших зеленя.

Да заклеймит простор громовый
Наш легкомысленный позор!
Старик лихой, старик пурговый
Из грозных косм подъемлет взор, —
Нам произносит свой суровый,
Свой неизбежный приговор.
Упорно ком бремен свинцовый
Рукою ветхою простер.

Ты — молньей лязгнувшее Время —
Как туча градная склонен:
Твое нам заслоняет темя
Златистый, чистый неба склон, —
Да давит каменное бремя
Наш мимолетный жизни сон...
Обрушь его в иное племя,
Во тьму иных, глухих времен.

1908
Серебряный Колодезь

285. СЕРГЕЮ СОЛОВЬЕВУ

Соединил нас рок недаром,
Нас общий враг губил... И нет —
Вверяя заревым пожарам
Мы души юные, поэт,

В отдохновительном Петровском,
И после — улицам московским
Не доверяя в ноябре,
Томились в снежном серебре:
Томились, но не умирали...
Мы ждали...
И в иные дали
Манила юная весна,
И наши юные печали
Смывала снежная волна.

Какое грозное виденье
Смущало оробевший дух,
Когда стихийное волненье
Предощущал наш острый слух!..
В грядущих судьбах прочитали
Смятенье близкого конца:
Из тьмы могильной вызывали
Мы дорогого мертвеца —
Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвре́менной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророча светопреставленье...
Потом — японская война:
И вот — артурское плененье,
И вот — народное волненье,
Холера, смерть, землетрясенье —
И роковая тишина...
Покой воспоминаний сладок:
Как прежде, говорит без слов
Нам блеск пурпуровых лампадок,
Вздох металлических венков,
И монастырь, и щебет птичий
Над золотым резным крестом:
Там из сиреней лик девичий,
Покрытый черным клобуком,
Склоняется перед могилой,
И слезы на щеках дрожат...

Какою-то нездешней силой
Мы связаны, любимый брат.
Как бы неверная зарница,
Нам озаряя жизни прах,
Друзей минутных вереница
Мелькнула в сумрачных годах;
Ты шел с одними, я — с другими;
Шли вчетвером и впятером...

Но много ли дружили с ними?
А мы с тобой давно идем
Рука с рукой, плечо с плечом.

Годины трудных испытаний
Пошли нам Бог перетерпеть, —
И после, как на поле брани,
С улыбкой ясной умереть.
Нас не зальет волной свинцовой
Поток мятущихся времен,
Не попалит стрелой багровой
Грядущий в мир Аполлион...
Мужайся: над душою снова —
Передрассветный небосклон;
Дивеева заветный сон
И сосны грозные Сарова.

1909
Москва

286. Э. К. МЕТНЕРУ

(Письмо)

Старинный друг, моя судьбина —
Сгореть на медленном огне...
На стогнах шумного Берлина
Ты вспомни, вспомни обо мне.
Любимый друг, прости молчанье —
Мне нечего писать; одно
В душе моей воспоминанье
(Волнует и пьянит оно) —
Тяжелое воспоминанье...
Не спрашивай меня... Молчанье!..
О, если б...
                    ...Помню наши встречи
Я ясным, красным вечерком,
И нескончаемые речи
О несказанно дорогом.
Бывало, церковь золотится
В окне над старою Москвой,
И первая в окне ложится,
Кружась над мерзлой мостовой,
Снежинок кружевная стая...
Уединенный кабинет,
И Гёте на стене портрет...
О, где ты, юность золотая?

Над цепью газовых огней
Пурга уныло песнь заводит...
К нам Алексей Сергеич входит,
Лукаво глядя из пенснэ,
И улыбается закату...
Будя в душе напев родной,
Твой брат C-mol'ную сонату
Наигрывает за стеной...
Последние аккорды *коды*
Прольются, оборвутся вдруг...

О, если б нам в былые годы
Перенестись, старинный друг!
Еще немного — помелькает
Пред нами жизнь: и отлетит —
Не сокрушайся: воскресает
Всё то, что память сохранит.
Дорога от невзгод к невзгодам
Начертана судьбой самой...

Год минул девятьсот восьмой: —
Ну, с девятьсот девятым годом!..

1909
Москва

287. СКРОМНАЯ ЛЮБОВЬ

Блестели и пели капели,
Златился покров ледяной...
Сестрицы сидели и млели
В окошке весной под луной.

С тех пор побеждаю печаль я,
Взобравшись к себе на чердак.
Амалья!.. Амальина талья!..
Я вас не забуду никак!

Все прячусь в сугробах и кочках
Под окнами милыми я,
О губках, о пухленьких щечках,
О синеньких глазках грустя, —

Я жду: за сестрицей сестрица
Просунет головку, смеясь,
Под клеткой, где птица синица
Свистит, суетится, вертясь,

Где красной герани цветочек
Листочек колышет в окне...
Взгляни, ангелочек, дружочек, —
Вздохни обо мне хоть во сне...

Приди, поцелуй мой и жарок,
И страстен: приди — я влюблен.
В окошке стоит мой подарок, —
Фарфоровый мой купидон.

На дворике кружится, вьется,
Танцует — холодный снежок.
С голубкой воркует и бьется
Крылом молодой голубок.

1908
Москва

288. РОСКОШНАЯ ДЕВА

Вот — стройная, знойная дева
В цветах, в кружевах и в слезах...
Взгляни же направо, налево, —
Взгляни же, о, дева: на мхах

Огни светляки зажигают;
Бесстыдницы птицы свистят;
Гитары рокочут, рыдают;
В туманы фонтаны летят.

О, голос любви безрассудный,
Балкон, золотой небосклон, —
О, пруд изумрудный и чудный,
О, слезы, о, грезы, о, сон!

Надвинув над темною бровью
Свой бархатный, мягкий берет,
К тебе пламенеет любовью
Колючий и жгучий брюнет —

Поэт... Горделиво, стыдливо
«Я — твой» над тобой он поет:
Под сливой своей альмавивой
Взмахнет и замрет: и зовет.

Любовник нескромный и томный,
В беседку соседку влеки —
Бегите в шиповник укромный,
В густые его лепестки!

Никто вас не слышит... На чистый
Сквозной, серебристый лужок
Задышит прохладный, росистый,
Отрадный ночной ветерок.

Роскошная, чудная дева
Дрожит, поцелуем дарит!
А мраморный лебедь из зева
Алмазные токи струит.

Летайте над ними, стрекозы!
Кивайте, вздыхайте в туман —
Атласные, красные розы,
Печальный хрустальный фонтан!

1908
Москва

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ

Сказки

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Этот цикл стихов за исключением стихотворения, посвященного Карлу Бауэру, написан давно. Он является для меня переходом от мрачного отчаянья «Урны» к сознательности «Звезды»[1]; пробуждающемуся от бессознательности могилы к живой жизни эта жизнь звучит сказкою. И оттого стихи цикла суть сказки о прошлом.

Свет, освещающий прошлое, т. е. 1905—1908 гг., был денницею будущих лет (1912—1915), ставших прошлым.

Стихотворения написаны в периоде от 1909 до 1915 года.

Андрей Белый

[1] Сборник стихов «Звезда» выходит на днях.

289. ПЕРЕД СТАРОЙ КАРТИНОЙ

Кресла,
Чехлы,
Пьянино...
Всё незнакомо мне!..
Та же
Висит
Картина —
На глухой, теневой стене...

Ожила: —
И с прежним
Приветом,
Закурчавясь у ног, —
Пеной,
Кипеньем,
Светом
Хлынул бурный поток.

Из
Раздвинутых
Рамок
Грустно звали — «проснись!» —
Утес,
Забытый
Замок,
Лес, берега и высь.

Просыпался:
Века
Вставали...
Рыцарь, в стальной броне, —
Из безвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне.

В облаке
Пыли
Бились
Плаща моего края...
Тускло
Мне
Открылись
С башни два огня.

Кричал,
Простирая
Объятья:
«Я вернулся из дальних стран!
Омойте
Мне, —
О братья!—
Язвы старых ран!

Примите
В приют
Укромный!..»
Но упало сердце мое,
Как с башни
Рыцарь
Темный
На меня направил копье.

Уставился
Остро,
Грозно
Злой клювовидный шлем...
Сказал,
Насмехаясь:
«Поздно!..
Путник — куда, зачем?

Мы — умерли,
Мы —
Поверья:
Нас кроют столетий рвы».
Пошел...
(Закачались
Перья
Вкруг его стальной головы.)

Глухо
Упали
Ворота...

Угасал — и угас чертог...
Изредка
Плакал
Кто-то
С каменной башни в рог, —

Да порой
Осыпали
Светом
Голубые взрывы зарниц, —
Острие
На копье
Воздетом, —
Бастион, черепицу, шпиц; —

Да порой
Говорила
Уныло
С прежним — с прошлым: вода...
Всё это —
Было,
Было!
Будет —
Всегда,
Всегда!

А
Из
Темных
Бездомных
Далей
На
Косматых,
Черных
Конях —
Рыцари
К замку скакали — в густых,
Густых
Тенях!..

Ночь играла над их головами —
Переливчивым
Блеском
Звезд...
Грохоча
Над сырыми
Рвами, —
Опустился подъемный мост.

Я вернулся: —
— Кресла,
Пьянино —
Всё незнакомо мне!
Обернулся: —
— Висит
Картина
На глухой, теневой стене.

Из
Раздвинутых
Рамок —

Опять
Позвали:
«Вернись!» —
— Утес,
Забытый
Замок —
Лес,
Берега —
— И высь!..

1910
Москва

290. ШУТ

Баллада

1

Есть край, где старый
Замок
В пучину бьющих
Вод
Зубцами серых
Башен
Глядит — который
Год!

Его сжигает
Солнце;
Его дожди
Секут...
Есть королевна
В замке
И есть горбатый
Шут!

Докучно
Вырастая
На выступе
Седом, —
Прищелкивает
Звонко
Трескучим
Бубенцом.

Струею красной
В ветер
Атласный плащ
Летит: —
На каменных
Отвесах
Подолгу шут
Сидит;

И долго, долго
Смотрит
На запад
Огневой;
В вечерние
Туманы
Колпак подкинет
Свой.

Из каменных
Пробоин
Взлетает стая
Сов,
Когда несется
С башни
Трубы далекий
Рев.

2

В тяжелый, знойный полдень,
Таясь
В тени
Аркад, —
Выходит королевна
Послушать
Треск
Цикад.

Из
Блещущих
Травинок,
Из росянистых пней, —
Небесною коронкой
Цветок
Смеется
Ей.

Едва
Она
Сломала
Высокий стебелек, —
«О,
Королевна,
Вспомни», —
Пролепетал цветок;

Едва
Она
Сломала
Высокий стебелек, —
Кипучею струею
Ей в очи
Брызнул
Сок.

Блестя, запели воды —
Окрестность,
Луг,
Цветы...
Запел
Старинный
Ветер:
«О, вспомни, вспомни ты!»

Прошел родимый замок,
Как облако над ней: —
Зубцами
Старых
Башен
Растаял
В бездне
Дней...

3

За порослью лиловой грозился
Старый
Шут:
Над ней, как адский
Пламень,
Мелькнул
Его
Лоскут...

На солнечные травы
Упала тень горбом: —
— И
Теневые
Руки —
Качались
Над
Цветком!..

Беззвучно колыхалась
Хохочущая
Грудь;
Бубенчики
Запели:
«Забудь,
Забудь,
Забудь!»

На башенных оконцах
Блеснули
Огоньки;
Как змеи,
Шелестели
В тяжелый
Зной
Листки.

Горбатый,
Серый
Замок
Над лугом в белый день
Крылом — нетопыриным
Развеял
Злую
Тень.

Очнулась королевна:
Всему —
— Конец,
Конец!..
Разбейся же, —
— О сердце! —
Трескучий
Бубенец...

Ты, —
— Одуванчик —
Счастье:
Пушинкой облетай!
Пошла,
Роняя
Слезы
На белый горностай.

Отмахиваясь веткой
От блещущих стрекоз, —
За ней
Седой
Насмешник —
Тяжелый
Шлейф
Понес.

Качались
Стебелечки
Пленительных
Вербен
Между атласных,
Черных,
Обтянутых
Колен.

4

Поток
Рыдает
Пеной,
Клокочет
Бездной
Дней...
В решетчатые окна
Влетает сноп огней.

Расплачется в воротах
Заржавленный засов:
Пернатый
Ясный
Рыцарь
Летит
Из тьмы
Веков.

Конем
Кидаясь
В солнце
Над пенистым ручьем, —
Гремит трубою в ветер,
Блистает
В даль
Копьем.

Дрожащий
Луч
Играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На
Острие
Меча.

И
Бросило
Забрало
Литое серебро
Косматым
Белым
Дымом
Летящее перо.

И
Плещется попона
За
Гривистым конем; —
— Малиновым,
Тяжелым,
Протянутым
Крылом.

5

Есть край,
Где старый
Замок
В пучину
Бьющих
Вод
Зубцами
Серых
Башен
Глядит —
Который
Год!

Его сжигает
Солнце,
Его дожди
Секут...
Есть Королевна
В замке
И есть
Горбатый
Шут.

С вершины мшистой
Башни
Гремит в закат
Труба, —
И над мостом
Чугунным
Мелькает тень
Горба:

То за стеной зубчатой
Докучный бег
Минут
Трещоткой деревянной
Отсчитывает
Шут.

О, королевна, близко
Спасение твое:
В чугунные ворота
Ударилось копье!

1911
Боголюбы

291

И опять, и опять, и опять —
Пламенея, гудят небеса...
И опять,
И опять,
И опять —

Меченосцев седых голоса.

Над громадой лесов, городов,
Над провалами облачных гряд —
— Из веков,
Из веков,
Из веков —

Полетел меднобронный отряд.

Выпадают громами из дней...
Разрывается где-то труба:
На коней,
На коней,
На коней!

Разбивают мечами гроба.

Из расколотых старых гробов
Пролетает сквозною струей —
Мертвецов,
Мертвецов,
Мертвецов —

Воскресающий, радостный рой!

1911
Боголюбы

292. ГОЛОС ПРОШЛОГО

1

В веках я спал... Но я ждал, о Невеста, —
Север моя!

Я встал
Из подземных
Зал:

Спасти —
Тебя,
Тебя!

Мы рыцари дальних стран: я — рог,
Гудящий из тьмы...

В сырой,
В дождевой
Туман —

Несемся
На север —
Мы.

На крутые груди коней кидается
Чахлый куст...

Как ливень,
Потоки
Дней, —

Как буря,
Глаголы
Уст!

Плащ — семицветием звезд слетает
В туман: с плеча...

Тяжелый,
Червонный
Крест —

Рукоять
Моего
Меча.

Его в пустые края вознесла
Стальная рука.

Секли
Мечей
Лезвия —

Не ветер:
Года,
Века!

2

Тебя
С востока
Мы —

Идем
Встречать
В туман:

Верю, — блеснешь из тьмы, рыцарь
Далеких стран:

Слышу
Топот
Коней...

Зарей
Багрянеет
Куст...

Слетает из бледных дней призыв
Гремящих уст.

Тяжел
Железный
Крест...

Тяжела
Рукоять
Меча...

В туман окрестных мест дымись,
Моя свеча!

Верю, —
В года,
В века, —

В пустые
Эти
Края

Твоя стальная рука несет
Удар копья.

1911
Боголюбы

293. БЛИЗКОЙ

> Мне цветы и травы влюбленные
> Нашептали не сказку — быль.
>
> *А. Блок*

1

В окнах месяц млечный.
Дышит тенями ниш.
Однообразно, извечно, —
— Шепчет
Темная
Тишь.

Золотая свеча дымится
В глухую мглу.
Королевне не спится: —
— Королевна
Берет
Иглу.

Много в лесу далеком,
Много погибло душ!
Рыцарь,
Разбитый
Роком, —
Канул в лесную глушь...

Плачут в соснах совы
(Поняла роковую весть) —
Плачут —
В соснах —
Совы:
«Было, будет, есть!»

Встала (дрогнули пяльца) —
Сосчитала
Бег
Облаков —
И расслышала зов скитальца
Из суровых сосновых лесов.

Вспыхнул свет из оконца
В звездную,
В синюю
В ночь, —

Кинулись: струи солнца...
Кинулись тени: прочь!

2

Глянул
Замок
С отвеса,
Рог из замка гремит:
                    Грозные
                    Гребни
                    Леса
Утро пламенит.

Рыцарь
В рассветных
Тенях
Скачет не в сказку — в быль:
На груди, на медных коленях,
                    На гребенчатом
                    Шлеме —
                    Пыль!..

Ждет его друг далекий
                    С глубиной
                    Голубою
                    Глаз,
Из которой бежит на щеки
Сквозной
Слезой
Алмаз.

Он нашел тебя, королевна!
Он расслышал светлую весть!
Поет
Глубина
Напевно:
        «Будет,
                Было,
                    Есть!»

1911
Боголюбы

294. РОДИНА

Наскучили
Старые годы...

Измучили:
Сердце,
Скажи им: «Исчезните, старые
Годы!»

И старые
Годы
Исчезнут.

Как тучи, невзгоды
Проплыли.
Над чащей
И чище и слаще
Тяжелый, сверкающий воздух;
И — отдыхи...

В сладкие чащи
Несутся зеленые воды.

И песня знакомого
Гнома
Несется вечерним приветом.

«Вернулись
Ко мне мои дети
Под розовый куст розмарина...
Склоняюсь над вами
Цветами
Из старых столетий...»

Ты, злая година,
Рассейся!
В уста эти влейся —
— О нектар! —

Тяжелый, сверкающий воздух
Из пьяного сладкого кубка.

Проснулись:
Вернулись!..

1909
Москва

295

Вы — зори, зори! ясно огневые,
Как старое, кровавое вино, —

Пусть за плечами нити роковые
Столетий старых ткет веретено.

Лежу в траве на луге колосистом,
Бьется с трепетом кольцо
Из легких трав:
То змея червонным свистом
Развивается, из легких трав —
В лицо!

Обвейся, жаль!
Восторгом ядовитым
Отравлен я; мне ожерельем будь!
Мою печаль
Восторгом ядовитым
Ты осласти и — ввейся в грудь.

Ты — золотое, злое ожерелье!
Обвей меня: целуй меня —
Кусай меня,
Змея!..
О, странное веселье!
О, заря!

1909
Москва

296. ВЕЩИЙ СОН

Струит ручей струи из бирюзы
Через луга и розовые мяты, —

В пустой провал пережитой грозы,
В осеребренные туманом скаты.

Ручей, разговорись — разговорись!
Душа моя, развеселись: воскресни!

И вот — извечно блещущая высь!
И вот — извечно блещущие песни!

Старинный друг, освободи меня
Пылающей, пылающей судьбою.

Пылай во мне, как... языки огня,
Пылай во мне: я полн судьбой — Тобою.

Прими меня: не отвергай! я — здесь,
Друг сказочный, полузабытый, милый...

Как хорошо! И — блещущая высь!..
И — над душой невидимые силы!..

1909
Москва

297. ВЕЧЕР

На небе продели багрянцы.
Пропели, и — нежно немели;
Проглядные, ясные глянцы,
Стеклясь, зеленея, звездели.

Моргнули на туче летучей,
Текуче блеснув, бриллианты...
Попадая палицами в тучи,
Где-то прогоготали гиганты...

Шипучею пеной кипели
Певучие струи: в туманы...
Лохматясь, лиловые ели
Кидались в лиловые страны.

В просторы сырых перепутий,
Ввиваясь, бежали дороги,
Где тусклые сумерки мутей
Прорезывали... рогороги.

1909
Москва

298. МИХАИЛУ БАУЭРУ

Из Нюренберга

Речь твоя — пророческие взрывы,
А глаза — таимые прозоры:
Синие, огромные разрывы
В синие, огромные просторы.

Мейстер Экхарт нашего столетья, —
Помню, ты из Арлесгейма в Дорнах
Мимо нас в годину лихолетья
Проходил, склонясь в цветах и в тернах...

Помню: перламутровые травы,
Купол ясноглавый, величавый,

Розовые воздухи Эльзаса,
Пушечные взрывы... из Эльзаса,

Легкие, лепечущие ивы,
Темные, гребенчатые горы,
Синие, огромные разрывы
В синие, огромные просторы.

ЗВЕЗДА

Новые стихи

299. ХРИСТИАНУ МОРГЕНШТЕРНУ[1]

Старшему брату в Антропософии

Ты надо мной — немым поэтом —
Голубизною глаз блеснул,
И засмеявшись ясным светом,
Сквозную руку протянул.

В воспоминанье и доныне
Стоишь святыней красоты —
Ты в роковой моей године:
У роковой своей черты.[2]

Тебя, восставшего из света,
Зовет в печали ледяной —
Перекипевшая планета,
Перегремевшая войной;

В часы возмездия подъявший
Свои созвездия над ней, —
В тысячелетья просиявший
Тысячесветием огней, —

Как и тогда, во мне воскресни,
Воспламенясь, ко мне склони
Свои просвеченные песни
В грозой отмеченные дни.

1918
Москва

---

[1] «Моргенштерн» значит «Звезда утра».

[2] С Христианом Моргенштерном автор встретился за 2 месяца до его смерти.

300. ЗВЕЗДА

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в пятнах пепла тлела.
Всё вокруг вдруг стало: и — туманисто; и — серо...

Стеклянно зеленеет бирюза,
И яркая заяснилась слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

1914
Арлесгейм

301. САМОСОЗНАНИЕ

Мне снились и море, и горы...
Мне снились...

Далекие хоры
Созвездий
Кружились
В волне мировой...

Порой метеоры
Из высей катились,
Беззвучно
Развеявши пурпурный хвост надо мной.

Проснулся — и те же: и горы,
И море...

И долгие, долгие взоры
Бросаю вокруг.

Всё то же... Докучно
Внимаю,
Как плачется бездна:

Старинная бездна лазури;
И — огненный, солнечный
Круг.

Мои многолетние боли —
Доколе?..

Чрез жизни, миры, мирозданья
За мной пробегаете вы?

В надмирных твореньях, —
В паденьях —
Течет бытие... Но — о Боже! —

Сознанье
Всё строже, всё то же —

Всё то же
Сознанье
Мое.

1914
Базель

302. КАРМА

Н. А. Григоровой

1

Мне грустно... Подожди... Рояль,
Как будто торопясь и споря,
Приоткрывает окна в даль
Грозой волнуемого моря.

И мне, мелькая мимо, дни
Напоминают пенной сменой,
Что мы — мгновенные огни —
Летим развеянною пеной.

Воздушно брызжут дишканты
В далекий берег прежней песней...
И над роялем смотришь ты
Неотразимей и чудесней.

Твои огромные глаза!
Твои холодные объятья!
Но — незабытая гроза —
Твое чернеющее платье.

2

Мы — роковые глубины,
Глухонемые ураганы, —
Упали в хлынувшие сны,
В тысячелетние туманы.

И было бешенство огней
В водоворотах белой пены.
И — возникали беги дней,
Существований перемены.

Мы были — сумеречной мглой,
Мы будем — пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

3

И знаю я; во мгле миров:
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

Ты — изливала надо мной
Свои бормочущие были
Под фосфорической луной,
Серея вретищем из пыли.

Ты, возникая из углов,
Тянулась тенью черторогой,
Подняв мышиный шорох слов
Над буквой рукописи строгой.

И я безумствовал в ночи
С тысячелетнею старухой;
И пели лунные лучи
В мое расширенное ухо.

4

Летучим фосфором валы
Нам освещают окна дома.
Я вижу молнии из мглы.
И — морок мраморного грома.

Твое лучистое кольцо
Блеснет над матовою гаммой;
И — ночи веют мне в лицо
Своею черной орифламмой.

И — возникают беги дней,
Существований перемены,
Как брызги бешеных огней
В водоворотах белой пены.

И знаю я: во мгле миров
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

5

Приемлю молча жребий свой,
Поняв душою безглагольной
И моря рокот роковой,
И жизни подвиг подневольный.

1917
Поворовка

303. СОВРЕМЕННИКАМ

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И словно облак обволок
Порядок строя мирового,
И прозирающий зрачок,
И прорастающее слово.

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий.

Развили грозные огни
Всё беспокойней, всё нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие бойни...

И я к груди земли приник
И понял: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Гений.

Он — Справедливый Судия, —
Мерцая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим прозором.

И видел там, за громом битв
Восстанье Светлого Завета
В волне рыданий и молитв,
И набегающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений
Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как гений, —

И громовая полоса,
Огнем палящая глазницы, —
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

1918
Москва

304. ВОЙНА

Разорвалось затишье грозовое...
Взлетает ввысь громовый вопль племен.
Закручено всё близкое, родное,
Как столб песков в дали иных времен.

А — я, а — я?.. Былое без ответа...
Но где оно?.. И нет его... Ужель?
Невыразимые, — зовут иных земель
Там волны набегающего света.

1914
Арлесгейм

305. А. М. ПОЦЦО

Пройдем и мы: медлительным покоем
В полет минут.
Проходит всё: часы полночным боем
По-прежнему зовут.

Страна моя, страна моя родная!
Я — твой, я — твой:
Прими меня, рыдая... И не зная!
Покрой сырой травой.

Разгулом тех же пламенных закатов
Гори в груди,

Подъявши стаи зарев и набатов...
Зови Его, — гуди!

Пусть мы — в ночи! Пусть — нóчи бездорожий!
Пусть — сон и сон!..
В покое зорь и в предрассветной дрожи
За ночью — Он!

1916
Дорнах

306. А. М. ПОЦЦО

Я слышал те медлительные зовы...
И — Ты...
И вот зовут... Ждет, Кто-то, Бирюзовый,
У роковой черты.

И там — в окне — прорезались Вогезы.
И там — в окне —
Отчетливо грохочут митральезы...
Пора — тебе и мне!

И я стою, шепча слова молитвы...
Судьба — веди!
Ты — в грохоты неумолимой битвы,
О, Господи, сойди!

Свод неба тот же — бледнобирюзовый...
И там — набат!..
Идет — туда: в молитвы, в зори, в зовы,
В громá, в рои гранат.

1916
Дорнах

307. АСЕ

Едва яснеют огоньки.
Мутнеют склоны, долы, дали.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.

Из синей тьмы летит порыв...
Полыни плещут при дороге.
На тучах — глыбах грозовых —
Летуче блещут огнероги.

Невыразимое — нежней...
Неотразимое — упорней...
Невыразимы беги дней,
Неотразимы смерти корни.

В горючей радости ночей
Ключи ее упорней бьются:
В кипучей сладости очей
Мерцаньем маревным мятутся.

Благословенны: — жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленеющий листок,
И — ветхий корень придорожный.

1916
Дорнах

308. РАЗВАЛЫ

Есть в лете что-то роковое, злое...
И — в вое злой зимы...
Волнение, кипение мирское!
Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты;
В мирах, в годах, в часах
Одни тела, тела, тела простерты,
И — праздный прах.

В грядущее проходим — строй за строем —
Рабы: без чувств, без душ...
Грядущее, как прошлое, покроем
Лишь грудой туш.

В мятеж миров, — в немаревные муки,
Когда-то спасший нас, —
Простри ж и Ты измученные руки, —
В который раз.

1916
Москва

309. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Случится то, чего не чаешь...

Ты предо мною вырастаешь —
В старинном, черном сюртуке,

Средь старых кресел и диванов,
С тисненым томиком в руке:
«Прозрачность. Вячеслав Иванов».

Моргает мне зеленый глаз, —
Летают фейерверки фраз
Гортанной, плачущею гаммой:
Клонясь рассеянным лицом,
Играешь матовым кольцом
С огромной, ясной пентаграммой.

Нам подают китайский чай.
Мы оба кушаем печенье;
И — вспоминаем невзначай
Людей великих изреченья;
Летают звуки звонких слов,
Во мне рождая умиленье,
Как зов назойливых рогов,
Как тонкое, петушье пенье.

Ты мне давно, давно знаком —
(Знаком, быть может, до рожденья) —
Янтарно-розовым лицом,
Власы колеблющим перстом
И — длиннополым сюртуком
(Добычей, вероятно, моли) —
Знаком до ужаса, до боли!

Знаком большим безбровым лбом
В золотокосмом ореоле.

1916
Москва

310. АСЕ

В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге
Растворена так странно страсть моя...
Пробьет прибой на белопенном бреге,
Плеснет в утес соленая струя.

Вот небеса, наполнясь, как слезами,
Благоуханным блеском вечеров,
Блаженными блистают бирюзами
И — маревом моргающих миров.

И снова в ночь чернеют мне чинары.
Я прошлым сном страданье утолю:

Сицилия... И — страстные гитары...
Палермо, Монреаль... Радес...
Люблю!..

1917
Демьяново

311. ШУТКА

В
Долине
Когда-то
Мечтательно

Перед
Вами
Я, —

Старый
Дурак, —

Игрывал
На
Мандолине.

Вы —
Внимали
Старательно.

И —
— Стародавний Зодиак.

Как-то
Избили
И
Выгнали
Меня
Из
Цирка

В
Лохмотьях
И
В
Крови,

Вопиющего —

— О Боге!
— Боге!
— Боге!

И
О —

— Вселенской любви.

Вы
Случайно
Встретили
Поющего
Паяца —

Постояли,
Послушали
Пение.

Вы —
Отметили

Дурацкий
Колпак.

Вы —
Сказали
Внимательно:

— «Это—
Путь
Посвящения»...

Вы —
Мечтательно
Уставились

В —
— Зодиак.

1915
Дорнах

312. ТЕЛА

На нас тела, как клочья песни спетой...
В небытие

Свисает где-то мертвенной планетой
Всё существо мое.

В слепых очах, в глухорожденном слухе —
Кричат тела.
Беспламенные, каменные духи!
Беспламенная мгла!

Зачем простер на тверди оледелой
Свои огни
Разбитый дух — в разорванное тело,
В бессмысленные дни!

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,
В растущий гром
Мы — мертвенные, мертвенные твари —
Безжертвенно бредем?

1916
Москва

313. АСЕ

Уже бледней в настенных тенях
Свечей стекающих игра.
Ты, цепенея на коленях,
В неизреченном — до утра.

Теплом из сердца вырастая,
Тобой, как солнцем облечен,
Тобою солнечно блистая
В Тебе, перед Тобою — Он.

Ты — отдана небесным негам
Иной, безвременной весны:
Лазурью, пурпуром и снегом
Твои черты осветлены.

Ты вся как ландыш, легкий, чистый,
Улыбки милой луч разлит.
Смех бархатистый, смех лучистый
И — воздух розовый ланит.

О, да! никто не понимает,
Что выражает твой наряд,
Что будит, тайно открывает
Твой брошенный, блаженный взгляд.

Любви неизреченной знанье
Во влажных, ласковых глазах;
Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

Лазурным утром в снеге талом
Живой алмазник засветлен;
Но для тебя в алмазе малом
Блистает алым солнцем — Он.

1916
Москва

314. РОССИЯ

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Летая, стая
Ночных сычей —
Рыдает в дали
Пустых ночей.

Темнеют жерди
Сухих осин;
Немеют тверди...
Стою — один.

Здесь сонный леший
Трясется в прах.
Здесь — конный, пеший
Несется в снах.

Забота гложет;
Потерян путь.
Ничто не сможет
Его вернуть.

Болота ржавы:
Кусты, огни,
Густые травы,
Пустые пни!

1916
Москва

315. ДЕКАБРЬ 1916 ГОДА

Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый
Своей трескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые Палаты
Ударил, как иглой.

Светясь, виясь, в морозный морок тая,
Бросает в небо пламена
Тысячецветным светом излитая,
Святая Купина.

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат, —
Народная, свободная стихия
Из града в град!

1916
Москва

316. А. М. ПОЦЦО

Глухой зимы глухие ураганы
Рыдали нам.

Вставали нам — моря, народы, страны...
Мелькали нам —

Бунтующее, дующее море
Пучиной злой,

Огромные, чудовищные зори
Над мерзлой мглой...

И сонная, бездонная стихия
Топила нас,

И темная, огромная Россия
Давила нас.

О, вспомни, брат: грома, глаголы, зовы,
И мор, и глад.

О, вспомни ты: багровый и суровый
Пылал закат.

В глухие тьмы хладеющие длани
Бросали мы.

В глухие тьмы братоубийств и браней
Рыдали мы.

И звали мы спасительные силы
Заветных снов...

И вот опять — медлительный и милый
Ответный зов.

1918
Москва

317. СЛОВО

В звучном жаре
Дыханий —
Звучно-пламенна мгла:

Там, летя из гортани,
Духовеет земля.

Выдыхаются
Души
Неслагаемых слов —

Отлагаются суши
Нас несущих миров.

Миром сложенным
Волит —
Сладких слов глубина,

И глубинно глаголет
Словом слов Купина.

И грядущего
Рая —
Тверденеет гряда,

Где, пылая, сгорая,
Не прейду: никогда!

1917
Дедово

318. К РОССИИ

Россия — Ты?.. Смеюсь и умираю,
И ясный взор ловлю...

Невероятная, Тебя — (я знаю) —
В невероятности люблю.

Опять в твои незнаемые муки
Слетает разум мой:
Пролейся свет в мои немые руки,
Глаголющие тьмой.

Как веющие, тающие маки,
Мелькающие мне, —
Как бабочки, сияющие знаки
Летят на грудь ко мне.

Судьбой — (Собой) — ты чашу дней наполни
И чашу дней испей.
Волною молний душу преисполни,
Мечами глаз добей.

Я — знаю всё... Я — ничего не знаю.
Люблю, люблю, люблю.
Со мною — Ты... Смеюсь и умираю.
И ясный взор ловлю.

1918
Москва

319. АНТРОПОСОФИИ

Над ливнем лет,
Над тьмою туч
Ты — светлый свет
И — летний луч.

Как вешний яд
Неотразим!
И ясный взгляд
Невыразим!

Живой алмаз
Блестит из глаз: —
Алмазит даль,
Поит печаль.

Мой вешний свет,
Мой светлый цвет, —
Я полн Тобой,
Тобой — Судьбой.

1918

320. АСЕ

Те же — приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разредились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасаемым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь:
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем — грядущие встречи;
В будущем — давность мечты:
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты!

1916
Москва

321. ДУХ

Я засыпал... (Стремительные мысли
Какими-то спиралями неслись;
Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию неявленная высь) —

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла — сверлящие спирали —
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных числ,
В бунтующей, мыслительной стихии —

Не я, не я — благие иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.

Звезда... Она — в непеременном блеске...
Но бегает летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

1914
Арлесгейм

322. «Я»

В себе, — собой объятый
(Как мглой небытия), —
В себе самом разъятый,
Светлею светом «я».

В огромном темном мире
Моя рука растет;
В бессолнечные шири
Я солнечно простерт, —

И зрею, зрею зовом
«Воистину воскрес» —
В просвете бирюзовом
Яснеющих небес.

Березы в вешнем лесе,
Росея в серебре, —
Провеяли «воскресе»
На розовой заре...

«Я» — это Ты, Грядущий
Из дней во мне — ко мне —
В раскинутые кущи
Над «Ты Еси на не-бе-си!»

1917
Дедово

323. ВОСПОМИНАНИЕ

Мы — ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно.
В моей груди отражено оно.
И вот — зажгло знакомым, грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла.
Всё вспомнилось — не поднялось вопроса:
В какие-то кипящие колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

1914
Арлесгейм

324. СЕСТРЕ

Антропософии

Слышу вновь Твой голос голубой,
До Тебя душой не достигая:
Как светло, как хорошо с Тобой,
Ласковая, милая, благая.

Веют мне родные глубины
Лепестками персикова цвета,
Благовонным воздухом весны,
Пряными роскошествами лета.

1918
Москва.

325. ТЕЛО СТИХИЙ

В лепестке лазурево-лилейном
Мир чудесен.
Все чудесно в фейном, вейном, змейном
Мире песен.

Мы — повисли,
Как над пенной бездною ручей.
Льются мысли
Блесками летающих лучей.

1916
Москва

326. ВСТРЕЧНЫЙ ВЗГЛЯД

Танка

Медовый цветик сада
Шлет цветику свой стих...
Две пчелки вылетают

Из венчиков: два взгляда
Перекрестились в них.

1918
Москва

327. КРЫЛАТАЯ ДУША

Танка

Твоих очей голубизна
Мне в душу ветерком пахнула:
Тобой душа озарена...
Вот вешним щебетом она
В голубизну перепорхнула.

1918
Москва

328. ВОДА

Танка

А вода? Миг — ясна...
Миг — круги, ряби: рыбка...
Так и мысль!.. Вот — она...
Но она — глубина,
Заходившая зыбко.

1916
Дорнах

329. ЖИЗНЬ

Танка

Над травой мотылек —
Самолетный цветок...
Так и я: в ветер — смерть —
Над собой — стебельком —
Пролечу мотыльком.

1916
Дорнах

330. ЛАЗУРИ

Танка

Светлы, легки лазури...
Они — черны, без дна;
Там — мировые бури.
Так жизни тишина:
Она, как ночь, черна.

1916
Дорнах

331. АСЕ

(а-о)

Снеговая блистает роса:
Налила серебра на луга;
Жемчугами дрожат берега;
В светлоглазых алмазах роса.

Мы с тобой — над волной голубой,
Над волной — берегов перебой;
И червонное солнца кольцо:
И — твое огневое лицо.

1913
Христиания

332. УТРО

(и-е-а-о-у)

Над долиной мглистой в выси синей
Чистый-чистый серебристый иней.

Над долиной, — как изливы лилий,
Как изливы лебединых крылий.

Зеленеют земли перелеском,
Снежный месяц бледным, летним блеском, —

В нежном небе нехотя юнеет,
Хрусталея, небо зеленеет.

Вставших глав блистающая стая
Остывает, в дали улетая...

Синева ночная, — там, над нами,
Синева ночная давит снами!

Молньями как золотом в болото
Бросит очи огненные кто-то.

Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!

Заликует, — всё из перламутра
Бурное, лазуревое утро:

Потекут в излучине летучей
Пурпуром предутренние тучи.

1917
Сергиев Посад

333. АСЕ

(При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем — грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

1916
Дорнах

334. АСЕ

Опять — золотеющий волос,
Ласкающий взор голубой;
Опять — уплывающий голос;
Опять я: и — Твой, и — с Тобой.

Опять бирюзеешь напевно
В безгневно зареющем сне;
Приди же, моя королевна, —
Моя королевна, ко мне!

Плывут бирюзовые волны
На веющем ветре весны:
Я — этими волнами полный,
Одетая светами — Ты!

1916
Москва

335. «Я» И «ТЫ»

Говорят, что «я» и «ты» —
Мы телами столкнуты.

Тепленеет красный ком
Кровопарным облаком.

Мы — над взмахами косы
Виснущие хаосы.

Нет, неправда: гладь тиха
Розового воздуха, —

Где истаял громный век
В легкий лепет ласточек, —

Где, заяснясь, «я» и «ты» —
Светлых светов яхонты,—

Где и тела красный ком
Духовеет облаком.

1918
Москва

336. АНТРОПОСОФИИ

Твой ясный взгляд, в нем я себя ловлю, —
В нем необъемлемое вновь объемлю:
Себя, отображенного — люблю,
Себя, отображенного — приемлю.

Твой ясный взгляд: с ним утопаю я,
Исполненный покоя и блаженства, —
В огромные просторы бытия,
В огромные просторы совершенства.

Нас соплетает солнечная мощь,
Исполненная солнечными снами...
И наши души, как весенний дождь,
Оборвались слезами между нами.

Горенье, пенье, озаренье глаз
Пучинами мерцающими молний, —
Горенье, пенье, озаренье глаз: —
Все — ярче, ослепительней, огромней.

И «ты» и «я» — перекипевший сон,
Растаявший в невыразимом свете...
Мы встретились — за гранями времен
Счастливые, обласканные дети...

1918
Москва.

337. ЗОВ

Сквозь фабричных гудков
Сумасшедшие ревы,
Мы в тиши городов
Слышим тихие зовы.

Исполняется час:
И — восходит в тумане,
Как прозрачный алмаз,
Всё из ярких блистаний, —

Снеговое лицо
На огнистом закате,
Замыкая кольцо
Славословящих братий.

Исполняйтесь, вы, — дни.
Распадайтесь, вы, — храмы.
Наши песни — огни.
Облака — фимиамы.

1914
Арлесгейм

338. РОДИНЕ

В годины праздных испытаний,
В годины мертвой суеты —
Затверденей алмазом брани
В перегоревших углях — Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена —

Туда, — в развалы грозной эры
И в визг космических стихий, —
Туда, — в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

1916
Москва

339. ИНСПИРАЦИЯ

В волне
Золотистого
Хлеба
По прежнему ветер бежит.

По-прежнему
Нежное
Небо
Над зорями грустно горит.

В безмирные,
Синие
Зыби
Лети, литургия моя!

В земле —
Упадающей
Глыбе —
О, небо, провижу тебя...

Алмазами
Душу
Наполни,
Родной стариною дыша: —

Из светочей,
Блесков,
И молний, —
Сотканная, — плачет душа.

Всё — вспомнилось: прежним приветом
Слетает
В невольный
Мой стих —

Архангел, клокочущий светом, —
На солнечных
Крыльях
Своих.

1914
Арлесгейм

340. АНТРОПОСОФАМ

(С любовью и благодарностью
М. В. Сабашниковой)

Мы взметаем в мирах неразвеянный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших пирах, в набежавших мирах
Мы — летящая стая хвостатых комет.

Пролетаем в воздушно-излученный круг:
Засветясь, закрутясь, заплетаяся в нем, —
Лебединый, родимый, ликующий звук
Дуновеньем души лебединой поймем.

Завиваем из дали спирали планет;
Проницаем туманы судьбин и годин;
Мы — серебряный, зреющий, веющий свет
Среди синих, любимых, таимых глубин.

1918
Москва

341. МЛАДЕНЦУ

Играй, безумное дитя,
Блистай летающей стихией:
Вольнолюбивым светом «Я»,
Явись, осуществись, — Россия.

Ждем: гробовая пелена
Падет мелькающими мглами;
Уже Небесная Жена
Нежней звездеет глубинами, —

И, оперяясь из весны,
В лазури льются иерархии;
Из легких крылий лик Жены
Смеется радостной России.

1918
Москва

342. РОДИНЕ

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,

Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

1917
Поворовка

343. ГОЛУБЬ

Вестью овеяны,
Души прострем —
В светом содеянный
Радостный гром.

В неописуемый,
В огненный год, —
Духом взыскуемый
Голубь сойдет.

1918
Москва

344. ЧАША ВРЕМЕН

Открылось!
Весть весенняя!
Удар молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
Громовые
Блистающие весны,
Как в радуги прозрачные, спускается — Христос.

И голос
Поднимается
Из огненного облака:
«Вот чаша благодатная, исполненная дней!»

И огненные
Голуби
Из огненного воздуха
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

1914
Арлесгейм

345. АНТРОПОСОФИИ

Из родников проговорившей ночи
В моем окне
Нежданные, мерцающие очи
Восходят мне.

Блистает луч из звездной рукояти,
Как резвый меч;
Мой бедным ум к ногам смущенных братий
Слетает с плеч.

Я — обезглавлен в набежавшем свете
Лучистых глаз.
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас.

Мы — вспыхнули, но для земли — погасли.
Мы — тихий стих.
Мы — образуем солнечные ясли.
Младенец — в них.

Слепую мглу бунтующей стихии
Преобрази.
Я не боюсь: влекут, Христософия,
Твои стези.

Ты снилась мне, светясь.. когда-то, где-то...
Сестра моя!
Люблю Тебя: Ты — персикова цвета
Цветущая заря.

Как вешний вихрь, гласят неумолимо —
Гласят в голубизне —
Твои слова, пронесшиеся мимо,
Но сказанные мне.

В свои глаза — сплошные синероды
Меня возьми;
Минувшие, глаголющие годы
Мои уйми.

В Твоих глазах блистают: воды, суши;
Бросаюсь в них:
Из глаз Твоих я просияю в души,
Как тихий стих.

И сердце — обезумевшая птица —
В немой мольбе
Пусть из груди — разорванной темницы —
Летит к Тебе.

Мы — вспыхнувшие, вспыхнувшие дети —
В нежданный час:
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас!

1918
Москва

346. ХРИСТИАНУ МОРГЕНШТЕРНУ

Автору «Wir fanden einen Pfad»

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я:
Мы в Штейнере перекрестились оба...
Ты — весь живой, звездою бытия
Мерцаешь мне из... кубового гроба.

Свергается стремительно звезда,
Сверкая в ослепительном убранстве: —
За ней в обетованный край, — туда —
Пустынями сорокалетних странствий!

Расплавлены карбункул и сапфир
Над лопнувшей трубою телескопа...
Тысячекрылый, огнекрылый мир!
Под ним — испепеленная Европа!..

Взлетаем над обманами песков,
Блистаем над туманами пустыни...
Антропософия, Владимир Соловьев
И Фридрих Ницше — связаны: отныне...

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я;
Отныне будем в космосе безмерном:
Ты — первозванным светом бытия,
Я — *белым* «Христианом Моргенштерном».

1918
Москва

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1—3

3

СС

Ты не понят людьми.
Отлетела беспечность.
Ты глаза к небесам подними:
Над тобой бирюзовая Вечность.

Над тобою она:
И — ласкает беззвучно...
И — омытая светом весна,
И — над ухом звенит однозвучно:

«Над тобою Она...
Поцелует беззвучно».

И — все т о ж е крутом.
Ты — свободный, могучий.
О, и — смейся, и — плачь: в голубом
Рассыпаются тучи.

Огневой полосой
Догорает закат: он — не нужен,
Как над матовобледной росой
Встанет нитка жемчужин.

6

СС, рукопись

строфа I, 1 Солнцем сердце сожжено.
III, 1—2 Много пламенного зла
В наших душах солнцем смолото.
III, 4 В душах — солнечное золото.

после строфы III Там взывает, чуть дыша,
К нам архангельское пение...
И горит, горит душа
Светлым светом воскресения.

11—13

2

СС, СБ
строфа II, последовательность строк: 3, 4, 2, 1

II, 2 Громыхали пролетки; и — там
1 Угасал золотистый пожар;

строфа III, последовательность строк: 4, 3, 1, 2

III, 4 Повисающим бурым столбом
3 Задымил остывающий зной...

СБ

строфа V, 2 Слеп: но в «я» открывалося «Я»...

1—2

ВС

Пронизала вершины дерев
Желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись — зацелую тебя...»

Старина, в пламенеющий час
Обуявшая нас мировым,—
Старина, окружившая нас,
Водопадом летит голубым.

Обращенный лицом к старине,
Я взываю мольбою за всех.
И протянутся ветви ко мне
Золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
Что-то снова коснется меня,—
Тот же грустно задумчивый зов:
«Полюблю: зацелую тебя...»

Восклицаю: «Народы мои,
Приходите, идите ко мне:
Откровение новой любви
Открывается ныне во мне.

Проповедую скорый конец;
Проповедую: будет Христос!
Возлагаю терновый венец,
Разукрашенный пламенем роз.

В желтокрасный закатный пожар
Подымают пролетки свой гром.
Полыхает кровавый пожар.
И толпа, запрудив тротуар,—
Потащила в смирительный дом.

19—24

СС

НЕ ТОТ

1

Мглой задернут восток.
Дальний крик пролетающих галок...
Это — он... И венок
Он плетет из фиалок.

На лице его тени легли...
Его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

«Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет...
В твоем взоре, о царь,—
Все, что было, что есть и что будет.

Вот береза ветвями тебя
Поцелует.
Кто-то, Вечный, скорбя,
Заликует».

Месяц,— красный коралл —
Встал в туманные складки...

Он сказал,
Прижимая, как скипетр, фиалки:

«Побеждаеши сим...»
Развевалась его багряница;
Закружилась над ним,
Глухо каркая, черная птица.

Горбуны из пещеры пришли,
Повинуясь закону.
Горбуны поднесли
Золотую корону.

2

Он, как новый Христос,
Просиявший учитель веселья,—

В лепестках белых роз
С чашей странного зелья,

И любя и грустя,
Показался из дали,
Как святое дитя;
Он — в закатно-янтарной печали.

«О, народы мои,
Приходите, идите ко мне:
Песнь о новой любви
Я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм:
Я — грядущей весне
Свое жаркое сердце отдам.

Я лазурью очей
Омываю ваш грех:
Белизною своей
Успокою вас всех.

Принесу в этот час,
Как вечернюю жертву, себя.
Чтоб погибнуть за вас,
И смеясь, и любя».

3

И кто-то с выси ледяной
(Как сел на трон, венец приявши)
К нему на грудь слетел — сквозной,
Шестикрылатый, просиявший —

Ускорит ужас роковой.
И хаос встал, давно забытый;
И голос бури мировой
Проговорил — глухо сердитый.

И тени грозные легли...
От стран далекого востока
Мы все увидели вдали
Седобородого пророка.

И царь испуганный из зал
С плащом покрытою главою,
Корону сняв,— во тьму бежал,
Повитый дымкой грозовою.

4

О мой царь!
Ты запутан и жалок.
Ты, как встарь,
Притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
Красный отсвет страданий —
Золотистой парчи
Пламезарные ткани.

Ты взываешь, грустя,
Как болотная птица...
О, дитя,
Вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
Наплывающей ночи
На лице снеговом
Голубые безумные очи.

Серебряный-Колодезь

СБ

1

строфа II, 3—4 Это — он... И венок
Он плетет из фиалок.
III, 2 Его голос так звонок.
VI, 1—4 «Вот береза ветвями тебя
Поцелует.
Кто-то, Вечный, скорбя,
Заликует».
VII, 1—3 Месяц,— красный коралл —
Встал в туманные складки...
Он сказал,
VIII, 2 Развевалась его багряница;

29

СБ
строфа I, 2 Молчит усмиренный, охваченный старым эфиром,
II, 1 Когда-то у ног его бури ветрами хлестали,
II, 3—4 И в тихое время яснеют безбурные дали.
И тихое время блаженно утонет в лазури.
III, 1 Великое солнце поило немеркнущим светом,
III, 3—4 В великое солнце прощальным вечерним приветом
Встает умирая, с улыбкой своей невозвратной.
IV, 1—2 Вселенная гаснет... Лицо уронил восковое...
Вселенная гаснет, зарей обнимая колени...
IV, 4 В уснувшем, в минувшем — печать мировых окрылений.

30

СБ

строфа I, 2—4	Ей голову сжали колючим, колючим венцом —
	Она улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
	Она улыбнулась... бескровно-туманным лицом.
II, 1	А ветер... А ветер... А ветер тоскующий гонит
II, 4	С невесты не сводит осенних, фиалковых глаз.
III, 1—2	Над ними пространства: пространства лазурны и чисты;
	Лазурны и чисты: «Моя дорогая, усни...
III, 4	Как лист золотистый, безвременьем смытые дни».
IV, 2	Звучат поцелуи; закрыла глаза, чуть дыша.
IV, 4	Над ними кружились пурпурные листья, шурша.

31

Автограф ИРЛИ

строфа I, 7—8	Как пламень, красные гирлянды роз
	Жрец раздавал в потоке сладких слез.
II, 1—4	Темнится тихо вечер легкой мглой.
	Темнится тихо купол голубой.
	У жертвенников тихо плакал рог.
	Лампадами поблескивал чертог.
II, 6	Из полной чаши проливал багрец —
II, 8	Он падал ниц в потоке чистых слез.

32

СС

ВЕСТЬ

Онемелый овес
Дремлет, колос склонив...

Ветерочек пронес
Золотой перелив;
В безысходности нив
Пронеслось, пронеслось:
«Показался Христос!»

Онемелый овес
Шепчет, колос склонив.

Тихий звон. Сельский храм
Полон ропота, слез.
Не внимая мольбам,
Голос, полный угроз,
Все твердит: «Горе вам».

Кто-то свечи принес
В полный ропота храм;

Пронеслось, пронеслось:
«Приближается к нам!...»

Серебряный-Колодезь

35—36

Автограф ГЛМ

Гряда облаков
Отходит, как волны событий,
Как яснонемых жемчугов
Далекие нити.

«Я брызну средь дня
На вас золотыми снопами...
Узнайте меня
Я с вами — над вами...

Закатом [блесну,]
С моей светозарной порфиры

45

СБ

строфа II, 2—4	Проросшие мхи —
	В дуплистые липы
	И в шелест ольхи.
III, 2	Тоскуя о неге,
IV, 1—2	И стерся изогнутый серп
	Средь белеющих лилий —

47

Автограф 1

строфа III, 2	Качается сонный,
IV, 1	В покоях везде тишина.
VIII, 4	Кукушка,
X, 1	И вьющийся хмель
X, 3	И бархатный шмель

Автограф 2

строфа IV, 1	В покоях стоит тишина.
VII, 4	Смотрел он, счастливый и гордый.
VIII, 4	Кукушка
X, 1	На старом балкончике хмель

2

Автограф

[Солнце давно закатилось,
Солнца не ждите!
Сердце в печали томилось...
Дети, усните.]

[Дети, вам грустно и больно,
Холод тут лютый...
Очи закроешь невольно
В эти минуты...]

Бедные дети устали,
[Спят в колыбели...]
Сонные тополи в да́ли
[Зашелестели...]

[Ветер занес их туманом
Мертвенно бледным
Все затенилось обманом
Сладким, победным...]

Там великан одинокий,
Низко согнувшись,
Шествовал к цели далекой,
В плащ запахнувшись...

Как он, блуждая, смеялся
В эти минуты...
Как его плащ развевался,
Ветром надутый...

Где-то далеко, далеко,
Где-то в тумане,
Кто-то над степью широкой
Пел о нирване...

[Сонные тополи в да́ли
Горько вздохнули...
Бедные дети устали...
Сладко заснули...]

СС
строфа II, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

II, 1—2 Месяц взлетел над туманом
Блеском победным.
IV, 1—2 Робко по облаку крался,

	В месяц влюбленный...
IV, 4	Ветром взметенный!
V, 1	Дети, проснитесь!... Уснули?...

3

Автограф

Средь туманного дня, созерцая минувшие грезы, [У][1] лесного ручья великан отдыхал у березы ...Над печальной страной [возвышались далекие кручи][2]... Бесприютной главой он прижался к березе плакучей... Горевал исполин... На челе были складки кручины... Он кричал, что один... Что он стар.... Что [немые][3] годины истомили его... Лишь заслышат громовые речи — все бегут от него... Что он жаждет лишь дружеской встречи... ...Он — почтенный старик — а еще не видал теплой ласки.... ....Ах! ...Он только велик, [а не зол... это все одни сказки][4]....

[Лишь царица луна, [отвечая на ласки титана,][5] так бледна и грустна, проливала лучи средь тумана.]

[Уж давно он устал, [а еще не видал теплой ласки][6].... И призывно кричал... И тоска отражалась во взоре.................................]

[.....Облака разнесли этот жалобный крик великана.... Говорили вдали: «Это ветер шумит средь тумана»....

Затвори, друг, окно... У камина заснем мы глубоко... Пусть там в поле темно... пусть ненастье шумит одиноко[7]...]

...Проходили века... Разражались ненастные грозы.... По щекам старика [все катились][8] горючие слезы..........................

СС

строфа III, 2	Меж бровями роились кручины.
III, 4	Он проходит в немые годины.
VII, 2—4	Разражались старинные грозы.
	По щекам старика
	Покатились алмазные слезы.

60

Автограф 1

Боль сердечных ран все растет, растет... ...На полях туман... Скоро ночь сойдет... Страшен мрак ночной, коли нет огня... Посиди со мной! Не оставь меня!

---

[1] *Над строкой*: Близ
[2] *Над строкой*: протянулись ненастные тучи
[3] *Над строкой*: седые
[4] *Над строкой*: ах! он видит туманные сказки
[5] *Над строкой*: На призыв старика великана
[6] *Над строкой*: и сидел у ручья в тихом горе
[7] *Абзац вставлен позднее.*
[8] *Над строкой*: прокатились

Ты уйдешь... А я буду вновь один, и пройдет, грозя, меж лесных вершин великан седой.... Как угрюмый бес, он грозит бедой и качает лес.....

Буйный ветер спит. Ночь летит на нас. Сквозь туман горит пара красных глаз.................

61

СС	
1-я часть, строфа V	Вот что-то огненное бросится В клоки тумана. Вдали Валькирия проносится В клоках тумана.
2-я часть, строфа I, 4	Он длинным рогом.
III, 3—4	Клоки разорванного знамени Так в небо плещут.

62

Автограф	
строфа I, 4	По воздуху носятся красно-пурпурные стрелы.
II, 3	Порою, закрывши лицо боевыми плащами,
III, 2—4	Метались в лазури снега их воинственных бо́род. И нет их... Зажженный огнем мирозлатных пожаров, Плывет дымовой, многобашенный, тающий город...
СБ	
строфа I, 2—3	Их — каменный облик, всклокоченный, грохотнобелый! Сурово гудят исполины крутые молитву.
II, 1—2	Порой исполин, расплеснув мировыми руками, В лазури шатаяся, падая — ищет объятий;
II, 4	Над телом склоняется медленно гибнущих братий...

63

Автограф	
строфа I, 2—3	В душе моей столетия печали. Я весь исполнен ужасом несчастья
между строфами IV и V	Гигант прошел во мгле виденьем длинным. Его одежд затрепетала лопасть. Истыканная золотом старинным Над головою разверзалась пропасть. Я задрожал — раздался вопиющий, Далекий окрик, за собой манящий. «Седой горбун — вампир тебя сосущий Всегда следит он за тобой из чащи».

VI, 1—3	Стал заклинать — и верил я заклятью.
	Молил Творца о счастии лазурном.
	Увидел вдруг — к старинному распятью
VII, 2	«Заря, заря... И ужас обессилен...»

64

Автограф	
строфа II, 1—2	Притащился ко мне на утес,
	Ковыляя, горбун седовласый.
III, 1	Он плясал,
VII, 1	Низвергались, о чем-то моля,
VIII, 1	Я в бокалы росы нацедил

67

Автограф 1	
строфа II, 5	Лукаво смеялся и взором сверкнул
III, 3	Меж старых камней засверкал ручеек.
IV, 4	Со светочем красным ушел в мир иной.
после строфы IV	Опять, как и прежде, я еду один
	Средь дико шумящих, сосновых вершин.
	<«> Я знаю, товарищ, ты слышишь мой зов!..
	И снова промчишься из бездны веков.
	И снова, могучий, средь яркого дня
	Дождем незабудок осыпешь меня! <»>

Автограф 2[1]	
строфа II, 2	Сверкнуло кровавое пламя вдали...
II, 8 а	«К тебе прискакал я из мрака веков».
б	«К тебе прибежал я из бездны веков».
III, 6	Дождем незабудок засыпал меня...
после строфы IV, 4	И снова промчишься из [мрака] веков.

СЦ	
строфа I, 4	Я в чаще сосновой призывно кричал:
II, 1	Вот тени сгустились. Вот тени прошли.
II, 6	Мохнатые руки ко мне протянул...
II, 8	К тебе прибежал я из бездны веков...»
III, 3	Меж старых камней засверкал ручеек.

69

Автограф	
строфа IV, 1	Не внемлет безмолвной борьбе,
VI, 1	Смотрю... Но серебряный блеск
VIII, 2 а	За ним изваянием хмурым
б	За ним отдаленным конту́ром
X, 3—4	И враг, оглушенный, не мог
	Спастись, и река покраснела.

[1] Варианты — в соотнесении с автографом 1.

СЦ	
строфа II, 1	И вижу в испуге немом
IV, 1	Не внемлет безмолвной мольбе,
VI, 1	Смотрю... Но серебряный блеск
VIII, 2	За ним отдаленным конту́ром
X, 1	Он сбросил врага. Ах, в поток
X, 3	Ах, враг больше выплыть не мог.
XI, 2	Чтоб злобно низвергнуть в пучину...
XII, 3—4	Да слышишь, как лавры шумят
	В веселии страшном и бурном.

СС	
строфа III, 2	На грунте кровавом, изрытом;
IX, 2	И волны летят по стремнинам;
XI, 2	Поросший цветами и мохом...
XI, 4	И — ветер проносится вздохом.

70

Автограф 1	
между 8 и 9	Из туч вплывает с насмешкой луна.
	Кругом возникают намеки без дна.
10	И дуб прокачает своей головой.
вместо 13—14	У ног его пенные волны шумят.
	Отчетливым блеском их гребни блестят.
	Из волн приподнялся мечтатель речной.
	Глядит на кентавра в тоске неземной.
вместо 19—20	...Все тихо... лишь птица кричит в тростнике...
	....
	«Учитель, учитель, мы оба в тоске —
23—24	В волнах захлебнулся мечтатель речной.
	Сова пролетела над спящей сосной.
26	Над речкой кентавр полусонный зовет.
31	И крик его — ржанье лихого коня.
вместо 33—34	У ног его пенные волны шумят.
	Отчетливым блеском их гребни блестят.
	Уже опрокинут кентавр буревой
	В волнах набегающих вниз головой.

Автограф 2[1]	
4	В безумных очах будто искры горят.
8	Туманы спустились... Леса залегли...
вместо 13—14: (2)	Отчетливым блеском их гребни горят.
(4)	Глядел на кентавра в тоске неземной
15	Шептал еле слышно: «Я понял тебя...
24	И ветер вздохнул над согбенной сосной...
после 32 начато	[Уже опрокинут кентавр буревой
	В волн< >]
после 33—34	[И вот замолчал... Но в затишье — гроза...
	На бледных щеках застывает слеза.]

[1] Варианты — в соотнесении с автографом 1.

71—72

1

Автографы 1, 2

Отхлынет прочь волна, разбившись снежно-белой,
Шипучей пеною о камень исполин...
Как тайны, облака плывут мечтой несмелой,
И тают... В небе — синь, в волнах — ультрамарин.

Тут чайка серая кричит, проснувшись...
Там парус уплывает вдаль, надувшись.

Из чащи вышедший погреться фавн лесной,
Наморщив низкий лоб, дудит в свирель прилежно...
На валуне сидит, косматый и смешной,
Рогатой головой качает безмятежно...

И звук разносится по ветерку...
И весело, и грустно старику...

Порой у берега играющей наяды
Плечо или рука сверкнет меж гребней волн...
И фавн, взволнованный, туда бросает взгляды,
Вздыхает и дудит, влюбленной грусти полн...

Над морем рассветающее утро
Украшено цветами перламутра...

2

Автограф[1]

ЗНАМЕНИЕ

В небе дымном туча горит янтарем,
Нежнорозовой мглою курится...
На туманном утесе взмахнула крылом
Белоснежная, странная птица...

Водяная над морем, над синим поет,
Волоса по плечам распускает...
Солнце, красное солнце, как яхонт, взойдет
И она, будто сказка, растает.

И невольно грустит в этот сказочный миг,
И в алмазах сверкают ресницы...
На утесе туманном восторженный крик
Белоснежной, таинственной птицы.

---

[1] Приводится нижний слой текста без учета правки.

Старец с рыбьим хвостом бородою трясет,
Грозовой, возбужденный, сердитый...
Скоро, скоро в волнах его лик пропадет,
Желторозовой пеной покрытый.

Солнце — яхонт багряный — лучистым перстом
Уж янтарную тучку пронзило...
На утесе опять серебристым крылом
Белоснежная птица забила...

73

СС
строфа II, 1—2 Беспечно сижу на сосновом обрубке.
Уставился в золото облачных башен.
III, 2 На пир пригласил горбуна музыканта:
IV, 1 Присевши на кочку, с хохочущей злостью
V, 2 На мшистой лужайке танцуют свой танец...
VI, 2 Меж листьев сверкает закатный багрянец.
IX, 1—2 Пришел, разорвав огневой горизонт,
Над лысиною распустивши свой зонт,—
X, 1 Огромный детина: и — сел на обрубок;

74—78

Автограф
1-я часть,
строфа VI, 1 Вдруг смотрим — лошади в уборе жалком
2-я часть,
строфа IV, 3 Я вспомнил вновь обет ненарушимый,
4-я часть,
строфа I, 2 И русла смерти тихо иссякали.
II, 2 Иисус Христос с зажженною свечою
II, 4 Обшитой золотистою парчею.
III, 2 Бесследным вихрем в Вечность улетело.
III, 4 В лазурноясном счастье онемело.

5-я часть,
строфа IV, 1 Текли в лазурь ликующие звуки
IV, 3 Иисус Христос, нам простирая руки

84

Гриф-1904
1-я часть, 6—7 Сияли взгляды пламенносвятые.
2-я часть,
строфа I, 1 На башни дальних облаков
II, 3 На изумруды мягко стлал
3-я часть,
строфа II, 2—3 Стрекозы хрупкие сквозили
Лазурью бледною и взор

5-я часть,
строфа III, 4 Качался лебедь соннобелый.
IV, 1 А солнца диск почил в огнях.

СБ
1-я часть, 6—7 Открылись взгляды
В выси излитые;
14 *отсутствует*
16 Волос омытое волной немой.
19 Тронулись: была в пространствах дальних —
26 Ветер выхватился <sic!>, белыми шелками вея,—
2-я часть,
строфа II, 1—2 Круг солнца ясно ниспадал,
(И тихо плакала сибилла) —
III, 1 Пророк сказал: «Любовью смерть
3-я часть,
строфа II, 2 Лазурью трепетной сквозили
5-я часть,
строфа I, 3 Струя лазурный фимиам,

86

Гриф-1903

ГНОМ

В дремучем лесу ветер злился.
В плащ кутаясь, гном запоздалый
В пещере лесной приютился,
Надвинув колпак ярко-алый.

Роптал он и плакал: «За что же,
Настигнутый в чаще ненастьем,
Всю жизнь одинок я, о Боже!...
Умру,— не помянут участьем».

Все ждал, не промчатся ли тучи.
Морщины чело бороздили.
Чредой неизменно тягучей
И дни, и года проходили.

Все ждал, не повеет ли счастьем.
Притих, одинокий, усталый.
Над скорченным гномом с участьем
Качался колпак ярко-алый.

Все тихо... Ни бури, ни грома.
Ненастье прошло, пролетело.
Лицо постаревшего гнома
В слезах заревых огневело.

Сказал он: «Довольно, довольно».
В лучах борода серебрилась.

Сказал, засмеялся невольно,
Улыбкой лицо просветилось.

И вот, вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома:
«*Несите меня, мои ноги,
Домой!.. Заждались меня дома*».

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца.
Блеснуло прощальной каймою
Зеркальное золото солнца.

88

Автограф РГБ

Сирый, убогий — я ночью бреду... Все себе кров не найду... Ночь... я о дне плачу... Так горько... так холодно мне................
......Годы проходят — [все] приют не найду... Сирый иду...

Кладбище... Кто-то вздыхает в гробу... Чью-то я слышу мольбу........... ....мимо иду... стонут деревья в холодном бреду... Губы бескровные шепчут мольбу.......... ....стонут в гробу...

Жизнь отлетела от бедной земли.... темные тучи легли..... ....Ветер ночной рвет мои кудри и мчится за мной........... ....Старые образы встали вдали. ....В вечность ушли.

89

Автограф

В дали заслоненной дрожат чудеса. На небе бездонном немая гроза. На море огромные льдины блестят. На льдинах, как тени, медведи сидят.

...Вспомянем, товарищ, былую весну... Чу! слышишь? То скальды поют старину... Пусть в звучных аккордах жизнь горя встает, мелодия < > далече влечет.....

.................И серые тучи внезапно прошли................ И скальды замолкли в туманной дали́.....

90

Автограф[1]

Сияя перстами, заря угасала
Над морем, как ясный рубин.
Крылатая шхуна вдали утопала

[1] Приводится нижний слой текста без учета правки.

И плыли обломки сверкающих льдин.
Душа, рассветая, просила обмана,
Слеза затуманила взор...
Уж ночь проносилась на крыльях тумана
(Отчалил) от берега с песней помор...
Мы сдвинули чаши, наполнив до краю
Из ценных сосудов вином...
Мы плакали молча — о чем — я не знаю
И жизнь (молодая) казалась нам сном...

Года проходили... Угрозой седою
Полярная ночь надвигалась на нас...
Мы тихо прощались с холодной зарею
В вечерний, тоскующий час.
Крылатая шхуна в туман утопала,
Скользя вдоль бушующих водных равнин.
Знакомым пятном равнодушно сияла
Стена наплывающих льдин
Худая, в морщинах, ты робко взглянула
На лысого старца с отвисшей губой
И, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула,
Поникла седой головой.

Я глухо промолвил: «Наполним же чаши
Пусть сердце забьется весельем опять
Не мы, так другие — так правнуки наши
Зарю будут с песней встречать...
Пускай же охватит нас тьмы бесконечность
Сжимается сердце твое?
Не бойся: засветит суровая Вечность
Полярное пламя свое!»...
...Знакомую песню уж смерть затянула
Снежинки мелькали кругом
Ты молча в глаза мне с улыбкой взглянула
Наполнила чашу вином.

91

Автограф 1

Чу! Тоска прозвучала. Мне грозят небеса. Мне темно... Заблистала и на струны больные скользнувши упала слеза.

Отлетели виденья. Наполняет наш край похоронное пенье. О, Всевышний, мне грезы, мне песни, былые отдай! — отдай!

И пою, умирая, бесконечной борьбой сокрушенный. И <?> рыдая... ночью темной мне шепчет так горько: «Пора на покой»........ на «покой».....

95

Автограф

Медведица в небе горит
Бесстрастным сияньем...
Ты горем тяжелым убит,
Измучен страданьем?

Вся жизнь — это только обман,
А в жизни — мы гости...
Метель набросает курган
На старые кости.

<Поглотит?> твой жалкий испуг
Полярное пламя
В ночи развернется мой друг
Кровавое знамя

И снег на могиле сверкнет
В полночи морозной...
Медведь на могилу придет
Походкою грозной.

Пусть будет тоскующий вой
Его раздаваться —
Укрытые льдистой броней
Мы будем смеяться!

Пусть снежный, холодный шатер
Протянется скучно...
Уж в небе огнистый костер
Пылает беззвучно!

96

Автограф

Померкнул день, осенний день. Над миром слез нисходит тень...

Между могил седой туман, там ночью все — обман, обман; там дуб ветвистый шелестит; в часовне огонек горит. Часовня заперта. С тоской там ходит житель гробовой и в окна красные глядит, и в окна красные стучит, и рвется из могилы он, и слышен слабый крик и стон.

[Между могил седой туман. Вдали бушует ураган...]

Умерший друг, сойди ко мне! Мы помечтаем при луне, пока не станет холодна кровавокрасная луна. Сойди из мира счастья, грез в мир страшных снов, в мир горьких слез.

[Между могил седой туман. Вдали бушует ураган.]

Моя печаль светла как день. Над миром слез простерта тень. В часовне житель гробовой к стеклу прижался головой. Кровавокрасная луна уже печальна и бледна.

[Стою с поникшей головой. Все нет тебя, мой друг, со мной!....]

103

Автограф РГБ

Везде дрожали слезы
Слезы ясные...
Они надели розы
Розы красные...

Над речкою стояли
С белым знаменем...
Их молньи осеняли
Тусклым пламенем.

Блестели уж короны
Их росистые...
Гудели перезвоны
Серебристые...

В дыму седом бледнели
Ризы снежные...
Как звезды, пламенели
Очи нежные...

Восторженно махали
Белым знаменем...
А зори рассветали
Жгучим пламенем.

105

Автограф 1

1-я часть, II, 2—4 Грустный шелест знакомых теней
В синем небе рассыпаны щедро
Миллионы небесных огней.
III, 1—4 Лишь чудовищный, каменный колосс,
Запахнувшийся в хаос и мглу,
Возвышает рыка́ющий голос,
Призывая народы ко злу.
2-я часть, II, 4 а Спит в туманах срывается вздох.
б Раздается подавленный вздох.
3-я часть, IV, 3 Стая воронов старых и черных
4-я часть, I, 1—2 В синем небе рассыпаны щедро
Миллионы небесных огней...

I, 4 Грустный шелест знакомых теней.

Автограф 2
1-я часть, I, 3 Я блуждаю средь гор,— позабытый,
II, 2—3 Грустный шелест знакомых теней...
В синем небе рассыпаны щедро
4 а Бриллианты небесных огней...
б Миллионы небесных огней...
III, 1—4 Лишь чудовищный, каменный колосс,
Запахнувшийся в хаос и мглу,
Возвышает рыкающий голос,
Призывая народы ко злу...

2-я часть, II, 1—4 Я кричу, вдохновенный и дикий:
«Вот Мессия грядет!... С нами Бог!...»
Но оттуда, где колосс великий
Спит в туманах, срывается вздох...
IV, 1 И бегут уж ко мне с верой жгучей

после IV [Горький вздох полусонного кедра...
Грустный шепот знакомых теней...
В синем небе рассыпаны щедро
Миллионы небесных огней...]

3-я часть, II, 2 Обманул я вас [криком своим]...
III, 4 Поцелуем смыкает уста...
V *строфа зачеркнута*
V, 4 Поцелуем смыкает глаза...

4-я часть, I, 1—4 Сонный вздох наклоненного кедра
Грустный шелест знакомых теней...
В синем небе рассыпаны щедро
Миллионы небесных огней...

СЦ
1-я часть, II, 1—2 Грустный вздох полусонного кедра.
Тихий шелест: «Неси же свой крест...»
II, 4 Бесконечностью вспыхнувших звезд.
III, 3 Я шепчу, что осилю все кручи.

3-я часть, I, 1 Там... в низинах ждут с верой денницы,
V, 4 Поцелуем смыкает глаза.

4-я часть, I, 1—2 Черный бархат усыпан так щедро
Бесконечностью огненных звезд.

СС
1-я часть, III, 2—4 Как утес мне грозится из мглы.
Я осилю — все выси, все кручи.
Надо мной — облака и орлы.

2-я часть, I, 3—4 Непогода, волнуя, бунтуя,
Начинает протяжно рыдать.

II, 1 Но взываю, взволнованный, дикий:
III, 1—2 И над каменной, мшистой стремниной
Я встаю... Еще день не настал:
III, 4 И в беззорные ночи воззвал.
IV, 1—4 Знаю все: разорвут ураганы,
Грозовые охватят огни...
Я беззвучно взираю в туманы,—
Раздираю одежды свои.

106

СС
1-я часть, строфа VI, 1—2 О, потоки огня
Мою душу сжигают...
2-я часть, строфа I, 1—3 Помним всё. Он сидел
Просиявший, безгласный.
За столом пел
II, 2 От пирушки в восторге мы были.
V, 1 «Се, дарует вам свет
3-я часть, строфа VI, 4 Утопаешь, закрытый туманом.

СБ
1-я часть, строфа VI, 1—2;
2-я часть, строфа V, 1;
3-я часть, строфа VI, 4 — как в СС
2-я часть, строфа I, 2—3 Просиявший, безгласный,
За столом грохотал
строфа II, 2 И — в восторге мы были.

108

СС
строфа I, 2 В несбыточных, в пламенных снах.
I, 4 Со светочем красным в руках.
II, 2 Больной, исступленный мой вид: —

III, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

III, 1—2 Сплетаете чувства свои
Вы в вихри:
IV, 1—3 «Гряди же, гряди...»
Я грустно вздыхаю:
Бескровные руки свои

СБ
строфа I, 2 В чудовищных пламенных снах,
строфа IV, 2 Вздыхаю:
строфа I, 4; II, 2; III;
III, 1—2; IV, 1, 2 — как в СС

109

CC

1

На сердце безумное что-то...
И в теле — холодная дрожь.
Весь день не стихает работа...
Подвозят пшеницу и рожь.

Телеги влекут, громыхая,
С полей многоверстных овес...
Недавно мне тайно сказали,
Что скоро вернется Христос.

Когда я молился, тоскуя,
Средь влажных, вечерних лугов —
«Холодною ночью приду я» —
Поднялся таинственный зов.

И грудь сожжена нетерпеньем...
И знаю: мечта не мечта...
И жду с несказанным волненьем,—
И жду... появленье... Христа.

2

Все было в дому зажжено.
В осенних плащах мы сидели...
Друзья отворили окно.
Тревожно в пространства глядели.

Какие-то люди прошли...
Забил колоток в полуночи...
И вот — с фонарями прошли...
Стояли... одни... в полуночи...

Пронизывал холод ночной.
Луна покраснела над степью.
К нам пес, обозленный, цепной,
Кидался, гремя своей цепью.

Кровавую ленту зари
Встречал пробудившийся петел...
Бледнели в руках фонари...
Мы — звали: никто не ответил.

110—112

1

Автограф
строфа I, 1 — Один средь гор тоскую я, любя,
III, 3 — И в тьме ночной
IV, 2 — Причудливые тучи в синей дали...
V, 1 — Я был меж вас с печалью неземной

между строфами VI и VII

И близок день... Желанный, страшный миг:
Возжегся луч, как меч, багряно-жгучий:
Сверкнул ледник,
Объятый тучей.

VII, 1—2 — Смеюсь мечте... И жду, и жду тебя
И руку воздеваю я бесцельно...

113

Автограф 1

Опять один. Тоскую безнадежно.
Виденья прежних дней,
Нас звавшие задумчиво и нежно,
Рассеялись, лишь стало холодней.
Стою один. Отчетливей, ясней
Ловлю полет таинственных годин.
Грядущее мятежно.
Стою один.
Тоскую безнадежно.

Не возродить... Что было, то прошло —
Всесильно зло.
Кто раз хлебнул напитка дорогого,
Не миновать конца. Средь холода ночного
Несется снова
Знакомый шум безлиственных вершин.
Так горестно, так нежно.
Один, один.
Тоскую безнадежно.

Недолго. Близится. С питьем идет.
Стучит костями.
Питье кровавое мне губы обожжет.
Боюсь. Один. Горит огнями.
Двурогий серп над тополями
Средь ветром зыблемых вершин.
Туман клубится низко.
Один, один,
А смерть так близко.

Автограф 2[1]

(*3*) Нас звавшие [к себе] так сладостно, так нежно
(*7*) Грядущее безбрежно!
(*11—14*) Теперь всесильно зло
Тому, кто раз хлебнул напитка огневого,
Конца не миновать... Средь холода ночного.
В туманном пологе несется снова
(*16*) Так жалобно, так нежно...
(*19—25*) Недолго... Близко уж... Она идет
Ко мне. Стучит костями.
Кровавое питье уста сожжет...
Боюсь!... Боюсь!... Вон там над тополями
Двурогий серп уже горит огнями
Среди заснувших, сказочных вершин.
Туман спустился низко.

Автограф 3[2]

(*3—4*) Нас звавшие к себе так сладостно, так нежно
Развеялись, лишь стало холодней...
(7) Грядущее безбрежно!...
(*11—13*) [Теперь] Всесильно зло...
Кто в жизни раз хлебнул напитка дорогого,
Конца не миновать... Средь холода ночного...
(*15*) В туманном пологе несется снова...
(*19—23*) Недолго... Близко уж... С питьем идет
[Ко мне] стучит костями...
Кровавое питье мне губы обожжет...
Боюсь!... Один!... [Уже] горит огнями
Двурогий серп, [среди немых вершин]
(*25*) Туман клубится низко!
(*27*) И смерть так близко.....

СС

ОПЯТЬ ОДИН

Опять — один. Тоскую безнадежно.
Виденья прежних дней —
В волне теней...

Отчетливей, ясней
Ловлю полет годин.
Грядущее мятежно.

Опять — один.
Тоскую безнадежно.

Что было, то — прошло:
Все — время унесло.
Тому, кто пил из кубка огневого,
Не избежать безмолвия ночного.

[1] Варианты — в соотнесении с текстом Автографа 1.
[2] Варианты — в соотнесении с текстом Автографа 1.

Уста мои огонь кровавый жжет...
Вдали — над тополями —
Горит огнями
Серп — среди вершин...
Туман спустился низко.

Один, один...
А смерть — так близко.

Москва

114

Гриф-1904
2-я часть,
строфа I, 4 И видел я — небесный свод расколот.
II, 1 Стоял,
IV, 3—5 «Себя убил —
— убийца
себя убил...»
V, 1 За мной пришли, но я молчал,—
V, 3 С улыбкой жалкою стоял

СС
1-я часть, Огромное стекло
строфы I—II В оправе изумрудной —
— Разбито вдребезги ветрами...

Стекло —
В оправе изумрудной.

III, 2 Как в ужасе осенняя зарница,
V, 1 Протяжный ветра визг

СБ
1-я часть, III, 2 Как в ужасе осенняя зарница.
IV, 1 Фатою черною грачи
V, 1 Протяжный ветра визг
V, 3 Полынь метлой испуганно промашет.

2-я часть, IV, 1 *отсутствует*

116

Автограф 1[1]

Бледнокрасный, весенний закат догорел.
Искрометной росою блистала трава.
Ты молчала... А Я в тихом горе смотрел.
Говорил неземные слова.

[1] Приводится нижний слой текста без учета правки.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я все понял. Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось,— твой грустный, блуждающий взор
Видел призрак далекой, [грядущей] зимы.

Я все понял... А там степь цвела красотой.
Было сине там... Птица кричала вдали...
Ты молчала... Ни звука... Тоскливой мечтой
Вдоль заката прощальные тучки легли.

И застыли они, расплываясь... Туман
Над рекою заснувшей вставать начинал...
Ты, вставая, сказала мне: «Призрак... Обман»...
Я поник головой... навсегда замолчал...

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя [я люблю], как тогда?
Для чего ж вспоминаю весенние дни?

Автограф 2[1]

строфа I, 3 Ты молчала. А я в тихом горе смотрел на тебя...
II, 1 Замерла ты, ушла в бесконечный простор...
IV, 2 ...над рекою заснувшей блуждать

120

Автограф 1[2]

Мои слова — алмазный водомет
Средь лунных снов, бесцельный, но вспененный,
Мои слова — капризной птицы лет.
Веселый смех, рыданьем заглушенный.

Мои мечты — вздыхающий туман,
Ледник застывших слез, зарей горящий...
Мои мечты — безумный великан,
Средь карликов насмешливо свистящий.

Моя любовь — призывный, грустный зов
Что зазвучит и улетит куда-то,—
Как на заре давно минувший сон,
Забытый, но уж виданный когда-то.

Автограф 3

Мои слова — холодный[3] водомет:
Жемчужный и вспененный,
Иль птицы лет,
Туманом занесенный.

---

[1] Варианты — в соотнесении с текстом Автографа 1.
[2] Приводится нижний слой текста без учета правки.
[3] *Незачеркнутый вариант*: Мои слова — как взлет, как водомет:

Мои мечты — обман:
Ледник, зарей горящий; —
Огромный великан,
Безумный и грустящий.

Моя любовь, как звон:
Откуда-то — куда-то...; —
Как сон,
Уж виданный когда-то.[1]

121

Автограф 1

Тебя, лишь тебя я, мой ангел, люблю!...
Пусть счастье мое в бесконечность летит!...
Восторгом горячим весь мир затоплю!...
Кровавым бессмертием небо горит!...

Доселе меж нами Пространство росло...
Туманное Время минуты плело...
Пространство и Время не властны, мой друг,
Пространство и Время развеялись вдруг!...

Лазурное небо смеялось весной...
Исполнен глубоких, мистических сил
Денницу зажег над твоей головой,
Жемчужною песнью тебя окатил!...

Меж нами равнины, леса, города...
Меж нами года... Но мы вместе всегда!...
Бессмертье плетет нам нетленный венец...
В пурпуровых ризах ты — жрица, я — жрец...

Мы искру раздули в священный пожар.
В пурпуровых ризах в нетленных венцах...
Под нами туманом курится кошмар...
Окрестность сверкает в багровых лучах...

125

СР

строфа I, 3—4 Поле всхлипывает лаем
За глухим селом.

IV, 1—4 Так из пепельных волокон
Пав на лыс-бугор,
Смотрят отблесками окон
В голубой простор.

---

[1] Далее в автографе следуют наброски нескольких неразборчивых строк.

IX, 2	Плещется лоскут...
X, 4	Здесь — глухой народ!

СБ

строфа I, 3—4	Поле вспыхивает лаем За глухим селом.
VI, 1—3	Вон над дальним перелеском Вспыхивает пыл: Это — змей взлетает блеском
IV, 1—4	И из пепельных волокон, Пав на лыс-бугор, Смотрят отблесками окон В голубой простор.
IX, 2	Плещется лоскут...
X, 4	Здесь — глухой народ.
XII, 4	Всхлипывает... Спит...

130

ЗР

строфа V, 2	Окинет бегло взгляд —
VIII, 2—4	Железной полосой. Постукивает, вертит Руками колесо.
после строфы XI	Картуз на лоб надвинул, Бежит с дежурства прочь. Свет яркий поезд кинул В него — промчался в ночь.
XVII, 3	Вечерний там, зеленый

XVIII, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

XVIII, 2	Где пусто и темно.

133

Белый-Блок

БЕГЛЫЙ

Посв. А. А. Кублицкой-Пиоттух

В лесу он простился с конвоем,
Кровавую месть утоля.
Он крался над вечным покоем,
Железною цепью гремя.

Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских утесах.
Поник над свинцовой рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на потухший закат.

Застыла и странно зияла
Улыбка мертвеющих уст.
Но буря над ним распластала
Дрожащий, безлиственный куст.

Над Волгою тканью летучей
Повис сиротливый дымок.
Ласкал он и камень горючий
И ржавые обручи но́г.[1]

Но пальцы его ледяные
Тянулись, тянулись в туман.
Но глыбы у ног земляные[2]
Осыпались мягко в бурьян.

Порывисто знаменьем крестным
Широкий[3] свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным.
Свинцовые воды вспенил.

«Навек распрощаюсь с Сибирью.
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог».

Теперь над волной молчаливо[4]
Он белым качался лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

И вспыхнули звезды — и долго
Мигали с далеких плотов.
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

ЗР

строфа I, 4	Железною цепью гремя.
II, 3	Он стал на приволжских утесах
III, 4	Глядел на потухший закат.
XVIII, 1	И к телу струя ледяная

---

[1] *Было. а* Звенели, о камень горючий
Ударившись, обручи ног.
б Бряцали о камень горючий
Жемчужные обручи ног.

[2] *Было:* Вдруг глыбы у ног земляные

[3] *Было начато:* Горячий

[4] *Было:* Теперь над водой молчаливо

IX, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

IX, 1	Застыла, и странно зияла
X, 3	Лишь буря над ним расплескала
XIX, 1—2	Огни засветились. И долго
	Мигали с далеких плотов.

СР

строфа I, 3	Я крался над вечным покоем,
II, 1—3	Сжимая безжизненный посох
	Холодною, твердой рукой,
	Я стал на суровых откосах,
IV, 3	Я гладил и землю, и камень,
VIII, 1	Где годы встречал я со страхом
VIII, 4	Я молот кидал на кремень;
XI, 1	Где жизнь я кидал, проклиная,
XI, 3	Где едкая стужа, стальная,
XIII, 4	Кусал меня бешеный бич.

СБ

2-я часть,

строфа I, 3	Я крался над вечным покоем
II, 1	Я крался: безжизненный посох
II, 3	Я стал на приволжских откосах
IV, 3	Я гладил и землю и камень,

3-я часть,

строфа VII, 2	Полу я валяться привык:
VIII, 1	Где годы встречал я со страхом
VIII, 4	Я молот кидал на кремень:
X, 2	Ругаяся, мы на баржи,
XI, 1	Где жизнь я кидал, проклиная,
XIII, 4	Кусал меня бешеный бич.

7-я часть,

строфа XVI, 1	Там гнезда, как черные очи
XXI, 2	И в даль потянул ветерок;
XX, 3	И горькая песнь прорыдала

135

ЗР

строфа II, 1—2	Клянет — проклинает свой жребий.
	Жена и друзья далеки.
IV, 4	Пьет воду лоснящийся грач.
IX, 1—3	Зовет, чтоб его исцарапать,
	Вдруг жадным репьем наклонясь.
	Но топчет растрепанный лапоть
закл. строка	Ликует, танцует.

СР

строфа II, 1	Кляну я, рыдая, свой жребий.

II, 3 Холодные облаки в небе
V, 1 Вон там — моим возгласам внемлет
XIII, 1—3 За мною шуршит до деревни
Колючее, злое репьё...
Пропью, прогуляю в харчевне

СБ
5-я часть,
строфа II, 1 Кляну я, рыдая, свой жребий.
II, 3 И вижу, как облаки в небе
I, последовательность строк: 3, 4, 1, 2
I, 3 И кто-то в глухую деревню

6-я часть,
строфа V, 1 Вон там моим возгласам внемлет
VIII, 1—2 «Здесь падают иглы сухие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;
X, 1—2 Глухую, лихую сторонку
Кляня, убираюсь я прочь.
XIII, 1 За мною шуршит до деревни —
XIII, 3 Пропью, прогуляю в харчевне

7-я часть,
строфа XI, 1—3 Окрестность затмилась туманом,
Стрельнула летучей иглой.
Дымится над дальним курганом

138

«Перевал»

ОСИНКА

1

По полям, по кустам
Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам.

Присел под осинкой.
«Сломи меня в корне»,
Осинка лепечет —
Лиственная, кружев узорней.
«Сломи меня в корне:
Твой посох тебе не изменит,
Врагов подорожных размечет».

Молчит сиротинка,
Хохочет,
Да чинит
Свой лапоть.
И хочет

Его молодая осинка
Слезами своими окапать.

Он срезал осинку,
Да с ней и пошел в путь-дороженьку
По полям, по кустам
Ко святым местам,
Славя Господа-Боженьку.

Взял осинку.
Привела осинка
Детинку
В избенку,
Что у старого кладбища,
Где шумят тополя.
Здесь толстая разливала казенку
Бабища —
Тайком
Вечерком.
Получил бутыль.
У бобыля
Нос румянится.
Бобыль
Пьяница!

2

Плыла из оврага
Вечерняя мгла.
И, булькая, влага
Его обожгла.

Картуз на затылок надвинул,
Лаптями взвевая ленивую пыль.
Лицо запрокинул,
К губам прижимая бутыль.

Как встала кручина,
Как взвеяла прах над его головой!
Как свистнула вдруг хворостина
В руках пожелтевшей листвой!

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля.
Кружится и пляшет
Вокруг бобыля:
«Бобыль
Пьяница!
У бобыля
Нос румянится!»

Кружится и пляшет.
Руками своими
Сухими,
Колючими машет
На́ смех кустам —
— Полевым шутихам
И шутам.
Гой еси, широкие поля!
Не поминайте лихом
Бобыля.

142

«Перевал»

ГОРЕ

Солнце тонет.
Ветер стонет,
Веет, гонит
Мглу.

У околицы
По дороге к селу
Парень молится,
Уходя в скитаньице:

«Не ходи за мною, горе,
Мое горе,
Горе-гореваньице!»

По селу — селу — ведет его дорога.
У порога
Развалившейся избенки
Голос хриплый мужичонки.

Торчит,
На парня глядя,
Рот кривит:
— «Сюда,
Дядя,
Ко мне, сюда!»
— «Оставь: я в Воронеж»...
— «Не ходи,
В реке утонешь...
Не ходи!...»
— «Оставь: я в Киев»...
— «Заходи
В хату мою:
До зеленых змиев
Напою...»

Парень клонится,
Спотыкается

С голодовки да с бессонницы.

Над ним горе
На просторе
Гоняется
С гиканьем, с топотом:

«Пропадай ты, горе,
Пропадом!»

Вдали избенки.
Бежит на воле
Кустарник тонкий
Да поле.
Распылалось в небе зарево.
Как из сырости
Да из марева
Горю-горькому не вырасти!

151

«Весы»

строфа I, 1	И бегу в тоске неясной
I, 4	Сяду в уголок.
II, 3	Но на соснах — соснах черных —

IV, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

IV, 4	Побежит твой брат.

156

«Вопросы Жизни»

КАЛЕКА

Я стал похож на паука.
Ползу — влекутся ноги-плети.
Там под кустом издалека
За мной следят в испуге дети.

Как ночь, глаза. Как воск, чело.
На сердце яд отравы острый.
Так глухо стукает в дупло
Над головою дятел пестрый.

Так волен уток диких лёт
Над что-то шепчущей березой.
На костылях ползу — мой рот
Кривит бессильная угроза.

Пусть в вольных далях ветерок
Взметает прах на перекрестках —

Бесцельно плещет мотылек
На кружевных, сребристых блестках.

Я стал похож на паука.
Ползу — костыль мне вздернул плечи.
Ко мне летят издалека
Детей испуганные речи.

Автограф 2

КАЛЕКА

Я стал похож на паука.
Костыль мне подпирает плечи.
За мной летят издалека
Детей испуганные речи.

Тащусь бессильно по тропам,[1]
Усыпанным сырым песочком,—
К подснежникам, к седым дымкам,
К едва зазеленевшим почкам.

Как ночь, глаза; как воск, чело.
На сердце яд отравы острый.
Так глухо стукает в дупло
Над головою дятел пестрый.

Дрожит мой шамкающий рот;
В ресницах стеклянеют слезы.
С зарей проносится и гнет
Едва зеленые березы

Едва запевший ветерок,
И кружится на перекрестках,—
И плещется там мотылек
В паучьих серебристых блестках;

И тянется моя рука
За пауком, и рвет тенета,
И вижу — вижу паука...
Но под кустом [вздыхает][2] кто-то:

Уставился на мой костыль
Ребенок, и кричит невольно.
Кричит,— а я рыдаю в пыль.
Бежит, а мне так больно, больно.

Не избежать своей судьбы.
Безумие в безумном взгляде: —
Мои горбы, мои горбы —
Торчат и спереди, и сзади!

[1] *Было.* Весь день таскаюсь по лугам,
[2] *Исправлено:* темнулся <?>; *вероятно, описка; следует читать:* метнулся.

157

«Свободная совесть»

строфа I, 1—2 Одна сижу средь вешних верб.
Грустна сижу — сижу в кручине.
IV, 2 Прохладно-зыблемых акаций,
VI, 1—2 Теперь бледна меж юных верб
Сижу одна. Брожу в кручине.
VI, 4 Блестит, летит в пустыне синей.

СБ

строфа I, 2 Грустна,— одна: сижу в кручине.
I, 4 Повис в просвеченной пустыне.
II, 3 И пальцы нежных, снежных рук,
III, 1 На склоне дня — на склоне дня —
III, 4 В ласкательной, немой истоме,—
IV, 2 Златисто зыблемых акаций,
V, 1—2 Теней пятнистая игра
Перепестряла цоколь твердый;
VI, 1—2 И вот меж тонких, тонких верб,—
Одна, одна, одна: в кручине.
VI, 4 Блестит, блестит: в пустыне, в синей.

159

Автограф

Моей невестой ты цвела.
И был жених, красив и молод.
Теперь — в очах потухших мгла,
В улыбке уст безумных холод.

Дитя, я рад: полей и рощ
Родные виды вновь воскресли.
В весенний вечер, слаб и тощ,
Сижу — дремлю в спокойном кресле.

Пусть на войне и кровь, и крик,
И желтый дым удушлив, едок —
Мне сладко нежить бледный лик
В лучах, блеснувших напоследок.

Ловлю Твой взор — дитя, дитя:
Вот кисти рук — изящных лилий,
Вот шелк кудрей, цветя, блестя,
Снопы лучей озолотили.

Вложила Ты, глядя сквозь боль,
Как облака плывут — скитальцы,—
Цветок весны, желтофиоль,
В мои трясущиеся пальцы,

И вдруг сказала: *«Страшно мне:*
Там, где ветвей скрестились дуги,
Паук-крестовик в вышине
Повис на серебристом круге».

Как ночь, глаза. Как воск, чело.
На сердце яд отравы острый:
Так глухо стукает в дупло
Над головою дятел пестрый.

ЗР

Моей невестой ты цвела.
И был жених красив и молод.
Теперь: в очах потухших — мгла,
В улыбке уст безумных — холод.
Дитя, я рад: полей и рощ
Родные виды вновь воскресли.
В весенний вечер, слаб и тощ,
Сижу — дремлю в спокойном кресле.

Ловлю твой взор, дитя, дитя.
Вот кисти рук — изящных лилий —
Вот шелк кудрей, цветя, блестя,
Серпы лучей озолотили.

Вложила ты, глядя сквозь боль,
Как облака плывут скитальцы,
Цветок весны — желтофиоль —
В мои трясущиеся пальцы.

Вдруг ты сказала: «Страшно мне:
Там, где ветвей скрестились дуги,
Паук крестовик в вышине
Повис на серебристом круге».

Молчу. Горит душа, горит.
И бешен темный взор мой, бешен.
Костыль приподнятый грозит,
Мертво в застывших пальцах взвешен.

А ты, вздохнув, уходишь вдаль.
Бежишь меня, бежишь невольно.
Бежишь,— а мне чего-то жаль.
Ушла,— а мне так больно, больно.

Нет — не умру. Нет — буду жить.
О, этот тонкий, пьяный запах.
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.

Пусть на войне и стон, и крик,
И желтый дым удушлив, едок —

Мне сладко нежить бледный лик
В лучах, блеснувших напоследок.

Пусть вешний ветер ветвь взовьет.
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна.

Один. Склонился на костыль.
Душа ясна — любви не просит.
В лазури бледной ветер пыль —
Влетевший столб — в пространства бросит,
В пространствах ясных носит, носит.

Пепел-21, ст. 65 Там даль полна перепелами.
67 Свивается ночная сень...
69 И крепнет воздухами тень —
70 Легко мигающими мглами,
76 Где зеленеющее просо

162

ЗР

Мы ждем. Ее все нет, все нет.
Мы ждем средь праздничного храма.
И в черепаховый лорнет,
Глядя на дверь, сказала дама —

Шепнула мне: «Si jeune... Quelle ange...»
Вошла, склонясь: склонясь в печалях,
Белей, чем мертвый флер д'оранж,—
Вошла — туманится в вуалях.

В веселых окнах багрянец.
Рыданий крик сдавил ей горло,
Когда рука над ней венец
Холодноблещущий простерла.

Спешат друзья — за рангом ранг —
Нам оказать вниманья знаки.
На костылях — оранг-утанг —
Стою пред ней в измятом фраке.

Она моя, моя, моя...
Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли. Ласточек семья
Над папертью в лазурь метнулась.

Мальчишки, вскачь спасаясь вдаль,
Со смеху прыснули невольно.
Смеюсь,— а мне чего-то жаль.
Молчит,— а ей так больно, больно.

164

Собрание С. Д. Спасского

ПОЛИНА

Разбитое пьянино...
Рыдает сонатина —

Потоком томных гамм:
«Та-та́м, та-та́м, та-та́м!»

Разбитое пьянино
Мечтательно Полина —
Терзает в полутьме...
В ночном дезабилье.

В полуослепшем взоре
Гардемарин и море,

И невозвратный Крым:
Воспоминаний дым!

Вы где, условны встречи?..
Потрескивают свечи,—

Стекает стеарин
На пальчики к Poline.

Трясутся папильётки
Напудренной красотки —

Семидесяти лет...
И — пляшет в ночь браслет.

В атласы дорогие
Красы свои нагие —

Закрыла на груди:
«О, милый,— приходи!»

«Я — цепенею, млею...»
Атласную лилею —

Ей под ноги луна
Бросает из окна.

Уж *он*, зефира тише,
С ней в затененной нише,

Подкинув свой лорнет,
Танцует менуэт.

Вот тенью длинноносой,
Серебряные косы

Рассыпавши в луне,—
Взлетает на стене.

Старинные куранты
Зовут в ночной угар:
Развеивает банты
Атласный пеньюар.

Москва

СТАРИННЫЙ ДОМ

Все спит — молчит... Но гулко
За фонарем фонарь
Над Мертвым переулком
Колеблет свой янтарь.

Лишь со свечою дама
Покажется в окне,—
И световая рама
Проходит по стене.

Лишь дворник встрепенется,—
И снова головой
Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.

Железная ограда,
Старинный барский дом:
Белеет колоннада
Над каменным крыльцом.

Проходят в окнах светы: —
И выступят из мглы
Кенкэты и портреты,
И белые чехлы:

И нынче, как намедни,
У каменных перил
Проходит вдоль передней,
Ища ночных громил —

(Как на дворе собаки
Там хриплою гурьбой
Поднимут лай) — Акакий,
Лакей — седой, глухой·

В потертом сером фраке
С отвислою губой...
В растрепанные баки
Бормочет сам с собой.

Вот — в коридоре гулком
Дрожит его свеча:
Над мертвым переулком
Немая каланча

Людей оповещает,
Что где-то — там — пожар:
Медлительно взвивает
В туманы красный шар.

Суйда. 08

СБ
строфа I, последовательность строк: 1, 3, 2, 4

II, 4 Проходит по стене;

VI, последовательность строк: 1, 3, 4, 2

VI, 1 Танцуют в окнах светы:
VI, 2 Вот: выступят из мглы.

VII, XV, последовательность строк: 1, 3, 2, 4
XIII, последовательность строк: 1, 3, 4, 2

XIII, 2 Взлетает в ночь браслет.

XI, последовательность строк: 1, 3, 4, 2
IX, последовательность строк: 3, 1, 2, 4

IX, 1 Вы где, условны речи —

XVII, последовательность строк: 1, 3, 2, 4
XVI, последовательность строк: 3, 4, 1, 2
XVIII, последовательность строк: 1, 3, 2, 4

XVIII, 2 Подкинув свой лорнет,
XX, 3—4 Лакей ее, Акакий,
Лакей ее глухой,—

165

СБ
строфа III, 1 Колобродит,
Пары водит,
IV, 1—2 Лязгает железной злостью
В пол — косы сухая жердь:

X, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

X, 3—4	Строя глазки, в залах вьется,—
	Вьется
	В вальсе: домино
X, 1	Из-под маски раздается:
XIV, 1	Боком, боком —
	Легким скоком —
XV, 1	Задрожал над ясным
	Бантом

166

Гриф 1905

МЕЛАНХОЛИЯ

Глухая ночь, но в ресторан
Идут разряженные феи.
Блистает зал. Поет орган.
Стоят надменные лакеи.

Средь ярких комнат я, как тень,
Брожу в волокнах дымной сети.
Уж скоро, скоро белый день
Ударит светом в окна эти,

Пересечет перстами гарь,
На зеркалах блеснет алмазом.
Еще темно. В окне фонарь
Глядит из мрака желтым глазом.

Глухая ночь. И все ушли.
Погасла лампа. Запах гари.
Над головой — вдали, вдали
Звучат обрывки страстных арий.

Я отдохну. Я жил в тоске,
Ночной души не обнаружив.
И вот скользят на потолке
Огни гирляндой бледных кружев.

Остановились. И на миг
Все озарилось странным светом.
И вижу,— в зеркале двойник
Стоит застывшим силуэтом.

СС

загл.	МЕЛАНХОЛИЯ
строфа I, 2—4	Погасли люстры... Ставят свечи...
	Молчит бессмысленный орган.

II, 1—2 Гремят бессмысленные речи.
Уж я — бессмысленная тень —
Прошел во тьму из дымной сети.

CC
загл. ДОМА

строфа V, 3 Как отблески на потолке
VI, 1 Протянутся: так — всѐ на миг
VI, 3—4 И в зеркале стоит двойник
Туманногрустным силуэтом...

167

Гриф-1905

ОТЧАЯНЬЕ

Бегу. Хрустит веселый лед.
Но сердце — сердце льдяный слиток.
Ночная вьюга пусть ревет,
Пусть развернет свой бледный свиток.

Двойник мой гонится за мной.
Он на заборе промелькает,
Скользнет по хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.

Душа, смирись! Молчи! Замри!
Слепят глаза сырые хлопья.
Вонзают в небо фонари
Лучей наточенные копья.

Вперед! Вперед! Погибших дней
Осталась песня недопета.
И пляшут газовых огней
На скользких плитах брызги света.

169

«Вопросы Жизни»

ПИР

На пире буйном я шутил
И легкомысленно, и метко.
Потом свой бледный лик склонил
Над сумасшедшею рулеткой,
Меж тонких пальцев нежно взяв
Благоуханную сигару.
Мой друг запел, к груди прижав
Вдруг зарыдавшую гитару.
Вокруг широкого стола,

Где мы сидели в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.
Из-под склоненных, черных вежд
Очей метался пламень жгучий.
Плыла — и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

К столу припав заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.
Заутра солнца луч блеснет.
Пройдет на фабрику рабочий.
Но вихрь безумий нас сметет:
Бесследно канем в ужас ночи.

Пусть голос вьюги нам родной
Для мертвых плясок руки свяжет.
Заутра саван ледяной
Виясь, над нами мягко ляжет».
Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснущих застыв,
Влилось сквозь матовые стекла
Рассвета мертвое пятно.
И я молчал бессильный, робкий...

И гуще пенилось вино.
И в потолок летели пробки.

Автограф 1[1]

1 На буйном пире я шутил
13 Из-под склоненных темных вежд

Автограф 1, 2
между 28 и 29 И — проигравшийся игрок —
Я быстро встал. Надменно строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок бросая ноги.
Ударил в стену каблуком,
Преображенный пляской свыше —
И колким прыснули дождем
Куски зеркальной, бледной ниши.—

СС
строфа XIII, последовательность строк: 1, 4, 3, 2

XIII, 1 «Я знаю — все...» И банк метал,
V, 3—4 Взволнованно потом прижав
К груди взрыдавшую гитару,—

[1] Варианты — в соотнесении с текстом «Вопросов Жизни».

XIV, 1—2	Я — проигравшийся игрок —
	Привстал... Неуязвимо строгий,
XIV, 4	Под потолок бросая ноги...

между строфами XIV и XV черта

XVI, 2	И мертвый день бледнился робко...
XVI, 4	И в потолок летели пробки.

171

ЗР

строфа I, 1	Заснувший дом. Старик во мгле
I, 3	На бледномраморном челе
II, 2	Заползал яркой, синей пчелкою.
IV, 1—2	Закрыли тучи серп луны.
	Его секут и хлещут градины.
IV, 4	Ночных очей чернеют впадины.
V, 1	Седины бьются на плече.
V, 3—4	Уж на пожарной каланче
	Звезда взвилась, звезда рубинная.

172

Гриф-1905

строфа IV, 1	Уж вихри в нахмуренной тверди
между IV и V	На серый, бесчувственный камень,
	Лишь стужей октябрьской пахнет,
	Кустарник червонный свой пламень,
	Как слезы застывшие, льет.
V, 1	Сшибаются, пляшут, закрыли

173—174

Автограф

ВАКХАНАЛИЯ

И огненный хитон принес,
И маску черную в кардонке.
За столиками гроздья роз
Свой стебель наклоняли тонкий.

Бокалы осушал, молчал,
Камелию в петлицу фрака
Воткнул, и в окна хохотал,
И в утро хохотал из мрака —

Туда, где засиял карниз;
Омылся солнечною лаской[1]

---

[1] *Было*: Окрашенный воздушной лаской

И в рдяность шелковистых риз
Обвился и закрылся маской,

Прикидываясь мертвецом.[1]
И пенились, шипели вина.
Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.

Грудь прободал ему жезлом[2]
Наш жезлоносец длинноносый.
В подставленный сосуд вином
Струились кровяные росы.

Гирляндами его обвил
Из бледнорозовых камелий.[3]
Другой над мертвецом завыл.
Присели оба: побледнели.

Над восковым его лицом
Склонялись неподвижно оба
И полумаску молотком
Приколотили к крышке гроба.

И потащили хоронить
Ватагою беспутной, сонной.
И в бубен пожелтевший бить
Какой-то танец похоронный

Вдруг начали. И в колпаках
За гробом огненным вопили
И фимиам в сквозных лучах
Кадильницами воскурили.

Там красный колыхался гроб.
Там траурные плыли дроги.
Там горбился, как скорбный поп,[4]
Наш жезлоносец длинноногий.

Седой, полуслепой старик.[5]
Язвительным, немым вопросом
Морщинистый он вскинул лик
С наклеенным, картонным носом,

Он руки простирал с земли,
Беседуя и споря с Богом.

---

[1] *Было*: И позабылся тусклым сном
[2] *Было*: Один над мертвецом завыл
[3] *Было*: Другой над мертвецом завыл,
А мы глядели и
[4] *Было начато*: Там высился, как не< >
[5] *Было*: Седой, глухонемой старик.

Покорно выступал вдали
Там с вытянутым строгим рогом

Герольд, предвозвещавший смерть.
Там лентою вилась дорога.
Взревело, прогремело в твердь[1]
Отверстие глухого рога.

Средь улицы восстал мертвец
В предутреннем седом тумане.
Камелий розовый венец
Чуть колыхался в легкой длани.[2]

Так улиц полумертвых строй[3]
Процессия пересекала.
Натешась роковой игрой,
Он отошел и ризой алой

Показывался здесь и там,
Заглядывал, стучался в окна,
Заглядывал, врывался в храм: —
Сквозь ладанные шел волокна.

Предвозвещая рогом смерть,
Он заклинал нас вспомнить Бога;[4]
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие немого рога:

«С шутами был и я шутом.
Восстал, и облак семиглавый
Кляну, да опрокинет гром
Над род сей праздный и лукавый.

Вы думали, что умер я.
Из гроба я восстал в порфире.
Проколет молньей вас огня
Молниеносный мой дикирий».

06. Мюнхен

---

[1] *Было*: Взревело в голубую твердь
[2] *Было*: И в утреннем седом тумане
Средь улицы восстал мертвец.
И закачался в легкой длани
Камелий розовых венец.
[3] *Было*: Натешась роковой игрой,
[4] *Было начато*: Их заклинал во имя Б<ога>
Рыдало и

176

«Факелы»

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги в эфире безоблачном пляшут.
На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.

В шапке мохнатой,
В короткой
Куртке рабочий, тряся бородой снеговой,
Порой
Запевает:
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»
Ходит со знаменем красным в руках.
Блеск златорунный
На небесах.

Вот на толпу налетели драгуны.
Вдоль оград тротуаров и скверов,
Над железной решеткой
Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Свищут пули, кося.
Ясный блеск
Вдруг по взвизгнувшим саблям взвился.

Над мостовой
Встал он с речью к народу.
Грянул в снег головой.
Пал за свободу.

Глуше напев похорон,
Пули всё яростней косят.
Новые тучи кровавых знамен
Там в отдаленьи проносят.

177

«Перевал»

строфа I, 2	Один лишь ты живешь, дотоле
II, 1	Уж покрывается чело,
II, 4	Года, воздетые к высотам.
III, 2—3	Потом нальется в окна злато.
	День — белый жемчуг, день — слеза —
IV, 1—4	Вскипает ветр, восходит дождь.
	Восходит даль лазурной степью.

Но ты и здесь — народный вождь —
Зови своей железной цепью!

178

«*Весы*»	
строфа I, 1—2	Над летним садом сноп ракет
	Струей вскипел златисто-тонкой.
I, 4	С собой увлек почти ребенка.
II, 3—4	Сморю: манит — ко мне, за мной —
	Промчится вскачь по летней сцене.
III—V	Бичом над ней взмахнул жокей.
	Ревет толпа весельем пирным.
	Давно в мой счет, давно лакей,
	Смотрю — уткнулся пальцем жирным.
	Он ждет: но к месту я прирос.
	Хочу бежать, недвижны ноги.
	Кто над толпой кинжал вознес
	Там в черной маске, в красной тоге?
	Куда зовет? О чем поет?
	Зачем он встал над жизнью блеклой?
	Вот тяжкий камень разобьет
	Позором купленные стекла.
VI, 1	Они бегут. Смятенье, крик.
VI, 3	Оттуда выскочил старик
VII	Тот убежал, тот пал в тоске
	У тиховейного бассейна; —
	Бокал ослаб в моей руке —
	Роняет искры мозельвейна.

181

«*Перевал*»	
строфа II, 1—2	Не страшна уж ни боль, ни тоска мне.
	Ах, терзали — я падал в крови.
III, 2	Я лицом бледно-белым, как день.
III, 4	Легколетную, черную тень.
VI, 1—2	Ветер, ветер, ты брат мой, ты тихо
	Здесь пролей на меня свою сонь.

183

«*Перевал*»	
строфа I, 1	Там средь камней меня затерзали —
I, 3—4	Я воздел полевые скрижали —
	Желтый череп, лежавший в земле.

II, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

II, 3 Долгим гласом окрестность тревожу.
II, 4 Умоляю, чтоб солнце взошло.
II, 2 Песья челюсть венчает чело.
III, 1 Слышу ветра призывные трубы
III, 3 В душный сумрак оскалены зубы
между IV и V Ввечеру караулю зарницу.
Ночью, блеском осыпанный звезд,
В вольном беге хватаю лисицу,
Нагоняя, за огненный хвост.
V, 2—3 Темным дымом в лазурь вознесусь.
Я — просторов рыдающих сторож,

187

Гриф-1905

УСПОКОЕНИЕ

Из воспоминаний помешанного

Ушел я раннею весной.
В руках моих пылали свечи.
Линючей, красной пеленой
Повил опущенные плечи
Священный, царский плащ — кумач.
В очах ни слез, в груди ни вздоха.
К челу больному я — палач —
Прижал венок чертополоха.

Мой ум был ясен, как стекло,
Но я для сутолоки замер.
И время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.
Сложивши руки без борьбы,
Спокойно ждал судьбы развязки.
Там... за стеной... безумств рабы
Свершали мертвенные пляски.

И вновь повеяло весной.
И я бежал из душных камер.
Украдкой шел по мостовой
И средь полей блаженно замер.
Горела нежно бледность дня.
Пушистой вербой кто-то двигал.
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей льдяных игол.

Пришли — и видят, как брожу
Средь метел я чертополохов.

И вот в стенах опять сижу,
В очах нет слез. В груди нет вздохов.
Мне жить в застенке суждено.

О, да! Застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

188

«Шиповник»
вместо 20—24

Стою с блеснувшим копием,
Пронзившим веющий туман
Своим алмазным острием,
Подобным утренней звезде.

Поберегутся меня —
Поберегутся дня!

191

1

СБ

Лежу
В цветах
Онемелых,
Пунцовых,—

В гиацинта розовых и лиловых,
И белых...

Гляжу —

Без слов,
Как вознес мой друг —

Меж искристых блесток
Парчи —

Малиновый пук
Цветов —

В жестокий блеск
Свечи.

2

Приходите,
Гостьи и гости,—
Прошепчите:
«О Боже!» —

Оставляя в прихожей
Зонты и трости:

Вот — мои кости!

Разрешаю вам
Смех истерический
И даже — чиханье...

Улыбаюсь —
В венок металлический:
«До радостного свиданья,—

Господа!»

Отпевание,
Рыдания
В ладанных, янтарных
Лучах...

«До свидания, до свидания —

В местах,
Где нет ни болезни, ни воздыхания»...

Диакон —
Крякнул;
Кадилом —
Звякнул:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего!»
Священнодействует.
Чадно!

Не складно
У смерти
В лапах —

Поверьте мне:
Разложение — действует
И есть уже — запах.

3

Вокруг —
Невеста,
Любовница,
Ее друг
И цветов малиновых пук.

Со мной —
Никого,
Ничего:

«Упокой, Господи, раба Твоего!»

Сквозь горсти цветов
Онемелых,
Пунцовых,—

Савана лопасти —
Из лиловых
И белых
Лепестков —

Плещут в загробные пропасти...

193

СБ
2 Гроб приподнимут.
17 (На радость прохожим бездельникам) —
вместо 30—32 Толпа
Отступает,
Увидев попа,
А служитель бюро
Похоронной процессии
С иконой шагает
(По долгу профессии...)
50—51 *отсутствуют*

196

«Перевал»
строфа I, 1—2 Как в струе воздушного тока
Я встану на мертвом одре.
IV, 1—3 Это я — воздушный скиталец —
К ней прижму снеговое лицо.
И наденет она на палец
V—VI Знаю все: вихряные вуали
Ее оплетут, как встарь.
Скоро, скоро в надзвездные дали
Мы пойдем — царица и царь.

Я был скован могилой сырою.
Надо мной качался крест.
Но ее от людей укрою
Колыбелью далеких звезд.

СС
строфа I, 2 Восстаю на мертвом одре.
I, 3 И качается красное око
II, 2 Но я, весь, омыт бирюзой.
II, 3 На ланитах заискрился пламень
IV, 1 Я к ней — воздушный скиталец —

IV, 4 Мое золотое кольцо.
VI, 1 Был задушен могилой сырою.
VI, 4 Ее в колыбели из звезд.

199

«Журнал для всех»
строфа I, 4 Снежной пылью занесет.
II, 1 Солнце, в дымах сизых кроясь,
III, 4 Твой веселый бубенец.
V, 1 Кони станут. Ветер стихнет
V, 3 И румянец ярче вспыхнет

200

Автограф
загл. ПОБЕГ

строфа I, 3 Минул срок. Мы былое развеяли.
III, 2 Ты бодрил меня, бледный *товарищ.*[1]
III, 4 Догоравших, вечерних *пожарищ.*[2]
VI, 1—3 И утешенный облачком *розовым,*[3]
Мой юродивый, бедный ребенок,
Ты смотрел, как <над> лесом *березовым*[4]

БЕЗЗАБОТНЫЙ

Полно сердцу томиться заботою.
Среди жаром расплавленных *камней.*[5]
От ночи до ночи я работаю,
И работа, как песня, легка *мне.*[6]

Ветерок молодыми побегами
Прошумит мне о сказочной были.
День погас. Отдыхаю. Телегами
Поднимают столбы серой пыли.

Встало облако длинными башнями...
С голубых, бледнотающих вышек
Над далекими, черными пашнями
Дышит свет златоогненных вспышек.

Блеск и трепет. Зигзаги воздушные
Чьих-то светом пронизанных сабель.

---

[1] Бессовестный плагиат у Тебя. (*Примечание Белого*).
[2] Бессовестный плагиат у Тебя. (*Примечание Белого*).
[3] Плагиат у Семенова. (*Примечание Белого*).
[4] Плагиат у Семенова. (*Примечание Белого*).
[5] Бессовестный плагиат у Брюсова. (*Примечание Белого*).
[6] Бессовестный плагиат у Брюсова. (*Примечание Белого*).

Ровно стелятся травы послушные
Между влажными зубьями грабель.

205

Гриф-1905	
строфа II, 2	Разогнав тревогу.
V, 1—2	Ты как свет, как жизнь, мила
	В день, когда цветут березки.
VI, 2—3	Ты под праздник гладишь.
	Жарким, тихим вечерком
заключительная	Песнь моя вольней звучит.
строфа	Выйдешь. Встанешь окол.
	Ослепительно горит
	Красный глянец стекол.

207

«Вопросы Жизни»	
строфа II, 3	На полях — золотые снопы
III	Свежим ветром, в лицо мне смеясь,
	Ты плеснула — и весел.
	Частый дождик в лазури, искрясь,
	Золотистые сети развесил.
V, 1—2	И опять никого. Только луг
	Тихо дремлет в сырой паутине,

208

Гриф-1905,	
строфа I	Как струя золотого вина,
	Пролитого в сиянии алом,
	Разбивалась колосьев волна
	Вдоль межи налетевшая шквалом.
II, 2	Золотые, как небо, коронки,
III	Рожь шумела, несясь
	Золотым водопадом.
	Ты, смеясь,
	Обожгла меня взглядом.
V, 1	Я шепнул: «Не забудь»,
IV	И склонялись колосья в лучах.
	Наши призрачно легкие тени
	Протянулись на шатких волнах
	Без движений.
СС	
строфа I, 4	Вдоль межи налетевшая шквалом.

II, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

II, 4	Серебристый, и чистый, и тонкий,—
II, 1	Закивали во ржи васильков,
III, 2	Пролетал золотым водометом.
III, 4	Ты, любуясь пролетом.
IV, 1	Посмотри — на струистой волне

209

СС

строфа II, последовательность строк: 4, 1, 2, 3
IV, последовательность строк: 2, 1, 3, 4

IV, 1	Душу испей, чуть дыша:

V, последовательность строк: 2, 3, 4, 1

VI, 1	Если ты бросишь кольцо,—
VI, 4	Бросят янтарную молнью.

210

СС

1—4

Листочками
Шепчутся ветки осиновые.

Глазочками
Поморгают лампадки малиновые.

вместо 6—8

Приходят с веночками,
С белыми, сладостными

вместо 11—13

Моими слезами радостными
Орошаю цветы.

СБ

1—13

Листочками
Помавают
Ветки осиновые...
Глазочками
Поморгают
Лампадки малиновые...

Милые
Приходят с веночками и со сладостными
Цветами.

Из могилы я
Моими слезами
Радостными
Орошаю цветы.

213

СБ

вместо 5—7 Там с красным
Левкоем

Стояла
Над ясным
Покоем.

вместо 13—17 И душные розы —
— пурпурные! —

Окропили
Могилы...

214

«Перевал»

строфа I, 2 «Тревожит память бледных дней?»
II, 2 Пространством дальним вьется с плеч.
III, 1 К тебе срываю месяц — чашу.
III, 3—4 Летим, летим в обитель нашу
Эфирно плещущих степей.
IV, 2 Смотри — холодный, темный мир.
V, 2—4 На лире, взвешенной в мирах.
Пусть нерассказанные руны
На призрачных твоих перстах
VI Прольются заревом симфоний
Во тьму пространств иных, земных:
Там луч дрожит на небосклоне
От тел, летящих в тьму, сквозных.

215

Гриф-1905

строфа I, 3—4 Еще вдали звучат раскаты
Как бы насмешливого хохота.
II, 2—3 В меня бросали все каменьями.
И в исступленье скоротечном

Автограф

строфа I, 3—4;
II, 2 — *как в Гриф-1905*
3 И в опьянении беспечном
V, 1 Коснись меня, ты — цветик нежный!...
V, 3 Я ухожу в покой безбрежный
VI, 3 И ветерок уж рвет лениво

218

«Корабли»

3	И ходил ко мне скелет
7—8	*отсутствуют*
11—12	Так дымил кадилом в нос! Чепуху такую нес!
между 12 и 13	Уж и грянул, грянул хор: «Ты был — жулик, он был вор».
между 14 и 15	Повалили в кабачок. Распивали там чаек.

221

«Весы»

строфа I, 3	Слышишь: ели — ветвистые ели —
II	Ты уставилась в дальнюю просинь Бледным ликом, прозрачным, как снег. Как свершился в холодную осень, Наш любовный, отважный побег.
III, 4	Как бежали вдоль узкой межи,—
V, 1—2	Про осеннюю, вечную скуку, Я про вечную скуку пою.
VI, 1	Побежим — побежим, и заплещут
VI, 3—4	Как над нами, гонимые, блещут, Золотые, кружатся листы.

224

«Весы»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вижу скорбные дали зимы.
Ветер кружево вьюги плетет.
За решеткой тюрьмы
Вихрей бешеный лет.

Жизнь проносится сном —
День за днем.
Тени мучат меня
В безднах ночи, в блеске дня.
Не устанет тень вить
Нить
Веретена.

И поешь себе поешь:
«Жизни грош
Цена!»
И поешь себе поешь:

«Не смутят меня железные засовы,
Звон тяжелый кандальных цепей,

Если слышу запах трав медовый,
Если вижу даль родных степей».

Время белые кони несут.
В окна грива метельная просится.
Ярый скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.

Воздеваю бессонные очи,—
Очи,
Полные слез и огня,
И в провалах зияющей ночи,
И в бледнеющих просветах дня.

Ночь уходит, и денница
Гасит иглы звезд.
Мне на грудь с зарей ложится
Теневой, оконный крест.
Ах, к углу сырой палаты
Пригвоздят меня!

Улыбаюсь я, распятый,
В ярком блеске злого дня.

Пусть мой лик вас жуткой силой
Обожжет в заре.
Простираю из могилы
Руки кроткие горе́.
Я — воскресший над страданьем.
Я — поющий гром.
Я сожгу негодованьем,
Брызну молнийным огнем.
На руках повис пронзенных.

В окнах иглы звезд.
Вот на плитах, мглой вспоенных,
Теневой истаял крест.
Гуще тени. Ярче звуки.
И потоки тьмы.

Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

Время белые кони несут.
В окна грива метельная просится.
Ярый скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.
Воздеваю бессонные очи,—
Очи,
Полные слез и огня,
И в провалах зияющей ночи,
И в бледнеющих просветах дня.

СС

1-я часть, 2 Ветер кружево вьюги плетет.
8 В бездне ночи и дня.
15 *отсутствует*
вместо 18—31 Время, белые кони несут;
Грива метельная в окна холодные просится;

Скок бесконечных минут
В темные бездны уносится.

Воздеваю бессонные очи,—
Очи, полные слез и огня,

Чтобы рушиться в ночи
С догорающим отсветом дня.

2-я часть, 8 Злобой блещущего дня.
17—20 *отсутствуют*
22 Волны падающей тьмы.

3-я часть, 2 Былого.
11—15 *отсутствуют*

СБ

2-я часть, 8 Силой блещущего дня.
23—24 Смерть распластывает руки
На полу моей тюрьмы,—
21—22 В годы судорожной муки.—
В волны падающей тьмы.

225—228

«Весы»

ОДИНОКИЙ

Валерию Брюсову

1

Ты одинок. Один средь нас —
Средь тех, кто ищет, тех. кто молод,
Сквозь дым, сквозь мглу, в горящий час
Познал вершин священный холод.

Да, ты — один. Один — ничей —
Среди кривляний, смехов, свиста.
Здесь на горах поет ручей,
Струной натянут серебристой.

Здесь вечный холод, звездный день.
Застыл орел во взмахе смелом.

Твоя распластанная тень
На леднике зеркально белом.

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух. Серьезен. Строен. Прям.
Иль над книгой тайн изогнут,
Весь отдавшийся трудам.

Ты со всеми одинаков.
Да. Ты замкнут, как пророк.
Пламень уст — багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Быстрый. Острый. Как иголка.
Зуб скрывая жемчута,
Жалишь мстительно и колко
Косолапого врага.

Иль бежишь. Легка походка.
Вертишь трость. Готов напасть.
Пляшет черная бородка.
В острых взорах дышит страсть.

2

Бегут года. Летят планеты,
Вонзаясь в холод ледяной.
Завороженный маг, во сне ты
Повис над страшной пустотой.

Не раз, не раз, сражаясь с Богом,
Десницей ввысь грозил — о пусть!
В изгибе уст безумном, строгом
Я узнаю немую грусть.

За эту грусть о тайне звездной
Люблю тебя. Мне дорог ты.
Несись, несись над страшной бездной,
Над вечной пастью пустоты.

Ты — маг: отдайся своеволью!
И вот летит за мигом миг...
Скажи, над чем ты с острой болью
Склонил свой бледный, гордый лик?

К тебе слетит твой верный филин,
Глаза вперяя в пустоту.
Безводны дали. Воздух пылен.
Ты — пригвожденный ко кресту!

Да, на кресте, во сне, во мгле ты
Летишь над страшной пустотой.

Бегут года. Кружат планеты,
Вонзаясь в холод ледяной.

Автограф 1[1]
2-я часть,
строфа IV, 1 О маг, отдайся своеволью!..
V, 1 К тебе слетел твой верный филин,
V, 4 Не пригвождай себя к кресту.
1-я часть,
строфа IV, 2—3 Сух. Сериозен. Строен. Прям.
Иль над грудой книг изогнут,
I, 4 Познал вершин священных холод.
после III Ты создал мир, горящий в снах,
Туманы дум, картины оргий.
Ты развернешься лишь в веках
И пред тобой падут в восторге.

225—228 (1)

СС
загл. ОДИНОКОМУ
строфа I, последовательность строк: 1, 3, 4, 2

I, 1 Ты — одинок... Ты — правишь бег
I, 2 Вершинный гром упал, как молот.

II, последовательность строк: 1, 3, 4, 2

II, 2 Своей порфирой серебристой.

III, последовательность строк: 1, 3, 4, 2

III, 4 Сечет ледник зеркальный, белый...
III, 2 Ледник висит, оцепенелый...

IV, последовательность строк: 1, 3, 4, 2
V, последовательность строк: 1, 3, 2, 4

V, 3 Ясна обрывистая высь:
V, 2 Изорвана туманов лопасть,
V, 4 Разверзлась под тобою пропасть.

VI, последовательность строк: 1, 3, 2, 4

VI, 1 Над морем золотого льда
VI, 4 Темнится небо голубое.

---

[1] Варианты — в соотнесении с текстом «Весов».

229

«В мире искусств»	
строфа II, 2	Захлещет хладом вглубь аллей;
VII, 3	И в пламенистых, легких звеньях
VIII	Наш мир — юдольный, мир — печальный...
	Но искрится бокал огнем,
	Когда вскипит бокал хрустальный,
	Струистым, пенистым вином.

230—231

«Весы»	
строфа I, 3 1-й части	Внимая буре снеговой.
III, 3—4 1-й части	Над нами бури черный конь
	Железным топотом проскачет.
I, 1—4 2-й части	Ты холодна: и вот, и вот
	Вздуваю уголья камина.
	Как он вскипит теперь, зальет
	Нас кровью жалящей рубина!
V, 1 1-й части	Но отвернулась: смотрит зло
IX, 4 1-й части	Прохладным свистом режут клочья!
III, 1 2-й части	«Люблю, твоя — о верь, о верь!»
IV, 1 2-й части	А в окнах снежная волна

СБ	
загл.	ССОРА
строфа II, 2	Ты жарким, ярким, рдяным пылом;
V, 1	И отошла... И смотришь зло

загл.	ОТЧАЯНЬЕ
строфа VII, 2—4 1-й части	Мне окрылений чувств уснувших,
	Твои засохшие цветы —
	Напоминанья дней минувших.
VIII, 4 1-й части	В ночное, ледяное поле:

II 2-й части, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

II, 3 2-й части	И подошла, и обожгла

заключительные строфы	Я чужд восторга твоего,
	Дороже мне — Тибулл, Проперций...
	И равнодушно, и мертво
	Остановившееся сердце.
	Уж я не верю ничему,
	Подобно мудрому Сенеке,
	Откинутый в глухую тьму
	Меж полками библиотеки.

загл. СТРАСТЬ

строфа I, 3—4 Стреляет искровый огонь,
Стрелой палящею рубина.

II, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

II, 3 Вновь подошла
И обожгла

III, 1 «Люби, не уходи...
И — верь»...

III, 4 Развеял светом шелковистым.

IV, 1 А в окнах
Снежная волна

232

«*Весы*»

строфа II, 1—3 Взлетят и дико брызнут в ночь,
Заслышав коней черных травлю.
Моей тоски не превозмочь.

VIII, 2 Рука — как лилия, сквозная.

IX, 1 Заутра здесь твой мертвый друг

СБ

СЕРЕБРЯНАЯ ДЕВА

В окне: там дев сквозных пурга,—
Серебряных,—
Их в воздух бросит:

С них отрясает там снега,
О сучья рвет;
Взовьет
И —
Носит.

Взлетят и дико
Крикнут
В ночь,
Заслышав черных
Коней травлю...

Упорных
Дум — не превозмочь:
Я — бурю бешеную славлю.

Стреляет палевый огонь
Стрелою пламенного жара. .
Пронесся в ночь
Пурговый конь —
Пронесся прочь

Волною пара...
Как встарь,
Пойду в ночную ярь,
Чтоб кануть в бархате хрустящем...

Пространство черное, ударь,
Как встарь,
Ударь —
Мечом ветров разящим...

Давно все знаю наизусть.
Свершайся, роковая сказка!...

Безмерная, немая —
Грусть!
Безмерная, немая —
Ласка!

загл. СНЕЖНАЯ ДЕВА

строфа IV, 2 И шепчешь: «Клятвы не нарушу...»
IV, 4 Глаза —
Перезеркалят душу.
VI, 1 Так это ты? Ужель —
Ужель?
VII, 1 Виясь,
Как нежное руно,
VIII, 1—2 Пылит сырой,
Кисейный дым:
И лилия — рука сквозная...

235

Автограф
строфы IV—IX Брожу средь полуночных зал...
Со стен — меж шкафом и гардиной —
Младой, вельможный генерал
Блистает белою лосиной.

Вот маршалы — Даву и Ней;
Вот — Александр... Вот — Грибоедов...
Под ними предавались с ней
Безумию невнятных бредов.

Пейзажи Корсик и Савой...
И ручки ситцевые кресел.
К ним прижимаясь головой,
Лобзал ее, счастлив и весел.

За окнами кружились там
Зимой — снега, а летом — ...мухи;

И шли, покорные мечтам,
По темным коридорам... духи...

И — вот!... И на меня с тех пор
Тот генерал с лукавой миной
Насмешливый вперяет взор;
Белеет тою же лосиной.

Вздыхающих стенаний глас,
Стенающих рыданий мука...
Как в грозный полуночи час
Припоминается разлука.

236

ЗР
строфа III, 1—3 Они боялись, как огня,
Что я — помеха их досугу.
И вот так ласково меня
VI, 3—4 Пускай за мною робкий след
Прочертит бархат хрупкобелый —

СБ
строфа II, 4 И жар любви, и — песнопенье,—
V, 3—4 Где я сплетал живой венок
Для окрыленных Полигимний,
между V и VI Где, отдаваяся мечтам,
Исписывал бумаги стопы,
Где составлял по вечерам
Над грудой книжной... гороскопы...

По площадям, по городам
С тех пор годами я таскался;
И угрожая дням, годам
Мой злобный голос раздавался.

Одетый в теневой сюртук,
Обвитый роем меланхолий,—
Я всюду был... И был я звук
Неугасимой, темной боли...

Бросал я желчный голос свой
В дома, в года, в пространства, в зори,
В гром переполненных толпой
Бунтующих аудиторий.

238

ЗР
строфа I, 4 Кругом раздавлены равнины.
II, 1 Над головой разъята пасть

III, 4	Бессонный зверь в ночи проскачет
IV, 1	Своим щетинистым горбом.
IV, 3	Под ним на снеге голубом
VI, 2	И даль, и грустное пространство,

СБ

загл.	НОЧЬ
строфа I, 4	Лежат, раздавлены,— равнины.
II, 3—4	Свою глухонемую власть
	Низводит в душу гнетом грозным.
III, 4	Слезами звездными проплачет...
после III	Рожденный в темном октябре,
	Внимаю песням небосклона,
	О смысле жизни, зле, добре
	В лучах *Весов* и *Скорпиона.*
	Над головой повис *Дракон*
	Оскалом блещущего зева:
	Меня подстерегает он;
	Меня освобождает — *Дева.*

загл.	ПОЛЕ
строфа IV, 2—4	Мелькает волк между холмами;
	И тень на снеге голубом
	Летает легкими скачками:

243

ЗР

строфа II, 1—8	Ночь гасит зори бледной позолотой.
	Ночь в зале дышит бархатною тьмой;
	И вот, и вот, вздыхая за работой,
	Как прежде, шлешь из тьмы укор немой.
III, 3—4	Зажжет кенкэтов бронзовых огни.
III, 7—8	Пойми меня и робость отжени!
VI, 1—2	Как в струях ветра, хладно закипевших,
VI, 5—6	Зеленошумных волн, во тьму взлетевших,
IX, 1—4	Я знал и сам, что ты меня оставишь.
	Ночь возвещает колокола медь.

248

«Весы»

строфа II, 1	Восходит ветр в воздушной вышине.
III, 2	Весной весна, и чем ее измерю?
IV, 2	Я знаю все. Я промолчу. Я верю.
V, 2	В веках, в мирах обиду я измерю.
VI, 2	Я промолчу.— Как мне сказать: «Не верю?»
VII, 1—2	Кто осужден на оном судном дне?
	Свершится суд. Люблю тебя и верю.

250

ЗР

строфа I, 4 В октябрьском, мертвенном тумане.
II И вижу — ряд ученых лбов
Сидит, склонясь на стол зеленый:
Устами прах взметая слов,
Пылит ученого ученый.
III, 4 Мой друг и мой наставник строгий.
IV Зову любовь мою; а он
Стучится в дверь смиренный, кроткий;
Едва атласный, желтый лен
Едва раздвоенной бородки
V, 1 Закрутит остро злым перстом;
V, 3—4 Власы над мертвенным челом.
И холодны глаза — лазури.
VI Он пальцем призрачным грозит,
Приблизится, как черный инок,—
Заговорит, заворожит
Потоком слов, сквозных пылинок.
VII, 1 Он, как паук, в тенетах слов.
VII, 3 И снова ряд почтенных лбов.

СБ

строфа IV, 1—3 В октябрьский мертвый полусон
Он подает мне голос кроткий,
Чуть шелковистый, легкий лен
после строфы VII «В тумане выспренних вопросов
Мы — да: утонем без следа...
Да, господа: что Кант? философ
Отличнейший — Сковорода...»

255

ЗР

строфа III, 4 Обвил сиренью спелый сук.
VI, 2 Не мучь и дай, и дай ответ!
VII, 1—2 Качнулся он: и тень рассыпал;
И сладко так зашелестел,
X Из незабудок росных четки —
Гляжу — в руке сжимает он:
Едва раздвоенной бородки
Едва атласный, желтый лен;
XI, 3—4 Его глаза,— его лазури,—
Точат, как слезы, жемчуга.

XII, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

XII, 3—4 Уста мне жжет, подобный змею,
В тяжелом бархате теней;
вместо XIII—XIV Неумолимый и всевластный,
Ты в полдень сладкий темень взвил

И сердца холод безучастный
В свой жаркий бархат заключил.
XVIII, 1 Смотрю: — свиваясь вдоль дороги,
XX, 2—4 И замирает сердце пусть,
Когда в очах моих восходит
Философическая грусть.

СС

«ГЛЯЖУ: — СВИВАЯСЬ ВДОЛЬ ДОРОГИ...»
строфа XIX, 4 Чуть продышавших жемчугов.

XX, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

XX, 3 Пусть Люцифера лик восходит,
XX, 1 Пусть невозбранно разум бродит

загл. МЕФИСТОФЕЛЬ
строфа XVI, 3 В моей руке бессильно виснет
между XVI и VII Тень силуэтом черноватым
Висит, как я, — всегда, везде.
Тебя ли, пламенем объятым,
Я где-то зрел... Не помню — где.

Ты ль это, неподвижный профиль,
Легко распластан на стене?
Я ль — Фауст? Ты ли — Мефистофель?...
Неясно мне... Склонись ко мне...
VII, 2—4 Как мышь стенная, шелестел.
И из стены бесшумно выпал
И — просерел, и — пробелел.
XIII, 3 Мой странный брат, мой злобный гений
XV, 1—3 А,— понял: но гудящим взмахом
Разбив сквозных лучей руно —
Рассыпался зловонным прахом
после XV Оставьте... В этом фолианте
Мы все утонем без следа!..
Не говорите мне о Канте!!..
Что Кант?... Вот... есть... Сковорода...[1]

256

«Корона»
строфа I, 1 Ушла. И вновь несешь «прости».
III, 3 Так кучи хладом, кучи льдов
IV, 2 Скорей туда, где синь сквозная,
IV, 3, IX, 3 *отсутствуют*
IX, 5 И я один, один в пустыне.
VI, 4 Застывший блик своих снежинок.
X, 1—2 Летят года! Скорей туда —
Смелей, скорей: там синь сквозная

[1] *В автографе (СС) далее было:* Философ русский, а не немец!!!...

X, 4	*отсутствует*
X, 5	Она — моя, а ты — не знаю.

257

ЗР	
строфа I, 1	И перлы сеет хладная роса.
II, 1	Ах, сударь мой: так дней недели семь
IV, 2	Над *ней* вздыхать да плакать на луну.
VI, 2	«Вот вам пример: на нос надев очки,
XVI, 1—2	Искристый след прочертит неба склон. Слетит алмаз в беззвездной бездны сон.

261

«*Столичная Молва*»,
«*Шиповник*»

Я

Далек твой путь, далек, суров.
Восходит серп, как острый нож.
Ты видишь — я. Ты слышишь — зов.
Приду — скажу. И ты поймешь.

Как дни встают. Несутся прочь.
Как тьма растет в летящих днях.
Минуешь день. Минуешь ночь.
Как все пройдет. Склонись в тенях.

Она и ты. Но вы одни.
Ни жизнь, ни смерть. Ни тень, ни свет,
А только вечный бег сквозь дни.
А дни летят, летят — их нет.

Ты — вдаль, ты — прочь. Она — с тобой.
О, вечный круг летящих дней!
Она зовет мольбой, мольбой.
О, ночь, одень кольцом теней!

Минуешь ночь. Не будет дня.
Забудешь мир. Но будет он.
И ты пойдешь искать меня,
Искать свой сон сквозь вечный сон.

И тот же день. И та же ночь.
И рост теней в летящих днях.
Не превозмочь, не превозмочь —
Пусть так: забудь, склонись в тенях.

И там, как здесь, твой путь суров,
Там будет серп, как острый нож.
Там буду я. Там будет зов.
Приду — скажу: и ты поймешь.

267

«Корона»
строфа I, 3 Тони, тони в старинной чаше,
II, 3—4 Меня душил страстей юдольный
Гробницей павший, неба свод.
III, 1 А ныне — ныне в воздух пьяный
IV, 1 И там, где громом в твердь растущий

268

«Корона»

НОЧЬ

Я жду, о, ночь! Пусть серп янтарный блещет;
Скорей, сойди, скорей!
На грудь мою прохладой хладно плещет,
На грудь мою Борей.

Окован цепкой цепью — цепкой цепью рока
Минут, часов, недель.
Душа — надышишься: хлебни хмельного тока,
Пьяни, осенний хмель!

Дыши — надышишься восторгом суеверий
И струйных, струйных пьянств.
Березы кроткие — безропотные дщери
Безропотных пространств —

Да щедро вам на лист метнет сверканий зерна
Обломок янтаря,
Вершиной жалобной, вершиной в ночи черной
Вскипайте, как моря!

270

«Корона»

ЗОВ

Там даль, там лес. Там пруд — и плещет в пруд крылом
Там рыболов.
Там возникал, там рос неведомый о чем
Тоскливый зов.

А я все ждал — зачем? А зов с годами рос.
Я так любил.
Я отдал жизнь мою — зачем? Я все принес.
Я все простил.

Ты отошла — не нужен я? Зачем, скажи,
Зачем звала?

Да, я молчу — не нужен я? Молчит. С межи
Плеснула мгла.

Но не скажу (нет, нет) над жизнью, уходя
Во тьму: «Аминь».
И та же даль. И пруд. Гляжу, как в детстве я
Гляделся в синь.

Заплещет пруд летейскою струей: «Скорей
Ее забудь».
Склонясь, береза льет волну своих кудрей
К нему на грудь.

Береза всхлипнула, пусть внемлю ей, о, пусть,
Моей душой.
Какой там зов, какой? О чем?... Какая грусть!
Как хорошо!

272

«*Шиповник*»

ОНА

Я целовал ее, я ей сказал: «Придешь?»

— «Да, да:
Приду...»

И нет ее, и гаснет свет и ночь не превозмочь.
Придешь?

— «Нет, нет...»

Ну что ж. Пусть так. Всегда я знал.
Я целовал ее, я ей шептал: «Склонись ко мне, вернись,
Мой друг, мой бедный друг!»

— «Да, да...»

От тяжких, тяжких дней и тяжких, тяжких мук
Устал я, друг, устал.
И холод вешних струй, летейских струй
Не возвратит дней прошлых, не вернет ей.
Молчит душа, уснет.

Она клонилась в сон,
Она шептала мне,
Она явилась мне,
Но не вернула мне;
Сказала:

«Не отдам...»

Она сказал мне,
Она дохнула в грудь:

«Тебе идти, тебе...»

«Куда идти, где кануть? Там?»

«Да, да».

Забудь, прости: иду туда...

274

ВС

строфа II, 1 а Проносится,— под облаками —
б Проносится,— под небесами —
IV, 4 Потрясены, углублены,—
V, 1—4 И открывается над нами
Необозримый край родной,—
Открытою над головами
[Сапфировою] глубиной.[1]

281

ЗР

Ты светел в буре огневой,
Пока печаль тебя не жалит.
Она десницей роковой
В тень изначальную провалит.

И мнишь, что кубок твой без дна,
Что грудь восторг навек пронижет.
Прохладнобурный огнь вина,
Паля, гортань сухую лижет.

Испил, а брызнувший угар
Потухшим пламенем дымится,
И пеной кружевной пылится
Опорожненный кубок чар.

Вино страстей мне грудь не жжет:
Люблю души моей пустыню.
Эфир извечно там лиет
Свою святую благостыню.

Приди — она тебя, как мать,
Укроет тьмою: не обманет.
Слезами звездными рыдать
Над бедным сыном не устанет.

---

[1] *Исправлено* Пугающею глубиной.

Приди — на зов ее ответь:
Хоть раз взгляни в пустые очи!
И будешь вечно ты глядеть
В даль неоглядной, темной ночи.

То бездна явлена тоской...
То мир в предмирном вновь раздвинут.
Над этой бездной я рукой
Нечеловеческой закинут.

282

«Корона»	
строфа I, 3—4	Я здесь в твоих волнах зеленых Сырой, сырой перловый луг!
II, 2	Все это было, было встарь.
II, 4	Цветов рассыпчатую ярь.
III	Он вновь пройдет стопою лютой. Оставь, цветов моих не тронь! И вот на луг ложится круто Его шершавая ладонь.
VI, 1—2	Склонил косматые седины. Прости, сырой, перловый луг!
VI, 4	Лениво шаркающий плуг.
VII, 1	Дерут онуч трескучий хворост
VII, 3—4	Я знаю: бархат черных борозд Покроет свежесть зеленей.
IX, 3	Гляди — в надзвездный сумрак канет
СБ	
загл.	ДЕД
строфа I, 4	Сырой, необозримый луг.
III, 1—2	Идет спиною перегнутой В воздушный заревóй огонь;
III, 4	Его шершавая ладонь.
VI, 2	В душистый, непопранный луг!
VI, 3	Врезает мягко дерновины
VII, 1	Онучей топчет травы, хворост
загл.	ВРЕМЯ

строфа IV, последовательность строк: 1, 3, 2, 4

IV, 4	Лелеет жирный перегной.

V, последовательность строк: 3, 1, 2, 4

V, 2	Явил секущим лезвием
VIII, 2	Несем безропотные мы,—
VIII, 4	Врезает бархат вечной тьмы.

283

Автограф 1

XIV

(Знак Наина)

50

«Наин», магическое слово,
Божественный гиероглиф,—
Произнеси, мой пепел снова
В теченье жизни обратив,[1] —

О мой Пи-рей, воздушный гений,
Летящий с урной в небесах,
Над бездной бренных изменений,
И в урну собери мой прах,

<...>[2]

Чтоб над пучиною из урны
Истек он льющимся лучом[3]
Пересекая свод лазурный
В круговороте мировом
[Над мимолетным жизни сном]
Из бездны времени лазурной
Разлит в <?> пепел в лету
<...>

Автограф 2

К ПИ-РЕЮ

Да надо мной рассеет бури
Тысячелетий глубина,
В тебе подвластный час, Меркурий,
В тебе подвластный день, Луна.

«Наин» магическое слово,
Божественный Гиероглиф
Произношу,— да пепел снова
Собрал, в сиянье обратив,

Пи-Рей, солнцеподобный гений,[4]
Летящий с урною в руках[5]
Над бездной бренных изменений
Напечатленный в небесах.

[Да в опрокинутую урну]

---

[1] *Исправлено:* Собрал ты, в злато обратив,—
[2] Не приводятся наброски разрозненных словосочетаний.
[3] *Исправлено.* Ты пролил пепел мой лучом
[4] *Исправлено:* Пи-Рей, богоподобный гений,
[5] *Исправлено.* С воздетой урною в руках

290

«Литературный альманах»
1-я часть,
строфа I, 1—2 Есть край, где белый замок

III, последовательность строк: 5—8, 1—4

III, 5—6 Прищелкивая звонко
III, 1—2 Докучно вырастает
2-я часть, VI, 3—5 Зубцами серых башен:
3-я часть, I, 1—3 Из-за цветов лиловых
Грозился старый шут;

IV, последовательность строк: 4—8, 1—3

4-я часть,
между I и II О, королевна, вспомни
Голубенький цветок —
И над тобою дрогнет
Твердыней вставший рок.
5-я часть, IV, 1 И за стеной зубчатой

СС
1-я часть,
строфа III, 1—8 Докучно бьет трещотка
В его пустую грудь:
«Былое, королевна,—
Забудь, забудь, забудь!...»
2-я часть, I, 2—4 Таясь среди аркад,
VI, 6—8 Истаял в бездне дней.
3-я часть, I, 1 Из-за цветов лиловых
I, 6—8 Блеснул его лоскут.

III, последовательность строк: 4—8, 1—3
4-я часть, между I и II как в «Литературном альманахе»
5-я часть, последовательность строф: I, II, IV, III, V

IV, 1 Там — за стеной зубчатой —

Автограф 1
1-я часть,
между IV и V [«Былое, королевна,
Забудь, забудь, забудь...»
Докучно бьет трещотка
В его пустую грудь...]
3-я часть, I, 1 Из-за цветов лиловых
IX, 1—2 Катались стебелечки

4-я часть, между I и II как в «Литературном альманахе»

Автограф 2
3-я часть, строфа I, 1 Из-за цветов лиловых

IV последовательность строк: 4—8, 1—3

4-я часть, между I и II как в «Литературном альманахе»
4-я часть, II, 5 Воин
VI, 8 Пером.
5-я часть, I, 8 Старых
5-я часть,
между III и IV И камень оборвется
На дно сырого рва:
Из-за стены тревожно
Посмотрит голова.

294

«Остров»

РОДИНА

Наскучили старые годы,
Измучили: сердце — довольно!...
(Ты, вещее сердце, скажи им:
«Исчезните, старые годы»...
И старые годы исчезнут).
Как тучи, невзгоды проплыли;
Над чащей и чище, и слаще
Тяжелый, сверкающий воздух;
В зеленые, сладкие чащи
Несутся зеленые воды;
И песня знакомого гнома
Несется вечерним приветом:

«Вернулись ко мне мои дети
Под розовый куст розмарина»...

Ты, злая година, — рассейся!
В уста эти — влейся, о нектар —
Тяжелый сверкающий воздух
Из пьяного, сладкого кубка!...

Вернулись из долгих скитаний,
Проснулись — о, родина, здравствуй!

295

«Остров»

ЗМЕЯ

О, что за зори? Бархат красный это,
Иль старое бордосское вино?...

Но разорваться сердцу без ответа
На встречу зорям, сердцу — суждено...

Лежу в траве здесь на лугу душистом;
Тяжелое, червонное кольцо
Змеи червонной с шелестом и свистом
Из легких трав разорвалось в лицо.

Приподнялась — и вдруг прыжком сердитым
Ко мне на грудь, впиваясь жалом в грудь...
Обвейся, жаль (восторгом ядовитым
Отравлен я) — мне ожерельем будь!

Ты золотое, злое ожерелье —
Ты жги меня: сожги огнем зари!...
О странное, вечернее веселье!
Безумием, о кровь моя, — гори!

296

«Антология»

ВЕЩИЙ СОН

Струит ручей гирлянды бирюзы
Здесь на луга, на розовые мяты, —
В пустой провал пережитой грозы,
В осеребренные туманом скаты.

Все кануло: глухой покой окрест.
Сто долгих лет переживаю в грезах.
А надо мной горит могильный крест
В пурпуровых, надгробных, темных розах;

А надо мною блещущая высь
Твердит извечно трепетные песни.
Ручей, разговорись — разговорись!
Душа моя, развеселись: воскресни!

Я знаю все: переживя века
Старинный друг опять в эфире встанет.
Старинный друг зовет издалека,
Он на горах: он ждет меня, он манит,—

В пылающих, как языки огня,
Одеждах светлых, с золотой трубою...
Приди, приди: освободи меня —
В обитель света уведи с собою!...

Куда уводит блещущая высь?
Рассеялось небытие могилы...
Прими меня, не отвергай: я — здесь,
Друг сказочный, полузабытый, милый...

303

Автограф 2

Туда,— во мглу небытия...[1]
Как в безвременность мертвым комом
Катилась мертвая земля
Под собирающимся громом...

[Но он таился в тишину,
Дрожа в <   >
Как ворог, жаждущий ловитвы...]
....
Чу! Пушек грохоты... Огни...
Нечеловеческие битвы...[2]
В грозой изорванные дни
Струятся тихие молитвы.

Автограф 3
между строфами VI и VIII

Вновь облако с очей снялось:
Я видел вещие годины:
Сломалась мировая ось...
И пали времени руины.

Я видел — там — за громом битв —
Восстанье Третьего Завета...
Без покаяний и молитв
Не вскроется обитель света.

строфа VII, 1 Я видел там, за громом битв
VII, 3 В волне лучей, в волне молитв,
VIII, 4 То из него восстанет... Гений

306

«Биржевые Ведомости»
строфа II, 1—2 И там — в окне — прорежутся Вогезы.
В окне —
III, 1—4 И мы стоим, шепча слова молитвы...
Сойди,—
И в грохоты неумолимой битвы,
О, Господи, веди!
IV, 2—3 Набат...
Идет — туда: в молитву, в зори, в зовы,

Автограф 2
строфа I, 2—4 Еще давно.
И вот — зовут. И Кто-то, бирюзовый,
Глядит в мое окно.

---

[1] *Было.* Ты помнишь мглу небытия?...
[2] *Было: а* В душе — молитвы... В жизни — битвы.
б Все — битвы, битвы, битвы, битвы.

между строфами II и III	А что пора?... Согнувшись у орудий И бросив взгляд На ряд траншей, где чутко дышат груди — Туда пустить снаряд?
III, 1—2	Иль падая, шептать слова Молитвы «С свинцом в груди...»[1]
IV, 1—2	Пора... Свод неба — бледнобирюзовый... Пора... — закат...

316

Автограф 3	
строфа II, 2	Вставали нам —
VI, 2	Манила нас.
VII, 1	Россия — Ты? Грома, глаголы, зовы
VIII, 1	О, вспомни, брат: багровый и суровый
XII, 1	И вот, и вот: медлительный и милый

318

«*Эпопея*», *CP, BP*	
строфа I, 3—4	Невероятная,— Тебя я знаю: В невероятностях люблю.
III, 1	Как красные, мелькающие маки,—
III, 3	Как бабочки, мелькающие знаки

II, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

II, 3	Прими мои немеющие руки,
II, 4	Исполненные тьмой,—
II, 1	Туда: в Твои незнаемые муки

V, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

V, 3	Блаженствую: и — тихо замираю,

321

«*Жизнь*»	
строфа I, 4	Сознанию неявленная мысль) —
между II и III	Услышал я в моем проросшем слухе Гласящий мне громокипящий метр, Как будто мне из мировой разрухи Развеяли огнеподобный ветр.
III	Открылось мне: в мыслительной стихии, В огне, в воде, в законах точных числ Высокий свой напечатлели смысл —

---

[1] Строчка Лермонтова. (*Примеч. Белого*).

Не я, не я — благие иерархии.
IV, 1 Так и звезда... В непеременном блеске...

322

«*Знамя труда*»
строфа I, последовательность строк: 3, 2, 1, 4

I, 1 В себе самом объятый,—
I, 4 Светлею светом я.
II, 2 Рука моя растет...
между IV и V Хиреющая хата,
Сереющая там,—
Блистанием объята,
Ответствует громам.

333

Автограф 3

I

Лазурь сожжет, как стает тень
Громадин, каменные лики.
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

Еще туман, еще роса,
И запад тусклый жгут зарницы.
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

Уж слышится за ледником
И скоро, искрами блистая,
Коней огневых с седоком
Помчится стая золотая.

II

За часом час; за днями дни.
С тобою мы — о да: навеки.
В очах твоих очей огни
Полуопущенные веки.

Последний друг, бесценный друг,
Не осуди мое молчанье;
В нем грусть, стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

За днями дни: за часом час

О сколько дней, о сколько раз,
Вернувшись в тихую обитель,
Тону в пучине детских глаз,
Мой друг, мой ангел, мой спаситель.

Слова любви и мысли — нет
Их затопи улыбкой пирной.
Нет слов, нет мыслей, только свет
Последний, мировой, безмирный.

Автограф 2 после строфы III

О, сколько дней, о, сколько раз,
Вернувшись в тихую обитель —
Тону в пучине детских глаз —
Мой друг, мой ангел, мой — спаситель.[1]

Нет — имени![2] нет слез; и мыслей — нет.
А только плач о счастье, струйный, лирный...[3]
Нет слов; нет мыслей: — только свет
Последний, утренний, безмирный.

Еще — туман. Еще — роса...
И запад тусклый жгут зарницы.
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

337

«Рабочий мир»

Исполняйтесь, огромные дни!
Распадайтесь вы, темные храмы!
Молниеносны, как песни,— огни
И грозою черны — фимиамы.

Пусть стальное чудовище там,
Поднимая над городом копоть,
Принялось, угрожая мечтам,
Громким поршнем томительно топать.

Пусть и тонкое горло гудков
Поднимает стремительно свисты,—
Прямо в волок волнистых дымов
Занимается зов золотистый.

Исполняется чаемый час: —
Наполняется славой братаний,
Перерезавши тьму, как алмаз,
Благодатью блаженных блистаний.

Громоносно глаголющий клик
Славословящих родину братий,
Высекает Невидимый Лик
Из простершихся братских объятий.

---

[1] *Над строкой — вариант*: хранитель.
[2] *Было*: Нет — слов!
[3] *Было*. А только рокот струйный, лирный...

Исполняйтесь, огромные дни!
Распадайтесь, огромные храмы...
Наши песни — сквозные огни —
Пролетят в облака — фимиамы.

340

СР

строфа I	Мы взвиваем в мирах неразвеянный прах, Угрожаем провалами мертвенных лет. В просиявших пирах, в отпылавших мирах Мы — летящая стая горящих комет.
III, 2	Заплетаются нити судьбин и годин...
III, 4	Среди синих, таимых, любимых годин.

341

Автограф 2, 3

строфа I, 1	Играй, безумная весна
3	Вольнолюбива, как весна
II, 2	Душу прострем

Автограф 2

строфа II, 4	Грянувший гром.
III, 3—4	Теперь — Небесная Жена Забирюзеет глубинами.

342

Автограф 3

строфа I, 1—2	Кипи, огневая стихия, Безумствуй, сжигая меня —
I, 4	Мессия грядущего дня!
II, 4	Свои огнекрылые сны
V, 1	Но в небе,— и кольца Сатурна

Автограф 5

строфа I, 1—2	Кипи, огневая стихия! Безумствуй, сжигая меня!
I, 4	Мессия грядущего дня!
IV, 2	Моря неизлившихся слез

V, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

V, 1	Но в небе — и кольца Сатурна,

«Скрижаль»

строфа VII, 1	Как вешний вихрь гласят неодолимо,—
VIII, 1	В твои глаза — святые синероды —
XI, 1—2	Оденемся, мы — вспыхнувшие дети — В сквозной атлас...

СР

строфа I, 1	Из глубины проговорившей ночи
I, 3	Нежданные, сияющие очи
II, 1—2	Блистает луч из ясной рукояти, Как острый меч.
III, 3	Мы — вспыхнувшие, вспыхнувшие дети:
IV, 1	Проснулись мы, но для земли погасли.
IV, 4	Ребенок в них.
V, 3	Влекут меня Твои, Христософия,
VI, 1	Ты снилась мне, смеясь, когда-то, где-то,
VII, 3	Твои слова, промчавшиеся мимо,
X, 1	Пусть сердце, обезумевшая птица,
X, 3	Взрывая грудь, как легкая зарница.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке по возможности максимально репрезентативного корпуса стихотворений и поэм Андрея Белого особую проблему представляет тот факт, что сам автор неоднократно и зачастую кардинальным образом перерабатывал написанные ранее произведения, в силу чего многие его стихотворения имеют несколько редакций текста; та же особенность сказывается и в составе и композиции его позднейших поэтических сводов (в большинстве своем оставшихся неопубликованными при жизни автора) по сравнению с ранее сформированными и опубликованными книгами.

После выхода в свет первых трех поэтических книг — «Золото в лазури» (1904), «Пепел» (1909), «Урна» (1909) — Белый в 1913—1914 гг. подготовил для петербургского издательства «Сирин» двухтомное «Собрание стихотворений» (издание не было осуществлено при жизни автора; по макету, сохранившемуся в архиве Белого, опубликовано в новейшее время — М., 1997). «Собрание...» сформировано преимущественно из текстов, ранее входивших в упомянутые три книги Белого (к ним добавлены 15 стихотворений, написанных в 1909—1914 гг.), но зачастую в переработанных редакциях; множество стихотворений, помещенных в этих книгах, изъято; взамен тематических разделов, по которым ранее распределялись стихотворения, в основу композиции положен хронологический принцип: тексты распределены по рубрикам «1901 год», «1902 год» и т. д., в ряде случаев с выделением внутри годичной рубрики тематических циклов[1] .

Два года спустя, осенью 1916 г., Белый подготовил для московского издательства В. В. Пашуканиса трехтомное собрание стихотворений. Согласно сообщению в газете «Утро России» от 4 февраля 1917 г., том 1-й («Набат времен») включал стихотворения 1900—1904 г., том 2-й («Россия») — стихотворения 1905—1908 гг., том 3-й («Зовы») — стихотворения 1909—1918 гг. Это издание, в ходе подготовки которого Белый особенно интенсивно перерабатывал стихотворения из «Золота в лазури», не состоялось, и результаты авторской работы исчезли после ареста издателя.

Заново сформированный, и единственный опубликованный при жизни автора, свод стихотворений Андрея Белого 1901—1922 гг. представляет собой сборник «Стихотворения», выпущенный в свет в Берлине в 1923 г. издательством З. И. Гржебина. Многие стихотворения в этой книге воспроизведены в той редакции, которая была подготовлена для «сиринского» издания, многие переработаны вновь; весь корпус текстов распределен по семи тематическим разделам, сохраняющим в большинстве своем заглавия ранее изданных книг, но композиционно их не повторяющим; были разрушены прежние поэтические единства (поэма «Первое свидание» представлена в виде отрывков, помещенных в разных местах книги) и созданы новые (поэмы

[1] Роспись содержания этой и других стихотворных книг Андрея Белого, не публикуемых в настоящем издании, см. в т. 2 на с. 543—563.

«Деревня», «Железная дорога» и др., смонтированные из ранее самостоятельных стихотворений).

К 1925 г. относится составленный Андреем Белым план издания его стихотворений в одном томе, в основу которого полагались состав, композиция и редакции стихотворных текстов, представленные в «гржебинском» издании 1923 г., но с целым рядом специально оговоренных изменений и дополнений (в частности, восстанавливалась в своей целостности поэма «Первое свидание»)[1]. В 1929 г. вышла в свет новым изданием книга Андрея Белого «Пепел», по композиции, составу, редакции текстов радикально отличающаяся от «Пепла» в первом издании (1909 г.); предшествовавшие этой книге редакции «Пепла» 1921 и 1925 гг. остались неопубликованными.

Последнее по времени отражение авторской воли представляет собой относящийся к 1931 г. план издания стихотворных произведений Андрея Белого в двух томах, в составе и композиции, впервые зафиксированных в этом проекте. Том первый — «Зовы времен» — был полностью сформирован автором и подготовлен к печати (основу его составляли радикально переработанные стихотворения из «Золота в лазури» и заново написанные стихотворения с ориентацией на ранее опубликованные в этой книге тексты), том второй — «Звезда над урной» — «не был проработан и остался лишь в виде набросанной автором «условной схемы» отделов и списка по заглавиям стихотворений, предположительно входящих в его состав» (*Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>.* Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 598)[2].

Пожелания Белого относительно состава посмертного издания его стихотворений хорошо известны. Он настоятельно требовал, чтобы из будущих изданий были исключены ранние редакции его поэтических текстов (прежде всего — «Золото в лазури» 1904 г.) и публиковалась позднейшая их версия, т. е. прежде всего «Зовы времен». Вдова Белого К. Н. Бугаева сообщает: «Отношение Б. Н. к «Золоту в лазури» было таким острым и непримиримым, что он не удовольствовался самым резким его отрицанием в конце предисловия к «Зовам времен», где он пишет: «Со всею силой убеждения прошу не перепечатывать дрянь первой редакции <...> отбросам из утиль-сырья место — помойка, а не печатный лист». Даже этих уничтожающих слов ему было мало, и в экземпляре, который давала ему для работы Е. В. Невейнова (своего тогда не было!), яростно крест-накрест перечеркнул заглавие книги, а внизу написал: «Сожжено!» Да, в трудное положение поставил Б. Н. нас и его будущих далеких издателей» (*Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 239—240). Можно было бы, следуя этой авторской установке, избрать для основного корпуса текст «Зовов времен», а ранние произведения из «Золота в лазури» поместить в приложение; исполнить и другое указание автора — для «Пепла» брать тексты из переработанного издания 1929 года. Стихи из книг «Урна», «Королевна и рыцари», «Звезда» и «После разлуки», не вошедшие в «Зовы времен», должны были бы печататься в редакции берлинского издания 1923 года. Однако в плане второго итогового тома стихов «Звезда над урной» Белый отметил заглавия многих стихотворений звездочкой и сноской, предостерегающей о том, что указанные тексты не должны публиковаться до полного их пересмотра автором; к тому же

[1] Этот план публикуется на с. 564—565 (т. 2) наст. изд.

[2] Этот список публикуется на с. 566—570 (т. 2) наст. изд.

несколько раз названия одних и тех же произведений значатся в разных частях плана. Понятно, что этот «конечный» план — далеко не законченный, не оформленный, детально не продуманный, и поэтому не может быть принят за основу научного издания.

Можно было бы воспользоваться упомянутым выше планом 1925 года — следовать его установкам, заменяя, где возможно, тексты «Пепла» в издании 1923 года переработанными текстами 1929 года, а стихи, не включенные в состав этого неосуществленного издания (в большинство — из «Золота в лазури», многие из «Пепла» и «Урны»), помещая в приложении, так же, как и стихи «Пепла» 1929 года, не попавшие в план 1925 года. В 1934 г. именно к такому решению пришли К. Н. Бугаева, П. Н. Зайцев и А. С. Петровский, составители и комментаторы посмертного «Собрания стихотворений» Андрея Белого в издательстве «Academia». Подготовленное и доведенное в январе 1935 г. до верстки, издание в свет не вышло; как свидетельствует современник, оно было инициировано директором издательства Л. Б. Каменевым, однако «сменивший Каменева на посту директора Янсон приказал рассыпать набор» (*Любимов Николай.* Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 2. М., 2004. С. 25). В архиве Белого сохранились его верстка (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 40. 784 с.) и предварительные машинописные тексты редакционного предисловия, примечаний, указателей (Там же. Ед. хр. 39). В предисловии «От редакции» сообщалось, что предпринятое издание, «с возможной полнотой представляющее <...> поэтическое творчество» Белого (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 40. С. 49), включает две части: «Первая часть «Собрания» в основном повторяет схему берлинского сборника 1923 года, с дополнениями и изменениями, внесенными в него авторским планом 1925 года» (С. 56—57); вторая часть представляет собой «Дополнения» к текстам берлинского сборника (стихи из ранее изданных авторских книг, не включенные в издание 1923 года и в план 1925 года, а также стихотворения, опубликованные в альманахах, сборниках, периодических изданиях и в авторские книги не входившие, и стихотворные тексты, извлеченные из прозаических произведений Белого); «в исключительных случаях, когда стихотворение было переработано совершенно заново, Редакция считала необходимым поместить два варианта: один в первой основной части, другой — в «Дополнениях»» (С. 59). Составители, среди них и вдова поэта, в своих решениях ссылались на «волю автора» — возможно, по праву, однако сформированная ими композиция не согласуется с позднейшими пожеланиями Белого, который, по всей вероятности, не был удовлетворен планом 1925 года: иначе зачем же он тогда готовил в 1929—1931 гг. новый, кардинально измененный вариант итогового стихотворного собрания — свой последний двухтомник? «План 1931 года представляет огромный самостоятельный художественный интерес,— писали составители того же редакционного предисловия.— Но Редакция не признала возможным соединить в настоящем издании две формально противоположные части: первый том, организованный самим поэтом, и второй, не дождавшийся окончательной правки. Издать же один первый том — означало бы дать читателю неполное и неточное представление о поэзии Андрея Белого. План самостоятельного издания двухтомия 1931 года таким образом отпадает, и Редакция была вынуждена взять за основу план 1925 года» (С. 53—54). Между тем тексты стихотворений «Золота в лазури», вошедшие в проект 1925 г., впоследствии

в очередной раз пересматривались, от некоторых Белый отказался вообще, другие же, не использованные в плане 1925 г., были переработаны для книги «Зовы времен». В 1931 г. Белый явно находил свои длинные лирические произведения («поэмы»), которые он сформировал для издания 1923 года, объединяя ранее самостоятельные стихотворения (в основном из «Пепла» и «Урны») под общим заглавием, неудачными. В плане 1925 г. Белый сохранил все прежние поэмы и добавил еще одну новую. Однако он почти полностью отказался от этого приема в «Пепле» 1929 г. и придал вновь независимый статус многим стихотворениям, которые раньше считались частями поэм. И если в «Пепле» 1929 г. Белый и объединяет фрагменты из нескольких текстов в новые стихотворения, состоящие из нескольких частей (аналогично тому, как лирическая поэма «Панихида» предшествовала первому изданию «Пепла»), то в этих новых переработках отсутствует даже такое понятие, как «поэма». Нет его и в последнем двухтомном проекте. Вместо этого Белый один раз употребляет слово «сюита», объединив им ряд стихотворений, посвященных В. Я. Брюсову. Вполне очевидно, что в 1931 г. Белый отказался от общей композиционной схемы и приемов, которым следовал в 1923 и 1925 гг.

Другая проблема, связанная с публикацией стихов Белого в редакции и композиции, предложенной издательству «Academia», заключается в том, что многие стихотворения берлинского издания 1923 г. не были переработаны для «Пепла» 1929 г. Поэтому в неосуществленном издании «Academia» тексты 1923 г. чередуются с текстами 1929 г. Такое (не санкционированное автором) сочетание ранних и более поздних текстов, при котором единственный критерий отбора — брать, по возможности, последний по времени вариант текста, свидетельствует, по крайней мере, о непоследовательности; к тому же такое решение нарушает целостность плана 1925 г.

Еще один возможный композиционный вариант — расположение всех стихотворений в хронологическом порядке, помещение новых и переработанных текстов соответственно времени их написания. Это, однако, нарушило бы излюбленные принципы построения, которым Белый неукоснительно следовал на протяжении всей своей творческой жизни, распределяя стихотворения по циклам и разделам, а также привело бы к текстологической неразберихе: в какой мере и на основании каких критериев стихотворение можно считать настолько переработанным, чтобы включать его в издание в качестве самостоятельного текста?

Наилучшим решением нам представляется сохранение каждой книги Андрея Белого в ее первоначальном установленном автором составе и композиции; это касается и позднейших книг — «Пепла» (1929) и «Зовов времен»,— поскольку они лишь отчасти соотносятся со своими хронологически более ранними первоисточниками. Такое решение нарушает предсмертную волю Белого, поскольку стихотворения «Золота в лазури» и многие другие предлагаются читателю в той редакции, которая впоследствии не удовлетворяла автора. Белый, однако, не принимал во внимание то обстоятельство, что редактор научного издания обязан представить творчество поэта в исторической эволюции и перспективе, хотя и упоминал об этом во вступлении к предполагаемому изданию «Золота в лазури» в 1920 г. у Гржебина. Там он замечал, что в случае издания сборника без изменений его надо рассматривать как «документ истории становления символического течения в русской поэзии начала 1900 годов» (Литера-

турное наследство. Т. 27/28. С. 584). Несмотря на заявления Белого о том, что стихи «Зовов времен» (призванные заменить «Золото в лазури») не новы, а лишь отражают темы или «лейтмотивы» поэзии раннего периода, любой, кто знаком с творчеством Белого первого десятилетия XX века, согласится с тем, что его ранняя лирика значительно отличается от произведений 1929—1931 гг. В них сохранились многие прежние образы, темы и «лейтмотивы» ранней поэзии перенесены с удивительным постоянством, однако появились и новые образные построения, и новая лексика (интенсивное использование неологизмов), и новые стилевые приемы. Наряду с неоспоримыми достижениями Белого как опытного и искушенного мастера поэтического слова, переработанные редакции текстов отличаются тем, что в них нет былой спонтанности и юношеской непосредственности. События более позднего периода (после 1903 г.) заставили Белого уменьшить, приглушить пафос стихов «Золота в лазури», хотя в позднейших вариациях на старые темы ему удалось сохранить общую тональность и дух первой книги. Как бы Белому ни хотелось, чтобы его ранняя, далекая от формального совершенства лирика была забыта, именно благодаря первоначальным версиям его стихов, а не тем, которые были написаны на рубеже 1920—1930-х гг. и при жизни поэта не публиковались, он вошел в историю русской литературы и оказал влияние на своих современников.

Первые издания поэтических книг были положены в основу ранее осуществленных сборников Андрея Белого в «Библиотеке поэта». Сборник «Стихотворения», изданный в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1940 г. (под редакцией и с примечаниями Ц. Вольпе), включал избранные стихотворения из шести прижизненных книг, 3-ю главу поэмы «Первое свидание» и 6 стихотворений, написанных в последние годы жизни; в предисловии редактора такое решение обосновывалось общей задачей серии — «показать реальное историческое развитие русской поэзии» (С. 52). При формировании тома «Стихотворений и поэм» Андрея Белого, изданного в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1966 г. (составление Т. Ю. Хмельницкой, подготовка текста и примечания Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко), было принято аналогичное решение, обоснованное в предисловии к примечаниям: «Задача «Библиотеки поэта» — представить русскую поэзию в целом и творчество каждого поэта отдельно в *историческом* развитии. Между тем переработка стихов, которой придерживался А. Белый, начисто уничтожает представление о его творчестве как явлении литературной истории. Переработанные А. Белым в 1929—1931 гг. стихи в подавляющем большинстве случаев не имеют ничего общего с тем, что было им написано и опубликовано в 1901—1904 гг. Это — явление другого стиля, другой поэтики, и рассматриваться эти стихи могут лишь как новые, по существу самостоятельные произведения А. Белого, относящиеся уже к совершенно другой эпохе русской поэзии» (С. 574).

Эту аргументацию считают убедительной и составители настоящего издания. В соответствии с принципами, обоснованными в томе «Стихотворений и поэм» Андрея Белого в Большой серии «Библиотеки поэта» (1966), который включает шесть прижизненных книг стихотворений (каждая — не в полном объеме), две поэмы, а также разделы «Стихи разных лет» и «Переработанные стихотворения» (в них впервые опубликован ряд стихотворений из «Зовов времен»), подготовлено трехтомное издание его поэтического наследия под редакци-

ей Джона Малмстада, вышедшее в свет в Мюнхене в 1980—1982 гг., наиболее масштабное из ранее осуществленных (включающее, в частности, первую публикацию книги «Зовы времен» в полном объеме), и том «Стихотворений и поэм», изданный под редакцией В. М. Пискунова (комментарии С. И. Пискуновой и В. М. Пискунова) в 1994 г. в составе Собрания сочинений Андрея Белого.

В настоящем издании представлены в хронологической последовательности все книги стихотворений и поэм Андрея Белого, вышедшие в свет при жизни автора (за исключением тематического сборника ранее опубликованных избранных стихотворений «Стихи о России», изданного в 1922 г., и сводного собрания стихотворений, частично переработанных по отношению к ранним редакциям текста, изданного в 1923 г.), а также книга «Зовы времен», подготовленная к печати в последние годы жизни автора и сохранившаяся в его архиве. Кроме того, в самостоятельные разделы выделены переработанные стихотворения (радикально измененные позднейшие редакции текстов, представленные в основном в двух сводных собраниях стихотворений — 1914 и 1923 гг.) и стихотворения и поэмы, не включенные в авторские книги. Ряд стихотворений этого раздела, относящихся в основном к начальной поре творчества, публикуется впервые. В разделе «Приложения» публикуются авторские предисловия к поэтическим сборникам и сводам, не воспроизводимым в настоящем издании, и указатели содержания этих книг (как опубликованных, так и сохранившихся в виде рукописных макетов), а также авторские проекты неосуществленных изданий.

Все последовательные изменения текста стихотворений, происходившие после их публикации в составе книг, воспроизводимых в основном корпусе настоящего издания, характеризуются в примечаниях и отражены в разделе «Другие редакции и варианты».

Наличие текстовых вариантов указывается в примечаниях к стихотворениям, там же приводятся наименее пространные варианты отдельных строк и строф по автографам и печатным изданиям. Пространные варианты и редакции текста стихотворений, существенно отличающиеся от публикуемых в основном корпусе, приводятся в разделе «Другие редакции и варианты»; тексты, представленные в этом разделе, отмечены в примечаниях к соответствующим стихотворениям астериском (*) при порядковом номере.

В примечаниях фиксируются все выявленные прижизненные публикации каждого стихотворения, за исключением перепечаток в поэтических антологиях и сборниках, комплектовавшихся без участия Белого, а также не вышедшие в свет при жизни автора издания, составленные Белым («Собрание стихотворений» 1914 г., «Зовы времен» и др.). Порой невозможно четко сформулировать, является ли позднейшее стихотворение вариантом, переработкой более раннего или же просто заимствует из него ряд строк и мотивов, нередко даже полемизируя с ним (особенно это касается книги «Зовы времен»). Все такого рода «соответствия» фиксируются в примечаниях в достаточно условных формулировках. В тех случаях, когда в примечаниях к стихотворениям из раздела «Переработанные стихотворения» указывается несколько источников текста, текст печатается по последнему из указанных источников. В примечаниях к стихотворениям, не публиковавшимся при жизни автора, указывается их первая по-

смертная публикация. В тех случаях, когда Белый выводил некоторые стихотворения из состава циклов, в примечаниях сначала под общей цикловой нумерацией указываются публикации цикла под тем же заглавием (возможно, с измененным составом), затем под номерами частей цикла указываются публикации соответствующих ст-ний вне данного цикла (в составе иных циклов или самостоятельно). Не всегда оказывается возможным четко разграничить авторские циклы из относительно самостоятельных стихотворений и стихотворения, разделенные автором на части (с нумерацией); в последнем случае тексты обозначаются одним порядковым номером, однако нередко такое решение может быть рассматриваемо лишь как весьма условное.

Вслед за указанием публикаций в примечаниях фиксируются все выявленные составителями издания автографы данного произведения (за исключением тех, что указаны выше в составе макетов неосуществленных изданий). В автографах ранних стихотворений Белый часто обозначал их порядковый номер в рабочей тетради («Номер 108» и т. п.); эти обозначения приводятся в примечаниях к текстам.

Датировки под текстами стихотворений — авторские; составителями издания проведена лишь работа по унификации их оформления (так, например, в книге «Пепел» в датировках приводятся только две последние цифры года: 04 — вместо 1904, 08 — вместо 1908, и т. д.; в таких случаях сделаны исправления по аналогии с обозначением датировок в других авторских книгах Андрея Белого).

В примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты» фиксируются только *лексические* варианты текста; варианты пунктуационные, графические, строфические, различия во внутреннем членении фрагментов текста в стихотворениях с неупорядоченной строфикой, в конфигурации расположения стихового материала и другие подобные вариативные элементы текста не воспроизводятся. Также, как правило, не приводятся варианты, имеющиеся в черновых автографах стихотворений. Сведения об этих особенностях стихотворных текстов Андрея Белого содержатся в подробном текстологическом комментарии Джона Малмстада в кн.: *Белый А.* Стихотворения III. Примечания к стихотворениям. München, Wilhelm Fink Verlag, 1982. В нашем издании тексты воспроизводятся в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами за исключением написаний, характеризующих индивидуальную стилистику Белого.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Белый-Блок — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919 / Публикация, предисловия и комментарии А. В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

ВС — Выборка стихов. Рукописный сборник стихотворений Андрея Белого. Библиотека Базельского университета (Швейцария).

ГЛМ — Отдел рукописей Государственного Литературного музея (Москва).

Гриф-1903 — Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903.

Гриф-1904 — Альманах «Гриф». М., 1904.

Гриф-1905 — Альманах к-ва «Гриф». М., 1905.

ЗВ — Андрей Белый. Зовы времен. Первый том собрания стихов, отредактированный автором для посмертного двухтомного собрания стихотворений (1929—1931) // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 9.

Звезда — Андрей Белый. Звезда. Новые стихи. Пб.: Гос. изд-во, 1922.

ЗЛ — Андрей Белый. Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904.

ЗР — «Золотое Руно», журнал (М., 1906—1909).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

КР — Андрей Белый. Королевна и рыцари. Сказки. Пб.: Алконост, 1919.

Материал к биографии — Андрей Белый. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3.

НР КР — Наборная рукопись книги Андрея Белого «Королевна и рыцари» // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Пепел — Андрей Белый. Пепел. Стихи. СПб.: Шиповник, 1909.

Пепел-21 — Андрей Белый. Пепел. Сборник стихотворений (1905—1907). Редакция 1921 г. Автографы, авторизованные списки, машинопись с авторской правкой. Авторский титульный лист отсутствует // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Пепел-25 — Андрей Белый. Пепел. Избранные стихи 1904—1908 гг. Редакция 1925 г. с предисловием автора. Автографы. // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 8. Пояснение Белого (л. 1): «*"Пепел"* (Избранные стихи из «Пепла»: переработанное издание). 118 стр.».

Пепел-29 — Андрей Белый. Пепел. Стихи. Издание второе переработанное. М.: Никитинские субботники, 1929.

План 1925 года — «О томе стихов». План издания (1925). Автограф Андрея Белого // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 29.

ПР — Андрей Белый. После разлуки. Берлинский песенник. Пб.; Берлин: Эпоха, 1922.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

СБ — Андрей Белый. Стихотворения. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923.

СП — Андрей Белый. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья и составление Т. Ю. Хмельницкой. Подготовка текста и примечания Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. М.; Л.: Советский писатель, 1966 («Библиотека поэта». Большая серия).

СР — Андрей Белый. Стихи о России. Берлин: Эпоха, 1922.

СС — Андрей Белый. Собрание стихотворений 1914 / Издание подготовил А. В. Лавров. М.: Наука, 1997 («Литературные памятники»).

Стихотворения II — А. Белый. Стихотворения II. Несобранное, переработанное и неопубликованное / Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad. München: Wilhelm Fink Verlag, 1982 («Centrifuga. Russian Reprintings and Printings». Vol. 49/II).

Стихотворения 1940 — Андрей Белый. Стихотворения / Вступ. статья, редакция и примечания Ц. Вольпе. Л.: Советский писатель, 1940 («Библиотека поэта». Малая серия, № 57).

СЦ — «Северные Цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903.

Урна — Андрей Белый. Урна. Стихотворения. М.: Гриф, 1909.

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Впервые: Андрей Белый. Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904. Печатается по тексту этого издания, с изъятием раздела «Лирические отрывки в прозе» (в издании 1904 г.— между разделами «Образы» и «Багряница в терниях»), составленного из нестихотворных текстов (новейшая публикация этого раздела — в кн.: Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С. 442—455). Репринтное издание: Андрей Белый. Золото в лазури. М.: Прогресс-Плеяда, 2004 (в приложении — послесловие и примечания А. В. Лаврова).

«Золото в лазури» вышло в свет в конце марта 1904 г. (цензурное разрешение — 15 марта 1904 г.). Книге предшествовали три публикации стихотворений и стихотворных циклов Белого, появившиеся в 1903 — начале 1904 г. в московских символистских изданиях,— цикл «Призывы» (16 стихотворений) в 3-м альманахе издательства «Скорпион» «Северные Цветы» (М., 1903), цикл «Возврат» (4 стихотворения) и еще 3 стихотворения в «Альманахе книгоиздательства "Гриф"» (М., 1903) и 4 стихотворения в «Альманахе "Гриф"» (М., 1904). Первые две публикации, появившиеся фактически одновременно, в марте 1903 г., представляют собой печатный дебют Белого-стихотворца. Первоначально Белый предполагал издать свой первый поэтический сборник в московском издательстве «Гриф», но по инициативе В. Я. Брюсова (в июле 1903 г.) решил передать его в «Скорпион»; в контакте с Брюсовым и с учетом его советов и пожеланий — касавшихся, в частности, выбора заглавий для книги и входящих в нее разделов — проходило формирование «Золота в лазури» (следы этой работы отразились в переписке Белого и Брюсова; см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 359—368).

Большинство рецензий на «Золото в лазури» принадлежало обозревателям, не восприимчивым к символистским эстетическим новациям или враждебно настроенным по отношению к ним, что сказалось и на конкретных оценках книги и включенных в нее произведений. Один из рецензентов, поощрительно отметивший лишь второй раздел книги («Прежде и теперь»), заключал: «В г. Белом нет поэтической чуткости <...> попадаются прямо-таки куриозные стихи, которые могли бы с успехом дебютировать в любом юмористическом журнале в виде пародии на декадентство. <...> Сборник «Золото в лазури» производит какое-то хаотическое впечатление. Даже не верится, что все это написано одним человеком» (Тарский К. Стихотворения Андрея Белого // Московские Ведомости. 1904. № 212, 3/16 августа. Эта рецензия была перепечатана без подписи в еженедельном библиографическом вестнике «Книжный Мир»: 1904. № 42, 14 августа. С. 11—12). Другой критик заявлял: «...у г. Белого, несмотря на претензии, порою мелькает совершенное отсутствие поэзии, а вычурность, за неимением поэтичности, доходит до смешного»; «...поэзии в произведениях г. Белого очень мало, и его стихотворения скорее всего можно было бы назвать прозою в стихах, что само собою теряет всякий смысл»; поэт, по мнению критика, в равной мере беспомощен в своих попытках изобразить как мир будничной действительности, так и мир фантазии» (Г. Г. Издания «Скорпиона»: собрание стихов К. Д. Бальмонта, «Золото в лазури» Андрея Белого и «Прозрачность» В. Иванова // Наука и Жизнь. 1904. № 6. Стб. 640—642).

Отдельные «красивые страницы в стихах и прозе» вытесняются, как полагает Н. П. Ашешов, изобилием «неуклюжих и громоздких образов, слов, сравнений»: «Что-то вымученное, насильственно протянутое, что-то до смешного претенциозное заменяет искреннее настроение и непосредственность душевного творчества. Поэт живет головой, откуда вытаскивает неимоверными усилиями то, что ему кажется оригинальным, «своим». <...> В его поэзии нет Бога правды и искренности, как и во всей поэзии «скорпионного» кружка» (Образование. 1904. № 8. Отд. III. С. 149). Ф. Д. Батюшков считал, что автор «Золота в лазури» «не лишен непосредственных дарований» и сумел дать в своей книге «немало образцов и хорошего писания», «разнообразить структуру стиха и достичь искусной простоты формы»,— но эти достоинства сочетаются с серьезными недостатками: «неудачные обороты», «слишком громоздкие эпитеты», «неправильности в ударениях» и т. д. (Мир Божий. 1904. № 6. Отд. II. С. 91, 93).

Сочувственно отозвался о «Золоте в лазури» И. И. Ясинский: «Поэта многие считают безумным. В его твореньях бурлит напряженность какого-то молодого исступленья. Но справедливость требует сказать, что его необузданная фантазия идет об руку с несомненным талантом. Со временем вся эта беспорядочность творчества успокоится и, может быть, примет более простые и, следовательно, прекрасные формы» (Беседа. 1904. № 10. Стб. 1006). Приветствовал появление «Золота в лазури» в своих «Критических набросках» и В. Ф. Боцяновский, убеждавший в необходимости непредвзятого подхода при оценках «декадентского» творчества и книги Белого в том числе: «Пусть даже вам придется забраковать половину, даже три четверти стихотворений Андрея Белого, но зато остальные вы должны будете признать произведениями, не лишенными таланта и поэзии». Несовершенства и несообразности поэтических опытов молодого автора с лихвой компенсируются, по мнению критика, исключительным своеобразием творческой палитры: «Это удивительно красочная поэзия <...> вы почти ощущаете яркое золото солнца, почти видите, как оно играет в драгоценных камнях, богато и умело, с большим вкусом рассыпаемых по длинным и коротким строчкам стихов Андрея Белого. На каждом шагу вы видите перед собой сильно написанные образы. <...> Книга эта переполнена чем-то таким, как его назвать, я затрудняюсь, мистицизмом, что ли, что само собой переливается в душу читателя и оставляет после себя яркое впечатление. Недовольство будничным настоящим, тоска по исчезнувшем ярком и красивом прошлом, стремление в высь, к небу, к солнцу — вот чем проникнуты все юные призывы Андрея Белого. Поэт как бы вводит вас в зачарованный лес, окружает вас тайнами, ищет на ваших глазах выхода из этого таинственного лабиринта. Читая его, вы как бы погружаетесь в мир мистерий» (Русь. 1904. № 141, 4 мая. С. 3).

В. Брюсов опубликовал в «Весах» (1904. № 4) краткий отзыв о «Золоте в лазури» в сопоставлении с другой поэтической книгой, одновременно изданной «Скорпионом»,— «Прозрачностью» Вяч. Иванова: «В Белом больше лиризма, в Вяч. Иванове больше художника. Творчество Белого ослепительнее: это вспышки молний, блеск драгоценных камней, разбрасываемых пригоршнями, торжественное зарево багряных закатов. <...> В Белом есть восторженность первой юности, которой все ново, все в первый раз. <...> Белый слишком безрассудно смел, чтобы не терпеть неудач,— до жалких и смешных

падений. <...> Язык Белого — яркая, но случайная амальгама; в нем своеобразно сталкиваются самые «тривиальные» слова с утонченнейшими выражениями, огненные эпитеты и дерзкие метафоры с бессильными прозаизмами; это — златотканая царская порфира в безобразных заплатах. <...> Белый ждет читателя, который простил бы ему его промахи, который отдался бы вместе с ним безумному водопаду его золотых и огнистых грез, бросился бы в эту вспененную перлами бездну» (Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 107—108). Во многом в унисон с Брюсовым отозвался о книге Белого Э. К. Метнер в статье «Поэзия и критика»: ««Золото в лазури» — в своем роде то же, что «Разбойники» Шиллера, который считал гениальность (чью? — конечно, *своего* типа) трудно совместимою со вкусом <...> В этой гениальности есть нечто шиллеровское, слегка надломленное, чересчур стремительное; отсюда недостаток вкуса или, правильнее, недостаточное подчинение своих порывов своему вкусу» (Приднепровский Край. 1904. № 2179, 1 июня. Подпись: Э.).

Посвящение*: Мать* Белого — Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858—1922). Белый подробно описывает ее в книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» (1930; новейшее издание: М., 1989). Сохранилось 160 писем Белого к матери за 1899—1922 гг. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358, 359; см.: Воронин С. Д. Из писем Андрея Белого к матери // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 64—76).

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

***1—3**. *ЗЛ*. С. 3—6.

В автографе 1-й и 2-й частей цикла, посланном Э. К. Метнеру 9 апреля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.13),— приписка Белого: «А вот стихотворение, характеризующее хорошую сторону Бальмонта и ему посвященное».

С Константином Дмитриевичем *Бальмонтом* (1867—1942), крупнейшим поэтом из круга «старших» символистов, Белый познакомился весной 1903 г., а с его поэзией — еще в гимназические годы; конец 1897 г.: «...моим любимцем делается Бальмонт, которого книга "*В безбрежности*" становится моею любимою книгою; с этого времени я уже не пропускаю ни одной строчки Бальмонта» (*Материал к биографии*. Л. 8); март — апрель 1899 г.: «...выходит «Тишина» Бальмонта; и я — зачитываюсь ею; но уже нахожу в Бальмонте ряде дефектов» (Там же. Л. 11 об.).

1. *СС*. С. 63. Под заглавием «Вечер», в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва». Варианты — строфа 1, ст. 3: «Как рубины, взошли, — »; строфа IV, ст. 1—2: «Не боялись луны, / Прожигающей темные сети»; строфа VI, ст. 1—2: «Кто-то руку воздел: / Утопал в ликовании мира».

СБ. С. 26. Под заглавием «Вечер», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом. «1903 г. Апрель. Москва». Текст совпадает с текстом *СС*.

Автограф РГБ (Ф. 167.1.13) — вариант (строфа IV, ст. 1): «Не боясь огнезарной луны». Автограф РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12—13. Подпись. «Андрей Белый») — под заглавием «Посвящается Константину Дмитриевичу Бальмонту» (1-я и 2-я части).

«Океан голубой / еще с нами, о братья!» — Ср. ст-ние Бальмонта «Воззванье к Океану» («Океан, мой древний прародитель...»): «Дай мне быть твоей пылинкой влажной, / Каплей в вечном... Вечность! Океан!» (Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. Книга Символов. М., 1903. С. 23).

2. *СС.* С. 60—61. Под заглавием «Поэт», с посвящением «Бальмонту», в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва». Без заключительной строки, с другим порядком строф: II, I, III, IV. Варианты — строфа I, ст. 1—3: «Ты "для всех и — ничей..."[1] / Там, борясь с упадающим мраком, / Твоих песен ручей»; строфа IV, ст. 4: «Ловят дети».

СБ. С. 25. Под заглавием «Поэт», с посвящением «Бальмонту», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1903 г. Май. Москва». Текст совпадает с текстом *СС.*

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с № 455 (*ЗВ*).

Автограф РГБ (Ф. 167.1.13) — вариант ст. 16—17: «Ловят дети... / Говори, говори...» Автограф РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 13) — вариант (ст. 17): «Говори, говори».

Н. П. Ашешов в рецензии на *ЗЛ*, процитировав 2-ю часть цикла, сделал заключение: «Все это красиво, но словечка не сказано в простоте: все с ужимкой <...>» (Образование. 1904. № 8. Отд. III. С. 150).

...«для всех и — ничей»... — Цитата из ст-ния Бальмонта «Я — изысканность русской медлительной речи...» (1901), вошедшего в его книгу «Будем как Солнце» (С. 66).

*3. *СС.* С. 62. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Переработанная редакция текста.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с № 458 (*ЗВ*).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 17 ноября 1902 г. (РГБ. Ф. 167.1.2), под заглавием «Утешение», с датировкой: «1902 г. ноябрь». Варианты строк — строфа I, ст. 1: «Я знаю — ты загнан людьми»; строфа III, ст. 2: «Хоть так же и ты меж людьми сер»; строфа III, ст. 4: «Рассыпаны тучки, как бисер». Автограф — при письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., под заглавием «Ласка»; те же варианты строк (*Белый-Блок.* С. 48).

4—5. Мир Искусства. 1904. № 5. С. 186 — в составе статьи Белого «Символизм как миропонимание»; в 1-й части — без строфы V, во 2-й части — без ст. 8—18 и заключительных 21 строки; варианты — 2-я часть, строфа I, ст. 1—3: «Зовут аргонавты / На солнечный пир, / Трубя в золотеющий мир»; между 1-й и 2-й частями прозаическая фраза: «Бесконечно веря в чудо полета, другие могут ответить им:».

ЗЛ. С. 7—10.

Посвящение: Эмилий Карлович *Метнер* (псевдоним: Вольфинг; 1872—1936) — литератор, музыкальный критик, философ-культуролог, с 1909 г. руководитель символистского издательства «Мусагет»; брат композитора Н. К. Метнера; близкий друг Белого, один из первых людей, высоко оценивших его юношеские сочинения. См. о нем: Юнггрен Магнус. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. Ср. дневниковые записи Метнера (16 сентября 1902 г.): «Борис Бугаев — единственный человек из ныне живущих и мне лично знакомых, который понимает меня до конца <...> Борис Бугаев по своему духу — самый близкий мне человек. Начиная с общих вопросов и кончая интимнейшими настроениями, убежде-

[1] Стих Бальмонта. (*Примеч. Белого).*

ниями, созерцаниями — у нас одинаково»; «Бутаев это для меня пробный камень русского человека <...> Так сильно, как он, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал. Его «Симфония» — гениальна» (РГБ. Ф. 167. 23. 9. Л. 51 об., 55 об.).

Античный миф об аргонавтах, отплывающих за *золотым руном*, использован Белым для создания собственных мифотворческих построений; ср. его письмо к Э. К. Метнеру от 26 марта 1903 г.: «...я и один молодой человек (Л. Л. Кобылинский) собираемся учредить некое негласное общество (союз) во имя Ницше — союз аргонавтов <...> цель эзотерическая — путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать *золотое руно* <...> для других это уплывание за черту горизонта, которое я хочу предпринять, будет казаться гибелью, но пусть знают и то, что в то время, когда парус утонет за горизонтом для взора *береговых* жителей, он все еще продолжает бороться с волнами, плывя... к неведомому богу...» (см.: Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 141). 17 апреля 1903 г. Белый писал также В. Я. Брюсову: «Можно всегда быть аргонавтом: можно на заре обрезать солнечные лучи и сшить из них броненосец — броненосец из солнечных струй. Это и будет корабль Арго; он понесется к золотому щиту Вечности — к солнцу — золотому руну...» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 355). В 1903—1905 гг. вокруг Белого группировался кружок «аргонавтов» — молодых людей (большей частью студентов), объединенных эсхатологическими настроениями, устремлениями к «заре», к преображению мира. См. главу «Аргонавты» в воспоминаниях Андрея Белого «Начало века» (М., 1990. С. 20—132), а также: Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 23—24.

1. *СС*. С. 92. Без заглавия и посвящения, в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 52. Без заглавия и посвящения, в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Помета под текстом: «1903 г. Апрель. Москва».

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 499).

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 19 августа 1903 г., под заглавием «Золотое руно», с посвящением Э. К. Метнеру (*Белый-Блок*. С. 96).

2. *СС*. С. 93—94. Под заглавием «Аргонавты», без посвящения, в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». В составе ст. 1—27 (без заключительных 21 строки), с разбивкой на шесть строф.

СБ. С. 53. Под заглавием «Аргонавты», без посвящения, в разделе «Золото в лазури», в подразделе «На горах». Помета под текстом: «1903 г. Октябрь. Москва». Текст совпадает с текстом *СС*.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 499).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.19), под заглавием «Аргонавты», с посвящением Э. К. Метнеру. Предваряя текст ст-ния, Белый писал: «Так как Вам не понравилось прежде *"ослепительный пурпур огня"*, то я Вам посвятил восстановляющее *огонь* в *золото* стихотворение».

***6**. *ЗЛ*. С. 11.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 595).

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.8.

В рукописи *СС* имеется зачеркнутый текст ст-ния с пропуском 2-й строфы и вариантами строк, присоединенный (определенно, по случайности) к разделу «1907 год».

«Будем как Солнце. Книга Символов» — книга ст-ний К. Д. Бальмонта (М.: Скорпион, 1903). В ст-нии обыгрываются главным образом мотивы первого раздела этой книги — «Четверогласие стихий». В воспоминаниях «Начало века» Белый отмечал: ««Будем как Солнце» — нас книга дразнила; в ней — блеск овладенья приемами, краски, эффекты; и — ритм» (М., 1990. С. 239). Ср. признание в письме Бальмонта к Белому (1916): «Я Вас искренно люблю, считаю, что между нами золотая связь двух душ, почувствовавших себя в лазури» (РГБ. Ф. 25.9.5).

7—9. *ЗЛ.* С. 12—15.

1. *СЦ.* С. 28—29. Под заглавием «Закат» (1-я часть), в цикле «Призывы», часть II. Варианты — ст. 25: «В дали зеркальной, виннозолотистой»; ст. 27—28: «И окаймив дугой ее лучистой, / Огнисто-жгучей».

СС. С. 34—35. Под заглавием «Закат», в разделе «1902 год». Без ст. 25—28 и с разбивкой на семь четверостиший.

СБ. С. 18—19. Под заглавием «Закат», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1902. Июль. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 476).

Вошло в *ВС* — в составе ст. 13—24, без заглавия («Душа, смирись: средь пира золотого...»), как 17-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1902».

«Нет ничего... И ничего не будет... <...> Чего ж ты ждешь?» — В автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. Белый поясняет эти строки: «Они написаны в минуту усталости между переживаниями *"София"* и пред переживаниями *"Христос".* Они одновременно: реминисценции далеко назад ушедшего периода, эпохи *1895—1898* годов, когда властвовали: буддизм, пессимизм, бальмонтовская тишина и когда писались максимально *"декадентские"* стихи <...> и вместе с тем в моменте *реминисценции* — и *про-минисценция,* т. е. предварение, предчувствие далекой еще, тяжелой эпохи, наступившей после *1905 года»* (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 493).

2. *СЦ.* С. 29—30. Под заглавием «Закат» (2-я часть), в цикле «Призывы», часть II. Варианты — ст. 1: «Я шел под вечер, тихий и усталый»; ст. 3: «Я различал вечерний, запоздалый»; ст. 17: «Я молча стал — покорный, безответный»; ст. 19: «Над далью нив вознесся златоцветный».

СС. С. 33—34. Под заглавием «Голос», в разделе «1902 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». С делением на четверостишия; варианты — ст. 5—6: «Звучало мне: "Развеется кручина / В краю твоем..."».

СБ. С. 30. Под заглавием «Голос», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1902 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

И времена свиваются, как свиток... — Откр. VI, 14: «И небо скрылось, свившись как свиток».

3. *СС.* С. 33. В разделе «1902 год». Варианты — ст. 5—6: «Зовет неумолчно, невнятно / В далекий, воздушный чертог».

СБ. С. 17. Под заглавием «В поле», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1902 г. Март. Москва». Текст совпадает с текстом *СС.*

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 579).

Автограф — в письме Белого к Э. К. Метнеру от 9 апреля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.13), под заглавием «Зов в безвременье» (в строфе III последовательность строк: 3, 4, 1, 2). Автограф — РГБ. Ф. 25.5.5; под заглавием «Закат», варианты — строфа I, ст. 1—2: «Качаясь, склоняется колос / Вечерней прохладой пахнёт»; строфа II, ст. 1: «Зовет он призывно, невнятно».

10. *ЗЛ*. С. 16.

***11—13**. *ЗЛ*. С. 17—20.

В *ВС* строфы 1 и 2 частей цикла (с вариантами) объединены в отдельное ст-ние — 14-ю часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1903».

Автограф — в письме Белого к Э. К. Метнеру от 2—4 июля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.18), без посвящения, варианты — 2-я часть, строфа II, ст. 1: «В небе гас бархатистый пожар»; строфа IV, ст. 1: «Гром пролеток, и крики, и стон»; 3-я часть, строфа III, ст. 1—2: «За решеткой тюрьмы / Под окном». Автограф — в письме к А. А. Блоку от 14 июля 1903 г., без посвящения, без строфы V 2-й части, вариант — 2-я часть, строфа II, ст. 1: «В небе гас бархатистый пожар» (*Белый-Блок.* С. 82—83).

Посвящение: Дмитрий Сергеевич *Мережковский* (1865—1941) — прозаик, поэт, критик, публицист, религиозный мыслитель, переводчик. Белый познакомился с ним в Москве 6 декабря 1901 г.; находился в юности и на протяжении 1900-х гг. под большим влиянием его идейно-эстетических построений.

1. *СС.* С. 94—95. Под заглавием «Вечный зов», в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты — строфа III, ст. 4: «Навсегда просквозив стариной»; строфа V, ст. 2: «Я взываю с мольбою за всех».

СБ. С. 81. Под заглавием «Вечный зов», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Леопардовая лапа» в *ЗВ* (№ 484).

*2. *СС.* С. 101. Под заглавием «Лжепророк», в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Без строфы IV, варианты строк.

СБ. С. 84. Под заглавием «Лжепророк», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Без строфы IV, варианты строк.

3. *СС.* С. 101—102. Под заглавием «Дурак» («И сижу под окном...»), в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Вариант ст. 1.

СБ. С. 85. Под заглавием «Дурак», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

14. *Гриф-1903.* С. 43. Под заглавием «Гроза на западе»; вариант ст. 3: «Вижу,— сапфирная молния».

ЗЛ. С. 21.

СС. С. 82. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва».

Соотносится со ст-нием «Грозовое облако» в *ЗВ* (№ 507).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 26 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.12), с датировкой «март 1903 г.» и делением на четверостишия.

15—17. СЦ. С. 26—28. В цикле «Призывы» (часть I); с общим эпиграфом: «"...trinkt er nicht einen Tropfen Glücks,— einen alten braunen Tropfen goldenen Glücks, goldenen Weins?" F. Nietzsche»[1]; варианты — часть 2-я, строфа I, ст. 2: «Мне голосом старого барда»; строфа II, ст. 3: «С востока уж падает тень»; строфа V, ст. 4: «Уж нет больше шкуры гепарда...»; часть 3-я, строфа V, ст. 4: «Зажигают кресты колоколен».

ЗЛ. С. 22—25.

Переработанные строки 2-й и 3-й частей цикла вошли в новое ст-ние (см. № 412 и примеч.).

1. *СС.* С. 30—31. Под заглавием «Смех», в разделе «1902 год». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 23. Под заглавием «Смех», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1902 г. Апрель. Москва». Вариант — строфа III, ст. 3: «Опять горизонт золотой».

Вошло в *ВС*, как 15-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1902».

В исправленном виде вошло в *ЗВ* (№ 475).

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 2 об. Датировка: «1902 г. Апрель».

2. Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 2 об. Датировка: «1902 г. Апрель». Вариант — строфа V, ст. 4: «Не видно нам шкуры гепарда».

18. *ЗЛ.* С. 26.

Переработанные строки включены в позднейшую редакцию ст-ния «Образ вечности» (№ 27) — № 605 (*СС, СБ*).

***19—24**. *ЗЛ.* С. 27—34.

СС. С. 95—98. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Переработанная редакция 2-й, 3-й, 4-й и 6-й частей цикла *ЗЛ.*

СБ. С. 86—87. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Цикл здесь состоит из двух частей: 1-я часть соответствует семи строфам 2-й части в *ЗЛ* (в последовательности: II, III, V—VIII, IV; варианты строк), 2-я — строфам I—VI 6-й части в *ЗЛ.*

Посвящение: Валерий Яковлевич *Брюсов* (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, историк литературы; один из лидеров русского символизма. Был одним из первых профессиональных литераторов, ознакомившихся с творческими опытами Белого и сумевших оценить дарование автора. Взаимоотношения Белого и Брюсова нашли отражение в их переписке; см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 327—427 (вступительная статья и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова).

1. *СС.* С. 7—8. В разделе «1901 год». Помета под текстом: «Москва». Вариант — строфа II, ст. 4: «О, где Ты — Бог?»

---

[1] «Also sprach Zarathustra», Theil 4, «Mittags».— Перевод Ю. М. Антоновского («Так говорил Заратустра», часть 4, «В полдень»): «...не пьет ли он сейчас каплю счастья — — старую, потемневшую каплю золотого счастья, золотого вина?» (Ницше Фридрих. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 199).

Впоследствии отдельные строки и мотивы включены в ст-ние «Один» (№ 606) подраздела «Не тот» в разделе «Золото в лазури» *СБ* (С. 91—92). (См. также № 548).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Рок» в *ЗВ* (№ 549).

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 14. В составе рукописного цикла «Осенние песни» (2-я часть); варианты — строфа I, ст. 2: «И помысл дерзкий, злой»; ст. 4: «Туманной мглой»; строфа III, ст. 2: «Дитя, о долго ждать». Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. № 145. Под заглавием «Посвящается Фр. Ницше»; датировка: «1901 года. Сентябрь». Текст соответствует тексту первого автографа; перед строфой I — зачеркнутая строфа:

> Тоскуем на заре и ждем любви,
> Давно ее уж ждем...
> Благослови
> Своим крестом!

2. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Соблазн» в *ЗВ* (№ 520).

4. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Землетрясение» в *ЗВ* (№ 544).

И хаос бредом роковым / вкруг нас опять зашевелился.— Реминисценция заключительных строк ст-ния Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..»: «О, бурь заснувших не буди — / Под ними хаос шевелится!..»

5. *СС*. С. 8 («Венки засохли, и тоги — смяты...»). В разделе «1901 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Текст — в составе строф II, IV, V; варианты — строфа II, ст. 1—2: «Венки засохли, и тоги — смяты... / Дрожащий светоч едва мерцает»; ст. 4: «И кто-то, грустный, во мрак взывает».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Землетрясение» в *ЗВ* (№ 544).

25. *ЗЛ*. С. 35.

СС. С. 58 («И снова я молюсь, сомненьями томим...»). В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Без заглавия, без строфы I; варианты — строфа IV, ст. 2: «Все просветилося, все солнцем зажжено»; строфа V, ст. 2: «И лики золотом пунцовым запылали».

СБ. С. 21. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Без заглавия. Текст совпадает с текстом *СС*.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Церковь» в *ЗВ* (№ 573).

«Свете Тихий» — начальные слова всенощной молитвы.

26. *ЗЛ*. С. 36—37.

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 108». Без заглавия. Помета под текстом: «1900 года. Сентябрь». Текст каждой строфы не разделен на стихотворные строки; варианты. После заключительной строфы — еще одна: «......А великий пророк, осиянный зарей, все кадит на восток, на восток золотой......»

27. *Гриф-1903*. С. 50—51. Без посвящения. Варианты — ст. 3: «Сердце забилось в беспечности»; ст. 13: «Пыль крутит»; ст. 17—18: «А из-за облак призывы желанные,— / Милый задумчивый взгляд...»; ст.

20: «Усы и темя»; ст. 21 отсутствует; ст. 27—28, 33—34 даны одной строкой.

ЗЛ. С. 38—39.

В переработанной редакции под загл. «Вечность» вошло в *СС* и *СБ* (см. № 605).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Бремя» в *ЗВ* (№ 563).

Соотносится со ст-нием «Вечность» в *ЗВ* (№ 559).

Автограф (шесть заключительных строк текста *ЗЛ*) — РГБ. Ф. 25.5.9. Датировка: «1903».

Посвящение: Интерес к творчеству немецкого композитора Людвига ван *Бетховена* (1770—1827) в Белом пробудил Э. К. Метнер; ср. воспоминания Белого о сентябре-октябре 1902 г.: «Метнер углубляет мое отношение к музыке, иллюстрирует свои мысли при помощи брата своего, пьяниста <...>, исполняющего ряд сонат Бетховена и Шумана <...> своим подходом к Бетховену <...> я обязан Метнеру <...>» (*Материал к биографии.* Л. 31 об.).

28. *ЗЛ.* С. 40—44.

В переработанной редакции вошло в *СС* и *СБ* (см. № 607).

Соотносится со ст-нием «В эфире» в *ЗВ* (№ 527).

Автограф (ст. 1—15) — РГБ. Ф. 25.5.1. Без заглавия; варианты — ст. 6—7: «С вершины, купаясь в эфирах, / Помчимся...»; ст. 11—12 отсутствуют.

***29.** *ЗЛ.* С. 45.

СС. С. 104. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 35. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1903 г. Август. Серебряный-Колодезь». Переработанная редакция текста.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 490).

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 19 августа 1903 г.; вариант — строфа IV, ст. 1: «Вселенная гаснет... Лицо приложил восковое» (*Белый-Блок.* С. 96).

***30.** *ЗЛ.* С. 46—47.

СС. С. 71. Под заглавием «Последние дни», в разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Вариант — строфа III, ст. 1: «Над ними пространства: пространства лазурны и чисты».

СБ. С. 34. Под заглавием «Последние дни», в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Варианты строк.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 491).

***31.** *ЗЛ.* С. 48.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-ниями «Жертва» (№ 500) и «Все пожрал» (№ 502) в *ЗВ.*

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. № 147. Без заглавия; датировка: «1901 г. Сентябрь». Варианты — строфа I, ст. 4: «Пред жертвой снял серебряный венец...»; строфа II, ст. 2—3: «Уж обгорел склон неба золотой. / В огнях мерцал, в огнях сиял чертог...». Автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 17. Переработанный вариант (1921); помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Дополнено черновыми карандашными набросками.

В заметках к незавершенной статье ««Золото в лазури» Андрея Белого» П. А. Флоренский отметил в «Таинстве» влияние ст-ния А. А. Фета «С бородою седою верховный я жрец...» (1884) (см.: Контекст-1991. Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С. 65).

*32. *ЗЛ*. С. 49—50.

СС. С. 89—90. Под заглавием «Весть», в разделе «1903 год. Золото в лазури». Переработанная редакция текста.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-ниями «На паперти» (№ 575, 1—2) и «Летний мглеющий день...» (№ 581) в *ЗВ*.

33. *ЗЛ*. С. 51—52.

Вариации на тему этого ст-ния см. в ст-нии «Зов» (№ 608).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Солнце» (№ 588) в *ЗВ*.

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.4. Без заглавия и даты.

Один из рецензентов *ЗЛ* отметил, что в этом ст-нии «мелькает два-три чисто поэтических стиха, проскользнувших как бы случайно» (Г. Г. Издания «Скорпиона»: собрание стихов К. Д. Бальмонта, «Золото в лазури» Андрея Белого и «Прозрачность» В. Иванова // Наука и Жизнь. 1904. № 6. Стб. 641).

...все земное нам снится / утомительным сном.— Ср. постулаты древнеиндийской философии в изложении А. Шопенгауэра («Мир как воля и представление», кн. 1, § 3): «...воспринимаемый мир есть ткань Майи, которая, как покрывало, наброшена на глаза всех смертных и позволяет им видеть лишь такой мир, о котором нельзя сказать ни что он существует, ни что он не существует, ибо он подобен сну <...>» (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. СПб., 1880. С. 6. Перевод А. А. Фета).

34. *ЗЛ*. С. 53.

Посвящение *«бедным рыцарям»* отсылает к 1-й строке ст-ния А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), а также, возможно, к его интерпретации в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868; ч. 2, гл. VI, VII) в соотнесении с образом князя Мышкина.

*35—36. *ЗЛ*. С. 54—56.

СС. С. 61—62. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Сокращенная редакция: без деления на части, в составе строф I—IV, VI 1-й части и строфы III 2-й части. Варианты — 1-я часть, строфа I, ст. 1—2: «Гряда облачков / Проходит, как волны событий»; 2-я часть, строфа III, ст. 1—3: «Воздушным лицом / Слечу я на братий, / И забудутся сном».

СБ. С. 31. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС*.

Вариации на тему этого цикла см. в ст-нии «Зов» (№ 608).

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 12 об. Без заглавия и датировки. Автограф — в письме к А. А. Блоку от 14 июля 1903 г. (*Белый-Блок*. С. 84—85). Автограф — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 5. Черновой незаконченный набросок текста, предполагавшегося для *СС*.

37. *ЗЛ*. С. 57—59.

СС. С. 30. Под заглавием «Мировая душа», в разделе «1902 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». В составе ст. 32—47 текста *ЗЛ* (последние 16 строк).

Ст-ние высоко оценил в отзыве о *ЗЛ* В. Ф. Боцяновский: «Как хорошо передает <...> стихотворение "Душа мира" быстрое, легкое движение... Слово "лучисто", выделенное в стих и поставленное между двумя тире, подчеркивает именно эту лучистость, которую г. Белый хотел передать словом... Во всем этом, в каждом стихе, каждом слове, чуть ли не запятой чувствуется большая продуманная работа!» (Боцяновский Вл. Критические наброски // Русь. 1904. № 141, 4 мая. С. 3).

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

38. *ЗЛ*. С. 63—65.

СС. С. 44—45. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 175—176. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «1903 г. Апрель. Москва».

Посвящается А. А. Блоку. — Отношения Белого с Александром Александровичем *Блоком* (1880—1921) нашли подробное отражение в их переписке и в воспоминаниях Белого; см.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919. М., 2001; Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997.

...статный сидит временщик.— Подразумевается, видимо, граф Эрнст-Иоганн Бирон (1690—1772), курляндский дворянин, фаворит императрицы Анны Иоанновны. *В андреевском ордене он.*— Орден св. апостола Андрея Первозванного, высший орден Российской империи, учрежденный в 1698 г. *Татищев, Шувалов, Бестужев...* — Василий Никитич Татищев (1686—1750) — историк, государственный деятель. Петр Иванович Шувалов, граф (1710 или 1711—1762) — генерал-фельдмаршал, государственный деятель; фактический руководитель правительства при Елизавете Петровне. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, граф (1693—1766) — государственный деятель, дипломат, приближенный Бирона; в 1740—1741 гг. кабинет-министр, в 1744—1758 гг. канцлер, фактический руководитель внешней политики России.

39. *ЗЛ*. С. 66—67.

СС. С. 38—39. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 171. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «1903 г. Март. Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.10); датировка: «Февраль. 1903 г.». Без посвящения, со строфой между строфами V и VI текста *ЗЛ*:

Целует напудренный локон
И плечи скрывающий шелк.
Глядит из отворенных окон
Подкравшийся муж, точно волк.

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., с посвящением К. А. Сомову. Текст совпадает с текстом первого автографа, вариант — строфа V, ст. 4: «И хочет подругу обнять» (*Белый-Блок.* С. 50—51).

Цитируя в воспоминаниях строки из этого ст-ния, Белый отмечает: «Особенно я вызывал удивление стихами под Сомова и под Мусатова: фижмы, маркизы, чулки, парики в моих строчках, подделках под стиль, новизной эпатировали <...> Когда мне передали, что даже художник

Борисов-Мусатов весьма одобряет подобного рода стихи, невзирая на то, что сам Сомов подделки отверг (и ему их читали), я чувствовал гордость <...>» (Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 229).

Посвящается дорогой матери. — О матери Белого см. выше (с. 511).

40. *ЗЛ.* С. 68—69.

СС. С. 39—40. В разделе «1903 год. Прежде и теперь». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 172. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1903 г. Март. Москва». С изменениями в строфическом делении.

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.10), под заглавием «Встреча»; датировка: «Февраль 1903 г.», вариант — ст. 17: «Идут вдоль аллеи». Автограф — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., под заглавием «Встреча», с посвящением К. А. Сомову; текст совпадает с текстом первого автографа (*Белый-Блок.* С. 49—50).

41. *ЗЛ.* С. 70—71.

СС. С. 40—41. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 173—174. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «1903 г. Апрель. Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.10), без посвящения, датировка: «Февраль. 1903».

Посвящение: *Эллис* (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879—1947) — поэт, критик, переводчик, религиозный публицист; один из организаторов (наряду с Белым) и деятельных участников содружества «аргонавтов» (см. примеч. 4—5), автор книги «Русские символисты» (М., 1910), в которой творчеству Белого уделена отдельная глава. Развернутую характеристику Эллиса см. в мемуарах Белого «Начало века» (М., 1990. С. 39—64); см. также: Воспоминания «фанатика и скептика». Эллис об Андрее Белом / Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 385—407.

42. *ЗЛ.* С. 72—75.

СС. С. 41—43. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Сокращенный вариант текста (без последних 16 строк).

«Ведь вас обучал Калиостро...» — Джузеппе (Жозеф) Бальзамо (1743—1795), известный под именем графа Алессандро Калиостро,— знаменитый авантюрист, оккультист и алхимик. *Графиня гадает...* — Вероятная реминисценция образа графини из повести Пушкина «Пиковая дама» (1833) и одноименной оперы П. И. Чайковского (1890; либретто М. И. Чайковского).

43. *ЗЛ.* С. 76—77.

СС. С. 46—47. В разделе «1903 год. Прежде и теперь». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Пепел», в подраздел «Прежде и теперь», с перестановкой двух строф (III, II) и пропуском трех строф (IV—VI).

44. *ЗЛ.* С. 78—79.

СС. С. 47—48. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 177—178. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «1903 г. Апрель. Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.10), без посвящения; датировка: «Февраль. 1903 г.»

Посвящение: Мария Ивановна *Балтрушайтис* (урожд. Оловянишникова; 1878—1948) — жена поэта Ю. Балтрушайтиса.

«*Стонет сизый голубочек*» — песня Ф. М. Дубянского (1795) на текст знаменитого ст-ния И. И. Дмитриева (1792); включалась в сборники для пения и для исполнения на фортепиано. См.: Песни русских поэтов. В двух томах. Л., 1988. Т. 1 / Примечания В. Е. Гусева. С. 142—143, 582—583 («Библиотека поэта». Большая серия).

***45.** *ЗЛ.* С. 80—81.

СС. С. 53—55. В разделе «1903 год. Прежде и теперь». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 179—180. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1903 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Без строф V и VI; варианты строк.

Автограф 1 — в письме к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.10), под заглавием «Воспоминание»; датировка: «1903 г. Февраль». Вариант — строфа VII, ст. 3: «И прочь отойдешь... А вдали — ». Автограф 2 — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., под заглавием «Воспоминание», без строфы IV; вариант — как в автографе 1 (*Белый-Блок.* С. 49).

46. *ЗЛ.* С. 82—85.

СС. С. 115—117. В разделе «1904 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

Посвящение: Михаил Александрович *Эртель* (ум. в начале 1920-х гг.) — историк, участник кружка «аргонавтов», теософ. Белый изобразил его в очерке-памфлете «Великий лгун» (Утро России. 1910. № 247, 12 сентября) и в воспоминаниях «Начало века» (М., 1990. С. 76—87).

***47.** *ЗЛ.* С. 86—88.

СС. С. 48—49. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

Автограф 1 — в письме к Э. К. Метнеру от 20 августа 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.21), под заглавием «Старушка», без посвящения; датировка: «1903 г. 20 августа Серебряный-Колодезь»; варианты строк. Автограф 2 — в письме к А. А. Блоку от 19 августа 1903 г., под заглавием «Старушка», без посвящения и строфы III; варианты строк (*Белый-Блок.* С. 97—98).

Посвящение: Любовь Дмитриевна *Блок* (урожд. Менделеева; 1881—1939) — жена А. А. Блока; с 1908 г. драматическая актриса, впоследствии исследовательница балета.

В письме к С. М. Соловьеву от 8 октября 1903 г. А. Блок упоминает «великолепную "Старушку" Белого» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 63).

48. *ЗЛ.* С. 89—91.

СС. С. 122—124. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва»

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 23 января 1904 г. (РГБ. Ф. 167.1.31). Варианты — ст. 33: «Про страду»; ст. 39: «То тот, то другой»; ст. 48: «"Еще на Кавказе мы брали аул за аулом"»; ст. 52: «Дожидая». Над заглавием приписка Белого: «Вот ужас!».

49. *ЗЛ.* С. 92—94.

СС. С. 50—51. В разделе «1903 год. Прежде и теперь», сокращенная редакция текста (2-я часть — в составе ст. 1—8). Помета под текстом: «Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 22 октября 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.26), без посвящения. Варианты — ч. 1, ст. 4: «Должно быть, чиновник в отставке»; ст. 7: «В своей допотопной шинели»; ч. 2 и 3 — без строфического деления.

Посвящение: Павел Николаевич *Батюшков* (1864—1930) — востоковед, теософ, научный сотрудник Библиотеки Румянцевского музея (с 1907 г.); см. его литературный портрет в воспоминаниях Белого «Начало века» (М., 1990. С. 65—76).

Китаец дерется с японцем... — Имеется в виду японо-китайская война 1894—1895 г., в ходе которой вооруженные силы Китая были разбиты.

50. *ЗЛ.* С. 95—96.

СС. С. 51—52. В разделе «1903 год. Прежде и теперь». Помета под текстом: «Москва».

Н. Е. Поярков в статье о *ЗЛ* процитировал ст-ние в подтверждение своей мысли о том, что в картинах современной жизни у Белого «часто смешное, обыденное и мелочное параллельно глубокому» (Поярков Ник. Поэты наших дней: (Критические этюды). М., 1907. С. 96).

51. *ЗЛ.* С. 97—98.

«Шум на Марица»... — Песня шарманочного репертуара на тему битвы при Марице (река на Балканском полуострове) в 1371 г., в которой турецкие войска разгромили ополчение сербов, болгар, боснийцев и др. *Из вечно плаксивой Травьяты...* — «Травиата» («Виолетта») — опера Джузеппе Верди (1853; либретто Ф. Пиаве по драме Александра Дюма-сына «Дама с камелиями»).

52. *ЗЛ.* С. 99—100.

На мотив из Брюсова.— Подразумевается, скорее всего, цикл ст-ний Брюсова «Мой песенник», опубликованный в альманахе «Северные Цветы на 1902 год» (М., 1902. С. 129—135); большинство ст-ний этого цикла впоследствии составили раздел «Песни» в книге Брюсова «Urbi et Orbi» (1903).

53. *ЗЛ.* С. 101—102.

СС. С. 52—53. В разделе «1903 год. Прежде и теперь» под заглавием «На Пречистенке». Помета под текстом: «Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от начала ноября 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.27), без заглавия и деления на строфы. Автограф — в письме к А. А. Блоку (начало ноября 1903 г.), датировка: «1903 года июль»; варианты — строфа III, ст. 1: «Лица скромные, простые»; строфа VI, ст. 4: «Среди улиц извиваясь» (*Белый-Блок.* С. 110).

...под эскортом пепиньерок... — Пепиньерка — девушка, окончившая женский институт и оставленная при нем для подготовки к педагогической деятельности.

54. *ЗЛ.* С. 103.

Зловещий и черный ⁻забегал фонарщик проворный... — Реминисценция ст-ния А. Блока (апрель 1903 г.): «По городу бегал черный человек, / Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу» и т. д. Автограф ст-ния был выслан Белому Блоком при письме от 1 августа 1903 г. (см.: *Белый-Блок.* С. 92); Белый привел фрагменты из этого ст-ния в пись-

ме к А. С. Петровскому от 18 августа 1903 г. (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 205).

ОБРАЗЫ

*55—59. *ЗЛ*. С. 107—112.

1. *СЦ*. С. 33—34. Под заглавием «Великан. 1», в цикле «Призывы», часть V. Текст разделен на пять строф, в каждой пять строк. Варианты — ст. 11: «Сел за рекою... седой головой»; ст. 13: «Вот запахнулся в туман голубой...»; ст. 15: «В дымке пропал».

СС. С. 15—16. В разделе «1902 год», под заглавием «Великан». Помета под текстом: «Москва». Варианты — ст. 14: «Призрак — холодный, бездомный, ночной...»; ст. 21—23: «Нет — никого... Мы — в тени, мы — одни... / Тихий туман — / Стелется там... Мы — одни, мы — в тени».

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 120»; датировка: «1901 года. Март». С посвящением: «(посв. [А — К —])»; перед ст. 1: «Сердце разбитое... поздно...». Текст разделен на пять строф, деление на строки не отрегулировано. Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 5. Под заглавием «Поздно», датировка: «1901 г. Март». Текст разделен на пять строф, в каждой пять строк.

*2. *СЦ*. С. 34—35. Под заглавием «Великан. 2», в цикле «Призывы», часть V.

СС. С. 17. В разделе «1902 год», под заглавием «Дети». Помета под текстом: «Москва». Варианты строк.

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В горах», без заглавия, посвящения и заключительной строфы; вариант — строфа IV, ст. 1: «Как он, кивая, смеялся».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со 2-й частью цикла «Лесные встречи» в *ЗВ* (№ 508—517(2)).

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. № 142. Без заглавия и посвящения; датировка: «1901 года. Сентябрь». Первоначальная редакция текста, с правкой и сокращениями, приближающими его к опубликованному.

Посвящение: Сергей Михайлович *Соловьев* (1885—1942) — поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик; племянник Вл. С. Соловьева, ближайший друг Белого с отроческих лет. О своем общении с С. Соловьевым Белый подробно рассказывает в мемуарных книгах «Воспоминания о Блоке», «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций».

*3. *СС*. С. 16. В разделе «1902 год», под заглавием «Сказка». Без строф IV и V, варианты строк.

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 106». Датировка: «1900 года. Август. Москва». Текст не разделен на стихотворные строки; первоначальная черновая редакция.

4. Автограф — РГБ. Ф. 25.5.7. Вариант — строфа I, ст. 4: «Засинев, его плащ протянулся». Автограф — в письме к А. А. Блоку от 19 августа 1903 г.; под заглавием «Великан», вариант — строфа I, ст. 4: «Его плащ протянулся» (*Белый-Блок*. С. 97).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со 2-й частью цикла «Лесные встречи» в *ЗВ* (№ 508—517(2)).

5. *СС*. С. 83. В разделе «1903 год. Золото в лазури», под заглавием «Великан». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты

— строфа II, ст. 2: «Он пойдет — глухой, сердитый»; ст. 4: «Стаями огней увитый».

СБ. С. 66. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах»; под заглавием «Великан». Помета под текстом: «1903 г. Июль. Серебряный-Колодезь». Варианты — как в *СС*; также — строфа I, ст. 2—4: «Скрывши лик покровом белым, / Он стоит в литой короне / Гребнем грозно-онемелым».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 4-й частью цикла «Лесные встречи» в *ЗВ* (№ 508—517(4)).

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.7. Без деления на строфы.

***60.** *ЗЛ.* С. 113—114.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 98а». Без заглавия. Первоначальная редакция текста (без деления на стихотворные строки); зачеркнуто. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 98б». Без заглавия; помета под текстом: «1900 год. Май. Москва». Текст не разделен на стихотворные строки. Варианты — вместо ст. 10—12: «как угрюмый бес он грозит бедой и качает лес........»; вместо ст. 32—33: «уж гигант стоит и кивает нам.....»

Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 6—7. Помета под текстом: «Москва». Без ст. 10—12; варианты — ст. 17: *а* «Вейный ветер — спит...», *б* «В далях ветры — спят...»; ст. 19—20: «Сквозь туман блестят / Молньи красных глаз».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «День-малютка» в *ЗВ* (№ 519).

***61.** *Гриф-1904.* С. 3—4. Без строф V и VI 1-й части, там же варианты — строфа II, ст. 2: «Повитый флером»; строфа IV, ст. 1: «И ухнул Тор с размаху молотом».

ЗЛ. С. 115—116.

СС. С. 84—86. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Без посвящения; помета под текстом: «Москва». Варианты строк.

СБ. С. 72—73. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах»; без посвящения, помета под текстом: «1903 г. Октябрь. Москва». Без строф V и VI 1-й части; варианты — 1-я часть, строфа I, ст. 1: «Из дали дымной Тор воинственный»; 2-я часть, строфа I, ст. 4: «Он длинным рогом»; строфа III, ст. 4: «Под небо плещут».

В переработанном виде под тем же загл. вошло в *ЗВ* (№ 524).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2. Список рукой А. Блока. Без заглавия и посвящения; датировка: «7 февраля 1904», подпись (рукой Блока): «Андрей Белый». Текст соответствует тексту *Гриф-1904*, также вариант — 2-я часть, строфа I, ст. 1: «Согбенный викинг встал над скалами». Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 29 декабря 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.30); без посвящения, разделения на части и деления на строфы (отделены интервалом заключительные четыре стиха); варианты — как в *Гриф-1904*, также — 2-я часть, строфа I, ст. 3: «Трубил печально над провалами»; строфа II, ст. 3: «Леса пылали ясным вечером».

Посвящение: *Эллис* — см. примеч. 41.

Тор (германо-сканд. миф.) — бог грома, бури и плодородия; божественный богатырь, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ. *Вот мчится в пламени валькирия.*— Валькирии (сканд. миф.) — воинственные девы, уносящие в валхаллу павших в бою храбрых воинов. *...за белым глетчером...* — Глетчер — ледник, медленно спускающийся с высоких гор в долины.

*62. *Гриф-1904.* С. 2. Под заглавием «Битва исполинов»; варианты — ст. 1: «В лазури несется толпа исполинов на битву»; ст. 7: «Порой, свои лица закрыв дымовыми плащами».

ЗЛ. С. 117.

СС. С. 83—84. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 67. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Помета под текстом: «1903 г. Июль. Серебряный-Колодезь». Варианты строк.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Гиганты» в *ЗВ* (№ 522).

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 19 августа 1903 г.; под заглавием «Битва гигантов», без многоточия, варианты строк (*Белый-Блок.* С. 97).

*63. *ЗЛ.* С. 118—119.

СС. С. 81—82. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 9 апреля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.13); под заглавием «Вампир», в двух частях: 1-я часть — строфы I—IV, 2-я часть — две строфы, не вошедшие в печатный текст, и строфы V—VII; варианты строк. В этом письме Белый предварил текст ст-ния следующим пояснением: «А вот стихотворение, которое я написал под влиянием одной струйки в жизни, которую заметил; а через несколько дней зашел ко мне один знакомый из *"знающих"* и говорил, что ему казалось эти дни, будто неведомый вампир подстерегает его. Не затемняло ли в продолжение этих нескольких дней крыло вампира *ясность* астральных горизонтов? Стихотворения, говоря откровенно, я побаиваюсь, как приключения для меня странного, посылаемого для испытания».

*64. *ЗЛ.* С. 120—121.

СС. С. 79—80. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 64—65. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Помета под текстом: «1904 г. Январь. Москва».

В переработанном виде под загл. «Ананас» вошло в *ЗВ* (№ 525).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 23 января 1904 г. (РГБ. Ф. 167.1.31); без заглавия, варианты строк.

В рецензии на *ЗЛ* Ф. Д. Батюшков охарактеризовал это ст-ние как «образец безвкусицы»: «Подобные стихотворения могут служить разве что показателем того, как писать не следует» (Мир Божий. 1904. № 6. Отд. II. С. 93). Ст-ние было отмечено как одно из наиболее ярких и характерных в *ЗЛ*, воспринималось как своего рода опознавательный знак ранней поэзии Белого — в особенности благодаря использованию образа «ананаса». В мемуарном очерке «Андрей Белый» Б. К. Зайцев отмечал: «Все газеты обошло двустишие из «Золота в лазури»: «Завопил низким басом. В небеса запустил ананасом»» (Зайцев Б. К. Соч. В трех томах. М., 1993. Т. 3. С. 355); ср. запись П. А. Флоренского в набросках статьи ««Золото в лазури» Андрея Белого»: «Ананас — экзамен эстетический» (Контекст-1991. Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С. 65). В автобиографии «Я сам» (1922) В. Маяковский вспоминал о своих первых творческих опытах: «...лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело —

«в небеса запустил ананасом», а я про свое ною — «сотни томительных дней»» (Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 18). См. позднейшие аналитические разборы ст-ния: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 118—119; Флакер Александр. Победа шута над теургом («На горах» и «Ананас» Андрея Белого) // Andrej Belyj. Pro et contra: Atti del I Simposio Internazionale *Andrej Belyj*. Milano, 1986. С. 87—97; Абашев В. Ананас на русской почве: о стихотворении Андрея Белого «На горах» // Russian Literature. 2002. Vol. LI—II. С. 121—143.

65. СЦ. С. 30. Под заглавием «Загадка», в цикле «Призывы» (часть III); вариант — строфа II, ст. 5: «Вершины, кручи, гроты».

ЗЛ. С. 122.

СС. С. 28—29. В разделе «1902 год». Помета под текстом: «Москва».

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В горах».

66. *Гриф-1903.* С. 44. Под заглавием «В. Я. Брюсову», без деления на строфы; варианты — строфа III, ст. 2: «Летит, бунтуя, в вечном сне»; строфа IV, ст. 1: «В венце из звезд, над царством скуки».

ЗЛ. С. 123.

СС. С. 59—60. В разделе «1903 год. Золото в лазури», под заглавием «Встреча». Помета под текстом: «Москва». После строфы IV в наборной рукописи вписана новая строфа и зачеркнута:

Но нет, но нет! То — горный морок:
Над облаком торчит зубец.
Вы подшутили, древний ворог:
Очарованию — конец.

Соотносится с первым ст-нием сюиты «Брюсов» в *ЗВ* (№ 551—557 (1)).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1. Список рукой А. Блока. Без заглавия и посвящения; датировка: «7 февраля 1904», подпись (рукой Блока): «Андрей Белый». Текст разделен на два восьмистишия; варианты — строфа III, ст. 1—2: «Вдали — веков нестройный рокот / Летит, бунтуя, в вечном сне»; строфа IV, ст. 1 — как в *Гриф-1903*; строфа IV, ст. 3: «Застывший маг, скрестивший руки».

Посвящение: *В. Я. Брюсов* — см. примеч. 19—24. В ст-нии нашел отражение рожденный в символистской среде мифологизированный образ Брюсова — поэта-«мага». Ср. истолкование брюсовского «магизма» в письме Белого к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 г.: «...я назвал *"магом"* Валерия Брюсова, но ведь *"магизм"* я понимаю в широком смысле, и как чудодейственность силы, употребленной не во славу Божию <...> так и отблеск того отношения к действительности, которое родит *магов* в тесном смысле. А если бы Вы ближе узнали Брюсова, то Вы согласились бы, что он истинный маг в потенции — маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург — *белый маг* <...> Конечно, Брюсов среди магов выдающийся, умный, знающий *маг*, к которому термин *"пророк безвременной весны"* подходит, ибо над-временность очень характерна в Брюсове. Может быть, это у него *только* поза, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе *"застывше"* и *"надвременно"* относится к окружающему. Кроме того, он донельзя гиератичен в манерах — опять-таки черта магическая...» (РГБ. Ф. 167.1.19).

Зачеркнутая заключительная строфа в рукописи *СС* отражает ситуацию фактического разрыва отношений Белого с Брюсовым в январе—феврале 1912 г. (см. об этом: Ямпольский И. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого // Ямпольский И. Поэты и прозаики. Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986. С. 345—349).

***67**. *СЦ*. С. 31. Под заглавием «Кентавр. 1», без посвящения, в цикле «Призывы» (часть IV); варианты строк.

ЗЛ. С. 124—125.

СС. С. 18. В разделе «1902 год». Без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

Вариации на ту же тему см. в ст-нии «Сон» из *СБ* (№ 610) и в 5-м ст-нии цикла «Лесные встречи» из *ЗВ* (№ 508—517 (5)).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 6. Без посвящения; датировка: «1901 года, июль». Дополнительная строфа, варианты строк. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. № 135. Без посвящения, датировка: «1901 года ноябрь. Серебряный-Колодезь»[1]. Текст соответствует автографу 1, варианты строк.

Посвящение: Василий Васильевич *Владимиров* (1880—1931) — художник, участник кружка «аргонавтов». Дружески общался с Белым со второй половины 1890-х гг. (учился вместе с ним в гимназии Л. И. Поливанова); см. главу «Кружок Владимировых» в воспоминаниях Белого «Начало века» (М., 1990. С. 26—35); исполнил обложку для книги Белого «Возврат. III симфония» (М.: Гриф, 1905). См.: Демиденко Ю. Б. В. В. Владимиров — художник первой книги Блока // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. Музей-квартира А. Блока: материалы научных конференций. СПб., 1999. С. 253—265.

Образ *кентавра* в ст-ниях Белого начала 1900-х годов вписывался в систему игровых мифотворческих построений, бывших важным элементом поэтического мироощущения; ср. дневниковую запись В. Я. Брюсова (осень 1903 г.): «Бугаев заходил ко мне несколько раз. Мы много говорили. Конечно, о Христе, Христовом чувстве... Потом о кентаврах, силенах, о их бытии. Рассказывал, как ходил искать кентавров за Девичий монастырь, по ту сторону Москва-реки» (Брюсов В. Дневники. 1891—1910. <М.>, 1927. С. 134). В позднейших мемуарах Белый разъяснял: «...мифологический жаргон наших шуток теперь непонятен: ну кто станет затеивать в полях «галоп кентавров», как мы, два химика и этнограф (я, С. Л. Иванов, В. В. Владимиров)? Но «кентавр», «фавн» для нас были в те годы не какими-нибудь «стихийными духами», а способами восприятия <...> образы полотен Штука, Клингера, Беклина; музыка Грига, Ребикова; стихи Брюсова, мои полны персонажей этого рода; поэтому мы, посетители выставок и концертов, в наших шутках эксплуатировали и Беклина, и Штука, и Грига <...>» (Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 18); «Фавны, кентавры и прочая фауна — для романтической реставрации красок и линий сюжетных художественного примитива <...> В. В. Владимиров, его беседы, его одобрение стиль тот питали» (Там же. С. 229).

68. *ЗЛ*. С. 126—127.

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.7. Датировка: «1903».

---

[1] Указанное место написания противоречит датировке «ноябрь» (в этом месяце Белый жил в Москве). Достоверной представляется датировка автографа 1.

*69. *СЦ.* С. 32—33. Под заглавием «Кентавр. 2», с посвящением: Ф. Штуку; в цикле «Призывы» (часть IV). С делением текста на два фрагмента по 24 строки каждый; варианты строк. *ЗЛ.* С. 128—129.

СС. С. 19. В разделе «1902 год». Помета под текстом: «Москва». Сокращенная редакция текста (без строф IV—VIII, X); варианты строк.

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 1. С подзаголовком: «По Штуку»; датировка: «1902 года, апрель». Без деления на строфы; варианты строк.

Ст-ние по своему образно-сюжетному ряду соотносится с картиной немецкого живописца, скульптора и графика, представителя стиля «модерн» Франца фон *Штука* (1863—1928) «Битва кентавров» («Centaurenkampf», 1894; Städelsches Kunstinstitut, Frankfurt am Main).

*70. *ЗЛ.* С. 131—132.

СС. С. 20—21. В раздел «1902 год». Помета под текстом: «Москва».

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В горах»; в форме трех шестистиший, с пропуском строк 3—6, 11—12, 17—20, 23—28 (строфа I — ст. 1, 2, 7—10, строфа II — ст. 13—16, 21—22; строфа III — ст. 29—34).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.1.2. № 148. Под заглавием «Буревой кентавр», с посвящением: «(посв. Ницше)»; датировка: «1901 г. октябрь». Варианты строк. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.2.5. Л. 10. Под заглавием «Буревой кентавр», с посвящением: «Посв. Ницше»; датировка: «1901 г. Октябрь». Текст соответствует тексту автографа 1; варианты строк.

Тоскую, любя... — Словосочетание восходит к ст-нию Вл. Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...» (1892): «И тяжкий сон житейского сознанья / Ты отряхнешь, тоскуя и любя». См.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 92 («Библиотека поэта». Большая серия).

*71—72. *ЗЛ.* С. 133—135.

СС. С. 21—22. В разделе «1902 год». Помета под текстом (частей 1 и 2): «Москва».

1. Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.1.2. № 150. Без заглавия; датировка: «1901 года, октябрь, 13-го». Первоначальная редакция текста. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.6. Без заглавия и датировки. Текст совпадает с текстом автографа 1.

2. *СЦ.* С. 36. Под заглавием «Знамение», в цикле «Призывы» (часть VII). Без деления на строфы; варианты — строфа I, ст. 3: «На утесе забила крылом»; строфа III, ст. 3: «Кто-то громко кричит:»; строфа IV, ст. 3: «Скоро весь он рассеется тягостным сном».

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 7. Под заглавием «Знамение». Первоначальная редакция текста с правкой (приводящей к основному тексту).

*73. *ЗЛ.* С. 136—137.

СС. С. 27—28. В разделе «1902 год». Подпись под текстом: «Москва». Без строф VII и VIII, варианты строк.

По *Плану 1925 года* включено в переработанном виде в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В горах» (№ 609).

В заново переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 508—517 (10)).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 14 февраля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.9), с делением на четверостишия; вариант — строфа VIII, ст. 1: «Сгущается мрак... Не сидеть же во мгле ведь». Подпись под текстом: «Мое».

***74—78**. *ЗЛ*. С. 138—144.

СС. С. 86—89. Переработанная редакция (№ 611).

СБ. С. 74—77. Заново переработанная редакция (№ 612).

В заново переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 523).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.19), с датировкой: «1903»; варианты строк.

Посвящение: Э. К. *Метнер* — см. примеч. 4—5.

2. *Гриф-1903.* С. 46—47. Под заглавием «Старинный друг», без посвящения, в цикле «Возврат»; многоточие между строфами IV и V, варианты — строфа I, ст. 3: «Пусть между нами ряд столетий длинных»; строфа II, ст. 1—2: «Из тьмы идешь, смеясь: «*Опять* свобода, / *Опять* весна, и та же радость снится»...»; строфа VI, ст. 1: «И я проснулся... Старые мечтанья!..»

СС. С. 26—27. В разделе «1902 год», под заглавием «Я — это ты». Помета под текстом: «Москва».

Автограф 1 — в письме к Э. К. Метнеру от 11 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 167.1.5), под заглавием «Встреча», без посвящения, датировка: «1902 года. Ноябрь». Многоточие между строфами IV и V, V и VI; варианты — строфа II, ст. 1—2: как в *Гриф 1903*; строфа III, ст. 2: «Мы смущены все тем же тихим зовом»; строфа V, ст. 1: «Вскочил, стуча ногой о крышку гроба»; строфа VI, ст. 1: «И я проснулся. Старые мечтания». Автограф 2 — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., под заглавием «Старинный друг», без посвящения. Варианты — строфа V, ст. 1, строфа VI, ст. 1: как в автографе 1 (*Белый-Блок*. С. 46—47).

79—81. *ЗЛ*. С. 145—149.

СС. С. 76—79; *СБ.* С. 60—63. Переработанные редакции (№ 613).

Соотносится с одноименным ст-нием в *ЗВ* (№ 526).

Посвящение: Алексей Сергеевич *Петровский* (1881—1958) — ближайший друг и духовный спутник Белого со студенческих лет, участник кружка «аргонавтов», сотрудник издательства «Мусагет», переводчик. С 1907 г. многолетний сотрудник Библиотеки Румянцевского музея (затем — Библиотеки им. Ленина). С начала 1910-х гг.— антропософ, один из организаторов московского антропософского издательства «Духовное Знание». Знаток истории гравюры и коллекционер (см.: Гравюры из коллекции А. С. Петровского. Каталог / Составитель Е. И. Кузищина. М., 1980). См.: Письма Андрея Белого к А. С. Петровскому и Е. Н. Кезельман / Публикация Роджера Кийза // Новый журнал. 1976. № 122. С. 151—165. В позднейшем письме к Петровскому (вторая половина декабря 1931 г.) Белый признавался: «...мы с Тобой даже и не друзья, а братья; вся жизнь прошла вместе. Недавно долго не засыпал: мысленно вставала жизнь; мысленно озирал ее этапы; и во всех этапах ее стоял Ты» (Там же. С. 157). См. также статью о Петровском Людвига А. Новикова в кн.: Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 588—590, — и вступительную статью Е. В. Ивановой и Л. А. Новикова к публикации писем Петровского к П. А. Флоренскому в кн.: Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004. С. 573—578.

1. *Гриф-1903.* С. 48—49. В цикле «Возврат». В строфе VI между ст. 2 и 3 многоточие; варианты — строфа III, ст. 3: «Мой гном, мой гном! Возьми трубу *возврата*!..»; строфа IV, ст. 2: «Как сон мелькнет полет столетий быстрый».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 14 февраля 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.9), под заглавием «Возврат»; в строфе VI между ст. 2 и 3 многоточие; варианты — строфа IV, ст. 2: как в *Гриф-1903*; строфа V, ст. 1: «Колпак слетел, но гном трубит, как сонный». Подпись под текстом: «Мое».

В статье «Литература «новых»» Э. К. Метнер отозвался о первой публикации цикла: «Тема вечного возвращения, в последний раз с такою потрясающею силой прозвучавшая у Ницше, обработана молодым поэтом вполне самостоятельно. Видно, что он не с чужого голоса поет ее, что он подслушал эту тему у самой Вечности» (Приднепровский Край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.).

2. *В сосудах ценных мировые вина...* — Использован образ из ст-ния Бальмонта «К людям» («О, люди, я к вам обращаюсь, ко всем...»): «...пьяно оно, мировое вино. / Когда же упьюсь я вином мировым, / Умру и воскресну и буду живым...» (Бальмонт К. Д. Только любовь. Семицветник. М., 1903. С. 212). 30 августа 1903 г. Белый писал В. Я. Брюсову: «...передайте, если увидите Бальмонта, что я, помня уговор, в *"золотых днях сентября"* выпью «*мирового вина"*... Клянусь, на закате ничего не оставлю...» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 367).

82. *ЗЛ*. С. 150—151.

СС. С. 24—25. В разделе «1902 год». Подпись под текстом: «Москва».

83. *Гриф-1903*. С. 47—48. В цикле «Возврат», без посвящения; слово «опять» во всех случаях употребления (строфа III, ст. 4, строфа IV, ст. 1—2, строфа V, ст. 1) набрано курсивом.

ЗЛ. С. 152—153.

СС. С. 25—26. В разделе «1902 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Сон, который снился» в *ЗВ* (№ 495).

Автограф 1 — в письме к Э. К. Метнеру от 11 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 167.1.5), без посвящения, датировка: «1902. Декабрь». Текст совпадает с текстом *Гриф-1903*, курсив — в прямой речи (строфа IV, ст. 4, строфа V, ст. 3) и заключительная строка. Автограф 2 — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г.; без посвящения, курсив — как в автографе 1 (кроме заключительной строки) (*Белый-Блок*. С. 47).

В статье «Литература «новых»» Э. К. Метнер процитировал ст-ние полностью, заключив, что в нем «тема вечного возвращения» дана Белым «наиболее рельефно и доступно» (Приднепровский Край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.).

Посвящение: Александр Петрович *Печковский* — в начале 1900-х гг. студент-химик, затем переводчик; участник кружка «аргонавтов».

***84**. *Гриф-1904*. С. 5—8. Под заглавием «Предание», с эпиграфом: «Меж нами есть одно преданье» (из поэмы Пушкина «Цыганы», 1824; слова Старика); варианты строк.

ЗЛ. С. 154—159.

СС. С. 67—70. В разделе «1903 год. Золото в лазури», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 68—71. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах», без посвящения. Помета под текстом: «1903 г. Ноябрь Москва». Без строфы V 2-й части и строфы II 4-й части; варианты строк.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 501).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 29 декабря 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.30), с обозначением «Пять стихотворений» и посвящением: Эллису; варианты — 4-я часть, строфа IV, ст. 4: «И темным пурпуром агатов»; 5-я часть, строфа III, ст. 1—2: «И вот, что было, не прошло... / Я там стоял, [преображенный]»; ст. 4: «Качался лебедь соннобелый»; с подстрочными авторскими примечаниями: «берилл — бледнозолотистый камень», оникс — «беломатовый камень».

Посвящение: Сергей Алексеевич *Соколов* (псевдоним — Сергей Кречетов; 1878—1936) — поэт, критик; владелец и редактор модернистского издательства «Гриф», редактор журнала «Перевал» (1906—1907).

В ст-нии отразились мотивы «мистериальной» любви Белого и Н. И. Петровской (в начале 1900-х гг.— жены С. А. Соколова; см. примеч. 99); ср. записи Белого (о ноябре—декабре 1903 г.): «Моя тяга к Петровской окончательно определяется; она становится мне самым близким человеком <...> я самое чувство влюбленности в меня стараюсь претворить в мистерию»; «...пишу стихотворение *Sanctus Amor*, навеянное отношениями с Н. И. Петровской» (*Материал к биографии.* Л. 42; под ст-нием «Sanctus Amor» подразумевается «Преданье»). Вариацию на темы ст-ния Белого и одновременно полемический отклик на него представляет собой ст-ние В. Я. Брюсова «Предание» (см.: Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1974. Т. 3. С. 290—292, 602—603). Подробнее см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 13—27; Жизнь и смерть Нины Петровской / Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. Paris, 1989. С. 44—52 (воспоминания Н. И. Петровской); Письма Андрея Белого к Н. И. Петровской / Публикация А. В. Лаврова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 198—214.

К потокам Стикса приближались.— Стикс (греч. миф.) — река в царстве мертвых. *Обломком матовым оникса.*— Оникс — очковый агат, разновидность халцедона. *Старинный лозунг: "Sanctus Amor".*— Позже такое название дала Н. Петровская книге своих рассказов (М.: Гриф, 1908); так же озаглавлено ст-ние В. Ф. Ходасевича (1907), посвященное Петровской (Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989. С. 54—55. («Библиотека поэта». Большая серия)).

85. *ЗЛ.* С. 160.

СС. С. 72. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Сон, который снился» в *ЗВ* (№ 495).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 23 января 1904 г. (РГБ. Ф. 167.1.31); последовательность строф: I, II, IV, III; варианты — строфа I, ст. 3: «Тучкой срезан, на волнах шатаясь»; строфа II, ст. 1: «Крупных звезд изысканные ткани»; строфа IV, ст. 1—2: «Будто арф эоловых рыданья / С вышины звучали: это были».

Пегас (греч. миф.) — крылатый конь; ударом копыта выбил на Геликоне источник Гиппокрену, вода которого дарует вдохновение поэтам *...арф эоловых стенанья...* — Образ восходит к балладе В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814).

***86.** *Гриф-1903.* С. 45—46. В цикле «Возврат», без нумерации частей. Первоначальная редакция текста.

ЗЛ. С. 161—162.

СС. С. 23—24. В разделе «1902 год». Помета под текстом: «Москва».

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 17 ноября 1902 г. (РГБ. Ф. 167.1.2); без заглавия, с делением на две части, датировка: «1902 Ноябрь», помета сверху: «немецки-подмигивающее». Текст — как в *Гриф-1903*; варианты — 1-я часть, строфа II, ст. 1: «Гном плакался горько: "За что же"»; 2-я часть, строфа IV, ст. 3: «Блеснуло вечерней каймою».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 9-м ст-нием цикла «Лесные встречи» в *ЗВ* (№ 508—517 (9)).

87. *ЗЛ*. С. 163—164.

СС. С. 65—66. В разделе «1903 год. Золото в лазури», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». Вариант — ст. 20: «Одинокая грусть их туманом покрыла»; в ст. 18—22 текст иначе разделен на строки.

СБ. С. 55—56. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах», без посвящения. Помета под текстом: «1904 г. Март. Москва». Текст соответствует тексту *СС*, также вариант ст. 26: «Это — семь лебедей — ».

Посвящение: П. Н. *Батюшков* — см. примеч. 49.

...семь лебедей Лоэнгрина.— «Лоэнгрин» (1850) — опера Р. Вагнера, написанная на сюжет средневекового сказания (одноименная поэма, ок. 1289—1290 г.) о рыцаре Лоэнгрине, сыне Парсифаля, который приплывает в ладье, влекомой лебедем, из замка Грааля на защиту Эльзы Брабантской; в образе лебедя скрыт заколдованный брат Эльзы.

***88**. *ЗЛ*. С. 165.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Шорохи» в *ЗВ* (№ 543).

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 97». Без заглавия. Датировка: «Москва. 1900 года. Апрель». Первоначальная редакция текста. Печ. текст, автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 3. Дополнено несвязными черновыми набросками. Помета: «Москва. 1900».

***89**. *ЗЛ*. С. 166.

СС. С. 13. В разделе «1901 год». Помета под текстом: «Москва».

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 34». Без заглавия. Датировка: «1897, июнь. Даниловка» (первоначально указан год: 1898; зачеркнуто). Первоначальная редакция текста; нанесена позднейшая правка, приближающая к тексту *ЗЛ*.

***90**. *ЗЛ*. С. 167—168.

СС. С. 12—13. В разделе «1901 год», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 132», без заглавия и посвящения; датировка: «1901 года. Июль. Серебряный-Колодезь». Первоначальная редакция текста; с правкой, приближающей к тексту *ЗЛ*.

Один из рецензентов *ЗЛ* назвал это ст-ние «почти единственной действительной блесткой» в книге (Наука и Жизнь. 1904. № 6. Стб. 644. Подпись: Г. Г.).

Посвящение: Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — русский и литовский поэт и переводчик, входивший в круг московских символистов (инициалы в посвящении предполагают чтение: Георгий Казимирович). Сохранились позднейшие заметки Белого («Ex Deo nascimur») о поэзии Балтрушайтиса (см.: A. Belo rankraštis apie J. Baltrušaičio lyrika. Parenge V. Kubilius ir D. Straukaite //

Literatūra ir kalba. XIII. Lietuvių poetikos tyrinejimai. Vilnius, 1974. P. 424—452; Лавров А. В. Андрей Белый о Юргисе Балтрушайтисе // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии. Доклады. М., 1999. С. 45—55).

*91. *Гриф-1903.* С. 50. Без заглавия. Варианты — строфа I, ст. 1—2: «Вот на струнах тревожных, скользнув<ши>, блеснула / Слеза. / Грусть росою упала»; ст. 4: «И грозны небеса»; строфа II, ст. 1: «О Всесильный, мне грезы, мне сладость забвенья / Подай!».

ЗЛ. С. 169.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 72», без заглавия; датировка: «1898. Январь. Москва». Первоначальная редакция текста; нанесена позднейшая правка, приближающая текст к первопечатному. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 14 об. В составе цикла «Осенние песни», без заглавия; варианты — строфа I, ст. 1—2: «Как темно. Заблистала / И на струны больные, скользнувши, упала слеза»; ст. 4: «Как темны небеса»; строфа II, ст. 1: «О, Всесильный, мне грезы, мне грусть и забвенье подай». Печ. текст (*ЗЛ*) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 4; на обороте — несвязные черновые наброски.

92. *ЗЛ.* С. 170.

СС. С. 6. В разделе «1901 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 113», без заглавия, с зачеркнутым посвящением; датировка: «1900 года. Декабрь». Текст не разделен на стихотворные строки; вариант первой фразы: «...Стекла запотели....»

В своем отзыве о *ЗЛ* В. Ф. Боцяновский отметил это ст-ние. «Ряд намеков, ряд образов, самый размер стиха производят впечатление искренней тоски одинокого человека» (Боцяновский Вл. Критические наброски // Русь. 1904. № 141, 4 мая. С. 3).

Посвящение: Сергей Львович *Кобылинский* (1882—?) — студент историко-филологического факультета Московского университета; брат Эллиса (Л. Л. Кобылинского; см. примеч. 41).

93. *ЗЛ*. С. 171.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Над рекою» в *ЗВ* (№ 482).

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., под заглавием «Пролетела весна», вариант — строфа III, ст. 2: «И былое — обман» (*Белый-Блок.* С. 48). Машинопись, автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 15. Дополнено несвязными черновыми набросками.

В отзыве о *ЗЛ* рецензент К. Тарский выделил это ст-ние как наиболее удачное: «Написано оно человеческим языком и довольно искренно» (Московские Ведомости. 1904. № 212, 3/16 августа; Книжный Мир. 1904. № 42, 14 августа. С. 12).

94. *ЗЛ.* С. 172.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 14», без заглавия; датировка: «1899 г. Январь. Москва». Варианты — строфа I, ст. 1: «...Там нет никого... Это — грезы....»; строфа II, ст. 2: «роняют холодные слезы»; строфа III, ст. 2: «...Там нет никого... Это — грезы...»; строфа IX: «И только в далеких туманах они — / грядущие, черные грозы...» Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 13. Текст совпадает с текстом автографа 1. Печ. текст, автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Помета: «Москва». Дополнено несвязными черновыми набросками.

*95. *ЗЛ*. С. 173.

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 134», без заглавия; датировка: «1901 года, июль. Серебряный-Колодезь». Первоначальная редакция текста.

*96. *ЗЛ*. С. 174.

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 15», без заглавия; датировка: «1898 ноябрь. Москва». Первоначальная редакция текста, без деления на стихотворные строки.

В переработанном виде вошло в поэму «Первое свидание» (№ 348; см. гл. II, ст. 257—273).

БАГРЯНИЦА В ТЕРНИЯХ

97. *ЗЛ*. С. 213—215.

Части 1-я и 3-я в существенно переработанном виде составили основу ст-ния «Отошедшему другу» (*СС*. С. 56—58); оно же — под заглавием «Н. В. Бугаеву» (*СБ*. С. 37—38) — см. № 614.

В заново переработанном виде ст-ние «Н. В. Бугаеву» из *СБ* вошло в *ЗВ* (№ 574).

Переработанная редакция 2-й части ст-ния включена в *СС* (С. 55 — «Прошумит ветерок...») и *СБ* (С. 29 — «Прошумит ветерок...») — см. № 615.

Написано под воздействием кончины (29 мая 1903 г.) отца Белого Николая Васильевича Бугаева (1837—1903), математика и философа, профессора Московского университета (см.: Некрасов П. А., Лахтин Л. К., Лопатин Л. М., Минин А. П. Николай Васильевич Бугаев. I—II. М., 1904). Белый подробно описывает его в мемуарных книгах «На рубеже двух столетий» и «Начало века». См. также примеч. 614.

98. *ЗЛ* С. 216.

СС. С. 56. В разделе «1903 год. Золото в лазури», под заглавием «Незабвенной памяти М. С. и О. М. Соловьевых». Подпись под текстом: «Москва».

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 572).

Посвящение: Михаил Сергеевич *Соловьев* (1862—1903) — педагог, переводчик; брат Вл. С. Соловьева и издатель его сочинений, отец С. М. Соловьева. Ольга Михайловна *Соловьева* (урожд. Коваленская; 1855—1903) — жена М. С. Соловьева и мать С. М. Соловьева; художница, переводчица. Оба оказали на духовное становление Белого исключительно сильное воздействие. Сразу же после кончины мужа 16 января 1903 г. О. М. Соловьева застрелилась. Похороны Соловьевых состоялись 18 января в Новодевичьем монастыре. Белый пережил смерть Соловьевых как одно из тяжелейших потрясений. «...Все еще не могу достаточно владеть своим спокойствием после кончины Соловьевых»,— писал он Э. К. Метнеру 30 января 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.8). «Когда хоронили Соловьевых, была метель... Недалеко торчала сосна. Два раза она взревела, взмахнув руками,— писал он ему же 19 марта 1903 г.— В Соловьевых я потерял одних из самых близких людей себе» (РГБ. Ф. 167.1.11). О похоронах см. также. Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 221—226. См. также примеч. 100.

99. *ЗЛ* С. 217—218.

СС. С. 58—59. В разделе «1903 год. Золото в лазури», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 32. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях», без посвящения. Помета под текстом: «1903 г. Июль. Серебряный-Колодезь». Без ст. 5—8, вариант ст. 12: «Ласково ликом туманным, лилейным».

Св. Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1754 или 1759—1833) — иеромонах Саровского монастыря (пустыни), прославившийся как величайший подвижник (был долгие годы отшельником, затем затворником); в 1903 г. канонизирован православной церковью. Белый прочел «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» Л. М. Чичагова (М., 1896), содержащую описание жизни и религиозных подвигов Серафима, в октябре 1901 г.: «...с той поры эта книга становится моей настольною книгою; образ Серафима, весь чин молитв его, оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что Он — тайно ведет меня» (*Материал к биографии.* Л. 25 об.); ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г.: «Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим — единственно несокрушимо-важная и нужная для России скала в наш исторический момент» (РГБ. Ф. 167.1.10). Подробнее см.: Malmstad John E. Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 14. P. 21—59; Vol. 15. P. 59—102.

Посвящение: Нина Ивановна *Петровская* (в замужестве Соколова; 1879—1928) — прозаик, критик, переводчица; первая жена С. А. Соколова (Кречетова). Сблизилась с Белым осенью 1903 г. (см. примеч. 84).

100. *ЗЛ.* С. 219—220.

СС. С. 37; *СБ.* С. 20. Переработанная редакция (№ 616).

В заново переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 570).

Автограф 1— в письме к Э. К. Метнеру от 19 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.11), без посвящения; варианты — строфа I, ст. 1: «Мы задыхалися от пошлости привычной»; ст. 4: «Комично прозвучал». Автограф 2 — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г.; текст совпадает с текстом автографа 1 (*Белый-Блок.* С. 46).

Заглавие: Религиозный философ и поэт Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853—1900) оказал огромное воздействие на духовное формирование Белого, которого по праву причисляли к «соловьевцам». Ср. признания Белого в письме к П. А. Флоренскому от 12 августа 1904 г.: «Иной раз мне кажется, что Соловьев — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле <...> многое в Соловьеве заставляет признать истинного пророка *вопреки всему.* Часто я внутренне бунтую против соловьевства и потом снова и снова проникаюсь его духом» (Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004. С. 465—466). В ст-нии отразились впечатления от частых посещений могилы Соловьева в Новодевичьем монастыре.

Посвящение: С М. С. *Соловьевым* (см. примеч. 98) и его женой Ольгой Михайловной, а также с их сыном Сергеем Белый был знаком с конца 1895 г.— со времени их вселения в тот дом на углу Арбата и Денежного переулка, в котором проживала семья Бугаевых. М. С. Соловьев оказал исключительно сильное воздействие на духовное и идейно-эстетическое формирование Белого. «Михаил Сергеевич Соловьев был, воистину, замечательною фигурою: скромен, сосредоточен,— таил он огромную вдумчивость, проницательность, мудрость; соединял дерзновенье искателей новых путей он с дорическим консерватизмом хорошего вкуса <...> М. С. был подлинным

инспиратором Владимира Соловьева; лишь он понимал до конца степень важности теософических устремлений покойного. М. С. был вдвойне замечателен: был не менее, если не более замечателен своего знаменитого брата <...>» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 27).

101. *ЗЛ.* С. 221—222.

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 136», без заглавия и посвящения; датировка: «1901 года. Август. Серебряный-Колодезь». Варианты — строфа IV, ст. 2: *а* «На нас упал вечерний луч», *б* «На нас сверкнул вечерний луч». Автограф — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., без заглавия и посвящения, как 2-я часть цикла «Призыв»; варианты — строфа III, ст. 4: «Знакомым заревом горят»; строфа IV, ст. 2: «На нас сверкнул вечерний луч» (*Белый-Блок.* С. 45).

Посвящение: С. М. *Соловьев* — см. примеч. 55—59.

102. *СЦ.* С. 35. В цикле «Призывы» (часть VI), без заглавия, посвящения и деления на строфы; между строфами V и VI текста *ЗЛ*:

И снова веришь прежним снам.
Но ветер северный несется:
Среди могил то тут, то там
Как будто шепот раздается.

ЗЛ. С. 223—224.

СС. С. 6—7. В разделе «1901 год». Помета под текстом: «Москва».

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г., как 1-я часть цикла «Призыв», без посвящения; текст совпадает с текстом *СЦ* (*Белый-Блок.* С. 44—45).

В переработанном виде (под заглавием «Кладбище») вошло в *ПР* (№ 352). Вариант того же текста (под заглавием «Могила») — в *СР* и в *ЗВ* (№ 569).

Посвящение: М. С. *Соловьев* — см. примеч. 98, 100.

***103.** *ЗЛ.* С. 225.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Гимн» в *ЗВ* (№ 585).

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 130». Датировка: «1901 года Май. Москва». Первоначальная редакция текста. Автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр 3. Л. 16. Помета под текстом: «Москва». С перестановкой двух строф (IV, III), без строфы V.

В статье о *ЗЛ* Н. Е. Поярков упомянул ст-ние как пример «досадных промахов в обращении со свободным стихом» (Поярков Ник Поэты наших дней: (Критические этюды). М., 1907. С. 91—92).

104. *ЗЛ.* С. 226—227.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Восток побледневший...» в *ЗВ* (№ 584).

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. № 141. Под заглавием «Посвящается С. М. Соловьеву», датировка: «1901 года. Август». Вариант — строфа I, ст. 2 «Знаю — нежданное близко!...»

Посвящение. О. М. *Соловьева* — см. примеч 98, 100.

Написано под впечатлением от стихов А. Блока, присланных в рукописи его матерью, А. А. Кублицкой-Пиоттух, Соловьевым. «Мне хотелось поскорее сообщить тебе одну приятную вещь,— писала О. М. Соловьева матери Блока 3 сентября 1901 г.— Сашины стихи произвели необыкновенное, трудно-описуемое, удивительное, громадное впечат-

ление на Борю Бугаева, мнением которого все мы очень дорожим и которого я считаю самым понимающим из всех, кого мы знаем <...> Что говорил по поводу стихов Боря — лучше не передавать, потому что звучит слишком преувеличенно, но мне это приятно и тебе, я думаю, будет тоже <...> Боря сейчас же написал, по поводу Сашиных стихов, стихи, которые посвятил Сергею»; далее приводится текст ст-ния «Пусть на рассвете туманно...» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 174—175). *Белые к сердцу цветы я / вновь прижимаю невольно.* — Написано под впечатлением майских дней, проведенных в 1901 г. в имении А. Г. Коваленской Дедово, где цвели белые колокольчики — любимые цветы Вл. Соловьева (см. его ст-ния «Белые колокольчики», 1899 г., и «Вновь белые колокольчики», 1900 г.). «Эти белые колокольчики <...> являлись нам символом *белых*, мистических устремлений к грядущему,— вспоминал Белый.— Пустынька, место таинственных медитаций Вл. Соловьева над колокольчиками, воскресало здесь, в Дедове: колокольчиками, пересаженными оттуда»; приводя далее комментируемые строки, Белый добавлял: «...здесь я разумел таинственные колокольчики Соловьева, теперь расцветшие в Дедове: белые тайны путей» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 36—37).

***105**. *СЦ*. С. 36—38. В цикле «Призывы» (часть VIII), под заглавием «Четыре отрывка», без посвящения и деления на строфы; варианты строк.

ЗЛ. С. 228—230.

СС. С. 9—11. В разделе «1901 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». Варианты строк.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 4—4 об. Без посвящения; датировка: «1901 г. октябрь». Варианты строк. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.2. № 149. Без заглавия, с посвящением: Фр. Ницше; датировка: «1901 года. Октябрь»; приписка: «Ницше — кентавр, Ницше — чайка, Ницше — экзотичен...». Варианты строк.

Приведя (в статье «Северные Цветы») заключительную строфу ст-ния, Э. К. Метнер отметил: «Иногда же Андрею Белому удается отчетливо, одним верным штрихом, запечатлеть нечто, до крайности сосредоточенно сильное» (Приднепровский Край. 1903. № 1840. 9 июня. Подпись: Э.).

Посвящение: *Эллис* — см. примеч. 41.

«Иммануил грядет! С нами Бог!» — «Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф. I, 23; Ис. VII, 14). Ср. ст-ние Вл. Соловьева «Иммануэль» («Во тьму веков та ночь уж отступила...», 1892). *Облеките меня в багряницу! / Пусть вонзаются тернии в лоб.*— Ср.: «И одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него» (Мк. XV, 17); «...вышел Иисус в терновом венце и в багрянице» (Ин. XIX, 5).

***106**. *ЗЛ*. С. 231—235.

СС. С. 108—111. В разделе «1904 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». Без трех строф — V в 1-й части, IV и VII в 3-й части; варианты строк.

СБ. С. 98—100. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот», без посвящения. Помета под текстом: «1904 г. Март. Москва». Без тех же строф, что и в *СС*; варианты строк.

Вошло в *ВС* как 18-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе

«Пепел. Стихи о России» (сохранились первые две строки ст-ния, лист с окончанием текста утрачен).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 1-й и 2-й частями ст-ния «Петел» в *ЗВ* (№ 590).

Автограф — в письме к А. А. Блоку (около 28 марта 1904 г.), датировка: «Февраль 1904 года»; варианты — 1-я часть, строфа V, ст. 2: «И, томясь, замираю»; 2-я часть, строфа V, ст. 2: «Жизнедатель...»; ст. 4: «Я — *"мечтатель!.."*» (*Белый-Блок.* С. 135—137).

В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) Белый свидетельствует: «Я переживаю: надлом — непомерный, усталость — смертельную; и у меня вырывается вскрик: стихотворение *"Безумец"* <...> Но и это стихотворение понято лишь в линии *"истеризма"* и чудовищно сектантского хлыстовства (я знаю, что некоторые декадентские дамы так именно его поняли!)» (Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 437).

Посвящение: Александр Сергеевич *Челищев* (1880—?) — музыкант, математик; участник кружка «аргонавтов».

107. *ЗЛ.* С. 236—237.

СС. С. 99. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Без ст. 17—20, 25—32, с делением на шесть четверостиший. Варианты — ст. 5: «Стоял один, как столп»; ст. 12: «Смарагд бледнозеленый»; ст. 13: «И — палевый привет».

СБ. С. 82. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Август. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 480).

В рецензии на *ЗЛ* К. Тарский отметил, что это ст-ние производит «странное удручающее впечатление» (Московские Ведомости. 1904. № 212, 3/16 августа; Книжный Мир. 1904. № 42, 14 августа. С. 11). Другой рецензент, Ф. Д. Батюшков, увидел в нем «довольно беспощадное обличение недавно еще модного «декадентского» настроения»: «...нельзя не оценить мужества, с которым автор предает печати признания о постигшем его разочаровании после неудачной попытки возомнить себя новым Мессией...» (Мир Божий. 1904. № 6. Отд. II. С. 92—93).

***108**. *ЗЛ.* С. 238—239.

СС. С. 100. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты строк.

СБ. С. 83. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Август. Серебряный-Колодезь». Опечатка в заглавии: «Молния» (следует читать: «Мания»). Варианты строк.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 3-й частью ст-ния «Жертва» в *ЗВ* (№ 591).

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 14 июля 1903 г. (*Белый-Блок.* С. 84), под заглавием «Начинание», со строфой между строфами II и III:

Тоске вашей нужно огня:
Дарую огонь свой — тоскуйте...
Целуйте меня,
Целуйте...

***109**. *ЗЛ.* С. 240—242.

СС. С. 106—107. В разделе «1903 год. Золото в лазури», без заглавия. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Переработанная редакция текста.

В рецензии на *ЗЛ* Ф. Д. Батюшков, отмечая, что Белый «иногда делает поразительные переходы от возвышенного к тривиальному, допуская даже жаргонные выражения», приводит в пример это ст-ние — как построенное «на контрастах возвышенного настроения и прозы житейской» — и, процитировав строфу II 2-й части, заключает: «Если это симптом "декадентской школы", то нам остается только пожелать еще раз, вместе с автором,— "избави нас от лукавого" <...>» (Мир Божий. 1904. № 6. Отд. II. С. 93).

***110—112**. *ЗЛ.* С. 243—244.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Рок» (№ 549) в *ЗВ.*

*1. *СС.* С. 35—36. В разделе «1902 год», под заглавием «Один», без посвящения; помета под текстом: «Москва». Вариант — строфа V, ст. 1: «Я был меж вас с печалью неземной».

СБ. С. 91—92 («Один»). Переработанная редакция (№ 606).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Страх» (№ 548) в *ЗВ.*

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. № 144. Без заглавия, с эпиграфом: «И ты вдали,— но ты ли?..» (из ст-ния А. Блока «Ищу спасенья...», 1900[1]); датировка: «1901 года. Сентябрь». Варианты строк.

2. Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 107», без заглавия; датировка: «1900 года май.[2] Москва». Строфы без деления на стихотворные строки. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 3 об. Под заглавием «Жених», датировка: «1901 г. май»; варианты — строфа II, ст. 1—2: «Возвещалось не раз / О приходе Владыки земного»; строфа IV, ст. 4: «Основатель и Бог жизни новой». Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 2. Под заглавием «Видение»; помета под текстом: «1900 года. Серебряный-Колодезь».

3. *СС.* С. 105. В разделе «1903 год. Золото в лазури», под заглавием «Блоку»; помета под текстом: «Москва». Без ст. 16—23.

Автограф — в письме к А. А. Блоку от 24 или 25 октября 1903 г., под заглавием «А. Блоку» (подпись под автографом: А. Белый); вместо четырех заключительных строк — повторение начальных четырех стихов (*Белый-Блок.* С. 106—107).

Заглавие: Отношения между Белым и Александром Александровичем *Блоком* (1880—1921) завязались в начале января 1903 г. посредством переписки; личное их знакомство состоялось после написания этого стихотворного цикла — в Москве 10 января 1904 г. См. также примеч. 38.

Душа моя / скорбит смертельно.— Слова Иисуса после Тайной вечери (Мф. XXVI, 38; Мк. XIV, 34).

***113**. *ЗЛ.* С. 247—248.

СС. С. 14. В разделе «1902 год», под заглавием «Опять один». Переработанная редакция.

---

[1] Известны две копии, снятые Белым с автографа этого стихотворения (см.: Котрелев Н. В. Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн. 1. С. 238, 244).

[2] Первоначальная датировка: «июнь» (зачеркнуто).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 13 об. В цикле «Осенние песни», без заглавия и посвящения. Первоначальная редакция текста. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 8 об. Без заглавия и посвящения. Датировка: «1901 г. сентябрь». Первоначальная редакция текста с правкой; варианты строк. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.1.2. № 143. Без заглавия и посвящения. Датировка: «1901 года. Сентябрь». Первоначальная редакция текста с правкой; варианты строк.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Страх» в *ЗВ* (№ 548).

Вл. С. *Соловьев* — см. примеч. 100.

***114**. *Гриф-1904*. С. 9—10. Без деления на строфы; варианты строк.

ЗЛ. С. 249—250.

СС. С. 102—103. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Без строф II, V 2-й части; варианты строк.

СБ. С. 93. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1903 г. Август. Серебряный-Колодезь». Без четырех строф (I и II в 1-й части, II и V во 2-й части); варианты строк.

115. *ЗЛ*. С. 251—252.

СС. С. 9. В разделе «1901 год», без посвящения и эпиграфа. Помета под текстом: «Москва». Сокращенная редакция текста (без строф I, II, VII—X), последовательность строф: V, VI, III, IV, XI, XII. Вариант — строфа IV, ст. 1: «То грозно шумят о Пришествии Новом».

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 14. В цикле «Осенние песни», без заглавия, посвящения и эпиграфа; с делением на четверостишия. Варианты — строфа VII: «О, спой мне... Вот снова гитара рыдает. / Прекрасен романс упоительно страстный»; строфа IX, ст. 1: «Дрожу. Занавеска опять шевелится»; строфа X, ст. 2: «И в окна туманные Вечность грозится»; строфа XI, ст. 1: «Куда нам деваться от ужаса, братья?»

Посвящение: Павел Александрович *Флоренский* (1882—1937) — священник (с 1911 г.), религиозный философ, мыслитель-энциклопедист (филолог, математик, физик, искусствовед); в первой половине 1900-х гг. был в духовно близких отношениях с Белым (см.: Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Составление, подготовка текстов и комментарий Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 433—498; Из наследия П. А. Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым / Подготовка текста игумена Андроника (А. С. Трубачева), О. С. Никитиной, С. З. Трубачева, П. В. Флоренского, Е. В Ивановой, Л. А. Ильюниной. Вступ. статья и комментарии Е. В. Ивановой и Л. А. Ильюниной // Контекст-1991: Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С. 3—99). Автор незаконченной статьи ««Золото в лазури» Андрея Белого» (Там же. С. 62—67). См. также: Силард Лена. Андрей Белый и П. Флоренский // Studia Slavica (Budapest). 1987. Т. 33. С. 227—238.

***116**. *ЗЛ*. С. 253.

СС. С. 5—6. В разделе «1901 год», под заглавием «Закат». Помета под текстом: «Москва».

Вариации на ту же тему: № 355, 497.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 11 об. Датировка: «1901 года. Апрель». Первоначальная редакция текста, с правкой, приближающей к тексту *ЗЛ*. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 123», без заглавия; датировка: «1901 года. Апрель» Первоначальная редакция текста, без деления строф на стихотворные строки; варианты.

117. *ЗЛ*. С. 254.

СС. С. 29. В разделе «1902 год», под заглавием «Вечер». Помета под текстом: «Москва».

Заглавие: Вл. С. *Соловьев* — см. примеч. 100.

118. *ЗЛ*. С. 255.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 494).

Печ. текст (*ЗЛ*), автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 13. Помета: «Москва». Черновые наброски новых строк.

В рецензии на *ЗЛ* Н. П. Ашешов процитировал это ст-ние как пример «свежих и теплых страниц» (Образование. 1904. № 8. Отд. III. С. 150).

119. *ЗЛ*. С. 256.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Ты» в *ЗВ* (№ 467).

Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 17 ноября 1902 г. (РГБ. Ф. 167.1.2), датировка: «1902. Май»; варианты — строфа I, ст. 2: «Я тебя видел во сне?»; строфа III, ст. 3: «И вспоминая тебя». Автограф (машинопись с правкой) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 14. Помета: «Москва». Черновые наброски новых строк.

В рецензии на *ЗЛ* Н. П. Ашешов с одобрением процитировал это ст-ние — как «свежее произведение» (Образование. 1904. № 8. Отд. III. С. 150).

***120.** *ЗЛ*. С. 257.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Из бисерных высот» в *ЗВ* (№ 451). См. также № 462.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 12 об. Датировка: «1901 г. май». Первоначальная редакция текста, с правкой, приближающей к тексту *ЗЛ*. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 124». Датировка: «1901 года. Май». Первоначальная редакция текста, без заглавия; строфы не разделены на стихотворные строки; варианты. Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 18. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Переработанная редакция текста; дополнено несвязными черновыми набросками.

***121.** *ЗЛ*. С. 258.

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.2. Л. 11. Без заглавия; датировка: «1901 г. Август». Первоначальная редакция текста, с многослойными исправлениями, приближающими к тексту *ЗЛ*. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.2. № 137. Без заглавия, с эпиграфом: «Смерть и время царят на земле — / Ты Владыками их не зови...»[1]; датировка: «1901. Август. Москва». Первоначальная редакция текста.

Lumen coeli — sancta Rosa.— «Свет небес, святая Роза» (*лат.*) — строка из ст-ния Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), обращение к деве Марии.

122. *ЗЛ*. С. 259.

Вошло в *ВС*, как 21-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1900». Текст состоит из ст. 1—4, 9—12; варианты — ст. 9—11: «Пусть на северных бедных равнинах / Разлетается клич боевой — / О грядущих, последних годинах».

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. № 118. Без заглавия, с посвящением: «Посв. памяти В. С. Соловьева»; датировка: «1901 года. Февраль».

---

[1] Из стихотворения Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).

Текст разделен на четыре строфы, деление на стихотворные строки отсутствует; весь текст зачеркнут. Варианты — ст. 8: «дрогнет враг от речей огневых...»; ст. 15: «[Пусть] холодная вьюга бунтует». Печ. текст (*ЗЛ*) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 11. Помета: «Москва».

Заглавие: С. М. *Соловьев* — см. примеч. 55—59.

...мы храним наши белые сны.— Одно из мистических представлений, сходно переживавшихся Белым и С. М. Соловьевым; ср. позднейшее пояснение Белого: «...мы выдумали символику белого *цвета* <...>, как смысла пленума красок; и противополагали пленуму, как культуре, отсутствие красок: мрак; играли в то, как со светом борется мрак <...>» (Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 358). *Ах, восстанут из тьмы два пророка.* — Подразумеваются Вл. Соловьев и Ф. Ницше. Ср. свидетельства Белого в «Воспоминаниях о Блоке»: «В 900-м году созерцание во мне переходит в горячку искания <...> пытаюсь я соединить в своем сердце два полюса (Соловьева и Ницше)» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 33).

123. *ЗЛ*. С. 260.

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Перемельк» в *ЗВ* (№ 582).

Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. «Номер 117». Без заглавия, датировка: «1901 года. Февраль». Текст разделен на четыре строфы, деление на стихотворные строки отсутствует. Варианты — строфа II, ст. 2—4: «вурдалак иль пророк... И боишься довериться призрачным снам, и с надеждой глядишь, как бледнеет восток»; строфа III, ст. 4: «И все ярче, все ближе сиянье зари...»

Автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 10. Без строф II—III; вариант — строфа I, ст. 4: «Зов далекий: "Не бойтесь... я с вами... за мной"...»; черновые наброски новых строф.

ПЕПЕЛ

Впервые: Андрей Белый. Пепел. Стихи. СПб., «Шиповник», 1909. Книга вышла в свет в начале декабря 1908 г. Печатается по тексту этого издания.

Книга включает стихотворения, написанные в 1904—1908 гг. Из 101 стихотворения, в нее входящего, 45 были опубликованы впервые в составе «Пепла», остальные печатались прежде в периодике, альманахах и сборниках; из 56 стихотворений, публиковавшихся ранее, 40 вошли в «Пепел» с более или менее существенными изменениями в тексте (см.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 588—589). В числе публикаций, предшествовавших формированию книги, правомерно выделить стихотворные циклы «Тоска о воле» (Альманах к-ва «Гриф». М., 1905), «Идиллия» (Там же), «Горемыки» (Золотое Руно. 1906. № 1; Перевал. 1906. № 2), «Одинокие» (Весы. 1906. № 8) и лирическую поэму «Панихида» (Весы. 1906. № 7). Заглавие первого из этих циклов, по первоначальному замыслу автора, должно было стать и заглавием его второй книги стихов. Появление цикла «Тоска о воле» не прошло незамеченным в критике, приветствовавшей новые темы и мотивы поэтического творчества Белого. В. Брюсов высоко отозвался о нем в рецензии на «Альманах к-ва

«Гриф»» (Весы. 1905. № 3): «В новых стихах Белого, озаглавленных "Тоска по воле", его лиризм входит в свои берега, словно расплавленный и кипящий металл постепенно принимает свою определенную, ему предназначенную форму. Самый стих Белого почти достигает своего совершенства; поэту наконец удается осуществить ту особенную гармонию, которая не совсем удавалась ему в угловато ломанных стихах "Золота в лазури"» (Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 135). Г. Чулков расценил «Тоску о воле» как «настоящую поэзию»: «Никто из современных поэтов не выразил так смело и огненно своего ужаса перед призрачностью реального, как Андрей Белый. Космический и психологический трагизм восстали в его воображении властным кошмаром. <...> Андрей Белый один из тех, кто нашел нить Ариадны. И путь его не *от* реализма, а *чрез* реализм, в самую глубь конкретного» (Вопросы Жизни. 1905. № 2. С. 316, 317); другой рецензент, нашедший в «Тоске о воле» «хорошие, оригинальные строфы», отмечал: «Естественнее всех держится г. Андрей Белый, и хотя он по временам тоже пытается стать в позицию рядом со своими фатовато-морганистыми товарищами, но проделывает это без нарочитого блеска во взоре <...> он может одной строчкой создать ясную картину» (Мир Божий. 1905. № 5. Отд. II. С. 133. Подпись: Л. Б.). Н. Е. Поярков, говоря о «Тоске о воле» и других стихотворных публикациях Белого, появившихся после «Золота в лазури», подчеркивал: «Что-то грубоватое и даже резкое начинает звучать во многих из этих стихотворений; иногда невольно вспоминаешь, как это ни странно, Некрасова. За этой грубоватостью скрывается дорогое и милое, знакомое и нежное» (Поярков Ник. Поэты наших дней: (Критические этюды). М., 1907. С. 99).

Сборник стихотворений, написанных после «Золота в лазури» и впоследствии вошедших в большинстве своем в «Пепел», был представлен Белым в издательство «Скорпион» осенью 1906 г. перед отъездом за границу. О книге Андрея Белого «Тоска о воле» было сообщено в рубрике «Книги в печати и приготовленные к печати» в «Известиях книжных магазинов М. О. Вольфа» (1906. № 35), а также в статье Н. Е. Пояркова о поэзии Белого: «Издав «Золото в лазури», А. Белый в течение последних двух лет поместил ряд стихотворений в журналах и альманахах — они скоро будут изданы «Скорпионом», кажется, под названием: «Тоска о воле»» (Поярков Ник. Поэты наших дней. С. 99). Представив рукопись книги в издательство, Белый медлил с ее опубликованием (что объяснялось, главным образом, тем, что она включала стихотворения, непосредственно отразившие остро переживавшуюся им тогда личную драму — отношения с Л. Д. Блок). 13/26 октября 1906 г. Белый писал В. Я. Брюсову из Мюнхена: «...по очень *серьезным внутренним* причинам я не могу допустить напечатание сборника "Тоска по воле". Верьте мне — мотивы серьезные. Года через два, быть может, можно мне будет печатать этот сборник. Вот почему прошу "Скорпион" вернуть мне рукопись. *Конечно*, в случае, если когда-нибудь будет возможно мне напечатать эту книгу, я *сперва* обращусь в "Скорпион" с просьбой ее напечатать»; то же распоряжение Белый повторял в двух последующих письмах к Брюсову: «Сборник не надо: он — гадкий» (21 октября / 3 ноября 1906 г.); «А *сборника* сейчас по внутренним мотивам печатать не надо» (после 3 ноября н. ст. 1906 г.) (Литературное

наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 392, 396). Через несколько месяцев (после того как отношения с Л. Д. Блок были фактически разорваны) Белый изменил свое решение. 14/27 февраля 1907 г. он писал Брюсову из Парижа: «Если "Скорпион" согласится печатать мою "Тоску по воле", то я <...> теперь ничего не имею личного, что препятствовало бы его появлению. Я выбросил бы только одно, два стихотворения и дополнил бы его стихами (у меня стихотворений 20). Мне было бы очень приятно, если бы вы напечатали мою книгу; но сперва я должен вставить дополнение из новых стихов». И еще несколько месяцев спустя (19 июня 1907 г.) — ему же: «Через неделю я наверное буду в Москве: мне хотелось бы с вами поговорить о "Сборнике стихов". У меня есть для него добавление (стихотворений 10), которое должно составить особый отдел (предпоследний)» (Там же. С. 406, 410).

В новых объявлениях о готовящемся к печати втором сборнике стихов Андрея Белого он уже назывался «Закатные прахи» (Весы. 1907. № 5. Каталог № 5. С. 10; № 11. Каталог № 6. С. 11; Свободные Мысли. 1908. № 44, 10 марта. С. 4). В автобиографии, отправленной Ан. Н. Чеботаревской 5 февраля 1908 г., Белый упоминал в перечне своих книг: ««Закатные прахи» (второй сборник стихов: выйдет осенью)» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 34). По всей вероятности, этот сборник включал в себя стихотворения, распределенные позднее по двух книгам — «Пеплу» и «Урне». На решение Белого издать две книги стихотворений вместо одной могли повлиять советы С. М. Соловьева; в его недатированном письме к Белому (относящемся, видимо, к лету 1908 г.) доказывается, между прочим, важность появления сразу двух книг поэта в целях продолжавшейся полемики с петербургскими модернистами (в ту пору для Белого немаловажный довод): «Ты непременно должен разделить сборник стихов на два сборника. Пусть первый будет, большой, издан "Шиповником". Второй, стихотворений в 30, издай хоть у Паффф. Нельзя совать в одну книгу и Тоску по воле и Державинский стих <?>. Тут резкая межа. Если б ты знал, как важно в опасности войны с Петербургом появление в будущем сезоне *двух* твоих книг» (РГБ. Ф. 25. 26. 7. «Паффф» — пренебрежительное прозвище руководителя издательства «Гриф» С. А. Соколова). Белый поступил именно так, как советовал Соловьев: «Пепел» представил в издательство «Шиповник», сформировал еще один сборник, «Урну», и передал его издательству «Гриф».

Появление «Пепла» вызвало широкий резонанс в печати — как в жанре рецензий, так и в форме попутных суждений и оценок в статьях на более общие темы. Критические высказывания приобретали зачастую диаметрально противоположный характер и даже стимулировали полемику. В частности, негативная оценка «Пепла», высказанная в рецензии Тэффи (под псевдонимом: Поэт XIX столетия), опубликованной в газете «Речь» (1908. № 315, 22 декабря. С. 3): «Судьба «Пепла» предчувствуется печальной. <...> Бедные слова в бедных сочетаниях. Невыносимое однообразие и этих слов и этих сочетаний. <...> Порою чудится, будто едешь в скверном тарантасе по новине, а Белый звенит под дугой»,— побудила З. Н. Гиппиус (Антона Крайнего) поместить в той же газете статью «Белая стрела», в которой с полной уверенностью утверждалось, что невосприимчивость по отношению к «Пеплу» способны проявлять лишь читатели, равнодуш-

ные к судьбе и трагедии России (Речь. 1908. № 320, 29 декабря. С. 3); в том же номере «Речи» была опубликована ответная заметка Поэта XIX столетия («Чающие от юродивого»), в которой пафосу Антона Крайнего противопоставлялась ироническая насмешка над «юродивеньким» автором и его поклонниками. (Все три текста перепечатаны М. Е. Клягиной как приложение к ее статье «Тэффи и Андрей Белый»; см.: Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 260—279). По-разному осмыслялась и оценивалась «народническая» проблематика, оказавшаяся в поле зрения поэта-символиста. А. А. Бурнакин увидел в тяготении к ней Белого лишь «ложь, фальшь, цинизм»: «Общие места, ученическая конкретизация, фальшивая психология, низкие инстинкты, безграмотный и вульгарный язык» (Бурнакин Анатолий. Трагические антитезы. М., 1910. С. 125). Т. Ардов, отметивший «горячую искренность» Белого в «Пепле» («Я не нашел здесь ни «хамелеонства», ни резких противоречий с прежним <...> здесь много стихов, которые являются образчиками настоящего, чистого искусства и в то же время звучат *по-новому*»), скептически отозвался о стремлении Белого ввести элемент «народничества»: «Это уже плохо, так же плохо, как «примитивизм» вместо «простоты», «аристократничанье» вместо «аристократизма», сантиментальничанье вместо чувства,— как всякая подделка» (Ардов Т. (Тардов В.). Отражения личности: Критические опыты. М., 1909. С. 181). В то же время Л. П. Гроссман, указавший в статье «Символизм и народничество» на всеобщее «изумление и недоверие» по отношению «к лозунгу народничества, появившемуся на знамени символистов», признал правоту и художественную силу Белого в овладении новой тематикой: «...унылой вереницей проходят теперь в стихах Белого образы ремесленников, каторжников, арестантов, забитых служащих, телеграфистов, носильщиков... <...> все эти образы последней книги Андрея Белого как бы являются осуществлением некрасовского завета: «Иди к униженным, иди к обиженным, по их стопам, где трудно дышится, где горе слышится,— будь первый там»...»; у Белого, по мнению критика, «по-прежнему разнообразны его метры, изысканны рифмы, звучны аллитерации, стих отточен и блестящ <...> общественное содержание уже не требует теперь прежнего неумолимого «разрушения эстетики»» (Одесские Новости. 1909. № 7833, 6 июня. С. 2).

Доминирующая эмоциональная тональность и общий взгляд на Россию, представленные в «Пепле», также расценивались критиками неоднозначно. Один из них видел главный недостаток стихов Белого в их «ноющем тоне»: «Точно у автора заболели зубы, и потому весь мир показался скучным и надоедливым. <...> Это нытье, рыданье над живым, как над покойником, составляет самое неприятное качество стихов Андрея Белого» (Боривой <Якушев Д. П.>. Литературные очерки / / Голос Правды. 1909. № 1035, 26 февраля. С. 2); другой находил в «Пепле» «типичный образец» «нашего общественного слюняйства»: «Андрей Белый — человек не без таланта. Человек думающий и литературно образованный, но это в то же время и типичный представитель нашего российского байбачества, нашей слюнявой, безвольной, рабской, забитой философии»; «...эти дети старой, придушенной рабством России, дети заката старой жизни,— они не верят в восход новой. <...> Они убивают общественную энергию, подавляют дух» (Фабианский К. <Петров Г. С.> Пепельные души // Русское Слово. 1909. № 40, 19 февраля. С.

1). В то же время В. Ф. Боцяновский полагал, что «Пепел», развивающий на разные лады тему смерти,— явление в литературе «высоко знаменательное и характерное» и представляет собой большой интерес как свидетельство чуткости автора к общественным переменам, «к творящемуся вокруг нас за последние годы»: «Издай свой сборник Андрей Белый лет пять тому назад, все накинулись бы на него с негодованием и потребовали бы его удаления из общего вагона жизни»; ныне же, по убеждению критика, в книге Белого «понятно все, до боли понятно, и решительно для всех и каждого. <...> Да, сейчас при чтении Андрея Белого не чувствуется ни малейших диссонансов так же, как при чтении Гаршина или перед картинами Верещагина. И в этом ужас» (Боцяновский Вл. Мертвечина // Новая Русь. 1909. № 23, 24 января. С. 2). Двойственные впечатления выразил в рецензии на «Пепел» М. В. Морозов: «Андрей Белый, несмотря на свою манерность, однообразие, скудость мысли, вычурность формы — действительно поражает иногда неожиданным перлом вдохновения. В нем есть что-то грубо-своеобразное; неуловимо тонкое жизнечувствие прорывается у него сквозь пепел серых стихов»; «...слишком много скучных, шаблонных, нелепых по замыслу и исполнению стихов. Поражает отсутствие меры, такта, подчас элементарного чутья. Но и здесь бросается в глаза искренность поэта, предпочитающего быть смешным в чужих глазах, чем неискренним в своих, поступиться правдой, которая кажется ему глубокой и важной» (Образование. 1909. № 1. Отд. III. С. 67, 69).

В символистской среде не все смогли принять те новые стороны поэтического мира Андрея Белого, которые продемонстрировал «Пепел». Модест Гофман в рецензии на книгу заявлял: «Былой поэт-властитель, Андрей Белый умер как *художник* в "Пепле". Художественные образы редки в этой книге. Если в первых стихах "Пепла" мы еще слышим сильный голос поэта, отчаивающегося в судьбе своей родины <...>, то это — только остатки былого великолепия, и они еще более подчеркивают художественную безжизненность сборника. Образы жизни остаются оголенными, необъективированными через фокус художественного восприятия. <...> Дисгармоничность образов, какая-то раздерганность, отсутствие цельности стихотворения часто оскорбляет ухо», и т. д. (Текущая Жизнь. 1909. № 1. С. 126, 127). Близкий друг Белого Сергей Соловьев, рецензируя «Пепел», указал на «новый фазис развития», в который вступает русская поэзия с появлением книги Белого, подчеркнул значимость затрагиваемой автором социальной проблематики («Подобно Некрасову, подобно Мусоргскому, Андрей Белый является здесь певцом забитого, обиженного человека»; «Россия с ее разложившимся прошлым и нерожденным будущим <...> — вот широкая тема трепещущей современностью книги Андрея Белого»), но констатировал и наличие в книге множества формальных недостатков, а также и односторонность автора в прокламированном им следовании Некрасову: «Характерно, что поэт видит в России все, что видел Некрасов, все, кроме *храма,* о камни которого бился головой поэт народного горя. <...> Это — озлобленный Некрасов "Последних песен" и "Кому на Руси жить хорошо"» (Весы. 1909. № 1. С. 83, 85, 86). В статье «Идолотворчество» С. Городецкий расценил «Пепел» как торжество иллюзионизма: «Жизнь проносится длинной и жуткой вереницей маскарадов, арлекинад», предстает как «суматоха явлений, пляска бываний,

за которыми не стоит никакого бытия»; «Принцип субъективный и психологический чрезвычайно ярки в «Пепле». Все события, весь пейзаж, все люди, все маски воспринимаются крайне субъективно. Характерными чертами для субъекта является некоторое юродство духа, какая-то глубокая гордость искалеченной души, добровольное уничижение, с одной стороны; с другой — болезненная утонченность органов зрения и слуха; с третьей — слабость пола, пережитки детства, изощренная наивность и искусная примитивность мироотношения. Значительная часть стихотворений представляет собою крайне любопытные психологические, а чаще психопатологические документы» (Золотое Руно. 1909. № 1. С. 96—98). В другой статье («Новая книга Бальмонта и текущий литературный момент») Городецкий риторически вопрошал: «Разве «Пепел» Андрея Белого не безнадежно дряхл?» (Лебедь. 1909. № 7 (11), 1 апреля. С. 48),— а в статье «Ближайшая задача русской литературы», признавая, что «пафос смерти, царящий в «Пепле», покоряет властно», предостерегал: «Но все-таки эта власть ненужная и вредная»; «Если б не было этой роковой и твердой почвы под отчаянностью Белого, если б мысли его не были убийственно правильным выводом, яд его книги был бы не так вреден. Но именно в силу этих условий он требует великих сил для преодоления. Каждая буква «Пепла» размножает мириадами бациллы смерти. <...> Они отравляют, разлагают и убивают каждый жизненный акт» (Золотое Руно. 1909. № 4. С. 77, 79).

Безусловное приятие «Пепел» встретил в рецензии Вяч. Иванова, расценившего книгу как симптом знаменательной эволюции символизма в целом — как «творение, далеко выходящее по замыслу за пределы интимного искусства поэтической секты, посвященное преимущественно проблемам нашей общественности и обращенное к обществу. Кажется, что книга эта — самое зрелое создание поэта <...>. Но «Пепел» знаменует какой-то поворот в творчестве А. Белого, образует в развитии его какую-то эпоху,— потому что свидетельствует о коренной перемене, происходящей в художнике, о начавшемся перемещении центра его художнического сознания от полюса идеализма к полюсу реализма» (Критическое Обозрение. 1909. Вып. 2 (11). С. 45—46). Признавая зависимость автора «Пепла» от классических прообразов («Как Гоголь помог развитию художника, так Некрасов разбудил в Белом человека-брата; и новая книга его уже плоть от плоти и кость от кости истинной «народнической» поэзии»), Иванов утверждает: «Внутреннее освобождение поэта совершилось чрез его перевоплощение во внеличную действительность, чрез сораспятие с ней, чрез нисхождение к этой ближайшей, непосредственно данной реальности, а не восхождение до высшей и отдаленнейшей. Поэт, чаявший белой соборности в свете и святой славе, право начал с приобщения к соборности, погребенной в черные, косные глыбы. Стих его возмужал и окреп; и хотя много еще остается и прежней искусственности и неточности в форме, и прежней химеричности в замысле,— мы, тем не менее, обогатились книгой, которая в своеобразных лирических и импрессионистических стихотворениях-рассказах <...> мрачною тенью отразила многоликую, недугующую, как роженица, мучимая родами, долготерпеливую — и уже нетерпеливую,— современную Россию» (Там же. С. 47—48).

Посвящение.— Ср. запись Белого (12 августа 1919 г.) в ответ на анкету К. И. Чуковского об отношении современных писателей к Некрасову: «Считаю, что книга «Пепел» вся навеяна Некрасовым» (Дружба народов. 1972. № 6. С. 286. Публикация М. Блинчевской).

Эпиграф — весь текст ст-ния Н. А. Некрасова (без деления на четверостишия) «Что ни год — уменьшаются силы...» (1861).

РОССИЯ

124. *Пепел*. С. 13—14.

СР. С. 25—26. Под заглавием «Россия», без посвящения; датировка: «1908. Июль». Вариант — строфа V, ст. 2: «Восставши над сетью бугров».

СБ. С. 137. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения — как 10-я часть поэмы «Бродяга».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Текст совпадает с текстом *СБ*.

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Россия», без посвящения. Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь».

Пепел-29. С. 35—36. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Исчезни, Россия», без посвящения; датировка: «08».

Ст-ние было воспринято критикой как «увертюра ко всей книге» (Львов-Рогачевский В. «Лирика современной души». Русская литература и группа символистов // Современный Мир. 1910. № 9. Отд. II. С. 129—130), определяющая ее основную эмоциональную тональность (Боцяновский Вл. Мертвечина // Новая Русь. 1909. № 23, 24 января. С. 2).

Посвящение: Зинаида Николаевна *Гиппиус* (в замужестве Мережковская; 1869—1945) — поэтесса, прозаик, драматург, критик, публицист. Познакомилась с Белым 6 декабря 1901 г., на протяжении 1900-х гг. была связана с ним тесными доверительными отношениями, состояла в интенсивной переписке. См.: Pachmuss Temira. Zinaida Hippius and Andrey Bely: a Story of their Relationship // Andrey Bely. Centenary Papers / By Boris Christa. Amsterdam, 1980. P. 52—62; Лавров А. В. Письма Андрея Белого и Валерия Брюсова в собрании Амхерстского центра русской культуры // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1996. М., 1998. С. 45—52.

Серебряный Колодезь — имение в Старогальской волости Ефремовского уезда Тульской губернии, приобретенное отцом Белого Н. В. Бугаевым осенью 1898 г. Белый постоянно проводил там летние месяцы вплоть до 1908 г., когда имение было продано.

***125**. *Пепел*. С. 15—16.

СР. С. 22—24. Без посвящения; датировка: «1908. Июнь». Текст состоит из восьми четверостиший, пять из них — из того же ст-ния (в соответствии: I — I, III — III, IV — IV, V — IX, VI — X), одно (II) — из ст-ния «Вечерком» (VIII; см. № 134), два (VII, VIII) — из ст-ния «Стар» (XIV, XV; см. № 147); варианты строк.

СБ. С. 139—140. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения — как 1-я часть поэмы «Деревня». Без строфы VIII, последовательность строф: I, VI, VII, II—V, IX—XII. Варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения — как первая часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ*.

Пепел-25. В разделе «Деревня», без посвящения. Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29*.

Пепел-29. С. 145—146. Переработанная редакция (№ 429).

Вошло в *ВС* — как 4-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1908». Текст совпадает с текстом *СР*, дополнительная (заключительная) строфа — строфа XI ст-ния «Стар» (№ 147).

Посвящение: Григорий Алексеевич *Рачинский* (1859—1939) — литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева в Москве. Белый дал его литературный портрет в мемуарах «Начало века» (М., 1990. С. 102—112). См. о нем также в «Повести об одном десятилетии (1907—1917)» Конст. Локса (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 74—75. Публикация Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова) и в «Воспоминаниях» Евгении Герцык (М., 1996. С. 157).

Будто змей взлетает блеском / Искрометных крыл.— Метафорический образ змея-молнии восходит, возможно, к ст-нию А. А. Фета «Змей» («Чуть вечернею росою...», 1847): «И летит, свиваясь в кольца, / В ярких искрах длинный змей». См.: Коно Вакана. Конец святой Руси: религиозная проблематика в «Пепле» Андрея Белого // Acta Slavica Iaponica. 2002. Т. XIX. С. 250—251.

126. *Гриф-1905.* С. 13—14. В цикле «Тоска о воле», без посвящения и датировки.

Пепел. С. 17.

СС. С. 124. В разделе «1904 год», без посвящения; датировка: «1904. Август».

СР. С. 11—12. Под заглавием «Воля», без посвящения; датировка: «1904. Август».

СБ. С. 119. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без посвящения. Помета под текстом: «1904 г. Август. Ефремов».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без посвящения. Помета под текстом: «04. Ефремов».

Пепел-29. С. 16—17. В разделе «Глухая Россия», без посвящения; датировка: «04».

Вошло в *ВС* — как 2-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1904».

Автограф — в письме к А. А. Блоку (октябрь 1904 г.), под заглавием «Бегство», без посвящения (*Белый-Блок.* С. 180).

Посвящение: Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940) — публицист, литературный критик, один из руководителей Петербургского Религиозно-философского общества; ближайший идейный и духовный спутник Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус.

Ефремов — уездный город в Тульской губернии, близ которого находилось имение Бугаевых Серебряный Колодезь.

127. *Гриф-1905.* С. 17. В цикле «Тоска о воле», без посвящения и датировки; вариант ст. 13: «Странны размахи угрюмого стебля».

Пепел. С. 18.

СС. С. 125. В разделе «1904 год», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СР. С. 13—14. Под заглавием «Воля», без посвящения; датировка: «1904. Август». Варианты в графическом оформлении текста.

СБ. С. 120. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без посвящения. Помета под текстом: «1904 г. Август. Серебряный-Колодезь».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без посвящения. Помета под текстом: «04. Серебряный-Колодезь».

Пепел-29. С. 18—19. В разделе «Глухая Россия», без посвящения; датировка: «04».

Вошло в *ВС* — как 3-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1904».

Автограф — в письме к А. А. Блоку (октябрь 1904 г.), без посвящения. Варианты в делении текста на строки и в графическом оформлении (*Белый-Блок.* С. 181).

Рецензируя цикл «Тоска о воле» (Весы. 1905. № 3), В. Брюсов писал об этом ст-нии: «...в песне «На вольном просторе», почти сплошь сложенной столь характерными для Белого стихами в одно слово, есть истинная напевность, новая,— скажу: *не бальмонтовская*» (Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 135).

Посвящение: *Муни* (наст. имя Самуил Викторович Киссин; 1888—1916) — поэт и прозаик из круга московских символистов. См.: Киссин Самуил (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем / Издание подготовила Инна Андреева. М., 1999.

128. *Гриф-1905.* С. 18—19. В цикле «Тоска о воле», без посвящения и датировки; последовательность строф: I—III, VI, IV, V; варианты — строфа I, ст. 3—4: «Во мраке ночном потонула / Уж сеть телеграфных столбов»; строфа V, ст. 2: «Слезой увлажнился мой взор».

Пепел. С. 19—20.

СС. С. 126. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без посвящения. Помета под текстом: «04. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 50—52. Переработанная редакция (№ 381).

Автограф — в письме к А. А. Блоку (октябрь 1904 г.), под заглавием «На железнодорожном полотне», без посвящения; последовательность строф: I, III, II, IV, VI, V; варианты — строфа I, ст. 3—4: как в *Гриф-1905*; строфа III: последовательность строк: 3, 4, 1, 2; строфа V, ст. 2: как в *Гриф-1905* (*Белый-Блок.* С. 180—181).

Посвящение: Александра Андреевна *Кублицкая-Пиоттух* (урожд. Бекетова, в первом браке Блок; 1860—1923) — мать А. А. Блока; переводчица и детская писательница. См. публикацию ее переписки с Белым: *Белый-Блок.* С. 521—582. В тексте посвящения восстановлены инициалы адресата: А. А.,— в «Пепле» отсутствующие, безусловно, по недосмотру или из-за технической погрешности (во всех остальных случаях непсевдонимных посвящений в книге инициалы обозначены).

129. *Пепел.* С. 21.

СР. С. 9—10. Без посвящения; датировка: «1908. Август». Варианты — строфа II, ст. 4: «Пролетают: за весями — весь»; строфа III, ст. 1: «И погост, и кабак, и ребенок»; строфа V, ст. 1: «Поезд плачется: в дали родные»; строфа V, ст. 3: «Там — в пространства твои росяные:».

СБ. С. 121. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия»; без заглавия и посвящения, как 1-я часть поэмы «Железная дорога». Помета под текстом: «1908 г. Август. Суйда».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 2-я часть «сюиты» «Железная дорога».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Железная дорога [(лирическая сюита)]. 1» (другие части «сюиты» отсутствуют); без строфы V, с новой строфой между строфами III и IV:

Мараморохи пó-полю носят
Те же стаи несытых смертей,
Под откосами, косами косят,
Под откосами косят людей.

Пепел-29. С. 15. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Железная дорога», без посвящения и строфы V; датировка: «08».

Посвящение: *Эллис* — см. примеч. 41.

Суйда — дачная местность под Петербургом по Варшавской железной дороге, к югу от Гатчины. Белый гостил там в августе 1908 г. у Мережковских.

*130. ЗР. 1906. № 11/12. С. 45. В цикле «Обыденность», без посвящения и датировки. В составе десяти строф: I, II, V—VIII, XI, дополнительная строфа, XVII, XVIII; варианты строк.

Пепел. С. 22—26.

СС. С. 164—165. В разделе «1906 год», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». В составе тринадцати строф: I, II, V, VI, IV, IX, XI, XXVI, XXV, XVIII, XIX, XXVII, XXVIII; варианты — строфа XIX, ст. 1: «Он стужи взор туманит»; строфа XXVIII, ст. 1: «В кисейной нежной шали».

В *СБ* двадцать строф текста *Пепла* вошло в поэму «Железная дорога» (в разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения). 2-я часть поэмы (С. 122. Помета под текстом: «1907 г. Август. Серебряный-Колодезь») — строфы VII, XII, XXII, XVI, XVII, XIII, XXIII; варианты — строфа XXIII:

Ямщик в пространствах тонет —
Утонет вечным сном...
Зевая, спину клонит
Под мокрым кожухом.

8-я часть поэмы (С. 126—127) — строфы I, II, V, VI, IV, IX, XI, XXVI; 9-я часть поэмы (С. 127. Помета под текстом: «1908 г. Июль. Серебряный-Колодезь») — строфы XXV, XVIII, XIX, XXVII, XXVIII. Текст 8-й и 9-й частей совпадает с текстом ст-ния «Телеграфист» в *Пепел-29* (см. № 382).

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». 3-я часть «сюиты» «Железная дорога» (текст 2-й части поэмы «Железная дорога» в *СБ*); 1-я часть «сюиты» «Железная дорога» (текст 8-й и 9-й частей поэмы «Железная дорога» в *СБ*).

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия». Разделено на два ст-ния: «Простор» (датировка: «08») — совпадает с текстом ст-ния «Ямщик» в *Пепел-29* (№ 373; вариант — строфа II, ст. 1: «У рельс лениво всхлипнул»); «Телеграфист» (датировка: «08. Серебряный-Колодезь») — совпадает с текстом ст-ния «Телеграфист» в *Пепел-29* (№ 382; с делением текста на две части: строфы I—VIII и IX—XIII).

Пепел-29. С. 33—34, 53—55. Разделено на два ст-ния. См. № 373, 382.

Один из рецензентов «Пепла» усмотрел в «Телеграфисте» «сходство с приходо-расходной книжкой», упрекая автора за недостаток вкуса, художественной чуткости и чувства меры (Боривой <Якушев Д. П.>. Литературные очерки // Голос Правды. 1909. № 1035, 26 февраля. С. 2). Другой рецензент (Хомяков) высказал противоположную оценку: «Очень хорошо стихотворение "Телеграфист". <...> Стихи льются свободно, плавно развивается мысль, нет и следа вычурности» (Камско-Волжская Речь (Казань). 1909. № 159, 23 апреля. С. 3).

Пародийные перепевы отдельных строк ст-ния дал А. А. Измайлов в фельетоне «В «Кружке белого слона»» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1909. № 10908, 15 января. С. 6).

Посвящение: С. Н. *Величкин.*— Вероятно, допущена описка или опечатка в первом инициале. Подразумевается один из сыновей священника Николая Павловича Величкина, с которыми дружил в молодости Сергей Соловьев,— Иван, Василий или Николай. Иван Величкин упоминается в воспоминаниях Белого «На рубеже двух столетий» (М., 1989. С. 361) и «Начало века» (М., 1990. С. 116). См. об этом семействе: Соловьев С. Воспоминания. М., 2003 (по указателю).

131. *Пепел.* С. 27—28.

СС. С. 138—139. В разделе «1905 год». Помета под текстом: «Ефремов».

СБ. С. 123—124. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия и посвящения, как 3-я часть поэмы «Железная дорога». Помета под текстом: «1905 г. Август. Ефремов».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 4-я часть «сюиты» «Железная дорога».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения. Помета под текстом: «05. Ефремов». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 46—47. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Поезд», без посвящения; датировка: «05». Ст. 2 строфы IV разделен на две части: «Летит: — / — и летит, и летит; — ».

Посвящение: Татьяна Николаевна *Гиппиус* (1877—1957) — художница; сестра З. Н. Гиппиус. Белый особенно тесно общался и переписывался с ней в 1905—1906 гг. См. о ней: А . А. Блок. Письма к Т. Н. Гиппиус / Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209—217; Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 260—271; Павлова Маргарита. Ивановские «среды» и упоминания о Вячеславе Иванове в дневниках Т. Н. Гиппиус // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Frankfurt am Main... Wien, Peter Lang, 2003. С. 383—393; Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. М., 2004. С. 391—455.

132. *Пепел.* С. 29—31. Опечатка в ст. 3 строфы IV: «Склонись над паровозом» (вместо: «Склонись под паровозом»).

СБ. С. 124—125. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как части 4—7 поэмы «Железная дорога» (с пропуском строф VI—VIII). Варианты — строфа I, ст. 2: «Мужчина средних лет»; строфа V, ст. 2: «Нигде не сыщешь корм...»; строфа XII, ст. 2: «Мужчина средних лет»; строфа XIII, ст. 2: «С сигарой армянин».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения. Текст *СБ* — как 5-я часть «сюиты» «Железная дорога».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Вокзал» (1—3), без посвящения. Помета под текстом: «07. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С 41—43. Переработанная редакция (№ 377).

Г. А. Рачинский — см. примеч. 125.

Глотает гренадин.— Гренадин — прохладительный напиток, который принято пить через соломинку.

*133. *ЗР.* 1906. № 1. С. 50—51. В цикле «Горемыки», под заглавием «Беглый», с посвящением А. А. Кублицкой-Пиоттух. В составе десяти строф: I—IV, VI, XVII, XVIII, IX, XIX, XXII; варианты строк.

Пепел. С. 32—35.

СС. С. 181—183. В разделе «1906 год», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Без семи строф (V, XII, XIV—XVI, XX, XXI), в трех частях (1-я — строфы I—IV, 2-я — строфы VI—XI, 3-я — строфы XVII—XIX, XXII).

СР. С. 15—17. Без посвящения; датировка: «1905. Июль». В составе восьми строф: I—IV, VI, VIII, XI, XIII; варианты строк.

Вошло в *ВС*, как 7-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России». Текст совпадает с текстом *СР.*

В *СБ* разделено на четыре части, вошедшие в поэму «Бродяга» (в разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия»; помета под текстом поэмы: «1906—08 г. Серебряный-Колодезь») — как ее 2-я, 3-я, 7-я и 11-я части; без четырех строф (V, XII, XIV, XV). 2-я часть (С. 130—131) — строфы I—IV; варианты строк. 3-я часть (С. 131—132) — строфы VI—XI, XIII; варианты строк. 7-я часть (С. 135) составлена из пяти строф, восходящих к двум ст-ниям (I и II соответствуют строфам XI—XII ст-ния «Бурьян», см. № 135; III—V — строфам XVI, XXI, XX ст-ния «Каторжник»); варианты строк. 11-я часть (С. 138) — строфы XVII—XIX, XXII.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», как 2-я, 3-я, 7-я и 11-я части поэмы «Бродяга». Пометы — под текстом 7-й части: «08. Серебряный-Колодезь»; под текстом 11-й части: «1907. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Бродяга» (1—5). Помета под текстом: «06—08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29* (вариант — строфа II, ст. 4: «Поник над родною землей»).

Пепел-29. С. 28—32. Переработанная редакция — 1-я, 2-я, 4-я и 5-я части ст-ния «Бродяга» (№ 372).

Автограф 1 — в письме к А. А. Кублицкой-Пиоттух (середина августа 1905 г.), под заглавием «Беглый», с посвящением А. А. Кублицкой-Пиоттух. Первоначальная редакция (*Белый-Блок.* С. 545—546). Автограф 2 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 3. Без посвящения; первые девять строк текста.

Указывая в воспоминаниях «Начало века», что в темах «Пепла» отразилось его «подлинное «я»», Белый, в частности, отметил: «...воспевание каторжника; этот каторжник — я» (М., 1990. С. 510).

Вл. Пяст описывает в мемуарах чтение Белым этого ст-ния (а также ст-ния «Бурьян») в петербургской квартире Мережковских: «...вдруг все исчезло <...> Раскрывалась безбрежная равнина над крутым левым берегом Волги, пахло комьями свежей земли, а вовсе не этим, несколько приторным и тяжелым воздухом салона, затканного портьерами, продушенного серией духов в огромных склянках... И вот сорвавшийся, «промчавшийся по кручам отвесным» человек «вспенивал свинцовую воду» и растягивался на гладкой поверхности мертвенным лицом, которое «плаксивые чайки лениво задевали крылом», как бы глядя вверх, в серое пасмурное небо. Иллюзия была полная. Власть художника слова в данном случае проявлялась и закреплялась несрав-

ненною властью художника *звучащего* слова, каким был в пору своей молодости Андрей Белый <...>» (Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С. 33).

Посвящение: Николай Николаевич *Русов* (1883—1930-е гг.) — прозаик, драматург, литературный критик; Белый познакомился с ним весной 1907 г. (см.: Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 40). Краткую оценку творчества Белого Русов дал в своей книге «О нищем, безумном и боговдохновенном искусстве» (М., 1910. С. 18—19, 33—35).

134. *Пепел.* С. 36—37.

СБ. С. 150—151. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия, как 13-я часть поэмы «Деревня». Помета под текстом: «1908 г. Июль. Ефремов» (возможно, относится не ко всей поэме, а только к 13-й части). Без строф I, II, IV, VI; строфы I, III, IV, V в *СБ* соответствуют строфам VIII, III, V, VII текста *Пепла*, строфа II (*СБ*) — строфе VIII ст-ния «Деревня» (№ 125); вариант — строфа VIII, ст. 2: «Криворотый строй».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 13-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ*; дополнительная строфа (между строфами III и IV текста *СБ*), соответствующая строфе IV в *Пепле* (в ней — вариант ст. 4: «Под-гору идут»).

135. *ЗР.* 1906. № 1. С. 49—50. В цикле «Горемыки», без посвящения. В составе восьми строф (I—VI, IX, X) и отдельной заключительной строки; варианты строк.

Пепел. С. 38—40.

СС. С. 147—149. В разделе «1905 год», без посвящения. Помета под текстом: «Ефремов». Без двух строф (XI, XII), с делением на три части (1-я — строфы I—IV, 2-я — строфы V—X, 3-я — строфы XIII, XIV); варианты — строфа VIII, ст. 1: «Здесь падают иглы сухие»; строфа XIII, ст. 1: «За парнем шуршит до деревни — ».

СР. С. 27—29. Без посвящения; датировка: «1906. Август». В составе семи строф: II—VI, IX, XIII, XIV; варианты строк.

Вошло в *ВС*, как 8-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России». Текст совпадает с текстом *СР.*

СБ. С. 133—135. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как части 5—7 поэмы «Бродяга». 5-я часть — строфы II, I, III, IV; варианты строк; 6-я часть — строфы V—X, XIII, XIV; варианты строк. 7-я часть составлена из пяти строф, восходящих к двум ст-ниям (I и II соответствуют строфам XI—XII ст-ния «Бурьян»; III—V — строфам XVI, XXI, XX ст-ния «Каторжник», см. № 133); варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как части 5—7 поэмы «Бродяга». Помета под текстом 7-й части: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», без посвящения. Помета под текстом: «06. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29* — без 3-й части.

Пепел-29. С. 164—166. Переработанная редакция (№ 436). Строфы XI—XII — как строфы I—II 4-й части ст-ния «Бродяга» (Там же. С. 31; см. № 372).

Посвящение: Густав Густавович *Шпетт* (Шпет; 1879—1937) — философ, переводчик; с 1918 г. профессор Московского университета, в 1923—1929 гг. вице-президент Российской Академии Художественных Наук (РАХН, затем ГАХН). См. о нем: Шпет в Сибири: ссылка и

гибель / Составители М. К. Поливанов, Н. В. Серебренникова, М. Г. Шторх. Томск, 1995; Густав Густавович Шпет: Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. М., 2000; Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004.

Слои вековых мергелей.— Мергель (*нем.* Mergel) — осадочная горная порода.

136. *Гриф-1905.* С. 14—15. В цикле «Тоска о воле». Вариант — строфа VI, ст. 3: «Запевали вечерком».

Пепел. С. 41—42.

СС. С. 112—113. В разделе «1904 год», без посвящения. Подпись под текстом: «Серебряный-Колодезь».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без посвящения. Помета под текстом: «04. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 109—110. Переработанная редакция (№ 411).

Автограф — в письме к А. А. Блоку (май 1904 г.), под заглавием «Воспоминание», без посвящения и строфы VIII; варианты — строфа VI, ст. 3: как в *Гриф-1905*; строфа VII, ст. 4: «Арестантские халаты» (*Белый-Блок.* С. 154—155).

О сдвигах в своем мироощущении весной—летом 1904 г., отразившихся в проблематике ст-ния, Белый вспоминает: «Лейт-мотив бегства — подготовляется, бегства из уз "плоти", *"чувственности"*, городской пыли московской болтовни и нестроицы; в таком состоянии я пишу стихотворение *"Арестанты"* <...> Вместо *"мистиков"*, *"аргонавтов"* я тянусь к арестантам, к бывшим людям: *"самозванец-пророк"*, осознавший свою арлекинаду, становится полевым бродягою, бунтарем, революционером; здесь перелом в личных переживаниях совпадает с переломом в общественном настроении России, уже потрясенной неудачами войны; поэты этого моего периода суть Тютчев и Некрасов; июнь живу я тютчевскими настроениями, своеобразно преломленными народничеством <...>» (*Материал к биографии.* Л. 47).

Посвящение: Владимир Павлович *Поливанов* (1881—?) — участник кружка «аргонавтов», впоследствии детский писатель (автор рассказов «Ворон», «Индейцы», «Зажора» и др.).

137. *Пепел.* С. 43—44.

СС. С. 168—169. В разделе «1906 год». Без ст. 12—16, 22—23.

СБ. С. 158—160. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», как 7-я часть поэмы «Осинка» (см. № 617).

Пепел-21. В составе поэмы «Осинка» (см. № 617).

Пепел-25. Под заглавием «Пьянство». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 158—160. Переработанная редакция (№ 434).

Один из рецензентов «Пепла», процитировав ст-ние, отметил: «Стихи смахивают немного на грубую подделку под фабричные частушки» (Б. Л. «Что такое? То и это!» // Новое Время. 1909. № 11848, 7 марта. С. 13).

Гомилетика, каноника... — Гомилетика — часть риторики, излагающая правила церковного красноречия. Каноника — собрание церковных канонов.

***138.** Перевал. 1906. № 2. С. 4—5. В цикле «Горемыки», без посвящения. Первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 45—53.

СС. С. 171—176; *СБ.* С. 154—161; *Пепел-21.* Переработанная редакция (см. № 617 и примеч.).

Пепел-25; Пепел-29. С. 169—174. Заново переработанная редакция (см. № 438 и примеч.).

Посвящение: Алексей Михайлович *Ремизов* (1877—1957) — прозаик, драматург. Белый познакомился с ним в Петербурге в декабре 1905 г. «Осинка» по стилю и образной структуре во многом близка творчеству Ремизова, насыщенному народно-поэтическими мотивами.

Дедово — подмосковное имение бабушки С. М. Соловьева А. Г. Коваленской (близ станции Крюково Николаевской железной дороги). Белый неоднократно и подолгу гостил там в 1900-е гг. в летние месяцы.

139. *Пепел.* С. 54—56.

СС. С. 199—201. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Петровское».

СБ. С. 152—153. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». Без строфы V.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «1907. Петровское». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня». Помета под текстом: «07. Петровское». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-29. С. 181—183. В разделе «Злая деревня»; датировка: «06» (ошибка или опечатка; правильно: 1907). Текст совпадает с текстом *СБ.*

«Комаринская» (или «Камаринская») — русская народная плясовая песня и танец (главным образом мужской), перепляс шуточного характера, в четном размере.

Петровское — селение под Москвой, близ имения Дедово. Белый и С. М. Соловьев провели там июнь 1907 г.

140. *Пепел.* С. 57—58.

СС. С. 163. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Вариант — строфа III, ст. 3: «На грудь бурьян кривой, сухой».

СБ. С. 90. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1906 г. Август. Серебряный-Колодезь». Без строф I—II; вариант — строфа VI, ст. 1: «В полях плывет, пылит, кропит».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1906. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «06. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 23—24. Переработанная редакция (№ 369).

Тоску рассей: рассейся, ревность! — Отголосок переживаний Белого, вызванных любовью к Л. Д. Блок и чувством соперничества по отношению к А. А. Блоку.

141. *Пепел.* С. 59—61.

СС. С. 205—207. В разделе «1907 год. В полях», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

Пепел-21. В разделе «В полях».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без посвящения; датировка: «07». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 48—49. В разделе «Глухая Россия», без посвящения; датировка: «07». В составе первой части текста (без ст. 27—50).

Ст. 27—37 в переработанном виде вошли в *ЗВ* (№ 580).

Посвящение: Владимир Францевич *Эрн* (1881—1917) — религиоз-

ный философ, историк философии, публицист. Белый познакомился с ним в декабре 1903 г.: «Появление у меня 3-х студентов — Флоренского, Эрна, Свентицкого; и мое вступление в религиозно-философский студенческий кружок» (Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 20 об.; см. также: Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 298—304).

***142**. Перевал. 1906. № 2. С. 5. В цикле «Горемыки». Первоначальная редакция.

Пепел. С. 62—65.

СС. С. 177—179. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 162—164. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «1906 г. Январь. Москва». С делением текста на четыре части: 1-я — ст. 1—31; 2-я — ст. 32—54; 3-я — ст. 55—60; 4-я — ст. 61—72. Варианты — ст. 3: «Воет, гонит»; ст. 32: «За избеночкой — избенка»; ст. 36: «Криворотый мужичонка»; ст. 60: «Бежишь века».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «1906. Москва». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня». Текст совпадает с текстом *Пепел-29*, варианты строк.

Пепел-29. С. 177—180. Переработанная редакция (№ 440).

143. *Пепел.* С. 66.

СБ. С. 132—133. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Бродяга».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Бродяга».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 56—57. Переработанная редакция (№ 383).

144. *Пепел.* С. 67.

СР. С. 18—19. Без заглавия и посвящения, датировка: «1908. Август». Без строф III и V; вариант — строфа IV, ст. 1: «Небо дымные пологи бросит...»

Вошло в *ВС*, как 6-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1908». Текст совпадает с текстом *СР.*

СБ. С. 128. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 10-я часть поэмы «Железная дорога». Помета под текстом: «1908 г. Август. Суйда».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 3-я часть ст-ния «Побег». Помета под текстом: «08. Москва».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия»; датировка: «08 (исправлено в 25 году)». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 13—14. Переработанная редакция (№ 364).

М. В. Морозов в рецензии на «Пепел» расценил ст-ние как подражание Некрасову (Образование. 1909. № 1. Отд. III. С. 68. Подпись: Мих. М—ов). По мнению В. Ф. Боцяновского, ст-ние передает «понятные настроения»: «Разве все мы не переживаем, не чувствуем этой «стаи несытых смертей»?» (Боцяновский В. Мертвечина // Новая Русь. 1909. № 23, 24 января. С. 2).

В статье «Песни о России» Сергей Городецкий привел ст-ние, полемизируя с его автором: «Жестокие это слова и бьют прямо в

сердце. Ведь если правда все, что тут написано, то как же после этого жить русскому народу? А разве не правда, что солнце всходит у нас над бурьянами, а не над цветистыми лугами; неправда разве, что народ беден и голоден, что смерть несытая косит людей? Все это правда, только *не вся* еще правда. Ведь наш народ так богат умом и сердцем, такие сокровища лежат в его душе, что *нельзя* приходить в отчаянье даже в самые черные дни. Даже в этом печальном стихотворении чуть-чуть светит слабый огонек надежды. Поэт говорит о раздолье и воле своей родины и спрашивает, кто же так подшутил над ней. Все несчастья и беды родины кажутся ему только чьей-то дурной шуткой. А шутка ведь проходит, остается только правда. Но надо, чтоб надежда горела не только слабым огоньком, а могучим пламенем, озаряющим всю землю» (Луч Света. 1909. № 2, 22 января. С. 2).

Посвящение: Валентин Павлович *Свентицкий* (правильно: Свенцицкий; 1879—1931) — прозаик, драматург, публицист, церковный писатель; священник (с 1917 г.). См. также примеч. 141.

ДЕРЕВНЯ

145. *Пепел.* С. 71—72.

СБ. С. 141—142. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия, как 3-я часть поэмы «Деревня». Без строфы III; варианты — строфа IV, ст. 1: «А ужо — из крепких бревен»; ст. 3: «А ужо — с села поповен»; строфа VI, ст. 4: «Будь, моею будь»; строфа VII, ст. 3: «Без «него» прожить не может».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 3-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», первоначальное заглавие: «Кулак» (зачеркнуто). Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-29. С. 147—148. В разделе «Злая деревня», под заглавием «Кулак»; датировка: «08». Текст совпадает с текстом *СБ.*

146. *Пепел.* С. 73—74.

СБ. С. 140—141. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 2-я часть поэмы «Деревня». Без строф III, V, VII.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 2-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «Вечер», без посвящения. Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-29. С. 120—121. Переработанная редакция (№ 418). См. также № 420 и примеч.

Посвящение: *Сергей Соловьев* — см. примеч. 55—59.

147. *Пепел.* С. 75—77.

СБ. С. 142—143. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 4-я часть поэмы «Деревня». Без восьми строф (I—III, V—VII, XII, XIII), строфы в последовательности: IV, VIII—X, XIV, XV, XI; варианты — строфа IX, ст. 1: «Волосата — грудь»; ст. 4: «Ты моею — будь!»

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «Ревность». Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 149—150. Переработанная редакция (№ 431). См. также № 420 и примеч.

А вокруг танцует куколь... — Куколь — сорная трава (также: путик, чернуха).

148. Весы. 1906. № 8. С. 11—12. В цикле «Одинокие», как 1-я часть ст-ния «Убийца».

Пепел. С. 78—79.

СС. С. 169—170. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Москва».

Вошло в *ВС*, как 5-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1906». Текст состоит из шести строф: I—IV и строфы I, VI ст-ния «Убийство» (№ 150).

СБ. С. 143—144. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 5-я часть поэмы «Деревня».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 5-я часть поэмы «Деревня».

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «Угроза». Помета под текстом: «06. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 151—152. В разделе «Злая деревня», под заглавием «Угроза»; датировка: «06». Вариант — строфа IV, ст. 1: «Ты не бойся, сердце — знахарь...»

Поплетусь в Саров.— Саровская пустынь в Тамбовской губернии, место затворничества св. Серафима (см. примеч. 99). Белый посетил Саров в конце августа 1904 г.

149. *Пепел.* С. 80—81.

СБ. С. 144—145. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 6-я часть поэмы «Деревня».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 6-я часть поэмы «Деревня».

Пепел-25. В разделе «Деревня». Без заглавия, как 1-я часть ст-ния «Убийство». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 153—154. Переработанная редакция (№ 433, 1-я часть).

150. *Пепел.* С. 82—84.

СБ. С. 145—146. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 7-я часть поэмы «Деревня». Без строф VII, IX, X, XII; вариант — строфа IV, ст. 3: «Слышишь? — всхлипывает бойко:».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 7-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

В *ВС* строфы I и VI образуют строфы V и VI 5-й части цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России». Вариант — строфа VI, ст. 3: «Эй, вонзайся ножик вострый».

Пепел-25. В разделе «Деревня», без заглавия, как 2-я часть ст-ния «Убийство». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 154—155. Переработанная редакция (№ 433, 2-я часть).

***151.** Весы. 1906. № 8. С. 12. В цикле «Одинокие», как 2-я часть ст-ния «Убийца». Строфы I, II, V этого текста соответствуют строфам I, II, IV текста *Пепла*; варианты строк.

Пепел. С. 85.

СС. С. 180. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 146—147. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Рос-

сия». Без заглавия, как 8-я часть поэмы «Деревня». Вариант — строфа IV, ст. 1: «Воют ветры. Никнут травки».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 8-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», без заглавия, как 3-я часть ст-ния «Убийство». Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 155—156. Переработанная редакция (№ 433, 3-я часть).

152. Весы. 1906. № 8. С. 12. В цикле «Одинокие», как 2-я часть ст-ния «Убийца». Строфы III и IV этого текста соответствуют строфам I и XI текста *Пепла,* строфы I, II, V — трем строфам ст-ния «Бегство» (см. № 151); варианты строк — строфа I, ст. 2: «Веселей: плясать пора»; ст. 4: «Приголубь меня сестра»; строфа XI, ст. 2: «Привела судьба меня»; ст. 4: «Трынды, трыкалка моя!)».

Пепел. С. 86—88.

СБ. С. 147—148. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 9-я часть поэмы «Деревня». Без шести строф (IV, V, VII—X); вариант — строфа XII, ст. 2: «Стелется туман...»

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 9-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня». Без заглавия, как 4-я часть ст-ния «Убийство». Датировка: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 156—157. Переработанная редакция (№ 433, 4-я часть).

153. *Пепел.* С. 89—90.

СБ. С. 148. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 10-я часть поэмы «Деревня». Без четырех строф (IV—VII); варианты — строфа II, ст. 1—2: «Свет — постылый, свет — унылый / В вечный сумрак — сгинь:».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 10-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

154. *Пепел.* С. 91—93.

СБ. С. 148—150. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 11-я часть поэмы «Деревня»; без заключительной строфы.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 11-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», как части 1 и 2 ст-ния «Виселица». Помета под текстом: «08. Ефремов». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 161—162. Переработанная редакция (№ 435, 1-я и 2-я части).

С. М. Соловьев в рецензии на «Пепел» отметил «Виселицу» как, «быть может, самое сильное стихотворение книги, где звучат ноты некрасовского "Огородника"» (Весы. 1909. № 1. С. 84).

155. *Пепел.* С. 94.

СБ. С. 150. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 12-я часть поэмы «Деревня». Без заключительной строфы.

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Без заглавия, как 12-я часть поэмы «Деревня». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня». Без заглавия, как 3-я часть ст-ния «Виселица». Помета под текстом: «08. Ефремов». Варианты — строфа

IV, ст. 1: «И несется издалека»; строфа V, ст. 1: «Вольный ветр летит с востока».

Пепел-29. С. 162—163. Переработанная редакция (№ 435, 3-я часть).

«Распрямись ты, рожь высока...» — Из песни «Ой, полна, полна коробушка...», широко популярной в народной среде; текст восходит к главе I поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» (1861).

ПАУТИНА

***156**. Вопросы Жизни. 1905. № 7. С. 47. Ранняя редакция.

Пепел. С. 97—99.

Пепел-21. В разделе «Город». Без заглавия, как 1-я часть поэмы «Жених и невеста».

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в цикл «В полях», без заглавия, как 1-я часть поэмы «Свадьба». В плане Белый записал: «Вместо ст-ния «Паук» (издание Гржебина, стр. 44—46) поэма «Свадьба», состоящая из 7 отрывков, обозначенных №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... № 1: текст ст-ния «Калека» (Пепел, стр. 97—8) с пропуском от строки: «Подглядываю в мягких мхах», до строки: «А вслед летят издалека» (исключительно) (стр. 98); далее после этих строк: вместо строфы: «А вслед летят издалека насмешливые, злые речи[1], что я похож на паука и что костыль мне вздернул плечи» — следующее четверостишие:

А вслед летят — который год —
Насмешливые, злые речи,
Что я — горбун, что я — урод,
И что костыль мне вздернул плечи.

Далее — по тексту «Пепла» («что тихая» и т. д.)».

Пепел-25. В разделе «Деревня». Без заглавия, как 1-я часть ст-ния «Паук». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 139. Переработанная редакция (№ 428, 1-я часть).

Автограф 1 — в письме к А. А. Блоку (конец марта — начало апреля 1905 г.), как 1-я часть ст-ния «Раненый»; текст совпадает с текстом «Вопросов Жизни» (*Белый-Блок.* С. 214—215). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.25. Помета под текстом: «05 г. Москва». Первоначальная редакция.

***157**. Свободная совесть. Литературно-философский сборник. М., 1906. Кн. 1. С. 159. Под заглавием «Весенняя элегия»; варианты строк.

Пепел. С. 100—101.

СС. С. 139—140. В разделе «1905 год». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 43. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1905 г. Март. Москва». Варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Город». Без заглавия, как 2-я часть поэмы «Жених и невеста».

Пепел-25. В разделе «Деревня». Помета под текстом: «05. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 135—136. Переработанная редакция (№ 426).

В рецензии на сборник «Свободная совесть» А. И. Бачинский писал, характеризуя его литературный отдел: «Здесь лучшею вещью является завуаленное грустью стихотворение А. Белого, приводящее

---

[1] Ошибка Белого; подразумеваемая строка: «Трусливые и злые речи».

на память эпоху "Золота в лазури" и по настроению аналогичное с "Herbstgedanken" Беклина» (Золотое Руно. 1906. № 1. С. 148).

158. *Пепел*. С. 102.

Пепел-21. В разделе «Город», как 3-я часть поэмы «Жених и невеста».

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В полях», без заглавия, как 2-я часть поэмы «Свадьба».

***159**. *ЗР*. 1906. № 3. С. 43—44. Без заглавия, как 1-я часть ст-ния «Калека», с посвящением: А. Г. Коваленской (опечатка в инициалах: А. Т.); ранняя редакция текста.

Пепел. С. 103—106.

Автограф — в письме к А. А. Блоку (конец марта — начало апреля 1905 г.), без заглавия, как 2-я часть ст-ния «Раненый»; первоначальная редакция текста (*Белый-Блок*. С. 215—216).

СС. С. 142—144. В разделе «1905 год». Помета под текстом: «1905—1908. Москва». Без двух заключительных строк.

В *СБ* разделено на два ст-ния. 1-е («Паук». С. 44—46) — в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях»; помета под текстом: «1906 г. Февраль. Москва»; в составе ст. 1—63, разделенных на восемь фрагментов; варианты — ст. 18: «В лазоревых пространствах носит»; ст. 24: «Ты вот: застенчива, мила». 2-е («Иду я в поле за плетень...». С. 260) — в разделе «Урна», в подразделе «Лета забвенья»; помета под текстом: «1905—1906 г. Москва»; в составе ст. 64—79 (текст разделен на два восьмистишия).

Пепел-21. Разделено на два ст-ния. 1-е — в разделе «Город», без заглавия, как 6-я часть поэмы «Жених и невеста»; в составе ст. 1—63. 2-е — в разделе «В полях», без заглавия («Иду я в поле за плетень...»); помета под текстом: «Москва, 1908 <?>», в составе ст. 64—73, 76, 77, 74, 75, 78, 79, разделенных на четыре четверостишия; варианты строк.

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В полях», без заглавия, как 3-я часть поэмы «Свадьба».

Пепел-25. В разделе «Деревня», как 2-я и 3-я части ст-ния «Паук». Текст совпадает с текстом *Пепел-29* (кроме ст. 1 строфы IV 3-й части: «Но, вздрагивая, шепчешь мне:»).

Пепел-29. С. 139—141. Переработанная редакция (№ 428, 2-я и 3-я части).

160. *Пепел*. С. 107—108.

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Жених и невеста». Переработанная редакция текста.

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В полях», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Свадьба»; помета Белого: «№ 4 — текст стихотворения "Мать" (Пепел, стр. 107—108) без 2 и 4 строфы, которые выпустить».

Переработанная строфа V вошла в качестве строфы IV в ст-ние «Пепел» (*СБ*, *Пепел-21*, *Пепел-25*, *Пепел-29*, *ЗВ*; см. № 427 и примеч.).

161. *Пепел*. С. 109—111.

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 5-я часть поэмы «Жених и невеста».

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В полях», без заглавия, как 5-я часть поэмы «Свадьба»; помета Белого: «№ 5 — текст стихотворения "Судьба" (Пепел, стр. 109—111) со следующими сокращениями: от слов "Качается над нею нос" до строки "Вот над сафьянным башмачком" (исключительно) выпус-

тить (Пеп., стр. 110); и от слов: "Уж в черный лаковой карете", до слов "Старушка мать" (Пеп., стр. 111) выпустить».

*162. *ЗР.* 1906. № 3. С. 44—45. Без заглавия, как 2-я часть ст-ния «Калека», с посвящением А. Г. Коваленской (опечатка в инициалах: А. Т.). Первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 112—114.

СС. С. 146—147. В разделе «1905 год». Помета под текстом: «05—08. Серебряный-Колодезь». Без строф VII—IX.

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 7-я часть поэмы «Жених и невеста». Без строф VII—IX.

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в подраздел «В полях», без заглавия, как 6-я часть поэмы «Свадьба»; помета Белого: «№ 6 — текст стих. "Свадьба", из которого выкинуть строфы 6, 7, 8 и 9-ю (до "Она — моя, моя, моя")».

Заключительная строфа вошла в качестве последней строфы в 1-ю часть ст-ния «Паук» в *Пепел-29* (№ 428).

Расправила свой флер д'оранж... — Флёрдоранж — белые цветы померанцевого дерева, символ девичьей невинности; принадлежность свадебного убора невесты. *Регент* — здесь: дирижер церковного хора.

163. *Пепел.* С. 115—116.

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 8-я часть поэмы «Жених и невеста». Без строф V—VII. Переработанная редакция текста.

По *Плану 1925 года* включено в раздел «Золото в лазури», в цикл «В полях», без заглавия, как 7-я часть поэмы «Свадьба»; помета Белого: «№ 7 — текст стих. «После венца» (Пеп., стр. 115) без 5-ой, 6-ой и 7-ой строф».

Переработанные строфы V—VII составили основу (строфы I—III) ст-ния «Пепел» (*СБ, Пепел-21, Пепел-25, Пепел-29, ЗВ*; см. № 427 и примеч.).

ГОРОД

***164.** *Пепел.* С. 119—120.

СБ. С. 188—191. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1908 г. Август. Суйда». Без семи строф (IV, V, VIII, XII, XXII—XXIV), в четырех частях (1-я — строфы I, II, VI, III; 2-я — строфы VII, XV, X, XIII, XI, XIV; 3-я — строфы IX, XVII, XVI, XVIII; 4-я — строфы XIX, XX (ст. 3—4), XXI), с делением на двустишия; варианты строк.

Пепел-25. В разделе «Город», под заглавием «Московский дом», без посвящения. Помета под текстом: «08. Суйда». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 87—90. Переработанная редакция (№ 400).

Автограф — собрание С. Д. Спасского; экземпляр *Пепла*, предназначавшийся для переиздания в составе Собрания сочинений Андрея Белого в издательстве З. И. Гржебина (1920—1921), включающий рукописные листы с пояснением автора: «Вместо "Старинного дома" прошу напечатать стихотворения "Полина", "Старинный дом"» (2-е соответствует шести начальным и пяти заключительным строфам текста *Пепла*, 1-е — остальным двенадцати строфам этого текста) (Богомолов Н. А. Неизданные стихотворения Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 218—220).

Посвящение: Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт, прозаик, литературный критик, историк литературы, перевод-

чик. Был знаком с Белым с 1904 г., постоянно общался с ним в последующие годы в Москве и в Берлине в 1922—1923 гг.; автор ряда статей о Белом и мемуарного очерка «Андрей Белый» (Ходасевич В. Ф. Некрополь. Воспоминания. Bruxelles, 1939. С. 61—99; Ходасевич Владислав. Собр. соч. В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 42—67). См. также: Хьюз Роберт. Белый и Ходасевич: к истории отношений // Вестник Русского Христианского Движения. 1987. № 151. С. 144—165.

Кенкэты и портреты... — Кенкэт — масляная лампа. *Поездки в Дэрикоэ, / Поездки к Учан-Су...* — Дэрикоэ (Дерекой) — селение в Крыму, близ Ялты, на склоне отрогов Яйлы. Учан-Су — водопад вблизи шоссе Ялта—Бахчисарай.

***165**. *Пепел*. С. 123—126.

СС. С. 244—247. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 206—209. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «1908 г. Июль. Серебряный-Колодезь». Без строф VI, VII, XI, с делением на шесть частей (1-я — строфы I—V; 2-я — строфы VIII—X, XII, XIII; 3-я — строфы XIV—XVI, 4-я — строфы XVII, XVIII; 5-я — строфы XIX, XX; 6-я — строфа XXI), с делением четверостиший на пяти- и шестистишия. Варианты строк.

Пепел-25. В разделе «Город», без посвящения. Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СБ* (5-я и 6-я части текста *СБ* — как 5-я часть; все строфы — в форме четверостиший).

Пепел-29. С. 84—86. Переработанная редакция (№ 399).

Посвящение: Михаил Федорович *Ликиардопуло* (1883—1925) — переводчик, критик; секретарь журнала «Весы» в 1906—1909 гг.

Образный строй ст-ния связан, как свидетельствует Белый в «Воспоминаниях о Блоке», с его мучительным внутренним состоянием летом 1906 г.: «...я был ненормальным в те дни; я нашел среди старых вещей маскарадную, черную маску: надел на себя, и неделю сидел с утра до ночи в маске <...> мне хотелось одеться в кровавое домино; и — так бегать по улицам; переживания этих дней отразились впоследствии темою *маски* и *домино* в произведениях моих» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 238). Образ красного домино на бале-маскараде (в соединении с образом «гостьи-смерти») навеян также рассказом Эдгара По «Маска Красной Смерти» (1842). *Открывает котильон.*— Котильон — бальный танец с большим количеством фигур, в которые входят другие танцы (вальс, мазурка, полька). *Лишь, виясь, пучок конфетти...* — Белый спутал конфетти (кружочки из разноцветной бумаги) с серпантином (узкие разноцветные бумажные ленты, которыми перебрасывается публика на балах, маскарадах и карнавалах). *Ловит бэби: Grand papa!..* — Бэби (*англ.* baby) — ребенок; grand papa (*франц.*) — дедушка.

***166**. *Гриф-1905*. С. 10—11. В цикле «Тоска о воле». Первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 127—128.

В *СС* разделено на два ст-ния; в разделе «1904 год», оба без посвящения. 1-е (С. 130) — под заглавием «Меланхолия», помета под текстом: «Москва. 1904—1908»; в составе строф I—III текста *Пепла*; варианты строк. 2-е (С. 131—132) — под заглавием «Дома», помета под текстом: «Москва»; в составе строф IV—VII текста *Пепла*; варианты строк.

СБ. С. 322—323. В разделе «Урна», без заглавия, как 23-я часть цикла «Искуситель»; помета под текстом: «1904 г. Ноябрь. Москва». Без строф I—III; варианты строк — как в *СС* (ст-ние «Дома»).

Пепел-25. В разделе «Город», без заглавия и посвящения; помета под текстом: «04. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 77. Переработанная редакция (№ 394).

Автограф — в письме к А. А. Блоку (октябрь 1904 г.), без посвящения, в составе строф I—III текста *Гриф-1905* (*Белый-Блок.* С. 181).

Посвящение: Максимилиан Яковлевич *Шик* (1884—1968) — поэт, переводчик, критик; немецкий корреспондент журнала «Весы».

***167.** *Гриф-1905.* С. 9. В цикле «Тоска о воле», без посвящения. Первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 129.

СС. С. 130—131. В разделе «1904 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». Вариант — строфа III, ст. 3: «Скользит вдоль хладной мостовой».

Пепел-25. В разделе «Город», без посвящения. Помета под текстом: «04. Москва».

Пепел-29. С. 80. В разделе «Мертвый город», под заглавием «Отчаяние», без посвящения; датировка: «04».

Посвящение: Елизавета Павловна *Безобразова* (1887—1917) — дочь историка, общественного деятеля, профессора Московского университета П. В. Безобразова и переводчицы и детской писательницы М. С. Безобразовой (урожд. Соловьевой), племянница Вл. С. Соловьева, двоюродная сестра С. М. Соловьева.

Двойник мой гонится за мной... — В этом образе отразилась ситуация сложного идейно-психологического противостояния между Белым и В. Я. Брюсовым осенью 1904 г.; ср. свидетельство Белого: «Я начинаю ощущать своего *"темного двойника"*, пронизанного улицей, отданного на растерзание страстям и темной похоти <...> это второе *"Я"* подсмотрел во мне Брюсов; со странной настойчивостью он продолжает свои разговоры со мной на эту тему; и я — влекусь к нему; он мне импонирует, как бы говоря: «Борис Николаевич, оставьте ребяческие бредни о свете; в мире господствуют — мрак и ужас»,— и я ослеплен и пронзен этим лейт-мотивом наваждения» (*Материал к биографии.* Л. 50 об.). *Вонзайте в небо, фонари, / Лучей наточенные копья!* — Ср. пояснение Белого: «"*Фонарь*" ассоциируется с Брюсовым, со строками его стихов: "Фонарь, безвестный друг,— ты близок!" Брюсов становится для меня темным, безвестным другом — врагом, пронзающим *копьями* гипноза <...> И когда я восклицаю — *"вонзайте в небо, фонари, лучей наточенные копья"*, то я как бы уступаю действию гипноза Брюсова» (Там же).

168. *Пепел.* С. 130—131.

СС. С. 264—265. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 197—198. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», без посвящения. Помета под текстом: «1908 г. Июль. Серебряный-Колодезь».

Пепел-25. В разделе «Город», без посвящения. Помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь».

Пепел-29. С. 93—94. В разделе «Мертвый город», без посвящения; датировка: «08». Варианты — строфа II, ст. 2—3: «Завиваясь в "шинуаз"... / Искры блещут по фаянсам»; строфа VII, ст. 4: «Вьются гости в "шинуаз"».

Строфа V (в переработанном виде) приводится в романе «Петербург» (гл. 4, главка «Точно плакался кто-то»):

Кто вы, кто вы, гость суровый,
Роковое домино?
Посмотрите — в плащ багровый
Запахнулося оно.

(Сирин. Сб. 2. СПб., 1913. С. 84; Белый Андрей. Петербург / Издание подготовил Л. К. Долгополов. Л., 1981. С. 157).

Посвящение: Виктор Викторович *Гофман* (1884—1911) — поэт, прозаик, критик; входил в 1900-е гг. в круг московских символистов. См.: Лавров А. В. Виктор Гофман: между Москвой и Петербургом // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 193—222; Гофман Л. В. Биография Виктора Гофмана // Там же. С. 223—232.

А джиорно (*ит.* á giorno — как днем) — искусственное освещение зала, комнаты и т. п. *...контредансом / Завиваясь в "chinoise"...* — Контрданс — собирательное название для многочисленных танцев, построенных по каре или по линии, где четное число пар стояло друг против друга (наиболее известный контрданс — французская кадриль); «chinoise» — фигура кадрили. *...трэном / Гри-де-перлевым...* — Трен — шлейф, длинный задний край женского платья, тянущийся по полу. Гри-де-перль — жемчужно-серый.

***169**. Вопросы Жизни. 1905. № 7. С. 48—49. Первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 132—134.

СС. С. 136—137. В разделе «1905 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». Без строф I—IV, VIII, X—XII, в составе восьми строф: VI, VII, IX, XIII, V, XIV—XVI; варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Ямбы», без посвящения. Текст совпадает с текстом *СС.*

СБ. С. 323—324. В разделе «Урна», как 25-я часть цикла «Искуситель». Помета под текстом: «1905 г. Апрель. Москва». Текст совпадает с текстом *СС*; вариант — строфа V, ст. 3—4: «Взволнованно к груди прижав / Мне зарыдавшую гитару».

Пепел-25. В разделе «Город», без посвящения. Помета под текстом: «05. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 78—79. Переработанная редакция (№ 395).

Автограф 1 — в письме к А. А. Блоку (конец марта — начало апреля 1905 г.); первоначальная редакция текста, варианты и дополнительные строки (*Белый-Блок.* С. 216—217). Автограф 2 — в письме к Э. К. Метнеру от 1 апреля 1905 г. (РГБ. Ф. 167.1.44); первоначальная редакция текста, без ст. 9—16 (текста первой публикации), дополнительные строки.

Посвящение: Сергей Александрович *Поляков* (1874—1942) — владелец и руководитель издательства «Скорпион», издатель журнала «Весы», переводчик. См. о нем: Гречишкин С. С. Архив С. А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 3—22; Переписка <В. Я. Брюсова> с С. А. Поляковым / Вступ статья и комментарии Н. В. Котрелева. Публикация Н. В. Котрелева, Л. К Кувановой и И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн. 2. С. 5—136. См. также письма Белого к Полякову: Malmstad John E. From the History

of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford, 1987. P. 71—102.

В «Aquarium'e» с ней шутил... — «Aquarium» — увеселительный сад с рестораном. *Отдавшись огненной качуче...* — Качуча — испанский танец, исполняемый в живом темпе с кастаньетами. *Плясал безумный кэк-уок...* — Кэк-уок — танец американских негров, вошедший в моду в начале XX в. В сознании Белого этот танец приобрел значение душевного исступления и опустошенности, а также воспринимался как один из символов «дикарства XX века»: «...танцевали мы — кэк-уок, негрский танец; и «кэк-уоком» пошли мы по жизни» (Белый Андрей. На перевале. I. Кризис жизни. Пб., 1918. С. 83). В статье «Штемпелеванная калоша» (впервые: Весы. 1907. № 6) Белый писал: «Когда Москва обливалась кровью в декабре <1905 г.> и красное зарево пожара сияло над городом, — у Палкина красные неаполитанцы бренчали кэк-уок. Это был не просто кэк-уок: это был кэк-уок над *бездной*!» (Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 343—344. «Палкин» — петербургский ресторан).

170. *Пепел*. С. 135.

Тонешь ты в дорогом валансьене.— Валансьен — тонкие кружева, изготовлявшиеся во французском городе Валансьен (Valenciennes).

***171**. *ЗР*. 1906. № 1. С. 51—52. В цикле «Горемыки»; варианты строк.

Пепел. С. 136.

***172**. *Гриф-1905*. С. 9—10. В цикле «Тоска о воле», в составе пяти строф: III, IV, строфа, не включенная в текст *Пепла*, V, I; варианты строк.

Пепел. С. 137.

СС. С. 127. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва».

Пепел-25. В разделе «Город». Помета под текстом: «04. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29*.

Пепел-29. С. 71—72. Переработанная редакция (№ 391).

***173**. *Пепел*. С. 138—139.

Пепел-25. В разделе «Город», без заглавия. Помета под текстом: «06. Мюнхен». Текст совпадает с текстом *Пепел-29* (ст. 9—12 — перед ст. 5—8).

Пепел-29. С. 81. Переработанная редакция строф IV, V и VII (№ 397).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 1—2 об. Первоначальная редакция; первые семь строф соотносятся с текстом *Пепла*, строфы VIII—XIX — со ст-нием «Арлекинада» (№ 174).

Анализу эвфонической структуры ст-ния посвящена статья: Soboleva Olga. On the Sound Structure of *Bacchanalia* by A. Belyj // Slavonica. 2002. Vol. 8. № 1. P. 20—41.

***174**. *Пепел*. С. 140—142.

В *СС* разделено на два ст-ния; в разделе «1906 год». 1-е (С. 192—193) — под заглавием «Арлекинада», помета под текстом: «Мюнхен»; без посвящения, в составе строф I—VI. 2-е (С. 193) — под заглавием «Восстание», помета под текстом: «Мюнхен»; без посвящения, в составе строф VIII—XII; вариант — строфа VIII, ст. 1: «Качнулся гроб; и — встал мертвец».

В *Пепел-21* разделено на два ст-ния, как в *СС*; в разделе «Город», помета под текстом: «1906. Мюнхен». Текст совпадает с текстом *СС*.

СБ. С. 109—110. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот», без посвящения. Помета под текстом: «1906 г. Ноябрь. Мюнхен». С делением на две части, соответствующие двум ст-ниям в *СС*. Текст совпадает с текстом *СС*.

Пепел-25. В разделе «Город», без посвящения. Помета под текстом: «06. Мюнхен». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 82—83. В разделе «Мертвый город», без посвящения; датировка: «06». Текст совпадает с текстом *СБ*; варианты — строфа IV, ст. 3: «Морщинистый воскинув лик»; строфа X, ст. 2: «О мщении взывал он строго».

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 1—2 об. (см. примеч. к № 173).

Характеризуя свои переживания осени 1906 г., Белый пишет: «...схожу с ума от внутренней боли <...> стихотворение *"Арлекинада"* выражает настроение этого периода: изображен мертвец, мстительно встающий из гроба; "мертвеца" замучили люди» (*Материал к биографии.* Л. 54).

175. Весы. 1907. № 6. С. 12—13. В составе поэмы «Панихида» (7-я часть), варианты строк (см. № 676).

Пепел. С. 143—144.

СС. С. 191—192. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

Пепел-21. В разделе «Город». Помета под текстом: «1906. Серебряный Колодезь».

***176**. Факелы. Кн. 1. СПб., 1906. С. 35—36. Без заглавия; первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 145—146.

СС. С. 196—197. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Москва».

Пепел-21. В разделе «Город». Помета под текстом: «1906. Москва».

Пепел-25. В разделе «Город», без заглавия. Помета под текстом: «06. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 65. Переработанная редакция (№ 387).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 23—24. (Наборная рукопись первой публикации с пометами рукой Г. И. Чулкова). Под заглавием «Манифестация», подпись: «Андрей Белый». Первоначальная редакция текста.

Ст-ние навеяно впечатлениями от похорон Н. Э. Баумана (революционера-большевика, убитого черносотенцем), состоявшихся 20 октября 1905 г. и превратившихся в политическую демонстрацию рабочих (участвовало до 30 тыс. человек). См.: Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 46—49, 458—459.

М. В. Морозов в рецензии на «Пепел» привел это ст-ние как пример того, как у Белого «внешняя тенденциозность замысла не всегда губит <...> внутреннюю непосредственность, наоборот, как бы вопреки ей, промелькнет образ изумительной силы, открыв неожиданно таинственную чуткость души поэта <...> ничего лишнего, ничего крикливого, ничего чувствительного — наоборот, сжатость, а в душе — неизгладимый след боли» (Образование. 1909. № 1. Отд. III. С. 67—68. Подпись: Мих. М—ов).

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (первонач. ред.) — Начальная строка песни неизвестного автора 1870-х гг., получившей распространение как «Похоронный марш». См.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2. С. 346, 423—424, 484, 499 (примечания В. Е. Гусева).

***177**. Перевал. 1907. № 10. С. 20. Под заглавием «Народный вождь»; варианты строк

Пепел. С. 147.

СС. С. 198—199. В разделе «1907 год. В полях», под заглавием «Пока...». Помета под текстом: «Петровское».

СБ. С. 102. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот», под заглавием «Пока». Помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское».

Пепел-21. В разделе «Город», под заглавием «Пока». Помета под текстом: «1907. Петровское».

Пепел-25. В разделе «Город», под заглавием «Заключенному». Помета под текстом: «07. Петровское». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 75—76. Переработанная редакция (№ 393).

***178.** Весы. 1906. № 8. С. 9—10. В цикле «Одинокие», под заглавием «Тревога». Без строф VIII и IX, варианты строк.

Пепел. С. 148—149.

Пепел-25. В разделе «Город», под заглавием «Возмездие». Помета под текстом: «06. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 91—92. Переработанная редакция (№ 401).

Ср. позднейшую авторскую интерпретацию образного строя ст-ния: «В лирике моей появился символ восстания: *красное домино*; оно бегает по строчкам стихов:

С кинжала отирая кровь,
Плеща крылом атласной маски.

"Маска" — мои сидения в академических салонах; под ней — нарастающий протест, который стихийно вырвался осенью 1905 года, в дни всеобщей забастовки <...>» (Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 524).

179. *Пепел.* С. 150—151.

СС. С. 194—195. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Мюнхен».

Пепел-21. В разделе «Город». Помета под текстом: «1906. Мюнхен».

Пепел-25. В разделе «Город». Помета под текстом: «06. Мюнхен». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 95. Переработанная редакция (№ 403).

В *Мюнхене* (с XIII в. до 1918 г. столица Баварии) Белый жил с 4 октября (н. ст.) по 30 ноября 1906 г.

180. *Пепел.* С. 152—153.

СС. С. 195—196. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Мюнхен».

Пепел-21. В разделе «Город». Помета под текстом: «1906. Мюнхен».

Пепел-25. В разделе «Город», без заглавия. Помета под текстом: «06. Мюнхен». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 96. Переработанная редакция (№ 404).

В заново переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 591, 1-я часть).

БЕЗУМИЕ

***181.** Перевал. 1907. № 6. С. 20—21. В цикле «Безумный»; варианты строк.

Пепел. С. 157—158.

СС. С. 203—204. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Париж».

Вошло в *ВС*, как 9-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1907».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 2-я часть ст-ния «Побег». Помета под текстом: «1907. Париж».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «07. Париж». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 44—45. Переработанная редакция (№ 378).

В *Париже* Белый жил с 1 декабря (н. ст.) 1906 г. до начала марта (н. ст.) 1907 г.

182. Весы. 1907. № 6. С. 14. В составе поэмы «Панихида» (9-я часть), варианты (см. № 676).

Пепел. С. 159.

СС. С. 208—209. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Париж». Вариант — строфа V, ст. 4: «Не устанешь над сыном рыдать».

СР. С. 30—31. Под заглавием «Родине-матери»; датировка: «1907. Январь». Текст совпадает с текстом *СС.*

СБ. С. 345. В разделе «Урна», как 12-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СС.*

Вошло в *ВС,* в раздел «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1907». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-21. В разделе «Город», как 11-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-25. В разделе «Город», без заглавия. Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-29. С. 102—103. В разделе «Мертвый город», под заглавием «Могила»; датировка: «07». Текст совпадает с текстом *СС.*

***183**. Перевал. 1907. № 6. С. 21. В цикле «Безумный», без посвящения; варианты.

Пепел. С. 160.

СС. С. 197—198. В разделе «1907 год. В полях», без посвящения. Помета под текстом: «Париж». Вариант — строфа V, ст. 3: «Я — просторов рыдающих сторож».

СР. С. 20—21. Без посвящения, датировка: «1907. Январь». Вариант — строфа III, ст. 3: «В хмурый сумрак оскалились зубы».

СБ. С. 165. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», под заглавием «Пророк», без посвящения. Помета под текстом: «1907 г. Январь. Париж». Текст совпадает с текстом *СС.*

Вошло в *ВС,* как 10-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1907».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия и посвящения, как 4-я часть ст-ния «Побег». Помета под текстом: «Париж. 1907».

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», под заглавием «Полевой сторож», без посвящения. Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 39—40. Переработанная редакция (№ 376).

Посвящение: В. В. *Владимиров* — см. примеч. 67.

184. *Пепел.* С. 161—162.

СБ. С. 105—106. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот», как 1-я часть трехчастного ст-ния «На буграх».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», как 1-я часть трехчастного ст-ния «На буграх».

Переработанные строфы I, II, VI вошли в ст-ние «Полевое безумие» в *Пепел-29* (№ 406). См. также одноименное ст-ние в *ЗВ* (№ 587).

Вся прозябающая митра.— Митра — архиерейский головной убор.

185. *Пепел.* С. 163—165.

СБ. С. 106—107. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот»,

как 2-я часть трехчастного ст-ния «На буграх», без посвящения. Вариант — строфа VI, ст. 3: «Текут века... Я утро, день и ночь».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», как 2-я часть трехчастного ст-ния «На буграх», без посвящения.

Строфа VII соотносится со строфами IV, V ст-ния «Полевое безумие» в *Пепел-29* (№ 406). См. также одноименное ст-ние в *ЗВ* (№ 587).

В рецензии на «Пепел» М. В. Морозов особо отметил это ст-ние: «Полно чарующего вдохновения, захватывающего восторга и страха пред дичающим полем, задетым культурой <...>» (Образование. 1909. № 1. Отд. III. С. 68. Подпись: Мих. М—ов).

Посвящение: Н. Н. *Русов* — см. примеч. 133.

186. *Пепел.* С. 166—167.

СБ. С. 108. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот», как 3-я часть трехчастного ст-ния «На буграх», без посвящения. Помета под текстом: «1908 г. Серебряный-Колодезь».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», как 3-я часть трехчастного ст-ния «На буграх», без посвящения. Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь. 08».

Переработанная строфа IV вошла в ст-ние «Полевое безумие» в *Пепел-29* (№ 406). См. также одноименное ст-ние в *ЗВ* (№ 587).

Посвящение: Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) — прозаик. Начало общения с ним Белый относит к марту 1904 г. (*Материал к биографии.* Л. 44). Зайцев — автор мемуарного очерка «Андрей Белый», вошедшего в его книгу «Далекое» (Вашингтон, 1965) и неоднократно переиздававшегося. Рецензент «Пепла» М. В. Морозов усмотрел непосредственную связь между посвящением и содержанием ст-ния: «Остроумно, колко, быть может, ненамеренной иронии полно стихотворение, посвященное г. Зайцеву, метко характеризующее творчество этого писателя. <...> Кто знает Б. Зайцева, тот оценит эти коварные строки» (Образование. 1909. № 1. Отд. III. С. 68. Подпись: Мих. М—ов).

В твоей бездомной киновии.— Киновия — братский, общежительный монастырь.

***187**. *Гриф-1905.* С. 11—12. В цикле «Тоска о воле», с подзаголовком: «Из воспоминаний помешанного». Первоначальная редакция текста (ст. 25—32 соответствуют строфам I—II ст-ния «В темнице», см. № 189).

Пепел. С. 168—170.

СС. С. 133—135. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «1904—1908. Москва». С делением на две части: 1-я — строфы I—VI, 2-я — строфы VII—XII[1].

СБ. С. 94—95. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1904—1908 г. Март. Москва». Текст совпадает с текстом *СС.*

Вошло в *ВС,* как 11-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России». Текст состоит из строф IV, V, VII и строф I—III, V ст-ния «В темнице» (см. № 189); варианты — строфа IV, ст. 1: «Там, в каземате,— без борьбы»; строфа VII, ст. 1: «Но, как повеяло весной».

Пепел-25. В разделе «Город», как 1-я и 2-я часть ст-ния «Безумец». Помета под текстом: «04. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

---

[1] В опубликованном тексте *СС* погрешность: обозначение 2-й части — перед строфой VIII.

Пепел-29. С. 97—98. Переработанная редакция (№ 405, 1-я и 2-я части).

Автографы первоначальной редакции текста: 1 — в письме к А. А. Блоку (около 28 марта 1904 г.); варианты — ст. 2: «В руке моей пылали свечи»; ст. 14: «Покорно ждал судьбы развязки»; ст. 27: «Вот за стеной опять сижу» (*Белый-Блок.* С. 134—135); 2 — в письме к Э. К. Метнеру от первой половины мая 1904 г. (РГБ. Ф. 167.1.35); варианты — ст. 2, 14: как в автографе 1; ст. 28: «В очах ни слез, в груди — нет вздохов» (тексту предпослана фраза: «Посылаю Вам стихотворение, написанное в один из дней ужасов»).

***188**. Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 6. СПб., 1908. С. 155. В цикле «Голоса в полях»; варианты строк.

Пепел. С. 171—172.

СС. С. 152—153. В разделе «1905 год». Помета под текстом: «Дедово».

СБ. С. 342—343. В разделе «Урна», как 10-я часть поэмы «Мертвец»; с изменениями в разбивке на строки ст. 18—19, 21 и двумя новыми заключительными строками: «Стою — / Я сам!»

Пепел-21. В разделе «Город», как 9-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Я / — весь / Сквозной!..» в *ЗВ* (№ 583).

Один из критиков, отозвавшийся на первую публикацию ст-ния, привел его как пример «декадентствования» и отсутствия смысла (Ленин Александр. Наши писатели. Леонид Андреев, Куприн и др. Литературная тризна // Черный Храм. Литературно-критический сборник. Кн. 1. М., 1910. С. 134); см. еще одну негативную оценку ст-ния: Библиограф. Литературный ералаш // Будильник. 1908. № 42, 26 октября. С. 10.

189. *Гриф-1905.* С. 11—12 (строфы I—II в составе ст-ния «Успокоение», см. № 187).

Пепел. С. 173—174 (с опечаткой в датировке: «07»).

СС. С. 135. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 96. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1904 г. Март. Москва».

Вошло в *ВС,* как строфы IV—VII 11-й части цикла «Песни каторжника» (строфы I—III, V текста *Пепла*), в разделе «Пепел. Стихи о России».

Пепел-25. В разделе «Город», как 3-я часть ст-ния «Безумец». Помета под текстом: «04. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 99. Переработанная редакция (№ 405, 3-я часть).

Двузвездный, блещущий дикирий.— Дикирий — подсвечник о двух свечах, употребляющийся при архиерейском богослужении.

190. *Пепел.* С. 175.

СС. С. 201—202. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Москва». С делением каждой строки на две, всего текста — на два восьмистишия.

СБ. С. 97. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1908 г. Ноябрь. Москва». Текст совпадает с текстом *СС;* вариант — строфа II, ст. 3: «Мой гроб уплывает / Туда — в золотые лазури...»

Пепел-21 В разделе «Город». Помета под текстом: «1908. Москва». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Город», под заглавием «Сумасшедший». Помета под текстом: «08. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 104. Переработанная редакция (№ 408).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 3-й частью ст-ния «Петел» в *ЗВ* (№ 590).

***191**. Весы. 1907. № 6. С. 7—9. В составе поэмы «Панихида» (3-я и 4-я части; см. № 676).

Пепел. С. 176—177.

СС. С. 184—185. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 331—334. В разделе «Урна», без заглавия, как 1—3-я части поэмы «Мертвец». Переработанная редакция текста.

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 1—3-я части поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ*; варианты в делении на части: 1-я часть — 1-я часть и ст. 1—14 2-й части текста *СБ*; 2-я часть — ст. 15—34 2-й части текста *СБ.*

192. Весы. 1907. № 6. С. 7—8. В составе поэмы «Панихида» (3-я часть; см. № 676).

Пепел. С. 178—179.

СС. С. 186—187. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 334—335. В разделе «Урна», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Мертвец». В ст. 20—30 изменения в делении текста на строки; варианты — ст. 6: «В церквах звонят»; ст. 10: «Желтым»; ст. 19: «Сладко...»

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 4-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ.*

***193**. Весы. 1907. № 6. С. 9—11. В составе поэмы «Панихида» (5-я часть; см. № 676).

Пепел. С. 180—182.

СС. С. 187—189. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 335—337. В разделе «Урна», без заглавия, как 5-я часть поэмы «Мертвец». Со случайным пропуском ст. 35—36 (восстановлены в *Плане 1925 года*); варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 5-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ.*

194. *ЗР.* 1907. № 3. С. 40. В цикле «Эпитафия», без заглавия, с посвящением З. Н. Гиппиус. Варианты — строфа IV, ст. 3: «Отчего мне так больно, так больно?»; строфа V, ст. 4 и заключительная строка: «Я, быть может, не умер, быть может, вернусь — / Проснусь...».

Пепел. С. 183—184.

СС. С. 202—203. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Париж».

СБ. С. 112. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1907 г. Январь. Париж».

Пепел-21. Под заглавием «Друзьям (Вместо предисловия)» — как вступительное к книге; без посвящения. Помета под текстом: «07. Париж».

Вошло в *ВС*, в раздел «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1907».

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 566).

В *ЗР* (1908. № 1. С. 70—71) — музыка Н. К. Метнера к этому ст-нию.

Написано в парижской больнице в январе 1907 г. после перенесенной хирургической операции.

Посвящение: Н. И. *Петровская* — см. примеч. 99. Ср. письмо Петровской к Белому (Париж, 2/15 февраля 1909 г.): ««Цветы на нем побиты, образок полинял»... Café de Panthéon. С Бальмонтом... от него «солнечный привет». От меня... Тяжелые плиты,— жду, чтоб их кто-нибу<дь> снял... Всегда, вечно. Nina» (РГБ. Ф. 25.21.17).

В позднейших интерпретациях ст-ние многими осмыслялось как концентрированное провиденциальное постижение автором своей личной и творческой судьбы. В рецензии же на «Пепел» М. Л. Гофман интерпретировал ст-ние как признание его создателя в своем поэтическом фиаско, продемонстрированном, по мнению критика, этой книгой: «В этой трагедии *души художника* нет ничего смешного, и всякий истинный друг А. Белого, всякий действительно любивший его творчество, принесет с глубокой сердечной болью венок на его могилу. Трудно верится, что такой необыкновенный, сильный и большой художник умер, но жестокая неумолимая действительность настойчиво твердит: «умер, умер», и, в доказательство, страницу за страницей раскрывает его вторую книгу стихов «Пепел»» (Текущая Жизнь. 1909. № 1. С. 125).

195. Вопросы Жизни. 1905. № 3. С. 99. Под заглавием «Воздушный путь», без строфы V; вариант — строфа III, ст. 2: «Тихо на облако встанем».

Пепел. С. 185.

СС. С. 121. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 28. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1904 г. Август. Серебряный-Колодезь». Варианты — строфа III, ст. 1: «Память — уснет»; строфа IV, ст. 1: «Тихо замрем».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Восстание» в *ЗВ* (№ 568).

***196**. Перевал. 1907. № 12. С. 7. Под заглавием «В воздухе»; варианты строк.

Пепел. С. 186—187.

СС. С. 209—210. В разделе «1907 год. В полях», под заглавием «Царь». Помета под текстом: «Москва». Варианты строк.

СБ. С. 341—342. В разделе «Урна», как 9-я часть поэмы «Мертвец». С делением каждой строки на две, каждого четверостишия (*Пепел, СС)* — соответственно на два четверостишия. Текст совпадает с текстом *СС*; вариант — строфа V, ст. 4: «Облечемся — / Царица и царь». Авторское подстрочное примечание к слову «воздýхом»: «Воздýх — могильное одеяние».

Пепел-21. В разделе «Город», без заглавия, как 8-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ*.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 560).

ПРОСВЕТЫ

197. *ЗР*. 1906. № 4. С. 33—34. Под заглавием «Поповна и семинарист», с посвящением Т. А. Рачинской; текст в составе строф I, III—V, VII, VIII, XIII, XIX—XXII, разделенный на четыре фрагмента; вариант — строфа V, ст. 4: «Стоит семинарист».

Пепел. С. 191—195.

СС. С. 140—142. В разделе «1905 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». В составе строф I, III—V, VII, VIII, XIII, XIX—XXII, между строфами XIII и XIX черта.

В *СБ* разделено на два ст-ния: 1-е — под заглавием «Поповна» (С. 41—42), без посвящения, в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях»; помета под текстом: «1905 г. Март. Москва»; текст совпадает с текстом *СС*; 2-е — под заглавием «Поля» (С. 39), в разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях»; помета под текстом: «1908 г. Серебряный-Колодезь»; в составе строф XI, XII, X, XXVII; варианты — строфа XI, ст. 1: «Там — ряд избенок гнется»; ст. 4: «Скрипучий журавель»; строфа X, ст. 1: «И там — над косарями»; ст. 4: «Поют, дрожат, горят...»

Пепел-21. В разделе «В полях», с делением на два ст-ния (как в *СБ*): 1-е — «Поповна», без посвящения; помета под текстом: «1905. Москва»; 2-е — без заглавия («Там — ряд избенок гнется...»), без посвящения; помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь». Текст обоих ст-ний совпадает с текстом *СБ*.

Пепел-25. В разделе «Деревня», с делением на два ст-ния (как в *СБ*): 1-е — «Поля», без посвящения; помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь»; текст совпадает с текстом *СБ*, вариант — строфа X, ст. 3: «Там косы лезвиями»; 2-е — «Поповна», без посвящения; помета под текстом: «05. Москва»; текст совпадает с текстом *Пепел-29*.

Пепел-29. С делением на два ст-ния: «Поповна» (С. 122—123; см. № 419) и «Поля» (С. 118; см. № 416).

Ст-ние «Поля» (*Пепел-29*, с вариантами) вошло в *ЗВ* (№ 473).

Автографы (текст в редакции, опубликованной в *ЗР*): 1 — в письме к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 23 или 24 марта 1905 г., с посвящением А. А. Кублицкой-Пиоттух (*Белый-Блок*. С. 538—539. С сопроводительной фразой: «Посылаю стихи, Вам посвященные»); 2 — в письме к Э. К. Метнеру от 1 апреля 1905 г., с посвящением А. А. Кублицкой-Пиоттух (РГБ. Ф. 167.1.44); вариант — строфа XX, ст. 3: «Коря жестоким словом».

Критик Т. Ардов отметил в «Поповне» «добрые устремления к народности», но упрекнул автора за чрезмерное изобилие мелочей и деталей: «Помилуй Бог,— этакий инвентарь!.. И какое печальное отсутствие чувства меры — и в стихотворении, проникнутом самой ясной нежной поэзией» (Ардов Т. (Тардов В.). Отражения личности. Критические опыты. М., 1909. С. 34—35). Высоко оценил ст-ние М. В. Морозов: «...сколько жизнерадостности в мило и просто написанной «Поповне» <...> Незатейливый, избитый сюжет, но сколько внесено в него наивной свежести, грубоватой простоты и деревенщины, так гармонирующей с сюжетом» (Образование. 1909. № 1. Отд. III. С. 69. Подпись: Мих. М—ов).

Посвящение: З Н. *Гиппиус* — см. примеч. 124.

198. *Пепел*. С. 196—197.

СС. С. 204—205. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты — строфа IV, ст. 1: «Голову в высь опрокинул»; строфа V, ст. 2: «Вихрь ледяной не осилит».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1907. Серебряный-Колодезь». Вариант — строфа V, ст. 2: как в *СС*.

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «Колос». Помета

под текстом: «07. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29* (кроме ст. 2 строфы V, совпадающего с текстом *Пепла*).

Пепел-29. С. 112—113. Переработанная редакция (№ 413).

Редакция *Пепел-29* (с вариантами) вошла в *ЗВ* (№ 576).

***199.** Журнал для всех. 1904. № 7. С. 387. Варианты строк.

Пепел. С. 198—199.

СС. С. 119. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Вариант — строфа V, ст. 3: «Чей румянец ярко вспыхнет».

СБ. С. 220. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». Помета под текстом: «1904 г. Июнь. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-25. В разделе «Деревня». Помета под текстом: «04. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 129—130. В разделе «В полях»; датировка: «04». Варианты — строфа V, ст. 1—3: «Кони станут. Ветер стихнет. / Кто там станет на крыльце? / Чей румянец ярко вспыхнет».

***200.** *Гриф-1905.* С. 16. В цикле «Тоска о воле», без посвящения. Вариант — строфа V, ст. 1: «Встало облако длинными башнями».

Пепел. С. 200—201.

СС. С. 114. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва».

Автограф — в письме к А. А. Блоку (май 1904 г.), в виде двух ст-ний: «Побег», без посвящения, в составе строф I—III, VI, варианты строк,— и «Беззаботный», без посвящения, в составе строф IV и V и двух строф, не вошедших в текст *Пепла* (*Белый-Блок.* С. 156—157).

Посвящение: А. С. *Петровский* — см. примеч. 79—81.

В авторских примечаниях к автографу, отправленному в письме к Блоку, подразумеваются: рифмовка «товарищ: пожарищ» в ст-нии Блока «Солнце сходит на запад. Молчанье...» (автограф — в письме Блока к Белому от 9 апреля 1904 г.; см: *Белый-Блок.* С. 145); рифма «розовые: березовые» в ст-нии Л. Д. Семенова «В Троицын день они гуляли...» (1903) (Семенов Леонид. Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 40); рифмовка из ст-ния Брюсова «Искушение» («Я иду. Спотыкаясь и падая ниц...», 1902) (Брюсов Валерий. Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 гг. М., 1903. С. 45).

201. Киевская Искра (приложение к газ. «Киевские Вести»). 1908. № 20, 15 мая; Заря Жизни (Екатеринбург). 1908. № 19. С. 1; Тифлисский Листок. 1908. № 114, 18 мая; Голос (Одесса). 1908. № 13, 16 июня. Варианты первоначальных публикаций — строфа II, ст. 3: «Я веслом отстраняю послушным»; строфа IV, ст. 1: «Пронизав, хрустали золотые».

Пепел. С. 202.

СС. С. 211. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Париж».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1907. Париж». Вариант — строфа III, ст. 2: «В пенном кружеве струйном уносят?»

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «На реке». Помета под текстом: «07. Париж». Без строф II, III, V, с перестановкой строк в строфе IV: 3, 4, 1, 2.

Факт почти единовременного появления ст-ния в различных периодических изданиях объясняется, по всей вероятности, тем, что оно было передано автором в организованное С. А. Соколовым (Кречетовым) Бюро провинциальной прессы, распространявшее литературный материал для опубликования в провинциальной печати.

202. Весы. 1906. № 8. С. 15—16. В цикле «Одинокие».

Пепел. С. 203. Опечатки — в строфе II, ст. 3 («Чтоб» вместо: «Чтобы»), в строфе IV, ст. 3 («Обрывутся» вместо: «Оборвутся»).

СС. С. 156—157. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты — строфа II, ст. 2: «Кто зовет — в безбрежность отойти»; строфа IV, ст. 1—2: «Что зарей вечернею, зеленою / Славословит, рвется из груди?»

СБ. С. 89. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1906 г. Август. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-21. В разделе «В полях». Текст совпадает с текстом *СС.*

Посвящение: С Вячеславом Ивановичем *Ивановым* (1866—1949) — крупнейшим поэтом и мыслителем, теоретиком символизма — Белый познакомился в Москве в апреле 1904 г. В их многолетних сложных взаимоотношениях были периоды идейно-эстетического противостояния (1907—1908) и сближения (в частности, в 1910—1912 гг. на «мусагетской» платформе). См.: Nivat Georges. Prospero et Ariel. Esquisse des rapports d'Andrej Belyj et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1984. Vol. 25. P. 19—34.

203. Тропинка. 1906. № 18, 15 сентября. С. 812—813. Под заглавием «Вечер в лесу», с посвящением С. М. Соловьеву. Вариант — ст. 10: «С видом задумчивым».

Пепел. С. 204.

СС. С. 158—159. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Дедово».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1906. Дедово».

204. *Пепел.* С. 205. Опечатки — в строфе I, ст. 3 («смелою» вместо: «спелою»), в строфе II, ст. 1 («облик» вместо: «облак»); исправлены Белым в его экземпляре книги (РНБ).

СС. С. 160—161. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты — строфа I, ст. 4: «Целует и гладит кипящее просо»; строфа II: последовательность строк: 3, 4, 1, 2; ст. 1: «Клок облака, тенью своей переметной».

СБ. С. 104. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1906 г. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1906. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия». Помета под текстом: «06. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 26—27. Переработанная редакция (№ 371).

***205**. *Гриф-1905.* С. 20—21. Без заглавия, как 1-я часть цикла «Идиллия» (весь цикл посвящен П. И. Астрову); варианты.

Пепел. С. 206—207.

СС. С. 117—118. В разделе «1904 год», без посвящения. Помета под текстом: «Ефремов».

Пепел-25. В разделе «Деревня», без посвящения. Помета под текстом: «04. Ефремов». Без строф III—V; варианты — строфа VI, ст. 1: «Ты — тяжелым утюгом»; ст. 3: «Тиховейным вечерком».

Посвящение: Павел Иванович *Астров* (1866—1919) — юрист, публицист; член Московского окружного суда. Расстрелян большевиками. В середине 1900-х гг.— учредитель домашних вечеров и лекций, в которых участвовали Белый, Эллис и другие члены кружка «аргонавтов».

См.: Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 130, Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 392—398.

206. Корабли. Сб. стихов и прозы. М., 1907. С. 107. Без деления на строфы.

Пепел. С. 208.

СС. С. 157—158. В разделе «1906 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 33. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях», без посвящения. Помета под текстом: «1906 г. Март. Москва».

Пепел-21. В разделе «В полях», без посвящения. Помета под текстом: «1906, Москва».

Пепел-25. В разделе «Деревня», без посвящения. Помета под текстом: «05. Москва».

Пепел-29. С. 125—126. В разделе «В полях», без посвящения; датировка: «05».

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 468).

Посвящение: Иоганнес (Ганс) фон *Гюнтер* (Guenther; 1886—1973) — немецкий поэт, переводчик с русского; во второй половине 1900-х гг. интенсивно общался с петербургскими и московскими литераторами символистского круга, автор мемуарной книги об этой поре (Guenther Johannes von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. Erinnerungen. München, 1969). См.: Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Статья, публикация, примечания и перевод К. М. Азадовского // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 330—361. Белый познакомился с Гюнтером в феврале 1906 г. в Петербурге у Вяч. Иванова, продолжил общение с ним в апреле 1906 г. в Москве.

***207**. Вопросы Жизни. 1905. № 3. С. 97. С посвящением Л. Д. Блок. Без строфы IV, варианты строк.

Пепел. С. 209. Опечатка в строфе V, ст. 1 («луч» вместо: «луг»).

СС. С. 145. В разделе «1905 год», под заглавием «Отдых». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 27. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях», под заглавием «Отдых». Помета под текстом: «1905 г. Февраль. Москва».

Пепел-21. В разделе «В полях», под заглавием «Отдых». Помета под текстом: «1905. Москва».

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 471).

***208**. *Гриф-1905*. С. 21—22. Без заглавия, как 2-я часть цикла «Идиллия», посвященного П. И. Астрову; строфа V — перед строфой IV, варианты строк.

Пепел. С. 210. Опечатка в строфе III, ст. 1 («Волосистый» вместо: «Колосистый»); исправлена Белым в его экземпляре книги (РНБ).

СС. С. 120. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты строк.

СБ. С. 24. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом. «1904 г. Август. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *СС* (кроме ст. 4 строфы II текста *Пепла*).

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 469).

***209**. Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 6. СПб., 1908. С. 153—154. В цикле «Голоса в полях», под заглавием «Обручальное кольцо (заклинание)»; вариант — строфа II, ст. 3: «Я зачарую, любя».

Пепел. С. 211—212.

СС. С. 210—211. В разделе «1907 год. В полях», под заглавием «Обручение». Помета под текстом: «Петровское». Варианты строк.

Пепел-21. В разделе «В полях», под заглавием «Обручение». Помета под текстом: «1907. Петровское». Текст совпадает с текстом *СС.*

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5. Под заглавием «Обручальное кольцо. Заклинание»; подпись: «Андрей Белый»; датировка: «1908» (над текстом).

***210.** *Пепел.* С. 213.

СС. С. 212. В разделе «1907 год. В полях», без заглавия («Листочками...»). Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Варианты строк.

СБ. С. 339—340. В разделе «Урна», в составе 8-й части поэмы «Мертвец» (ст. 1—19). Варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Город», в составе 7-й части поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ.*

211. *ЗР.* 1906. № 7/9. С. 104. Под заглавием «С. М. Соловьеву». Варианты — строфа V, ст. 4: «Просижу всю ночь»; строфа VI, ст. 1: «Пусть меня росой окропит».

Пепел. С. 214—215.

СС. С. 159—160. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Дедово».

Пепел-21. В разделе «В полях».

212. *Пепел.* С. 216.

СС. С. 207—208. В разделе «1907 год. В полях». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 340. В разделе «Урна», в составе 8-й части поэмы «Мертвец» (ст. 20—38); варианты — ст. 3 отсутствует; ст. 20: «Колыхается красное око».

Пепел-21. В разделе «Город», в составе 7-й части поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Мое бремя» в *ЗВ* (№ 565).

***213.** Весы. 1907. № 6. С. 13. В составе поэмы «Панихида» (8-я часть; см. № 676).

Пепел. С. 217—218.

СС. С. 190. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Вариант ст. 17: «Кропили».

СБ. С. 344. В разделе «Урна», как 11-я часть поэмы «Мертвец», с изменениями в делении на строки; варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Город», как 10-я часть поэмы «Мертвец». Текст совпадает с текстом *СБ.*

***214.** Перевал. 1907. № 12. С. 7. Под заглавием «Вознесение»; варианты строк.

Пепел. С. 219—220.

СС. С. 212—213. В разделе «1907 год. В полях», под заглавием «Демон». Помета под текстом: «Москва». Без строф III, V, VI; варианты — строфа I, ст. 2—3: «Тревожит память бледных дней». / В порфире бледной — бледный демон — ».

СБ. С. 111. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот», под заглавием «Демон». Помета под текстом: «1907 г. Июль. Москва». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-21. В разделе «Город», под заглавием «Демон». Помета под текстом: «1907. Москва». Текст совпадает с текстом *СС.*

*215. *Гриф-1905.* С. 17—18. В цикле «Тоска о воле», без посвящения; в составе строф I—IV, варианты строк.

Пепел. С. 223—224.

СС. С. 111—112. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 103. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1904 г. Июнь. Серебряный-Колодезь».

Пепел-25. В разделе «Деревня», без посвящения. Помета под текстом: «04. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 114—115. В разделе «В полях», без посвящения; датировка: «04». Без строфы II.

Автограф — в письме к А. А. Блоку (май 1904 г.), под заглавием «Покой безбрежный», без посвящения; варианты строк (*Белый-Блок.* С. 155—156).

О мотивах, отразившихся в ст-нии, Белый писал, вспоминая о весне 1904 г.: «...стихотворения мои этого периода полны лейт-мотива "*бегства*" от старых настроений; и — освобождения от душной пряности городской жизни <...> у меня — тяга в поля <...> Последние дни мои окрашены для меня освобождающим воздухом тульских полей» (*Материал к биографии.* Л. 46).

К. Ф. Тарановский рассматривает это ст-ние в тематическом соотнесении со ст-нием «Голоса» из книги Вяч. Иванова «Кормчие Звезды» (1903); см.: Тарановский К. Ф. Вдаль влекомые. Один случай поэтической полемики Блока и Белого с Вяч. Ивановым // Slavica Hierosolymitana. Vol. V/VI. Jerusalem, 1981. С. 289—296.

Посвящение: Михаил Иванович *Сизов* (1884—1956) — близкий друг Белого, в 1903—1907 гг. студент естественного отделения физико-математического факультета Московского университета; позднее — критик и переводчик (псевдонимы — М. Седлов, Мих. Горский и др.), сотрудник издательства «Мусагет»; входил в круг антропософов.

216. Перевал. 1906. № 2. С. 3. В составе строф I—V, VIII—X; варианты — строфа II, ст. 2: «Присвистнет — промчится за мной»; строфа V, ст. 2: «Запутались в длинный халат»; строфа VIII, ст. 3: «Темнеет. Обсыпан огнями»; строфа X, ст. 3: «Так холодно в небо уткнулся».

Пепел. С. 225—227.

СС. С. 154—155. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Малёвка». В составе строф I—X.

В *СБ* в разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», как 1-я и 9-я части поэмы «Бродяга» (С. 129—130, 136—137); 1-я часть соответствует строфам I—VII, 2-я часть — строфам XI, XII, XIV, XV; вариант — строфа XI, ст. 2: «И галки (вон там и вот здесь)».

Вошло в *ВС*, как 1-я часть цикла «Песни каторжника» (в составе строф IV—VII), в разделе «Пепел. Стихи о России»; варианты — строфа IV, ст. 1—2: «Я помню: поймали, погнали, — / Вдоль улиц погнали на суд».

Пепел-21, в разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 1-я и 9-я части поэмы «Бродяга». Текст совпадает с текстом *СБ.* В разделе «Город» на ненумерованной странице написано название ст-ния «Бегство» с пометой: «Автор просит зачеркнуть последние 6 строф», но сам текст отсутствует.

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия». Разделено на два ст-ния. 1-е — под заглавием «Бегство»; помета под текстом: «06. Ефремов (ис-

правлено в 25 году)». Текст совпадает с текстом «Бегства» в *Пепел-29.* 2-е — без заглавия; датировка: «08». Текст совпадает с текстом ст-ния «Страна моя» в *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 20—22, переработанная редакция («Бегство»; см. № 368); С. 25, строфы XI, XII, XIV, XV, с вариантами («Страна моя»; см. № 370).

Так сиверко в уши поет.— Сиверко (сев.-восточн. диалектн.) — резкий холодный ветер, северный и северо-восточный, зимний; сырая, пронзительная погода (Вл. Даль). «*Зачем ты, безумная, губишь*» — 1-я строка и рефрен романса «Безумная» (см.: Новейший полный песенник, содержащий в себе: песни, романсы и стихотворения. Изд. 5-е. СПб., 1906. С. 380—381). *Малёвка* — станция в Тульской губернии близ Ефремова.

217. Русский Артист. 1907. № 9, 2 декабря. С. 129. С подзаголовком: «Из цикла «Тоска по воле»»; варианты — строфа VII, ст. 1: «В ветре с тревогой»; строфа VIII, ст. 1: «В балке пологой».

Пепел. С. 228—229.

СС. С. 167. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Москва».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1906. Москва».

***218**. Корабли. Сб. стихов и прозы. М., 1907. С. 108. Без деления на строфы; варианты. Вечерняя Заря. 1907. № 212, 7 мая. С. 3. Текст совпадает с текстом из сб. «Корабли».

Пепел. С. 230.

СС. С. 183—184. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 338. В разделе «Урна», как 6-я часть поэмы «Мертвец». Помета под текстом: «1906 г. Июль. Серебряный-Колодезь».

Пепел-21. В разделе «Город». Помета под текстом: «1906. Серебряный-Колодезь».

Пепел-25. В разделе «Деревня», без заглавия. Помета под текстом: «06. Серебряный-Колодезь». Текст совпадает с текстом *Пепел-29*; вариант — строфа VI: «Задымил / Кадилом в нос. / Толстый кучер / Гроб повез».

Пепел-29. С. 175—176. Переработанная редакция (№ 439).

Борис Группильон (Б. М. Попов) в рецензии на сборник «Корабли» писал: «Андрей Белый бросил «Хулиганскую песенку», и она поистине страшна. Куда пойдет *этот* теперь? Это вопрос не только поэтической эволюции, это — жуткий разрыв самой глубины душевной. Ценная паутинка безумия, которую принес нам вздох холодного ветра. Она еще одна. Еще светит солнце и еще день. Но если это безумие затянет нас?...» (В мире искусств. 1907. № 6, 15 апреля. С. 31).

219. Весы. 1906. № 8. С. 13—14. В цикле «Одинокие»; последовательность строф: I, II, IV, V, III; варианты — строфа I, ст. 1—2: «Устали дрожащие ноги. / В пространстве дорога бежит»; ст. 4: «Пыля, таратайка гремит»; строфа III, ст. 2: «На пышный, оранжевый клен».

Пепел. С. 231.

СС. С. 155—156. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Дедово».

СБ. С. 135—136. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия», как 8-я часть поэмы «Бродяга». Вариант — строфа III, ст. 4: «Чета ошалевших ворон».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», как 8-я часть поэмы «Бродяга». Текст совпадает с текстом *СБ.* На ненумерованной странице в разделе «Город» — заглавие ст-ния и помета: «(Пеп. 231)»; текст отсутствует.

Пепел-25. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, в цикле «Бродяга». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 30. Вошло (с вариантами) в 3-ю часть ст-ния «Бродяга» (№ 372).

220. *Пепел.* С. 232—233.

СС. С. 166. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Мюнхен».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1906. Мюнхен».

***221.** Весы. 1906. № 8. С. 7—8. В цикле «Одинокие». Без заключительной строки-строфы; варианты строк.

Пепел. С. 234—235.

СС. С. 161—162. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Москва». Вариант — строфа V, ст. 4: «Помертвевшую руку твою».

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия», без заглавия, как 1-я часть ст-ния «Побег». Помета под текстом: «1906. Москва».

222. *Пепел.* С. 236.

СС. С. 162. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Мюнхен».

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «1906. Мюнхен».

В оглавлении к *Пеплу* помечено астериском, означающим, что ст-ние печатается в измененном по отношению к первой публикации виде. Публикацию, предшествующую *Пеплу,* выявить не удалось; вполне вероятно также, что помета в оглавлении обозначена ошибочно.

223. *Пепел.* С. 237—240.

Пепел-21. В разделе «В полях». Помета под текстом: «Москва».

В оглавлении к *Пеплу* помечено астериском, означающим, что ст-ние печатается в измененном по отношению к первой публикации виде. Публикацию, предшествующую *Пеплу,* выявить не удалось; вполне вероятно также, что помета в оглавлении обозначена ошибочно.

***224.** Весы. 1906. № 8. С. 1—3. В цикле «Одинокие», под заглавием «Заключение», без посвящения. Первоначальная редакция текста.

Пепел. С. 241—244.

СС. С. 150—152. В разделе «1905 год», без посвящения. Помета под текстом: «Москва». Варианты строк.

СБ. С. 101. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот»; без заглавия («Пусть к углу сырой палаты...») и посвящения. Помета под текстом: «1907 г. Ноябрь. Москва». В форме трех четверостиший, составленных из ст. 5—12, 23—24, 21—22 2-й части текста *Пепла;* варианты строк.

Вошло в *ВС,* как 23-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России». Текст соотносится с текстом *СБ,* без деления на строфы.

Пепел-21. В разделе «Город», без посвящения. Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-25. В разделе «Город», под заглавием «В тюрьме», без посвящения. Помета под текстом: «07. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 105. Переработанная редакция 2-й части вошла в ст-ние «В тюрьме» (№ 409).

Посвящение: Л. Л. *Кобылинский* — см. примеч. 41.

УРНА

Впервые: Андрей Белый. Урна. Стихотворения. М.: Гриф, 1909. Книга вышла в свет в конце марта 1909 г. Печатается по тексту этого издания.

Книга включает 64 стихотворения, написанных в основном в 1907—1908 гг.; 3 стихотворения датированы 1904 г., 4 — 1909 г. 31 стихотворение было опубликовано в составе «Урны» впервые. В числе публикаций, предшествовавших формированию книги,— стихотворные циклы «Эпитафия» (Золотое Руно. 1907. № 3), «Меланхолия» (Золотое Руно. 1908. № 3/4), «Стансы» (Весы. 1908. № 5), «Усталость» (альманах «Корона». I. М., 1908).

В информационных сообщениях готовящаяся к печати новая книга стихов Андрея Белого упоминалась под заглавиями «Стансы» (Новая Русь. 1908. № 119, 12 декабря) и «Эпитафии» (Слово. 1909. № 721, 27 февраля. С. 5). В перечне книг Андрея Белого, помещенном в издании «Пепла» (СПб., 1909. С. IV), указывалось: «Эпитафии. Третья книга стихов. (Выйдет в феврале)».

В критических отзывах об «Урне» особое внимание было обращено на формальные черты книги, и прежде всего на форсированную эвфоническую структуру многих стихотворений и на последовательное стремление автора к архаизации поэтического стиля; в большинстве откликов эти характерные особенности «Урны» оценивались неодобрительно. Так, А. А. Измайлов в статье «Пленная мысль», приведя множество стихотворных строк из книги, пришел к выводу о том, что «любовь к созвучным словам» тащит Белого, «как безвольного, вправо и влево, отвлекая от мысли, навязывая ему неловкие сравнения, неуклюжие стихи для уравнения, "для подверстки"»: «...заклание ясности и смысла — слишком большая жертва для того, чтобы в итоге получить <...> эту внутреннюю рифмовку <...> все это пощелкиванье звучными словами, уничтожающее разницу между стихотворцем и тетеревом на току. Для меня нет красоты и музыки там, где я вижу расчет, усилие и пот, струями текущий со стихотворца» (Новое Слово. 1909. № 6. С. 114—116). Н. Я. Абрамович писал, что «Урна» ошеломляет читателя «одной неожиданностью: в ней копируются приемы державинского и ломоносовского стиха. <...> Новую книгу Белого можно перелистать как сборник "курьезов и раритетов"» (Всемирная Панорама. 1909. № 15, 31 июля. С. 11). В. Ф. Боцяновский расценил формальные новации Белого и его тяготение к «стилю державино-ломоносовскому» как опыты искусственные и безжизненные: «Повторения одних и тех же слов, слов новых и старых, извлеченных из архива, из сборников времен очаковских и покоренья Крыма, наряду со словами, изобретенными самим поэтом, какие-то не только нелепые, а совершенно непонятные образы, непонятные переживания — производят прямо удручающее впечатление. Удручающее особенно потому, что в них не видно жизни, не видно живого человека» (Новая Русь. 1909. № 165, 19 июня. С. 2). Другой (анонимный) критик, скептически отозвавшись о содержании книги в целом («Нечто напряженно-преувеличенное, искусственно подогретое, чувствуется <...> в пристрастии автора к масонской символике, в разных "ментальных планах" и "лю-

циферианстве" <...> неглубоко и "разочарование" автора в жизни, не страшны и обуревающие его "люциферические искусы"»), также отмечал: «Единственное, что есть в книге местами,— музыкальная игра созвучий, хотя и тут автор сплошь и к ряду хватает через край и в погоне за лишним перезвоном нарушает цельность эстетического впечатления» (Новости журнальной и книжной литературы // Слово. 1909. № 760, 9 апреля. С. 5). Н. Сербов, в своей рецензии признавший «Урну» «безусловно хорошей книгой», содержащей «очень милые, своей простотой и задушевностью милые стихотворения», также указывал, как на ее недостатки, на «злоупотребления славянизмами», «повторения одного образа», «досадную вычурность коротких строк» и т. д. (Столичная Молва. 1909. № 55, 27 апреля. С. 4. Подпись: С—ов). Архаизаторские устремления автора отметил в рецензии на «Урну» и Сергей Соловьев, усмотрев в них, однако, проявление органической природы дарования Белого: «...несомненно, с самого начала в поэзии Андрея Белого были черты сходства с Ломоносовым. У обоих поэтическое и естественно-научное восприятие мира сливаются в нечто неразрывное <...> к тому же естественно-научному восприятию природы присоединяется стиль допушкинской поэзии, с его славянизмами, с его метрическими особенностями» (Весы. 1909. № 5. С. 79).

Диапазон эстетических оценок «Урны» был предельно широким — от полного и безусловного отрицания: «Новый сборник поэта — <...> все то же кривлянье, которое способно даже раздражать своим постоянством» (Станкевич А. Отзвуки. XXXVIII. «Мглистые лики» // Южный Край. 1909. № 9658, 11 апреля. С. 4); «Андрей Белый не рожден поэтом и никогда им не будет», «бессилие поэтического творчества», «нелепые образы», «наивная сочиненность» (Гранитов <Туркин Н. В.>. Пестрые заметки // Голос Москвы. 1909. № 272, 27 ноября. С. 3),— до признания, как в рецензии В. Л. Львова-Рогачевского, отдельных художественных свершений («Способность подслушать тайну природы, ее шепот, передать интимную обстановку тихих уголков — драгоценная черта А. Белого») и общественной значимости предлагаемой Белым картины мировидения: «В раму холода и мрака заключает он свои образы. Эти символы отвечают вполне теперешней растерянности, полосе разочарований, разуверений: в них нет ясности и они зачастую глядят "взором неживым"» (Современный Мир. 1909. № 7. Отд. II. С. 187. Подпись: В. Львов),— вплоть до приятия, хотя и с критическими оговорками, книги как наиболее адекватного воплощения яркой творческой индивидуальности. Такую попытку осмысления «Урны» дал в своей рецензии (Русская Мысль. 1909. № 6) В. Брюсов, который, укорив автора за языковые погрешности, за обилие «выражений условных, риторических восклицаний и натянутых метафор», за «ток темнот», нередко проявляющийся в книге, дал ей высокую в целом общую оценку: «...чтобы рассказать нам трагедию своего "самосожжения", А. Белый должен был найти соответствующие ритмы и соответствующий стиль речи. Стихи "Урны" показывают, что А. Белый сознал эту задачу, потому что все они написаны в форме крайне характерной, резко отличающейся и от его юношеских стихотворений, и от стихотворений, соединенных в сборнике "Пепел". Правда, местами на стихах "Урны" чувствуется влияние Пушкина, Баратынского, Тютчева и других наших классиков <...>, но это влияние, так сказать, растворено в самобытных приемах творчества. В "Урне" А. Белый выступает как

новатор стиха и поэтического стиля и вводит в русскую поэзию метод письма, которым до него еще никто не пользовался. Стихи "Урны" гипнотизируют читателя, заставляют его, против воли, войти в настроение поэта. То впечатление, какое они производят, ближе напоминает впечатление от музыки, чем от поэтического произведения. Анализируя этот стиль, мы находим, что он основан на трех особенностях: на отрывочности речи, на постоянных повторениях одних и тех же слов и на широком употреблении ассонансов. <...> Не будем обвинять эту технику стиха в искусственности. Вряд ли возможно установить точно, где кончается *искусство* и начинается *искусственность*» (Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 298—301). Н. С. Гумилев в рецензии, опубликованной 4 мая 1909 г. в газете «Речь», указав на формальные недочеты «Урны», на неспособность автора «написать правильное стихотворение, с четкими и выпуклыми образами и без шумихи ненужных слов», тем не менее подметил «особую чару Андрея Белого»: «...у его творчества есть мотивы, и эти мотивы воистину глубоки и необычны. У него есть враги — время и пространство, есть друзья — вечность, конечная цель. Он конкретизирует эти отвлеченные понятия, противопоставляет им свое личное "я", они для него реальные существа его мира. Соединяя слишком воздушные краски старых поэтов со слишком тяжелыми и резкими современных, он достигает удивительных эффектов, доказывающих, что мир его мечты действительно великолепен» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 81—82).

Посвящение. — См. примеч. 19—24.

Эпиграф — из ст-ния Е. А. Баратынского «Разуверение» («Не искушай меня без нужды...», 1821), положенного на музыку М. И. Глинкой (1825).

Вместо предисловия. *...Хирама, строителя Соломонова храма.*— См.: 3 Цар. VII, 13—45; 2 Пар. II, 13 — IV, 16. Этому образу придается большое значение в Каббале, позднейших оккультических учениях и масонстве. *Розенкрейцеры* — члены тайных мистических обществ, действовавших в Европе главным образом в XVII—XVIII вв.; название — по имени их легендарного основателя Христиана Розенкрейца или по эмблеме — розе и кресту. Интерес Белого к розенкрейцерству был во многом стимулирован благодаря общению с А. Р. Минцловой в конце 1908—1909 г. (см.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 68—77). «*Голос Безмолвия*».— Заглавие Отрывка I из «Книги Золотых Правил», одного из основных изложений теософского учения Е. П. Блаватской. См.: Голос Безмолвия. Семь Врат. Два пути: Из сокровенных индусских писаний. Обнародовано Еленой Петровной Блаватской / Пер. с англ. Е. Писаревой (Е. П.). Калуга, 1912.

В. БРЮСОВУ

***225—228**. Весы. 1906. № 8. С. 4—6. Как одно ст-ние в цикле «Одинокие», под заглавием «Одинокий», с посвящением Валерию Брюсову. Первоначальная редакция текста. Отдельные строфы с вариантами вошли в 1—3 части цикла *Урны* (см. примеч. к отдельным частям цикла).

Урна. С. 15—22.

Автограф 1 (первоначальная редакция) — в письме к А. А. Блоку (около 28 марта 1904 г.), с подзаголовком «Учителю и врагу», с делением на три части: 1-я соответствует строфам I—V 2-й части текста «Весов», 2-я — строфам IV—VII 1-й части, 3-я — строфам I—III 1-й части, с дополнительной строфой; варианты строк (*Белый-Блок.* С. 133—134).

Автограф 2 (первоначальная редакция) — отправлен В. Я. Брюсову 14 декабря 1904 г. (РГБ. Ф. 386.79.1), с подзаголовком: «Учителю[1] от «кандидата в желтый дом»», с делением на три части: 1-я соответствует строфам I—III 1-й части текста «Весов» и дополнительной строфе автографа 1 (1-я часть, после III; вариант ст. 4: «И пред тобой падем в восторге»); 2-я — строфам IV—VII 1-й части текста «Весов»; 3-я — строфам I—V 2-й части того же текста; варианты — строфа IV, ст. 1: «О маг, отдайся своеволью...»; строфа V, ст. 4: *«Не пригвождай себя к кресту...».* Подпись под текстом: «Андрей Белый»; на обороте листа: *«В знак любви, уважения и доброжелательства».*

В образе *одинокого* отражены впечатления Белого от личности В. Я. Брюсова. Ср. характеристику Брюсова в статье Белого «Поэт мрамора и бронзы» (1907): «Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса» (Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 451).

*1. Весы. 1906. № 8. С. 4—6. Строфы I—III 1-й части ст-ния «Одинокий» (первоначальная редакция; соответствуют строфам I—III текста *Урны*).

СС. С. 107—108. В разделе «1904 год», под заглавием «Одинокому». Помета под текстом: «Москва. 1904—1908». Варианты строк.

СБ. С. 54. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах», под названием «Одинокому». Помета под текстом: «1904 г. Москва». Текст совпадает с текстом *СС.*

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 7-м ст-нием сюиты «Брюсов» в *ЗВ* (№ 551—557 (7)).

2. Весы. 1906. № 8. С. 4—6. Строфы IV, VII, V, VI 1-й части ст-ния «Одинокий» (соответствуют строфам I—VI, IX, X текста *Урны*).

СС. С. 128—129. В разделе «1904 год», под заглавием «В. Я. Брюсову». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 199—201. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», под заглавием «В. Я. Брюсову». Помета под текстом: «1904 г. Март. Москва».

Соотносится с 2-м ст-нием сюиты «Брюсов» в *ЗВ* (№ 551—557 (2)).

3. Весы. 1906. № 8. С. 4—6. Строфы IV, I, VI, V, III, II 2-й части ст-ния «Одинокий» (соответствуют строфам I—V текста *Урны*).

СС. С. 132—133. В разделе «1904 год». Помета под текстом: «Москва. 1904—08».

СБ. С. 277—278. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения», под заглавием «Брюсову». Помета под текстом: «1904 г. Март. Москва».

Соотносится с 3-м ст-нием сюиты «Брюсов» в *ЗВ* (№ 551—557 (3)).

О «магизме» В. Я. Брюсова см. примеч. 66. Ср.: «Брюсов — маг. Бездны мира издавна зияли в его образах. <...> Но магизм — борьба косности земной с крылатым полетом. С большей ясностью на *вершинах земных* видит поэт *глубины небесные*» (Белый Андрей. Венец лавровый // *ЗР.* 1906. № 5. С. 50).

---

[1] *Далее зачеркнуто:* и... быть может... другу? (*слово* другу *вымарано*).

4. *СС.* С. 286—288. В разделе «1909 год», под заглавием «Ответ на посвящение (В. Брюсову)», с эпиграфом: «Дарю тебе мой жезл змеиный. / Беру твой посох костяной. / В. Брюсов»[1]. С делением на две части: 1-я — строфы I—IX текста Урны, 2-я — строфы X—XV. Помета под текстом: «Бобровка. Январь».

Соотносится с 6-м ст-нием сюиты «Брюсов» в *ЗВ* (№ 551—557 (6)).

Автограф — в недатированном письме к В. Я. Брюсову (РГБ. Ф. 386. 79. 3), под заглавием «Валерию Брюсову», с пометой «Бобровка» и подписью: «Андрей Белый. 09».

Ответ на ст-ние Брюсова «Андрею Белому» («Нас не призвал посланник Божий...»), впервые опубликованное в его книге «Все напевы» («Пути и перепутья. Собрание стихотворений. Т. 3. Все напевы (1906—1909)». М., 1909), вышедшей в свет в начале марта 1909 г. См.: Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 540—541, 652—653 (примечания М. В. Васильева и Р. Л. Щербакова). В воспоминаниях, рассказывая о Брюсове, Белый отмечает: «В девятьсот лишь девятом году неожиданно он мне напомнил ненужное прошлое наше в стихах, посвященных мне, где он описывал, как он свой жезл поднимал на меня, чтоб убить, и как выпал тот жезл из руки». Процитировав свое ответное послание, Белый добавляет: «Но стихи вышли, как расставание в сфере культурной работы, которая — оборвалась; примирением внутренним, но расхождением внешним открылся период тот» (Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 515—516).

И от него хрустальным фирном... — Фирн (*нем.* Firn) — вечный снег (в горах). *Братоубийственную руку / Я радостно к груди прижал...* — Отклик на строки из названного ст-ния Брюсова: «Братоубийственную руку / Я на поэта подымал...». *Бобровка* — имение А. А. Рачинской в Тверской губернии (за Ржевом, ст. Оленино Виндавской ж. д.). Белый жил там в конце февраля — первой половине марта 1909 г.

ЗИМА

***229**. В мире искусств. 1907. № 11/12. С. 5. Без посвящения, в составе строф I—III, VI—VIII, X; варианты строк.

Урна. С. 25—26. Опечатка в ст. 1 («сильней» вместо: «синей»).

СС. С. 213—215. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское».

В *СБ* разделено на два ст-ния, оба в разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». 1-е (С. 221—222) — под заглавием «Зима», без посвящения; помета под текстом: «1907 г. Май. Петровское»; в составе строф I—VII. 2-е (С. 219) — под заглавием «Деревня», без посвящения; помета под текстом: «1907 г. Май. Петровское»; в составе строф VIII—X.

Пепел-21. Ст-ния «Зима» и «Деревня» в разделе «Ямбы», без посвящения; датировка: «1907». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Пепел-25. В разделе «Деревня», без посвящения. Помета под текстом: «07. Петровское». Текст совпадает с текстом *СБ* (ст-ние «Зима»).

Пепел-29. С. 131—132. В разделе «В полях», без посвящения, датировка: «07». Текст совпадает с текстом *СБ* (ст-ние «Зима»).

Посвящение: *М. А. Волошину.* О взаимоотношениях Белого с поэтом, критиком, художником Максимилианом Александровичем Волошиным (1877—1932) см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Максими-

---

[1] Неточная цитата из стихотворения «Андрею Белому» («Нас не призвал посланник Божий...»).

лиан Волошин и Андрей Белый // Волошинские чтения. Сб. научных трудов. М., 1981. С. 80—91; Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 117—130.

***230—231**. Весы. 1908. № 5. С. 7—8. В цикле «Стансы», без деления на две части; в составе девяти строф, в соответствии с текстом *Урны*: I — I (1-я часть), II — III (1-я часть), III — I (2-я часть), IV — V (1-я часть), V — VI (1-я часть), VI — IX (1-я часть), VII — II (2-я часть), VIII — III (2-я часть), IX — IV (2-я часть); варианты строк.

Урна. С. 27—28.

СС. С. 215—217. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «1907—1908. Москва».

В *СБ* разделено на три ст-ния, все — в разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». 1-е (С. 230) — под заглавием «Ссора»; помета под текстом: «1907 г. Декабрь. Москва»; в составе строф I—VI 1-й части, варианты строк. 2-е (С. 234) — под заглавием «Отчаянье»; помета под текстом: «1907 г. Ноябрь. Москва»; в составе строф VII, VIII, X 1-й части, строфы II 2-й части и двух новых заключительных строф, варианты строк. 3-е (С. 225—226) — под заглавием «Страсть»; помета под текстом: «1908 г. Январь. Москва»; в составе строф I—V 2-й части, с изменениями в делении текста на строки, варианты строк.

Пепел-21. Ст-ния «Ссора» и «Отчаянье» в разделе «Ямбы», оба датированы: «1907». Тексты совпадают с текстами одноименных ст-ний в *СБ*.

Это и большинство последующих ст-ний книги, затрагивающих тему любви — «встречи роковой», в биографическом плане отражает обстоятельства взаимоотношений Белого и Л. Д. Блок, жены Александра Блока; мучительные переживания Белого, вызванные его неразделенным чувством к Л. Д. Блок, приходятся в основном на 1906—1907 гг.

Дороже мне — Тибулл, Проперций... (СБ) — Римские поэты Альбий Тибулл (ок. 50—19 до н. э.) и Секст Проперций (ок. 50 — ок. 15 до н. э.), авторы любовных элегий. *Подобно мудрому Сенеке... (СБ)* — Луций Анней Сенека (ок. 4 до н. э.— 65 н. э.), виднейший представитель римского стоицизма; философ, моралист, драматург.

***232**. Весы. 1908. № 5. С. 9—10. В цикле «Стансы». Без строфы V, варианты строк.

Урна. С. 29—30.

СС. С. 277—278. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Москва».

В *СБ* разделено на два ст-ния, оба — в разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». 1-е (С. 223—224) — под заглавием «Серебряная дева»; помета под текстом: «1908 г. Февраль. Москва»; переработанная редакция текста строф I—III, V. 2-е (С. 227—228) — под заглавием «Снежная дева»; помета под текстом: «1908 г. Февраль. Москва»; в составе строф IV, VI—IX, с изменениями в делении текста на строки, варианты строк.

233. Русская Мысль. 1909. № 1. Отд. I. С. 87. Под заглавием «Сумерки»; без ст. 11—15, варианты — ст. 2: «Уж синяя синеет тень»; ст. 8—9: «В твоем покое чую я. / Смеешься ты: твое отображенье».

Урна. С. 31.

СС. С. 250—251. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 248—249. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». Помета под текстом: «1908 г. Март. Москва». С изменениями в делении текста на строки; варианты — ст. 2: «И — синяя на снеге

тень»; вместо ст. 5: «И — пепелеет серый свет / Над далью дней печалью лет».

234. *Урна.* С. 32.

СС. С. 249—250. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Петербург».

СБ. С. 187. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1908 г. Сентябрь. Петербург». Без разделительной черты между строфами V и VI.

Под звуки гайдновских мелодий... — Франц Йозеф Гайдн (1732—1809), австрийский композитор, один из основоположников венской классической школы.

***235.** *Урна.* С. 33—34.

СС. С. 217—218. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Париж».

СБ. С. 232. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева»; под заглавием «Пусть», без строф I—III. Помета под текстом: «1907 г. Февраль. Париж».

Пепел-21. В разделе «Ямбы», под заглавием «Пусть», без строф I—III. Датировка: «1907».

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4. Датировка: «1907». Другой текст строф IV—VIII; после строфы VIII — повтор строфы II.

Вот маршалы — Даву и Ней; / Вот Александр... Вот — Грибоедов...(автограф) — Участники революционных и наполеоновских войн Луи Никола Даву (1770—1823), маршал Франции (1804), герцог Ауэрштедтский (1808), князь Эксмюльский (1809) и Мишель Ней (1769—1815), маршал Франции (1804), герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1812). *Александр,* в сочетании с ними и с Александром Сергеевичем Грибоедовым (1790 или 1795—1829), безусловно, Александр I (1777—1825), российский император с 1801 г.

***236.** *ЗР.* 1907. № 3. С. 38. В цикле «Эпитафия», без заглавия; без строф IV, VIII, варианты строк.

Урна. С. 35—36.

СС. С. 219—220. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Париж».

СБ. С. 236—238. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». Помета под текстом: «1907 г. Январь. Париж». Между строфами V и VI — четыре новых строфы; варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Ямбы»; датировка: «1907». Текст совпадает с текстом *СБ.*

В ст-нии непосредственно отразились переживания, вызванные обострением отношений с Л. Д. Блок и А. Блоком. Приводя 8-ю строфу («Покоя не найдут они» и т. д.), Белый поясняет: «*"Они"* — Блоки» (*Материал к биографии.* Л. 54 об.).

237. *Урна.* С. 37.

СБ. С. 241—242. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». Помета под текстом: «1908 г. Февраль. Москва». Без строфы III, с изменениями в делении текста на строки.

Автограф — РГБ. Ф. 25. 35. 57. Помета под текстом: «08. Петербург». Вариант — строфа III, ст. 2: «Бреду, судьба моя, сквозь строй твоих годин».

***238.** *ЗР.* 1907. № 3. С. 39. В цикле «Эпитафия», без заглавия и посвящения; варианты строк.

Урна. С. 38.

В *СБ* разделено на два ст-ния, оба — в разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». 1-е (С. 229) — под заглавием «Ночь», с посвящением Сергею Кречетову; помета под текстом: «1907 г. Январь. Париж»; в составе строф I—III и двух заключительных строф, варианты строк. 2-е (С. 233) — под заглавием «Поле», без посвящения; помета под текстом: «1907 г. Январь. Париж»; в составе строф IV—VI, варианты строк.

Пепел-21. В разделе «Ямбы», два ст-ния — «Ночь» и «Поле». Тексты обоих совпадают с текстами *СБ.*

Посвящение: *Сергею Кречетову.* См. примеч. 84.

В лучах Весов и Скорпиона. (СБ) — Обозначения зодиакальных знаков подразумевают здесь тождество с названиями московского модернистского издательства «Скорпион» и издававшегося «Скорпионом» ежемесячного журнала «Весы» (1904—1909) — культурных объединений, в деятельности которых Белый принимал ближайшее участие.

239. Весы. 1908. № 5. С. 15. В цикле «Стансы»; варианты — строфа I, ст. 1: «Там ветр дохнет с полей, поет»; строфа VII, ст. 1: «Мне жить? А ты? Мне быть? Зачем?».

Урна. С. 39.

СС. С. 221—222. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петербург».

СБ. С. 279. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Октябрь. Петербург».

Пепел-21. В разделе «Тристии»; датировка: «1907».

240. Весы. 1908. № 5. С. 18. В цикле «Стансы». В составе строф I—VII, без деления на строфы; вариант — ст. 24 (строфа VI, ст. 4): «И вот, и вот меня — ».

Урна. С. 40—41.

В *СС* разделено на два ст-ния. 1-е (С. 244) — под заглавием «Жизнь», как вступление к тому 3, перед разделом «1908 год. Москва и подмосковное»; помета под текстом: «1908. Петербург»; в составе строф VIII, IX. 2-е (С. 268—269) — под заглавием «Смерть», в разделе «1908 год. Раздумья»; помета под текстом: «Петербург»; в составе строф I—VII.

СБ. С. 250. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева», под заглавием «Жизнь». Помета под текстом: «1907 г. Ноябрь. Петербург». В составе строф VII—IX.

Черновой автограф — РГБ. Ф. 25.5.12.

В статье «Пленная мысль» А. А. Измайлов процитировал ст-ние полностью как пример построения текста «на подборе однородных звуков, на аллитерациях и внутренней рифмовке»: «Здесь черновая работа стихотворца почти видна, как в стеклянном колпаке, ясны все его жертвы, принесенные музыке, видно, как ради рифмы и аллитерации он отвлекался в сторону от прямой дороги своей мысли» (Новое Слово. 1909. № 6. С. 114).

РАЗУВЕРЕНЬЯ

241. Весы. 1908. № 5. С. 12. В цикле «Стансы», под заглавием «О если бы!...»; другое деление текста на строки, варианты — вместо ст. 23—27: «Там — ночь, там — смерть: ты — там, за гранью роковою. / Я ночь тобой, я смерть благословлю тобой: засни — »; ст. 37 отсутствует.

Урна. С. 45—46.

СС. С. 223—224. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петербург».

СБ. С. 288—289. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г.[1] Сентябрь. Петербург». С изменениями в строфическом делении и членении на строки.

Вошло в *ВС*, в раздел «Урна. Тристии»; датировка: «1907». С изменениями в строфическом делении и членении на строки; варианты — вместо 29—34: «О, если б мглистый лес вскипел моей печалью, / О, если б мглистый лес вскипел моей мольбой:»; ст. 37 отсутствует.

Пепел-21. Разделено на два ст-ния, оба в разделе «Тристии». 1-е — без заглавия («Там — смерть, там — ночь: ты — там за гранью...»), соответствует ст. 23—41; помета под текстом: «1907. Петроград». 2-е — под заглавием «Ночь», соответствует ст. 1—22. Текст обоих ст-ний совпадает с текстом *СБ.*

242. Весы. 1908. № 5. С. 13. В цикле «Стансы»; без ремарок, с делением всего текста на пять четверостиший (в каждой строке — две строки текста *Урны*); варианты строк — строфа VI, ст. 3—4: «Теперь склонись, люби — целуй: скажи: "Умри"»; строфа IX, ст. 1—4: «Тогда дневных лучей слепящий ток, червленый, / Клоня кленовый шум, по купам прокипел».

Урна. С. 47—48.

СС. С. 226—227. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петербург».

СБ. С. 280—281. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г.[2] Сентябрь. Петербург». Вариант — строфа IV, ст. 1: «Тогда душа твоя».

Пепел-21. В разделе «Тристии». Помета под текстом: «1907. Петроград». Текст совпадает с текстом *СБ.*

***243**. *ЗР.* 1908. № 3/4. С. 45—46. В цикле «Меланхолия», под заглавием «Июнь. Сентиментальный романс», без посвящения; в форме семи четверостиший, совпадающих со строфами I—IV, VI, VII, IX текста *Урны*, и заключительным двустишием, совпадающим с тремя заключительными строками текста *Урны*; варианты строк.

Урна. С. 49—51.

СС. С. 256—258. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 192—194. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», под заглавием «Сентиментальный романс». Помета под текстом: «1908 г. Апрель. Москва». Каждая строфа текста *Урны* разделена на два четверостишия, последние три строки текста *Урны* — на пять строк. Варианты — строфа II, ст. 1: «И — гасит звезды»; ст. 3: «И — дышит в зале».

В рецензии на «Урну» В. Л. Львов-Рогачевский отметил это ст-ние как «прекрасное, хотя несколько растянутое»: «...вы все время слышите музыку, подготовляющую к моменту разрыва с любимым существом» (Современный Мир. 1909. № 7. Отд. II. С. 187. Подпись: В. Львов). А. А. Измайлов (в статье «Пленная мысль») упомянул его как одну из «прекрасных вещей» в «Урне», в которой Белый «подходит к самой грани подлинного, трезвого и логичного искусства» (Новое Слово. 1909. № 6. С. 116).

---

[1] В издании — явная опечатка (или авторская описка): «1908 г.».

[2] В издании — явная опечатка (или авторская описка): «1908 г.».

Посвящение: *В. Ф. Ходасевичу* — см. примеч. 164. В ст-нии обыгрываются отдельные мотивы раннего творчества Ходасевича, характерные для его первой книги стихов «Молодость» (М., 1908). См.: Лавров А. В. «Сантиментальные стихи» Владислава Ходасевича и Андрея Белого // «Новые безделки». Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 459—469.

Зажжем кенкэтов... — См. примеч. 164.

244. Корона. I. М., 1908. С. 38. В цикле «Усталость», под заглавием «Элегия», без посвящения; варианты — строфа III, ст. 1: «Преходит тенью мир. Как просто все вокруг»; строфа IV, ст. 1: «Пролейся, лейся мгла! Мятись, суровый бор!».

Урна. С. 52.

СС. С. 227—228. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское».

СБ. С. 259. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения», без посвящения. Помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». С делением текста на два восьмистишия; вариант — строфа I, ст. 4: «Волной рассыпчивой летящей к высям Гайден».

Пепел-21. В разделе «Тристии», без посвящения; датировка: «1907». Текст совпадает с текстом *СБ* (с делением на четверостишия).

Посвящение: *Сергею Соловьеву* — см. примеч. 55—59. Ст-ние написано во время совместного проживания Белого и Соловьева в мае—июне 1907 г. на даче в Петровском. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый отмечает, что посвятил это ст-ние Соловьеву «в знак общего нам настроения» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 280).

...загремел гульливою волной... — Образ из «Сказки о царе Салтане...» (1831) А. С. Пушкина: «Ты, волна моя, волна! Ты гульлива и вольна». *Гайден* — Й. Гайдн (см. примеч. 234).

245. *Урна*. С. 53—55.

СС. С. 274—277. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 262—265. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1908 г. Март. Москва». С изменениями в делении строф на строки.

Аттестовав (в статье «Пленная мысль») ст-ние как «отрывок из стилизованной подделки под старинную сладенькую лирику», А. А. Измайлов привел пространные цитаты из него для демонстрации «музыкальной гипертрофии», свойственной «Урне» в целом (Новое Слово. 1909. № 6. С. 115).

246. Весы. 1908. № 5. С. 14. В цикле «Стансы», без посвящения; варианты строк — строфа I, ст. 4: «Холодных дум холодное волненье?»; строфа IV, ст. 1: «Как все прейдет! И ты склонись послушно»; ст. 4: «Своей струей, как тихий призрак, встанет».

Урна. С. 56.

СС. С. 225. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Москва».

В переработанном виде вошло в *СБ*, *Пепел-21* (№ 618).

Рецензируя «Урну», С. М. Соловьев отметил, что в этом ст-нии «звучит грусть пушкинской элегии» (Весы. 1909. № 5. С. 79).

Посвящение: *Муни* — см. примеч. 127.

247. *Урна*. С. 57—58.

Пепел-21. В разделе «В полях».

*248. Весы. 1908. № 5. С. 16. В цикле «Стансы». Варианты строк.

Урна. С. 59. Опечатка в строфе IV, ст. 2 («Не верю» вместо: «Но верю»).

СС. С. 220—221. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 231. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева», под заглавием «Как пережить». Помета под текстом: «1907 г. Ноябрь. Петербург».

Пепел-21. В разделе «Тристии», под заглавием «Как пережить»; датировка: «1907».

Автограф — в архиве А. К. Глазунова, с подписью: «Ан. Белый» (РНБ. Ф. 187. Ед. хр. 1424).

Заглавие — молитвенная форма канона Святого Причащения: «Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Таин, Господи, но во исцеление души и тела».

249. Весы. 1908. № 5. С. 11. В цикле «Стансы». Вариант — строфа I, ст. 2: «Ушла она: не возвратилась».

Урна. С. 60.

СС. С. 222—223. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Кронштадт». Варианты — строфа II, ст. 2—3: «Пучина чешуей одета,— / И пляшут, плавно пляшут в ночь»; строфа VI, ст. 4: «В кольце лучей — кольце слепящем».

СБ. С. 270. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Ноябрь. Кронштадт». Текст совпадает с текстом *СС.*

Вошло в *ВС*, в раздел «Урна. Тристии»; датировка: «1907». Варианты — строфа II, ст. 2—3: как в *СС*; строфа VI, ст. 2: «Но сердцем тайну не обрящем».

Пепел-21. В разделе «Тристии»; датировка: «1907». Текст совпадает с текстом *СС.*

Белый посещал *Кронштадт* во время своего пребывания в Петербурге с 1 по 17 ноября 1907 г.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ГРУСТЬ

***250**. *ЗР.* 1908. № 3/4. С. 46—47. В цикле «Меланхолия», посвященном «Поклонникам философических раздумий», под заглавием «Философия». Варианты строк.

Урна. С. 63—64.

СС. С. 248—249. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 303—304. В разделе «Урна», без заглавия, как 3-я часть цикла «Искуситель». Помета под текстом: «1908 г. Москва». Новая заключительная строфа, варианты строк.

Философических собраний... — Ср. позднейшее мемуарное свидетельство Белого: «Никогда не был я так стар, как на рубеже 1908—1909 года; меня занимали, как игра в шахматы, игры в сплетения отвлеченных понятий; я отдавался анализу кантианской схоластики, в нее не веря и тем не менее ей отравляясь; как на шахматные турниры, ходил я на философские семинары <...>» (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 249). *Профессор марбургский Когэн...* — Герман Коген (1842—1918) — немецкий философ и логик, глава мар-

бургской школы неокантианства. К изучению трудов философов-неокантианцев Белый приступил осенью 1904 г., с особенным усердием углубился в неокантианскую литературу (и вообще в гносеологическую проблематику) в 1907—1908 гг. (см.: Филиппов Л. И. Неокантианство в России // Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978. С. 310—316; Сиклари Анжела Диолетта. Неокантизм в мышлении Белого // Andrej Belyj. Pro et contra. Milano, 1986. P. 75—85). *Им отравил меня N*. N*.*— Подразумевается Борис Александрович Фохт (1875—1946) — философ-неокантианец, ученик Когена (см.: Вашестов А. Г. Жизнь и труды Б. А. Фохта // Историко-философский ежегодник '91. М., 1991. С. 223—231; Дмитриева Нина. Предисловие // Фохт Б. А. Избранное: (Из философского наследия). М., 2003. С. 5—48). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый сообщает: «...руководитель студентов, приверженных Канту, Б. А. Фохт дал очень мне много своими прекрасными указаниями, советами и разъяснением некоторых для меня спорных пунктов кантианской литературы» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 129). *И «Критикой» благословит...* — Подразумевается один из трудов великого немецкого философа Иммануила Канта (1724—1804): «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790); скорее всего, первый из них. *Что Кант? Философ / Отличнейший — Сковорода... (СБ)* — Григорий Саввич Сковорода (1722—1794) — украинский философ и поэт; его объективно-идеалистическое мировоззрение строилось на основе изучения Библии, патристики и философии Платона. Сковорода противопоставляется Канту как органический и «наивный» мыслитель — мыслителю «искусительному». Подробнее см.: Лавров А. Андрей Белый и Григорий Сковорода // Studia slavica (Budapest). 1975. T. XXI. С. 395—404.

251. *Урна.* С. 65—66.

СС. С. 251—252. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 305, 306—307, 323. В разделе «Урна», без заглавия, как 5-я, 7-я и 24-я части цикла «Искуситель»; 5-я и 7-я части — с пометой под текстом: «1908 г. Март. Москва». 5-я часть соответствует строфам I—V; варианты — строфа I, ст. 3: «Мой ум потопит в мгле ночной»; строфа IV, ст. 3: «Он, кутаясь в свой темный плащ». 7-я часть соответствует строфам VI—X; вариант — строфа VI, ст. 1: «Покуривая, здесь сидим». 24-я часть соответствует строфе I; вариант — ст. 3: «Потопит ум во мгле ночной».

В. Л. Львов-Рогачевский, характеризуя в рецензии на «Урну» основную идейно-эмоциональную тональность книги, использовал образный строй этого ст-ния: «Когда Андрей Белый воспевает ночи мглу и холод небытия, вы видите, что и он тоже клонится лицом своим "в лиловые кусты сирени". А всякий раз, когда А. Белый подходит к этим лиловым кустам, к молодым весенним чащам <...>, вы слышите чуткого, искреннего поэта» (Современный Мир. 1909. № 7. Отд. II. С. 187. Подпись: В. Львов).

Повсюду марбургский философ.— Подразумевается Б. А. Фохт (см. примеч. 250). *Воробьевы горы* — холмы на противоположном от Новодевичьего монастыря берегу Москвы-реки.

252. *Урна.* С. 67.

СС. С. 253—254. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 271. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1908 г. Апрель. Москва». С делением на три восьмистишия.

Вошло (с изменением пунктуации) в *ЗВ* (см. № 493).

253. *Урна.* С. 68.

СС. С. 252—253. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 301—302. В разделе «Урна», без заглавия, как 2-я часть цикла «Искуситель». Помета под текстом: «1908 г. Апрель. Москва». С изменениями в делении строф на строки.

254. *Урна.* С. 69.

СС. С. 254. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 304. В разделе «Урна», без заглавия, как 4-я часть цикла «Искуситель». С изменениями в делении строф на строки.

Но «Критики» передо мной... — См. примеч. 250.

***255.** *ЗР.* 1908. № 3/4. С. 44—45. В цикле «Меланхолия», посвященном «Поклонникам философических раздумий». Без посвящения, без строф XIII, XIV, XVII, со строфой (вместо XIII—XIV), не вошедшей в текст *Урны*; варианты строк.

Урна. С. 70—73.

В *СС* разделено на три ст-ния. 1-е (С. 238) — в разделе «1907 год. Тристии», без заглавия («Гляжу: — свиваясь вдоль дороги...»). Помета под текстом: «Москва». В составе строф XVIII—XX, XVII; варианты строк. 2-е (С. 261—263) — в разделе «1908 год. Москва и подмосковное», под заглавием «Мефистофель». Помета под текстом: «Москва». В составе двенадцати строф: XVI, две новых строфы, VII—XIII, XV, новая строфа; варианты строк. 3-е (С. 263—264) — в разделе «1908 год. Москва и подмосковное», под заглавием «Искуситель». Помета под текстом: «Москва». В составе строф I—VI.

СБ. С. 309—311, 316—317. В разделе «Урна», без заглавия, как 9-я, 10-я и 17-я части цикла «Искуситель»; 10-я и 17-я части — с пометой под текстом: «1908 г. Апрель. Москва». 9-я часть соответствует строфам I—XII, XIII—XIV (между строфами XII и XIII — заключительная строфа из ст-ния «Время»; см. № 282) и первой половине («Но кто ты, кто?...») ст. 1 строфы XV. 10-я часть соответствует второй половине ст. 1 строфы XV и ст. 2—4 той же строфы. 17-я часть соответствует строфам XVI—XX.

Пепел-21. В разделе «Тристии», без заглавия и посвящения. Помета под текстом: «Москва. 1907». Текст совпадает с текстом ст-ния «Гляжу: — свиваясь вдоль дороги...» в *СС.*

Посвящение: *Врубелю.* — Художник Михаил Александрович Врубель (1856—1910) не входил в круг личных знакомых Белого; посвящение отражает высокий пиетет, который испытывал Белый по отношению к его творчеству, и подразумевает прежде всего «демоническую» тему в живописной трактовке Врубеля. Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 17 ноября 1902 г. после посещения выставки «Мира Искусства»: «Впервые я увидел Врубеля полно представленного ("*Сирень*", "*Фауст*", "Демон" и др.). Это в буквальном смысле гигант; впечатление от его картин — подавляющее» (РГБ. Ф. 167.1.2).

Что Кант?... Вот... есть... Сковорода... (СС) — См. примеч. 250.

*256. Корона. I. М., 1908. С. 30—31. В цикле «Усталость», под заглавием «Синева»; в составе восьми четверостиший, соотносящихся со строфами I—IV, IX, VI, VII, X текста *Урны*; варианты строк.

Урна. С. 74—76.

В *СС* разделено на три ст-ния, все — в разделе «1907 год. Тристии», под текстом каждого помета: «Дедово». 1-е (С. 236) — без заглавия («Ушла. И вновь мне шлет: «Прости...»...»), в составе строф I—III; варианты — строфа III, ст. 3—4: «Так кучи летних облаков / Расплавленные, бледно стынут». 2-е (С. 241) — под заглавием «Люцифер», в составе строф VI—VIII; варианты — строфа VI, ст. 2: «Воздушный синий, синий инок»; строфа VII, ст. 3: «И брызжут градным хрусталем»; строфа VIII, ст. 1: «С лазуревых, лучистых сфер». 3-е (С. 242) — под заглавием «Зов», в составе строф IV, V, IX, X; вариант — строфа IV, ст. 2: «Туда, где синева сквозная».

В *СБ* разделено на три ст-ния. 1-е (С. 239) — в разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева», без заглавия («Ушла. И вновь мне шлет: «Прости»...»); помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». Текст совпадает с текстом ст-ния без заглавия в *СС*. 2-е (С. 284) — в разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения», под заглавием «Зов»; помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». Текст совпадает с текстом ст-ния «Зов» в *СС*. 3-е (С. 317) — в разделе «Урна», без заглавия, как 18-я часть цикла «Искуситель»; помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». Текст совпадает с текстом ст-ния «Люцифер» в *СС*.

Вошло в *ВС* (текст ст-ния «Зов» в *СС, СБ*), в раздел «Урна. Тристии»; датировка: «1907». Зачеркнутый вариант — строфа IV, ст. 3: «Не изменяет никогда».

Пепел-21. Разделено на три ст-ния, все — в разделе «Тристии». 1-е — без заглавия («Ушла. И вновь мне шлет: «Прости...»...»); помета под текстом: «1907. Петровское». 2-е — под заглавием «Зов»; помета под текстом: «1907. Дедово». 3-е — под заглавием «Люцифер», помета под текстом: «1907. Петровское». Тексты всех трех совпадают с текстами соответствующих ст-ний в *СС*.

Как светоносный Люцифер... — Люцифер (лат. «Утренняя звезда»; слав.— Денница) — одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя божественному свету: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!» (Ис. XIV, 12).

*257. *ЗР*. 1908. № 3/4. С. 47. В цикле «Меланхолия», посвященном «Поклонникам философических раздумий», под заглавием «Любитель мудрости»; варианты строк.

Урна. С. 77—78.

СС. С. 260—261. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 313—314. В разделе «Урна», без заглавия, как части 12—15 цикла «Искуситель»; помета под текстом части 15-й: «1908 г. Март. Москва». 12-я часть соответствует строфам I—VII; 13-я часть — строфам VIII—X (вариант — строфа IX, ст. 1: «Людей, как мух, в сплетенье слов ловлю»); 14-я часть — строфам XI—XIV; 15-я часть — строфам XV, XVI.

С. М. Соловьев в рецензии на «Урну» отметил ст-ние как пример допускаемой автором «некоторой двойственности и смешения стилей»: «Так, неокантианец любуется "наготой младых харит". Почему же неокантианец, тип начала XX века, выражается по-державински? "Младыми харитами" может любоваться вольтерьянец. Для эротики

неокантианца надо найти другие, более подходящие к современности слова и образы» (Весы. 1909. № 5. С. 80).

Младых Харит младую наготу.. — Хариты (греч. миф.) — благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни.

258. *Урна.* С. 79.

СС. С. 259. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Изумрудный Поселок».

СБ. С. 301. В разделе «Урна», без заглавия, как 1-я часть цикла «Искуситель», посвященного Врубелю. Помета под текстом: «1908 г. Серебряный-Колодезь». С изменениями в делении текста на строки.

Изумрудный Поселок — дачное место под Москвой (Брянская жел. дор., станция Очаковская); Белый гостил там у Э. К. Метнера в июне и начале июля 1908 г.

259. *Урна.* С. 80.

СС. С. 281. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 243—245. Переработанная редакция (см. № 619).

Рецензируя «Урну» и останавливаясь на этом ст-нии («ломоносовские древеса, очеса»), В. Ф. Боцяновский вопрошал: «...что значит вся эта галиматья, весь этот набор слов?» (Боцяновский Вл. Литературные листки // Новая Русь. 1909. № 165, 19 июня. С. 2).

Анализ структурной организации ст-ния предпринят Ю. М. Лотманом в статье «Поэтическое косноязычие Андрея Белого» (Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 439—441; Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. <СПб.>, 1996. С. 683—685).

260. *Урна.* С. 81—82.

СС. С. 279—280. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Москва». Вариант — строфа IV, ст. 3: «Гонимые в ночную мглу».

СБ. С. 325—326. В разделе «Урна», без заглавия, как 26-я часть цикла «Искуситель». Помета под текстом: «1908 г. Март. Москва». Варианты — строфа I, ст. 2: «Среди взлетающих строений»; ст. 4: «Мой безыменный брат, мой гений».

О переживаниях, отразившихся в ст-нии, Белый вспоминал: «Когда я лежал на диване, вперясь в наклонно висевшее зеркало против меня, я упирался глазами в себя самого: этот «я», отененный, зеленый, простертый, как труп, на диване, смотрел на меня так угрюмо, неласково, с угрожающим порицанием; и курил, соря пеплом, мутнея за клубами дыма, которые не защищали меня от его укоризненных глаз, я его называл своим "демоном"; и о *нем* написал я, когда он, меня пощадив, *отлетел* от меня <...>» (далее — цитаты из «Демона») (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 287).

***261.** Столичная Молва. 1908. № 20, 6 октября. С. 4. Первоначальная редакция текста. В той же редакции: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 6. СПб., 1908. С. 158—159. В цикле «Голоса в полях».

Урна. С. 83—84.

СБ. С. 282—283. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Декабрь. Москва». Вариант — строфа III, ст. 1: «С Тобой — Твоя. Но мы одни».

Пепел-21. В разделе «Тристии»; датировка: «1907».

Вошло в *ВС*, в раздел «Урна. Тристии». Датировка: «1908». Без строфы IV.

Не превозмочь, не превозмочь.— Ср. позднейшую авторскую интерпретацию: «...Реакция додавливала все лучшее; ряд личных горестных переживаний, ползших из прошлого (в частности новые неприятности с Блоками), усугубляли душевный мрак; господствовал скепсис; в уединении я сочинял стихи, потом вошедшие в "Урну" <...> "Не превозмочь" — лозунг дней; не превозмочь прошлого: чувство уныния <...>» (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 249).

ТРИСТИИ

Заглавие раздела восходит к книге Овидия «Tristia» («Скорбные элегии», 9—14 гг.).

262. *Урна.* С. 87.

СС. С. 265—266. В разделе «1908 год. Раздумья», под заглавием «Напиток». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

СБ. С. 266—267. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1908 г. Июль. Серебряный-Колодезь». С делением каждой строки на две, всего текста — на четыре восьмистишия.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 466).

263. Весы. 1908. № 5. С. 17. В цикле «Стансы», без посвящения; вариант — строфа VII, ст. 2: «То вечный путь зовет к себе... прильнуть».

Урна. С. 88.

СС. С. 266. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 268—269. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1908 г. Апрель. Москва». С изменениями в делении текста на строфы и строки.

Посвящение: Илья Николаевич *Бороздин* (1873—1959) — историк, литературный критик, профессор Воронежского университета. Белый был знаком с ним с детских лет.

264. *Урна.* С. 89.

СС. С. 258—259. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 181. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1908 г. Март. Москва». С делением на шесть двустиший.

265. *Урна.* С. 90—91.

СС. С. 273. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Москва».

Посвящение: Татьяна Анатольевна *Рачинская* (урожд. Мамонтова; 1864—1920) — жена Г. А. Рачинского (см. примеч. 125).

266. *Урна.* С. 92.

СС. С. 255. В разделе «1908 год. Москва и подмосковное». Помета под текстом: «Дедово».

***267.** Корона. I. М., 1908. С. 34. В цикле «Усталость», под заглавием «Просветление». Без строфы V, варианты строк.

Урна. С. 93.

СС. С. 240—241. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское».

СБ. С. 257. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». С делением на двустишия.

Пепел-21. В разделе «Ямбы»; датировка: «1907». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Цикл «Усталость», в составе которого было опубликовано ст-ние, был оценен в печати Эллисом: «...восемь настоящих камней, и притом — камней огромной ценности» (Эллис. Еще одна корона // Весы. 1908. № 6. С. 63),— и В. В. Гофманом: «В 8 стихотворениях Белого, составляющих цикл "Усталость", много великолепных частностей, убедительно красивых строк, пышных образов. Но все же кое-где стирают впечатление некоторая растянутость и туманность, да какой-то архаично-превыспренний язык» (Русская Мысль. 1908. № 9. Отд. III. С. 187).

***268.** Корона. I. М., 1908. С. 35. В цикле «Усталость». Первоначальная редакция текста.

Урна. С. 94—95.

СС. С. 239—240. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Москва».

СБ. С. 272—273. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Апрель. Москва».

Пепел-21. В разделе «Тристии». Помета под текстом: «1907. Москва».

Борей (греч. миф.) — бог северного ветра; иносказательно—порывистый, холодный ветер.

269. Корона. I. М., 1908. С. 37. В цикле «Усталость». Варианты — строфа II, ст. 1—2: «Ты — камень, пущенный из яростной пращи, / Браздишь юдольный свет»; строфа III, ст. 2: «Беги, беги туда»; строфа IV, ст. 1: «В синеющую синь прольется жизнь моя».

Урна. С. 96.

СС. С. 243. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское». Вариант — строфа III, ст. 2: «Иди, иди туда...»

СБ. С. 287. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Май. Петровское». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-21. В разделе «Тристии». Помета под текстом: «1907. Петровское». Текст совпадает с текстом *СС.*

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с одноименным ст-нием в *ЗВ* (№ 492).

Рецензент цикла «Усталость» процитировал и пересказал ст-ние с недоумением относительно того, «зачем, для кого и о чем пишет автор» (Заурядный обыватель <Давыдов Н. В.>. Мысли и впечатления. XI // Московский Еженедельник. 1908. № 24, 18 июня. С. 32—33).

***270.** Корона. I. М., 1908. С. 36. В цикле «Усталость», под заглавием «Зов», без посвящения. Первоначальная редакция текста.

Урна. С. 97—99.

СС. С. 234—235. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское».

СБ. С. 290—291. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения», без посвящения. Помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское».

Пепел-21. В разделе «Тристии», без посвящения. Помета под текстом: «1907. Петровское».

Посвящение: *Сергей Соловьев* — см. примеч. 55—59.

Юрист и литератор Н. В. Давыдов в своем отклике на публикацию цикла «Усталость» привел ст-ние целиком и, задав ряд недоуменных вопросов «нормальному читателю», заключил: «При всем желании и добросовестном старании я решительно ничего не мог

понять в этом "зове". Он не дал мне никакого настроения, не убаюкал своей музыкальностью, не вызвал даже, благодаря составляющей крупное его достоинство краткости,— обещанной было автором усталости. Но, не скрою, он вызвал во мне такую мысль: а что если автор просто издевается над читателем? Набрал разных слов почудней, подогнал рифмы, нимало не заботясь о смысле, составил таким способом стихотворение, окрестил его "зовом" и выпустил на свет Божий <...> Но едва ли эта мысль верна. В авторе чувствуется словно убежденность в чем-то, он как будто надеется искренно, что его могут понять. <...> Но простой обыватель не способен уразуметь, а тем более увлечься такой литературой; она для него просто не существует» (Заурядный обыватель. Мысли и впечатления. XI // Московский Еженедельник. 1908. № 24, 18 июня. С. 32).

271. Корона. I. М., 1908. С. 32—33. В цикле «Усталость». Без ст. 26—29, 34—37; варианты — ст. 14: «Душа полна, душа ясна»; ст. 20: «Тогда над полем вдруг лазурь».

Урна. С. 100—101.

СС. С. 236—238. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Париж». Варианты — ст. 26—27: «Кусты, взлетая мне на грудь, / Волною листьев изревутся».

СБ. С. 285—286. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Февраль. Париж». Текст совпадает с текстом *СС.*

Пепел-21. В разделе «Тристии». Помета под текстом: «1907. Париж». Текст совпадает с текстом *СС.*

***272**. Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 6. СПб., 1908. С. 160—161. В цикле «Голоса в полях», под заглавием «Она». Первоначальная редакция текста.

Урна. С. 102—103.

СС. С. 232—233. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское».

СБ. С. 292—294. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». С изменениями в делении на строфы и строки; варианты — между ст. 13 и 14: «Я — / Звал / Ее...»; ст. 16: «"Склонись!" —» ; вместо ст. 38: «И без нее — / Душа молчит, / Душа уснет...»; вместо ст. 42—43: « — "Приду!..."»; ст. 46—48 отсутствуют; между ст. 53 и 54: « — "Туда, туда..."»; ст. 56 отсутствует.

Пепел-21. В разделе «Тристии». Помета под текстом: «1907. Петровское». Текст совпадает с текстом *СБ.*

Мифологический образ *Леты* — реки забвения в царстве мертвых (греч. миф.) — обыгрывается здесь в связи с автобиографическим мотивом — переживаниями ночи с 7 на 8 сентября 1906 г., когда, после решающего объяснения с Л. Д. Блок и А. Блоком, Белый пытался покончить самоубийством — броситься с моста в Неву (см.: Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 91).

273. *Урна.* С. 104.

СС. С. 288—289. В разделе «1909 год». Помета под текстом: «Бобровка. Февраль».

СБ. С. 295—296. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1909 г. Февраль. Бобровка». С делением на четверостишия.

Белый видел в этом ст-нии «отстой ряда перенесенных страданий, разрыва с друзьями, тяжелых отношений с Щ.» (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 323. Щ.— Л. Д. Блок).

В пустынный берег бьет Коцит... — Коцит (греч. миф.) — одна из рек подземного царства мертвых.

ДУМЫ

***274**. *Урна.* С. 107—108.

СС. С. 267. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Дедово».

СБ. С. 256. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения», с посвящением «Памяти Ю. А. Сидорова» (в инициалах опечатка: «Ю. Ф.»). Помета под текстом: «1908 г. Июль. Дедово».

Вошло в *ВС,* в раздел «Урна. Тристии». Без посвящения, с дополнительной заключительной строфой (заключительная строфа ст-ния «Время», см. № 282); варианты строк.

Автограф 1 — ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 52. Помета под текстом: «08. Дедово». Варианты — строфа I, ст. 1: «Возносится над тайной жизни»; строфа II, ст. 1: «Возносятся под облаками». Автограф 2 — РГБ. Ф. 190.42.1. Л. 2. Подпись: «Андрей Белый». В начале машинописного наборного макета сборника ст-ний Ю. Сидорова. Автограф 3 — РГАЛИ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 92. Без заглавия. С посвящением: «Многоуважаемому и глубоколюбимому Михаилу Осиповичу Гершензону»; помета под текстом: «С. Петербург. 6 марта», подпись: «Андрей Белый». Варианты — строфа I, ст. 1: «Возносится над тайной жизни»; строфа II, ст. 1—2: «Возносятся над глубинами / Летят под высотами дни, —»; строфа IV, ст. 4: «Потрясены, углублены,— »; строфа V, ст. 1: «И разверзается над нами».

Посвящение: Юрий Ананьевич *Сидоров* (1887—1909) — поэт, студент философского отделения историко-филологического факультета Московского университета; в 1907—1908 гг. сблизился с кругом московских символистов, скончался 21 января 1909 г. В предисловии к посмертному сборнику его ст-ний («Дорогой памяти Ю. А. Сидорова») Белый писал: «Я познакомился с Ю. А. всего за год до его кончины; говорил и встречался с ним мало, но каждая встреча запечатлевалась надолго в моей памяти, каждый разговор на многое, мне доселе не ясное, раскрывал глаза <...> Пока среди хаоса современности, среди брожений неокрепшей мысли, истерических поступков и пустых фейерверков слов существуют люди, подобные Сидорову, *не талантливые только, но и нравственно мудрые,* чего нам бояться, ибо с нами Бог!» (Сидоров Ю. Стихотворения. М., 1910. С. 12). В посмертном сборнике помещены три ст-ния Сидорова, посвященные Андрею Белому: «Мчатся бесы», «В церкви», «Всенощная» (С. 63, 85, 88).

275. *Урна.* С. 109.

СС. С. 269. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Дедово».

Посвящение: Борис Александрович *Садовской* (наст. фам. Садовский; 1881—1952) — поэт, прозаик, критик, историк литературы; во второй половине 1900-х годов активно участвовал в журнале «Весы», где Белый был ближайшим сотрудником и одним из идейных руководителей.

276. *Урна.* С. 110.

СС. С. 270. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Дедово».

277. *Урна.* С. 111.

СС. С. 270—271. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Дедово».

СБ. С. 258. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1908 г. Июль. Дедово». С делением на двустишия.

278. *Урна.* С. 112. Опечатка в заключительной строке («дверь» вместо: «твердь»).

СС. С. 271—272. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Дедово».

279. *Урна.* С. 113.

СС. С. 272. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Дедово».

СБ. С. 261. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Помета под текстом: «1908 г. Июль. Дедово».

280. *Урна.* С. 114.

СС. С. 274. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Суйда».

***281**. *ЗР.* 1907. № 3. С. 37. В цикле «Эпитафия», без заглавия («Ты светел в буре огневой...»). Первоначальная редакция текста.

Урна. С. 115—116.

СС. С. 228—230. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Париж».

В *СБ* разделено на два ст-ния, оба — в разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». 1-е (С. 235) — под заглавием «Просветление»; помета под текстом: «1907 г. Февраль. Париж». В составе строф I—VI; вариант — строфа II, ст. 4: «Струею огненною лижет». 2-е (С. 240) — под заглавием «Пепел»; помета под текстом: «1907 г. Январь. Париж». В составе строф IX, X, VII, VIII; варианты — строфа IX, ст. 2: «Развеянный в пространствах ночи...»; строфа VII, ст. 3: «Над этой бездной я рукой»; строфа VIII, ст. 4: «Своими смертными крылами».

Пепел-21. В разделе «Ямбы». Два ст-ния — «Просветление» и «Пепел», оба с датировкой: «1907». Тексты обоих совпадают с текстом *СБ.*

***282**. Корона. I. М., 1908. С. 29. В цикле «Усталость». Без строф IV, V; варианты строк.

Урна. С. 117—118.

СС. С. 230—231. В разделе «1907 год. Тристии». Помета под текстом: «Петровское».

В *СБ* разделено на два ст-ния, оба — в разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». 1-е (С. 255) — под заглавием «Дед»; помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». В составе строф I—III, VI, VII; варианты строк. 2-е (С. 274) — под заглавием «Время»; помета под текстом: «1907 г. Июнь. Петровское». В составе строф IV, V, VIII, разделенных на двустишия; варианты строк. Строфа IX использована в качестве строфы XIII в 9-й части поэмы «Искуситель» (*СБ.* С. 311).

Пепел-21. Разделено на три ст-ния. 1-е — в разделе «Ямбы», под заглавием «День», датировка: «1907». В составе строфы IX. 2-е — в разделе «Тристии», под заглавием «Дед»; помета под текстом: «1907. Петровское». 3-е — в разделе «Тристии», под заглавием «Время»; помета под текстом: «1907. Петровское». Тексты 2-го и 3-го ст-ний совпадают с текстами одноименных ст-ний в *СБ.*

Вошло в *ВС*, в раздел «Урна. Тристии». В составе строф IV, VIII; варианты — в строфе IV последовательность строк: 1, 3, 2, 4; строфа IV, ст. 4: «Являет черный перегной»; строфа VIII, ст. 4: «Взрезает бархат вечной тьмы».

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «Дед». Помета под текстом: «07. Петровское». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 116—117. Переработанная редакция (№ 415).

***283.** *Урна.* С. 119.

СС. С. 289—290. В разделе «1909 год», под заглавием «Наин» (примечание к заглавию: «Это стихотворение есть последнее, завершающее цикл "Урна". Оно написано уже во время набора к печати сборника "Урны". *Автор*»), с эпиграфом: «В "Урне" я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому "Я". Мертвое "я" заключаю в "Урну". (Из предисловия к "Урне". 14 января 1909 г.)». Помета под текстом: «Февраль 09. Бобровка. День Луны. Час Меркурия». Авторские примечания к тексту — к слову «Пи-Рей»: «Солнечный гений»; к строке «С тяжелой урной на руках»: «Изображение Пи-Рея».

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.10. Черновой текст. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.9. Под заглавием «К Пи-Рею». Первоначальная редакция текста; на полях — несвязные черновые наброски.

Ст-ние написано на основании данных собственного гороскопа, который Белый составил во время пребывания в Бобровке (Тверская губ.) в конце февраля — первой половине марта 1909 г.; там он читал «по преимуществу книги, затрагивающие проблемы таинственных знаний: алхимии, кабаллы, астрологии» — в частности, «Историю магии» (Paul Christian. Histoire de la magie, du monde surnaturel, et de la fatalité. Paris, 1870), выписки из которой сохранились в его архиве (РГБ. Ф. 25.31.2). Обстоятельства создания ст-ния Белый освещает в «Воспоминаниях о Блоке»: «Нападаю на книжку, в которой изложены разные оккультные действия; и под влияньем ее возмышляю — эксперимент; именно: перевернуть мне судьбу, разбить *"Урну"*, из *пепла* воскреснуть для жизни; пишу я *"магическое"* стихотворение, завершающее сборник *"Урну"* <...> Стихотворение это написано в понедельник (иль в день Луны); в час Меркурия (т. е. 8—9-ти вечера)» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 345). О теософско-оккультических штудиях Белого и об использованной им гороскопической методике см.: Carlson Maria. «The Silver Dove» // Andrey Bely. Spirit of Symbolism / Ed. by John E. Malmstad. Ithaca; London, 1987. P. 68—73.

Пи-Рей — согласно герметическим учениям, один из семи планетных духов, источник божественной Красоты, имевший престолом Солнце. См. статью Белого «Семь планетных духов» (Весы. 1909. № 8. С. 68—71. Подпись: Spiritus).

ПОСВЯЩЕНИЯ

284. *Урна.* С. 123—124.

СС. С. 278—279. В разделе «1908 год. Раздумья». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь».

Кого когда-то зрел и я... — Мимолетные детские воспоминания о Л. Н. Толстом, эпизодически бывавшем в 1880-е годы в квартире Бугаевых на Арбате, Андрей Белый передает в книге «На рубеже

двух столетий» (М., 1989. С. 132—133); см. также мемуарный очерк Белого о Толстом, не опубликованный при жизни автора (в кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 638—644. Предисловие и публикация Льва Озерова).

285. *Урна.* С. 123—124.

СС. С. 283—285. В разделе «1909 год». Помета под текстом: «Москва. Январь».

Заглавие: *Сергей Соловьев* — см. примеч. 55—59.

В отдохновительном Петровском... — В подмосковном имении Петровское Белый и С. Соловьев жили вместе в мае—июне 1907 г. (см. также примеч. 139). *Мы дорогого мертвеца...* — Имеется в виду Вл. С. Соловьев, дядя С. М. Соловьева (см. примеч. 100). *...Твой покойный дядя... Вставал в метели снеговой / В огромной шапке меховой...* — Те же черты облика Вл. Соловьева запечатлены в мемуарном очерке Белого «Владимир Соловьев. Из воспоминаний» (1907): «Он проезжал в своей большой, как у священника, шапке, кутаясь в меха, среди снежных вихрей» (Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 393). *...артурское плененье...* — В ходе русско-японской войны русская крепость Порт-Артур (на берегу Желтого моря) после восьмимесячной осады была сдана противнику (2 января 1905 г.). *...народное волненье...* — Революционные события 1905 года. *Холера, смерть, землетрясенье...* — Имеются в виду холерная эпидемия в России в 1907 г. и землетрясение в Калабрии и Сицилии (15/28 декабря 1908 г.), в результате которого погибло около 100 тысяч человек. *Покой воспоминаний сладок...* — Далее описывается кладбище Новодевичьего монастыря, где похоронены Вл. Соловьев, родители С. Соловьева — М. С. и О. М. Соловьевы, отец Белого — Н. В. Бугаев. *Грядущий в мир Аполлион...* — Аполлион (*греч.*— губитель) — ангел бездны (Откр. IX, 11). *Дивеева заветный сон / И сосны грозные Сарова.*— Дивеево — женский монастырь в Нижегородской губернии. Саров — см. примеч. 148. Ср. признания Белого в «Воспоминаниях о Блоке»: «...сосны Сарова и прядающий животворный источник остались в памяти <...> проведенные миги в Дивееве, впечатление от монашек <...> великолепные окрестности и канавка, прорытая самим Серафимом вокруг монастырской обители, не имеющей стен,— до сих пор в моей памяти ясны, светлы» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 104).

286. *Урна.* С. 128—129.

СС. С. 282—283. В разделе «1909 год». Помета под текстом: «1909. Январь. Москва».

Автограф — РГБ. Ф. 167.2.1. Над текстом: «Вместо письма»; датировка: «09»; подпись: «Борис Бугаев». Хранится среди писем Белого к Э. К. Метнеру (последним на автографе проставлен номер: LV,— вводящий текст в общую нумерацию писем Белого к Метнеру). Список — рукой Э. К. Метнера, в его письме к М. К. Морозовой от 19 марта 1909 г. с пояснением: «Переписываю Вам письмо Бугаева, отправленное мне в Берлин в январе нынешнего года» (РГБ. Ф. 171.1.52б).

В рецензии на «Урну» С. М. Соловьев процитировал это ст-ние в подтверждение того, как «иногда удается Андрею Белому быть попушкински простым» (Весы. 1909. № 5. С. 79).

Заглавие: Э. К. *Метнер* — см. примеч. 4—5.

На стогнах шумного Берлина... — Э. К. Метнер находился в Берлине в феврале 1909 г. *...наши встречи... И нескончаемые речи / О*

несказанно дорогом.— Белый подразумевает свои посещения московского дома Метнеров осенью 1902 г.: «Все почти вечера провожу я у Метнеров в непрерывных беседах с Эмилием Метнером; эти дни — новое откровение музыки для меня <...> Метнер <...> сосредоточивает мое внимание на Канте; он впервые мне приоткрывает подлинного Гете <...> Тут же мне открывается все значение музыки его брата; при мне (за стеной кабинета Э. К. Метнера) он сочиняет свою *сонату* и играет мне *"Stimmungsbilder"*» (*Материал к биографии.* Л. 31 об.). *К нам Алексей Сергеич входит...* — А. С. Петровский (см. примеч. 79—81) был одним из близких друзей Э. К. Метнера. *Твой брат C-mol'ную сонату / Наигрывает за стеной...* — Имеется в виду соната для фортепиано f-moll (op. 5) композитора и пианиста Николая Карловича Метнера (1879—1851). А. С. Петровский, сообщая Э. К. Метнеру (21 января 1903 г.) о том, что он и Белый прослушали в авторском исполнении финал сонаты Н. Метнера, добавлял: «Мы его так захвалили сегодня с Бугаевым, что он, кажется, не на шутку рассердился. Дело в том, что хвалили мы его, конечно, не с чисто музыкальной точки зрения, а под разными углами, напр<имер> богословским и т. д. <...> скажу за себя и за Бугаева, что нам соната дала бездну уверенности в победе и силы, очень нужных в нынешнее скверное и опасное грозовое время» (РГБ. Ф. 167.16.26). См. также статьи Белого «Николай Метнер» (1906) (Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 372—375) и «Снежные арабески. Музыка Н. К. Метнера» (1910), сохранившуюся в архиве Белого (Советская музыка. 1990. № 3. С. 118—122. Публикация, вступ. заметка и примечания С. Воронина). *Последние аккорды коды...* — Кода — завершающая часть музыкальной пьесы.

АМУРНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

287. *Урна.* С. 133—134.

СБ. С. 182—183. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1908 г. Февраль. Москва». Вариант — строфа III, ст. 1: «Все прячусь в сугробах и в кочках».

288. *Урна.* С. 135—136.

СБ. С. 184—186. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1908 г. Март. Москва». С изменениями в делении на строфы и строки; вариант — вместо ст. 2 строфы VI: «Соседку / В беседку — / Влеки!».

Под сливой своей альмавивой... — Альмавива — мужской широкий плащ-накидка без рукавов (название — по имени одного из героев драматургической трилогии Бомарше).

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ. СКАЗКИ.

Впервые: Андрей Белый Королевна и рыцари. Сказки. Пб.: Алконост, 1919. Печатается по тексту этого издания.

В книгу вошло 10 стихотворений; за исключением позднейшего заключительного, все они датируются 1909—1911 гг.

В архиве Андрея Белого сохранился автограф — наборная рукопись всей книги (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 5) — *НР КР*

Книга не вызвала широкого резонанса в печати. Скептическую реакцию рецензентов вызвали графические эксперименты Белого с

расположением стихотворных строк, а также следование автора ранее выработанной творческой манере: «Сказки <...> повторяют мысли и приемы других книг Андрея Белого. В частности, поэт не убедил нас, что должно слова «А», «Из» и т. под. считать за отдельные стихи» (Художественное Слово. Временник Н. К. П. Кн. 1. М., 1920. С. 57. Подпись: В. Б.); «То же неопределенное романтическое томление, туманные фразы, ни во что не оформившиеся настроения, тот же мечтательный кисель. Желание сказать больше, чем вмещает доступное поэту слово, сказать громче, чем позволяют голосовые средства, привело Белого к таким жалким потугам, как <...> дробление стихов <...> поэт сам себе не верит и назойливо и вместе с тем наивно барабанит, без толку подчеркивая каждое слово красной строкою...» (Книга и революция. 1920. № 2, август. С. 49. Подпись: Ст. Ч.). Высокую оценку книге дал А. М. Дроздов: «Сколько аромата, свежести, творческой радости, льющейся с этих страниц потоком смелым и полным! <...> В этих стихах каждая строчка пленяет, каждый образ ворожит. <...> Если бы пленительные стихи эти были написаны в наши трудные дни — как пылко можно бы было порадоваться незамутненному истоку поэзии русской!» (Русская Книга. 1921. № 3. С. 24).

Вместо предисловия. Первоначальный вариант второго абзаца (*НР КР*): «Свет, освещающий прошое, т. е. 1905—1908 годы, — свет моих будущих лет (1912—1915), ставших уже, увы, — тоже прошлым». *Сборник стихов «Звезда» выходит на днях.*— Книга «Звезда», готовившаяся к печати и сверстанная в 1919 г. в издательстве «Альциона», тогда в свет не вышла (см.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 592).

289. Антология. М.: Мусагет, 1911. С. 29—31. В форме шестнадцати четверостиший; варианты — строфа I, ст. 4: «В сумерках страшно мне:»; строфа XIV, ст. 2—4: «Переливчатым блеском звезд...»; строфа XIV, ст. 8: «Опускался подъемный мост».

СС. С. 293—296. В разделе «1910—1911». Помета под текстом: «Москва. 1910 г.». В форме шестнадцати четверостиший; варианты — строфа I, ст. 4: как в «Антологии»; строфа XII, ст. 12—13: «В густых, черных тенях».

КР. С. 9—17. Опечатка — строфа X, ст. 4 («и угасал» вместо: «и угас»).

Вошло в *ВС*, в раздел «Золото в лазури. Сказки». В форме шестнадцати четверостиший; варианты — строфа IX, ст. 8: «Вкруг стальной его головы»; строфа X, ст. 4: «Угасал — угасал чертог...»

СБ. С. 377—381. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1910. Москва».

Автограф 1 — *НР КР*. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 9. Датировка: «1910 г.». В форме шестнадцати четверостиший; вариант — строфа I, ст. 4: как в «Антологии». Автограф 3 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 2. Строфы (в форме четверостиший) III, IV, VI, IX; после строфы VI: «И в ответ на это *"рыцарь"* со стены замка ответствует:»; после строфы IX: «Так тоска о несбыточном ощущалась остро» (текст обрывается).

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 531).

***290**. Литературный альманах. СПб.: Аполлон, 1912. С. 23—27. Каждая строфа в форме четверостишия; варианты.

СС. С. 299—304. В разделе «1910—1911». Помета под текстом: «Боголюбы. 1911». Каждая строфа в форме четверостишия; варианты.

КР. С. 18—33. Опечатки — 2-я часть, строфа VI, ст. 3 и 5-я часть, строфа I, ст. 7 («зубами» вместо: «зубцами»), 3-я часть, строфа I, ст. 1 («лиловою» вместо: «лиловой»).

Вошло в *ВС*, в раздел «Золото в лазури. Сказки». Каждая строфа в форме четверостишия; варианты — 2-я часть, строфа I, ст. 2—4: «Таясь среди аркад, — »; 4-я часть, строфа II, ст. 1: «Расплакался в воротах».

СБ. С. 382—390. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1911. Боголюбы».

Вошло (с изменением пунктуации и деления на строки и строфы) в *ЗВ* (№ 532).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 13—21 об. Без подзаголовка. Помета под текстом: «Боголюбы. 1911». Каждая строфа в форме четверостишия; варианты. Автограф 2 — РГБ, архив В. Я. Брюсова. Варианты. Автограф 3 — *НР КР.*

Боголюбы — имение В. К. Кампиони и С. Н. Кампиони (матери А. А. Тургеневой, первой жены Андрея Белого) в Волынской губернии, близ Луцка. Белый жил там в июле 1910 г. и в июне-июле 1911 г., а также в 1913 г.

291. Аполлон. 1911. № 6. С. 32. Под заглавием «День в Боголюбах». С делением на три четверостишия, без ст. 19—24 (аналог заключительного четверостишия); варианты — в строфе III последовательность строк: 1, 6, 2—5; строфа III, ст. 1, 6: «Выпадая громами из дней, / Разбивая мечами гроба».

СС. С. 296. В разделе «1910—1911», под заглавием «День в Боголюбах». Помета под текстом: «Боголюбы. 1911». Текст совпадает с текстом первой публикации.

КР. С. 34—35.

СБ. С. 391—392. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1911. Боголюбы».

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 5—5 об. Под заглавием «День в Боголюбах». Помета под текстом: «1911 г. Боголюбы». Текст совпадает с текстом первой публикации. Автограф 2 — *НР КР.*

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 530).

292. 1-я часть — Аполлон. 1911. № 6. С. 30. Под заглавием «Барбарусса», с делением на пять четверостиший. 2-я часть — Альманах Гриф. 1903—1913. М., 1914. С. 48—49. Без заглавия, с делением на четыре четверостишия; варианты — ст. 7—8: «Знаю — блеснешь из тьмы, / Рыцарь далеких стран»; ст. 25—27: «Знаю — в года, в века».

СС. С. 304—305. В разделе «1910—1911». Помета под текстом: «Боголюбы. 1911». Под заглавием «Барбарусса», в последовательности: 2-я часть, с подзаголовком: «Вопрос», в форме четырех четверостиший; 1-я часть, с подзаголовком: «Ответ», в форме пяти четверостиший.

КР. С. 36—40. Опечатка — 1-я часть, ст. 9 («дальных» вместо: «дальних»).

1-я часть, под заглавием «Голос прошлого», вошла в *ВС*, в раздел «Золото в лазури. Сказки»; датировка: «1911».

СБ. С. 393—396. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1911 г. Боголюбы».

Вошло (с изменением пунктуации и деления на строки и строфы) в *ЗВ*: 1-я часть — под заглавием «Голос из прошлого» (см. № 528), 2-я часть — под заглавием «Голос из настоящего» (см. № 529).

Автограф — *НР КР*. Автограф 1-й части — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 2. Под заглавием «Барбарусса», помета под текстом: «1911 года. Боголюбы»; в форме пяти четверостиший. автограф 2-й части — Там же. Л. 22. Под заглавием «Вопрос», помета под текстом: «Боголюбы. 1911»; в форме четырех четверостиший.

Барбарусса (первоначальное заглавие).— Подразумевается Фридрих I Барбаросса (Barbarossa, букв. «краснобородый»; *франц.* Barberousse; ок. 1125—1190) — германский король (из династии Штауфенов) с 1152 г., император Священной Римской империи с 1155 г.; совершил пять военных походов в Италию, погиб во время 3-го крестового похода. Этот образ связан для Белого с размышлениями о династии Гогенштауфенов, правившей на Сицилии в XII—XIII вв. (Белый посетил Сицилию во второй половине декабря 1910 г.); ср.: «Весь род Гогенштауфенов — символический жест, не прочитанный нами; недаром легендой, как ладаном, странно туманится лик Барбаруссы <...> духом несется на юг <...>» (Белый Андрей. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922. С. 112—113).

293. Аполлон. 1911. № 6. С. 31—32. С эпиграфом: «Мне цветы и пчелы влюбленные / Рассказали не сказку — быль» (из ст-ния А. Блока «Погружался я в море клевера...», 1903); с делением на четверостишия (шесть — в 1-й части, четыре — во 2-й части); варианты — 1-я часть, строфа VI, ст. 2—4: «В звездносинюю ночь»; 2-я часть — в строфе IV последовательность строк: 3—8, 1—2; ст. 6—8: «Было, будет, есть!...»

СС. С. 297—298. В разделе «1910—1911». Помета под текстом: «Боголюбы. 1911 год». Текст совпадает с текстом первой публикации.

КР. С. 41—45. Опечатка — 1-я часть, строфа I, ст. 2 («тишь» вместо: «ниш»).

СБ. С. 397—399. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1911 г. Боголюбы».

Переработанная редакция вошла в *ЗВ*: 1-я часть — под заглавием «Королевна и рыцарь» (№ 533), 2-я часть — под заглавием «Свидание» (№ 534).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 2—4 об. Помета под текстом: «1911. Боголюбы»; с делением на четверостишия; варианты — 2-я часть, строфа II, ст. 4: «Скачет *не в сказку — в быль*»; в строфе IV последовательность строк: 3—8, 1—2. Автограф 2 — *НР КР*.

Эпиграф — неточно приведенные заключительные строки ст-ния А. Блока «Погружался я в море клевера...» (1903); они же точно приведены как эпиграф к первой публикации ст-ния.

Дышит тенями ниш.— Ниш (*устар.*) — ниша.

***294**. Остров. 1909. № 2. С. 9. Первоначальная редакция. (См.: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 330).

СС. С. 290—291. В разделе «1909 год». Помета под текстом: «Москва. Апрель. 1909 года». С эпиграфом: «Еще *"Золото в лазури"* далеко от меня... в будущем... К утру, быть может, лазурь очистится. (Предисловие к «Урне»)». Текст совпадает с текстом первой публикации.

КР. С. 46—48.

СБ. С. 400—401. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1909 г. Москва».

Переработанная редакция вошла в *ЗВ* под заглавием «Гном» (№ 504).

По свидетельству К. Н. Бугаевой, вариацию на тему этого ст-ния представляет собой ст-ние «Светлая смерть» (№ 681).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 7—7 об. Помета под текстом: «Москва, 1909». Текст совпадает с текстом первой публикации. Автограф 2 — *НР КР.*

Ст-ние навеяно переживаниями первых встреч с А. А. Тургеневой (вторая половина марта — апрель 1909 г.): «Она стала явно со мною дружить; этой девушке стал неожиданно для себя я выкладывать многое; с нею делалось легко, точно в сказке <...> Под впечатлением встреч я написал первое стихотворение цикла "Королевна и рыцари" <...> Розовый куст — распространяемая от нее атмосфера. Стихотворение написано в апреле 1909 года; оно — первое в цикле, противопоставленном только что вышедшей "Урне": тематикою и романтикой настроения <...>» (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 323).

***295.** Остров. 1909. № 2. С. 10. Под заглавием «Змея». Первоначальная редакция. (См.: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 331).

СС. С. 292—293. В разделе «1909 год», под заглавием «Зори». Помета под текстом: «Москва. Апрель». Текст соответствует тексту первой публикации; варианты — строфа II, ст. 1: «Лежу в траве... Мне на лугу душистом»; строфа III, ст. 1: «Приподнялось... Ко мне — прыжком сердитым...»; строфа IV, ст. 2: «Сожги огнем отравленной зари...».

КР. С. 49—50.

СБ. С. 402. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1909 г. Москва».

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 6—6 об. Под заглавием «Змея». Помета под текстом: «1909. Москва». Текст совпадает с текстом первой публикации; черновые наброски переработки строфы IV. Автограф 2 — *НР КР.*

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (см. № 485).

***296.** Антология. М.: Мусагет, 1911. С. 32—33. С делением на четверостишия. Первоначальная редакция текста.

СС. С. 291—292. В разделе «1909 год», под заглавием «Старинный друг», с эпиграфом: «Да надо мной рассеет бури / Тысячелетий глубина... *А. Белый* («Наин»)» (см. № 283). Помета под текстом: «09. Апрель. Москва». Текст совпадает с текстом первой публикации; вариант — строфа IV, ст. 1: «Он — на горах: он — ждет, смеется, манит, — ».

КР. С. 51—52.

СБ. С. 403. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «1909 г. Москва».

Переработанная редакция вошла в *ЗВ* под заглавием «Освободи...» (см. № 506).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 8—8 об. Первоначальная редакция текста, с правкой, приближающей его к тексту *КР.* Автограф 2 — *НР КР.*

Старинный друг (заглавие в *СС*).— Ср. одноименный цикл ст-ний, посвященный Э. К. Метнеру (№ 74—78). Здесь образ, вынесен-

ный в заглавие, также соотносится с личностью Метнера; время написания ст-ния приходится на период нового тесного духовного сближения Белого и Метнера, отразившегося в их совместной работе по организации издательства «Мусагет».

297. *КР.* С. 53—54. Опечатка — строфа III, ст. 3 («Лохмотясь» вместо: «Лохматясь»).

Вошло в *ВС*, в раздел «Золото в лазури. Сказки».

СБ. С. 404. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки». Помета под текстом: «Москва. 1909 г.».

Переработанные 1-я и 2-я строфы составили 3-ю часть цикла «Лесные встречи» в *ЗВ* (№ 508—517); 3-я и 4-я строфы с изменением пунктуации и деления на строки вошли как начальные строфы в 7-ю часть того же цикла.

Автограф — *НР КР.*

298. *КР.* С. 55—56. Имя адресата в заглавии указано ошибочно: «Карлу».

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Михаилу Бауэру», без подзаголовка; датировка: «1918».

СБ. С. 405. В разделе «Королевна и рыцари. Сказки», под заглавием «Михаилу Бауэру».

Автограф — *НР КР* (заглавие: «Карлу Бауэру»).

Обращено к Михаэлю *Бауэру* (1871—1929), одному из видных деятелей Антропософского общества, ближайшему ученику Р. Штейнера. Белый сблизился с Бауэром в Швейцарии в январе 1915 г.: «...для меня вырастает значение Бауэра, как своего рода духовного руководителя, естественно вырастающего вслед за доктором <Штейнером>» (*Материал к биографии.* Л. 108 об.).

Из Нюренберга.— Подразумевается, что Бауэр — нюрнбержец. *Мейстер Экхарт нашего столетья...* — Иоганн Экхарт (Мейстер Экхарт; ок. 1260—1327) — немецкий философ-мистик, монах-доминиканец. Белый свидетельствует, что Бауэр глубоко изучил Экхарта и других средневековых мистиков: в его лекциях «чувствовалась традиционная тема Экхарта (в прекрасном смысле), получившая крещение в антропософии» (Белый Андрей. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С. 160). *...из Арлесгейма в Дорнах...* — Арлесгейм — селение в Швейцарии близ Дорнаха, где Белый в 1914—1916 гг. участвовал в строительстве антропософского центра — Гетеанума. *Пушечные взрывы... из Эльзаса...* — В Дорнах (под Базелем, вблизи немецкой границы) доносилась канонада боев мировой войны. Ср.: «...жители Арлесгейма и Дорнаха не внимают давно уже голосу внятно гласящих орудий с эльзасской границы» (Белый Андрей. На перевале. I. Кризис жизни. Пб., 1918. С. 8).

ЗВЕЗДА

Впервые: Андрей Белый. Звезда. Новые стихи. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Книга вышла в свет в апреле 1922 г. Печатается по тексту этого издания.

Книга включает 48 стихотворений 1913—1918 гг., из них 7 были опубликованы в ее составе впервые.

В архиве Андрея Белого сохранился первоначальный макет издания (беловые автографы с правкой, корректурные листы, печатные

тексты) под заглавием «Звезда. Стихи» и с посвящением: «Родине» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 1), с эпиграфом (измененные строки из стихотворения «Звезда»; № 300): «И яркая зая́снилась звезда — / Алмазная, алмазная Венера...» (Л. 4). Ниже в примечаниях отсылки к этому тексту даются сокращенно: РГАЛИ.

Первоначально публикация «Звезды» планировалась (в 1919—1920 гг.) в московском издательстве А. М. Кожебаткина «Альциона» (см. объявления о готовившемся издании: Театральный курьер. 1918, 21 сентября; Колосья (Харьков). 1918. № 18. С. 11; Книжный мир. <1920>. № 1. С. 30), «однако печатание сборника, набранного, откорректированного и целиком сверстанного в 1919 г., по каким-то соображениям издателя, долго откладывалось, а потом и совсем не состоялось. Память о нем сохранилась лишь в виде нескольких сверстанных экземпляров без обложки (72 стр.)» (Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 592). Вероятно, последнее обстоятельство послужило основанием для ошибочного включения несостоявшегося издания «Звезды» в «Альционе» в некоторые библиографические указатели и перечни книг Андрея Белого (в том числе и в новейшее издание: Тарасенков А. К., Турчинский Л. М. Русские поэты XX века. 1900—1955. Материалы для библиографии. М., 2004. С. 104). Осуществленное в 1922 г. издание «Звезды» точно воспроизводит текст книги, готовившейся к выходу в свет в «Альционе».

6 апреля 1927 г. Белый писал Д. М. Пинесу: «Никогда "Звезда" не была издана "Альционой"; рукопись в ней гибла энное количество месяцев, пока я чуть не силком ее вырвал у Кожебаткина и не передал Ионову» (Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 89. Публикация Дж. Малмстада. И. И. Ионов заведовал петроградским отделением Госиздата).

Выявлены две рецензии на «Звезду». Автор одной из них, П. Ольдин, заявлял: «Редко можно наблюдать столь ярко выраженный ущерб таланта, какой мы имеем в последнем сборнике стихов Андрея Белого. <...> Не только стихотворение "Шутка" (по одному слову в строчку), которое "в здравом уме" печатать бы не следовало — но и во всех 50 стихотворениях нет ни одного яркого, красивого образа <...> все с первой страницы до последней есть бесконечное пережевывание одного и того же, бесконечное повторение одних и тех же слов <...> поражает, с одной стороны, напыщенность, долженствующая, вероятно, прикрыть отсутствие живого духа, живого творчества <...> С другой — невероятная небрежность и неряшливость в стихах <...> Вообще, книжечка производит удручающее впечатление старческого распыления творчества» (Утренники. Кн. II / Под ред. Д. А. Лутохина. <Пб., 1922, июнь>. С. 156—157). Другой рецензент, Михаил Павлов (псевдоним Н. А. Павлович), напротив, указывал на исключительную значимость книги — но прежде всего для тех читателей, которые способны оценить не только эстетическое начало и которым созвучны духовные искания Белого: «"Звезда" — «неприятная» книга, беспокойная книга! — вскрывающая всю непрочность искусства, как убежища, всю черноту лазури, да ко всему еще книга, глубоко равнодушная к читателю и не заботящаяся о его удобствах»; весь блеск поэтической техники Белого, по убеждению Павлович,— «только последняя маска, закрывающая пророческое косноязычие: стихи эти всем суще-

ством своим уже вылупились из скорлупы искусства, и форма для них — разбитая обветшалая скорлупа. <...> Книга его — это перевод нечеловеческого на человеческий язык, и перевод приблизительный; сущности того мира он переводит понятиями. Если бы от наших времен уцелела только эта книга, никто из более поздних читателей не мог бы узнать ни страны, в которой она была создана, ни людей, окружавших автора, ни предметов. <...> Нет ни одного конкретного очертания, все перенесено в какой-то иной план — огня, лазури, пурпура, в мир духовных соотношений <...> Для нас — это пророчество о грядущем, для поэта — это наблюдение над реально совершающимся процессом, процессом космическим, а потому волнующим автора и лирически. Он — соучастник процесса. <...> Лирика Белого — это рассказ о том, как в человеке рождается Христос, как человек хранит сознанье, как вырастает "я", как из немоты начинает пылать слово, как срезана была граница между "я" и "не я"» (Книга и революция. 1922. № 9/10 (21/22). С. 64).

299. Сирена. 1919. № 4/5, 30 января. С. 6—7. Без посвящения и первого подстрочного примечания.

Звезда. С. 5—6.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания»; с посвящением: «Брату в антропософии» — и с подстрочным примечанием: «Автор встретился с Христианом Моргенштерном в год его смерти». Варианты — строфа II, ст. 1: «Передо мною и доныне»; строфа V, ст. 2: «Как и *тогда*, ко мне склони»; вместо строф III—IV:

> В дни предвозвéщенных возмездий,
> Громов, исполнившихся слов,—
> Взойди огнем своих созвездий
> Из глубины своих миров.

СБ. С. 411. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Август. Москва».

Автограф — РГАЛИ. Л. 5. Первоначальный вариант — строфа III, ст. 1—2: «Тебя, исполненного света, / Зовет из дали неземной».

Кристиан *Моргенштерн* (1872—1914) — немецкий поэт, приверженец антропософии Р. Штейнера (книга «Мы нашли тропу» — «Wir fanden einen Pfad», 1914). Белый познакомился с ним в Лейпциге на курсе лекций Штейнера 31 декабря 1913 г. См.: Лавров А. В. Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 466—472.

Ты надо мной — немым поэтом... — Белый вспоминает о том, как он впервые увидел Моргенштерна: «Мне почему-то показалось, что Моргенштерн и я в чем-то связаны друг с другом и с судьбами духовного движения, ведущего к тайнам II-го Пришествия. Через день или два нас представили друг другу: Моргенштерн посмотрел на меня своими невыразимыми глазами, улыбнулся и сказал: «Я так рад». Говорить ему уже было трудно: он — задыхался» (*Материал к биографии.* Л. 71 об.— 72). *У роковой своей черты.*— Моргенштерн скончался 31 марта 1914 г.

300. Скифы. Сб. 1. <СПб.>, 1917. С. 1. В цикле «Из дневника», без заглавия и деления на строфы; варианты — ст. 4—5: «И в пятнах пепла тлела... Все вокруг / Вдруг стало: и — туманисто; и — серо...».

СС. С. 308. В разделе «1913—1914», без заглавия и деления на строфы. Помета под текстом: «Арлесгейм. 14 год». Текст совпадает с текстом первой публикации.

Звезда. С. 7.

СБ. С. 412. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Май. Арлесгейм». Варианты — ст. 4—5: как в первой публикации.

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 6. Без деления на строфы. Первоначальный вариант ст. 1: «Упал на землю красный шар». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 26 об. Без заглавия; помета под текстом: «14. Арлесгейм». Вариант — ст. 1: «Упал на землю солнца красный шар». Автограф 3 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 4. В цикле «Из «Дневника»...», без заглавия и деления на строфы. Вариант — ст. 1: как в автографе 2.

301. Заветы. 1914. № 5. Отд. I. С. 1—2. Без заглавия. С другим делением на строфы и строки; варианты — вместо ст. 3—9: «Далекие хоры созвездий кружились во мгле мировой... / Порой метеоры / Катились»; ст. 17—18: «Как плачется старая бездна / Лазури»; вместо ст. 28—32: «Все то же, все строже — / Все строже сознанье мое».

СС. С. 306—307. В разделе «1913—1914», без заглавия. Помета под текстом: «Базель. 14 г.». С другим делением на строфы и строки; ст. 28 отсутствует.

Звезда. С. 8—9.

СБ. С. 413—414. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Февраль. Базель».

Вошло (с вариантами, изменением пунктуации и деления на строки и строфы) в *ЗВ* (№ 537).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 7—8. Зачеркнутое первоначальное заглавие: «Мне снилось». С другим делением на строки. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 23 об.— 24. Под заглавием «Мне снилось». Помета под текстом: «Базель. Март. 1914 г.». Автограф 3 — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 6. С другим делением на строфы; после ст. 21 — черновые наброски; первоначальный вариант ст. 1: «Мне снились: и бездна, и горы»; вариант ст. 9—10: «Беззвучно развеяв / Свой пурпурный хвост / Надо мной».

Вспоминая о событиях и переживаниях февраля 1914 г., Белый указывает в «Материале к биографии»: «Весь этот месяц чувствую себя утомленным и как бы несколько разочарованным <...> особенно тоскливы были мне дни моего сидения в Базеле <...> В эти дни я написал стихотворение *"Самосознание"*; в нем отразилась грусть этих дней (Андрей Белый и антропософия / Публикация Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 373).

302. Эпоха. Кн. 1. М., 1918. С. 11—13. Без посвящения.

Звезда. С. 10—13.

СБ. С. 415—417. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1917 г. Июль. Поворовка».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписана помета под текстом) — РГАЛИ. Л. 25—26. Посвящение зачеркнуто. Автограф 2 — РГБ. Ф, 25.5.1. Л. 43—44 об. Черновой текст, без посвящения. Автограф 3 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 3—3 об. Без посвящения. Автограф 4 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 1—3. Автограф 5 (машинопись) — Там же. Л. 10—12. В подборке «Стихи для II сб. «Скифов»». Строфа IV 1-й части — между строфами I и II 4-й части; вариант — 4-я часть, строфа II, ст. 1: «Вот переливное кольцо».

Автограф 6 — РГБ. Ф. 636. 1. 1. Л. 1—3 об. Текст в альбоме Григоровых; перед текстом: «Посвящается Надежде Афанасьевне Григоровой, как воспоминание о жизни в Поворовке, где *"тысячалетняя старуха"* явилась мне и пробормотала целую поэму о звуке»; под текстом: «Андрей Белый. 20 мая 18 года» (дата фиксации автографа).

Карма — древнеиндийское этико-религиозное понятие, воспринятое теософией (и антропософией): совокупность всех добрых и дурных деяний, совершенных индивидуумом в прежних существованиях и определяющих его судьбу в последующих.

Посвящение: Надежда Афанасьевна *Григорова* (1885—1964) — врач-хирург, сестра известного промышленника, товарища московского городского головы и деятельного масона П. А. Бурышкина, рассказывающего о ней в мемуарной книге «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954. С. 226—227), жена Бориса Павловича Григорова (1883—1945), экономиста, руководителя московского Антропософского общества. На даче Григоровых в Поворово (под Москвой) Белый жил летом 1917 г.

Ты — злая, лающая Парка... — Парки (римск. миф.) — богини судьбы. *Своею черной орифламмой.*— Орифламма — воинская хоругвь в средневековой Европе.

***303.** Эпоха. Кн. 1. М., 1918. С. 7—8.

Звезда. С. 14—15.

СБ. С. 418—419. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Январь. Москва».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписана помета под текстом) — РГАЛИ. Л. 24—24 об. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 33 об.— 34 об. С обозначением: «Набросок». Помета под текстом: «1916. Дорнах. Июль». Первоначальный набросок текста. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.22. Черновой текст, с двумя строфами, не вошедшими в печатную редакцию; варианты строк. Автограф 4 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 46 об. Датировка: «1918 г.». Вариант — строфа VII, ст. 1: «Я видел там, за громом битв». Автограф 5 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 2. Подпись: «Андрей Белый».

Первая публикация в сборнике «Эпоха» вызвала печатный отклик: «Единственное стихотворение, в котором глубокое прозрение и отзвук наших дней. <...> Утонченный эстет, манерный стилист, глава русских декадентов 904—906 года и один из виднейших русских символистов, Андрей Белый сумел отрешиться от лозунга "искусство для искусства" и художественной интуицией проникнуть в толщу переживаний наших дней» (Глинский. Литературные заметки // Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1919. № 169, 31 июля. С. 1).

Толчками рухнувших Мессин... — Землетрясением 15/28 декабря 1908 г. в Калабрии и Сицилии был полностью разрушен город Мессина. *Провалом грешной Мартиники...* — Подразумевается сильное извержение вулкана в 1902 г. на Мартинике — острове в Вест-Индии.

304. Скифы. Сб. 2. <СПб.>, 1918. С. 35.

Звезда. С. 16.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания». Датировка: «1914». Вариант — строфа II, ст. 2: «Но — было ли? И нет его... Ужель?»

СБ. С. 420. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Октябрь. Арлесгейм».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 9. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 25. Помета под текстом: «Арлесгейм. 14 г. ноябрь». Автограф 3 — РГБ. Ф.

171.24.1г. Л. 12. В письме к М. К. Морозовой от 31 декабря 1916 г., без заглавия; варианты — строфа I, ст. 1: «Война, война!.. Смятенье мировое...»; строфа II, ст. 2: «Но где оно?... Его и нет... Ужель?». Автограф 4 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 4. Автограф 5 (машинопись) — Там же. Л. 13. Без заглавия. В подборке «Пять стихотворений», входящей в подборку «Стихи для II сб. «Скифов»».

Сообщая текст ст-ния в письме к М. К. Морозовой (конец 1916 г.), Белый пояснял: «Война? Но вот мое отношение к ней <...>. *Они все* меня не спрашивали о войне, без меня ее начали. Так пусть и не судят меня, если я выражаю ей, войне, свое особое мнение» (РГБ. Ф. 171.24.1г).

305. Биржевые ведомости. Утр. вып. 1916. № 15587, 29 мая. Без заглавия. Северный Луч. 1917. № 3. С. <6>.

Звезда. С. 17.

СБ. С. 421. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Март. Дорнах».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 10. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 30. Датировка: «1916». Автограф 3 — Там же. Л. 28. Без заглавия. Помета под текстом: «Дорнах. 1916 года. Январь». В составе строф I и IV, в строфе I последовательность строк: 3, 4, 1, 2; вариант — строфа I, ст. 4: «Уже зовут». Автограф 4 — РГБ. Ф. 25. 37. 13. Под заглавием «За ночью Он!». Помета под текстом: «Дорнах. 1916 года».

Заглавие: Александр Михайлович *Поццо* (1882—1941) — юрист, муж Н. А. Поццо, сестры А. А. Тургеневой; в 1914—1916 гг. жил вместе с Белым в Швейцарии, участвовал в строительстве Гетеанума. См.: Белый Андрей. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С. 279, 286—288.

***306.** Биржевые ведомости. Утр. вып. 1916. № 15739, 14 августа. Под заглавием «Товарищу». Варианты строк.

Звезда. С. 18. Опечатка — строфа IV, ст. 4 («в рога» вместо: «в рои»).

СБ. С. 422. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Июль. Дорнах».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 11. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 35. Помета под текстом: «Дорнах, июль. 1916». С дополнительной строфой; варианты строк (с правкой, приводящей к основному тексту). Автограф 3 — Там же. Л. 35. Помета под текстом: «Август. 1916. Дорнах». Вариант — строфа III, ст. 4: «О Господи, веди!»

Заглавие: *А. М. Поццо* — см. примеч. 305.

Отчетливо грохочут митральезы... — Митральеза — скорострельная пушка для безостановочной стрельбы картечью. *«С свинцом в груди...»* (автограф 2).— Цитата из ст-ния М. Ю. Лермонтова «Смерть Поэта» («Погиб поэт! — невольник чести...», 1837).

307. Скифы. Сб. 1. <СПб.>, 1917. С. 2. В цикле «Из дневника», без заглавия.

Звезда. С. 19. Опечатка — строфа IV, ст. 4 («маревым» вместо: «маревным»).

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Деревня»; датировка: «1916».

СР. С. 34—35. Под заглавием «Деревня». Помета под текстом: «1916. Июнь».

СБ. С. 423. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Июнь. Дорнах».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписаны заглавие и помета под текстом) — РГАЛИ. Л. 12. Автограф 2 — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 7. Без строф IV и V; варианты — строфа II, ст. 3: «На тучах — в глыбах гробовых — »; строфа III, ст. 4: «Неотразимый голос горный: — »; после строфы III, ст. 4: «Се, гряду скоро!»; на обороте листа — черновые наброски заключительных строф ст-ния. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 32 об. Помета под текстом: «Дорнах. Июль. 1916». Зачеркнутая заключительная строфа:

И ты, благословенна,— твердь...
И вы, благословенны,— земли...
В немую жизнь, в глухую смерть
Меня, о Господи, приемли.

Автограф 4 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 4. В цикле «Из "Дневника"...». Без заглавия; без трех заключительных строк (лист с ними, видимо, утрачен). Автограф 5 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 5. Под заглавием «Медитация». Подпись: «Андрей Белый».

Заглавие: Анна Алексеевна (*Ася*) Тургенева (1890—1966) — художница, антропософка; дальняя родственница И. С. Тургенева, по матери — Бакунина; первая жена Андрея Белого. Он познакомился с ней в ноябре 1905 г., сблизился в 1909 г. С декабря 1910 г., когда они отправились вместе в заграничное путешествие, Белый считал ее своей женой. 4 февраля 1914 г. Белый писал матери из Базеля: «...мы женимся (гражданским браком), чтобы нас не теснили швейцарские власти, и теперь хлопочем с бумагами, ездием <sic!> в Берн к поверенному и т. д.»; 25 февраля писал ей же: «Пока идет дело о нашем венчании, мы не можем снять в Дорнахе общее помещение и живем в отеле (в Базеле). Повенчаемся мы марта 15-го нов<ого> стиля» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 167, 169). Гражданский брак был заключен в Берне 23 марта 1914 г. (Kanton Bern. Eheregister des Zivilstandskreises Bern, Bd. 1914. S. 78, № 157). Ср. письмо А. А. Тургеневой к Н. В. Валентинову-Вольскому: «Мы действительно — чисто формально были граждански венчаны в Берне 1914<-го>, чтобы не смущать враждебное крестьянское население в Швейцарии. Ни брака вообще — ни тем более церковного я не хотела. (Хоть «клятвы» и не давала)» (Струве Глеб. К биографии Андрея Белого. А. Белый и А. А. Тургенева // Annali dell'Istituto Universitario Orientale. Sezione Slava. Napoli, 1970. P. 65).

308. Скифы. Сб. 1. <СПб.>, 1917. С. 3. В цикле «Из дневника», без заглавия.

Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 62. Без заглавия. Помета под текстом: «Москва. 1916». Вариант — строфа II, ст. 3: «Одни тела, тела простерты...».

Звезда. С. 20.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Россия»; датировка: «1916».

СР. С. 32—33. Под заглавием «Россия». Датировка: «1916. Октябрь».

СБ. С. 424. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Октябрь. Москва».

Пепел-25. В разделе «Город». Помета под текстом: «16. Москва». Текст совпадает с текстом *Пепел-29.*

Пепел-29. С. 106. В разделе «Мертвый город»; датировка: «16». Вариант — строфа IV, ст. 2: «В предрассветный час, — ».

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 37. Без заглавия; датировка: «1916». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.37.13. Датировка: «1916 года»; подпись: «Андрей Белый». Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 2. Без заглавия и заключительной строфы (последняя, возможно, была записана на несохранившемся листе). Автограф 4 — РГАЛИ. Ф. 1086. Оп. 2. Ед. хр. 154. Л. 37—38. В альбоме Н. А. Крашенинникова. Без заглавия; датировка: «1916. 6 декабря».

Белый свидетельствует, что это ст-ние выражало «узнание» им того нового облика России, который открылся ему осенью 1916 г. после трехлетнего пребывания за границей (см.: Белый Андрей. Записки чудака. М.; Берлин, 1922. Т. 2. С. 221—222).

309. Скифы. Сб. 1. <СПб.>, 1917. С. 7—8. В цикле «Из дневника», с примечанием над текстом: «Шутка».

Звезда. С. 21—22.

СБ. С. 195—196. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь». Помета под текстом: «1916 г. Сентябрь. Москва».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписаны заглавие и помета под текстом) — РГАЛИ. Л. 13—13 об. С подзаголовком: «Шутка». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 39 об.— 40. Под заглавием «Шутка», датировка: «1916»; варианты — ст. 2: «Ты — предо мною возникаешь — »; ст. 22: «(Знаком, должно быть, до рожденья) — ». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.14. Под заглавием «Шутка»; текст совпадает с текстом автографа 2. Автограф 4 — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 10. Под заглавием «Шутка»; варианты — ст. 2: как в автографе 2; ст. 24: «Зеленым блещущим зрачком». Автограф 5 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2—3. Под заглавием «Шутка». Дефектный текст. Подпись: «Андрей Белый».

В ст-нии отразились воспоминания о пребывании в петербургской квартире Вяч. Иванова в верхнем этаже дома на углу Таврической и Тверской ул. (так наз. «башня»); Белый жил там в феврале 1910 г. и в январе—феврале 1912 г. *«Прозрачность. Вячеслав Иванов»* — вторая книга лирики Иванова «Прозрачность» (М., 1904) была выпущена в свет издательством «Скорпион» в конце марта — начале апреля 1904 г., одновременно с первой книгой стихов Белого «Золото в лазури»; к тому же времени относится и начало личного знакомства поэтов. *С огромной, ясной пентаграммой.*— Пентаграмма — пятиугольник, древний символ тайны и совершенства, в средние века — амулет против ведьм и злых духов.

310. Скрижаль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 58. Датировка: «1917». Заключительная строфа — в форме четверостишия.

Звезда. С. 23.

СБ. С. 425. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1917 г. Июнь. Демьяново».

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 42. Датировка: «1917 год».

Заглавие: *Ася* — см. примеч. 307.

Палермо, Монреаль... Радес... — В Палермо (Сицилия) и Монреале (городок близ Палермо) Белый и А. Тургенева жили во второй половине декабря 1910 г., в Радесе (арабская деревня в Северной Африке, близ города-порта Тунис) — в январе—феврале 1911 г. Впечатления от пребывания там описаны Белым в «Путевых заметках. Т. 1. Сицилия и Тунис» (М.; Берлин, 1922).

311. Явь. Стихи. М., 1919. С. 22—23. Под заглавием «Паяц»; без

деления на строфы и с другой разбивкой на строки; между ст. 12—13: «О любви / И о / Господе».

Поэзия большевистских дней. Берлин, 1921. С. 16—17. Текст совпадает с текстом первой публикации.

Звезда. С. 24—26.

СБ. С. 426—428. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1915 г. Декабрь. Дорнах».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 15—16. С изменениями в строфическом делении. Автограф 2 — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 9. Без заглавия. С изменениями в делении на строфы и строки, с добавлением трех рисунков: после слов «стародавний Зодиак» — 12 спиц колеса с нумерацией спиц (1—12); после слов «о вселенской любви» — пылающее сердце; в конце автографа — солнце, окруженное знаками Зодиака; посвящение: «Посвящает почтительно бедный поэт Анне и Наталии Алексеевнам Тургеневым, Идущим *«Путем Посвящения»*»; подпись под текстом: «Андрей Белый перед отправлением его в Монтрё»; между ст. 12—13: «О любви / и о Господе...». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 29—29 об. Под заглавием «Паяц», с посвящением: «Н. А. и А. А. Тургеневым»; датировка: «1915». Текст совпадает с текстом первой публикации. Автограф 4 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 8—9. Текст совпадает с текстом первой публикации.

«Путь Посвящения» — одно из краеугольных понятий в антропософии: путь внутреннего совершенствования, самопознания, приобщения к «духовной науке» и постижения высших миров.

312. Ветвь. М.: Северные Дни, 1917. С. 13. Под заглавием «Зачем, за что?»; датировка: «1916».

Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 59—60. Под заглавием «За что?»; варианты — строфа II, ст. 1: «В слепых телах, в глухорожденном слухе»; строфа IV, ст. 1: «Зачем, за что в гнетущей, в грозной гари».

Звезда. С. 27.

СБ. С. 429. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Декабрь. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 17. Автограф 2 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 14. Под заглавием «Зачем, за что?». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 39. Под заглавием «Зачем, за что?»; датировка: «1916». Автограф 4 — РГБ. Ф. 171.24.1г. Л. 14. В письме к М. К. Морозовой от 31 декабря 1916 г.; вариант — строфа II, ст. 1: «В слепых глазах, в глухорожденном слухе». Перед текстом — пояснительная фраза: «Если хотите знать мое настроение, то — вот оно».

«Телами» в теософии (и антропософии) называется видимый и невидимый состав человека: тело физическое, видимое, и его «эфирный двойник», проводник жизненной силы, невидимые тела — астральное (сфера страстей и желаний) и ментальное (сфера мышления, выражение личности), высшие, надындивидуальные божественные начала. См.: Белый Андрей. Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 497—500.

313. Скифы. Сб. 1. <СПб.>, 1917. С. 5—6. В цикле «Из дневника». Без заглавия, без строфы VII; вариант — строфа IV, ст. 3: «Смех бархатистый, смех душистый».

Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 60—61. Помета под текстом: «Москва. 1916». Вариант — строфа IV, ст. 3: как в первой публикации.

Звезда. С. 28—29.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Сестре в антропософии»; датировка: «1916». Без заключительной строфы; варианты — строфа IV, ст. 3: как в первой публикации; строфа V, ст. 2: «Что означает твой наряд».

СБ. С. 430—431. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Сентябрь. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 18. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 38. Датировка: «1916». Вариант — строфа IV, ст. 3: как в первой публикации. Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1—2. Дефектный текст; совпадает с текстом первой публикации.

Заглавие: *Ася* — см. примеч. 307.

314. Ветвь. М.: Северные Дни, 1917. С. 14. Датировка: «1916». В форме шести двустиший (в каждой строке — две строки текста *Звезды*).

Звезда. С. 30—31.

СБ. С. 432. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Ноябрь. Москва».

Пепел-25. В разделе «Деревня», под заглавием «Марево». Помета под текстом: «16. Москва».

Пепел-29. С. 167—168. В разделе «Злая деревня», под заглавием «Марево». Датировка: «16».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 19. Автограф 2 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 25. Текст совпадает с текстом первой публикации. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 42 об. Без заглавия; датировка: «Декабрь. 16 года». Текст совпадает с текстом первой публикации.

315. Ветвь. М.: Северные Дни, 1917. С. 15. Без заглавия; датировка: «1916».

Звезда. С. 32.

СБ. С. 433. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Декабрь. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 20. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 38 об. Под заглавием «С праздником!»; датировка: «Декабрь. 16 года». Автограф 3 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15. Без заглавия; подпись: «Андрей Белый». Автограф 4 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 1. Под заглавием «С праздником!»; датировка (под заглавием): «18 декабря 1916 года»; подпись: «Андрей Белый». Вариант — строфа I, ст. 3: «Пропламенясь, в разъятые палаты».

Ст-ние представляет собой отклик на убийство (17 декабря 1916 г.) фаворита царского двора Г. Е. Распутина кн. Ф. Ф. Юсуповым, В. М. Пуришкевичем, вел. кн. Дмитрием Павловичем и др. *Святая Купина.*— Неопалимая Купина — горящий и несгорающий терновый куст, из которого Бог говорил с Моисеем, призывая к освобождению израильского народа от египетского угнетения (Исход, III, 2—10).

***316.** Эпоха. Кн. 1. М., 1918. С. 9—10. Без заглавия; с посвящением: А. М. Поццо. С делением на шесть четверостиший.

Звезда. С. 33—34.

СБ. С. 434—435. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Июль. Москва».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписаны заглавие и помета под текстом, зачеркнуто посвящение) — РГАЛИ. Л. 23—23 об.С делением на шесть четверостиший. Автограф 2 — РГБ.

Ф. 25.5.1. Л. 49. Черновой текст. Автограф 3 — Там же. Л. 49 об. Под заглавием «Поццо»; датировка: «18 г.». С делением на шесть четверостиший; варианты строк. Автограф 4 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 1. Датировка: «1918 г.». С делением на шесть четверостиший. На этом же листе — записка к А. М. Кожебаткину. Автограф 5 — РГБ. Ф. 25. 16.6б. Л. 2 об.; на обороте делового письма В. Тверской, секретаря издательства «Скифы».

Заглавие: *А. М. Поццо* — см. примеч. 305.

317. Знамя труда. 1918. № 168, 31 марта.

Звезда. С. 35—36.

СБ. С. 436. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1917 г. Декабрь. Дедово».

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 597).

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписаны заглавие и помета под текстом). — РГАЛИ. Л. 21. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 46. Датировка: «1917 г. Ноябрь». В форме четырех четверостиший. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.16. Подпись: «Андрей Белый». В форме четырех четверостиший.

Первая публикация ст-ния вызвала критический фельетон, автор которого просил объяснить ему «смысл этой стихотворной головоломки» (Аполлон Идеалов. Заметки на манжетах. Язык богов // Наше время. Вечерняя газета. 1918. № 63, 4 апреля. С. 3).

***318.** Жизнь. 1918. № 4, 26 апреля.

Звезда. С. 37.

Эпопея. 1922. № 1. С. 24. Под заглавием «России». Помета под текстом: «Москва. 1918». С перестановкой двух строф (III, II); варианты.

СР. С. 45—46. Под заглавием «России»; датировка: «1918. Май». Текст совпадает с текстом «Эпопеи».

Вошло в *ВР*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «России». Текст совпадает с тестом «Эпопеи».

СБ. С. 437. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Май. Москва».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписана помета под текстом) — РГАЛИ. Л. 22. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.17. Без заглавия; черновой набросок (на оборотной стороне приглашения на лекцию кн. Е. Н. Трубецкого «Откровение Божьего дня», назначенную на 18 февраля 1918 г.). Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 48 об. Под заглавием «К антропософии». Черновой текст. Автограф 4 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 7—7 об. Подпись: «Андрей Белый». Автограф 5 (список рукой неустановленного лица) — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 44. Под заглавием «России». Подпись: «А. Белый». Текст совпадает с текстом публикации в «Эпопее».

319. Жизнь. 1918. № 49, 23 июня. Под заглавием «Над ливнем лет».

Звезда. С. 38.

СБ. С. 438. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Июль. Москва».

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 454).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 27. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.19. Датировка: «18 года. Май»; подпись: «Андрей Белый». Первоначальный вариант — строфа III, ст. 1: «Сквозной алмаз». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.37.13. Под заглавием «Антропософия»; помета под текстом: «1918 года. Москва»; подпись: «Андрей Белый».

320. Знамя труда. Временник литературы, искусств и политики. 1918. № 2 (июль). С. 10. Под заглавием «Близкой»; варианты[1] — строфа I, ст. 4: «Серые, тихие дни»; строфа III, ст. 2: «Где разделились кусты»; строфа IV, ст. 3: «Кроет крыло херувимов».

Звезда. С. 39—40.

СБ. С. 439. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Сентябрь. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 28. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 41—41 об. Датировка: «016 год». С делением на две части: 1-я — строфы I—III, 2-я — строфы IV—VI. Вариант — строфа IV, ст. 3: как в первой публикации. Автограф 3 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 3—4. Под заглавием «Близкой»; с делением на две части (как в автографе 2); варианты — строфа IV, ст. 3: как в первой публикации; строфа VI, ст. 3: «Неизреченная встреча!». Автограф 4 (машинопись) — Там же. Л. 14—15. В подборке «Пять стихотворений», входящей в подборку «Стихи для II сб. "Скифов"»; вариант — строфа IV, ст. 3: как в первой публикации.

Заглавие: *Ася* — см. примеч. 307.

Те же — приречные мрежи... — Мрежа (*устар.*) — рыболовная сеть.

***321.** Страда. Кн. 2. Пг., 1917. С. 84. Под заглавием «Искра»; варианты — строфа I, ст. 4: «Сознанию неявленная мысль) — »; строфа III, ст. 1—2: «Открылись мне: в законах точных числ, / Бунтующей мыслительной стихии»; строфа III, ст. 4: «Высокий свой напечатлели смысл». Жизнь. 1918. № 20, 19 мая. Под заглавием «Мысль»; варианты.

СС. С. 310. В разделе «1913—1914», под заглавием «Мысль»; помета под текстом: «Арлесгейм. 14 год».

Звезда. С. 41.

Приведено в книге Андрея Белого «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб.: Алконост, 1918. С. 100—101), без заглавия и деления на строфы, без строфы IV; варианты — строфа I, ст. 2: «Какими-то спиралями вились»; строфа III, ст. 2: «В бунтующей, сознательной стихии»; ст. 4: «Высокий свой напечатлели смысл».

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Мысль»; датировка: «1914». Варианты строк.

СБ. С. 443. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Май. Арлесгейм».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 29. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 27. Без заглавия. Помета под текстом: «14. Арлесгейм». Автограф 3 — РНБ. Ф. 150. Ед. хр. 284. Подпись: «Андрей Белый». Без заглавия; вариант — строфа III, ст. 4: «Высокий свой напечатлели смысл».

***322.** Знамя труда. 1918. № 171, 4 апреля. Варианты.

Звезда. С. 42.

СБ. С. 444. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1917 г. Декабрь. Дедово».

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 593).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 30. С делением на двустишия. Первоначальный вариант ст. 3: «В себе самом распятый». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 45—45 об. Датировка: «Ноябрь. 1917 г.». С дополнительной заключительной строфой, совпадающей с дополнительной строфой текста первой публикации. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.15. Под-

---

[1] Первые два варианта — возможно, типографские погрешности воспроизведения авторского текста.

пись: «Андрей Белый». Без строфы IV. Во всех автографах заключительное слово («не-бе-си») воспроизведено «лесенкой», с разбивкой по слогам на три строки.

«Ты Еси на не-бе-си!» — Начальные слова молитвы: «Отче наш, иже еси на небесех!»

323. Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. № 15573, 21 августа. Без заглавия.

Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 61. Без заглавия. Помета под текстом: «Арлесгейм. 1914».

СС. С. 309. В разделе «1913—1914», без заглавия; помета под текстом: «Арлесгейм. 14 год».

Звезда. С. 43.

Приведено в книге Андрея Белого «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб., «Алконост», 1918. С. 109), без заглавия и деления на строфы.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Духовный мир»; датировка: «1914».

СБ. С. 445. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Май. Арлесгейм».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 31. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 25. Без заглавия; помета под текстом: «Арлесгейм. 1914. Июнь». Автограф 3 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 1. Без заглавия; подпись: «А. Белый»; помета: «Dornach (près de Bâle). A Madame A. Bougaïeff. Maison E. Thomann» (указание почтового адреса А. А. Тургеневой в Швейцарии).

324. *Звезда.* С. 44.

СБ. С. 446. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Июнь. Москва».

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 448).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 32. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 50 об. Под заглавием «Антропософии»; датировка: «Май. 18 г.».

325. *Звезда.* С. 45.

СБ. С. 447. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Октябрь. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 33. Первоначальное заглавие: «Мир чудесен». С делением на двустишия. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.3. Под заглавием «Мир чудесен». С делением на двустишия. Помета под текстом: «Сергиев Посад. 1902 <?>».

326. Жизнь. 1918. № 52, 27 июня. В подборке «Две танки», без заглавия.

Звезда. С. 46.

СБ. С. 48. В разделе «Звезда», в цикле «Пять танок». Помета под текстом: «1918 г. Май. Москва».

Вошло (с изменениями в делении на строфы и строки) в *ЗВ* (№ 461).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 34. Первоначальное заглавие: «Танка». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 49 об. Под заглавием «Танка»; датировка: «18 г.». Автограф 3 — РГБ. Ф. 421.1.12. В подборке «Две танки», без заглавия; подпись: «Андрей Белый».

Танка — распространенная форма в классической японской поэзии: 5 нерифмованных строк, состоящих из 31 слога (5+7+5+7+7).

327. Жизнь. 1918. № 52, 27 июня. В подборке «Две танки», без заглавия; вариант — ст. 2: «На душу ветерком пахнула».

Звезда. С. 47.

СБ. С. 448. В разделе «Звезда», в цикле «Пять танок». Помета под текстом: «1918 г. Май. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 35. Первоначальное заглавие: «Танка». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 49 об. Под заглавием «Танка»; датировка: «18 г.». Автограф 3 — РГБ. Ф. 421.1.12. В подборке «Две танки», без заглавия; подпись: «Андрей Белый». Тексты автографов 2, 3 совпадают с текстом первой публикации.

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 465).

328. *Звезда.* С. 48.

СБ. С. 449. В разделе «Звезда», в цикле «Пять танок». Помета под текстом: «1916 г. Июнь. Дорнах».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 36. Первоначальное заглавие: «Танка». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 31, как 2-я часть цикла «Танки», без заглавия; помета под текстом: «Дорнах. Июль. 16 года» (см. № 329, 691).

329. Автографы. М., 1921. В подборке «Танки», без заглавия. Помета под текстом: «Андрей Белый. 1921 год». Текст воспроизведен факсимильно.

Звезда. С. 49. Опечатки — ст. 4—5 («Над собой — мотыльком — / Пролечу стебельком» вместо: «Над собой — стебельком — / Пролечу мотыльком»).

СБ. С. 449. В разделе «Звезда», в цикле «Пять танок». Помета под текстом: «1916 г. Июнь. Дорнах».

Вошло (с изменениями в делении на строфы и строки) в *ЗВ* (№ 447).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 31, как 1-я часть цикла «Танки», без заглавия; помета под текстом: «Дорнах. Июль. 16 года» (см. № 328, 691). Автограф 2 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 5. Под заглавием «Танка»; подпись: «Андрей Белый».

330. Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 59. Под заглавием «Танка»; помета под текстом: «Дорнах. 1916».

Автографы. М., 1921. В подборке «Танки», без заглавия; датировка: «1921 год». Вариант — ст. 2: «Они темны: без дна». Текст воспроизведен факсимильно.

Звезда. С. 50.

СБ. С. 449. В разделе «Звезда», в цикле «Пять танок», с посвящением: «Н. А. Залшупиной». Помета под текстом: «1916 г. Июнь. Дорнах».

Вошло (с изменениями в делении на строфы и строки) в *ЗВ* (№ 449).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 37. Первоначальное заглавие: «Танка». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 31 об. Под заглавием «Танка»; датировка: «16 г.». Автограф 3 — РГБ. Ф. 1.4.5. Датировка: «17 октября 21 года»; подпись: «Андрей Белый». Текст совпадает с текстом сб. «Автографы». Автограф 4 — РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 35. Текст в альбоме В. Ф. Ходасевича, совпадает с текстом сб. «Автографы»; датировка: «1920 I 4-го». Автограф 5 — ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. Ед. хр 539. Под заглавием «Танка»; подпись: «Андрей Белый». Рукописная книжка (4 л.); текст воспроизведен дважды — сначала полностью (Л. 1 об.), затем — 5 рисунков Белого (Л. 2—4), каждый из которых иллюстрирует соответственно одну строку ст-ния, приводимую под ним; вариант — ст. 5: «Она, как ночь, темна» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 61—64).

Посвящение (*СБ*): Надежда Александровна *Залшупина* (в замужестве Данилова) — секретарь Издательства З. И. Гржебина.

331. Альманах Гриф. 1903—1913. М., 1914. С. 48. Без заглавия; вариант — строфа I, ст. 4: «В светлоглазых алмазах леса».

СС. С. 306. В разделе «1913—1914», без заглавия. Помета под текстом: «Христиания. 1913 г.».

Звезда. С. 51.

СБ. С. 450. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1913 г. Сентябрь. Христиания».

Вошло (с вариантами) в *ЗВ* (№ 460).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 38. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 23. Без заглавия. Помета под текстом: «1913 года. Христиания». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.1.6. Без заглавия.

Заглавие: *Ася* — см. примеч. 307. Ст-ние написано во время совместного с А. А. Тургеневой пребывания в Норвегии во второй половине сентября — первой половине октября (н. ст.) 1913 г.; 1—3, 5, 6 октября Р. Штейнер читал в *Христиании* (ныне — Осло) пять лекций из курса «Пятое Евангелие».

332. Знамя труда. 1918. № 124, 21 января / 3 февраля. Без заглавия; вариант — ст. 4: «Как изгибы лебединых крылий».

Звезда. С. 52—53.

СБ. С. 451—452. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1917 г. Ноябрь. Сергиев-Посад».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 39. Автограф 2 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 1—1 об. Дефектный текст. Без заглавия. Подпись: «Андрей Белый». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 40 об. Без заглавия; датировка: «017 год». С делением на четверостишия. Автограф 4 — РГБ. Ф. 25.1.6. С перестановкой строк в строфе VI.

***333.** *Звезда.* С. 54.

СБ. С. 453. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Август. Дорнах».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 40. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 35 об.— 36. Под заглавием «Наброски (Асе)»; помета под текстом: «Христиания. 1914». С тремя заключительными строфами, не вошедшими в печатный текст. Автограф 3 — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 4. Первоначальная редакция текста.

Заглавие: *Ася* — см. примеч. 307. *(При прощании с ней).*— В середине августа 1916 г., в связи с призывом на военную службу, Белый выехал из Швейцарии в Россию; А. Тургенева осталась в Дорнахе.

334. *Звезда.* С. 55.

СБ. С. 454. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Сентябрь. Москва».

Вошло (с незначительными вариантами) в *ЗВ* (№ 444).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 41. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 36 об. Датировка: «1916». Первоначальный вариант — строфа III, ст. 2: «На веющем ветре зари». Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1—2. Автограф 4 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 2. Дефектный текст. Автограф 5 — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 8. С пометой: «На получение телеграммы от Нее...». Вариант — строфа III, ст. 2: «На веющем ветре мечты». Дополнительная заключительная строфа (IV):

«*Я плакал во сне...*» — пробудила
В чертоги надмирной мечты...
«*Мне снилось, меня ты забыла —*
Проснулся...» — И — ты...

Заглавие: *Ася* — см. примеч. 307.

335. *Звезда.* С. 56.

СБ. С. 455. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Москва». Вошло (с изменениями в делении на строки) в *ЗВ* (№ 470).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 42. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 47. Датировка: «1918». Черновой текст. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.23. С делением на две строфы: 1-я — ст. 1—6; 2-я — ст. 7—14.

336. Сирена. 1919. № 4/5, 30 января. С. 7—8.

Явь. Стихи. М., 1919. С. 24. Без заглавия и строфы IV; варианты — строфа II, ст. 1: «Твой ясный взгляд: в нем — отражаюсь я»; строфа III, ст. 3: «Вот наши души, как весенний дождь».

Поэзия большевистских дней. Берлин, 1921. С. 18. Без заглавия. Текст совпадает с текстом сборника «Явь».

Звезда. С. 57.

СБ. С. 456. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Февраль. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 43. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 51. Датировка: «18 г.». Черновой текст.

***337.** Северные Записки. 1916. Декабрь. Отд. I. С. 39. Без заглавия.

СС. С. 90—91. Без заглавия. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь»[1].

Рабочий мир. 1918. № 11, 18 августа. С. 3. Без заглавия; другая редакция текста.

Звезда. С. 58.

Вошло в *ВС*, как 13-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России».

СБ. С. 457. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Май. Арлесгейм».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 44. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 25 об. Без заглавия; помета под текстом: «14. Арлесгейм». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.20. Черновой текст и автограф редакции текста, опубликованной в журнале «Рабочий мир». Без заключительной строфы; вариант — строфа V, ст. 3—4: «Вырезая Невидимый Лик / Из Невидимых братских объятий».

338. Скифы. Сб. 1. <СПб.>, 1917. С. 4. В цикле «Из дневника», без заглавия.

Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 61—62. Помета под текстом: «Москва. Ноябрь. 1916». Вариант — строфа III, ст. 2: «Твоя судьба — видна, ясна».

Звезда. С. 59.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания». Датировка: «1916».

СР. С. 36—37. Под заглавием «России»; датировка: «1916. Октябрь». Варианты — строфа II, ст. 3—4: «Неодолимым блеском молний / Неопалимой купиной»; строфа IV, ст. 1: «Туда,— в разрывы грозной эры».

СБ. С. 458. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1916 г. Октябрь. Москва».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписаны заглавие и помета под текстом). — РГАЛИ. Л. 45. Автограф 2 — ГЛМ. Ф. 7.

---

[1] Включение стихотворения, написанного в 1914 г., в указанный раздел, а также обозначение места написания, не соответствующее действительности, — либо случайная ошибка автора, либо сознательная мистификация.

Оп. 1. Ед. хр. 10. Подпись: «Андрей Белый». Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1. Без заглавия. Автограф 4 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 37 об. Датировка: «1916». Автограф 5 — РГБ. Ф. 25.1.6. Под заглавием «Зов». Автограф 6 (машинопись) — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 31. Подпись: «Андрей Белый». Варианты — строфа II, ст. 2: «Произрастай нам, край родной»; строфа IV, ст. 1: «Туда — в разливы грозной эры». Автограф 7 — РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Ед. хр. 542.

339. Андрей Белый. На перевале. II. Кризис мысли. Пб.: Алконост, 1918. С. 93. Без заглавия и деления на строфы, с другим делением на строки; варианты — строфа V, ст. 1—3: «Восторгом меня преисполни»; строфа VIII, ст. 1: «Архангел, трепещущий светом».

СС. С. 307—308. В разделе «1913—1914», под заглавием «В русских полях». Помета под текстом: «1914 года. Арлесгейм». С делением текста на четыре четверостишия. Вариант — строфа II, ст. 4: «Над землями грустно горит».

Новая жизнь. № 1. М., 1922. С. 3. Вариант — строфа III, ст. 1: «В безмолвные».

Звезда. С. 60—61.

СР. С. 38—39. Под заглавием «В полях», с делением текста на четыре четверостишия; варианты — строфа I, ст. 1: «В волнах золотистого хлеба»; строфа III, ст. 1—3: «В эфирные, синие зыби».

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Небо»; датировка: «1914». Текст совпадает с текстом *СР.*

СБ. С. 459—460. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Июнь. Арлесгейм».

Вошло (с изменениями в делении на строки) в *ЗВ* (№ 601).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 46. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 26. Без заглавия; помета под текстом: «14. Арлесгейм». Автограф 3 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1. Без заглавия. Текст совпадает с текстом *СС.* Автограф 4 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 6. Под заглавием «Песня». Текст автографов 2, 3, 4 совпадает с текстом *СС.* Автограф 5 — Там же. Л. 12—13. В подборке «Пять стихотворений», входящей в подборку «Стихи для II сб. "Скифов"». Без заглавия, с делением текста на четыре четверостишия.

***340.** Знамя труда. 1918. № 160, 22 марта. Без заглавия и посвящения. Варианты — строфа I, ст. 2: «Угрожаем провалами дремлющих лет»; строфа II, ст. 2: «Закрутясь, засветясь, заплетаяся в нем»; строфа III, ст. 1: «Заплетаем из дали спирали планет».

Звезда. С. 62.

СР. С. 50. Под заглавием «Мы,— русские», с посвящением: «Братьям антропософам»; датировка: «1918. Февраль». Без строфы II, варианты строк.

СБ. С. 461. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Февраль. Москва» (в обозначении года — опечатка: «1913» вместо «1918»).

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 598).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 47. С посвящением: «С любовью и благодарностью М. В. Волошиной». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.18. Без заглавия и посвящения; вариант — строфа I, ст. 1: «Поднимая в мирах неразвеянный прах». Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 48. Под заглавием «Эвритмисткам и эвритмистам», без посвящения. Последовательность строф: II, III, I; вариант — строфа I, ст. 1: «Поднимали в мирах неразвеянный прах».

Посвящение: Маргарита Васильевна *Сабашникова* (Волошина; 1882—1973) — художница, первая жена М. А. Волошина, деятельная участница Антропософского общества. О встречах Сабашниковой с Белым в годы первой мировой войны и революции см. в ее воспоминаниях: Woloschin M. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1968. S. 305—380; Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 246—307.

***341.** Наш путь. 1918. № 1 (апрель). С. 14.

Звезда. С. 63.

СБ. С. 462. В разделе «Звезда». помета под текстом: «1918 г. Март. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 48. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 47—48. Черновой автограф — контаминация с текстом ст-ния «Голубь» (№ 343); варианты строк. Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.23. В составе пяти строф (строфа V — черновик); строфы I, III, V относятся к данному ст-нию, строфы II, IV — к ст-нию «Голубь»; варианты строк.

Сходные образы и идеи, порожденные революционными событиями,— в письме Белого к Иванову-Разумнику от 5 мая 1917 г.: «...тезис моей мысли: *«Взыгрался младенец во чреве»..* России. Может умереть мать: младенец будет жив на удивление всему миру; может умереть он; и — выживет мать. Может быть, будут живы и мать, и младенец. Младенец — *«мировой»*: новая культура <...>; в случае жизни матери и смерти новорожденного — старая культура (Нео-Китай, Нео-Атлантида); в третьем случае: Россия, как ряд федераций, явит миру новые формы жизни вплоть до социальной. Словом, Россия хочет: «Я б для батюшки царя Родила б богатыря». Батюшка-царь — Царь Небесный: он и будет русским царем: Невидимым» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 111—112).

***342.** Скифы. Сб. 2. <СПб.>, 1918. С. 36.

Звезда. С. 64—65.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «России»; датировка: «1917». Варианты — строфа I, ст. 1 *а* «Пылай, громовая стихия», *б* «Пылай, огневая стихия»; строфа VI, ст. 1: «И ты, громовая стихия».

СР. С. 40—41. Под заглавием «Россия»; датировка: «1917. Август». Варианты — строфа I, ст. 1: «Пылай, огневая стихия»; строфа VI, ст. 1: «И ты, громовая стихия».

СБ. С. 463. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1917 г. Август. Поворово».

Автограф 1 (печатный текст первой публикации, приписана помета под текстом) — РГАЛИ. Л. 49. Автограф 2 — ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 14. Под заглавием «Россия», с посвящением: «Посвящаю дорогой и глубокоуважаемой Александре Андреевне Кублицкой-Пиоттух»; помета под текстом: «9 июля 1920 года. Петроград» (датировка обозначает день отсылки данного автографа); варианты — строфа I, ст. 1—2: «Кипи, роковая стихия / В волнах громового огня!..» (*Белый-Блок.* С. 581—582). Автограф 3 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 45. Датировка: «17». Без заключительной строфы; варианты строк. Автограф 4 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 13—14. В подборке «Пять стихотворений», входящей в подборку «Стихи для II сб. "Скифов"»; без заглавия; вариант — строфа II, ст. 4: «Свои огнекрылые

сны». Автограф 5 (машинопись) — Там же. Л. 6—7. Без заключительной строфы; варианты строк.

Пусть в небе — и кольца Сатурна... — В сознании Белого образ этой планеты Солнечной системы совмещался с теософским и антропософским представлением о Сатурне как стадии в развитии мира; Сатурн — прошлая форма развития Земли, первое воплощение планеты — состоит из тепловых тел. Ср.: «Действо жизни Начал, теплота, была суммой термических колебаний во времени: времена истекли из Начал. Протекал первый день: назывался Сатурном» (Белый Андрей. Глоссолалия: Поэма о звуке. Берлин, 1922. С. 38—39).

343. Наш путь. 1918. № 1 (апрель). С. 13.

Звезда. С. 66.

СР. С. 44. Без заглавия; датировка: «1918. Февраль».

СБ. С. 464. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Март. Москва».

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 50. Автографы 2, 3 — см. примеч. 341 (автографы 2, 3). Автограф 4 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11. Список рукой неустановленного лица. Без заглавия; подпись: «Андрей Белый». Вариант — строфа II, ст. 4: «Голубь взойдет».

344. Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. Кн. 7. С. 63. В статье Иванова-Разумника «Андрей Белый» (по тексту *СС*).

СС. С. 309. В разделе «1913—1914», без заглавия. Помета под текстом: «Арлесгейм. 14 год». С делением на два четверостишия; вариант — строфа IV, ст. 1—3: «И огненные голуби из огненного облака».

Андрей Белый. На перевале. I. Кризис жизни. Пб.: Алконост, 1918. С. 88. Без заглавия и деления на строфы, с другим делением на строки (первые три строки каждой строфы — как одна строка); варианты — строфа III, ст. 4: «Вот тайна благодатная, исполненная дней!»; строфа IV, ст. 1—3: как в *СС.*

Звезда. С. 67.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания», под заглавием «Весть»; датировка: «1914». С делением на два четверостишия.

СР. С. 42—43. Под заглавием «Весть России»; датировка: «1914. Май». С другим делением на строфы и строки.

СБ. С. 465. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1914 г. Июнь. Арлесгейм».

Вошло (с изменениями в делении на строки) в *ЗВ* (№ 603).

Автограф 1 — РГАЛИ. Л. 51. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 27 об. Без заглавия; помета под текстом: «14. Арлесгейм». Текст совпадает с текстом *СС.* Автограф 3 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 10. Без заглавия и строф III—IV; датировка: «28 февраля. 21 года» (дата фиксации данного текста); подпись: «Андрей Белый». Автограф 4 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 15. В подборке «Пять стихотворений», входящей в подборку «Стихи для II сб. "Скифов"»; без заглавия. Текст совпадает с текстом *СС.* Автограф 5 (машинопись) — Там же. Л. 7. Без заглавия; подпись: «Андрей Белый». Текст совпадает с текстом *СС.*

***345.** Скрижаль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 55—56. В цикле «К антропософии» (1-я часть), без заглавия, с общим эпиграфом: «Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языкам. (Ап. Павел. Кор., глава 15, ст. 40)»; варианты строк.

СОПО. Первый сборник стихов. <М.>, Четвертый год первого века <1921>. С. 6—7. Без заглавия.

Звезда. С. 68—69.

СР. С. 47—49. С подзаголовком: «Русскому будущему»; датировка: «1918. Февраль». Без строф VIII, XI; варианты строк.

Вошло в *ВС*, в раздел «Звезда. Знания»; датировка: «1918». Текст совпадает с текстом *СР*, кроме ст. 1 строфы II и дополнительных вариантов — строфа III, ст. 4: «В нежданный час»; строфа VII, ст. 1: «Как вешний вихрь, гласят неизгладимо».

СБ. С. 466—467. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Март. Москва».

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.21. Под заглавием «К антропософии»; датировка: «1918 года»; эпиграф — как в первой публикации; варианты — строфа VIII, ст. 1: «В Твои глаза — сплошные синероды»; строфа XI, ст. 2: «В который раз?» Автограф заключительной строфы — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6. Подпись: «Андрей Белый».

Меж нами — Он, Неузнанный и Третий... — Подразумевается евангельский эпизод — явление воскресшего Христа двум путникам на дороге из Иерусалима в Эммаус: «Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его» (Лк. XXIV, 15—16). *...солнечные ясли. Младенец — в них.*— Подразумевается младенец Иисус. Ср. статью Белого «Рождение в ясли» (Знамя труда. 1917, 28 декабря).

346. Новая Жизнь. Альманах 2-й. М., 1922. С. 3—4. Варианты — строфа I, ст. 2: «Мы в Штейнере перекрестимся оба»; строфа V, ст. 4: «Я — Белый — Христианом Моргенштерном».

Звезда. С. 70.

СБ. С. 468. В разделе «Звезда». Помета под текстом: «1918 г. Октябрь. Москва».

Автограф (список рукой неустановленного лица) — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 26. Без подзаголовка; подпись: «Андрей Белый».

Заглавие: *Христиан Моргенштерн* — см. примеч. 299.

Мерцаешь мне из... кубового гроба.— Подразумевается небесный свод (кубовый — ярко-синий густого оттенка).

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

ОБРАЗЫ

БАГРЯНИЦА В ТЕРНИЯХ

ПЕПЕЛ

РОССИЯ

ДЕРЕВНЯ

ПАУТИНА

ГОРОД

БЕЗУМИЕ

ПРОСВЕТЫ

ГОРЕМЫКИ

УРНА

В. БРЮСОВУ

ЗИМА

РАЗУВЕРЕНЬЯ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ГРУСТЬ

ТРИСТИИ

ДУМЫ

ПОСВЯЩЕНИЯ

АМУРНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ
Сказки

ЗВЕЗДА
Новые стихи

Андрей Белый

Стихотворения и поэмы. Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. В. Лаврова, Джона Малмстада (Новая Библиотека поэта) — СПб.; М: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006 — 640 с.

ISBN 5-7331-0317-5 (общий)
ISBN 5-7331-0318-3 (Т. 1)

Двухтомное издание стихотворений и поэм Андрея Белого (1880—1934) представляет собой наиболее полный из всех осуществленных на сегодняшний день свод поэтического наследия крупнейшего русского символиста. Целиком воспроизводятся стихотворные книги, появившиеся при жизни автора; впервые в России печатается собрание стихотворений «Зовы времен», подготовленное Белым в последние годы жизни. Ряд стихотворений публикуется впервые по рукописям, извлеченным из архивных фондов. Во вступительных статьях поэтическое творчество Андрея Белого характеризуется в его эволюции и в основных тематико-стилевых параметрах.

Редактор *А. Е. Барзах*
Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Верстка *И. А. Сакулин*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 10.09.2005. Формат 84х108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 40. Уч. изд. п. л. 36. Тираж 1300. Заказ № 175.

Гуманитарное агентство «Академический проект»
194044, Санкт-Петербург, ул. Смолячкова, 4/2, офис 505
Тел./факс: 542-2039. E-mail: aproject@rol.ru

Издательство «Прогресс-Плеяда»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17
Гл. редактор С. С. Лесневский
Тел./факс: 246-4418. E-mail: progressp@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозттивов
в типографии ООО «ИПК "Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43